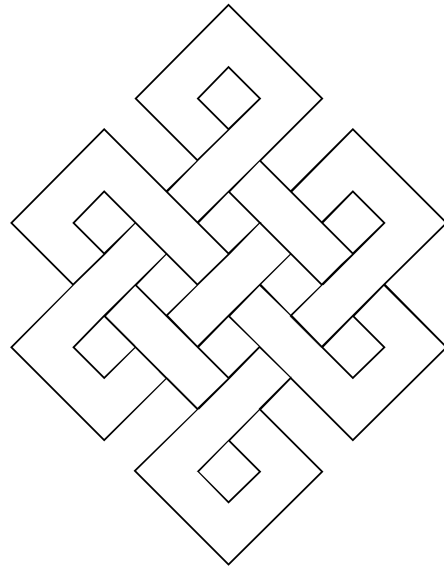
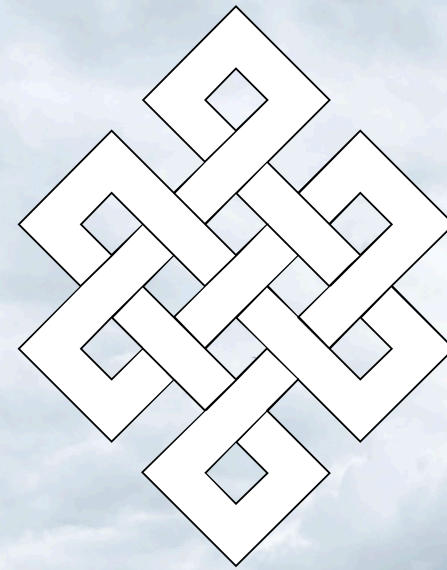


# НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2022

№ 1



НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

Эл. адрес: [article@tuva.asia](mailto:article@tuva.asia)  
<https://nit.tuva.asia>

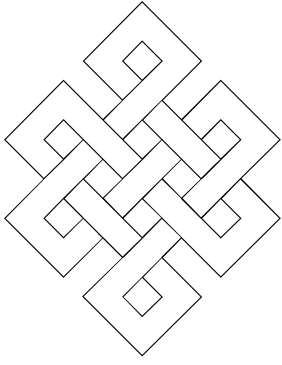


№1  
2022



[nit.tuva.asia](https://nit.tuva.asia)





НОВЫЕ  
ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH  
OF TUVA

2022

№ 1



**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР**

*Ламажаа Ч. К.*, доктор философских наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ)**

*Ерекешева Л. Г.*, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Казахстан  
*Монгуш М. В.*, Российский государственный архив Российской Федерации  
*Дацышен В. Г.*, Сибирский федеральный университет, Россия  
*Отроценко И. В.*, Институт востоковедения имени А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины  
*Чулуун Сампилдондов*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии, Монголия  
*Харунова М. М.-Б.*, Институт востоковедения РАН, Россия  
*Бакаева Э. П.*, Калмыцкий научный центр РАН, Россия

**СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)**

*Ламажаа Ч. К.*, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия  
*Попков Ю. В.*, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Россия  
*Балакина Г. Ф.*, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Россия  
*Кара-оол Ш. В.*, Россия  
*Хомушка О. М.*, Тувинский государственный университет, Россия

**СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, АНТРОПОЛОГИЯ)**

*Сузукей В. Ю.*, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Россия  
*Левин Т.*, Дартмаут колледж, США  
*Харитонов В. И.*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия  
*Донахо Б.*, Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия  
*Пээмот В.*, Университет Хельсинки, Финляндия

**СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)**

*Бичелдей К. А.*, Национальный музей им. Алдан Маадыр Республики Тыва, Россия  
*Шамина Л. А.*, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Россия  
*Бахтикиреева У. М.*, Российский университет дружбы народов

**ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА**

*Папын А. С.*, редактор, администратор, Россия  
*Макаров В. С.*, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках. Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIN PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection. Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

**Издатели:**

Ламажаа Ч. К.  
 117437, Россия, Москва, а/я 30,  
 Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН)  
 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

**EDITOR-IN-CHIEF**

*Chimiza K. Lamazhaa*, Doctor of Philosophy

**EDITORIAL BOARD**

**SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY)**

*Laura G. Yerekesheva*, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan  
*Marina V. Mongush*, State Archives of the Russian Federation  
*Vladimir G. Datsyshen*, Siberian Federal University, Russian Federation  
*Ivanna V. Otroshchenko*, Krymsky Institute of Oriental studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine  
*Chuluun Sampildondov*, Institute of History and Archaeology, Academy of Science Mongolia, Mongolia  
*Marianna M.-B. Harunova*, The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russian Federation  
*Elza P. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Science, Russian Federation

**SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, RELIGIOUS STUDIES)**

*Chimiza K. Lamazhaa*, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation  
*Yuri V. Popkov*, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation  
*Galina F. Balakina*, Tuviniian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation  
*Sholban V. Kara-ool*, Russian Federation  
*Olga M. Khomushku*, Tuvan State University, Russian Federation

**SECTION OF CULTURAL STUDIES (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY, ANTHROPOLOGY)**

*Valentina Yu. Suzukey*, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research, Russian Federation  
*Theodore Levin*, Dartmouth College, United States  
*Valentina I. Kharitonova*, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation  
*Brian Donahoe*, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany  
*Victoria Peemot*, University of Helsinki, Finland

**PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY STUDIES)**

*Kaadyr-ool A. Bicheldey*, National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation  
*Lyudmila A. Shamina*, Institute of Philology, Siberian branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation  
*Uldanay M. Bakhtikireeva*, Peoples' Friendship University of Russia

**TECHNICAL GROUP**

*Alexander S. Papyn*, Editor, Manager, Russian Federation  
*Vladimir S. Makarov*, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions in Russian and English. The journal is published quarterly.

The journal is indexed in ERIN PLUS, RINTs, CiberLeninka, PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus, ESCI Web of Science Core Collection.

**Publishers:**

Lamazhaa Ch. K.  
 Postal box 30, 117437, Moscow, Russian Federation,  
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)  
 6 Miklukho-Maklaya str.,  
 117198 Moscow, Russian Federation.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-NonCommercial» («Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License.





**СОДЕРЖАНИЕ**

**ФИЛОЛОГИЯ**

*Ломакина О. В. (Россия)* Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал .....6

*Бредис М. А. (Россия), Иванов Е. Е. (Беларусь-Россия)* Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) .....17

*Бочина Т. Г. (Россия)* Контраст в тувинских пословицах .....37

*Иванов Е. Е. (Беларусь-Россия), Марфина Ж. В., Оксана В. Шкуран (Россия)* Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения .....47

*Просяникова О. И., Скорик К. В., Кужугет Ш. Ю. (Россия)* Диалогичность обрядовой поэзии: средства реализации и функционирование в тувинских благопожеланиях и алгышах .....69

*Колесникова С. М. (Россия)* Градуальная семантика русских и тувинских пословиц .....90

*Воронцова Г. Н., Гасанов М. М. (Россия)* Этнолингвомаркёры в переводных текстах тувинских народных сказок: лингвокультурологический комментарий .....104

*Селиверстова Е. И. (Россия)* Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира .....115

*Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. (Россия)* Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков .....131

*Нелюбова Н. Ю. (Россия)* Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур .....146

*Москвичева С. А., Александрова О. И., Эбзеева Ю. Н. (Россия)* Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев .....164

**ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

*Анисимов В. Е., Борисова А. С., Калининкова Е. Д. (Россия)* Образы традиционной и современной Тувы в российском этнографическом кино (на примере фильма С. Родниной и А. Меньшова «Планета Тыва») .. .....183

*Ооржак В. О. (Россия)* Традиции тувинского рода ремесленных (искусных) Сааялар .....198

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР**

*Сатанар М. Т. (Россия)* Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний .....211

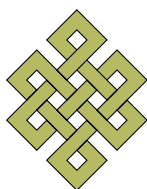
*Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. (Россия)* «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства .....225

*Пермякова Е. Ю., Бацевич В. А., Красильникова В. А., Зимица С. Н., Хафизова А. А., Юдина А. М., Ясуна О. В., Клинюшин А. А., Синева И. М. (Россия)* Сравнение морфофункциональной адаптации студенческой молодежи г. Кызыла и г. Москвы (в разных этнико-экологических условиях) .....237

*Kilash R. Zh., Oteпова G. E., Karimova A. E. (Kazakhstan)* The comparative-historical method of studying biographies: heroes of the Great Patriotic War Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly .....253

*Ламажаа Ч. К., Бахтикиреева У. М. (Россия)* «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе .....266





## CONTENTS

### PHILOLOGY

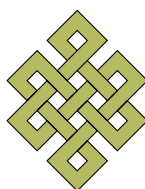
- Lomakina O. V. (Russia)* Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential .....6
- Bredis M. A. (Russia), Ivanov E. E. (Belarus - Russia)* Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages) .....17
- Bochina T. G. (Russia)* Contrast in Tuvan Proverbs .....37
- Ivanov E. E. (Belarus - Russia), Marfina Zh. B., Shkuran O. V. (Russia)* Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning .....47
- Prosyannikova O. I., Skorik K. V., Kuzhuget Sh. Yu. (Russia)* The dialogism of ritual poetry and its expression and function in the Tuvan yoreels and algyshes .....69
- Kolesnikova S. M. (Russia)* Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs .....90
- Vorontsova G. N., Gasanov M. M. (Russia)* Ethnolinguistic markers in translated texts of Tuvan folk-tales: a linguocultural commentary .....104
- Seliverstova E. I. (Russia)* Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world .....115
- Zinovieva E. I., Alyoshin A. S. (Russia)* The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages .....131
- Neliubova N. Yu. (Russia)* Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures .....146
- Moskvitcheva S. A., Aleksandrova O. I., Ebzeeva Yu. N. (Russia)* Folklore cultureemes in the structure of cultural representations of Tuvan people .....164

### TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

- Anisimov V. E., Borisova A. S., Kalinnikova E. D. (Russia)* Images of Traditional and Modern Tuva in Ethnographic Cinema (based on the film of S. Rodnina and A. Menshov "Tyva Planet") .....183
- Oorzhak V. O. (Russia)* Traditions of the Tuvan artisan Saayalar kinship group .....198

### DIALOGUE OF CULTURES

- Satanar M. T. (Russia)* Codes in modeling the world of Tuvan and Yakut epic tales .....211
- Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. (Russia)* "The lost world": Tuvan culture in the center-periphery model of the geocultural and sociocultural space .....225
- Permiakova E. Yu., Batsevich V. A., Krasil'nikova V. A., Zimina S. N., Khafizova A. A., Yudina A. M., Yasina O. V., Klinyushin A. A., Sineva I. M. (Russia)* A comparison of morphofunctional adaptation of student youth in Kyzyl and Moscow (under different ethical and environmental conditions) .....237
- Kilash R. Zh., Otepova G. E., Karimova A. E. (Kazakhstan)* The comparative-historical method of studying biographies: heroes of the Great Patriotic War Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly .....253
- Lamazhaa Ch. K., Bakhtikireeva U. M. (Russia)* "Cursed lives" and the crisis of values in Tuvan society ...266



Тема выпуска  
«Тувинский фольклор:  
жанры, образы, рецепции»

Ответственные редакторы:  
**Ольга Валентиновна Ломакина**  
доктор филологических наук  
(Российский университет дружбы народов,  
Московский педагогический  
государственный университет, Россия),  
**Александр Бирих**  
доктор филологических наук, профессор  
(Трирский университет, Германия);  
**Надежда Дарьевна Сувандии**  
кандидат филологических наук, доцент  
(Тувинский государственный  
университет, Россия)

Special issue  
“**Tuvan Folklore:  
Genres, Imagery, Representations**”

Edited by **Olga V. Lomakina**  
Doctor of Philology  
(RUDN University;  
Moscow Pedagogical State University,  
Russian Federation),  
**Alexander Bierich**  
Doctor of Philology, Professor  
(University of Trier, Germany),  
**Nadezhda D. Suvandii**  
Candidate of Philology, Associate Professor  
(Tuvan State University,  
Russian Federation)





DOI: 10.25178/nit.2022.1.1

ФИЛОЛОГИЯ

Статья

## Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал

**Ольга В. Ломакина**

Московский педагогический государственный университет; Российский университет дружбы народов,  
Российская Федерация



Статья посвящена изучению паремиологии тувинского языка в лингвокультурологическом и лингвоаксиологическом аспектах. Анализируются тувинские паремии как источник кумулятивной информации, которая ретранслирует систему ценностных координат, традиции и обычаи народа, передаваемые в образах и понятиях. Материалом исследования послужили тувинские паремии, извлечённые путём сплошной выборки из изданий «Тувинско-русский фразеологический словарь» Я. Ш. Херттека, «Тувинско-русский словарь» Э. Р. Тенишева, «Тувинские пословицы и поговорки» М. Хадаханэ и О. Саган-оола, «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б. К. Будупа.

Автор опирается на теоретические положения современной паремиологии, доказывает справедливость использования термина паремиологическая система применительно к паремиологическим ресурсам языка. Термин паремия используется как родовый и понимается как совокупность различных малых жанров фольклора, одним из самых распространённых является пословица.

Даны примеры описания лингвокультурологического и лингвоаксиологического потенциала паремиологического фонда тувинского народа. Показано, что лингвокультурологическое содержание паремий связано с протитипической ситуацией, зависит от этнокультурного смысла их компонентов, которые выступают в качестве этнолингвомаркёров, а лингвоаксиологическое содержание паремий представляет соотношение в них универсальных и этнокультурно специфических ценностей тувинского народа. Проиллюстрированы ценностные константы и ценностные переменные, репрезентованные тувинской паремиологией. Обозначены перспективы дальнейшего исследования паремиологии тувинского языка.

**Ключевые слова:** паремиология; пословица; лингвокультурология; лингвоаксиология; тувинский язык; тувинский фольклор; тувинская пословица

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.



### Для цитирования:

Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 6-16. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

**Ломакина Ольга Валентиновна** — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 119991, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (967) 118-71-45. Эл. адрес: lomakina-ov@rudn.ru

**LOMAKINA, Olga Valentinovna**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 1 Malaya Pirogovskaya St., 119991 Moscow; 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (967) 118-71-45. Email: lomakina-ov@rudn.ru

ORCID ID: 0000-0003-0298-5678



## PHILOLOGY

Article

## Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential

**Olga V. Lomakina**

Moscow Pedagogical State University; RUDN University, Russian Federation

The article examines the paremiology of Tuvan language in its linguoculturological and linguoaxiological aspects, with a focus on Tuvan paremies as a source of cumulative information which reflects the system of value-based reference points, and transmits customs and traditions through images and notions. The sources for our study were the Tuvan paremies found as a continuous sample in Ya. Sh. Khertek's "Tuvan-Russian phraseological dictionary", E. R. Tenishev's "Tuvan-Russian dictionary", M. Khadakhane and O. Sagan-ool's "Tuvan proverbs and sayings", and B.K. Budup's "Proverbs and sayings of the Tuvan people".

The author, relying on the theoretical findings of contemporary paremiology, proves that the term "paremiological system" can be used to describe the entirety of the language's paremiological resources. The word "paremia" can be used as an umbrella term to refer to all of the smaller genres of the folklore, with the proverb as the most frequent among them.

The article provides some examples of how to describe the linguoculturological and linguoaxiological capabilities of the proverbial corpus of the Tuvan language. The author has shown that the linguoculturological aspect of the Tuvan paremies is linked to their prototypical situation and depends on the ethnocultural meaning of their components which act as ethnolinguomarkers. Meanwhile, paremies' linguoaxiological content is a balance between the universal and ethnoculturally unique values possessed by the Tuvan people. The article provides examples of both the value constants and the value variables as represented in Tuvan paremiology. Also outlined are the prospects of further studies in the paremiology of the Tuvan language.

**Keywords:** paremiology; proverb; linguoculturology; linguoaxiology; Tuvan language; Tuvan folklore; Tuvan proverb

The study was supported by the Program of Strategic Academic Leadership, RUDN University.



**For citation:**

Lomakina O. V. Tuvinskaia paremiologiia: lingvokul'turologicheskii i lingvoaksiologicheskii potentsial [Tuvan paremiology: its linguoculturological and linguoaxiological potential]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 6-16. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.1>

### Введение

Становление фразеологии как раздела лингвистики относится к 1960–1970-м гг. Как мы уже писали, самостоятельность фразеологии связана с выделением дифференциальных признаков фразеологических единиц, становлением терминологического аппарата, разработкой ряда классификаций фразеологических единиц (Ломакина, 2018: 13). Развитие фразеологии и детальное рассмотрение её различных объектов: идиом, коллокаций, паремий, крылатых единиц — позволило говорить, с одной стороны, о фразеологическом уровне языка (Мокиенко, 2017), а с другой — о фразеологии как родовом наименовании для главных её разделов: собственно фразеологии (идиоматике), паремиологии (паремике), крылатологии (крылатике).

При анализе фразеоресурсов различных разрядов языков ряда коренных народов России, в т. ч. тувинского языка, использовались классификации, предложенные В. Л. Архангельским (Архангельский, 1964), В. В. Виноградовым (Виноградов, 1947), Л. И. Ройзензоном (Ройзензон, 1973), Н. М. Шанским (Шанский, 1996) и др. основоположниками современной фразеологии. Традиционно была





представлена семантическая, структурно-грамматическая, семантико-грамматическая, генетическая характеристики фразеологического состава языка. Я. Ш. Хертек в монографии «Фразеология современного тувинского языка» (Хертек, 1978) предпринял попытку выделения ядра фразеологического состава тувинского языка. По этой причине большая часть паремиологического фонда осталась за пределами лингвистического описания исследователя. Вслед за ведущими учёными-фразеологами он поставил вопрос о вхождении в состав фразеологии пословиц, поговорок и составных терминов. В основе разделения лежат следующие признаки: грамматическая характеристика анализируемой устойчивой единицы, фактор устойчивости, семантической целостности, синтаксической нерасчленённости (там же: 22). Такое понимание, хотя и согласовывалось с научной парадигмой советского языкознания 1970-х гг., не дало возможности исследователю ввести в широкий научный оборот почти весь паремиологический фонд тувинского языка. В «Тувинско-русский фразеологический словарь» Я. Ш. Хертек включил лишь единичные примеры паремий: *Теве кадарган кижы буура чаңы эн-десес* (букв. 'Кто пасёт верблюдов, тот знает норы верблюда-самца')<sup>1</sup>, *Тос каът довурак алдынга кирзин* (букв. 'Пусть попадёт под все 9 слоёв земли')<sup>2</sup>; *Чаг иштинде бүүрек дег, чанчык иштинде таакпы дег* (букв. 'Как почки в сале, как табак в кисете')<sup>3</sup> и под. Вместе с тем в 1966 г. вышел словарь «Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр = Тувинские пословицы и поговорки», составленный М. Хадаханэ и О. Саган-оолом, насчитывающий около 400 паремий<sup>4</sup>.

Наличие паремиологического фонда, зафиксированного в лексикографических источниках, обладающего функциональным потенциалом, склонного к варьированию компонентов и образующего различные парадигмы, даёт основание говорить о существовании **паремиологической системы языка** по аналогии с фразеологической системой (термин В. Л. Архангельского: Архангельский, 1964: 267).

В настоящее время паремиология как раздел лингвистики «оформилась в отдельное, самостоятельное в плане объекта и задач направление» (Паремиология на перекрёстках ... , 2021: 4). К паремиям принято относить пословицы, поговорки, загадки, приметы, присловья и др. малые жанры фольклора. Наиболее распространённым классом паремиологического фонда является пословица, обладающая следующими признаками: диалогичность, общеупотребительность, наличие в структуре этнолингвомаркёров, традиционность, анонимность, обобщающий характер, краткость, афористичность, образность, дидактичность, замкнутость синтаксической структуры, ситуативность (Паремиология без границ, 2020: 64). Кроме того, пословица кумулятивна, т. е. обладает лингвокультурологическим и лингвоаксиологическим потенциалом.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью последовательного междисциплинарного описания паремиологической системы языков Российской Федерации в целом и тувинского языка — в частности с опорой на теоретические труды по паремиологии и использованием как широко апробированных, так современных методов описания вводимого в научный оборот малоизученного языкового материала.

Цель исследования — рассмотреть тувинские паремии как источник кумулятивной информации, представить описание определения лингвокультурологического и лингвоаксиологического потенциала пословиц. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: во-первых, выявлены и обоснованы два наиболее актуальных направления изучения тувинских паремий — лингвокультурологический и лингвоаксиологический; во-вторых, верифицирован и проиллюстрирован на широком фактическом материале лингвокультурологический потенциал и лингвоаксиологический потенциал паремиологического фонда тувинского народа.

Методологическую основу исследования составляют труды по теории фразеологии и паремиологии как научного направления современной лингвистики (Архангельский, 1964; Мокиенко, 1989; Паремиология в дискурсе, 2015; Паремиология без границ, 2020; Паремиология на перекрёстках ... , 2021; Шанский, 1996), а также новейшие работы, посвящённые пониманию пословицы как языковой единицы (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Ivanov, Petrushev-

<sup>1</sup> Хертек Я. Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975. С.155.

<sup>2</sup> Там же. С. 156.

<sup>3</sup> Там же. С. 181.

<sup>4</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с.



skaiа, 2015), в том числе как основной разновидности афористических единиц языка (Иванов, 2009, 2019ab, 2020); исследования описания паремиологической картины мира (Комова, Ломакина, 2019), лингвокультурологического и лингвоаксиологического потенциала паремий (Бредис, Иванов, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Нелюбова, 2019; Ломакина, 2021; Lomakina, 2021).

Материалом исследования послужили тувинские паремии, извлечённые путём сплошной выборки из следующих лексикографических источников: «Тувинско-русский фразеологический словарь» Я. Ш. Хертека (1976), «Тувинско-русский словарь» под ред. Э. Р. Тенишева (Тувинско-русский ..., 1968), сборники пословиц «Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр = Тувинские пословицы и поговорки» М. Хадаханэ, О. Саган-оола (1966) и «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б. К. Будупа (2020).

### Лингвокультурологический потенциал тувинских паремий

Кумулятивность фразеологического фонда в целом и пословиц в частности отмечают В. М. Мокиенко (Мокиенко, 2001: 7), В. Н. Телия (Телия, 1996: 215). Паремиологический фонд языка выступает хранилищем информации о традициях, обычаях, образе жизни, системе ценностей, характерных для определённого этноса. Сочетание в паремиях подобной информации позволяет говорить о наличии в их плане содержания лингвокультурологического потенциала.

Определение лингвокультурологического потенциала паремий предполагает описание содержащихся в них культурных смыслов, репрезентуемых путём этнолингвомаркёров (термин наш. — О. Л.) — компонентов фразеологизма / паремии, «которые отражают национальное своеобразие и могут не иметь прямых аналогов в другом языке» (Ломакина, 2010: 217). К ним мы относим имена собственные, «названия артефактов, присущих материальной культуре конкретного народа: предметов быта, одежды», этнонимы (там же: 217). Применение лингвокультурологического анализа, обоснованного М. Л. Ковшовой в качестве метода, способствует пониманию паремиологического значения (Ковшова, 2012). Аппликационное рассмотрение взаимодействия язык <—> культура, с одной стороны, и историко-этимологический анализ, успешно апробированный В. М. Мокиенко и его последователями, позволяет не только решить частные задачи, связанные с интерпретацией единицы и её корректным употреблением, но и представить место паремии в языковом континууме.

Лингвокультурологический анализ опирается на национальную картину мира: особенности мировосприятия этноса и знание его традиционной культуры позволяют произвести квалифицированную реконструкцию этнокультурно детерминированного плана содержания паремии и содержащихся в её компонентном составе образов.

Так, с традицией сказительства связана тувинская пословица *Ооржу кижы коданчы ыттан коргар, тоолчу кижы уйгужу кижиден коргар*<sup>1</sup> (другая версия: *Ооржу кижы коданчы ыттан коргар, тоолчу кижы уйгужу эштен коргар*<sup>2</sup>) букв. 'Вор боится дворовой собаки, сказитель (тоолчу) — сонливого человека'<sup>3</sup>. Сказки исполнялись как при большом скоплении народа на праздниках (Шагаа, Наадым), так и в узком кругу в зимнее, свободное от работы время. Прототипическая ситуация связана с тем, что тоолчу «начатую сказку обязательно должен был рассказать до конца, а слушатели дослушать» (Самдан, 1994: 30). Существует мнение об этимологической связи лексемы тоолчу с образом шамана-прорицателя, именуемого түлчү: здесь наблюдается метонимический перенос хранитель обряда — хранитель фольклора (Самдан, 2016: 70).

В пословице *Душ муңу кандыг-даа болур*<sup>4</sup> — букв. 'У сна бывает много (разных) значений' представлен образ многоликости сна, который у тувинцев, как и у ряда других центральноазиатских народов, связан с идеей избранничества: во время сна происходит получение эпического произведения, передаётся дар сказителя (Мелетинский, Неклюдов, Новик, 2010: 215; Самдан, 2016: 70).

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 43.

<sup>2</sup> Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 323.

<sup>3</sup> Здесь и далее переводы без указания источника выполнены автором.

<sup>4</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 99.





Лингвокультурологический комментарий этнолингвомаркёров опирается, как правило, на их лексико-семантические свойства и связи с единицами словарного состава языка, которые зафиксированы и описаны в лексикографических источниках. В языке сосуществуют синонимы, что приводит к появлению вариантов пословицы с заменой компонента, но сохранением плана содержания. В следующей пословице подобным примером является компонент *аржаң* — молочная водка: *Арагадан аржаң (араганың арагазы, дыңзыг арага, водка) үнер, аржаңдан коржаң (кадыг арага, спирт) үнер, коржаңдан хоран болур* 'От перегона араки получится *аржан* (водка), от аржана — *коржаң* (спирт), от коржана — *хоран* (отрава)'. Ср.: *аржаң* 'крепкая арака двойной переработки'<sup>1</sup>; *арага* — 1. арака (алкогольный напиток), 2. вино, водка<sup>2</sup>.

В пословице *Доора будук тонуң оруптазын, Хажагай будук караң дежинтезин*<sup>3</sup> — букв. 'Поперечный сук может *тон* (тувинская национальная шуба, халат или пальто) порвать, Сухая ветка — глаз проколоть' комментария требует этнолингвомаркёр *тон*. Ср.: *тон* — 1. шуба, 2. халат (тувинский), 3. пальто<sup>4</sup>. Однако в данном случае словарной семантизации недостаточно — следует обратиться к культурологической информации и толкованию одного из предметов костюмного кода тувинской культуры. *Тон* являлся частью полного комплекта верхней одежды, наряду с халатом (*тон*), поясом (*кур*), головным убором (*бөрт*), безрукавной одеждой (*кандаазы, шегедек, хөрөктээш*), короткополой курткой (*хурме*), брюками (*чүвүр*), сапогами (*идик*), носками (*ук*), наколенниками (*өгдешки*), муфтой (*туткуй*), варежками (*чулдургууш*), подвесками поясными (*дерги*) и украшениями (*каасталга*) (*Сиянбил, Сиянбил, 2000: 8*). *Тон* представляет собой длинный стёганный халат с запахом и двумя застёжками, похожий на пальто; его носили все тувинцы вне зависимости от возраста, пола, социальной принадлежности, статуса в обществе. «Мужской костюм в большинстве отличается от женского костюма сдержанностью в деталях и отделках» (там же: 36).

Лингвокультурологическое содержание паремий неотделимо, с одной стороны, от их прототипов — соответствующих элементов материальной и духовной культуры народа, отражённых в этноязыковой картине мира, а с другой — этнокультурного смысла их отдельных лексических компонентов, которые выступают в качестве этнолингвомаркёров.

### Лингвоаксиологический потенциал тувинских паремий

Паремиологический фонд отражает систему ценностей народа, что позволяет говорить о наличии у паремии лингвоаксиологического потенциала, обеспечивающего «встроенность данной единицы в систему ценностных координат, под которой мы понимаем структуру иерархически организованных ценностей» (*Ломакина, 2020: 82*). Ценностью вслед за Н. Н. Глухой и В. А. Глуховым считаем «положительную или отрицательную (антиценность) значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемую не их свойствами самими по себе, а их вовлечённостью в среду человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений» (*Глухова, Глухов, 2009: 15*).

Лингвоаксиологический анализ паремий предполагает выделение *ценностных констант* и *ценностных переменных*. **Ценностные константы** — «ментальные постоянные, характерные для того или иного народа, сформулированные им в виде паремий, которые выступают как ретрансляторы традиций, менталитета, национального характера, социального опыта» (*Ломакина, Мокиенко, 2018: 313*), **ценностные переменные** — ценности, «меняющиеся под влиянием социо-историко-культурного контекста (термин наш. — О. Л.)» (*Ломакина, 2020: 82*). Несмотря на различные подходы к выделению ценностей и их номинации, мы исходим из фактического языкового (паремиологического) материала, инвентаризация которого позволяет корректно представить систему ценностей народа<sup>5</sup>.

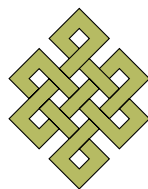
<sup>1</sup> Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 68.

<sup>2</sup> Там же. С. 64.

<sup>3</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 98.

<sup>4</sup> Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 415.

<sup>5</sup> Опыт описания ценностных констант апробирован нами на материале различных языков (например: *Ломакина, Мокиенко, 2018; Lomakina, 2021; Гишкаева, Ломакина, Макарова, 2021*).



Определение лингвоаксиологического потенциала паремий может опираться на паремиографические данные: учёт пословичного значения в толковых словарях пословиц, использование данных тематически организованных сборников пословиц и др. (см. подробнее: *Паремиология на перекрёстках ...*, 2021: 104).

В тувинской паремиографии примером тематической организации пословичного материала является словарь «Тыва үлегер домактар, чечен сөстөр = Тувинские пословицы и поговорки» М. Хадаханэ и О. Саган-оола (1-е издание вышло в 1955 г.; 2-е — в 1966 г.; 3-е — в 1977; отличались лишь переводы).

Эксплицитно оценка может выражаться в пословице при помощи «лексем, характеризующих морально-этические категории», общеоценочных слов *хороший — плохой* и их дериватов (*Ломакина, 2021: 100*). Приведём примеры эксплицитного выражения ценностных смыслов. В пословице *Мал алазы чараи, киж и алазы багай*<sup>1</sup> 'Пестрота у скота — красиво, пестрота (непостоянство) у человека — плохо' компонент *багай* выражает неодобрительное отношение к непостоянному, двуличному человеку, что вербализует двуличие как антиценность. В пословице *Эви багай чарлыычал, Эди багай орлуучал*<sup>2</sup> 'Бережёт плохо — порвётся быстро, Дружит плохо — разойдутся скоро' содержится положительная оценка бережливости и дружбы, что позволяет отнести их к бинарному компоненту в системе ценностей тувинского народа.

Фронтальный анализ паремиологического фонда тувинского языка позволил выявить ценностные константы. Для тувинцев большое значение имеют родственные отношения. Тувинцы трепетно относятся к детям как одной из ценностей, «продолжателям рода, мерилу семейного богатства, благополучия, залогом счастливой старости» (*Ламажаа, 2015: 51*): *Киж и төлүнге ынак, Ыт коданынга ынак*<sup>3</sup> 'Человек любит своих детей, А собака — свой двор'; *Уялыг куш чаныган, Уруглуг киж и кээргээчел*<sup>4</sup> 'Птица гнездо стережёт, Человек детей бережёт'; соблюдают родовые отношения: *Улустуң улуу чагыглыг, Уругнуң хеймери чассыг*<sup>5</sup> 'Старший (в семье) всех мудрее, младший ребёнок в семье всех милее'; *Дуңмалыг киж и дыи, Угбалыг киж и ус*<sup>6</sup> 'Человек, имеющий младшую сестру, отдыхает, человек, имеющий старшую сестру, искусный'.

Также в количественном отношении преобладают пословицы, характеризующие труд (*ажыл*) как ценность, добродетель, показывающие значение труда: *Дылың-биле дыт ужурба, Аксың-биле аал көжүрбө* 'Языком дерево не срубишь, словами аал не перевезёшь'<sup>7</sup>; труд отождествляется с жизнью человека: *Ажылынга кызымак — Амыдыралга ынак*<sup>8</sup> 'Кто любит труд, тот любит жизнь'; от упорства в труде зависит материальное благополучие: *Каас-тодуг чуртталга — Карак кызыл ажылда*<sup>9</sup> 'Зажиточная жизнь — в упорном труде'; *Ажылдан дескен түрегге дүжер, Билигден дескен чазыгга дүжер*<sup>10</sup> 'От работы убежишь — в нужду попадёшь, От знания убежишь — ошибку совершишь'; труд позволяет человеку раскрыться: *Сагышты ыры-биле ажыдар, Чаяанны ажыл-биле ажыдар*<sup>11</sup> 'Душа раскрывается в песне, способности — в труде'.

Таким образом, количественный подсчёт и семантический анализ пословичного материала показали, что семья и труд являются ценностными константами тувинского общества. Понятно, что любовь к детям и почитание труда являются универсальными ценностями. Однако этнокультурной специфичностью характеризуется их качественное и количественное выражение в паремиях и обусловленное этим место в иерархии ценностей разных народов мира. Поэтому верификация

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 39.

<sup>2</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 100.

<sup>3</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 74.

<sup>4</sup> Там же. С. 133.

<sup>5</sup> Там же. С. 54.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 129.

<sup>8</sup> Там же. С. 27.

<sup>9</sup> Там же. С. 14.

<sup>10</sup> Там же. С. 29.

<sup>11</sup> Там же. С. 13.



ценностных констант, репрезентированных в тувинских паремиях, будет наиболее объективной при их типологическом сопоставлении с системой ценностей, выраженной в паремиологических фондах других народов, прежде всего азиатских и европейских.

Закономерным является вопрос о корреляции качественной и количественной при определении ценностных констант и ценностных переменных. На наш взгляд, даже единичное упоминание понятия может свидетельствовать о важности данной ценности / антиценности для общества. Подобным примером может быть репрезентация мести (өжээн) как антиценности: *Назын кырыыр, Өжээн кырывас*<sup>1</sup> 'Человек стареет, А месть никогда'; *Өжээн кырывас*<sup>2</sup> 'Мечь не стареет'; *Кижиге кижиге каттыжарга, эш болур, Килеңге килең каттыжарга, өш болур*<sup>3</sup> 'Человек к человеку тянется — другом будет, Гнев к гневу — месть будет'.

Различная оценка одного и того же явления действительности позволяет выделить ценностные переменные. Например, богатство с аксиологических позиций амбивалентно, что подтверждает аксиологический фонд разных языков (Бредис, 2019).

В тувинском паремиологическом фонде старость воспринимается двояко: с одной стороны, у человека портится характер (*Кыраанда — кылыктыг, Кызыраанда — чарыча*<sup>4</sup> 'Яловой станет — лишней станет, старым станет — ворчливым станет'), с другой — к старости человек приобретает опыт (*Кырган аът орук часпас*<sup>5</sup> 'Старый конь не собьётся с пути'), что позволяет сделать вывод об отнесении старости к ценностным переменным. Таким образом, одновременная положительная и отрицательная оценки явления дают основания выделить ценностные переменные лингвокультуры.

Лингвоаксиологическое содержание паремий репрезентирует, с одной стороны, соотношение в них универсальных и этнокультурно специфических ценностей, а с другой — сложную структуру аксиологически детерминированной паремиологической картины мира тувинского народа, в которой значимость ценностной константы имеет каждая, даже единично вербализированная в одной паремии материальная или духовная ценность.

## Заключение

Антропоцентрическая парадигма, укоренившаяся в последние десятилетия в гуманитарных науках, представила человека как объект исследований, в т. ч. лингвокультурологических и лингвоаксиологических.

Обсуждение недостаточно изученных паремиологических фондов ряда языков малых народов в контексте общемирового континуума позволяет не только получить данные о конкретной лингвокультуре, но и служит лингвистическим «полигоном» для выявления *универсального — национального* в содержании и структуре единиц паремиологических фондов различных языков и народов мира.

Благодаря кумулятивной заряженности, паремии ретранслируют систему ценностных координат, традиции и обычаи народа, передаваемые в образах и понятиях. Наиболее важным здесь видится дифференциация общечеловеческого и этноспецифического как в наборе ценностей, так в их иерархии в рамках аксиологически детерминированного содержания паремиологического фонда и всей этнической картины мира тувинского народа.

Изучение тувинского фольклора, в том числе его малых жанров, и описание паремиологической системы тувинского языка имеет перспективы: расширение фонда тувинской паремиологии за счёт социолингвистического исследования; выявление ядерно-периферийных паремиологических единиц с учётом контекстуального употребления; инвентаризация фонда тувинской паремиологии на предмет выделения лингвоаксиологического потенциала; лингвокультурологический анализ паремий различных типов, основанный на верифицированных в словарях различных типов данных с учётом этимологических, культурологических, этнографических характеристик.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное изд-во ; Радуга Тувы, 2020. С. 41.

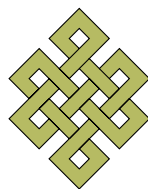
<sup>2</sup> Там же. С. 44.

<sup>3</sup> Там же. С. 306.

<sup>4</sup> Там же. С. 37.

<sup>5</sup> Тувинско-русский словарь: около 22000 слов / под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 278.





### Благодарности

Автор выражает благодарность М. А. Бредису, Е. Е. Иванову, Н. Д. Сувандии за помощь в работе с оригинальным пословичным фондом.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архангельский, В. Л. (1964) Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского ун-та. 315 с.

Балли, Ш. (1961) Французская стилистика ; перевод с фр. К. А. Долинина ; под ред. Е. Г. Эткинда. М. : Издательство иностранной литературы. 394 с.

Бредис, М. А. (2019) Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб. : Петербургское Востоковедение. 295 с.

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Виноградов, В. В. (1947) Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. М. : Наука. 312 с. С. 140–161.

Гишкаева, Л. Н., Ломакина, О. В., Макарова, А. С. (2021) Отражение веры в Бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультуры) // Cuadernos de Rusística Española. Vol. 17. С. 135–147. DOI: <https://doi.org/10.30827/cre.v17.21112>

Глухова, Н. Н., Глухов, В. А. (2009) Системы ценностей финно-угорского суперэтноса. Йошкар-Ола : ООО «Стиринг». 276 с.

Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры = Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. № 2 (24). С. 88–91.

Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: [10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035](https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035)

Ковшова, М.Л. (2012) Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Либроком. 456 с.

Комова, Д. Д., Ломакина, О. В. (2019) Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 3(103). Ч. 1. С. 78–86.

Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребёнок и детство в тувинской культуре: традиции и современность // Человек. № 4. С. 51–58.

Ломакина, О. В. (2010) Паремии в текстах Л. Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 6. С. 217–221.



- Ломакина, О. В. (2018) Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М. : Изд-во РУДН. 344 с.
- Ломакина, О. В. (2020) Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта / отв. ред. Н. С. Кирабаев, Н. Н. Гавриленко, Н. Г. Валеева. М. : РУДН. 325 с. С. 81–86.
- Ломакина, О. В. (2021) Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Т. 7. № 1. С. 97–107.
- Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4 (54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>
- Мелетинский, Е. М., Неклюдов, С. Ю., Новик, Е. С. (2010) Историческая поэтика фольклора: От архаики к классике. М. : РГГУ. 285 с.
- Мокиенко, В. М. (1989) Славянская фразеология. М. : Высшая школа. 287 с.
- Мокиенко, В. М. (2001) О словаре псковских пословиц и поговорок // Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. : Норинт. 173 с. С. 5–11.
- Мокиенко, В. М. (2017) О фразеологическом уровне языковой системы // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Т. 17. № 9. С. 146–151.
- Нелюбова, Н. Ю. (2019) Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 50–59. DOI: <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>
- Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.
- Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.
- Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.
- Ройзензон, Л. И. (1973) Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд : б. и. 223 с.
- Самдан, З. Б. (1994) Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск : ВО «Наука», Сибирская издательская фирма. 460 с. С. 10–34.
- Самдан, З. Б. (2016) Миф в фольклорной традиции тувинцев (формы бытования, сюжетный состав, система персонажей). Новосибирск : Наука. 180 с.
- Сиянбиль, М. О. Сиянбиль, А. А. (2000) Традиционный тувинский костюм. Кызыл : Типография госкомитета по печати и массовой информации РТ. 72 с.
- Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры». 284 с.
- Тувинско-русский словарь (1968) : 22 000 слов. / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 648 с.
- Хертек, Я. Ш. (1978) Фразеология современного тувинского языка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 98 с.
- Шанский, Н. М. (1996) Фразеология современного русского языка. СПб. : Специальная литература. 192 с.
- Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.
- Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Дата поступления: 01.11.2021 г.

#### REFERENCES

- Arkhangel'skii, V. L. (1964) *Ustoichivye frazy v sovremennom russkom iazyke [Stable phrases in contemporary Russian]*. Rostov-na-Donu, Publishing house of the Rostov University. 315 p. (In Russ.).
- Bally, Ch. (1961) *Frantsuzskaia stilistika [The stylistics of the French language]* / transl. from Fr. by K. A. Dolinina; ed. by E. G. Etkind. Moscow, Publishing House of Foreign literature. 394 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A. (2019) *Chelovek i den'gi. Ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko [Man and money. Essays on Russian proverbs, and more]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 295 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) *Premii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in contemporary linguistics: approaches to study-*



ing, text-forming and linguocultural capabilities]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs about wealth and poverty in the Baltic-Finnish peoples of Russia, against the European paremiological material]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.).

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funkcionirovanie [The proverb in contemporary linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1947) Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom iazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language]. In: Vinogradov V. V. *Leksikologiya i leksikografiia [Lexicology and lexicography]*. Moscow, Nauka. 312 p. Pp. 140–161. (In Russ.).

Gishkaeva, L. N., Lomakina, O. V. and Makarova, A. S. (2021) Otrazhenie very v Boga kak tsennostnoi konstanty v poslovichnom fonde (na primere khristianskoi i musul'manskoi lingvokul'tur) [Reflection of faith in God as a value constant in the paremiac corpus: the cases of Christian and Muslim linguistic cultures]. *Cuadernos de Rusística Española*, vol. 17, pp. 135–147. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30827/cre.v17.21112>

Glukhova, N. N. and Glukhov, V. A. (2009) *Sistemy tsennostei finno-ugorskogo superetnosa [Value systems of the Finno-Ugric superethnicity]*. Yoshkar-Ola, OOO «Stiring». 276 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2009) Kriterii sistematizatsii aforisticheskogo materiala kak ob'ekta leksikograficheskogo opisaniia [Criteria for systematizing of aphoristic material as an object of lexicographic description]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 88–91. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of the aphorism]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in contemporary Russian]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [The aphorism as an object of linguistics: main properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaia, Yu. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatii i metodika vyiavleniia) [The ethnic specificity of the proverbial corpus: basic concepts and procedure for identification]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Kovshova, M. L. (2012) *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury [Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture]*. Moscow, Librokom. 456 p. (In Russ.).

Komova, D. D. and Lomakina, O. V. (2019) Slovarnoe i diskursivnoe napravleniia rekonstruktsii paremiologicheskoi kartiny mira: opyt interpretatsii (na materiale russkogo iazyka) [Dictionary and discursive directions of reconstruction of the paremiological picture of the world: experience of interpretation (based on the material of the Russian language)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, no. 3 (103), part 1, pp. 78–86. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok i detstvo v tuvinskoii kul'ture: traditsii i sovremennost' [The child and childhood in the Tuvan culture: traditions and modernity]. *Chelovek*, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2010) Paremi v tekstakh L. N. Tolstogo: lingvokul'turologicheskii kommentarii [Paremiac in the texts by L. N. Tolstoy: a linguoculturological commentary]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye humanitarnye issledovaniia*, no. 6, pp. 217–221. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2018) *Frazeologiya v tekste: funkcionirovanie i idiostil' [Phraseology in the text: functioning and idiostyle]*. Moscow, RUDN. 344 p. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2020) Poniatie very v sisteme tsennostnykh koordinat naroda (na paremiologicheskom materiale russkogo, turetskogo, rusinskogo i altaiskogo iazykov) [The concept of faith in the system of value coordinates of a people: the case of paremiological materials in Russian, Turkish, Rusyn and Altaic languages]. In: *Voprosy sovremennoi lingvistiki i izucheniia inostrannykh iazykov v epokhu iskusstvennogo intellekta [Problems of modern linguistics and the study of foreign*





*languages in the era of artificial intelligence*]. Ed. by N. S. Kirabaev, N. N. Gavrilenko and N. G. Valeeva. Moscow, RUDN. 325 p. Pp. 81–86. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2021) Izuchenie poslovits v rusle tsennostnoi paradigmy: metodologiya issledovaniia i kriterii vydeleniia otsenochnosti [Studying proverbs in the value paradigm: the methodology of research and the criteria for estimating value]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, vol. 7, no. 1, pp. 97–107. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018) Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants in the Rusin paremiology as compared with the Ukrainian and Russian languages]. *Rusin*, no. 4 (54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Meletinskii, E. M., Nekliudov, S. Yu. and Novik, E. S. (2010) *Istoricheskaia poetika fol'klora: Ot arkhaike k klassike* [Historical poetics of folklore: From the archaic to the classical]. Moscow, RGGU. 285 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (1989) *Slavianskaia frazeologija* [Slavic phraseology]. Moscow, Vysshaia shkola. 287 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2001) O slovare pskovskikh poslovits i pogovorok [About the dictionary of Pskov proverbs and sayings]. In: *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [A dictionary of Pskov proverbs and sayings] / comp. by V. M. Mokienko and T. G. Nikitina. St. Petersburg, Norint. 173 p. Pp. 5–11. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2017) O frazeologicheskom urovne iazykovoi sistemy [On the phraseological level of the language system]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta*, vol. 17, no. 9, pp. 146–151. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2019) Sem'ia kak obshchechelovecheskaia tsennost' vo frantsuzskoi i russkoi poslovichnoi kartine mira [The family as a universal value in the French and Russian proverbial world picture]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>

*Paremiologija bez granits* [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

*Paremiologija v diskurse* [Paremiology in Discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

*Paremiologija na perekrestkakh iazykov i kul'tur* [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).

Roizenzon, L. I. (1973) *Lektsii po obshchei i russkoi frazeologii* [Lectures on general and Russian phraseology]. Samarkand, s. n. 223 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1994) Mir tuvinskoj skazki [The world of the Tuvan folk tale]. In: *Tuvinskie narodnye skazki* [Tuvan folk tales] / comp. by Z. B. Samdan. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaja izdatel'skaia firma. 460 p. Pp. 10–34. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2016) *Mif v fol'klornoj traditsii tuvintsev: formy bytovaniya, syuzhetnyi sostav, sistema personazhei* [Myth in Tuvan folklore tradition: the form of existence, the scene composition, system of characters]. Novosibirsk, Nauka. 180 p. (In Russ.).

Siiانبil', M. O. and Siiانبil', A. A. (2000) *Traditsionnyi tuvinskii kostium* [Traditional Tuvan costume]. Kyzyl, Pers. 162 p. (In Russ.).

Teliia, V. N. (1996) *Russkaia frazeologija. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury». 284 p. (In Russ.).

*Tuvinsko-russkii slovar'* [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Khertek, Ya. Sh. (1978) *Frazeologija sovremennogo tuvinskogo iazyka* [Epy phraseology of the contemporary Tuvan language]. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 98 p. (In Russ.).

Shanskii, N. M. (1996) *Frazeologija sovremennogo russkogo iazyka* [The phraseology of the contemporary Russian language]. St. Petersburg, Spetsial'naia literatura. 192 p. (In Russ.).

Ivanov, E. and Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Submission date: 01.11.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.2

Статья

## Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков)

**Михаил А. Бредис**

*Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,*

**Евгений Е. Иванов**

*Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь;*

*Российский университет дружбы народов, Российская Федерация*



*Пословицы тувинского народа, как и многих других коренных народов России, традиционно переводятся преимущественно на русский язык, что искусственно ограничивает типологическое изучение и лексикографическое описание тувинского пословичного фонда только пределами русского мира. Отсутствие переводов на другие языки не позволяет выработать адекватные переводческие приёмы с учётом различных аспектов перевода. Наибольшую актуальность (и наибольшую трудность) в этой связи представляет собой исследование провербиальных факторов перевода, которые в наибольшей степени влияют на адекватность передачи на чужом языке национальной специфики тувинских пословиц.*

*Цель исследования — определить основные провербиальные факторы словарного перевода и описать их значимость и особенности проявления при передаче тувинских пословиц на русском и на английском языках.*

*Фактическим материалом исследования послужили издания тувинских пословиц и поговорок, примеры пословиц из словарей, а также наиболее авторитетные паремиологические словари русского и английского языков.*

*В статье установлены основные провербиальные факторы словарного перевода — семантическая вариативность пословицы, её композиционно-образная структура и лексико-грамматическая организация, наличие в её составе этнокультурно маркированных образных и понятийных компонентов. Описаны значимость и особенности провербиальных факторов перевода при передаче национальной (языковой, фольклорной, этнокультурной) специфики тувинских пословиц на русский и на английский языки. Рассмотрены пути преодоления переводческих трудностей и критерии выбора иноязычных эквивалентов при межъязыковой трансляции тувинских пословиц в аспекте паремиографии (при описании в полилингвальном паремиологическом словаре).*

**Ключевые слова:** паремиология; паремиография; пословица; перевод; провербиальный фактор; тувинский язык; тувинский фольклор; русский язык; английский язык



Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.



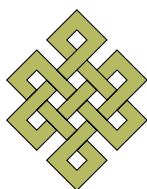
### Для цитирования:

Бредис М. А., Иванов Е. Е. Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 17-36. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

**Бредис Михаил Алексеевич** — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (910) 462-95-62. Эл. адрес: [bredis-ma@rudn.ru](mailto:bredis-ma@rudn.ru)



**Иванов Евгений Евгеньевич** — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова; ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +375 (29) 691-50-01. Эл. адрес: [ivanov\\_ee@msu.by](mailto:ivanov_ee@msu.by)



Article

## Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)

**Mikhail A. Bredis**

RUDN University, Russian Federation

**Eugene Eu. Ivanov**

A.A. Kuleshov Mogilev State University, Republic of Belarus; RUDN University, Russian Federation

Tuvan proverbs, as it is common for many of Russia's indigenous peoples, have been mostly translated into Russian language only. This has hindered typological study and lexicographic description of Tuvan proverb corpus beyond the Russian-speaking world. Absence of translation into other languages prevents working on translation methodologies while taking into account various aspects of translation. The most urgent (and most complicated) challenge in this relation lies in studying proverbial factors of translation, which are most crucially important for adequate rendering in target language the ethnically specific nature of Tuvan proverbs.

The goal of our study is to define these proverbial factors of vocabulary-based translation and to assess their importance and expression when translating Tuvan proverbs into Russian and English.

For empirical material, we turned to published collections of Tuvan proverbs and sayings, sample proverbs recorded in dictionaries and the most authoritative paremiological dictionaries of Russian and English languages.

Among the main proverbial factors of vocabulary-based translation (as established in our article) are semantic variability of a proverb, its composition and lexico-grammatical structure, as well as the presence of ethnically and culturally marked notions and tropes. The article also assesses the importance of proverbial factors of translation when these ethnic (linguistic, folklore, or ethnocultural) features are rendered in Russian or English. We examine the ways to solve translation issues and the criteria to select equivalents in foreign languages when Tuvan proverbs are described paremiographically (i.e. when they appear in a multilingual paremiological dictionary).

**Keywords:** paremiology; paremiography; proverb; translation; proverbial factor; Tuvan language; Tuvan folklore; Russian language; English language

---

The study was supported by the Program of Strategic Academic Leadership, RUDN University.

---



### For citation:

Bredis M. A. and Ivanov Eu. Eu. Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskiikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 17-36. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

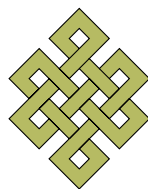
---

**BREDIS, Mikhail Alekseevich**, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (910) 462-95-62. Email: [bredis-ma@rudn.ru](mailto:bredis-ma@rudn.ru) ORCID ID: 0000-0003-4885-952X



**IVANOV Eugene Eugenevich**, Doctor of Philology, Associate Professor and Head, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, A. A. Kuleshov Mogilev State University; Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus; 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +375 (29) 691-50-01. Email: [ivanov\\_ee@msu.by](mailto:ivanov_ee@msu.by) ORCID ID: 0000-0002-6451-8111





### Введение

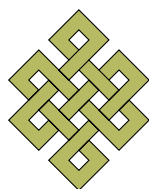
Тувинские пословицы, как и пословицы многих других языков коренных народов России, имеющих письменность, традиционно лексикографически описываются в виде сборников с параллельным переводом на русском языке как языке межэтнического общения. При этом перевод, особенно под влиянием близких или аналогичных по форме и содержанию русских пословиц, в той или иной, а нередко и в весьма значительной степени перестаёт быть собственно переводом, заменяется искусственным эквивалентом или прямым русским пословичным соответствием. Также довольно часто при передаче тувинской пословицы на русском языке она подпадает намеренному преобразованию на языке перевода, искусственно «приукрашивается» как по форме и структуре, так и по содержанию. Как мы уже отмечали, «составители сборников тувинского пословичного фонда не ставили целью его языковедческое описание, на первом плане была популяризация фольклора, поэтому пословицы издавались с литературными переводами на русский язык, содержащими неточности» (Бредис и др., 2021: 145). Это существенно искажает, а во многих случаях и способствует возникновению неверного представления о национальной самобытности пословиц тувинского народа и их типологической корреляции с пословицами как других народов России, так и различных европейских и азиатских народов.

Проблеме перевода тувинских пословиц на русский язык посвящены исследования А. М. Коняшкина и Ш. С. Чадамба на материале переводных художественных произведений с тувинского языка на русский (Коняшкин, Чадамба, 2014ab, 2017; Чадамба, 2014, и др.<sup>1</sup>). Вместе с тем отмечается, что «аутентичность перевода, помимо своей роли для межязыкового сопоставления, является важнейшим компонентом словарной репрезентации формы и содержания пословиц в лингвистическом паремиологическом словаре» (Бредис и др., 2021: 147). Отсутствие разработанной теории и непротиворечивой практики перевода тувинских пословиц на основные международные языки мира не только не позволяет полноценно использовать пословичный фонд тувинского языка в типологическом изучении пословиц народов мира, но и препятствует популяризации духовного богатства тувинского народа, отражённого в его пословицах, как в России, так и за её пределами. Актуальной в этой связи является разработка методологии перевода тувинских пословиц на русский язык как государственный язык Российской Федерации, способствующий приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов России, а также на английский язык как основной язык международного общения в современном мире.

В современной лингвистике перевод рассматривается как сложное, многоаспектное комплексное явление и выделяется пять аспектов природы перевода, каждый из которых «трактует его как структурно-языковую, культурную, семиотическую, смысловую (когнитивную) и коммуникативно-прагматическую реальность», и каждый из которых детерминирует то, «что отличает перевод от обычной речевой работы языкового знака» (Иванов, 2017: 20). Каждый из аспектов перевода можно рассматривать в качестве отдельных его факторов, поскольку именно ими обуславливаются характер и способы передачи единиц одного языка средствами другого языка. Как показывают новейшие исследования, «даже переводчики с натуральным билингвизмом в рамках перемещения культурных смыслов при переводе также допускают или смещение смыслов, или их сокращения» (Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021: 416). Поэтому учёт факторов перевода и умение ими пользоваться являются наряду с глубоким знанием языков и особенностей культур важнейшими компонентами переводческой компетенции.

Вместе с тем нужно признать, что помимо указанных общих аспектов (факторов) перевода для каждой разновидности единиц языка и речи (слов и их классов, устойчивых выражений и их типов, предложений и их видов, речевых жанров и их текстовых форм) существуют ещё и свои собственные, частные аспекты (факторы), определяющие специфику перевода разных единиц. Установление таких частных факторов перевода представляет собой, на наш взгляд, одну из наиболее актуальных задач современной теории и практики перевода. В этой связи представляет наибольшую трудность (и вызывает наибольший интерес) определение частных факторов перевода пословиц (провербиальных факторов перевода), т. е. таких характеристик пословичной формы и содержания, которые прямо и непосредственно влияют на адекватность передачи этнокультурной и языковой специфики пословиц при их переводе на другой язык.

<sup>1</sup> Также см.: Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка : дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 151 с.



Выявление и описание частных (провербиальных) факторов перевода для большей объективности следует осуществлять, на наш взгляд, на материале разноструктурных языков — русского и английского. Такой подход является значимым ещё по той причине, что особенности перевода тувинских пословиц на английский язык до настоящего времени не были предметом специального исследования как в теоретическом плане, так и в прикладном аспекте.

Цель исследования — установить основные провербиальные факторы перевода тувинских пословиц по отношению к языкам разных типологических классов и языковых групп, на основании чего выявить значимость и описать особенности проявления различных провербиальных факторов перевода при трансляции тувинских пословиц средствами русского и английского языков.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц<sup>1</sup>, а также свыше 2000 их переводов, и / или переводных эквивалентов и соответствий из русского и английского языков, отобранных из авторской картотеки, полученной путём сплошной выборки из наиболее авторитетных современных русских и английских паремиографических источников (В. М. Мокиенко, Ю. В. Мюррей, Дж. Спайк и др.).

Методологической основой исследования послужило современное понимание паремиологии как самостоятельного направления в языкознании (*Паремиология в дискурсе*, 2015; *Паремиология без границ*, 2020; *Паремиология на перекрёстках ...*, 2021), а также основные положения теории пословицы как явления языка (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020) и как афористической единицы (Иванов, 2009, 2019ab, 2020), структурно-семантического моделирования пословиц (Петрушэўская, Иваноў, 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021), сопоставительного изучения пословиц (Ivanov, Feldman, 2007; Иваноў, 2011; Ivanov, Petrushevskaiia, 2015; Петрушэўская, 2020; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Петрушэўская, 2021), культурно-языкового трансфера в паремиологии (Ломакина, Мокиенко, 2016, 2018ab; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Бредис, Иванов, 2021; Lomakina, 2021), теории и практики перевода пословиц (Кузьмин, 2004; Киндеркнехт, 2007; Балляр, 2009; Иванов, 2017<sup>2</sup>).

Выявление провербиальных факторов перевода тувинских пословиц базируется на дескриптивных, сопоставительных и лингвокультурологических исследованиях пословично-поговорочного фонда тувинского народа (Кечил-оол, Саая, 2016, 2017; Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021<sup>3</sup>), а также на широком историко-этнографическом описании тувинского фольклора (Курбатский, 2001; Мижит, 2013; Бурыкин, 2020; Цэнгельские тувинцы ... , 2020; и др.<sup>4</sup>), изучении исторических, социальных, материальных, духовных особенностей культуры Тувы (Ламажаа, 2011, 2013, 2021; Будегечиева, 2018).

### **Семантическая вариативность пословицы**

Как справедливо отмечает широко известный исследователь тувинского фольклора Г. Н. Курбатский, «аналитическое ... описание пословиц невозможно без их правильного научно точного понимания» (Курбатский, 2001: 344). Изучение пословиц объективно затрудняется многогранностью и

<sup>1</sup> Пословицы отобраны методом фронтальной выборки из хронологически новейшего сборника: *Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.* Помимо этого, при анализе учитывались материалы изданий: *Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с.* (На рус. и тув. яз.); *Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. 78, 78 с.* (На тув. и рус. яз.); а также словари (*Тувинско-русский ...*, 1968, 2014).

<sup>2</sup> См. также: Ая У. Перевод пословицы как способ заимствования и художественный приём // Михайловская пушкиниана. Вып. 67: Материалы научно-практических чтений «По утрам я читал, упражнялся в переводах...» («Библиотека в усадьбе»), 22–26 апреля 2015 г. : сборник статей. Сельцо Михайловское: Пушкинский заповедник, 2016. С. 92–98.

<sup>3</sup> См. также: Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27; Чугунеева А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10–2(37). С. 18–21; Доржу К. Б. Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. 2012, № 1. С. 94–98.

<sup>4</sup> А также: Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.09. Улан-Удэ, 2000. 48 с.



многоплановостью паремий как языковых явлений. Одной из таких трудностей является релятивный характер пословичной семантики. Такая релятивность обусловлена семантической вариативностью пословицы как языкового знака (его значение определяется только в контексте употребления в речи) и как фольклорного текста (для понимания смысла которого не требуется речевой контекст, однако необходимо наличие этнокультурной компетенции). Именно по этой причине перевод на другие языки пословиц, в отличие от других устойчивых выражений, является весьма непростой процедурой, в которой одним из значимых провербиальных (т. е. собственно пословичных) факторов перевода выступает их семантическая вариативность, требующая специального рассмотрения.

В переводческой практике квалифицированные переводчики используют семантические эквиваленты пословиц в соответствующем контексте, что требует достаточного уровня этнокультурологической компетенции. При этом весьма показательно, что сами носители данного языка далеко не всегда в состоянии понять и объяснить смысл многих пословиц. Об этом образно говорит тувинская пословица *Чепти эжип өөренир, Чеченни сактып өөренир* 'Веревку надо уметь вить, пословицу — понимать'<sup>1</sup>. В этой пословице метко подмечено то, что является камнем преткновения для переводчиков. Именно «толкование», понимание значения пословицы и создаёт наибольшие трудности при её переводе на другой язык.

Большинством паремиологов выделяется два типа значения пословицы — базовое и контекстно-ситуативное. Первый тип значения характеризует пословицу как произведение фольклора (однофразовый текст) и определяется безотносительно её реального употребления в речи, как правило, в результате интроспекции. Толкование базового значения в паремиографии ограничивается отдельными комментариями и не имеет системного обоснования. Второй тип значения характеризует пословицу как языковую единицу и выявляется только на основании фиксации конкретных случаев её употребления в речи в наиболее типичных контекстах и ситуациях. Толкование контекстно-ситуативного пословичного значения носит нормативный характер, требует трудоёмкого лингвистического обоснования и языковой верификации, поэтому встречается только в таком весьма редком типе паремиографических справочников, как толковый словарь пословиц, имеющийся для небольшого количества языков. Так, в англоязычной паремиографии пословицы никогда не толковались в нормативном плане, а русские пословицы описаны сразу в нескольких толковых паремиологических словарях (Жуков, 1991; Мокиенко, 2012, 2017<sup>2</sup>). Создание толкового словаря тувинских пословиц — одна из актуальных задач их лексикографического описания.

Носитель языка, встретив в ненормативном справочнике пословицу «в чистом виде» (без контекста и специальных комментариев), вынужден интерпретировать её смысл на основании комплекса имеющихся у него знаний и представлений о действительности, а также собственного запаса пословиц. Этот багаж знаний условно можно считать своеобразным контекстом, который определяет базовое значение пословицы (Бредис, 2019: 94). Однако необходимо помнить, что «чисто семантический» (максимально внеконтекстный) способ толкования пословицы даёт лишь гипотетический результат, приписывающий пословице только некий «семантический потенциал», который невозможно оценить с точки зрения того, насколько в действительности он реализуется в той или иной ситуации (Крикманн, 1978: 82).

Следует отметить, что пословицы, будучи однофразовыми текстами, остаются относительно самостоятельными и при массовом употреблении в речи. Поэтому носители языка воспринимают базовое значение пословицы как вне речевого контекста, так и в речи, что позволяет говорить об ограниченном (условном) контексте, который при функционировании в дискурсе уточняется в конкретном контексте (ситуации) (Бредис, 2019: 98). Когда речь идёт об общеупотребительной пословице, известной всем носителям языка данного этноса, региона, коллектива (малой группы), где эта пословица в широком ходу, её базовое значение понятно всем вне речевого контекста. Но и в этом случае базовое значение пословицы можно формулировать лишь потенциально, поскольку всегда остаётся неизвестным, будет ли она произноситься, по словам М. Кууси, «как ода или как сатира» (Kuusi, 1994: 107), что может выражаться даже интонацией и мимикой говорящего.

<sup>1</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 17.

<sup>2</sup> Также: Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева, 2002. 352 с.





Пословица не привязана своим значением к какой-то одной ситуации, может семантически соответствовать определённому множеству типичных контекстов. В свою очередь, каждому отдельному типичному контексту в речи может соответствовать некоторое множество пословиц. Этой семантической неопределённостью и наличием множества контекстов объясняется трудность перевода пословиц. Именно поэтому целесообразно, на наш взгляд, помимо базового значения (в условном контексте) использовать при переводе пословиц ещё и реконструкцию их контекстно-ситуативного значения в тех или иных возможных речевых контекстах и ситуациях. Такой подход можно обосновать ещё и тем, что пословицы никогда не употребляются в речи просто так, без повода, без коммуникативной задачи, как, например, исполняются песни или загадываются загадки.

При переводе пословиц в рамках полилингвального паремиологического словаря необходимо, прежде всего, аутентичный перевод, передающий базовое значение пословицы. Однако не менее значимы и иноязычные эквиваленты, отражающие возможные речевые контексты её употребления, определяемые на основе семантической вариативности как общего значения пословицы, так и значений её лексических компонентов, не утрачивающих самостоятельных ассоциативных связей с лексическими единицами языка и способных влиять на контекстуально-ситуативное пословичное значение.

Например, тувинская пословица *Кыш эртер, Кылык частыр* в словаре тувинских пословиц и поговорок Б. К. Будупа переводится на русский язык как 'Зима пройдёт, Тревоги улягутся'<sup>1</sup>. Ясность образов и краткость их лексического выражения в этой пословице существенно облегчают её перевод на любой язык. Ключевой в пословице является мысль о том, что «Всё пройдёт». Образ зимы, наиболее холодного и голодного времени в году, говорит о трудностях и опасностях, которые приходится переживать в эту пору. Когда наступает весна, становится легче, тревоги и заботы отступают. Базовое значение пословицы 'Зима проходит неизбежно, а с её концом пройдут и тревоги' семантически аналогично русскому переводу и определяется её условным контекстом. В этом контексте полным эквивалентом данной тувинской пословицы в русском языке является *Весна да лето, пройдёт и не это* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 116).

Однако наличие семантической вариативности у тувинской пословицы предполагает её иной перевод. Если учесть, что вторую часть *кылык частыр* можно понимать как 'остыть, отойти от гнева', то пословица приобретает ещё одно толкование при реконструкции её возможного контекстно-ситуативного значения. Речь здесь может идти о ссорах, обидах, гневе. По-тувински *кылык* означает 'вспыльчивость, запальчивость, раздражительность' (Тувинско-русский словарь ..., 1968: 277). В этом контексте образ зимы (*кыш*) являет собой метафору гнева, вспышки обиды, раздражения у человека, что неизбежно пройдёт, страсти улягутся, всё успокоится, войдёт в норму. В таком случае ключевой в пословице является мысль 'Вспыльчивый отходчив', а частичным семантическим эквивалентом тувинской пословицы в русском языке может быть *Крута горка, да отходчива* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 204), где говорится о вспыльчивом человеке, который легко возбуждается, но также быстро остывает. Ещё частичными эквивалентами тувинской пословицы в русском языке являются *Время всех лечит; Время лечит раны; Время придёт — слёзы утрёт* (там же: 164). В свою очередь, англоязычными эквивалентами данной тувинской пословицы в её возможном контекстно-ситуативном значении являются *Time is a great healer* 'Время — лучший целитель'; *Time cure all things* 'Время лечит всё'; *Time tames the strongest grief* 'Время укрощает сильнейшее горе' (Мюррей, 2008: 38).

Таким образом, если учитывать фактор семантической вариативности, то в качестве перевода тувинской пословицы *Кыш эртер, Кылык частыр* можно предложить такие варианты, как рус. *Зима пройдёт, Тревоги (обиды, гнев) улягутся (утихнут)* и англ. *Winter will pass, Anxiety (resentment, anger) will subside*. Иноязычные эквиваленты будут соответствовать либо условному базовому, либо указанному возможному контекстно-ситуативному значению тувинской пословицы. Такой подход, на наш взгляд, в наибольшей степени отвечает потребностям полилингвальной паремиографии, поскольку даёт возможность достаточно широко, но без утраты объективности толковать значение пословицы, а значит адекватно переводить её на другие языки и с максимальной полнотой отражать её иноязычные эквиваленты.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 111.



Семантическая вариативность должна приниматься во внимание как один из провербиальных факторов при переводе тувинских пословиц, что позволит передать на чужом языке не только нюансы базового значения, но и возможные контекстно-ситуативные значения (если не все, то хотя бы наиболее очевидные — детерминированные семантической вариативностью отдельных лексических компонентов пословицы).

### **Композиционно-образная структура пословицы**

Ещё одним важнейшим провербиальным фактором перевода является композиционная структура пословицы, которая может разительно отличаться в разных языках и этнокультурах. Так, например, в русском языке преобладают образные пословицы, поскольку их основным источником, как известно, была народная речь, а в английском языке более половины его пословичного фонда составляют единицы, лишённые предметной образности, которые в своём большинстве восходят к письменным источникам (Ivanov, Petrushevskaja, 2015). Довольно специфичную композиционно-образную структуру имеют пословицы тувинского народа, что позволяет рассматривать её как один наиболее ярких, значимых провербиальных факторов их перевода на другие языки.

Как известно, «большинство тувинских пословиц основано на прямом двучленном психологическом параллелизме», при этом такой «пословичный параллелизм всегда чётко оформлен синтаксически. Многие пословицы делятся на две части, состоят из двух парных строк-стихов. Первая часть (первый член параллелизма), как правило, описывает природный образ, а вторая (второй член параллелизма) — социальный» (Курбатский, 2001: 343). При этом показательно, что в тувинских пословицах часто используются реалистические жизненные образы, хотя в целом пословичный фонд тувинского народа характеризуется довольно «явным преобладанием лиризма над эпикой» (там же: 342). Образы в составе одной пословицы могут как сближаться друг с другом, так и противопоставляться друг другу. Под воздействием пословичной образности в сознании носителей языка возникают две параллельные картинки-миниатюры, причём обобщённое значение пословица приобретает в результате объединения обоих образных представлений действительности.

Следует отметить, что порядок следования структурных частей в составе двучленных пословиц с параллельными образами может изменяться, хотя в целом пословичная вариативность «довольно редка» в тувинском фольклоре (там же: 342). Тем не менее, формальную вариативность пословиц следует учитывать при переводе, поскольку при пословичном параллелизме порядок следования структурных частей, а также варианты образности могут играть решающую роль для толкования как условного базового значения, так и возможного контекстно-ситуативного смысла двучленной пословицы, оказывая влияние на выбор переводчиком адекватных средств её передачи на другом языке.

Так, широко известная тувинская пословица *Чечен менде, Чечек черде*, которая переводится на русский в словарях с перестановкой своих структурных частей как 'Цветы — на земле, Красноречие — во мне'<sup>1</sup>, фиксируется в печатных источниках и в своём инверсированном виде *Чечек — черде, Чечен — менде* 'Цветы — на земле, Красноречие — у меня' (Мижит, 2013: 92). В свою очередь, у цэнгэльских тувинцев, проживающих в Монголии, пословица сохранилась в виде *Чечен сөс хөрээмде, Чечек, калбы черде* 'Меткое слово — у меня в груди, Цветы — на земле' (Цэнгельские тувинцы ..., 2020: 111). Как видим, во всех пословичных вариантах и их переводах сохранена ритмическая организация, характерная для тувинских пословиц, соблюдается начальная, внутренняя и конечная рифмы, присутствует параллелизм. Данную пословицу во всех её формальных вариантах, на наш взгляд, можно по праву отнести к лучшим образцам тувинского пословичного фонда по причине наличия в ней «гармонии формы и содержания, музыкальности и поэтичности» (Мижит, 2013: 93). Но также и видно, что перевод каждого формального варианта одной пословицы может существенно отличаться по смыслу, формировать у реципиента разное представление о ключевых образах и понятиях (особенно в тех случаях, когда переводчик знает или намеренно выбирает только один формальный вариант данной пословицы).

<sup>1</sup> См.: Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 15; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 67.



В одном случае на первый план в смысловой структуре перевода этой пословицы социальный образ (*красноречие во мне*), во втором — природный образ (*цветы на земле*), в третьем — комбинация социального и природного образов (*меткое слово у меня в груди*). Именно поэтому при переводе в целях лексикографического описания тувинских пословиц следует в обязательном порядке учитывать фактор их композиционно-образной структуры, давать все формальные варианты и их переводы, строго придерживаться порядка слов и строк двучленных пословиц в каждом пословичном варианте. Однако всякий раз необходимо, на наш взгляд, кодифицировать один из формальных вариантов пословицы как основной (реестровый в структуре словаря). Таким вариантом для тувинской пословицы о красноречии может быть *Чечен менде, Чечек черде* (как наиболее распространённый, если судить по его фиксации в различных письменных источниках), который без труда переводится в своём условном (базовом) значении как на русский язык ('Красноречие во мне, Цветы на земле'), так и на английский ('Eloquence is in me, Flowers are on the ground').

Помимо базового значения, у пословицы *Чечен менде, Чечек черде* можно также выделить одно из возможных контекстно-ситуативных значений, которое основывается на том, что её источником являются *чечен чугаалар* (остроумные беседы), состязания в виде диалогов, вопросов и ответов по традиционной форме, приближающей ответы к пословицам, с элементами импровизации. *Чечен чугаалар* — «яркое проявление и особая форма народного красноречия, один из источников пословиц и поговорок, загадок, фразеологизмов, крылатых слов и выражений» (Курбатский, 2001: 358). Во время таких интермедий участники не лезут за словом в карман, проявляют максимум находчивости и остроумия, выстраивая цепочки вопросов и ответов. Поэтому в зависимости от контекста одна и та же фраза может пониматься (и переводиться) по-разному. Так, в одном контексте пословица *Чечен менде, Чечек черде* связывается с понятием находчивость, а в другом — с остроумием:

«Чоп чечен сен? Почему такой находчивый? — Чечен менде, чечек черде. Находчивость — во мне, цветы — на земле. Заключительная пословица, славящая находчивость, в данном случае понимаемую как остроумие, достойно венчает словесное состязание, не исключавшее острословие во имя острословия. Иногда одно и то же различным образом обыгрываемое пословично-поговорочное вкрапление составляло самую суть острословия, напр.: Чоп кончуг чечен сен? Что ж ты такой остроумный? — Чечен менде, чечек черде. Остроумие у меня, а цветок на земле» (там же: 361–362).

Обращение к возможным контекстно-ситуативным значениям двучленной пословицы позволяют глубже понять её условное базовое значение и обогатить её словарный перевод на другой язык смысловыми вариантами и иноязычными эквивалентами, которые дадут возможность реципиенту не только адекватно понять значение пословицы, но и правильно применять её в различных речевых контекстах и ситуациях.

Инверсия структурных частей при переводе может существенно исказить смысл двучленной пословицы с параллельной образностью. Так, тувинская пословица *Аксың-биле аал көжүрбе, Дылың-биле дыт ужурба* переводится в словаре Б. К. Будупа как 'Языком дерево не вали, Словом аал не перенеси'<sup>1</sup>. Здесь при переводе параллельные образы переставлены местами: первая часть должна быть о *слове* и *аале*, вторая — о *языке* и *дереве*. Такую перестановку переводчика можно объяснить, во-первых, одинаковой моделью образности в каждой структурной части («метафора + гипербола»), а во-вторых, формальной вариативностью пословицы (структурные части свободно инверсируются). Но, как уже отмечалось, перестановка структурных частей влияет на условное (базовое) значение пословицы, поскольку от того или иного порядка двух образов в разных структурных частях обычно прямо зависит то, какой из них будет восприниматься как ключевой (т. е. доминантный, смыслообразующий) в пословице. В этом смысле порядок образности в переводе не может быть иным, чем в пословице, иначе перевод не будет адекватным.

Не менее важным является сохранение смыслообразующей функции пословичных образов при переводе, которая детерминирует, в свою очередь, правильную передачу на другой язык этнокультурной специфики содержания пословицы. Так, лексема *аал* может быть сохранена без перевода (без калькирования) в качестве этнолингвомаркёра традиционной материальной культуры, а также образного репрезентанта фрагмента национальной картины мира тувинского народа. *Аал* — это

<sup>1</sup>Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 14.



название традиционного типа поселения кочевого народа. В *аале* объединялись только родственные семьи. Как правило, тувинский *аал* состоял из семи-двенадцати юрт (Потапов, 1969: 117–118). Однако *аал* мог состоять и из одной юрты или нескольких юрт (История Тувы, 2001: 243). В английском переводе *аал* также остаётся без перевода, чтобы избежать излишне длинной описательности в пословичном тексте. Такой подход вполне оправдан, поскольку лексема *аал* является этнокультурной языковой реалией<sup>1</sup>. Если же переводить (калькировать) компонент *аал* в составе пословицы, то лучше передавать его смысловые варианты ('селение родственников / семейный дом') на другой язык прежде всего однословными номинациями (когда лексико-семантическая подсистема языка перевода это позволяет, как, например, белорусский язык, где *хата* имеет значение как 'жилой крестьянский дом', так и 'отдельная семья', ср. пословицу бел. *Шэпты хату зводзяць* 'Сплетни в семье уничтожают её'<sup>2</sup> и под.).

Следует максимально точно сохранять при переводе образность и её лексическое выражение в пословицах. Так, в тувинской пословице об *аале* он сравнивается не с *деревом* вообще (*ыяш*), а с *деревом* конкретной породы — *лиственницей* (*дыт*). Вместе с переводом *дыт* как *лиственница* данная пословица приобретает совсем иной смысл, который утрачен в приведенном выше переводе Б. К. Будупа. Использование в переводе названия *лиственница* придаёт пословичной метафоре более яркую образность, поскольку *лиственница*, как известно, относится к числу одних из наиболее твёрдых и тяжёлых пород деревьев. Поэтому *рубить языком лиственницу* — ещё большая гипербола, основанная на бессмыслице. Аналогичная по модели пословичная образность встречается и в других языках. Например, латгальский<sup>3</sup> эквивалент пословицы об *аале* и *лиственнице* построен на основе близкой структурно-семантической модели *Ar mēli pilis ceļ, ar dorbim — aizkrōsnē sēd* 'Языком замки строит, на деле — за печкой сидит' (Opincāne, 2000: 6), где используется такой же невозможный, как и «рубка лиственницы языком», образ «строительства замка посредством языка как анатомического органа», ср.: *ar mēli = дылың-биле (языком)*. Пословичная образность, основанная на бессмыслице, порождает парадоксальные пословицы, адекватный перевод которых затруднителен даже в близкородственных языках (Иванов, 2014), но вполне возможен, если всегда стремиться учитывать и стараться сохранять при переводе композиционно-образную структуру пословицы.

Таким образом, с учётом такого фактора перевода, как композиционно-образная структура, пословицу *Аксың-биле аал көжүрбе, Дылың-биле дыт ужурба* правильно переводить на русский язык как 'Разговором (речами, на словах) аал не переселяй, Языком лиственницу не руби (не вали)', на английский язык как 'Do not relocate aal by speeches, Do not chop the larch with your tongue'. Именно такой перевод тувинской пословицы можно считать адекватным оригиналу и пригодным для полилингвального паремииологического словаря, в котором также следует привести её иноязычные эквиваленты, напр.: рус. *Не кончай работу языком — кончай делом; Если косить языком, спина не устанет; Кто языком штурмует, немного навоюет; На словах города строит, а на деле ничего не стоит* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 740, 741, 1014, 823); англ. *A man of words and not of deeds, is like a garden full of weeds* 'Человек, который произносит много слов и ничего не делает, подобен саду, полному сорняков' (Dictionary of Proverbs, 2006: 365).

### Лексико-грамматическая организация пословицы

По мнению Ш. С. Чадамба, отличия между пословицами в оригинале и в переводе на другой язык во многом обусловлены «отличиями лексического состава, морфологического и синтаксического строя языка оригинала и языка перевода»<sup>4</sup>. Общий для всех языковых единиц структурно-языковой фактор перевода проявляется в пословицах в виде их лексико-грамматической организации, характеристики

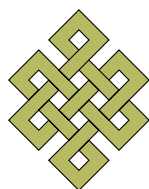
<sup>1</sup> Доржу Н. С., Очур Т. Х., Чыпсымаа О. О. Краткий справочник этнокультурных языковых реалий Саяно-Алтайского региона (на английском языке) : справочное пособие. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2016. С. 10.

<sup>2</sup> Иванова С., Иваноў Я. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў. Мінск: БФС, 1997. С. 156.

<sup>3</sup> Латгальский язык — один из трёх современных балтийских языков (наряду с латышским и литовским), язык коренных жителей Латгалии — восточной части Латвийской Республики, см.: Lazdiņa S., Marten H. F. Latgalian in Latvia: A Continuous Struggle for Political Recognition // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2012. Vol. 11. № 1. P. 66–87.

<sup>4</sup> Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка : дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. С. 21.





которой могут существенно различаться в разных языках и влиять как на выбор способов, так и степени адекватности передачи пословицы лексическими и грамматическими средствами чужого языка. В этом смысле лексико-грамматическая организация тувинских пословиц может иметь как общие с пословицами других языков свойства, в том числе также и универсальные (Петрушэўская, 2019), так и специфические, которые следует учитывать при переводе.

Так, для грамматической структуры значительного количества пословиц в тувинском языке «характерно употребление сопоставляемых грамматических форм в назывательном (именительном) падеже, что придаёт суждению особую точность и выразительность» (Курбатский, 2001: 344) и, как правило, не представляет особой трудности для адекватного перевода на русский язык, напр.: *Кижиги — акшаның кулу* ‘Человек — раб денег’<sup>1</sup>, а также на английский язык, напр.: ‘Human is a slave to money’. Следует отметить, что в данном случае в силу общности человеческого мышления и универсальности грамматической модели «N+N / N+is+N» в пословичных фондах языков мира тувинская пословица о человеке как рабе денег имеет множество иноязычных параллелей с близкими или аналогичными структурно-семантическими моделями. Так, в русском языке есть структурно-семантический аналог тувинской пословицы, который может быть использован в качестве её переводного пословичного эквивалента, напр.: *И барину деньга (деньги) господин* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 34). Однако нужно помнить, что сама по себе грамматическая организация пословицы не является достаточным провербиальным фактором для выбора её иноязычных переводных эквивалентов, следует учитывать ещё и такой фактор, как композиционно-образная структура. Так, в европейских языках употребляются аналогичные пословице *Кижиги — акшаның кулу* ‘Человек — раб денег’ по грамматической организации, но не близкие по структурно-семантической модели пословицы, которые нельзя использовать в качестве её полных переводных эквивалентов, напр.: рус. *Добрый хозяин — деньгам господин, а скупой — слуга* (там же: 961), латыш. *Nauda ir labs kalps, bet bīstams kungs* ‘Деньги — хороший слуга, но опасный господин’ (Milzere, 1998: 88); англ. *Money is a good servant but a bad master* ‘Деньги — хороший слуга, но плохой хозяин’ (Dictionary of Proverbs, 2006: 389).

Особенности лексической организации пословицы могут оказывать решающее воздействие на адекватность её перевода в случае семантической вариативности отдельных лексических компонентов, а также их сочетаний и/или корреляций в пословице.

Так, трудность перевода тувинской пословицы *Кижиги кижиден каралыг, Киш киштен каралыг* заключается в лексической игре компонентов *каралыг* (лексемы *каралыг* и семантически связанной с ней *кара* ‘чёрный’). В паремнографическом сборнике Б. К. Будупа даётся следующий перевод этой пословицы: ‘Бывают люди разборчивее нас, Бывает соболя чернее другого’<sup>2</sup>. На наш взгляд, такой перевод является не вполне адекватным, поскольку искажает традиционный (действительный) смысл пословицы. В тувинском языке слово *каралыг* означает ‘недоверчивый, мнительный, подозрительный’ (*каралыг кижиги* ‘мнительный человек’) (Тувинско-русский словарь ..., 1968: 228), а применительно к соболю *каралыг* означает чёрную окраску его меха. Тогда, на первый взгляд, правильный перевод на русский может звучать как ‘Человек человека подозрительнее, Соболя соболя чернее’. Это подтверждает и перевод близкой по смыслу и аналогичной по структурно-семантической модели пословицы *Кижиги кижиден кажар, Киш киштен кара* как ‘Человек человека хитрее, Соболя соболя чернее’. Однако и здесь не всё оказывается так просто.

Особенности лексической организации пословицы почти всегда взаимосвязаны с семантической вариативностью общего пословичного значения под влиянием речевых контекстов и ситуаций функционирования данной пословицы. Достаточно значимым в этой связи является традиционный контекст — типичное употребление пословицы в различных текстах устного народного творчества (прежде всего, в произведениях собственно эпических и лиро-эпических жанров). В исследовании Д. С. Куулара «Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций»<sup>3</sup> утверждается, что в тувинском эпосе много внимания уделяется идее воспитания молодёжи в духе

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 106.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.09. Улан-Удэ, 2000. 48 с. С. 23.



любви к родине, для чего в фольклорных текстах различных жанров часто повторяется наказ молодым тувинцам, выраженный в пословичной форме: Соболь соболя чернее, Человек человека злее. В данном изречении выражается мнение не о взаимоотношениях людей (по аналогии с широко известным изречением лат. *Homo homini lupus est* 'Человек человеку волк'), как это может показаться, а об отношении к чужбине, ко всем чужим людям (инородцам). «Повторением подобных афористических выражений мудрые сказители проводят идею привязанности человека к родной земле и своим соплеменникам»<sup>1</sup>. Вне сомнения, пословица *Кижы кижиден каралыг, Киш киштен каралыг* имеет такой же традиционный смысл (о чужбине и чужих людях), поэтому её адекватным переводом будет 'Человек человека чернее (злее), Соболь соболя чернее' (с учётом доказанного здесь фактора семантической вариативности, а также обусловленного им фактора лексической организации, где *каралыг* в составе пословицы следует понимать в обоих случаях 'чёрный', но применительно к соболу в прямом значении, а применительно к человеку — в переносном как 'злой').

Семантическая вариативность лексических компонентов вызывает и ряд трудностей в адекватном переводе пословицы *Бак кижиниң чоруу Баарда, кээрде — дөрт*, которая в словаре тувинских пословиц и поговорок Б. К. Будупа довольно ярко, даже излишне эмоционально переводится на русский язык как 'У вспыльчивого и забывчивого Два прихода и два ухода'<sup>2</sup>. В тувинско-русском словаре под редакцией Э. Р. Тенишева данная пословица переводится уже как 'Нерадивый за одной вещью два раза ходит' (*Тувинско-русский ...*, 2014: 87), что гораздо более близко оригиналу, поскольку тувинское *бак* имеет значение 'плохой, дурной, нерадивый' (*Тувинско-русский словарь ...*, 1968: 87). Однако следует, на наш взгляд, учитывать и другие значения лексемы *бак*, поскольку, как уже указывалось выше, именно лексическая полисемия в составе пословицы детерминирует и маркирует её возможное контекстно-ситуативное значение, которое также должно быть представлено при словарном переводе пословиц. Поэтому буквальный перевод данной пословицы звучит как 'У плохого (У нерадивого) человека Уходов, приходов — четыре'. Остаётся не вполне прозрачным перевод второй части этой двучленной пословицы *Баарда, кээрде — дөрт* 'Уходов, приходов — четыре', что может неверно восприниматься реципиентом как 'четырежды приходит и уходит'. Исходя из этого, во второй части вместо буквального перевода, на наш взгляд, целесообразно использовать принцип адаптивного перевода, что в итоге даст наиболее адекватный перевод всей пословицы как 'Дурной (нерадивый) человек дважды за одним приходит и уходит'. Эквивалентной в русском языке является пословица *Глуп да ленив одно дважды делает* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 178).

### Этнокультурно маркированные компоненты пословицы

С проverbsальными факторами композиционно-образной структуры и лексико-грамматической организации пословицы тесно связан ещё и такой важный фактор перевода, как наличие в пословичной образной и / или лексико-семантической структуре этнокультурно маркированных компонентов. Данные компоненты отражают особенности истории, материальной и духовной культуры того народа, пословицы которого переводятся на чужой язык.

Особенно значимым данный фактор становится в случае, когда в языке перевода обнаруживается лакуарность<sup>3</sup> по отношению к языку оригинала определённых фрагментов языковой картины мира и/или средств её выражения в силу разительного лингвокультурного отличия двух народов.

Так, многие тувинские пословицы являются этнолингвокультурно маркированными, содержат этнолингвомаркёры (термин О. В. Ломакиной), т. е. специфические компоненты как носители национальной «культурной памяти», которые могут не иметь аналогов в других языках (Ломакина, 2018: 85). Отсутствие таких аналогов представляет серьёзную трудность для перевода. Так, А. М. Коняшкин и Ш. С. Чадамба признают, что «идеальный перевод» национально-маркированных пословиц в боль-

<sup>1</sup> Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: автореф. дисс. ... доктора филол. наук : 10.01.09. Улан-Удэ, 2000. 48 с. С. 23.

<sup>2</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 20.

<sup>3</sup> Лакуарность — это категория, одним из компонентов которой являются лакуны, которые определяются в современной этнолингвистике как — «пробелы, «белые пятна» на семантической карте языка, текста или культуры, являющихся способами существования национального сознания», см.: Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144 с. С. 5.



шинстве случаев невыполним, поскольку редукция национальной специфики в данном случае неизбежна (Коняшкин, Чадамба, 2014а: 203). По нашему мнению, перевод необязательно должен быть идеальным, он должен быть адекватным оригиналу. В этой связи влияние этнокультурно маркированных компонентов пословицы на выбор способа её перевода часто становится определяющим, особенно когда в языке перевода присутствует аналогичная по структурно-семантической модели и тождественная по значению пословица.

Так, тувинская пословица *Азага кыскаш-даа эвес Бурганга чула-даа эвес* аналогична по своей структурно-семантической модели и тождественна по своему значению русской пословице *Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга*, однако включает в свой состав два этнолингвокультурно маркированных компонента *азага* и *бурганга*. В словаре Б. К. Будупа эта пословица переводится на русский язык 'Ни бургану (у иконы, у бога) лампада, ни чёрту щипцы'<sup>1</sup>. Весьма близкий перевод даётся в словаре М. Хадаханэ и О. Саган-оола: 'Ни у бургана лампада, ни у чёрта щипцы'<sup>2</sup>. Оба перевода с инверсированным порядком структурных частей пословицы, что обусловлено, видимо, стремлением подчеркнуть влияние русского аналога, от которого была в своё время образована тувинская пословица. В частности, Г. Н. Курбатский отмечал, что она скалькирована с соответствующей русской пословицы (Курбатский, 2001: 244). Оба перевода включают этнолингвомаркёр *бурган*, который призван, скорее всего, продемонстрировать трансформацию русской пословицы в тувинском языке как результат её лингвокультурной ассимиляции (то же касается и компонента *щипцы*, который не так явно, как *бурган*, но всё же маркирует этнокультурное своеобразие тувинского аналога русской пословицы).

Такой перевод, на наш взгляд, следует признать не вполне удачным, поскольку в нём совмещены два противоположных подхода при передаче на другой язык этнокультурно маркированных устойчивых единиц — буквальный перевод и перевод с помощью пословичного эквивалента (аналога). Кроме того, ни тот, ни другой подходы не реализованы в полной мере. В результате такого перевода возникает некая «третья пословица» (в которой есть и *бурган*, и *чёрт*, и *лампада*, и *щипцы*), которая не является ни тувинской, ни русской, поскольку ни в тувинской, ни в русской традиционной культуре нет именно такого целостного набора реалий, о которых идёт речь в данном переводе. Достаточно сказать, что русские не представляют себе, кто такой *бурган*, а у тувинцев *лампада* имеет совершенно иные вид и предназначение, чем в христианстве. Традиционной религией тувинцев является буддизм, в практике которого очень распространены лампы в форме металлических вазочек на подставках, в которых горит огонь. В буддизме лампада имеет собственную культовую значимость, существует даже праздник тысячи лампад.

В подобных случаях следует строго разграничивать буквальный перевод и перевод с помощью иноязычных пословичных эквивалентов (аналогов). Наиболее адекватным и репрезентативным в лексикографическом аспекте здесь представляется буквальный перевод с сохранением в составе переводного соответствия этнокультурно маркированных элементов как показатель того, что данная пословица глубоко ассимилирована в традиционной тувинской культуре и воспринимается самими тувинцами уже не как русскоязычное заимствование, а как органичная часть этнокультурно самобытного пословичного фонда тувинского народа.

Компоненты-этнолингвомаркёры в тувинской пословице нуждаются в специальном лингвокультурологическом комментарии, который является обычным для словарных переводов (используется и в словарях тувинских пословиц для пояснения русскоязычных переводов, включающих тувинскую лексику, в частности, и *Азага кыскаш-даа эвес Бурганга чула-даа эвес* 'Ни бургану (у иконы, у бога) лампада, ни чёрту щипцы' в словаре Б. К. Будупа, где поясняются «чула (эрги) — ден, чырыткы» и «у бургана — у иконы, у бога»<sup>3</sup>).

В данном случае для лингвокультурологического комментария могут быть использованы следующие сведения.

*Аза* — в тувинском фольклоре обозначает злого духа, демона. Это общее для всех тюркских народов Южной Сибири название злой силы. В монгольском языке демон обозначается *ада*, которое считается ранним заимствованием из тюркских языков (Татаринцев, 2000: 69–70). В свою очередь, тувинское *аза*

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 14.

<sup>2</sup> Там же. С. 163.

<sup>3</sup> Там же. С. 14.



могло быть заимствовано тюрками из индоиранских языков в связи с проникновением на территорию Тувы буддизма, поскольку связана с индийскими демонами низшего порядка — санскр. *асура* (Ой-ноткинова, 2018: 42). Тувинское устойчивое выражение *Аза алзын!* соответствует русскому *Чёрт возьми!* Однако тувинское *аза* весьма существенно отличается от русского *чёрт*. По поверьям тувинцев, *аза* — это душа умершего человека (Орус-оол, 2020: 16).

*Бурган* — общее для тюркских и монгольских народов (монг. *бурхан*), заимствовано из монгольского языка (Татаринцев, 2000: 295), обозначает и само божество, и его изображение. В тувинском фольклоре этим словом называется сам Будда — *Бурган Башкы*.

*Кыскаш* переводится на русский язык как '1) щипцы; клещи' или как '2) кочерга' (Тувинско-русский словарь ..., 1968: 280). И щипцы, и кочерга имеют сходные функции — служат для разгребания углей в печи, в очаге, в костре. Следует отметить, что компонент *кочерга* в составе устойчивых выражений имеет и другое значение. Образ кочерги в аналогичной пословичной модели встречается в восточнославянских языках, напр.: рус. *Упрямый — что лукавый: ни Богу свечка, ни чёрту кочерга* (Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010: 75); бел. *Ні богу свечка ні чорту качарга* (Лепешаў, 2008: 524). Первоначальное значение слова *кочерга* 'палка, обожжённая с одного конца', которую могли использовать для освещения, как лучину. Иными словами, восточнославянское *кочерга* — это такой же источник света, как и лампада, но используется как аналог свечи или лучины. В славянских аналогах русской пословицы о чёрте и кочерге, присутствуют образы огарка свечи и лучины, напр.: польск. *Bogi świeczka, a diabłu ogarek* (Adalberg, 1894: 31), укр. *З нашого Захарки ні Богу свічка, ні чортові угарка; Ні Богові свічка, ні чорту шпичка* (где *шпичка* 'острая палочка') (Чусь, 2013: 107). Показательно, что в таджикском языке есть пословичный аналог, в котором также упоминается *свеча* в связи с загробным миром, напр.: *На шамъи мазор, на чорӯб хона* 'Ни свеча для гробницы, ни веник для комнаты' (Калонтаров, 1965: 246).

С учётом фактора этнокультурно маркированных компонентов пословица *Азага кыскаш-даа эвес Бурганга чула-даа эвес* переводится на русский язык как 'Ни аза щипцы (кочерга), ни бургану лампада' с лингвокультурологическим комментарием и одновременной отсылкой к русскоязычному пословичному эквиваленту *Ни Богу свечка, ни чёрту кочерга*. На английский язык тувинская пословица также переводится с сохранением национально маркированных компонентов *бурган* и *аза* как *burgan* и *aza* с лингвокультурологическим комментарием, напр.: 'Neither rake to aza nor lamp to Burgan'. Пословичными эквивалентами тувинской пословицы в английском языке являются *Neither fish nor flesh* 'Ни рыба, ни мясо'; *Neither fish nor good red herring* 'Ни рыба, ни красная копчёная сельдь'; *Neither seeds nor meal* 'Ни зерно, ни мука'; *Neither sugar nor salt* 'Ни сахар, ни соль' (Dictionary of Proverbs, 2006: 407).

Таким образом, для словарного перевода этнокультурно маркированных тувинских пословиц наиболее подходит буквальный перевод с сохранением и комментированием этнолингвомаркёров, а также одновременно и перевод с помощью иноязычных пословичных аналогов (по структурно-семантической модели) в случае их наличия.

### Заключение

Принципы и способы перевода тувинских пословиц детерминированы как общими факторами (структурно-языковым, культурным, семиотическим, когнитивным, коммуникативно-прагматическим), так и частными, обуславливающими в своей совокупности характер и способы перевода только единиц пословичного фонда (провербиальными факторами перевода).

К провербиальным факторам перевода тувинских пословиц относятся семантическая вариативность пословицы, её композиционно-образная структура и лексико-грамматическая организация, наличие в её составе этнокультурно маркированных образных и понятийных компонентов.

Провербиальные факторы перевода не существуют и не реализуются изолированно друг от друга, поскольку репрезентируют тесно связанные между собой аспекты пословицы как сложного языкового знака и как фольклорного произведения (однофразового текста).

Основным результатом использования провербиальных факторов перевода является, во-первых, повышение степени адекватности перевода тувинских пословиц на русский язык и на английский язык, а во-вторых, расширение возможностей передачи национальной (языковой, фольклорной, этнокультурной) специфичности тувинских пословиц средствами русского, английского языков.

Установлено, что провербиальные факторы перевода являются одним из наиболее эффективных инструментов преодоления переводческих трудностей, а также критериев выбора иноязычных эк-





вивалентов при межъязыковой трансляции тувинских пословиц в аспекте паремиографии (при описании в полилингвальном паремиологическом словаре).

Перспективой для дальнейших исследований является разработка и верификация конкретных приёмов перевода тувинских пословиц на русский и на английский языки с учётом каждого из про-вербиальных факторов и создание на этой основе методики словарного перевода единиц тувинского пословичного фонда с целью её использования при составлении различных (нормативных, полилингвальных, учебных) паремиографических словарей тувинского языка.

Адекватный перевод тувинских пословиц на русский и на английский языки в новых словарях тувинского пословичного фонда не только позволит ввести его в научный оборот при типологическом описании паремиологии европейских и азиатских языков, но и создаст возможность для передачи средствами русского и английского языков этнонациональной самобытности тувинской паремиологии на фоне евроазиатского паремиологического континуума.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балляр, М. (2009) Пословица и перевод // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. № 2. С. 38–63.
- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бредис, М. А. (2019) Человек и деньги. Очерки о пословицах русских и не только. СПб. : Петербургское Востоковедение. 295 с.
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 115 с.
- Бурькин, А. А. (2020) Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок // Новые исследования Тувы. № 3. С. 189–209. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.14>
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Жуков, В. П. (1991) Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык. 534 с.
- Иванов, В. Н. (2017) Пять аспектов теории перевода // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. № 2. С. 20–48.
- Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры = Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. № 2 (24). С. 88–91.
- Иванов, Е. Е. (2014) Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Серия: Филологические науки. № 77. С. 21–24.
- Иванов, Е. Е. (2019а) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>



- Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
- Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>
- Иваноу, Я. Я. (2011) Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай мов: падабенствы і разыходжанні // Філолагічны студіі. Вип. 6. Ч. 2. С. 53–63. (На белорус. яз.)
- История Тувы (2001) : в 2 т. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.
- Калонтаров, Я. И. (1965) Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душанбе : Ирфон. 534 с.
- Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9–2(63). С. 107–109.
- Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1(72). С. 92–95.
- Киндеркнехт, А. С. (2007) К вопросу о переводе пословиц // Вестник Пермского государственного технического университета. № 10 (16). С. 3–10.
- Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014a) О некоторых особенностях введения паремий в художественный текст (на материале русских переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3 (46). С. 200–202.
- Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014b) Проблема перевода тувинских паремий (на материале русских художественных переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3 (46). С. 202–204.
- Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2017) Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). С. 616–618.
- Крикманн, А. (1978) Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремиологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст) / сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М. : Наука. 320 с. С. 82–104.
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблема перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 4. С. 405–420. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Кузьмин, С. С. (2004) Идиоматический перевод с русского языка на английский: теория и практика. М. : Флинта; Наука. 311 с.
- Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Алетейя. 368 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: тувинский феномен. М., : Либроком. 272 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Лепешаў, І. Я. (2008) Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы : у 2 т. Мінск : Беларуская энцыклапедыя. Т. 2. 702 с. (На белорус. яз.)
- Ломакина, О. В. (2018) Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М. : РУДН. 344 с.
- Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2016) Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. № 3(45). С. 119–128.
- Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018a) Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Slavica Tartuensia. Т. XI. С. 103–128.
- Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018b) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4(54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>
- Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.



Мокиенко, В. М. (2012) Давайте говорить правильно: пословицы в современном русском языке. М. : ОЛМА Медиа Групп. 413 с.

Мокиенко, В. М. (2017) Давайте правильно говорить по-русски: пословицы...: как их правильно понимать и употреблять: толкование, происхождение, иноязычные соответствия. М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка. 316 с.

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., Николаева, Е. К. (2010) Большой словарь русских пословиц. М. : ОЛМА Медиа Групп. 1024 с.

Мюррей, Ю. В. (2008) Большая книга русских пословиц и поговорок и их английских аналогов = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents. М. : АСТ ; Санкт-Петербург : Сова. 252 с.

Ойроткинова, Н. Р. (2018) Демоним «аза» в языке и фольклоре тюрков Южной Сибири // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 40–52. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/63/4>

Орус-оол, С. М. (2020) Мифы, легенды и предания тувинцев-тоджинцев. Кызыл : Радуга Тувы. 80 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / ред. Е. Е. Иванов, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушэўская, Ю. А. (2019) Лінгвістычныя ўніверсаліі і парэміялагічны фонд мовы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. № 2. С. 115–121. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А. (2020) Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 312 с. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы / рэд. Я. Я. Іваноў. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На белорус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А., Іваноў, Я. Я. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 4. С. 48–52. (На белорус. яз.)

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Татаринцев, Б. И. (2000) Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск : Наука. Т. 1. 339 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Тувинско-русский словарь (2014). 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл : Тываполиграф. 648 с.

Чадамба, Ш. С. (2014) О некоторых особенностях перевода предложений-паремий в текстах русских художественных переводов с тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–1(35). С. 191–193.

Чусь, Г. Н. (2013) Пословица не даром молвится = Нема приповідки без правди = A good maxim is never out of season = Proverbe ne peut mentir: более 5000 русских, украинских, английских и французских пословиц. М. : Либроком. 256 с.

Цэнгэльскіе тувінцы: фольклор і літаратура (2020) / Донгак У. А. і др.; науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск : Наука. 152 с.

Adalberg, S. (1894) Księga przysłów porzypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich. Warszawa : Druk Emila Skińskiego. 865 s. (На польском яз.)

Dictionary of Proverbs (2006) / compiled from G. L. Apperson, revised by M. H. Manser and S. Curtis. Wordsworth Editions Ltd. 656 p.

Ivanov, E., Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages) // Acta Germano-Slavica. Vol. 1. Pp. 85–97.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.

Kuusi, M. (1994) Mind and Form in Folklore. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 199 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Milzere, M. (1998) Latviešu sakāmvardi un parunas. Rīga : Zvaigzne ABC. 144 p. (На латыш. яз.)

Opincāne, B. (2000) Latgaļu parunas un sokomvõrdi. Rēzekne: Latgolas kult. centr. 86 p. (На латг. яз.)

*Дата поступления: 13.12.2021 г.*



## REFERENCES

- Balliar, M. (2009) Poslovitsa i perevod [Proverbs and translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Issue 22: Teoriia perevoda*, no. 2, pp. 38–63. (In Russ.).
- Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Kata-nova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).
- Bredis, M. A. (2019) *Chelovek i den'gi. Ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko [Man and money. Essays on Russian proverbs, and more]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie. 295 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in contemporary linguistics: approaches to studying, text-forming and linguocultural capabilities]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs about wealth and poverty of the Baltic-Finnish peoples of Russia against the European paremiological background]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguocul-turological commentary as compared to European paremiology]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143-160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverbs in contemporary linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiya kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinits) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages: the case of numerative units]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>
- Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii [Tuvan culture: the material and the spiritual, traditions and innovations]*. Kyzyl, TuvSU Publ. 115 p. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2020) Buddiiskie motivy v fol'klоре (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i buriatskikh epicheskikh proizvedenii i bogatyrskikh skazok) [Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.14](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.14)
- Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovor-kakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Zhukov, V. P. (1991) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian proverbs and sayings]*. 4<sup>nd</sup> ed. Moscow, Russkii iazyk. 534 p. (In Russ.).
- Ivanov, V. N. (2017) Piat' aspektov teorii perevoda [Five aspects of translation theory]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Issue 22: Teoriia perevoda*, no. 2, pp. 20–48. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2009) Kriterii sistematizatsii aforisticheskogo materiala kak ob"ekta leksikograficheskogo opisaniia [Criteria for systematization of aphoristic material as an object of lexicographic description]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 88–91. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2014) Paradoksal'nye poslovitsy v russkom i belorusskom iazykakh [Paradoxical proverbs in Russian and Belarusian]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo. Issue Filologicheskie nauki*, no. 77, pp. 21–24. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorisms]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
- Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinits v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in contemporary Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
- Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob"ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [The aphorism as an object of linguistics and its major properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>





Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naya spetsifichnost' poslovnichnogo fonda (osnovnye poniatii i metodika vyiavleniia) [The ethnic character of the proverbial corpus: basic concepts and procedure for identification]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanoŭ, Ya. Ya. (2011) Paremiialagichnyia sistemy belaruskai i ruskai moŭ: padabenstvy i razykhodzhanii [Paremiological systems of the Belarusian and Russian languages: similarities and discrepancies]. *Filologichni studii*, issue 6, part 2, pp. 53–63. (In Belarusian).

*Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (2001) : in 2 vols. 2nd ed / ed. by S. I. Vanshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. 367 p. (In Russ.).

Kalontarov, Ya. I. (1965) *Tadzhikskie poslovitsy i pogovorki v analogii s russkimi [Tajik proverbs and sayings by analogy with Russian]*. Dushanbe, Irfon. 534 p. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Specifics of phraseological units with the component “ear” in the Tuvan language in comparison with Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9–2(63), pp. 107–109. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [Semantic features of phraseological units with the component “hand” in Tuvan and Russian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6–1(72), pp. 92–95. (In Russ.).

Kinderknekt, A. S. (2007) K voprosu o perevode poslovits [On the question of translating proverbs]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 10 (16), pp. 3–10. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014a) O nekotorykh osobennostiakh vvedeniia paremii v khudozhestvennyi tekst (na materiale russkikh perevodov) [Some issues of introducing paroemias into a literary text: the case of Russian translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (46), pp. 200–202. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014b) Problema perevoda tuvinskikh paremii (na materiale russkikh khudozhestvennykh perevodov) [The problem of translating Tuvan paroemias: the case of Russian literary translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (46), pp. 202–204. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2017) Lingvokul'turologicheskii aspekt tuvinskikh paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov [The linguoculturological aspect of Tuvan paroemias in the texts of Russian literary translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), pp. 616–618. (In Russ.).

Krikmann, A. (1978) Nekotorye aspekty semanticheskoi neopredelennosti poslovitsy [Some aspects of the semantic ambiguity of the proverb]. In: *Paremiologicheskii sbornik: poslovitsa, zagadka (struktura, smysl, tekst) [A paremiological collection: proverb and riddle (structure, meaning, text)]* / comp. and ed. by G. L. Permiakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 82–104. (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problema perevoda kontseptov kul'tury na drugoi iazyk: na primere tuvinskikh kontseptov kul'tury [The problems of translating cultural concepts into another language: on the example of Tuvan cultural concepts]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Kuz'min, S. S. (2004) *Idiomaticheskii perevod s russkogo iazyka na angliiskii: teoriia i praktika [Idiomatic translation from Russian into English: theory and practice]*. Moscow, Flinta, Nauka. 311 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdru proshlym i budushchim [Tuva between the past and future]*. St. Petersburg, Aletheia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p.

Lepeshau, I. Ia. (2008) *Sloŭnik frazealogizmau belaruskai movu [Dictionary of phraseological units of the Belarusian language]*: in 2 vol. Minsk, Belaruskaija entsyklopedyia. Vol. 2. 702 p. (In Belarusian).

Lomakina, O. V. (2018) *Frazeologiiia v tekste: funktsionirovanie i idiosyl' [Phraseology in the text: functioning and idiosyl]*. Moscow, RUDN. 344 p. (In Russ.).



Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2016) Poznavatel'nyi potentsial rusinskikh paremii na fone russkogo i ukrainskogo iazykov [Cognitive potential of Rusyn paremias against the background of Russian and Ukrainian languages]. *Rusin*, no. 3(45), pp. 119–128. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018a) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavianskom fone [Carpatho-Rusyn somatic paremias against a Slavic background]. *Slavica Tartuensia*, vol. XI, pp. 103–128. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018b) Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages)]. *Rusin*, no. 4(54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoj traditsionnoi kul'ture [The Tuvan tercet: the triad in Tuvan traditional culture]*. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN. 138 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2012) *Davaite govorit' pravil'no: posloviitsy v sovremennom russkom iazyke [Let's speak correctly: proverbs in contemporary Russian]*. Moscow, OLMA Media Grupp. 413 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2017) Davaite pravil'no govorit' po-russki: posloviitsy...: kak ikh pravil'no ponimat' i upotreblit': tolkovanie, proiskhozhdenie, inoiazychnye sootvetstviia [Let's speak Russian correctly: proverbs...: how to understand and use them correctly: interpretation, origin, foreign language correspondences]. Moscow, St. Peterburg, Tsentrpoligraf, Russkaia troika. 316 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. and Nikolaeva, E. K. (2010) *Bol'shoi slovar' russkikh posloviits [A large dictionary of Russian proverbs]*. Moscow, OLMA Media Grupp. 1024 p. (In Russ.).

Miurrei, Yu. V. (2008) *Bol'shaia kniga russkikh posloviits i pogovorok i ikh angliiskikh analogov = The Big Book of Russian Proverbs and Sayings with their English Equivalents*. Moscow, St. Peterburg, AST, Sova. 252 p. (In Russ.).

Oinotkinova, N. R. (2018) Démonim «aza» v iazyke i fol'klore tiurkov Iuzhnoi Sibiri [Démonym 'aza' in the language and folklore of the Turkic peoples]. *Siberian Journal of Philology*, no. 2, pp. 40–52. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/63/4>

Orus-ool, S. M. (2020) *Mify, legendy i predaniia tuvintsev-todzhintsev [Myths, legends and legends of the Toji Tuvans]*. Kyzyl, Raduga Tuvy. 80 p. (In Russ.).

*Paremiologiia bez granits [Paremiology without borders] (2020)* / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

*Paremiologiia v diskurse [Paremiology in discourse] (2015)* / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

*Paremiologiia na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021)* / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p.

Petrusheuskaia, Yu. A. (2019) Lingvistichnyia ŷniversalii i paremiialagichny fond movy [Linguistic universals and the paremiological foundation of language]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue A: Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 115–121. (In Belarusian).

Petrusheuskaia, Yu. A. (2020) *Universal'ny i internatsional'ny kampanenty u paremiialagichnym skladze belaruskai movy: belarуска-inshamoŷnu slounik [Universal and international components in paremiological structure of Belarusian language: A Belarusian-foreign dictionary]*. Magileu, MDU. 312 p. (In Belarusian).

Petrusheuskaia, Yu. A. (2021) *Moŷnaia spetsyfičnasts' i natsyional'naia admetnasts' prykazak belaruskai movy [Linguistic peculiarity and ethnic specificity in Belarusian proverbs]* / ed. by Ya. Ya. Ivanou. Magileu, MDU imia A. A. Kuliashova. 220 p. (In Belarusian).

Petrusheuskaia, Yu. A. and Ivanou, Ya. Ya. (2021) Asnounyia kampanenty prykazki iak mounai adzinki: prykazkavaia strukturna-semantichnaia madel' [The main components of a proverb as a linguistic unit: a proverbial structural and semantic model]. *Vestsi BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psichalogiia. Filalogiia*, no. 4, pp. 48–52. (In Belarusian).

Potapov, L. P. (1969) *Očerki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Tatarintsev, B. I. (2000) *Etimologičeskii slovar' tuvinskogo iazyka [An etymological dictionary of the Tuvan language]*. Novosibirsk, Nauka. Vol. I: A–B. 339 p. (In Russ.).

*Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968)*: c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

*Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (2014)*. 2<sup>nd</sup> ed. / ed. by E. R. Tenishev and D. A. Mongush. Kyzyl, Tyvapoligraf. 648 p. (In Russ. and Tuv.).

Chadamba, Sh. S. (2014) O nekotorykh osobennostiakh perevoda predlozhenii-paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [Some aspects of translating paroemic sentence in Russian literary translations from Tuvan]. *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–1(35), pp. 191–193. (In Russ.).



Chus', G. N. (2013) *Poslovitsa ne darom molvitsia = Nema pripovidki bez pravdi = A good maxim is never out of season = Proverbe ne peut mentir: bolee 5000 russkikh, ukrainskikh, angliiskikh i frantsuzskikh poslovits [Over 5000 Russian, Ukrainian, English and French proverbs]*. Moscow, Librokom. 256 p. (In Russ. et al.).

*Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: folklore and literature]* (2020) / Dongak U. A. et al., ed. by G. Zolbaier and B. Baiarsaikhan. Novosibirsk, Nauka. 152 p. (In Russ.).

Adalberg, S. (1894) *Księga przysłów porzypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich [Book of proverbs and proverbial polish expressions]*. Warszawa, Druk Emila Skiwskiego. 865 p. (In Polish)

*Dictionary of Proverbs* (2006) / sompiled from G. L. Apperson, revised by M. H. Manser and S. Curtis. Wordsworth Editions Ltd. 656 p.

Ivanov, E. and Feldman, V. (2007) Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarusian and Russian Languages). *Acta Germano-Slavica*, vol. 1, pp. 85–97.

Ivanov, E. and Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Kuusi, M. (1994) *Mind and Form in Folklore*. Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 199 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Milzere, M. (1998) *Latviešu sakāmvārdi un parunas [Latvian proverbs and sayings]*. Rīga, Zvaigzne ABC. 144 p. (In Latvian)

Opincāne, B. (2000) *Latgaļu parunas un sokomvōrdi [Latgalian sayings and sokomvōrdi]*. Rēzekne, Latgolas kult. centr. 86 p. (In Latgal)

Submission date: 13.12.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.3

Статья

## Контраст в тувинских пословицах

**Татьяна Г. Бочина**

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация



В статье рассматриваются различные реализации в тувинских пословицах и поговорках принципа контраста, универсального способа познания окружающего мира и дихотомического структурирования знания. Демонстрируется роль параллелизма в ритмико-композиционном построении тувинских паремий, выявляются разные виды параллелизмов, основанных на сходстве и контрасте. Для тувинских паремий, как и для пословиц многих народов, характерна форма синтаксически симметричных предложений, которая создает ритмичность чередований оппозиций и является фоном, акцентирующим контраст.

Основное внимание уделяется классификации оппозиций. Доказано, что в тувинских пословицах используется богатый репертуар лексических средств выражения контраста, которые в соответствии с теорией поля делятся на ядерную, центральную и периферийную зоны в зависимости от языковой репрезентативности: ядро образуют антонимы, конверсивы, утвердительно-отрицательные оппозиции; центр составляют семантически и грамматически асимметричные квазиантонимы и квазиконверсивы, согипонимы; на периферии находятся коннотативные антонимы.

Контрастные пары анализируются в аспекте отражения языковой картины мира, при этом затрагивается ряд культурных кодов, среди которых зооморфный, соматический, антропоморфный. На примере тувинских пословиц с компонентами зоонимами, соматизмами, наименованиями родства показывается взаимодействие инвариантных архетипических оппозиций и национальной вариативности их реализации.

Значительное внимание в работе уделяется аксиологической сущности бинарного восприятия и описания мира, роли количественной и качественной оценки в формировании пословичных биномов.

Эмпирической базой исследования послужили 770 тувинских пословиц из сборника пословиц 2020 г. (составитель К. Будуп), из которых методом сплошной выборки были отобраны паремии, основанные на контрасте.

**Ключевые слова:** паремия; тувинская пословица; тувинский язык; контраст; параллелизм; оппозиция; культурный код

---

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

---



**Для цитирования:**

Бочина Т. Г. Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 37-46. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

---

**Бочина Татьяна Геннадьевна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Тел.: +7 (842) 221-33-70. Эл. адрес: [Tatyana.Bochina@kpfu.ru](mailto:Tatyana.Bochina@kpfu.ru)

**BOCHINA, Tatyana Gennadevna**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in the Field of International Relations, Kazan (Volga region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaja St., Kazan, 420008, Russia. Tel.: +7 (842) 221-33-70. E-mail: [Tatyana.Bochina@kpfu.ru](mailto:Tatyana.Bochina@kpfu.ru)

ORCID ID: 0000-0002-2606-2985





## Contrast in Tuvan Proverbs

**Tatyana G. Bochina**

*Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation*

*The article examines a variety of practical realizations that the principle of contrast finds in Tuvan proverbs and sayings. Contrast is a universal method of cognition and of dichotomical structuring of the world. We focus on the role played by parallel constructions (making use of similarities or contrasts) in rhythmic and compositional ordering of Tuvan paremies. As it happens, in many other languages, they tend to take the form of syntactically symmetrical sentences, with opposing contradistinctions alternating rhythmically, which in turn sets the background for contrast.*

*Special attention has been paid to classifying the oppositions. We have proved that Tuvan proverbs make use of a rich variety of lexical means of expressing contrast. In accordance with the field theory, they can be subdivided into the nuclear, central and peripheral zones, depending on how linguistically representative the unit is. Antonyms and converse terms appear at the core, as well as affirmative/negative oppositions, while the semantically and grammatically asymmetrical quasi-antonyms, and quasi-converse terms and co-hyponyms comprise the centre. Finally, connotative antonyms move to the periphery.*

*The contrasted pairs of units are analysed against the background of how they reflect the linguistic world picture, dealing with a number of cultural codes, including the zoomorphic, somatic and anthropomorphic ones. The case of Tuvan proverbs containing zoonyms, somatic words and/or kinship terms is a good example of how archetypical oppositional invariants come together with the ethnic variegation of their expression.*

*The article also pays attention to axiological nature of how the world is perceived and described in a binary fashion, and to the qualitative and quantitative assessment and the role it plays in setting up proverbial binomiality.*

*Empirically, our study is limited to 770 proverbs from the 2020 collection brought together by K. Budup. Continuous sampling helped us select a number of contrast-based paremies from this batch.*

**Keywords:** *paremy; Tuvan proverbs; Tuvan language; contrast; parallelism; opposition; cultural code*

*This paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program.*



**For citation:**

Bochina T. G. Kontrast v tuvinskih poslovitsakh [Contrast in Tuvan Proverbs]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.3>

### Введение

Первый сборник тувинских пословиц на тувинском и русском языках был издан в 1953 г.<sup>1</sup> С тех пор было опубликовано около десяти сборников, однако тувинская паремиология находится в самом начале научного описания народных изречений. Чаще всего объектом изучения является та или иная тематическая группа паремий. Изучались, например, символика числа<sup>2</sup>, образ мужчины и женщины (Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), зоонимы<sup>3</sup> в тувинских пословицах, не-

<sup>1</sup> Чадамба, Ш. С. (2015) Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка: дисс. ... канд. филол. н. Абакан. 148 с. С. 13.

<sup>2</sup> Чугунеева А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10-2 (37). С. 18–21.

<sup>3</sup> Ооржак А. Ч., Комбу Ч. О. О пословицах и поговорках с компонентом-зоонимом (на материале тувинского и английского языков) // Студенческие научные достижения: сб.ст. Международного научно-исследовательского конкурса / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 274 с. С. 160–163; Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27.



редко в сравнении с пословицами других языков. В последнее время появились отдельные попытки типологического описания тувинских пословиц на европейском паремиологическом фоне (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Бредис и др., 2021). Еще меньше публикаций о выразительных средствах тувинских пословиц. В первую очередь нужно назвать монографию Н. Р. Ойноткиновой, посвященную поэтике и прагматике алтайских пословиц и поговорок, в которой в качестве фонового материала привлекались паремии тувинцев, хакасов, шорцев и якутов (Ойноткинова, 2012); а также статью о сравнениях в русских и тувинских поговорках (Доржу, 2012).

Объектом данного исследования послужили тувинские пословицы и поговорки, основанные на лингвокогнитивном принципе контраста. Актуальность статьи мотивируется важностью познания контраста — фундаментального композиционно-стилистического принципа развертывания речи. По меткому выражению Ш. Балли, принцип контраста основан на закономерностях человеческого восприятия и познания, представляя собой «тенденцию человеческого ума в стилистической обработке» (см.: Балли, 1961: 194). Контраст в тексте не может остаться незамеченным, что определяет его значимость «не только для восприятия и понимания, но и для интерпретации текста, а отсюда — даже для его запоминания»<sup>1</sup>. Контраст является одной из важнейших характеристик структурной и семантической организации пословицы, обуславливающей её порождение и функционирование в речи, восприятие и закрепление в индивидуальном и массовом сознании как фразового текста и как основной разновидности афористических единиц языка (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Иванов, 2019ab; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Селиверстова, 2009; Иванов, 2020). Контраст понятий, образов, смыслов, отражённых в пословице, детерминирует диалогичность как один из её конститутивных признаков (Паремиология без границ, 2020: 32–33) и паремиологическую константу (Паремиология в дискурсе, 2015: 26–47).

Цель статьи заключается в систематизации лексических средств выражения контраста в тувинских пословицах. Достижению данной цели способствует решение следующих задач: выявление паремий, основанных на контрасте; определение языковых и речевых разновидностей оппозиций, использованных в тувинских паремиях; структурирование системы контрастных оппозиций.

Эмпирической базой исследования послужили 770 пословиц тувинского народа, опубликованных в сборнике 2020 г.<sup>2</sup>, из которых методом сплошной выборки отобраны паремии, основанные на контрасте.

### **Параллелизм как ритмико-композиционный принцип тувинской пословицы**

Уже при первом знакомстве с паремиями тувинского народа (как в оригинале, так и в переводе на русский язык) обращает на себя внимание тот факт, что ее важнейшим ритмико-композиционным принципом является параллелизм, который, как известно, характерен для фольклорной техники самых разных народов (Якобсон, 1987: 99–132): *Эки аьдыңны дагга кызава, эки эжиңни чокка кызава* ‘Доброго коня в гору не погоняй, доброго друга отказом не огорчай’ (с. 75)<sup>3</sup>; *Каң сугга кадар, кижги бергээ кадар* ‘Сталь закаляется в воде, человек закаляется в беде’ (с. 30); *Ийи ыт аразынга сөөк кагба, ийи кижги аразынга сөс сөглеве* ‘Меж двух собак кости не бросай, меж двух людей ссоры не затевай’ (с. 28); *Олут улузу чугаалажып хөөрээр, чорук улузу ырлажып хөөрээр* (с. 42) ‘В юрту зайдут — разговоры пойдут, в путь отправляются — песни начинаются’<sup>4</sup>.

В монографии Н. Р. Ойноткиновой отмечается широкое распространение параллелизмов в паремии тюркских народов Сибири. Например, по ее подсчетам, в алтайских пословицах этот прием составляет более 50% образных средств (Ойноткинова, 2012: 85).

<sup>1</sup> Новикова Н. С. Принцип повтора, стандарт и фрейм как факторы взаимопонимания коммуникантов // Семантика языковых единиц: Доклады VI Междун. конф. М.: Изд-во МОГПУ им. М. А. Шолохова, 1998. Т. 2. 426 с. С. 318.

<sup>2</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.

<sup>3</sup> Здесь и далее пословицы цитируются по изданию: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с. В скобках указывается номер страницы.

<sup>4</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 13.



Как представляется, распространенность данного древнейшего приема поэтической речи в фольклорных текстах связана со значимостью повторяющегося ритма для механизмов познавательных процессов — восприятия, памяти, мышления. Синтаксический параллелизм производит эффект «бинокулярного зрения»: «происходит наложение друг на друга двух синтаксических образов с тем, чтобы наделись их объемностью и глубиной» (цит. по: [Якобсон, 1987: 101–102](#)).

Как известно, параллелизм реализуется в двух основных вариантах: корреляциях на базе сходства и на основе различий (контраста). В тувинских пословицах, основанных на сходстве, встречаются разнообразные семантические отношения параллельных образов. Наиболее часто первая часть параллелизма представляет собой наблюдение над миром природы, а вторая — транслирует ситуацию в мир человека: *Уялыг куш чаныган, уруглуг кижигэ кээргээчел* (с. 54) 'Птица гнездо стережет — детей человек бережет'<sup>1</sup>; *Үзер буга мыйыс дөгээр, үлегер билбес күш дөгээр* 'Бодливый бык рога выставляет, не умеющий убеждать — кулаком машет' (с. 55) и многие другие. В то же время для тувинских паремий нередки параллелизмы, в которых, наоборот, сначала описывается наблюдение над миром человека, а затем — над миром природы: *Шын сөске чон ынак, шык черге үнүш ынак* 'Народ любит правду, растение любит влагу' (с. 72); *Бот кижээ хырын херек, бода малга чыдын херек* 'Холостому человеку главное — еда, крупному скоту — лежбище' (с. 93).

В других случаях параллелизм на базе сходства развивается от мира конкретного, физического, к миру абстрактному, духовному, воспроизводя путь познания мира: *Багда доң быжыг, сөсте шын быжыг* (с. 19) 'Нет узла двойного прочнее, нет слова правды сильнее'<sup>2</sup>; *Шаг шаа-биле турбас, чавылдак көгү-биле чытпас* 'Траве не вечно зеленеть сиять, а времени на месте не стоять' (с. 71) и подобное. Однако встречается и противоположная композиция, когда сначала представляется более абстрактная ситуация, затем — более конкретная, бытовая: *Чөптүг сөсте буруу чок, чөрөмеде сөөк чок* 'В слове правды обиды нет, в чореме (колбасе-жгуте) нет костей' (с. 68); *Дөр бажынга олура, херек шиитпес, дөш адаанга олургаш, аң атпас* (с. 98) 'Сидя на почетном месте дело не судят, сидя внизу возвышенности дичь (зверя) не стреляют'<sup>3</sup>.

Реже обе части параллелизма связаны с явлениями одного порядка (или миром природы, или миром человека): *Куш уязынга ынак, кулун иезинге ынак* 'Птица любит своё гнездо, жеребёнок любит свою мать' (с. 36); *Ада сөзүн ажырып болбас, ие сөзүн ижип болбас* (с. 12) 'Слово отцово запоминай, слово матери уважай'<sup>4</sup>. Бесспорно, что в фольклорных параллелизмах реалии природной среды, народного быта и традиционной деятельности транслируют стереотипы, ценности и миропонимание народа.

На синтаксическом параллелизме базируется также контрастное противопоставление (антитеза). Как правило, члены бинарных оппозиций занимают в противопоставленных тезисах одинаковые синтаксические позиции, выполняя идентичные коммуникативные функции: *Оолдуг кижигэ оя сөглээр, кыстыг кижигэ кыя сөглээр* 'Имеющий сыновей прямо говорит, имеющий дочерей — намеками' (с. 42). Благодаря бинокулярному эффекту, параллелизм высказывания, состоящего из взаимодействующих друг с другом оппозиций (за исключением средств связи), обеспечивает структурно-семантическую значимость каждого слова: *Хана баарынга төрүүр, хая баарынга өлүр* 'В стенах юрты рождаются, под скалой умирают' (с. 57).

Многие исследователи справедливо связывают параллелизм с комплексным, диффузным «первобытным» мышлением и с подсознанием. Так, С. М. Эйзенштейн подчеркивал: «Монотонность повторного ритма приближает нас к тем состояниям “рядом с сознанием”, где с полной силой способны действовать одни черты чувственного мышления» ([Эйзенштейн, 1980: 198](#)). Симметричность, правильная топологическая конфигурация, которые обеспечивают «наиболее эффективное — резонансное — воздействие на психику и мозг» ([Князева, 2000: 239](#)), имеют огромное значение для перлокутивной (воздействующей) силы пословиц. Для тувинских паремий, как и для пословиц многих народов, характерна форма «синтаксически (и морфологически) симметричных предложений» ([Крикманн, 1984: 152](#)): *Мал алазы чараш, кижигэ алазы багай* 'Скот пестрый — хорошо, человек двуличный — плохо' (с. 39); *Эп бажы — чаг, сөс бажы — хан* 'У дружбы — сало, у вражды — кровь' (с. 77).

<sup>1</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С.44.

<sup>2</sup> Там же. С. 12.

<sup>3</sup> Перевод Н. Д. Сувандии.

<sup>4</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 47.



Для антитезы большое значение имеют различные виды повтора: синтаксический, семантический, лексический. При этом синтаксический параллелизм создает ритмичность чередований оппозиций, является тем фоном, который акцентирует контраст.

### Лексические средства выражения контраста

Систематизируем типы языковых единиц, посредством которых в тувинских поговорках реализуется контраст. В нашей работе «Контраст как лингвокогнитивный принцип русской поговорки» был сделан вывод о том, что инвентарь лексических средств выражения контраста представляет собой поле с ядром, центром и периферией<sup>1</sup>. Анализ тувинских поговорок и поговорок убеждает в том, что репертуар контрастных оппозиций в поговорках тувинского народа укладывается в подобную схему.

1. Ядро лексико-семантического поля контраста образуют наиболее частотные стилистически нейтральные оппозиции — такие языковые средства выражения контраста, как антонимы, конверсивы<sup>2</sup>, оппозиции положительных и отрицательных глаголов. Так, среди языковых антонимов представлены и разнокоренные, и однокоренные. Например, в поговорке **Бай мен дээш бардамнава, яды мен дээш муңгарава** 'Богатством не кичись, бедности не стыдись' (с. 19; здесь и далее выделено нами. — Т. Б.) противопоставление строится на оппозиции антонимов *бай — яды* (богатство — бедность). Используются антонимы в следующих изречениях: **Кежээниң мурнунда — хүндү, чалгааның мурнунда — кочу** 'Трудолюбивому — почет, ленивому — насмешки' (с. 32); **Чайда яды чок, кышта коя чок** (с. 63) 'Лету бедности нет, зиме — красоты'<sup>3</sup>; **Мурнун хынаар, соон истээр** 'Присмотрись, что впереди, оглянись, что позади' (с. 40). Строится контраст также и на словообразовательных биномах: **Кижик өлүр, алдар өлбес** 'Человек смертен, слава бессмертна' (с. 33); **Кирерде, дөр ырак, үнерде, эжик ырак** 'Когда заходишь — до дөр<sup>4</sup> далеко, выходишь — до дверей далеко' (с. 108).

Регулярными и частотными в языке являются конверсивы, или слова со значением взаимной «обратности» одного и того же действия, которые отражают объективные отношения взаимозависимых сторон: **Алыры амыр, бээри берге** 'Взять легко, отдавать трудно' (с. 15); **Тайып ужар, даянып турар** (с. 51) 'Поскользнется — упадет, обопрется — и встает'<sup>5</sup>; **Сезик-биле аарыыр, сүзүк-биле экириир** 'От мнительности заболевают, от надежды выздоравливают' (с. 49); **Чарары белен, чазаары берге** (с. 65) 'Сломать легко, да наладить трудно'<sup>6</sup>.

К ядру поля контраста, бесспорно, следует отнести и оппозиции положительного и отрицательного глаголов, которые указывают на полярность двух ситуаций наличия и отсутствия действия, его реальности или нереальности. Утвердительно-отрицательные высказывания типа **Арның бодава, адың бода** 'Не думай о лице, думай об имени' (с. 16); **Кудай багы арлыр, кижик багы арылбас** 'Непогода пройдет, а плохой нрав — нет' (с. 35); **Кара баштыг кижик аңдарлыр, кара чудук аңдарылбас** 'Высохшее полено не зашелестит, человек, имеющий голову, зашевелится' (с. 104) легко декодируются как контрастные. При этом контраст создается не только в тех случаях, когда отрицается то же самое действие, что и утверждается: **Өрттенген сындан ыяш үнер, өлгөн өшкүден дүк үнмес** 'В сгоревшем лесу деревья вырастут, у павшей козы шерсть не вырастет' (с. 45); **Барзыңза — мөрүң, барбазыңза — шоруң** 'Пойдешь — счастье найдешь, не пойдешь — сам виноват' (с. 90), но и когда противопоставляются разные действия: **Ийи дагның бажы чоок-даа болза, дээшпес, ийи кижиниң аразы ырак-даа болза, көржүр** (с. 28). 'Близко вершины двух гор, но не сойдутся, два человека живут далеко, но встретятся'<sup>7</sup>; **Өшкен от кывар, өлгөн кижик турбас** 'Огонь угасший разгорится, умершему не возвратиться' (с. 46).

2. К центру лексико-семантического поля контраста относятся квазиантонимы («приблизительные» антонимы), квазиконверсивы (неточные конверсивы) и согипонимы (лексические единицы одного видového ряда). Во-первых, смысловая противоположность выражается асимметричными в семантическом или (и) грамматическом плане (планах) единицами:

<sup>1</sup> Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской поговорки: дисс. ... докт. филол. н. Казань, 2003. 449 с. С. 72–96.

<sup>2</sup> Слова с обращенными ролевыми или актантами структурами (Апресян, 1995: 260).

<sup>3</sup> Перевод Н. Д. Сувандии.

<sup>4</sup> Дөр — почетное место в юрте (напротив входа).

<sup>5</sup> Перевод Н. Д. Сувандии.

<sup>6</sup> Перевод Н. Д. Сувандии.

<sup>7</sup> Перевод Н. Д. Сувандии.





а) семантически неточные антонимы: *Саар малдың сүттүү херек, садар малдың кырганы херек* 'Для молока нужна корова **молочная**, для продажи годна и **старая**' (с. 48), ср. молодой — старый, дающая (молочная) — не дающая молока и др.;

б) грамматически неточные антонимы (слова разных частей речи, выражающие неточную противоположность): *Долдайлап болбас, дорт чугаала. Доора будук тон орар* 'Не **криви**, **прямо** говори, а то поперечный сучок одежду порвёт' (с. 98); *Кырырының мурнунда, аныяк чорааш, эртемге өөрөн* (с. 111) 'Перед **старостью**, пока **молодой** учишься'<sup>1</sup>;

в) неточные конверсивы типа *мать — дети, мать — дочь, отец — сын* (ср. с конверсией *родители — дети*): *Ава кижы «төлүм» дээр, ажы-төлү «шөлүм» дээр* 'Думы матери о детях, мысли детей о степи (о чём-то другом, в степях)' (с. 11); *Ада көрбээнин оглу көөр, ие көрбээнин уруу көөр* 'Что **отец** не видел — **сын** увидит, чего мать не видела — дочь увидит' (с. 12). В последнем изречении контраст неточных конверсивов *отец — сын, мать — дочь* формирует поверхностную семантику пословицы (гендерная преобладанность), в то время как глубинная семантика (мораль пословицы) создается противопоставлением точных конверсивов ('дети должны пойти дальше **родителей**, увидеть больше').

Во-вторых, контраст создается противопоставлением видовых слов одного семантического поля. Видо-видовым оппозициям в пословицах и поговорках принадлежит особое место в связи с преобладанием в составе народных изречений конкретной лексики, что является одной из важнейших характеристик жанра паремий: *Кижы сеткили даштан кадыг, хөвөңден чымак* 'Душа человека может быть твёрже **камня**, мягче **пуха**' (с. 107) *Кижы сеткили хардан ак, хөөден кара* 'Душа человека может быть белее **снега**, темнее **сажи**' (с. 107). Именно конкретная лексика является «строительным материалом» языковой картины мира, вербально выражая коды культуры. Под культурным кодом, как известно, понимается набор образов, связанных с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. В тувинском паремиологическом пространстве представлены разнообразные коды культуры, например:

— природный: *Даг бедик-даа болза, кырлыг, далай терең-даа болза, дүптүг* 'Тора хоть высока, но имеет пик, море хоть глубоко, но имеет дно' (с. 95);

— зооморфный: *Буура (теве (эр хиндиктиг), күштүг баштыңчы) кырыыр, бодаган өзер. Верблюд состарится, верблюжонок вырастет*' (с. 22);

— соматический: *Хырны тотса-даа, караа тотпас* 'Живот сыт, а глаза голодны' (с. 61);

— предметный: *Экиниң чуртунга ыяш чыдар, бактың чуртунга баг чыдар* 'У хорошей стоянки **дерево** лежит, у плохой — **привязь**' (с. 76);

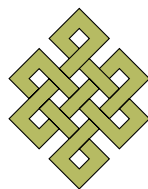
— пищевой: *Даартагы чагдан бөгүнгү өкпе дээр* 'Лучше сегодня — **лёгкие**, чем завтра — **сало**' (с. 23) и др.

Рассмотрим несколько примеров подробнее.

Своеобразие зооморфного кода связано, прежде всего, с тем, что для тувинцев как скотоводов имел первостепенное значение домашний скот: *аът* 'лошадь', *теве* 'верблюд', *хой* 'овца', *инек* 'корова', *буга* 'бык'; *анай* 'козленок'<sup>2</sup>. Нередко много значащие в быту человека животные сопоставляются друг с другом: *Хаак баштаан тевени өшкү кайгаар, хая кырлаан өшкүнү теве кайгаар* 'Верблюды верхушки тальника объедает — **коза** удивляется, коза на скалу лезет — верблюд диву даётся' (с. 56); *Аскырлыг аалдың уруглары сонуургак болур, бугалыг аалдың уруглары кортук болур* 'Дети аала, где есть **жеребец** — любопытны, дети аала, где есть **бык** — трусливы' (с. 87); *Инек малдан кээп дүжерге, ийи мыйызы биле кудуруун дөжээр, ынчангаи кадыг болур. Чылгы малдан кээп дүжерге, чымчак кудуруу биле челин дөжээр, ынчангаи чымчак болур* 'Падаешь с **бычка** — стелятся рога и хвост костяной, поэтому жёстко. Падаешь с **лошади** — стелятся грива и хвост волосистой, поэтому мягко' (с. 101). В биномах-зоонимах особенно подчеркиваются прагматические функции животных: *Инектиг кижы тодуг, хойлуг кижы каас* 'У кого **корова** — тот сыт, у кого **овцы** — одет' (с. 28); *Аът — кижиниң буду, ыт — кижиниң кулаа* 'Лошадь — нога человека, **собака** — уши' (с. 87). Как и в паремиологических фондах других народов, в тувинских пословицах встречаются оппозиции зоонимов со значением «хищник — жертва»: *Бөрүлүг ойну хой эн-*

<sup>1</sup> Перевод Н. Д. Сувандии.

<sup>2</sup> Ооржак А. Ч., Комбу Ч. О. О пословицах и поговорках с компонентом-зоонимом (на материале тувинского и английского языков) // Студенческие научные достижения: сб. ст. Международного научно-исследовательского конкурса / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. 274 с. С. 162.



*дeвeс* 'Стадо чувствует ущелье, где есть волки' (с. 93); *Күскеге халап, дишке оюнчук* 'Для мыши смерть, для кота игрушка' (с. 110); «хищник — падальщик»: *Эки эзир тевер, кукун сааскан дойлаар* 'Орёл добывает, вороны доедают' (с. 77); «сила — слабость»: *Арзылаңны арга-биле, тоолайны керги-биле* 'Льва берут хитростью, зайца — силками' (с. 86).

Антропоцентричность мировосприятия обуславливает тот факт, что названия частей тела и внутренних органов формируют в народных изречениях соматический код культуры, в котором тело человека является не только пространственным ориентиром, но и мерилем «всех вещей»: объектов, качеств, явлений, ситуаций и т. д. Безусловно, что в «наивной анатомии», как и в других культурных кодах, есть как общечеловеческие характеристики, так и ярко выраженные национальные особенности. Так, в пословицах разных народов, в том числе и тувинцев, оппозиции соматизмов связаны с архетипическими противопоставлениями «верх — низ»: *Тенек баш бут човадыр* 'Дурная голова ногам покоя не даёт' (с. 51), «передний — задний»: *Болбас тенек бажын үзер, денди тенек тейин үзер* 'У баловника разбитый лоб, у озорника — макушка' (с. 93), «внутренний — внешний»: *Араганың дашты ак, ишти кара* 'У араки (алкогольного напитка) чистая внешность, чёрное нутро' (с. 85).

Инвариантным для народных изречений является также противопоставление разных органов чувств по их функциям: *Чокту карак-биле көөр, чигни аас-биле шенээр* 'Не верь глазам своим, попробуй языком своим' (с. 67); *Карак-биле көргени шын, кулак-биле дыңнааны дамчыыр* 'Что видели глаза — правда, что слышали уши — молва' (с. 104); *Карактыгда көрүп каар, кажыктыгда кылаштай бээр*. 'На то и глаза, чтобы увидели, а ноги, чтобы дошли' (с. 104). К числу специфической относится реализация бинома «внутренний — внешний» посредством оппозиций, в которых важнейшим внутренним органом является желудок, в отличие, например, от русского маркера внутреннего мира человека — «сердце»: *Аксында бурган, артында хырын* (с. 84) 'Во рту — бог, сзади — живот'<sup>1</sup>, где *хырын* — живот, желудок, ср. с русскими пословицами с аналогичной моралью: *На языке медок, а на сердце ледок*<sup>2</sup>; *В словах — солодок медок, а в груди — холодок ледок*<sup>3</sup>.

В семейном коде традиционно контрастируют такие пары, как *муж — жена, отец — мать, сын — дочь, брат — сестра*, — слова, не являющиеся антонимами с позиций языкознания, однако очень часто противопоставляющиеся в фольклорных текстах и отражающие разграничение социально-культурных ролей мужчины и женщины, на которые указывают гендерно маркированные атрибуты, животные, связанные с традиционным разделением мужского и женского труда: *Инээм өдээ — ием чурту, аьдым өдээ — адам чурту* (с. 102) 'Коровий навоз — родина матери, конский навоз — родина отца'<sup>4</sup>; *Кыс уруг ине-чүскүк дээр, оол уруг оттук-бижек дээр* 'Дочь просит иголку с напёрстком, сын — нож с огнивом' (с. 38); *Иелиг кыс шевер, адалыг оол томаанныг* 'С матерью дочь — умелая, с отцом сын — послушный' (с. 28).

Народные изречения подобными противопоставлениями указывают на роль женщины в воспитании детей *Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс* 'Без отца — полусирота, без матери — круглый сирота' (с. 12), на патриархальное доминирование в семье отца *Ада сөзү — «амыдырал», ие сөзү — «ажыл-иш»*. 'Главное слово отца — «жизнь», матери — «труд»' (с. 82); *Ада төөгүзү — алдын, ие төөгүзү — мөңгүн* 'Наследство отца — золото, наследство матери — серебро' (с. 82). О приоритете отца говорят и метафоры отец — «луна», мать — «солнце» (ср. с доминантной функцией Луны в тюркских культурах): *Авазы хүн болза, ачазы ай болур*. 'Если солнце — мать, отец — луна' (с. 80); *Булут аразындан хүн караа чылыг, улус аразындан ава караа чымчак*. 'Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери ласковее' (с. 22).

Итак, несовместимость денотативных значений согипонимов<sup>5</sup>, с одной стороны, и их семантическая однородность на сигнификативном уровне — с другой, определяют легкость интерпретирования «оригинальных» неязыковых контрастов. Таким образом, центр лексико-семантического поля контраста составляют оппозиции слов, не являющихся антонимами, но связанных в языке системными отношениями.

<sup>1</sup> Перевод Н. Д. Сувандии.

<sup>2</sup> Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1996. Т. 2. С. 137.

<sup>3</sup> Зимин В. И., Спириин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544 с.

<sup>4</sup> Перевод Н. Д. Сувандии.

<sup>5</sup> Слов, обозначающих разные виды одного рода.



3. Периферию средств выражения контраста образуют ассоциативные оппозиции несистемного характера, например, слова с неоднородными денотативными компонентами и противоположными коннотативными семантиками. Аксиологический мир полярен, он делится на белый и черный, позитивный и негативный. Можно с известной долей уверенности утверждать, что в речи любое слово с положительной оценкой может составить оппозицию любой лексеме с отрицательной коннотацией: *Буянныг караан базып алган, бузуттуг караан көрүп алган* 'Закрыв благородный глаз, открыл лукавый глаз' (с. 94); *Дашты чараиш, ишти ирик* 'Внешность красивая, а нутро гнилое' (с. 97); *Ишти ирик, дашты алдын* 'Снаружи золотой, внутри гнилой' (с. 102); *Кижэ экизи — хүн, кижэ багы — чылан* 'Добрый человек — как солнце, злой человек — как змея' (с. 34); *Бодунну богдага (бурганга, Богда бурганга) бодава, эжиңни эникке деңгеве* 'Не мни себя святым Богда (Будда, верховное божество буддизма), не считай товарища щенком' (с. 21).

Аналогичная семантическая полярированность характерна лексемам количественной оценки: любое слово с семой «маленький», «мало» может быть противопоставлено лексеме с компонентом «большой», «много»: *Далайга дүжүп влгеннерден дашкага хораннанып өлгеннер хөй* 'Отравленных рюмкой больше, чем утопленников в море' (с. 95); *Күзээр болза, хүлбүс-даа бичелей бээр, күзээр болза, хүлчүк-даа улгады бээр* 'Если захотеть, и косуля станет мальцом, а мошкара станет великаном' (с. 110); *Даи дег ак даг дег караны базар* 'Правда — с маленький белый камешек — победит неправду с чёрную гору' (с. 96); *Даг дег караны довук дег ак базар* 'Правда с ноготок гору лжи победит' (с. 23), где *довук* — 'коленная чашечка' (ср. *Маленькая правда победит большую ложь*); *Бодунуң бажында теңе көрбөйүн, эжиңиң бажында теңе көргөн*. 'У себя на голове верблюда не заметит, у товарища на голове иголку увидит' (с. 21).

### Заключение

Контраст как лингвокогнитивный принцип имеет характеристики, чрезвычайно важные для перлокутивной функции народных изречений: логичность, схематизм, эмоциональность контраста способствуют запоминаемости формул народной мудрости, которые воздействуют не только на логику, но и на чувства человека.

Тувинские пословицы имеют разнообразный репертуар лексических средств выражения контраста, которые в соответствии с теорией поля делятся на ядерную, центральную и периферийную зоны в зависимости от языковой репрезентативности: ядро образуют антонимы, конверсивы, оппозиции утвердительных и негированных глаголов; центр составляют семантически и грамматически асимметричные квазиантонимы и квазиконверсивы, согипонимы; на периферии находятся коннотативные антонимы.

Жанрообразующей лексикой паремий считаются конкретные слова, которые являются «строительным материалом» языковой картины мира, вербально выражая коды культуры. Оппозиции согипонимов в составе пословиц обладают лингвокультурной ценностью, фиксируя те или иные биомы национального культурного кода.

### Благодарности

Автор благодарит кандидата филологических наук, доцента, декана филологического факультета Тувинского государственного университета Н. Д. Сувандии за редактирование перевода паремий на русский язык.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян, Ю. Д. (1995) Избранные труды. 2-е изд., испр. и доп. М. : Школа «Языки русской культуры». Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 472 с.
- Балли, Ш. (1961) Французская стилистика / пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда. М. : Издательство иностранной литературы. 394 с.
- Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.



Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Доржу, К. Б. (2012) Сравнение в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 94–98.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 19–34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Князева, Е. Н. (2000) Топология когнитивной деятельности: синергетический подход // Эволюция. Язык. Познание / под общ. ред. И. П. Меркулова. М. : Языки славянской культуры. 272 с. С. 221–244.

Крикманн, А. А. (1984) Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремиологические исследования: сборник статей / сост. Г. Л. Пермяков. М. : Наука. 320 с. С. 149–179.

Ойноктинова, Н. Р. (2012) Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров / отв. ред. О. Н. Лагута. Новосибирск : Ред.-издат. центр НГУ. 354 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / под ред. О. В. Ломакиной. М. : Ленанд. 304 с.

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Селиверстова, Е. И. (2009) Опыт выявления пословичного биннома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. № 1(17). С. 182–200.

Эйзенштейн, С. М. (1980) Психология искусства (неопубликованные конспекты статьи и курса лекций) // Психология процессов художественного творчества / отв. ред. Б. С. Мейлах, Н. А. Хренов. Л. : Наука. 285 с. С. 173–203.

Якобсон, Р. (1987) Работы по поэтике: Переводы. М. : Прогресс. 464 с.

Дата поступления: 21.09.2021 г.

#### REFERENCES

Apresian, Yu. D. (1995) *Izbrannye Trudy [Selected works]*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, School Languages of Russian culture. Vol. 1. *Leksicheskaia semantika. Sinonimicheskie sredstva iazyka [Lexical semantics. Synonymous means of language]*. 472 p. (In Russ.).

Bally, Ch. (1961) *Frantsuzskaia stilistika [French stylistics]* / translated from the French by K. A. Dolinin; edited by E. G. Etkind. Moscow, Publishing House of Foreign Literature. 394 p. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [Proverbs in modern linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremias in contemporary linguistics: Approaches to study, text formation and linguocultural capabilities]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>





Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskih poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethno-linguoculturological commentary as compared to European proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143-160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Dorzhu, K. B. (2012) Sravnenie v russkikh i tuvinskih pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparison in Russian and Tuvan sayings condemning negative personal qualities]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskih poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorisms]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in contemporary Russian]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [The aphorism as an object of linguistics and its major properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskih poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Kniazeva, E. N. (2000) Topologiya kognitivnoi deiatel'nosti: sinergeticheskii podkhod [The topology of cognition: a synergetic approach]. In: *Evoliutsiia. Iazyk. Poznanie [Evolution. Language. Cognition]* / ed. by I. P. Merkulova. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury. 272 p. Pp. 221–244. (In Russ.).

Krikmann, A. A. (1984) Opyt ob'iasneniia nekotorykh semanticheskikh mekhanizmov poslovitsy [Explaining some semantic mechanisms of the proverb]. In: *Paremiologicheskie issledovaniia [Paremiological research]: a collection of articles / comp. by G. L. Permiakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 149–179. (In Russ.).*

Oinotkinova, N. R. (2012) *Altaiskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres]* / ed. by O. N. Laguta. Novosibirsk, Editorial and Publishing Center NSU. 354 p.

*Paremiologiya v diskurse [Paremiology in Discourse]* (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

*Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders]* (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2009) Opyt vyavleniia poslovichnogo binoma i problema variantnosti [Identifying the proverbial binomial and the problem of variation]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1(17), pp. 182–200. (In Russ.).

Eizenshtein, S. M. (1980) Psikhologiya iskusstva (neopublikovannye konspekty stat'i i kursa leksii) [Psychology of art: Unpublished drafts for articles and a course of lectures]. In: *Psikhologiya protsessov khudozhestvennogo tvorchestva [Psychology of artistic creativity]* / ed. by B. S. Meilakh and N. A. Khrenov. Leningrad, Nauka. 285 p. Pp. 173–203. (In Russ.).

Yakobson, R. (1987) *Raboty po poetike: Perevody [Works on poetics: Translations]*. Moscow, Progress. 464 p. (In Russ.).

Submission date: 21.09.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.4

Статья

## Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения

**Евгений Е. Иванов**

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова, Республика Беларусь;

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

**Жанна В. Марфина**

Луганский государственный педагогический университет,

**Оксана В. Шкуран**

Луганский государственный педагогический университет; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация



Цель исследования — определить основные аспекты реализации и проблемы изучения системы номинаций животных (зоолексики) в пословицах и поговорках тувинского народа в лингвистическом и лингвокультурологическом планах. Фактическим материалом исследования послужили издания тувинских пословиц и поговорок, а также примеры пословиц и поговорок из словарей тувинского языка.

Совокупность лексических компонентов пословиц и поговорок — это специфическая в собственно лингвистическом и в лингвокультурном аспекте часть лексического фонда. Фаунистическая лексика представляет собой одну из универсальных тематических групп в словарном составе языка, центральное место в которой занимают наименования животных. В этой связи наиболее актуальным (и наиболее трудным) является комплексное исследование системы названий объектов животного мира в пословицах и поговорках, репрезентирующей как универсальные свойства фаунистической лексики, так и своеобразие анималистической концептосферы в этноязыковой картине мира тувинского народа.

В статье установлены два основных аспекта реализации зоолексем — как компонентов лексической организации и как элементов семантической структуры тувинских пословиц и поговорок. Обоснованы основные проблемы изучения номинаций животных в собственно лингвистическом плане (место и объём зоокомпонентов в составе единиц пословично-поговорочного фонда, лексико-семантические связи и группы зоокомпонентов пословиц и поговорок, особенности передачи зоокомпонентов при переводе тувинских паремий на русский язык) и в лингвокультурологическом плане (зоокомпоненты как репрезентанты ключевых понятий, как маркеры пословично-поговорочной образности и как детерминанты паремийных биномов в тувинских пословицах и поговорках).

**Ключевые слова:** тувинский фольклор; тувинский язык; паремиология; пословица; поговорка; фаунистическая лексика; зоолексема; зоокомпонент



Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.



### Для цитирования:

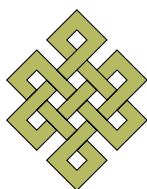
Иванов Е. Е., Марфина Ж. В., Шкуран О. В. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 47-68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>



**Иванов Евгений Евгеньевич** — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики факультета иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова; ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 212022, Беларусь, г. Могилёв, ул. Космонавтов, д. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +375 (29) 691-50-01. Эл. адрес: [ivanov\\_ee@msu.by](mailto:ivanov_ee@msu.by); [ivanov-msu@mail.ru](mailto:ivanov-msu@mail.ru)

**Марфина Жанна Викторовна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и коммуникативных технологий, ректор Луганского государственного педагогического университета. Адрес: Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2. Тел.: +7 (967) 010-92-36. Эл. адрес: [rektor@lgru.org](mailto:rektor@lgru.org)

**Шкуран Оксана Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий, директор Института профессионального развития Луганского государственного педагогического университета; старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2; Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (967) 010-92-36. Эл. адрес: [oksana.shkuran@mail.ru](mailto:oksana.shkuran@mail.ru)



## Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning

**Eugene E. Ivanov**

A.A. Kuleshov Mogilev State University, Republic of Belarus;  
RUDN University, Russian Federation,

**Zhanna B. Marfina**

Lugansk State Pedagogical University,

**Oxana V. Shkuran**

Lugansk State Pedagogical University; RUDN University, Russian Federation

The article aims to trace the basic aspects of functioning and problems of studying the system of animal nouns (zoolexics) in the proverbs and sayings of the Tuvan people, with the main focus on the linguistic and linguoculturological spheres. For our sources, we have relied on the edited collections of Tuvan paremies, as well as sample paremies from the entries in dictionaries of Tuvan language.

The entirety of the lexical components in proverbs and sayings is a highly specific, linguistically and linguoculturally, part of the language's lexical corpus. Faunistic vocabulary is one of the universal thematic classes in the corpus, with animal nouns at the core of it. In this respect, the most complicated and urgent challenge is to come up with a comprehensive study of the animal noun system as it appears in Tuvan paremies, which represents both the universal features of faunistic vocabulary and the uniqueness of the animalistic conceptual sphere in the ethnic and linguistic world view of the Tuvan people.

The article singles out two crucial aspects of how zoolexics functions – as a component of the lexical system and as elements of the semantic structure of Tuvan proverbs and sayings. In the linguistic sense proper, a number of problems connected with animal names have been examined, such as the place and amount of zoocomponents within the paremiac corpus, or rendering these words within the paremies when translated into Russian. There are also a number of linguoculturological issues to be considered, including the roles zoocomponents play as representatives of key notions, as markers of paremiac imagery, and as determined by paremiac binomiality in Tuvan proverbs and sayings.

**Keywords:** Tuvan folklore; Tuvan language; paremiology; proverb; saying; faunistic vocabulary; zoolexeme; zoocomponent

The article was supported by the Program of Strategic Academic Development, RUDN University.



### For citation:

Ivanov E. E., Marfina Zh. V. and Shkuran O. V. Nominatsii zhivotnykh v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh: aspekty realizatsii i problematika izucheniia [Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 47-68. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>



**IVANOV, Eugene Eugenevich**, Doctor of Philology, Associate Professor and Head, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages, A.A. Kuleshov Mogilev State University; Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 1 Kosmonavtov St., 212022 Mogilev, Republic of Belarus; 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +375 (29) 691-50-01. Email: [ivanov\\_ee@msu.by](mailto:ivanov_ee@msu.by)

ORCID ID: 0000-0002-6451-8111

**MARFINA, Zhanna Viktorovna**, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Linguistics and Communicative Technologies, Rector, Lugansk State Pedagogical University. Postal address: 2 Oboronnaya St., Lugansk, Lugansk People's Republic. Tel.: +7 (967) 010-92-36. Email: [rektor@lgpu.org](mailto:rektor@lgpu.org)

ORCID ID: 0000-0002-5838-4954

**SHKURAN, Oxana Vladimirovna**, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Linguistics and Communicative Technologies, Director, Institute of Professional Development, Lugansk State Pedagogical University; Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Medical Faculty, RUDN University. Postal address: 2 Oboronnaya St., Lugansk, Lugansk People's Republic; 6 Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (967) 010-92-36. Email: [oksana.shkuran@mail.ru](mailto:oksana.shkuran@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0002-0063-464X



### Введение

Лексический состав паремиологических единиц (прежде всего пословиц и поговорок) представляет собой, как известно, одну из наиболее своеобразных как в собственно лингвистическом, так и лингвокультурном плане пластов всего словарного фонда любого языка, в том числе и тувинского. В собственно лингвистическом плане лексический состав пословиц и поговорок выделяется наличием единиц, преимущественно входящих в активный словарный запас и в основной словарный фонд, употреблением давно устаревших слов, их форм и значений, которые сохраняются в языке благодаря своей фиксации в паремиях, преимущественной принадлежностью лексических компонентов к именным частям речи, разнообразием метафор (очень часто уникальных, которые не встречаются вне паремий), широким функционированием разговорных и просторечных слов и форм, народно-поэтической лексики, давних иноязычных заимствований и др. В лингвокультурном плане специфичность лексического состава пословиц и поговорок характеризуется прежде всего отражением фактов истории, условий жизни, особенностей традиционной культуры и национального характера, мировоззрения и этнической самоидентификации народа, которые выражаются в структурно и семантически доминантных, этнолингвокультурно маркированных лексических компонентах паремий, часто не имеющих прямых эквивалентов и/или аналогов и близких соответствий в других, в том числе родственных, контактирующих языках и лингвокультурах.

Показательно, что национально-языковое своеобразие и национально-культурная специфичность лексического состава паремий, как убедительно показывают результаты новейших исследований, свойственны не только уникальным (исконным) единицам паремиологического фонда, но и большому количеству общих с другими языками (в том числе и заимствованных) пословиц и поговорок (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Петрушэўская, 2021). В этой связи существенно возрастает значимость исследования лексики паремиологического фонда, которое помимо установления её собственно лингвистических и лингвокультурных параметров в составе паремий позволит дать ответы на многие вопросы исторической динамики, типологической общности и этнолингвистического своеобразия пословиц и поговорок.

Нужно отметить, что лексические особенности тувинских пословиц и поговорок остаются ещё недостаточно изученными. Так, в фокус внимания исследователей попадали соматизмы (Кечил-оол, Саая, 2016, 2017), гендерная лексика (Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), слова, характеризующие качества человека (Доржу, 2012), нумеративная лексика<sup>1</sup> и др. Комплексных исследований лексики тувинского паремиологического фонда до настоящего времени не проводилось. Ни одна из дифференцированных на разных основаниях групп лексических компонентов тувинских пословиц и поговорок не имеет своего полного синхронического освещения (ни в описательном, ни в сопоставительном плане).

На общем фоне сравнительно небольшой разработанности отдельных тематических групп лексики в составе тувинских пословиц и поговорок особую значимость приобретает изучение фаунистической лексики, прежде всего наименований животных. Повышенное внимание к этой тематической группе определяется, прежде всего, двумя факторами. Во-первых, фаунистическая лексика представляет собой одну из универсальных тематических групп в словарном составе любого языка, а центральное место в ней занимают именно прямые номинации животных. Во-вторых, лексика животноводства, а также охотничья и рыболовная лексика являются наиболее исследованными лексическими пластами тувинского языка и фольклора (Курбатский, 2001: 105–132; Сувандии, 2013, 2016; Сувандии, Куулар, 2015; Куулар, 2018ab; Дамбаа, Сувандии, 2021; Бурыкин, Болдырева, Музраева, 2019; и др.<sup>2</sup>), органично отражающие историю, условия жизни, традиции и воззрения кочевого народа (Курбатский, 2001: 35–51, 58–60; Даржа, 2003; Даржа, 2009; и др.<sup>3</sup>).

Однако вместе с тем на сегодняшний день известно всего лишь одно специальное исследование, посвящённое номинациям животных в тувинских пословицах и поговорах, в котором анализируется

<sup>1</sup> Чугунеева А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10–2(37). С. 18–21.

<sup>2</sup> А также: Бадарч Б. Лексика животноводства в цэнгэльский диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте) : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Новосибирск, 2009. 190 с.

<sup>3</sup> А также: Салчак В. С., Монгуш Б. Б., Баярсайхан Б. Тыва аңныыр ажыл-агыйының дугайында чамдык медээлер [Некоторые сведения о тувинской охотничьей деятельности]. Кызыл : Аныяк, 2010. 80 с. (На тув. яз.)





образ волка<sup>1</sup>. Отсутствие широкого и разноаспектного изучения фаунистической лексики в составе тувинских пословиц и поговорок, в которых достаточно много и разнообразно представлены наименования животных, в значительной степени обусловлено недостаточной разработанностью методологии исследования. Во-первых, его предметной сферы — аспектов реализации номинаций животных в паремиях, а во-вторых, его основной тематики — наиболее значимых проблем описания названий объектов животного мира в пословицах и поговорках.

Одной из насущных задач тувинской паремиологии на современном этапе её развития является, на наш взгляд, разработка принципов, аспектов и обоснование первоочередных проблем как лингвистического, так и лингвокультурологического анализа фаунистической лексики, представленной в тувинском паремиологическом фонде. В этой связи наиболее актуальным (и наиболее трудным) является комплексное исследование системы названий объектов животного мира в пословицах и поговорках, репрезентирующей не только универсальные свойства фаунистической лексики, но и своеобразии анималистической концептосферы в этноязыковой картине мира тувинского народа.

Необходимо отметить, что дифференциация и описание фаунистической лексики не получили в лингвистике однозначного подхода прежде всего в метаязыковом плане (Багана, Михайлова, 2011: 84-88), поэтому всякий раз требуется специальное определение используемой терминологии. В данной статье из всех существующих терминов для обозначения прямых номинаций животных (*анимализм, зоолексема, зоологизм, зооморфизм, зооним, фаунизм, фауноним*) нам представляется использовать в качестве наиболее адекватного термин *зоолексема*, не имеющий в отличие от синонимичных ему терминов никаких дополнительных интерпретаций (Багана, Гелиаскарова, 2010: 13). Соответственно, совокупность зоолексем как систему следует обозначать как *зоолексика*, а зоолексему как компонент пословицы или поговорки целесообразно понимать и терминологически обозначать как *зоокомпонент*, что позволяет дифференцировать зоолексику как отдельную тематическую группу в лексическом составе паремий.

Цель исследования — установить и описать основные аспекты реализации наименований животных (зоолексики) в тувинских пословицах и поговорках, определить и обосновать основные проблемы изучения зоокомпонентов в составе единиц паремиологического фонда тувинского народа в собственно лингвистическом и в лингвокультурологическом плане.

Фактическим материалом для исследования послужили 770 тувинских пословиц и поговорок (из них 262 с зоокомпонентами), отобранные методом фронтальной выборки (с исключением повторов) из сборников М. Хадаханэ, О. Саган-оол<sup>2</sup> и сборника Б. К. Будупа<sup>3</sup>, а также из тувинско-русского словаря под редакцией Э. Р. Тенишева (*Тувинско-русский ...*, 1968) (и его современного издания под руководством Э. Р. Тенишева и Д. А. Монгуш (*Тувинско-русский ...*, 2014)).

Методологической основой исследования являются основные положения паремиологии как самостоятельного направления в современном языкознании (*Паремиология в дискурсе*, 2015; *Паремиология без ...*, 2020; *Паремиология на ...*, 2021), а также новейшие концепции пословицы как явления языка (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020) и как афористической единицы (Иванов, 2009, 2019ab, 2020; Иваноў, 2018, 2019abc; Glukhanko, Ivanov, 2021), структурно-семантического моделирования пословиц (Петрушэўская, Иваноў, 2021; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021), особенностей их компонентного состава (Ломакина, Мокиенко, 2018a; Димогло, Ломакина, 2020; Комова, Ломакина, 2020; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2021), закономерностей их исторической динамики и типологии (Ivanov, 2002; Ivanov, Petrushevskaiia, 2015, 2019; Seliverstova, 2009), их лингвокультурологического анализа (Ковшова, 2019; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2020; Марфина, Шкуран, 2020; Мокиенко, 2020; Бредис, Иванов, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Петрушэўская, 2021), их аксиологического описания (Бредис, 2014; Ломакина, Мокиенко, 2018b; Нелюбова, 2019; Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов, 2019; Шкуран, 2019; Ломакина, 2021ab; Lomakina, 2021).

<sup>1</sup> Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки : международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27.

<sup>2</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. (На рус. и тув. яз.); Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. 78 с. (На тув. и рус. яз.).

<sup>3</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с. (На тув. и рус. яз.).



Установление аспектов реализации и обоснование проблем изучения номинаций животных в пословицах и поговорках тувинского языка базируется на исследованиях его паремиологического фонда (Доржу, 2012; Кечил-оол, Саая, 2016, 2017; Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020; Бредис и др., 2021; и др.<sup>1</sup>), а также на историко-этнографическом описании тувинского фольклора (Курбатский, 2001; Цэнгэльская тувинцы: ... , 2020), широком изучении условий жизни, материальных и духовных особенностей культуры исторической и современной Тувы (Вайнштейн, 1961, 1972; Потапов, 1969; Кенин-Лопсан, 2006; Ламажаа, 2011, 2013, 2018, 2021; Будегечиева, 2018).

### **Зоокомпоненты в составе единиц пословично-поговорочного фонда**

К наиболее очевидным аспектам реализации зоолексики в пословицах и поговорках относится её место в их лексической организации. В связи с этим первоочередными проблемами изучения номинаций животных являются, во-первых, объём зоокомпонентов в составе единиц пословично-поговорочного фонда, во-вторых, семантические связи и группы зоокомпонентов пословиц и поговорок, в-третьих, особенности передачи зоокомпонентов при переводе тувинских паремий на русский язык.

На фоне малой изученности лексического состава единиц пословично-поговорочного фонда тувинского языка пока не представляется возможным дать точную оценку места в нём фаунистической лексики во всём её объёме и разнообразии. Однако объём и состав прямых номинаций животных поддаётся исчерпывающему описанию.

Так, в результате исследования в 770 проанализированных тувинских пословицах и поговорках нами зафиксировано 67 зоокомпонентов (с учётом разных значений полисемантов), которые употребляются в 262 паремиях.

Ниже впервые приводится полный список прямых номинаций животных в лексическом составе выше упомянутых единиц пословично-поговорочного фонда тувинского языка (с указанием количества употреблений — по убыванию): *аът* 'мерин, лошадь, конь' (58); *ыт* 'собака' (19); *мал* 'скот' (15); *куш* 'птица' (11); *кулун* 'жеребёнок' (9); *теве* 'верблюды' (9); *хой* 'овца, баран' (9); *бөрү* 'волк' (7); *өшкү* 'коза' (7); *инек* 'корова' (6); *сааскан* 'сорока' (6); *анай* 'козлёнок' (5); *киш* 'соболь' (5); *күске* 'мышь' (5); *мал* 'конь' (5); *аң* 'зверь' (4); *аскыр* 'жеребец' (4); *буга* 'бык' (4); *каарган* 'ворона' (4); *балык* 'рыба' (3); *байлаң* 'малёк рыбы' (3); *бызаа* 'телёнок' (3); *кускун* 'ворон' (3); *торга* 'дятел' (3); *тоолай* 'кролик, заяц' (3); *арзыллаң* 'лев' (2); *бе* 'кобыла' (2); *дагаа* 'петух' (2); *койгун* 'заяц' (2); *курт-чажар* 'вольфартова муха' (2); *өдүрек* 'утка' (2); *өшкү* 'козёл' (2); *хартыга* 'сокол, ястреб' (2); *хүлбүс* 'косуля самец' (2); *чылан* 'змея' (2); *эник* 'щенок' (2); *адыг* 'медведь' (1); *алдын-доос* 'павлин' (1); *бодаган* 'верблюжонок' (1); *буура* 'верблюды' (1); *быт* 'вошь' (1); *дай* 'жеребёнок, конь от 2 до 3 лет' (1); *диш* 'белка' (1); *диис* 'кошка' (1); *дилги* 'лиса' (1); *дээлдиген* 'коршун' (1); *иви* 'олень' (1); *кас* 'гусь' (1); *кокай* 'волк' (1); *кээрген* 'кедровка' (1); *мезил* 'налим' (1); *морзук* 'барсук' (1); *өрге* 'суслик' (1); *нар* 'тигр' (1); *сары* 'сарыч' (1); *улдурок* 'волк' (1); *хайыракан* 'медведь' (1); *хек* 'кукушка' (1); *ховаган* 'бабочка' (2); *хүлчүк* 'мошकारа' (1); *шортан* 'щука' (1); *эзир* 'орёл' (1); *элик* 'косуля самка' (1); *элчиген* 'осёл' (1).

Порядок и количественная представленность зоокомпонентов в составе единиц тувинского пословично-поговорочного фонда являются уникальными (не могут повторяться в других языках), поэтому прямо и непосредственно репрезентируют этнокультурное своеобразие его лексико-семантической организации.

Следует отметить, что номинации отдельных животных представлены в пословицах и поговорках помимо основных зоолексем также ещё и рядом стилистических синонимов (нейтральное / разговорное — *бөрү* / *кокай*<sup>2</sup>; нейтральное / народно-поэтическое — *кулун* / *дай*<sup>3</sup>), наименованиями детёнышей этих животных (*анай* 'козлёнок до года'; *бодаган* 'верблюжонок до года'; *бызаа* 'телёнок до года'; *кулун* 'жеребёнок-сосунок'; *байлаң* 'малёк рыбы', *эник* 'щенок'), гиперонимами (*аң* 'зверь', *мал*

<sup>1</sup> См. также: Салчак А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки : международный научный журнал. 2019, № 6. С. 25–27; Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасской и тувинской паремиологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019, № 10–2(37). С. 18–21.

<sup>2</sup> Ср.: *бөрү* 'волк' и *кокай* 'I (разговорное) волк', см.: Тувинско-русский ... , 1968: 118, 246.

<sup>3</sup> Ср.: *кулун* 'жеребёнок-сосунок' и *дай* '(фольклорное) конёк, жеребёнок (от двух до трёх лет)', см.: там же: 143, 264.



‘скот’, *куш* ‘птица’, *балык* ‘рыба’), эвфемизмами (*адыг* / *хайыракан* ‘медведь’ / как обращение к самому уважаемому животному, ‘почтительное название божества’ (Тувинско-русский ..., 1968: 463)). Вместе с тем в тувинских поговорках не зафиксировано употребление собственно зоонимов — клички животных (типа *Бөрзекпен* — *Волчонок* как кличка собаки).

Некоторые зоолексемы реализуются в пословицах и поговорках в своих разных значениях. Так, тувинское *мал* имеет два значения: ‘1) скот, домашние животные; 2) конь, табун’ (там же: 287), которые оба отражены в поговорках, напр.: *Мал киштежип таныжар, Чон чугаалажып таныжар* ‘Люди знакомятся разговором, Кони переключаются ржанием’<sup>1</sup> (здесь и далее выделено жирным шрифтом нами. — Авт.) (где *мал* ‘конь’); *Кыштаг турда, мал белен, Кыстыг турда, күдээ белен* ‘Был бы зимник — скот найдётся, Была бы дочь — зять същется’<sup>2</sup> (где *мал* ‘скот’) и т. п. Тувинское *хой* является общим для обозначения овцы и барана, что отражено в поговорках, напр.: *Чугаа-даа көвүдеди, Аскак хой ырады* ‘Время уходит зря, Хромая овца и то далека’<sup>3</sup>; *Кортпасты хой сокту коргуткан* ‘Храбрца напугал бараний орган (нижний орган)’<sup>4</sup>.

С другой стороны, один и тот же зоокомпонент может использоваться для обозначения разных животных, как правило, близких по своим внешним признакам и/или по своей значимости в жизни кочевника и охотника, напр.: *Улдуруктуң азы чидиг, Улуургактың аксы байбаң* ‘У волка клыки острые, У зазнайки слова пустые’<sup>5</sup>, где употребляется пейоративный эвфемизм *улдурук* ‘(презрительное) волк’ (Тувинско-русский ..., 1968: 439), который в данной тувинской поговорке используется для обозначения как волка, так и собаки *бөрү азы ыт*<sup>6</sup>.

При обозначении одного животного может использоваться ряд зоолексем, которые являются синонимами — абсолютными (дублетами), идеографическими (семантическими), в том числе и в лексико-семантической организации одной поговорки, напр.: *Адан теведе* [= *тевелер баштыңы, буура*] *чыраа чок, Алдар-сайытта ылгал чок* ‘У верблюда нет иноходи, У славы — разницы’<sup>7</sup>, где *адан* ‘рабочий верблюд (кастрированный)’; *буура* ‘верблюдо-производитель’; *теве* ‘верблюдо’ (там же: 38, 124, 409).

Кроме этого животные широко обозначаются в тувинских пословицах и поговорках в виде непрямых номинаций на основе актуализации отдельных существенных качеств, свойств, особенностей, функций данного животного типа *маңныг* ‘скакун’ (от *маңныг* ‘беговой’, *маңнаар* ‘бегать’ (там же: 289)), *чавыдак* ‘жеребёнок, молодой конь’ (от *чавыдак* ‘неосёдланный’ (там же: 505)), *бызаалыг* ‘корова’ (от *бызаалыг* ‘имеющий телёнка’ (там же: 130)) и т. п. Напр.: *Чок чүвени бар диве, Чоржаң азтты маңныг диве* ‘Не хвались тем, чего нет, Не выдавай клячу за скакуна’<sup>8</sup>; *Чаш дээш базынма, Чавыдак дээш шоотпа* ‘Не обижай малого, Не унижай бедного’<sup>9</sup> и т. д. Номинации такого рода требуют специального изучения и не будут здесь рассматриваться (как и составные наименования типа *саар малдың сүттүү* ‘дойная корова, дающая много молока’).

Количественный и качественный анализ набора номинаций животных в пословицах и поговорках важен не только в плане установления места и роли зоокомпонентов в лексическом составе поговорок, но и с точки зрения выяснения особенностей репрезентации и категоризации объектов живой природы в языковой и фольклорной картинах мира тувинцев.

### Лексико-семантические связи и группы зоокомпонентов пословиц и поговорок

Объекты животного мира весьма разнообразно отражены в тувинском фольклоре, что свидетельствует о важности занимаемого ими места в жизни и традиционном народном мировоззрении тувинцев. Согласно Г. Н. Курбатскому, в фольклорных текстах представлены наименования животных всех основных классов: млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые,

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 40.

<sup>2</sup> Там же. С. 38.

<sup>3</sup> Там же. С. 69.

<sup>4</sup> Там же. С. 109.

<sup>5</sup> Там же. С. 53.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 81.

<sup>8</sup> Там же. С. 67.

<sup>9</sup> Там же. С. 65.



паукообразные (Курбатский, 2001: 105–132), а также животных, которые являются объектами скотоводства, охоты, рыболовства (там же: 35–60). Такое богатое своим разнообразием отражение животного мира вообще свойственно тувинскому языку, в котором одним из наиболее развитых пластов словарного состава является охотничья и животноводческая лексика (Сувандии, 2013, 2016; Сувандии, Куулар, 2015; Куулар, 2018ab; Дамбаа, Сувандии, 2020, 2021; и др.<sup>1</sup>).

В пословицах и поговорках употребляются наименования животных различных биологических классов, промысловых и хозяйственных видов, в соответствии с этим можно выделить следующие частично пересекающиеся основные лексико-семантические группы зоокомпонентов (включая вторичные номинации):

- «дикие животные» — *аң* ‘зверь’, *адыг* ‘медведь’, *бөрү* ‘волк’, *диш* ‘белка’, *дилги* ‘лиса’, *киш* ‘соболь’, *кокай* ‘волк’, *кээрген* ‘кедровка’, *морзук* ‘барсук’, *өрге* ‘суслик’, *пар* ‘тигр’, *сааскан* ‘сорока’, *торга* ‘дятел’, *хайыракан* ‘медведь’, *хек* ‘кукушка’, *хүлбүс* ‘косуля самец’, *элик* ‘косуля самка’ и др. (51% от общего количества зоокомпонентов);
- «домашние животные» — *мал* ‘скот’, *аът* ‘мерин, лошадь, конь’, *анай* ‘козлёнок’, *бодаган* ‘верблюжонок’, *буга* ‘бык’, *бызаа* ‘телёнок’, *дагаа* ‘петух’, *диис* ‘кошка’, *кулун* ‘жеребёнок’, *өшкү* ‘коза домашняя’, *хой* ‘овца, баран’, *ыт* ‘собака’, *элчиген* ‘осёл’, *эник* ‘щенок’ и др. (49%);
- «млекопитающие» — *буура* ‘верблюды’, *киш* ‘соболь’, *күске* ‘мышь’, *теве* ‘верблюды’, *тоолай* ‘кролик’, *улдурук* ‘волк’ и др. (63%);
- «птицы» — *куш* ‘птица’, *алдын-доос* ‘павлин’, *каарган* ‘ворона’, *кас* ‘гусь’, *кускун* ‘ворон’, *кээрген* ‘кедровка’, *сааскан* ‘сорока’, *торга* ‘дятел’, *өдүрек* ‘утка’, *хек* ‘кукушка’, *эзир* ‘орёл’ и др. (23,5%);
- «рыбы» — *балык* ‘рыба’, *байлаң* ‘малёк рыбы’, *мезил* ‘налим’, *шортан* ‘щука’ (6%);
- «насекомые» — *быт* ‘вошь’, *курт-чажар* ‘вольфартова муха’, *ховаган* ‘бабочка’, *хүлчүк* ‘мошкара’ (6%);
- «пресмыкающиеся» — *чылан* ‘змея’ (1,5%).

Столь представительное разнообразие типов и видов животных является ещё одним убедительным свидетельством того, что пословично-поговорочный фонд отражает в миниатюре содержание и структуру не только фольклорной, но и языковой картины мира тувинского народа, в которых репрезентированы природная среда, разнообразная фауна на территории Тувы, а также животные, которых разводят тувинцы.

Также зоокомпоненты пословиц и поговорок дифференцируются на лексико-семантические группы по различным понятийным критериям как общего, так и собственно лингвистического характера, которые являются значимыми для языка тувинских паремий, напр.: «номинации детёнышей животных» (*анай* ‘козлёнок’, *байлаң* ‘малёк рыбы’, *бодаган* ‘верблюжонок’, *бызаа* ‘телёнок’, *кулун* ‘жеребёнок’, *эник* ‘щенок’), «эвфемизмы» (*кокай* ‘волк’, *улдурук* ‘волк’, *хайыракан* ‘медведь’), «зооморфизмы» (*ховаган* ‘бабочка’ как мерило трусости человека, ср. *ховагандан кортук* ‘трусливее бабочки’ (Тувинско-русский ..., 1968: 478)) и др.

Зоокомпоненты единиц пословично-поговорочного фонда связаны между собой разнообразными отношениями парадигматического и синтагматического характера, из которых наиболее типичными являются синонимия, гиперонимия, а также бинарные ассоциации в различной форме.

Зоокомпоненты-синонимы используются, как правило, для номинации таких значимых в жизни и/или символических в мировоззрении кочевников-скотоводов и охотников животных, как конь (*аът* — *мал* — *аскыр*), верблюды (*адан* — *буура* — *теве*), волк (*бөрү* — *кокай* — *улдурук*) и т. п. Контекстуальными синонимами могут выступать номинации взрослых особей и их детёнышей в случае нейтрального по отношению к возрастной дифференциации животных содержания паремий (*аът* — *кулун* / *чаваа*, *буга* — *бызаа*, *өшкү* — *анай*, *теве* — *бодаган*, *ыт* — *эник* и т. д.), напр.: *Хуурактар көвүдээрге — ядараарының демдээ*, *Кулун-чаваа көвүдээрге — байырының демдээ* ‘Много хуураков расплодилось — к бедности, Жеребят полно народилось — к богатству’; *Челелиг бызаа арган*, *Чевен кижжи самдар* ‘Привязанный бычок худеет, Неумелый человек беднеет’<sup>2</sup> и т. п.

<sup>1</sup> А также: Бадарч Б. Лексика животноводства в цэнгальском диалекте тувинского языка (в сравнительно-сопоставительном аспекте) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. Новосибирск, 2009. 190 с.

<sup>2</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 60, 66.





Выбор того или иного синонима-зоокомпонента не всегда обусловлен смыслом поговорки и/или её лексико-семантической структурой, может также быть прямым следствием диалектной дифференциации тувинского языка, ср.: *волк* — в литературном языке *бөрү*, а в тоджинском диалекте *кокай*, т. е. буквально «страшный» (Дамбаа, Сувандии, 2020: 373), напр.: *Кокайга хой кадартта, Хопчуга сөс дыңнатпа* «Волку овец не доверяй, Сплетнику тайн не поверяй»<sup>1</sup>.

Использование гиперонимов в качестве общей номинации животных какого-либо типа или вида (*аң* «зверь», *мал* «скот», *куш* «птица», *балык* «рыба» и др.) отражает, во-первых, специфику пословиц как афористических единиц, для которых характерно универсальное (всеобщее) обобщение действительности, когда «сообщается не о множествах объектов, их свойств или связей, а о них как о целых классах» (Иванов, 2020: 675), а во-вторых, одну из особенностей мифологического мировоззрения той древней эпохи, когда создавались первые пословицы, — синкретическое мировосприятие действительности, при котором синтез как когнитивный инструмент превалирует над анализом. Напр.: *Кадыг черге мал доктаавас, Харам кижээ эш доктаавас* «На голой земле скот не пасётся, У скупого человека друзей не заведётся»; *Кыштаг турда, мал белен, Кыстыг турда, күдээ белен* «Был бы зимник — скот найдётся, Была бы дочь — зять найдётся»; *Бот кижиниң хырны улуг, Бода малдың чыдыны улуг* «Холостому нужно много еды, Крупному скоту — много места»<sup>2</sup> и т. п., где для сопоставления с конкретным личностным или социальным типом человека (*харам киж* «скупой», *күдээ* «зять», *бот киж* «холостой» и т. п.) избирается обобщённое *мал* «скот», что существенно усиливает назидательный эффект пословичной морали за счёт гиперболизации анималистического объекта посредством его универсализации (вместо «любая домашняя скотина» актуализируется «весь скот вообще»).

Связь зоокомпонентов поговорок в виде бинарных ассоциаций всегда основана на контрасте и порождает либо контекстуальную антонимию (если встречается разово), либо паремийные биномы (если приобретает устойчивый характер).

Контекстуальные антонимы-зоокомпоненты в пословицах и поговорках основаны на противопоставлении реальных отличий в свойствах, повадках, образе жизни животных (*Каарган кас эдергеш, Даванын доңурган* «Погналась ворона за гусём, Да лапы обморозила»; *Курт-чажар балыг эндевес, Кускун сек эндевес* «Муха чует, где рана, А ворон — где падаль»<sup>3</sup> и т. п.), на различии в функциях и способах использования животных человеком (*Инектиг киж* *тодуг, Хойлуг киж* *каас* «У кого корова — тот сыт, У кого овцы — одет»<sup>4</sup> и т. п.), на контрасте приписываемых животным человеческих качеств и реальных биологических свойств животных (*Демниг сааскан Теве тудуп чиир* «Дружные сороки и верблюда одолеют»; *Дилги кудуруу-биле ыт мегелээр* «Лиса собаку хвостом обманывает»<sup>5</sup> и т. п.).

Зоокомпоненты, входящие в паремийные биномы, связаны между собой отношением не только контраста, но и соотнесения, уподобления, объединения по какому-либо признаку, свойству, а также могут образовывать ассоциативные пары с лексическими компонентами поговорок, входящими в различные тематические и лексико-семантические подсистемы словарного состава языка. Зоолексемы как компоненты паремийных биномов всегда характеризуются этнокультурно и/или аксиологически детерминированными коннотациями, поэтому должны рассматриваться, прежде всего, с точки зрения своей реализации в семантической структуре пословиц и поговорок (см. ниже раздел «Зоокомпоненты в структуре паремийных биномов»).

Зоокомпоненты пословиц и поговорок следует квалифицировать как подсистему в лексическом составе единиц пословично-поговорочного фонда, поэтому зоолексемы должны дифференцироваться в соответствии как с общими закономерностями парадигматических и синтагматических связей между единицами словарного состава языка, так и со спецификой лексико-семантической организации пословиц и поговорок тувинского народа.

### **Проблема передачи зоокомпонентов пословиц и поговорок при переводе**

Одной из актуальных проблем тувинской паремиологии является, как известно, перевод пословиц и поговорок на другие языки, прежде всего на русский язык как язык межнационального общения

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 34.

<sup>2</sup> Там же. С. 30, 38, 93.

<sup>3</sup> Там же. С. 29, 36.

<sup>4</sup> Там же. С. 28.

<sup>5</sup> Там же. С. 25.



(Коняшкин, Чадамба, 2014, 2017; Чадамба, 2014). Данная проблема приобретает особое значение при передаче на чужой язык зоолексик, которая в разных лингвокультурах, как известно, имеет различную, иногда прямо противоположную национально-культурную коннотацию. В этом случае на первый план выходит аутентичность перевода, когда передаётся не только смысл всей паремии, но и значение каждого её лексического компонента, что является особенно важным при лексикографическом описании паремиологического фонда (Бредис и др., 2021).

В переводных сборниках тувинских пословиц и поговорок передача зоокомпонентов на русский язык не всегда отвечает принципам аутентичного перевода. Так, в качестве типичных можно выделить случаи неоправданной субституции одной зоолексемы другой (денотативно близкой, соотносимой по сигнификативному аспекту значения), вставки зоолексемы (её избыточной актуализации), элиминации зоокомпонента (его опущения, игнорирования), замены значения зоокомпонента (актуализации не того значения полисеманта), семантической компрессии зоокомпонента (передачи только одного его значения) в языке перевода.

Например, в новейшем сборнике пословиц и поговорок тувинского народа *Кыдыг мал мал боор, Кыдыг кижжи кижжи боор* переведено на русский язык как «И худой жеребёнок конём станет, И бедный человек в люди выйдет»<sup>1</sup>, однако речь в тувинской пословице идёт не о *жеребёнке — кулун*, а о *коне — мал* (неказистом в сравнении с другими по причине физических недостатков, необученности, молодости и др.), который ещё не показал свои лучшие качества (поэтому и менее любим хозяином — *кыдыг мал*). В связи с этим первую часть пословицы будет правильнее переводить с сохранением повтора зоокомпонента как «И неказистый конь настоящим конём станет».

Зоокомпонент *мал* 'скот' / 'конь' в двух паремиях в идентичных позициях в их лексико-грамматической структуре может переводиться по-разному, что приводит к неверному восприятию русскоговорящими значения зоолексемы *мал* в тувинском языке, напр.: *Чүрээ чок кижжи каткыжы, Сүдү чок мал эдиген* 'Ленивый человек отшучивается, Голодная скотина мычит'<sup>2</sup>, ср.: *Сүдү чок мал эдиген* 'Корова без молока голосиста'<sup>3</sup>, где *мал* неверно передавать по-русски как «корова» (на тувинском *корова — инек*), нужно переводить по образцу первой пословицы как «скотина».

При переводе пословицы *Белекке бергенде, Бе-даа, аът-даа дөмей* 'Когда дарят, Не смотрят — кобыла или лошадь'<sup>4</sup> переводчик использовал второе, общее значение полисемантического зоокомпонента *аът* 'лошадь, конь' (Тувинско-русский ..., 1968: 79), в результате чего в переводе на русский язык паремия утратила всякий смысл («кобылу» нельзя противопоставить «лошади», поскольку эти понятия находятся в логическом отношении, соответственно, «вид» и «род»). Основное, первое значение тувинского *аът* 'мерин' (там же: 79) (соотносимое при употреблении *аът* в качестве общего названия с «конь»), поэтому адекватным переводом второй части пословицы будет «... не смотрят — кобыла или конь».

Пословица *Чаараанда саяктаар, ядараанда хамнаар* не содержит зоокомпонент *аът* 'конь' / 'лошадь', однако при передаче её на русский язык он актуализируется «Лошадь из-за натёртой спины вынуждена идти иноходью, человек из-за бедности вынужден шаманить» (там же: 504), что существенно снижает аутентичность лексико-семантической организации тувинской пословицы и её русскоязычного перевода. Тувинское *саяктаар* 'ходить иноходью' относится к лошади (там же: 370) (иноходь — это разновидность аллюра), поэтому паремию (с учётом и отсутствия в ней компонента *кижжи* 'человек') целесообразно переводить ближе к оригиналу как «Натёрши спину — идти иноходью, обедневши — шаманить».

Зоокомпоненты-эвфемизмы могут выступать в пословицах и поговорках как вторичные номинации одновременно нескольких животных, что не всегда учитывается при переводе, напр.: *Улдурук-туң азы чидиг, Улуургактың аксы байбаң* переводится как «У волка клыки острые, У зазнайки слова пустые»<sup>5</sup>. На первый взгляд, всё правильно, поскольку в тувинском языке *улдурук* означает 'волк (презрительное)' (Тувинско-русский ..., 1968: 439). Однако сам же переводчик отмечает, что «улдурук —

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 37.

<sup>2</sup> Там же. С. 69.

<sup>3</sup> Там же. С. 50.

<sup>4</sup> Там же. С. 91.

<sup>5</sup> Там же. С. 53.



бөрү азы ыт»<sup>1</sup>, т. е. в данной поговорке может означать как бөрү ‘волк’, так и ыт ‘собака’. Поэтому первую часть тувинской поговорки правильно будет переводить с учётом многозначности зоокомпонента в её составе при помощи вариантных зоолексем как «У волка (У собаки) клыки острые...».

Изучение возможности и способов адекватной передачи на другой язык зоокомпонентов в составе паремий должно рассматриваться в контексте более широкой проблемы определения провербиальных факторов и поиска приёмов перевода тувинских пословиц и поговорок на различные языки мира (Бредис, Иванов, 2022).

### **Зоокомпоненты как репрезентанты ключевых понятий в семантике пословиц и поговорок**

Ещё одним значимым аспектом реализации зоолексик в пословицах и поговорках является её место в их семантической структуре. Наиболее важными проблемами лингвокультурологического изучения номинаций животных в этой связи являются, во-первых, зоокомпоненты как репрезентанты ключевых понятий в плане содержания пословиц и поговорок, во-вторых, зоокомпоненты как маркеры пословично-поговорочной образности, в-третьих, зоокомпоненты в структуре паремийных биномов.

В современной паремиологии понятийный ряд в семантике пословиц и поговорок дифференцируется на понятия «ключевые (смыслообразующие) и нейтральные (не имеющие собственной значимости в пословичном плане содержания)» (Паремиология на перекрёстках ..., 2021: 89). Ключевые понятия являются смысловыми доминантами плана содержания паремии, выражающие их компоненты занимают центральную позицию в её лексической организации, являются основой для пословично-поговорочной образности, а в случае своего парного употребления на основе устойчивых бинарных ассоциаций могут образовывать паремийные биномы.

Зоокомпоненты в тувинских пословицах и поговорках могут выступать репрезентантами ключевых понятий в тех случаях, если непосредственно участвуют в формировании паремийной семантики. Так, зоокомпонент хулбүс ‘косуля самец’ репрезентирует нейтральное понятие в поговорке Хулбүс аткан черинден хүннүң аңнаар ‘Каждый день охотится там, где косулю убил’<sup>2</sup>, поскольку не участвует своим планом содержания в её общем переносном значении ‘поводился бывать где-либо’, образованном на основе буквального смысла ‘каждый день охотится там, где убил косулю’ (Тувинско-русский ..., 1968: 495) (понятие ‘где-либо’ не связано ни с представлением о том месте, ‘где убил косулю’, ни с понятием о животном ‘косуля’ и её свойствах). В свою очередь, зоокомпонент эник ‘щенок’ в пословице Эжиңни эникке бодава, бодуңну богдага бодава ‘Товарища своего щенком не считай, а себя самого не считай богом (буддой)’ (там же: 614) является репрезентантом ключевого понятия, поскольку оно прямо и непосредственно представлено в паремийной семантике. В содержании данной пословицы ‘щенок’ — это универсальная (основанная на свойствах детёныша собаки) пейоративная номинация молодого, неопытного мужчины, как правило, физически слабого, неспособного постоять за себя, сделать что-либо стоящее, которым можно пренебрегать.

Выявление репрезентантов ключевых понятий среди зоокомпонентов единиц тувинского пословично-поговорочного фонда представляет собой одну из важнейших проблем его лингвокультурологического изучения. Как было установлено нами ранее, именно «ключевые понятия чаще подвергаются коннотативному осложнению (и приобретают в пословицах образное выражение), именно ключевые понятия, в том числе в своём образном выражении, выступают маркерами этнокультурной картины мира, именно коннотации и образы, используемые для замещения прямого выражения ключевых понятий, как правило, репрезентируют этно-национально-культурную специфичность пословиц» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 238). В этой связи уже сам по себе набор ключевых понятий анималистической природы и репрезентирующих их зоокомпонентов пословиц и поговорок маркирует этнокультурное своеобразие использования зоолексик в единицах пословично-поговорочного фонда.

В результате исследования тувинских пословиц и поговорок выявлено, что в большинстве случаев зоокомпоненты репрезентируют в семантике паремий ключевые понятия, основанные либо на внешних свойствах, либо на повадках соответствующего животного, напр.: *Арзылаңны арга-биле тудар*

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное изд-во ; Радуга Тувы, 2020. С. 53.

<sup>2</sup> Там же. С. 60.



‘Льва ловят хитростью’ (сила льва); *Доңгурактан даңгырак чидиг, Тоолайдан таалай чүгүрүк* ‘Клятва ножа острее, Заяц молва быстрее’ (быстрота зайца); *Керттик-ле чүве теве эвес, Кемниг-ле чүве мен эвес* ‘Не всякий горбатый — верблюд, Не всякий виновный — я’ (горбатость верблюда); *Өшкү чудаанын үзер* ‘Козёл бодает слабого’ (агрессия бодающего всех козла); *Эки эзир тевер, Кускун, сааскан дойлаар* ‘Орёл добывает, Вороны доедают’ (хищник орёл, всеядные ворон и сорока)<sup>1</sup> и т. д.

При этом сама по себе интерпретация свойств и повадок животных носит универсальный характер (общий для многих этнокультур), а выбор конкретного животного (и, соответственно, зоолексемы) для отражения того или иного свойства, той или иной повадки в паремии в большинстве случаев детерминирована этнокультурной специфичностью традиционной картины мира тувинского народа. Так, репрезентантами ключевых понятий «большое» и «малое» в пословице *Күзээр болза, хүлбүс-даа бичелей бээр, Күзээр болза, хүлчүк-даа улгады бээр* ‘Если захотеть, и косуля станет мальцом, А мошкара станет великаном’<sup>2</sup> являются, соответственно, *хүлбүс* ‘косуля самец’ и *хүлчүк* ‘мошка’. И если восприятие насекомого как воплощения чего-то малого можно рассматривать как универсальное (в русском фольклоре, например, есть пословицы *Мошка — крошка, да волдырь велик; Мошка — крошка, а человеческую кровь пьёт*<sup>3</sup>), то отождествление самца косули с чем-либо весьма большим по своим размерам, насколько нам известно, не имеет аналогов в азиатских и европейских лингвокультурах.

То же можно сказать и о зоокомпоненте *тоолай* ‘заяц’ как этнокультурно специфическом репрезентанте ключевого понятия «ненастоящий» в тувинской поговорке *Довурзак-даа — бөрт-түр, Тоолай-даа — аң-дыр* ‘Тюбетейка тоже шапка, Заяц — тоже дичь’<sup>4</sup>, поскольку такое понимание основано, прежде всего, на небольших размерах животного. Как отмечает Г. Н. Курбатский, «встречающиеся в тувинских загадках определения «маленький, щупленький» относятся, в основном, к зайцу-тоолай, самому мелкому представителю рода зайцев» (Курбатский, 2001: 124), хотя в контексте его иронического отождествления в паремии с *аң* ‘зверь’ нельзя исключать и влияния универсальной сказочной традиции отношения к зайцу как существу слабому, которого все обижают. На наш взгляд, универсальная сказочная традиция здесь всё же вторична, поскольку и в волшебных сказках трусость зайца детерминирована не столько отсутствием острых когтей и зубов, сколько его небольшими размерами по сравнению с традиционными «врагами» — лисой, волком, медведем и др.

Выявление и описание особенностей анималистических репрезентантов ключевых понятий в пословицах и поговорках позволит не только объективно оценить место и роль зоолексической семантики в формировании общего значения в паремиях, но и реконструировать структуру «провербиального пространства» (Левин, 1984) как совокупности парадигматических связей между паремиями, основанных на значениях их лексических компонентов, установить соотношение общего с другими лингвокультурами и уникального в семантике единиц тувинского пословично-поговорочного фонда.

### **Зоокомпоненты как маркеры пословично-поговорочной образности**

Образность зоолексем, как и любых других полнозначных лексических компонентов в семантической структуре паремий может быть основана на семантической двуплановости (преимущественно на метафоре) или на экспрессивности, может формировать общее образное (переносное) паремийное значение или не выходить за границы образной семантики отдельных лексических компонентов, может занимать центральное или периферийное место (быть ключевой или нейтральной), может демонстрировать общность с паремийной образностью других лингвокультур или быть этнокультурно маркированной.

Различные характеристики пословично-поговорочной образности были рассмотрены нами ранее на примере тувинских пословиц с зоокомпонентами, в том числе были установлены наиболее частотные в тувинском пословично-поговорочном фонде анималистические образы: *аът* — конь,

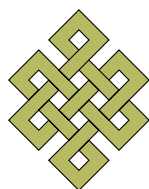
<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 16, 25, 32, 46, 77.

<sup>2</sup> Там же. С. 110.

<sup>3</sup> Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. С. 558.

<sup>4</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 98.





ит — собака, бөрү, кокай — волк, куш — птица, өшкү — коза, анай — козлёнок, инек — корова, хой — овца, тоолай — заяц, теве — верблюд, киш — соболь, элик — косуля, күске — мышь, балык — рыба, сааскан — сорока, кускун — ворон, буга — бык, арзылаң — лев и др. (а также обобщённые образы аң — зверь, мал — животное, скот)» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 240–242).

Исследование зоокомпонентов как маркеров пословично-поговорочной образности показало, что в качестве наиболее продуктивных способов создания анималистических образов выступают, во-первых, зооморфизм (наделение людей качествами животных), во-вторых, антропоморфизм (перенесение качеств человека на животных), в-третьих, уподобление условий жизни и качеств человека и животных. Следует отметить, что антропоморфные образы в пословицах и поговорках не всегда можно однозначно отграничить от зооморфных, поскольку оба типа образности являются прямым следствием синкретического восприятия действительности, характерного для архаического мышления, свойственного фольклорной традиции.

Образные зоокомпоненты весьма широко распространены в тувинских пословицах и поговорках, как и вообще в тувинском фольклоре. Так, поведение человека рассматривается с точки зрения поведения животных, напр.: *Боду бодун билинмес, Морзук калчанын билинмес* 'Ничего за собой не замечает, Как барсук о своей лысине не знает'; *Кажары дилги-ле, Кашпагайы дииң-не* 'Хитёр, как лиса, Ловок, как белка'; *Кортуу ховаган дег, Дезии дээлдиген дег, Чылчыраажы сааскан дег, Сарыыл чогу мезил дег* 'Словно бабочка, труслив, Словно коршун, пуглив, Как сорока, болтлив, А уж глуп, как налим'; *Кижжи экизи — хүн, Кижжи багы — чылан* 'Добрый человек — как солнце, Злой человек — как змея'; *Хопчу кадын — сааскан, Хоптак хаан — каарган* 'Болтливая ханша как сорока, Жадный хан как ворон'<sup>1</sup> и т. п. При этом проявляются ярко этноспецифический характер наделения животных определёнными качествами (насколько нам известно, зооморфные образы «трусливая бабочка», «глупый налим», «не знающий о своём внешнем виде барсук» не встречаются в других лингвокультурах, в отличие от широко распространённых в разных языках и культурах зооморфных образов «хитрая лиса», «ловкая белка», «болтливая сорока», «злая змея» и т. п.).

В тувинских пословицах и поговорках качества, поведение, условия жизни домашних животных в образной форме определяют качества, поведение, условия жизни человека, напр.: *Аскырлыг аалдың уруглары сонуургак болур, Бугалыг аалдың уруглары кортук болур* 'Дочки аала, где есть жеребец — любопытны, Дочки аала, где есть бык, трусливы'; *Инээм өдээ — Ием чурту, Агдым өдээ — Адам чурту* 'Лежанка коровы — Родина матери, Лежанка коня — Родина отца'<sup>2</sup> и т. д.

Образ жизни тувинца сопоставляется с образом жизни окружающих его животных, напр.: *Өөрсүрек мал киштеген, Өкпежи уруг ыглаган* 'Скот без стада мычит, Без присмотра ребёнок плачет'; *Ада орнун оол салгаар, Агт орнун кулун салгаар* 'Место отца наследует сын, Как жеребёнок — коня'; *Адыгуу-зун мал-даа болза Өтттаар черлиг, чыдар чыдынныг. Адыр даванныг кижжи-даа болза Аал-чуртууг, оран-савалыг* 'Дикое животное и то имеет Своё пастбище и своё лежбище, И у человека есть Родимая сторона и свой дом'; *Иезин «инээм» дээр, Адазын «агдым» дээр* 'Мать сравнивают с коровой, А отца — с конём'<sup>3</sup> и т. п.

Паремийные образы, как известно, отличаются высокой степенью этнокультурной специфичности, поэтому изучение зоокомпонентов как маркеров пословично-поговорочной образности должно быть направлено, в первую очередь, на выявление и разграничение идентификаторов уникального и общего с другими языками, этнокультурного и интернационального в выборе и характеристиках анималистических образов тувинских пословиц и поговорок.

### Зоокомпоненты в структуре паремийных биномов

Лексические компоненты в пословицах и поговорках могут образовывать повторяющиеся пары на основе только семантической связи между собой. Такие пары компонентов в современной лингвистике принято квалифицировать как «паремийные биномы», или «сочетания компонентов, составляющие семантическое ядро паремиологических единиц, достаточно устойчивые и частотные

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 21, 30, 34, 59.

<sup>2</sup> Там же. С. 87, 102.

<sup>3</sup> Там же. С. 46, 82, 83, 101.



в паремиологическом пространстве», которые в пословицах и поговорках «можно рассматривать как один из способов кодирования и хранения концептуальной информации» (Селиверстова, 2009: 183).

Многие зоокомпоненты входят в структуру паремийных биномов в тувинском паремиологическом фонде, образуя парные устойчивые сочетания, основанные на противопоставлении, сравнении, контрасте, соположении, объединении тех или иных значимых для охотника и скотовода характеристик обозначаемых животных и/или образных представлениях о них в традиционной картине мира тувинцев. Типичными паремийными биномами являются пары зоокомпонентов: *аң* — *мал* ('зверь' — 'скот'), напр.: *Аң оруу — хан, Мал оруу — чаг* 'Пусть зверя — кровь, Пусть скота — сало'; *Азыраан мал төне бээр, Арганың аң-меңи төнмес* 'Домашний скот может кончиться, а зверь в тайге — нет'<sup>1</sup> и т. п.; *аът* — *ыт* ('конь' — 'собака'), напр.: *Аът — кижиниң буду, Ыт — кижиниң кулаа* 'Лошадь — нога человека, Собака — уши'; *Аът тодарга, хоюганы кончуг апаар, Ыт тодарга, каржызы кончуг апаар* 'Сытый конь очень пугливым становится, Сытая собака очень злой становится'<sup>2</sup> и т. п.

Следует отметить, что зоокомпоненты в структуре паремийных биномов репрезентируют бинарные связи и контрасты между объектами животного мира, имеющие не только универсальный характер (типа *дикие — домашние животные*), но и этноспецифический. Так, для тувинского фольклора не характерна ассоциативная пара *бөрү / кокай* ('волк') — *кодан / койгун* ('заяц'), «данные образы никогда не используются как пословичный бином» (Бредис и др., 2021: 148), распространённый в устно-поэтической традиции многих народов. В то же время общеевропейский паремийный бином *волк — овцы* является вполне типичным и для тувинского фольклора (*бөрү / кокай — хой*), напр.: *Бөрүге хой кадартпа, Чазыйга хымыш тудуспа* 'Не давай волку овец пасти, Не давай поварёшки жадному'; *Кокайга хой кадартпа, Хопчуга сөс дыңнатпа* 'Волку овец не доверяй, Сплетнику тайн не доверяй'; *Бөрүлүг ойну хой эндевес* 'Стадо овец чувствует ущелье, где есть волки'<sup>3</sup> и др.

Зоолексемы в структуре паремийных биномов сочетаются в тувинском пословично-поговорочном фонде с лексическими единицами также и других тематических групп. Наиболее продуктивными в этом отношении являются паремийные биномы со структурой «зоолексема — лексема человек», в которых первый компонент варьируется, в зависимости от чего отличается количество реализаций соответствующего варианта бинома в пословицах и поговорках (в порядке убывания):

*аът / мал* — *кижи* ('лошадь / конь' — 'человек'), напр.: *Аарыг кижжи экириир, Арган мал семириир* 'Тощий конь силы наберется, Больной человек поправится'; *«Але» дээр кижжи авыяастыг, Ала карактыг аът дезиг* 'Льстивый человек — лжец, Разноглазый конь — пуглив'; *Арган мал семириир, Аарыг кижжи сегиир* 'И худой конь сил наберется, И больной человек поправится'; *Аът болуру кулунундан, Кижжи болуру чажындан* 'Конь вырастает из жеребёнка, Человек из малого ребёнка'; *Кижжи чугаалажып таныжар, Аът киштежип таныжар* 'Ржанием кони перекликаются, Разговором люди знакомятся'; *Кижжи экизи — найыралда, Аът экизи — мунушта* 'Человек познаётся в дружбе, А конь — в пути'; *Кыдыг мал мал боор, Кыдыг кижжи кижжи боор* 'И худой жеребёнок конём станет, И бедный человек в люди выйдет'; *Хоюган аъттың караа көскү, Кортук кижжиниң кулаа дыыжы* 'Пугливому коню всё чудится, Трусливому человеку всё мерещится'; *Чаваа аътты түредип болбас, Чаш кижини коргудуп болбас* 'Жеребёнка не седлай, Ребёнка не пугай'; *Эки кижжээ эш хөй, Эки аътка ээ хөй* 'У доброго человека много друзей, У доброго коня много седоков'; *Эртежи кижжи Эзерлиг аътка таваржыр* 'Кто рано поутру встаёт, Коня с седлом себе найдёт'; *Кижиде багай чок, Аътта чоржаң чок* 'Нет человека никудышного, Как нет лошади ленивой'; *Кижжи дыштыг, Аът туруштуг* 'Человек должен отдохнуть, Да и лошадь передохнуть'; *Кижжи иди кедерге, бутка човаг, Кижжи аъды мунарга, бутка човаг* 'Чужая обувь — страдание для ног, Чужая лошадь — для себя'; *Кижжи өлүрге, ады көскү, Аът өлүрге, чоруу көскү* 'Человек умирает — имя вспоминают, Лошадь умирает — аллюр замечают'<sup>4</sup> и др.

*ыт* — *кижи* ('собака' — 'человек'), напр.: *Ийи ыт аразынга сөөк кагба, Ийи кижжи аразынга сөс сөглеве* 'Меж двух собак кости не бросай, Меж двух людей ссоры не затевай'; *Кижжи аразында өре чыдывас, Ыт мойнунда хендир чыдывас* 'На шее собаки верёвка не сгниёт, За человеком долг не пропадёт'; *Кижжи төлүнге ынак, Ыт коданынга ынак* 'Человек любит своих детей, А собака — свой двор'; *Харам кижжи-*

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 15, 84.

<sup>2</sup> Там же. С. 87.

<sup>3</sup> Там же. С. 22, 34, 93.

<sup>4</sup> Там же. С. 11, 15, 16, 17, 33, 37, 59, 62, 76, 77, 106, 107.



**ниң** караа куду, *Калдар ыттың дизи сарыг* ‘У скупого глаза вниз смотрят, У кусачей собаки клыки видны’; *Шывык туткан кижээ ызырар ыт өштүг*, *Шынын сөглээн кижээ тенек кижжи өштүг* ‘Палка в руках — злая собака лает, Правда в словах — глупый человек ненавидит’; *Ыт аксынга кирген ханзыраар, Кижжи аксынга кирген човаар* ‘Собака укусит — кровь прольется, Сплетник оговорит — слезы прольются’<sup>1</sup> и др.;

*мал* — *кижи* (‘скот’ — ‘человек’), напр.: *Кадыг черге мал доктаавас, Харам кижээ эш доктаавас* ‘На голой земле скот не пасётся, У скупого человека друзей не заведётся’; *Мал алазы чараш, Кижжи алазы багай* ‘Скот пёстрый — хорошо, Человек двуличный — плохо’; *Малга манак херек, Кижээ эш херек* ‘Скоту нужен пастух, Человеку — друг’; *Малга багы чок, Кижиге хинчээ чок* ‘Скотину не ударит, человека не обидит’; *Чүрээ чок кижжи каткыжы, Судү чок мал эдиген* ‘Ленивый человек отшучивается, Голодная скотина мычит’; *Бот кижиниң хырны улуг, Бода малдың чыдыны улуг* ‘Холостому нужно много еды, Крупному скоту — много места’; *Бот кижээ хырын херек, Бода малга чыдын херек* ‘Холостому человеку главное — еда, Крупному скоту — лежбище’<sup>2</sup> и др.

*куш* — *кижи* (‘птица’ — ‘человек’), напр.: *Куш оглу каяа-даа ужар, Кижжи төлү каяа-даа чоруур* ‘Птенец вырастет — всюду полетает, Ребёнок вырастет — везде побывает’; *Куш уялыг, Кижжи чурттуг* ‘У птицы — гнездо, у человека — Родина’; *Ужар кушта чилиг чок, Улчумакта уя чок* ‘У перелётной птицы нет гнезда, У бродячего человека — дома’; *Уялыг куш чаныган, Уруглуг кижжи кээргээчел* ‘Птица гнездо бережёт, Человек — детей’<sup>3</sup> и др.;

*киш* — *кижи* (‘соболь’ — ‘человек’), напр.: *Кижжи кижиден каралдыг, Киши киштен каралыг* ‘Бывают люди разборчивее нас, Бывает соболь чернее другого’; *Кижжи чери берге, Киши чери кадыр* ‘Трудно жить на чужбине, Как на собольей крутизне’; *Кижжи хөңнү — киш кулаа* ‘Человеческое настроение — что собольи уши’<sup>4</sup> и др.;

*аң* — *кижи* (‘зверь’ — ‘человек’), напр.: *Аң түрээнде, турлаам дээр, Кижжи түрээнде, төрелим дээр* ‘Зверь в беде к тайге стремится, Человек в беде к тайге тянется’; *Аңчы кижжи одар эндевес, Айбычы кижжи аал эндевес* ‘Охотник знает, где зверь водится, Гонец знает, где аал находится’<sup>5</sup> и др.

Как видим, количественная представленность паремийных биномов с вариативными зоокомпонентами полностью соответствует количественным характеристикам данных зоокомпонентов в составе единиц всего пословично-поговорочного фонда (где также *аът*, *ыт*, *мал*, *куш* и т. д. по убыванию, см. выше), что ярко свидетельствует о высокой степени значимости паремийных биномов (как одного из важнейших компонентов структурно-семантической модели пословицы наряду с ключевыми понятиями и пословичными образами) в репрезентации этнокультурной специфики пословично-поговорочного фонда тувинского народа.

Следует отметить, что паремийные биномы могут коррелировать с устойчивыми бинарными связями зоолексем как в близких пословицам и поговоркам жанровых формах (загадках и др.), так и в более крупных жанрах тувинского фольклора, объединяться в биномы общепословицкого характера. Так, образно-метафорические биномы *сааскан — теве* (‘сорока’ — ‘верблюд’) и *сааскан — кускун / каарган* (‘сорока’ — ‘ворон / ворона’) мало распространены в пословицах и поговорках (*Демниг сааскан Теве тудуп чиир* ‘Дружные сороки и верблюда одолеют’; *Хопчу кадын — сааскан, Хоптак хаан — каарган* ‘Болтливая ханша как сорока, Жадный хан как ворон’<sup>6</sup>), однако типичны для других жанров тувинского фольклора, в которых сороки регулярно упоминаются в связи с воронами, верблюдами (Курбатский, 2001: 117).

Изучение паремийных биномов с зоокомпонентами открывает новое направление в исследованиях тувинского пословично-поговорочного фонда, которое позволит более глубоко понять и адекватно описать закономерности структурно-семантической организации пословиц и поговорок, выявить её взаимосвязь с лексико-семантической структурой как языка тувинского фольклора, так и всего словарного состава общенародного тувинского языка.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл : Тувинское книжное изд-во ; Радуга Тувы, 2020. С. 28, 32, 33, 57, 72, 73.

<sup>2</sup> Там же. С. 30, 39, 69, 93.

<sup>3</sup> Там же. С. 36, 37, 53, 54.

<sup>4</sup> Там же. С. 106, 108.

<sup>5</sup> Там же. С. 16.

<sup>6</sup> Там же. С. 25, 59.



### Заключение

Номинации животных составляют обширный, разнообразный и глубоко дифференцированный пласт словарного состава тувинского языка и весьма широко отражены в тувинском фольклоре. И если общие характеристики и разряды зоолексикиски достаточно хорошо изучены в как в литературной форме, так и в диалектах тувинского языка, народном устно-поэтическом творчестве тувинского народа, то зоолексеммы как подсистема компонентов тувинских пословиц и поговорок впервые рассматриваются в своём полном объёме и основных способах употребления.

Обращение к номинациям животных в составе единиц пословично-поговорочного фонда позволило установить два основных аспекта реализации зоолексем — как компонентов лексической организации и как элементов семантической структуры тувинских пословиц и поговорок, определить и обосновать основные проблемы изучения номинаций животных в собственно лингвистическом и в лингвокультурологическом планах.

Наибольшей лингвистической значимостью характеризуются такие проблемы изучения зоолексикиски как место и объём зоокомпонентов в составе единиц пословично-поговорочного фонда, лексико-семантические связи и группы зоокомпонентов пословиц и поговорок, особенности передачи зоокомпонентов при переводе тувинских паремий на русский язык.

Лингвокультурологический анализ номинаций животных охватывает, прежде всего, характеристику зоокомпонентов как репрезентантов ключевых понятий, как лексических маркеров пословично-поговорочной образности, как детерминантов паремийных биномов в тувинских пословицах и поговорках. Если концептуальные и образные компоненты традиционно входят в круг предметов изучения национально-культурной семантики тувинских пословиц и поговорок, то паремийные биномы впервые вводятся в научный оборот при исследовании семантики единиц пословично-поговорочного фонда тувинского языка, что позволяет по-новому интерпретировать закономерности структуризации паремиологического пространства тувинского фольклора и репрезентации в нём животного мира Тувы.

Перспективным для дальнейших исследований номинаций животных в тувинской паремиологии видятся такие аспекты их реализации, как место и роль зоолексикиски в организации парадигматических связей пословиц и поговорок, в структуризации их фоновой семантики, в их аксиологическом содержании. Актуальными проблемами дальнейшего изучения номинаций животных в этой связи представляются, во-первых, описание зоокомпонентов как детерминантов предметно-тематических групп пословиц и поговорок, определение роли зоокомпонентов в структуризации семантических полей и ассоциативных связей пословиц и поговорок, во-вторых, дифференциация зоокомпонентов как носителей национально-культурной семантики и как маркеров этнокультурной специфики общих с другими языками тувинских пословиц и поговорок, в-третьих, выявление аксиологического потенциала зоокомпонентов паремий в вербальной и ментальной репрезентации ими материальных и духовных ценностей традиционной и современной картины мира тувинского народа.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багана, Ж., Галиаскарова, В. Р. (2010) Обзор исследований зоолексикиски и вопросов терминологии: зооним, фауноним и т. д. // Язык профессионального общения и лингвистические исследования : сборник статей / отв. ред. Т. В. Самосенкова, Л. Г. Петрова. Белгород : Политекста ; БелГУ. 338 с. С. 13–16.

Багана, Ж., Михайлова, Ю. С. (2011) Фаунонимическая лексика в системе языка и её национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. № 24(119). Вып. 12. С. 84–93.

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бредис, М. А. (2014) Отражение ценностных ориентиров в паремиологии (на материале пословиц русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков о дружбе и деньгах) // Вестник Новгородского государственного университета. № 77. С. 102–104.

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>





Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 17–36. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2020) Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. № 60. С. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2021) Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале) // Когнитивные исследования языка. № 2(45). С. 202–212.

Будегечиева, Т. Б. (2018) Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 115 с.

Бурыкин, А. А., Болдырева, И. М., Музраева, Д. Н. (2019) Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. № 4. С. 119–132. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. М. : Изд-во восточной литературы. 217 с.

Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 314 с.

Дамбаа, Ш. В. (2021) Охотничья лексика в языковой картине мира тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 1 (86). С. 293–295.

Дамбаа, Ш. В., Сувандии, Н. Д. (2020) Лексико-семантические группы названий диких животных в охотничьей лексике тувинского языка (на материале тоджинского диалекта) // Мир науки, культуры, образования. № 1 (80). С. 372–374.

Дамбаа, Ш. В., Сувандии, Н. Д. (2021) Охотничья лексика в языковой картине мира народов Саяно-Алтая (на материале тувинского, тофаларского, алтайского и хакасского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 172–185. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>

Даржа, В. К. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 154 с.

Даржа, В. А. (2009) Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 592 с.

Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Образы диких животных в русской паремиологии (на фоне гагаузского языка) // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. № 4(32). С. 7–11.

Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. № 1. С. 94–98.

Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры = Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. № 2 (24). С. 88–91.

Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–233. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>



Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>

Іваноў, Я. Я. (2018) Лінгвістычныя прыметы афарыстычных адзінак [Лингвистические признаки афористических единиц] // Учёные записки ВГУ имени П. М. Машерова. Т. 27. С. 78–84. (На белорус. яз.)

Іваноў, Я. Я. (2019a) Абагульненасць зместу як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак [Обобщённость значения как лингвистический признак афористических единиц] // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. № 3(100). С. 48–56. (На белорус. яз.)

Іваноў, Я. Я. (2019b) Асноўныя палажэнні лінгвістычнай тэорыі афарызма [Основные положения лингвистической теории афоризма] // Філолагічны часопіс. № 1(13). С. 32–41. (На белорус. яз.)

Іваноў, Я. Я. (2019c) Ідыяматычнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак [Идиоматичность как лингвистический признак афористических единиц] // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 2(100). С. 100–105. (На белорус. яз.)

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 232 с.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2016) Особенности фразеологизмов с компонентом «ухо» в тувинском языке в сопоставлении с русским // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9–2(63). С. 107–109.

Кечил-оол, С. В., Саая, О. М. (2017) Семантические особенности фразеологизмов с компонентом «рука» в тувинском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6–1(72). С. 92–95.

Ковшова, М. Л. (2019) Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М. : Ленанд. 400 с.

Комова, Д. Д., Ломакина, О. В. (2020) Характеристика фразеологизмов и паремий с компонентом-символом в романских и славянских языках // Мир лингвистики и коммуникации. № 62. С. 218–225.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2014) Проблема перевода тувинских паремий (на материале русских художественных переводов) // Мир науки, культуры, образования. № 3(46). С. 202–204.

Коняшкин, А. М., Чадамба, Ш. С. (2017) Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. № 6(67). С. 616–618.

Куулар, Е. М. (2018a) Наименования диких копытных животных в тувинском и хакасском языках // Мир науки, культуры, образования. № 5 (72). С. 447–449.

Куулар, Е. М. (2018b) Эвфемизмы в охотничье-рыболовной лексике тувинского языка // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 26. С. 49–51.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своём фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетей. 368 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: тувинский феномен. М. : Либроком. 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.

Левин, Ю. И. (1984) Провербиальное пространство // Паремиологические исследования / сост. Г. Л. Пермяков. М. : Наука. 320 с. С. 108–126.

Ломакина, О. В. (2021a) Изучение пословиц в русле ценностной парадигмы: методология исследования и критерии выделения оценочности // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филологические науки. Т. 7. № 1. С. 97–107.

Ломакина, О. В. (2021b) Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. № 3(46). С. 172–175.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018a) Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Slavica Tartuensia. Т. XI. С. 103–128

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018b) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4(54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2020) Представление о жене в русской и украинской культурах (на материале паремий) // Вестник славянских культур. Т. 54. С. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-151-164>

Мокиенко, В. М. (2020) Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе // Перспективные направления современной лингвистики / под ред. В. В. Воробьёва, Д. С. Скнарёва, М. Л. Новиковой. М.: РУДН. 410 с. С. 42–53.



Нелюбова, Н. Ю. (2019) Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 1. С. 324–337. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>

Нелюбова, Н. Ю., Хильтбруннер, В. И., Ершов, В. И. (2019) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрестках языков и культур (2021) / ред. Е.Е. Иванов, О.В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушэўская, Ю. А., Иваноў, Я. Я. (2021) Асноўныя кампаненты прыказкі як моўнай адзінкі: прыказкавая структурна-семантычная мадэль [Основные компоненты пословицы как языковой единицы: пословичная структурно-семантическая модель] // Весці БДПУ. Серыя 1: Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. № 4. С. 48–52. (На беларус. яз.)

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова. 220 с. (На беларус. яз.)

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Тувинско-русский словарь (2014). 2-е изд. / рук. Э. Р. Тенишев, Д. А. Монгуш. Кызыл : Тываполиграф. 648 с.

Селиверстова, Е. И. (2009) Опыт выявления пословичного биннома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. № 1(17). С. 182–200.

Сувандии, Н. Д. (2013) Охотничья лексика в тоджинском диалекте тувинского языка // Новые исследования Тувы. № 1. С. 72–78.

Сувандии, Н. Д. (2016) Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (59). Ч. 2. С. 138–141.

Сувандии, Н. Д., Куулар, Е. М. (2015) Охотничья лексика в тувинском языке и его диалектах // Казанская наука. № 11. С. 191–193.

Чадамба, Ш. С. (2014) О некоторых особенностях перевода предложений-паремий в текстах русских художественных переводов с тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5–1(35). С. 191–193.

Шкуран, О. В. (2019) Медиаторы сакрального в языковой реальности (на примере паремии *Хлеб на стол, так и стол престол; а хлеба ни куска — и стол доска*) // Вестник Российско-Таджикского (Славянского) университета. № 2(66). С. 169–180.

Цэнгэльская тувинцы: фольклор и литература (2020) / науч. ред. Г. Золбаяр, Б. Баярсайхан. Новосибирск : Наука. 152 с.

Glukhanko, L., Ivanov, E. (2021) Aphorisms and Small Text Forms: Comparability and Generality (in Belarusian, Russian, Polish, English) // Языкознаўство. № 1(15). С. 123–146. DOI: [https://doi.org/10.25312/2391-5137.15/2021\\_09eilg](https://doi.org/10.25312/2391-5137.15/2021_09eilg)

Ivanov, E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS Publ. 136 p.

Ivanov, E., Petrushevskaja, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. Pp. 864–872.

Ivanov, E., Petrushevskaya, Ju. (2019) The Etymology and History of English Proverbs. Mogilev : MGU A. Kuleshov Publ. 80 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. Vol. 11. № 2. Pp. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 20.12.2021 г.

#### REFERENCES

Bagana, Zh. and Galiaskarova, V. R. (2010) Obzor issledovaniij zoolleksiki i voprosov terminologii: zoonim, faunonim i t. d. [A review of research in zoolexics and terminology issues: zoonyms, faunonyms, etc.]. In: *Iazyk professional' nogo obshcheniia i lingvisticheskie issledovaniia [The language of professional communication and linguistic research]* : a collection of articles / ed. by T. V. Samosenkova and L. G. Petrova. Belgorod, Politerra, BelGU. 338 p. Pp. 13–16. (In Russ.).



Bagana, Zh. and Mikhailova, Yu. S. (2011) Faunonimicheskaia leksika v sisteme iazyka i ee natsional'no-kul'turnaia spetsifika (na materiale leksicheskikh edinit «loshad'», «kon'», «svin'ia» v rusском, angliiskom i nemetskom iazykakh) [Faunonymic vocabulary in the language system and its ethnocultural specificity: the lexical units “horse” and “pig” in Russian, English and German]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 24(119), issue 12, pp. 84–93. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [On woman's image in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Kata-nova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bredis, M. A. (2014) Otrazhenie tsennostnykh orientirov v paremiologii (na materiale poslovits russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemetskogo i angliiskogo iazykov o družbe i den'gakh) [Reflection of value orientations in paremiology: Russian, Latvian, Lithuanian, German and English proverbs about friendship and money]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 77, pp. 102–104. (In Russ.).

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremi v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremi in contemporary linguistics: approaches to studying, text-forming and linguocultural capabilities]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiisko-finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs about wealth and poverty in the Baltic-Finnish peoples of Russia against the background of the European paremiological material]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.).

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Proverbial'nye faktory perevoda tuvinskikh poslovits v aspekte normativnoi i polilingval'noi paremiografii (na fone russkogo i angliiskogo iazykov) [Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (as contrasted to Russian and English languages)]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 17–36. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremiology]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funkcionirovanie [The proverb in contemporary linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2020) Rusinskaia frazeologiya kak primer kul'turno-iazykovogo transfera v slavianskikh iazykakh (na materiale numerativnykh edinit) [Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages: the case of numerative units]. *Rusin*, no. 60, pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/60/12>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2021) Chislvoi kod rusinskoj lingvokul'tury (na frazeologicheskom materiale) [Numeric code of the Rusin linguaculture: the case of phraseology]. *Cognitive studies of language*, no. 2(45), pp. 202–212. (In Russ.).

Budegechieva, T. B. (2018) *Tuvinskaia kul'tura: material'noe i dukhovnoe, traditsii i novatsii* [Tuvan culture: the material and the spiritual, traditions and innovations]. Kyzyl, TuvSU Publ. 115 p. (In Russ.).

Burykin, A. A., Boldyreva, I. M. and Muzraeva, D. N. (2019) Sobaka v kalmytskom i tuvinskom fol'klоре [The dog in Kalmyk and Tuvan folklore]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 119–132. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.10>

Weinstein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Weinstein, S. I. (1972) *Istoricheskaia etnografiia tuvintsev. Problemy kochevogo khoziaistva* [Historical ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).

Dambaa, Sh. V. (2021) Okhotnich'ia leksika v iazykovoi kartine mira tuvintsev [Hunting vocabulary in the Tuvan linguistic world picture]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 1 (86), pp. 293–295. (In Russ.).

Dambaa, Sh. V. and Suvandii, N. D. (2020) Leksiko-semanticheskie gruppy nazvanii dikikh zhivotnykh v okhotnich'ei leksike tuvinskogo iazyka (na materiale todzhinskogo dialekta) [Lexico-semantic groups of names of wild animals in the hunting vocabulary of the Tuvan language: the case of Tojin dialect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 1 (80), pp. 372–374. (In Russ.).

Damba, Sh. V. and Suvandii, N. D. (2021) Okhotnich'ia leksika v iazykovoi kartine mira narodov Saiano-Altai (na materiale tuvinskogo, tofalarskogo, altaiskogo i khakasskogo iazykov) [Hunting vocabulary in the linguistic world picture of the





Sayan-Altai peoples: The case of Tuvan, Tofalar, Altai and Khakass languages]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 172–185. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.13>

Darzha, V. Ch. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov [The horse in the traditional practice of the Tuvan nomads]* / ed. by G. N. Kurbatskii. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 184 p. (In Russ.).

Darzha, V. K. (2009) *Traditsionnye muzhskie zaniatiia tuvintsev [Traditional Tuvan male pursuits]*. Kyzyl, Tuvan publishing house. 592 p. (In Russ.)

Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Obrazy dikikh zhivotnykh v russkoi paremiologii (na fone gagauzskogo iazyka) [Images of wild animals in Russian paremiology as contrasted with that of the Gagauz language]. *Uchenye zapiski natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki*, no. 4(32), pp. 7–11. (In Russ.).

Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparisons in Russian and Tuvan proverbs which condemn negative personal qualities]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernyye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Ivanov, E. E. (2009) Kriterii sistematizatsii aforisticheskogo materiala kak ob"ekta leksikograficheskogo opisaniia [Criteria for systematization of aphoristic material as an object of lexicographic description]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 88–91. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of the aphorism]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in contemporary Russian]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob"ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [Aphorism as an object of linguistics: the main properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naia spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatii i metodika vyavleniia) [The ethnic specificity of the proverbial corpus: basic concepts and procedure for identification]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanou, Ya. Ya. (2018) Lingvistichnyia prymety afarystichnykh adzinak [Linguistic features of aphoristic units]. *Uchenye zapiski VGU imeni P. M. Masherova*, vol. 27, pp. 78–84. (In Belarusian).

Ivanou, Ya. Ya. (2019a) Abagul'nenasts' zместu iak lingvistichnaia prymeta afarystichnykh adzinak [Generality of meaning as a linguistic feature of aphoristic units]. *Vestnik Minskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya 1: Filologiya*, no. 3(100), pp. 48–56. (In Belarusian).

Ivanou, Ya. Ya. (2019b) Asnouniia palazhenni lingvistichnai teoryi afaryzma [The main provisions of the linguistic theory of aphorism]. *Filologichnii chasopis*, no. 1(13), pp. 32–41. (In Belarusian).

Ivanou, Ya. Ya. (2019c) Idyamatychnasts' iak lingvistichnaia prymeta afarystichnykh adzinak [Idiomativeness as a linguistic feature of aphoristic units]. *Vesti Belaruskaga dziazhaŭnaga pedagogichnaga ŭniversiteta imia Maksima Tanki. Seriya 1: Pedagogika. Psichalogiya. Filologiya*, no. 2(100), pp. 100–105. (In Belarusian).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 232 p. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2016) Osobennosti frazeologizmov s komponentom «ukho» v tuvinskom iazyke v sopostavlenii s russkim [Specifics of phraseological units with the component “ear” in the Tuvan language in comparison with Russian]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9–2(63), pp. 107–109. (In Russ.).

Kechil-ool, S. V. and Saaia, O. M. (2017) Semanticheskie osobennosti frazeologizmov s komponentom «ruka» v tuvinskom i russkom iazykakh [Semantic features of phraseological units with the component “hand” in Tuvan and Russian languages]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6–1(72), pp. 92–95. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2019) *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok. Antroponimicheskii kod kul'tury [Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings. The anthroponymic code of culture]*. Moscow, Lenand. 400 p. (In Russ.).



Komova, D. D. and Lomakina, O. V. (2020) Kharakteristika frazeologizmov i paremii s komponentom-simvolom v romanskikh i slavianskikh iazykakh [Characteristics of phraseological unit and proverbs with a symbolic component in Romanian and Slavic languages]. *World of linguistics and communication*, no. 62, pp. 218–225. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2014) Problema perevoda tuvinskiikh paremii (na materiale russkikh khudozhestvennykh perevodov) [The problem of translation of Tuvan paroemias: the case of Russian literary translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3 (46), pp. 202–204. (In Russ.).

Koniashkin, A. M. and Chadamba, Sh. S. (2017) Lingvokul'turologicheskii aspekt tuvinskiikh paremii v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov [The linguoculturological aspect of Tuvan paroemias in the texts of Russian literary translations]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), pp. 616–618. (In Russ.).

Kuular, E. M. (2018a) Naimenovaniia dikikh kopytnykh zhivotnykh v tuvinskom i khakasskom iazykakh [Names of wild ungulates in Tuvan and Khakass languages]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 5 (72), pp. 447–449. (In Russ.).

Kuular, E. M. (2018b) Evfemizmy v okhotnich'e-rybolovnoi leksike tuvinskogo iazyka [Euphemisms in the hunting and fishing vocabulary of the Tuvan language]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 26, pp. 49–51. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvintsy v svoem fol'klora (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva mezhdru proshlym i budushchim* [Tuva between the past and future]. St. Petersburg, Aletheia. 368 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhazatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen* [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury* [Essays on modern Tuvan culture]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Levin, Yu. I. (1984) Proverbial'noe prostranstvo [Proverbial space]. In: *Paremiologicheskie issledovaniia* [Paremiological studies] / comp. by G. L. Permiakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 108–126. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2021a) Izuchenie poslovits v rusle tsennostnoi paradigmy: metodologiya issledovaniia i kriterii vydeleniia otsenochnosti [Studying the proverbs in the context of the value paradigm: the methodology of research and the criteria for assessing value]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: Filologicheskie nauki*, vol. 7, no. 1, pp. 97–107. (In Russ.).

Lomakina, O. V. (2021b) Kontseptualizatsiia obshchechelovecheskikh tsennostei v poslovitsakh (na materiale russkogo, uzbekskogo i tadzhikskogo iazykov) [Conceptualizing common human values in proverbs: the cases of Russian, Uzbek and Tajik languages]. *Cognitive studies of language*, no. 3(46), pp. 172–175. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018a) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavianskom fone [Carpatho-Rusyn somatic paremias against the Slavic background]. *Slavica Tartuensia*, vol. XI, pp. 103–128. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018b) Tsennostnye konstanty rusinskoii paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants in the Rusin paremiology as compared with the Ukrainian and Russian languages]. *Rusin*, no. 4(54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2020) Predstavlenie o zhene v russkoi i ukrainskoi kul'turakh (na materiale paremii) [The idea of the wife in Russian and Ukrainian culture: the case of paremias]. *Bulletin of Slavic Cultures*, vol. 54, pp. 151–164. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-151-164>

Mokienko, V. M. (2020) Lingvokul'turologicheskaiia paremiologiya v evropeiskoi retrospektive [Linguoculturological paremiology in a European retrospective]. In: *Perspektivnye napravleniia sovremennoi lingvistiki* [Promising areas of modern linguistics] / ed. by V. V. Vorob'eva, D. S. Sknareva and M. L. Novikovi. Moscow, RUDN. 410 p. Pp. 42–53. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2019) Otrazhenie etnokul'turnykh tsennostei v poslovitsakh frankoiazychnykh stran [Representation of ethno-cultural values in the proverbs of French-speaking countries]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 1, pp. 324–337. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-323-335>

Neliubova, N. Yu., Khil'tbrunner, V. I. and Ershov, V. I. (2019) Otrazhenie ierarkhii tsennostei v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov [The reflection of the value hierarchy in the proverbial corpus of the Russian and French languages]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

*Paremiologiya bez granits* [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

*Paremiologiya v diskurse* [Paremiology in Discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).



*Paremiologiya na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).*

Petrushevskaia, Yu. A. and Ivanou, Ya. Ya. (2021) Asnoŭnyia kampanenty prykazki iak mounai adzinki: prykazkavaia strukturna-semantychnaia madel' [The main components of a proverb as a linguistic unit: a proverbial structural and semantic model]. *Vestsi BDPU. Seryia 1: Pedagogika. Psikhologiia. Filologiia*, no. 4, pp. 48–52. (In Belarusian)

Petrushevskaia, Iu. A. (2021) *Mounaia spetsyfičnosti i natsyianal'naia admetnasts' prykazak belaruskai movy [Linguistic peculiarity and ethnic specificity in Belarusian proverbs]*. Magileu, MDU imia A. A. Kuliashova. 220 p. (In Belarusian)

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

*Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).*

*Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (2014). 2<sup>nd</sup> ed. / ed. by E. R. Tenishev and D. A. Mongush. Kyzyl, Tyvapoligraf. 648 p. (In Russ. and Tuv.).*

Seliverstova, E. I. (2009) Opyt vyivleniia poslovichnogo binoma i problema variantnosti [On identifying the proverbial binomial and the problem of variation]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1(17), pp. 182–200. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2013) Okhotnich'ia leksika v todzhinskom dialekte tuvinskogo iazyka [Hunting vocabulary in the Todzhu dialect of Tuvan language]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 72–78. (In Russ.).

Suvandii, N. D. (2016) Tabu i evfemizmy v okhotnich'ei leksike tuvinskogo iazyka [Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5 (59), part 2, pp. 138–141. (In Russ.).

Suvandii, N. D. and Kuular, E. M. (2015) Okhotnich'ia leksika v tuvinskom iazyke i ego dialektakh [Hunting vocabulary in the Tuvan language and its dialects]. *Kazanskaia nauka*, no. 11, pp. 191–193. (In Russ.).

Chadamba, Sh. S. (2014) O nekotorykh osobennostiakh perevoda predlozhenii-paremi v tekstakh russkikh khudozhestvennykh perevodov s tuvinskogo iazyka [On some features of translating paroemiatic sentences in the texts of Russian literary translations from the Tuvan language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 5–1(35), pp. 191–193. (In Russ.).

Shkuran, O. V. (2019) Mediatory sakral'nogo v iazykovoii real'nosti (na primere paremi Khleb na stol, tak i stol prestol; a khleba ni kuska — i stol doska) [Mediators of the sacred in linguistic reality: the case of the paremy “With bread on the table, the board is royal, without a piece of bread, the board is a mere plank”]. *Vestnik Rossiisko-Tadzhikskogo (Slavianskogo) universiteta*, no. 2(66), pp. 169–180. (In Russ.).

*Tsengel'skie tuvintsy: fol'klor i literatura [Tsengel Tuvans: folklore and literature] (2020) / ed. by G. Zolbaier and B. Baiarsaikhan. Novosibirsk, Nauka. 152 p. (In Russ.).*

Glukhanko, L. and Ivanov, E. (2021) Aphorisms and Small Text Forms: Comparability and Generality (in Belarusian, Russian, Polish, English). *Językoznawstwo*, no. 1(15), pp. 123–146. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.25312/2391-5137.15/2021\\_09eilg](https://doi.org/10.25312/2391-5137.15/2021_09eilg)

Ivanov, E. (2002) *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague, RSS Publ. 136 p.

Ivanov, E. and Petrushevskaia, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872.

Ivanov, E. and Petrushevskaya, Yu. (2019) *The Etymology and History of English Proverbs*. Mogilev, MGU A. Kuleshov Publ. 80 p.

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 20.12.2021.





DOI: 10.25178/nit.2022.1.5

Статья

## Диалогичность обрядовой поэзии: средства реализации и функционирование в тувинских благопожеланиях и алгышах

**Ольга И. Просяникова, Ксения В. Скорик**

*Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Российская Федерация,*

**Шенне Ю. Кужугет**

*Тувинский государственный университет, Российская Федерация*



В статье установлены языковые средства актуализации диалогичности в текстах тувинской обрядовой поэзии, в частности в жанрах благопожеланий (йөрээл) и алгышей как культовых песнопений шаманов. Оба жанра представляют собой вербальный компонент культовых и лечебных ритуалов и имеют монологическое исполнение. Тем не менее они также имеют и диалогические характеристики. Диалогичность определяется как взаимодействие адресанта и адресата.

Определены субъекты диалогизации и способы их экспликации в текстах. Установлено, что актуализация диалогичности происходит различными средствами: обращением; различными формами повелительного наклонения с семантикой побуждения к выполнению действий; вопросно-ответным комплексом; вопросительными предложениями различных функционально-стилистических типов; «мы»-формами, объединяющими субъектов адресации и побуждающими к совместным действиям. Выявлены особенности употребления императива в зависимости от адресата и глагольной семантики.

Выделяются разные функции диалогичности: прагматическая, апеллятивная, фатическая, функции, обозначающие статус адресанта и адресата, функция, обозначающая взаимоотношения субъектов адресации. В результате определены языковые средства реализации функций, выявлены специфические средства экспликации в виде перформативных глаголов.



**Ключевые слова:** обряд; тувинская обрядовая поэзия; тувинский шаманизм; йөрээл; алгыш; диалогизация; диалогичность; тувинский язык; тувинцы



Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).



### Для цитирования:

Просяникова О. И., Скорик К. В., Кужугет Ш. Ю. Диалогичность обрядовой поэзии: средства реализации и функционирование в тувинских благопожеланиях и алгышах // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 69-89. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.5>



**Просяникова Ольга Игоревна** — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург-Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Тел.: +7 (812) 451-94-12, +7 (905) 216-32-23. Эл. адрес: olgarpros@mail.ru

**Скорик Ксения Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Адрес: 196605, Россия, г. Санкт-Петербург-Пушкин, Петербургское ш., д. 10. Тел.: +7 (812) 451-94-12, +7 (981) 163-60-78. Эл. адрес: ksenyapro@mail.ru

**Кужугет Шенне Юрьевна** — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой педагогики и методики дошкольного и начального образования, старший научный сотрудник лаборатории этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7 (923) 388-69-99. Эл. адрес: kuzhuget-sh@mail.ru





## The dialogism of ritual poetry and its expression and function in the Tuvan yoreels and algyshe

**Olga I. Prosyannikova, Kseniya V. Skorik**  
Pushkin Leningrad State University, Russian Federation,  
**Shenne Yu. Kuzhuget**  
Tuvan State University, Russian Federation

The article examines the linguistic means of actualizing dialogism in the texts of Tuvan ritual poetry, with a special focus on good wishes (yoreel) and Shamanic cult incantations (algyshe). Both genres come as a verbal component of a cultural or healing ritual and are performed monologically. However, they also preserve dialogical features, with dialogism appearing as interaction between their speaker and addressee.

Subjects of these dialogical relationship have been described in the article, as well as the ways they can be made explicit in the text. It was discovered that dialogism is activated by different means, such as direct appeals, different forms of the imperative mood with the semantics of inducement to perform an action, the question-answer combination, question sentences of different functional and stylistic types, the "we"-forms, bringing together both subjects of the dialogue and calling on them for a joint action. The details of using the imperative, depending on the speaker and the verb semantics, have also been studied.

The article also examines a variety of functions the dialogism performs, such as the pragmatic, appellative, and phatic, as well as the function to describe the relations between the subjects in a dialogue. All in all, the linguistic means of implementing these functions are also identified, and the performative verbs which act as a specific means of explication.

**Keywords:** rite; Tuvan ritual poetry; Shamanism in Tuva; yoreel, algyshe; dialogism; dialogisation; Tuvan language; Tuvans

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project "The-saurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)" (grant No. 21-18-00246).



### For citation:

Prosyannikova O. I., Skorik K. V. and Kuzhuget Sh. Yu. Dialogichnost' obriadovoi poezii: sredstva realizatsii i funktsionirovanie v tuvinskikh blagopozhelaniiakh i algyskhakh [The dialogism of ritual poetry and its expression and function in the Tuvan yoreels and algyshe]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 69-89. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.5>



**PROSYANNIKOVA, Olga Igorevna.** Doctor of Philology, Associate professor and Head, Department of Foreign Languages, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10 Peterburg Highway, 196605 St. Petersburg-Pushkin, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 451-94-12, +7 (905) 216-32-23. E-mail: [olgapro@mail.ru](mailto:olgapro@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0001-9080-3058

**SKORIK, Kseniya Vladimirovna,** Candidate of Philology, Associate professor, Department of Foreign Languages, Pushkin Leningrad State University. Postal address: 10 Peterburg Highway, 196605 St. Petersburg-Pushkin, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 451-94-12, +7 (981) 163-60-78. E-mail: [ksenyapro@mail.ru](mailto:ksenyapro@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0003-3198-5765

**KUZHUGET, Shenne Yurevna,** Candidate of Philology, Senior Research Fellow, Laboratory of Ethnology and Linguo-culturology; Head, Department of Pedagogy and Methods of Preschool and Primary Education, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 388-69-99. E-mail: [kuzhuget-sh@mail.ru](mailto:kuzhuget-sh@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0002-3507-3053



## Введение

Тувинский обрядовый фольклор, в котором отражается этническая и национальная история, образ жизни, менталитет и богатство языка, обладает всеми чертами ритуально-мифологической традиции. По этой причине обрядовая поэзия тувинцев оказалась в центре изучения разных исследователей (Вайнштейн, 1964; Новик, 2004; Самдан, 1986, 2019; Курбатский, 2001; Донгак, 2006; Ламажаа, 2018; и др.<sup>1</sup>). Проблемам вербального компонента в тувинском обрядовом фольклоре посвящены работы М. Б. Кенин-Лопсана (Кенин-Лопсан, 1987, 2017), а также Д. С. Куулара<sup>2</sup>. М. Б. Кенин-Лопсан в книгах о шаманстве дает развернутое описание шаманских ритуалов и атрибутики, рассматривает шаманские тексты, определяя их структуру, основные темы и приемы шаманской поэзии (Кенин-Лопсан, 1987, 2009). Однако в фокусе исследователей в первую очередь находился культурологический аспект изучения фольклора.

Этнолингвистический подход к изучению обрядового фольклора позволяет, по мнению С. М. Толстой, «применить к материалу традиционной духовной культуры концептуальный аппарат и методы лингвистического исследования, начиная от приемов лингвистической географии, языковой реконструкции, семантики и синтаксиса и кончая понятиями и методами лингвистической прагматики, теории речевых актов, когнитивной лингвистики, концептуального анализа»<sup>3</sup>.

В данной работе категория диалогичности в текстах тувинской обрядовой поэзии рассматривается в рамках упомянутого подхода. Диалогизация представлена в тексте системой языковых средств, направленных на создание диалогических отношений между адресантом и адресатом. Целью исследования является установление средств актуализации диалогичности и выявление функций этой категории в наиболее важных жанрах тувинской обрядовой поэзии — алгышах и благопожеланиях.

Их происхождение уходит корнями в далекое прошлое, когда в народе формировалась сильная вера в потусторонние силы, в могущество духов, природы и прочих неведомых сил, которые влияли на жизнь человека. Мифологическому сознанию древних людей характерно представление о том, что их мир взаимосвязан с миром потусторонним, и связь эту можно установить обращением к духам и прочим сверхъестественным силам. Таким образом веками складывалась обрядовая деятельность, существенную роль в которой выполняли шаманы — «...совершители всякого, домашнего, общественного и родового моления, обращенного по преимуществу к злым духам (Кенин-Лопсан, 2009: 46). Среди обрядов выделяются лечебные и культовые, сопровождавшиеся камланием или песнопением шамана. М. Б. Кенин-Лопсан отмечает социальную роль шаманов, которая заключалась в их участии в самых различных культовых обрядах как в обрядах индивидуального характера, так и в общественных молениях (там же: 121). Собирателем и исследователем шаманского фольклора М. Б. Кенин-Лопсан выделяет алгыши в самостоятельный жанр устного народного творчества тувинцев (там же: 169). Он считает, что «на тувинском языке термин *алгыш* принадлежит только шаманам. Под термином *алгыш* подразумевается культовое песнопение того или иного шамана» (там же: 127).

Определяя жанр благопожеланий, Ж. М. Юша берет за исходное «исполнение с целью достижения желаемого результата»<sup>4</sup>, в связи с чем благопожелания (*йөрээлдер*) относит к поэтическим текстам с пожеланием добра, наставлениями и советами на будущее с положительной семантикой, обращенные к конкретному человеку.

В настоящем исследовании мы вслед за упомянутыми исследователями рассматриваем благопожелания и алгыши как произведения, разграничение которых основывается на таких принципах, как адресант и адресат. Это тем более основополагающий принцип для рассматриваемых текстов, которые характеризуются наличием категории диалогичности.

<sup>1</sup> См. также: Монгуш Ч. В. Обряды как отражение традиционных верований тувинцев и хакасов в XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2005. 202 с.; Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: дисс. ... док. филол. наук. Новосибирск, 2017. 434 с.

<sup>2</sup> Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций: дисс. ... д. филол. наук в форме науч. докл. Улан-Удэ, 2000. 46 с.

<sup>3</sup> Толстая, С. М. (2014) Этнолингвистика: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html> (дата обращения 26.08.21).

<sup>4</sup> Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: дисс. ... док. филол. наук. Новосибирск, 2017. 434 с. С. 15.



Материалом для исследования послужили более 1022 текстов, образцов обрядовой поэзии, в том числе 102 текста благопожеланий, представленных З. К. Кыргыс в сборнике «Тувинские народные песни и обрядовая поэзия» (Кыргыс, 2015), 289 алгышей и гимнов шаманов из книги М. Б. Кенин-Лопсана «Алгыши тувинских шаманов» (Кенин-Лопсан, 2017), 560 алгышей на русском и тувинском языках из книги М. Б. Кенин-Лопсана «Тыва хамнарның алгыштары» (Кенин-Лопсан, 1995), 48 алгышей из книги М. Б. Кенин-Лопсана «Тувинские шаманы» (Кенин-Лопсан, 2009), 23 алгыша из «Обрядовой практики и фольклора тувинского шаманства» (Кенин-Лопсан, 1987).

Поскольку не все авторские переводы текстов тувинского языка точно передают не только формулировки тувинских фраз, но и лингвокультурологические нюансы концептов культуры, в ряде случаев без указания на источник перевод выполнен Ш. Ю. Кужугет<sup>1</sup>.

### *Диалогичность и субъекты диалогизации в обрядовой поэзии*

Универсальность текстовой категории диалогичности подтверждена результатами исследований, в которых раскрыты философские основания этого феномена (Бахтин, 1986; Якубинский, 1986), выявлены экстралингвистические факторы формирования диалогичности и языковые средства ее экспликации в текстах различных функциональных стилей (Дускаева, 2004; и др.<sup>2</sup>), выделены типы и функции (Прохватилова, 1999; и др.<sup>3</sup>). Диалогичность, в частности, свойственна таким малым текстовым жанрам фольклора, как паремии (пословицы, загадки и т. д.) и народные афоризмы, благодаря использованию в них языковых и стилистических средств, которые детерминируют (маркируют) обязательную когнитивную, вербальную, поведенческую реакцию адресата. Так, диалогизация афоризмов обеспечивается такими их свойствами, как рекуррентность, однофразовость, полифункциональность, интертекстуальность, смысловая аргументативность, риторическая оформленность, концептуализированность содержания и т. д. (Иванов, 2009, 2019ab, 2020; Korolkova, 2020). Диалогический характер паремий (прежде всего пословиц) обусловлен их дискурсивностью, текстообразующей функцией, аксиологичностью, логико-смысловой бинарностью, вариативностью, контрастом структурных частей, ключевых понятий, пословичных образов (Селиверстова, 2009, 2020; Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Семенов, 2020; Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Бредис и др., 2021). Диалогичность является одним из объектов изучения паремиологии как научной дисциплины (Паремиология в дискурсе, 2015: 26–47) и рассматривается в качестве конститутивного признака паремии (Паремиология без границ, 2020: 32–33). Однако тексты обрядовой поэзии как фольклорные жанры в рамках проблематики диалогичности не рассматривались.

Особенностью произведений обрядовой поэзии является представленное в форме монолога обращение к потусторонним силам, мифическим существам и прочим персонажам, которые в этом жанре являются адресатами. Наделение текста языковыми средствами диалогичности рассматривается как процесс его диалогизации, в ходе которого текст приобретает диалогические признаки<sup>4</sup>. Диалогичность реализуется разноуровневыми языковыми средствами (маркерами): морфологическими — местоимениями и глаголами, синтаксическими — вопросительными и побудительными предложениями, вопросно-ответным комплексом, обращением, конструкциями устной диалогической речи. Таким образом, процесс диалогизации текста направлен на создание диалогических отношений между адресантом и адресатом.

<sup>1</sup> Сама проблематика переводов концептов тувинской культуры на русский язык была исследована в недавней публикации: Кужугет, Сувандии, Ламажаа, 2021.

<sup>2</sup> См. также: Вотрина Е. Н. Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 22 с.; Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи: учебное пособие по спецкурсу. Пермь: Пермск. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1986. 91 с.; Красавцева Н. А. Выражение диалогичности в письменной научной речи (на материале англ. языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1987. 15 с.; Фотина Н. Э. Функционирование категории диалогичности в прозе А. П. Чехова: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017. 24 с.; Степанова М. А. Диалогичность коммуникации в жанре интервью в современной немецкой прессе: (на материале журнала «Der Spiegel»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.; Михайлов Н. Н. Теория художественного текста: учеб. пособ. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 224 с.

<sup>3</sup> Скорик К. В. Диалогизация художественного текста: типы и способы ее актуализации в англоязычной прозе: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 183 с.

<sup>4</sup> Там же. С. 37–38.



### Языковая репрезентация субъектов диалогизации

Диалогичность в тексте может быть представлена как коммуникативный акт, субъектами которого выступают адресант и адресат.

Адресантом в обрядовой поэзии является лицо, произносящее в зависимости от жанра благопожелание (*йөрээл*) или *алгыш*.

Адресантом в благопожелании, отмечает З. К. Кыргыз, может быть старейший или самый уважаемый житель аала, почтенные родственники, «приёмная мать» — люди, чей опыт, незапятнанная репутация, ум, честь, почет, уважение дают им право произносить пожелания, давать наказ тем, кому обращено пожелание (Кыргыз, 2015: 48, 65, 71, 72, 75, 160). По этой причине в благопожеланиях, которые представлены в книге З. К. Кыргыз, чаще всего отсутствует самопрезентация адресанта. Его речь полностью соответствует прагматике жанра и представляет собой «доброе пожелание и программирование желаемых благ»<sup>1</sup>. Но в его речи может встречаться объяснение своих действий или выражение своего отношения к происходящему, что, несомненно, создает портрет адресанта:

(1)	<i>Чарын эддин соя тырткаш, Чааскаан чип көрбээн мен. Чаңгыс даайлыг кижиги мен, Чарын эддин диштевес мен.</i> (Кыргыз, 2015: 65).	Мясо, с лопаток сдирая [снимая], Один я [его] никогда не ел. Единственного дядю по матери имею я, Мясо с лопаток зубами грызть не буду	(там же: 65).
(2)	<i>Чогуур үезинде дүшкен хинни Сыртык иштинге сагылдап, Шыгжап берип тур мен</i> (там же: 45).	Пуповину, своевременно отпавшую, Прячу в подушку, Сохраняя для вас	(там же: 45).

Шаман в качестве адресанта в алгышах представляет себя, иными словами самоидентифицирует и самопрезентирует, через различные языковые средства: местоимением 1 лица ед. и мн. числа или именем собственным (1), а также за счёт включения в текст дополнительных сведений о себе (2), путём эксплицитных указаний на коммуникативные действия посредством перформативных глаголов (3) и ритуальные действия (4), выражением чувств (5), установок и намерений относительно желаемого воздействия на адресата (6):

(1)	<i>Дайын дээрниң хамы дүшкен Таргын-Кара мен-не боор мен</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 301; здесь и далее в цитатах жирным шрифтом выделено нами. — Авт.).	<b>Я — шаманка Таргын-Кара</b> , вот мое имя. На меня выпал жребий шамана с неба Дайын.	(Кенин-Лопсан, 2017: 19).
(2)	<i>Каргыштыгның бирээзи мен Хая көрзе, ханныг-ла мен. Каржыланза, каржы-ла мен, Каргыш салып хамнап тур мен.</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 342).	<b>Я та шаманка, кто умеет заклинать смертельно.</b> Если я рассержусь, борьба будет кровавая со мной. <b>Я та шаманка, кто владеет самой жестокостью,</b> Я та шаманка, кто сумеет вызвать трагедию	(Кенин-Лопсан, 1995: 48).
(3)	<i>Кырган, дижең аваларым Кыйыым орта кыстынмаңар. Аарыгдан арай ырап, Арлып көргер, дүлгээзиннер. Арлып көргер, тайлып көргер!</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 464).	Дүлгээзиннер! <b>Не приставайте</b> к моим бабушкам. Моих старух <b>не тревожьте.</b> Дүлгээзиннер! <b>Прошу</b> вас от болезни уйти. Очень <b>прошу</b> вас уйти	(Кенин-Лопсан, 2017: 154).

<sup>1</sup> Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: дисс. ... док. филол. наук. Новосибирск, 2017. С. 165.





(4)	<i>Ажы-төлдүң, амы-тынын алыр дээштиң Артыш, шаанак, агы, каңгы кыпсып тур мен</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 318).	<b>Можжевательник, вереск, полынь и агы сжигаю,</b> Чтобы спасти жизнь детей, и веду обряд старины (Кенин-Лопсан, 1995: 48).
(5)	<i>Өңнүг чараш кызыл чаагың Ошкай тыртып кагай-даа мен. Өшкү кежи дадаазынны Сеңээ бодап-даа алгай мен.</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 398).	<b>Какое наслаждение и удовольствие получаю</b> В миг, когда целую твои румяные щеки, Ты, красавица, <b>всегда идешь с моей душой,</b> Для тебя храню ленточку из кожи козленка (Кенин-Лопсан, 2017: 94).
(6)	<i>Чергелештир турувуткаш, Челээштелдир ойнаалыңар</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 358).	<b>Слушайте, духи, все вставайте в один общий ряд</b> <b>Играйте, духи, чтобы от вас вышла радуга весело</b> (Кенин-Лопсан, 2017: 61).

Вторым важным субъектом диалогичности является адресат, тесно соотносящийся с адресантом. Адресат благопожелания и алгыша выражен различными способами и средствами, из них наиболее частым становится обращение, традиционно выполняющее номинативную функцию, называя того, к кому направлена речь. В благопожеланиях адресат может выражаться имплицитно, поскольку обращение происходит в момент совершения обряда по определенному случаю: свадьба, стрижка волос ребенка, переход в новую юрту. Но если благопожелание относится к конкретному лицу, то оно упоминается:

<i>Хая дег эттиг, Хараган дег малдыг бол, уруум! Торлаа дег ажы-төлдүг, Торгу дег каас бол, уруум.</i> (Кыргыз, 2015: 54).	Высотой со скалу имущество, Много, как кусты карагана, скота имей, <b>дочка!</b> Словно куропатка, будь многодетной, Словно дятел, нарядной будь, <b>дочка.</b> (Кыргыз, 2015: 54).
---	---

Адресатами в шаманских камланиях выступают различные персонажи и лица. Вся природа в фольклоре одухотворена, одушевлена, уподоблена человеку, замечает Г. Н. Курбатский (Курбатский, 2001: 156), поэтому общение с природой было естественным для человека, и он уповал на ее силу, обращаясь за помощью к антропоморфным существам (богам, духам, бесам, чертям, русалкам) и анимистическим персонажам (птицам, медведям, коням, волкам, змеям), которые в качестве идиолов-ээрэн были элементами шаманского реквизита:

(1)	<i>Оран ээзи калчан көгүм! Олча хаяр сүрлүг бугам!</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 409).	<b>Дух Бык,</b> твой характер суров и упрямый. <b>Дух Бык,</b> ты хозяин земли и у тебя яблоко на лбу. (Кенин-Лопсан, 2017: 105).
(2)	<i>Черниң ээзи чеди сарыг, Чергелешкен дииреннерим. Кумнуң, сайның ээлери Кудук чаңнаар дииреннерим!</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 324).	Вы, хозяйки земли! Вы, семеро желтых. <b>Мои дииреннер<sup>1</sup>,</b> вы идете всегда одним рядом. Да, вы владелицы песочных холмов и гальки. Вы, <b>мои дииреннер,</b> характер ваш развеселый. (Кенин-Лопсан, 2017: 33).

Как показало исследование, самое большое число адресатов в алгышах (57%) приходится на группу, в которую входят антропоморфные существа и анимистические персонажи. Следующая по частотности группа адресатов (18%), к которым обращается шаман, — люди (родственники, друзья, земляки):

<sup>1</sup> Диирен — демон, бес, злой дух (Тувинско-русский ..., 1968: 162).



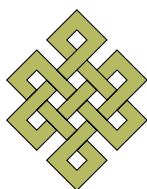
(1)	<b>Хоор кыстар өөр чергем!</b> Холужуңар, каттыжыңар. (Кенин-Лопсан, 1995: 414).	<b>Девушки-мои! Ровесники мои!</b> Обращаюсь к вам. Соединяйтесь вы дружнее и крутитесь вы веселее. (там же: 169).
(2)	<b>Опчак-тенек оол-ла өөрүм!</b> Ол-ла кыска ораашпаңар. (там же: 491).	<b>Парни-ровесники,</b> к вам обращаюсь по-хорошему. Не подходите к ней и не трогайте ее. (там же: 265).
(3)	<b>Уруг чаштар! Үре төлдер!</b> Бочургалап частыр болзун! Бора хектеп өзер болзун! (там же: 447).	<b>Дети-младенцы!</b> Вы потомки-наследники! Вы похожи на сережки от побега Вы легки, как кукушкины крылья. (там же: 246).

Особое отношение к природе как матери всего живого было обусловлено тесной связью с хозяйственными занятиями населения, поэтому сакральными для тувинцев являются сам край Танды и его природа, с ними они связывали жизнь и смерть, удачи и неудачи, в благорасположенность которых твердо верили и считали кормильцем (Курбатский, 2001: 154). Неслучайно поэтому одним из частотных адресатов является Танды с эпитетами *бай* 'богатый', *улу* 'великий':

(1)	<b>Өршээ Хайыракан, Бай-ла Тайгам</b> Бак чүве ыңай турзун! (Кыргыз, 2015: 97).	Хайыракан, <b>Бай-Тайга</b> моя, Дурное пусть уходит прочь. (там же: 97).
(2)	<b>Улу</b> <b>Таңдым</b> Хайыракан! Ак, Алаш, Хайыракан. Кызыл-Шекпээр, Хайыракан. Бай Дулаан-Карам! (там же: 103).	<b>Великая Танды</b> моя, Хайыракан! Ак, Алаш, Хайыракан. Кызыл-Шекпер, Хайыракан. Богатый Дулаан-Карам. (там же: 103).

Многие ритуалы — это «общение» с духами-хозяевами воды, неба и земли, замечает М. Б. Кенин-Лопсан (Кенин-Лопсан, 1987: 106), поэтому адресатами в обрядовой поэзии становятся горы, вершины, вода и различные явления природы, считавшиеся обиталищами духов, а также сами духи этих мест:

(1)	<b>Ачылыг Хан-Дээрим!</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 354).	Моя высокая <b>гора</b> , моя Кровь-Небо (Кенин-Лопсан, 2017: 57).
(2)	<b>Авыралдыг алдын Саян ээлери!</b> <b>Кызыл-Тайгам, Хөр-ле-Тайгам ээлери!</b> <b>Мөңгүн-Тайгам, Бай-ла-Тайгам ээлери!</b> <b>Хемчик, Алаш хамык хемнер ээлери!</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 300).	<b>Духи, вы владыки горы Саян, золотой и благородной.</b> <b>Духи, вы владыки моей Кызыл-Тайги и моей Хор-Тайги!</b> <b>Духи, вы владыки моей Монгун-Тайги и моей Бай-Тайги!</b> <b>Духи, вы владыки рек Хемчик, Алаш и всех малых рек!</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 28).
(3)	<b>Аарыг-аржык чок</b> <b>Аржаан, силерге</b> <b>аарыым айыткап</b> (Кыргыз, 2015: 95).	Исцеляющему болезни, К вам, <b>Аржаан</b> , О болезни своей сказать я пришел келдим (Кыргыз, 2015: 95).



Шаман придавал огромное значение своим атрибутам — *дүңгүр* ‘бубен’, *бөрт* ‘головной убор’, *күзүңгү* ‘зеркало’, *орба* ‘колотушка’, поэтому камлание обязательно включало поэтический диалог между шаманом и его идолами-помощниками:

(1)	<i>Эмдик дүңгүр, калчаа дүңгүр!</i> <i>эшкедеве, девидеве</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 399).	<b>Бубен</b> , ты и дикий! <b>Бубен</b> , ты и бешеный! Не волнуйся ты, новый бубен, и не теряйся (Кенин-Лопсан, 2017: 96).
(2)	<i>Чайыраңнаан мыйыс бөргүм,</i> <i>Сааскан чүү шокар бөргүм.</i> <i>Кушталдырган хуулган бөргүм.</i> <i>Кускун чүү хадыыр бөргүм.</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 397).	<b>Мой головной убор</b> с перьями сороки, <b>Мой головной убор</b> с рогами блестит. <b>Мой головной убор</b> волшебством славен, Потому что он с перьями ворона зоркого (Кенин-Лопсан, 1995: 147).
(3)	<i>Күжүм болган, сүзүүм болган</i> <i>Хүлер боттуг Күзүңгүмнү!</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 419).	У меня есть одна сила, у меня есть одна вера, Это мое зеркало <b>Кузунгу</b> , оно сделано из бронзы (Кенин-Лопсан, 1995: 174).
(4)	<i>Даш-ла болган орбалымыны!</i> <i>Үнүүргетпейн чедип келем</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 393).	<b>Моя колотушка</b> словно гранит по прочности. Зову вас, <b>моя колотушка</b> , прийти ко мне (Кенин-Лопсан, 1995: 144).

Определение адресата в обрядовой поэзии, как видно из примеров, происходит посредством обращения.

На основании анализа выявленных адресатов сделан вывод о том, что в благопожеланиях адресат в большинстве случаев представлен имплицитно, в алгышах антропоморфные существа составляют 32% адресатов, анималистические существа — 25%, люди — 18%, природные объекты — 14%, атрибуты ритуала — 11%.

Таким образом, в обрядовой поэзии в зависимости от жанра адресантом выступает благословитель или шаман, а адресатами могут быть различные персонажи, что обусловлено содержанием и целью обращения, а также связано с мифологическим сознанием предков, которые верили в духов-хозяев, видели в них помощников и защитников<sup>1</sup>.

### Средства актуализации диалогичности в благопожеланиях и алгышах

Благопожелания и алгыши представляют собой монологические по форме тексты, в которых диалогичность проявляется включением диалогических языковых форм (Прохватилова, 1999). Выше рассматривались субъекты диалогичности и было определено, что обращение как языковое средство выделяет коммуникативного партнера и выражается, как правило, местоимением или существительным в именительном падеже.

Алгышам свойственно распространенное обращение, которое часто обладает оценочной характеристикой и может быть представлено уточняющей конструкцией ты/вы + имя (*тув. имя + сен/силер*):

<sup>1</sup> Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: дисс. ... док. филол. наук. Новосибирск, 2017. С. 12.



(1)	<p>Каржы сарыг <i>даайым сен сен.</i>                  Хам уктуг <i>даайым сен сен.</i>                  Чээк сарыг <i>ирем сен сен.</i>                  Черим сүрлүг <i>хамы сен сен.</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 313).</p>	<p><b>Ты, мой дядя,</b> очень жесток и ты желтый.  <b>Ты, мой дядя,</b> имеешь шаманское происхождение.  <b>Ты, мой дядя,</b> коварен, и съедаешь своих врагов.  <b>Ты, мой дядя,</b> грозный шаман моей родной земли                  (Кенин-Лопсан, 1995: 43).</p>
(2)	<p><i>Кара-Чааты бажынайда</i>  <i>Кажсаалаткан өгбем силер.</i>  <i>Хамы дүшкен даайым силер,</i>  <i>Хайыралыг күштүүм силер.</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 314).</p>	<p><b>Вы, мой дед,</b> кто скончался давным-давно.                  В верховьях Кара-Чааты ваш прах в сери лежит.  <b>Вы, мой дед,</b> чье шаманское дарованье выпало на меня,  <b>Вы, мой дед,</b> кто стал символом моего могущества                  (Кенин-Лопсан, 1995: 45).</p>
(3)	<p><i>Мөңге турар Мөңгүн-Тайгам!</i>  <i>Мөгейгеним таңдым-дыр сен</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 295).</p>	<p>Монгун-Тайга моя, ты стоишь веками.  <b>Ты, моя вершина,</b> низко кланяюсь                  (Кенин-Лопсан, 1995: 21).</p>

Кроме обращения к базовым средствам актуализации диалогичности относятся вопросительные предложения, вопросно-ответные комплексы, формы повелительного наклонения 1-го и 2-го л. мн. ч., 3 лица ед. ч., «мы» — формы. По нашим наблюдениям, в текстах обрядовой поэзии как специфический маркер используются перформативные высказывания, являющиеся средством адресованности и актуализирующие значение адресованности в ситуациях коммуникативного взаимодействия<sup>1</sup>.

Результаты анализа материала показали, что все перечисленные средства используются в разной степени частотности в зависимости от жанра. Прагматика рассматриваемых жанров состоит в том, чтобы добиться исполнения желания обращением к потусторонним силам. По этой причине основным средством экспликации диалогичности являются различные формы повелительного наклонения, семантика которого связана с выражением побуждения к действию, либо в сочетании с отрицанием к несовершению действия. Б. Ч. Ооржак отмечает, что показатели императива в тувинской обрядовой поэзии образуют стандартные формы в зависимости от жанра (Ооржак, 2017: 53).

В благопожеланиях основная форма высказывания выражена императивом 3-го лица ед. и мн. числа, что обусловлено целеустановкой жанра — наказ, пожелание, совет:

<p><i>Алдын чаптыг ажы-төлүм!</i>  <i>Ажар арты чавыс болзун,</i>  <i>Авды-хөлү ылгын болзун,</i>  <i>Ажы-чеми чемгир болзун</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 518).</p>	<p>Мои дети, у кого золотые кудри!  <b>Пусть</b> у вас перевалы будут низки,  <b>Пусть</b> у вас кони будут крылаты,  <b>Пусть</b> у вас пища будет вкусна                  (там же: 287).</p>
--	--

Таким образом, особенности употребления императива объясняются соответствием его семантического компонента прагматической направленности текста.

В зависимости от контекста и прагматических факторов в текстах обрядовой поэзии императив включает такой семантический компонент, как требование (1), просьба (2), совет (3), пожелание (4):

<sup>1</sup> Рослова О. А. Перформатив как координатор коммуникативного взаимодействия и средство адресованности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. С. 23.





(1)	<i>Азар дээрлер!</i> <b>Халдап хооргар. Брaдыңар.</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 349).	Небеса Азар! Нападайте на него. <b>Выгоняйте зло.</b> (Кенин-Лопсан, 2017: 53).
(2)	<i>Хам-Оолак даайым ирем! Өршээп көргер.</i> <b>Карактажып, дузалажып келиңерем!</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 315).	Вы — мой дядя-шаман Хам-Оолак! <b>Прошу</b> вашего прощения. <b>Помогите мне и смотрите на меня.</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 44).
(3)	<i>Удур көрбө, улуг тынма,</i> <i>Уян сеткил бодаваңар.</i> (Кыргыз, 2015: 125).	Прямо в глаза <b>не смотри</b> , глубоко <b>не вздыхай</b> , О печали не думайте. (Кыргыз, 2015: 125).
(4)	<i>Дөңгө тигер</i> <b>Өглүг болзун!</b> <i>Дөшке чалаар</i> <b>Малдыг болзун!</b> (Кыргыз, 2015: 125).	На холме поставленную <b>Юрту пусть имеет!</b> На склоне пасущийся <b>Скот пусть имеет.</b> (Кыргыз, 2015: 125).

Для диалога самым характерным средством является вопрос и вопросно-ответный комплекс, так как вопрос используется для моделирования коммуникации. Вопросительные предложения являются способом оформления плана адресанта и создают эффект участия адресата, который в монологическом тексте присутствует имплицитно. В монологах благословителя при совершении обряда вопросительные конструкции встречаются редко, что, вероятно, обусловлено композиционной структурой благопожеланий с одним смысловым блоком — изложением напутствия и пожеланием счастья<sup>1</sup>. В свадебном благопожелании перед скачками на лошадях благословитель вопрошает:

<i>Кара-Доруг дерлиг тура,</i> <b>Кандыг оран тепкеш келген?</b> <i>Кара салбак хадып турар,</i> <b>Кандыг хейниң белээ келген?</b> (Кыргыз, 2015: 61).	Кара-Доруг потный стоит, <b>В какой стороне он был</b> [откуда прибыл]? Черная бахрама на ветру реет, <b>От какого молодца подарок привезли.</b> (там же: 61).
---	--

В алгышах риторические вопросы встречаются чаще, и могут считаться частотным средством, составляя в некоторых образцах большую часть текста высказывания:

<i>Ашпас артты чүге ашкан?</i> <i>Кештес хемни чүге кешкен?</i> <i>Ишпес чемни чүге ишкен?</i> <i>Кетпес хепти чүге кеткен?</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 453)	Зачем он перешел через перевал, куда нельзя идти ему? Зачем переплыл реку, куда нельзя плыть ему? Зачем съел пищу, которую нельзя ему есть? Зачем надел одежду, в которой нельзя ходить ему? (Кенин-Лопсан, 1987: 92).
---	--

Вопросно-ответный комплекс наблюдается редко и имеет свои особенности:

— ответом на вопрос служит ответ самого спрашивающего:

<sup>1</sup> Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика: дисс. ... док. филол. наук. Новосибирск, 2017. С. 13.



<p><i>Черден, сугдан болган деп чээ? Ческинген бе? Кортканы ол бе? Оораш сугнуң бажы черге Олуттапкан дидир сен бе?</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 389).</p>	<p>Разве все это идет от духа земли и от духа воды? Разве духу стало брезгливо? Или девочка испугалась? Есть источник питьевой воды, так ли говоришь? Та девушка там сидела и опозорила, так ли ты говоришь? (там же: 137).</p>
--	---

— ответ дается на подразумеваемый вопрос:

<p><i>Алгы-кештиң чамдыызы-дыр, Кыдык бышкак чамдыызы-дыр. Хырба челиш хайындыргаштың, Кымга чүге чыпшынган дег</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 399).</p>	<p>Да, вы действительно частица кожи мягкой. Да, вы действительно частица с лапок зверя, Да, варили и сварили клей лучшего сорта. Да, этим клеем все закреплено так прочно. (Кенин-Лопсан, 2017: 95).</p>
--	---

— вопрос задается адресату, а ответ адресата дается в косвенной речи:

<p><i>Кумнуг, сайлыг кургаг черниң Кумун чылгап чыдыр деп чээ? Сайлыг, кумнуг кургаг черниң Сайын чылгап чыдыр деп чээ?</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 483).</p>	<p>Дух-разведчик, ты бывал там, где пески и галька. Ты говоришь, что она хочет пить и камень облизывает. Дух-разведчик, ты бывал там, где галька и пески. Ты говоришь, что она хочет пить и облизывает гальку. (Кенин-Лопсан, 2017: 172).</p>
--	---

«**Мы**»-формы как диалогическое языковое средство показывает единение субъектов коммуникации, предполагает близость и общность их намерений, демонстрирует побуждение к совместным действиям. В анализируемых текстах обрядовой поэзии «мы»-формы представлены следующими средствами:

– глаголами 1-го лица множественного числа, обозначающими отнесенность действий к группе лиц с включением говорящего:

<p><i>Саамчыырлап кагаалыңар. Шаным оолду аалдаалыңар. Көпсегейлеп кагаалыңар. Өңнүүм оолду аалдаалыңар.</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 333).</p>	<p><b>Поедем</b> же туда, где перевал Саамчыыр, По пути <b>заедем</b> в гости к племяннику-монголу. <b>Поедем</b> же туда, где долина Копсегей, По пути <b>заедем</b> в гости к моему другу-парню (там же: 70).</p>
---	---

– конструкциями с глаголами побудительного значения к совместным действиям:

<p><i>Ай-даа, шолбан ажа берди, Аалывысче чанаалыңар. Аштан-чемден ижип алгаш, Ам-на таптыг удуулуңар.</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 345).</p>	<p>И луна, и Венера давно закатились далее. И нам, мои разведчицы, <b>давно пора домой</b>. И вы, мои клиенты, поешьте вы довольно. <b>И пришло время для сна и для ночевки нам</b> (там же: 84).</p>
---	---

– местоимениями в форме 1-го лица мн. числа, что способствует объединению адресанта и адресата:

<p><i>Алымныг бис. Өрелиг бис</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 444).</p>	<p><b>Мы</b> просим возврата долга. <b>Мы</b> просим уплатить наш долг (там же: 138).</p>
--	---



– индикативными глагольными и местоименными формами 2-го лица ед. и мн. числа, указывающими на присутствие другого субъекта коммуникации:

<p><i>Чүге менден дестиң аан чер?</i>  <i>Чүнү бодааш, ойлап тур сен?</i>  <i>Азы менден ояк сен бе?</i>  <i>Азы чүнү сөглээр дээн сен</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 399).</p>	<p>Бубен, почему <b>ты</b> от меня убежал куда-то?                  Бубен, что <b>ты</b> задумался и почему идешь стороною?                  Или <b>ты</b> не хочешь со мною дружить и сблизаться?                  Или <b>ты</b> что-то хотел сказать, не так ли я понял?                  (Кенин-Лопсан, 2017: 96).</p>
--	---

Особенное внимание необходимо уделить тому факту, что в текстах обрядовой поэзии в качестве средства реализации диалогичности были выявлены перформативные высказывания, образованные перформативным глаголом в форме 1-го лица ед. числа индикатива (*прошу, призываю, обращаюсь, говорю, молюсь, благословляю, предупреждаю*) и последующим выражением намерения говорящего в отношении адресата:

<p>(1) <i>Арат чоннуң адын адап,</i>  <i>Алгыш салып тейлеп тур мен</i>  <i>Алдын Таңдыдан өршээл дилеп</i>  <i>Амагылап тейлеп ор мен</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 378).</p>	<p><b>Обращаюсь</b> к тебе, моя золотая гора Танды, чтобы ты людям моим дала милость и покой                  (Кенин-Лопсан, 2017: 183).</p>
<p>(2) <i>Өлчейлигден буян дилеп хамнап тур мен.</i>  <i>Өлүм-чидим тайылзын деп хамнап тур мен.</i>  <i>Өршээңер деп, болгааңар деп хамнап тур мен</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 315).</p>	<p><b>Я веду камланье</b>, чтобы у творца получить милость.  <b>Я веду камланье</b>, чтобы смерть ушла прочь отсюда.  <b>Я веду камланье</b>, чтобы вы спасли мою жизнь, дядя-шаман                  (Кенин-Лопсан, 1995: 45).</p>

Перформативное высказывание актуализирует базовую для диалогичности категорию адресованности, а также функционально-семантический и коммуникативно-прагматический компонент перформативного высказывания — призыв (1), просьбу (2), совет (3), требование (4):

<p>(1) <i>Чоруй хамнап чоруулуңар.</i>  <i>Чоок арттап ажаалыңар.</i>  <i>Чана хамнап чоруулуңар.</i>  <i>Чавыс арттап ажаалыңар.</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 344).</p>	<p><b>Давайте</b> кончать камланье и домой пора.  <b>Давайте</b> переходить через малый перевал.  <b>Давайте</b> выбирать самый низкий перевал.                  И, ведя камланье, возвратимся домой.                  (Кенин-Лопсан, 1995: 83).</p>
<p>(2) <i>Азаларым, четкерлерим!</i>  <i>Бүдүү кедеп келгиңер.</i>  <i>Бүдүрүп каан ак энчекти</i>  <i>Алгылаңар, хереглеңер.</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 478).</p>	<p>Мои верные черти, мои чуткие бесы!  <b>Прошу</b> вас сюда же приблизиться тихо.  <b>Прошу</b> вас этот белый энчек схватить.  <b>Прошу</b> вас использовать этот энчек в свое удовольствие.                  (Кенин-Лопсан, 2017: 167).</p>
<p>(3) <i>Изиг оран чурттан үнме</i>  <i>Изиг оран чурттуң кагба.</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 442).</p>	<p>Прошу тебя, <b>не вылетай</b> из то жаркой страны.                  Прошу тебя, никогда <b>не покидай</b> свою жаркую страну.                  (Кенин-Лопсан, 2017: 136).</p>
<p>(4) <i>Бүдүрүп каан энчээ-дир оң</i>  <i>Бүдүн хевээр энчээ-дир оң.</i>  <i>Эрликтерим, азаларым!</i>  <i>Эдиңер, амыраңар.</i>                  (Кенин-Лопсан, 1995: 479).</p>	<p>Вот так руками людей сотворен ковер из шерсти,                  Вот так руками людей сотворен энчек из шерсти.                  Мои бесы и мои черти, обращаюсь я к вам.  <b>Возьмите энчек на радость и оставьте жизнь больному.</b>                  (Кенин-Лопсан, 2017: 168).</p>



Анализ языковых средств, эксплицирующих диалогичность в обрядовой поэзии, показал, что наиболее частотными средствами являются обращение и формы повелительного наклонения с различной семантикой, в меньшей степени представлены вопросительные конструкции и «мы»-формы, немногочисленны примеры вопросно-ответного комплекса.

### Функционирование категории диалогичности в текстах обрядовой поэзии

Исследования функций диалогичности проводились на материале текстов различной стилистической принадлежности и было установлено, что средства диалогичности выполняют общие и частные функции (Прохватилова, 1999; и др.<sup>1</sup>).

Анализ исследуемого материала позволил установить, что в текстах обрядовой поэзии выполняют прагматическая, апеллятивная, фатическая функции, а также функция, обозначающая статус адресанта и адресата, являющаяся специфической для этого жанра, и функция обозначения взаимоотношений субъектов коммуникации.

Прагматическая функция для текстов обрядового жанра является основной по той причине, что посредством этой функции выполняется целеустановка, определяющая суть жанра, — воздействие на адресата. Это достигается комплексом языковых средств диалогизации, которые нацелены на то, чтобы привлечь и удержать его внимание, вызвать отклик, спровоцировать реакцию, сподвигнуть на определенные действия, в том числе и совместные.

В некоторых алгышах состав языковых средств может включать обращение, вопросительное предложение, императивы с различным значением, «мы»-формы и вопросно-ответный комплекс. Например, в тексте «Алгыши шаманки Кужугет Серен, обращенные к духу, который идет по следам Суне» наблюдаются все средства диалогичности:

<p><i>Кандыг-кандыг дидир сен аан? Каашкан-каашкан дидир сен аан? Иет аарай. Ындыг бе кай? Иет аарай. Чораан бе кай? Катап келбес сүнезин бе? Кадыгланган сүнезин бе? Казылгаштың канчангылаар Хая көрнүп чанаалыңар.</i></p> <p>(Кенин-Лопсан, 1995: 475).</p>	<p>Ушедшая душа, где ты стоишь и что ты там говоришь? Ушедшая душа, с кем ты разлучилась навсегда? Разве ты такая, душа? Неужели все пропало, душа? Что же говоришь, душа? Разве больной там побывал? Душа больного, ты снова к нему не вернешься? Душа больного, как же ты стала такой суровой? Слушай, душа, ты не совершай ни ухода и ни измены, Оглянись назад, душа, и мы возвратимся вместе.</p> <p>(Кенин-Лопсан, 2017: 163).</p>
---	--

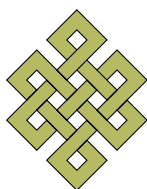
В приведенном примере обращения и вопросительные предложения моделируют диалог, посредством императива выражается просьба, «мы»-формула выражает призыв к совместным действиям и таким образом объединяет субъектов коммуникации.

Апеллятивная функция определяется некоторыми исследователями как средство призыва, побуждения к действиям и выражается повелительным наклонением глаголов и звательным падежом (Маслов, 1998: 9; Якобсон, 1987: 198–199). Е. В. Комлева, отмечая близость этих определений, предлагает рассматривать апеллятивную и фатическую функции в инклюзивном отношении (Комлева, 2008: 154).

В нашей работе мы разделяем фатическую функцию, реализуемую обращением и вопросительными предложениями, и апеллятивную, которая выражается повелительным наклонением глаголов, индикативными формами глаголов и «мы»-формами с семантикой совместных действий и побуждением к ним.

<sup>1</sup> Скорик К. В. Диалогизация художественного текста: типы и способы ее актуализации в англоязычной прозе: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. С. 79; Михайлов Н. Н. Теория художественного текста: учеб. пособ. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. С. 188; Кульнева Е. А. Специфика маркеров фатической функции письменного монологического текста // Грамота. 2015. № 11 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 122–124; Вотрина Е. Н. Функционирование категории диалогичности в научных текстах XX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 22 с.; Чубай С. А. Диалогичность современной политической рекламы: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 218 с.





По нашим наблюдениям, семантика побуждения к действиям варьируется по степени категоричности и контролируемости, что подтверждается исследованиями Б. Ч. Ооржак, которая отмечает особенность императивной парадигмы в тувинском языке в реализации семантических компонентов желания и побуждения (Ооржак, 2017: 52).

В благопожеланиях апеллятивная функция реализуется следующим образом:

— побудительной конструкцией со значением косвенного пожелания в отношении третьих лиц:

(1)	<i>Алгырып, кышкырып чыда, Амы-тынындан <b>чарылзын!</b> Мээң соом <b>соңназын!</b> Мээң изим <b>истезин!</b></i> (Кыргыз, 2015: 70).	Пусть он, крича, вопя, Расстанется с жизнью своей! Пусть он за мной последует! Пусть по моим следам идет!	(там же: 70).
(2)	<i>Дөңге тигер өглүг <b>болзун!</b> Дөшке чалаар малдыг <b>болзун!</b></i> (там же: 48).	На холме поставленную юрту пусть имеет! На склоне пасущийся скот пусть имеет!	(там же: 48).

— императивом 2-го лица со значением напутствия и наказа непосредственно адресату:

<i>Торгу дег каас бол, уруум! Үнген-киргениңни <b>Хүндүлөп чор,</b> Ушкан-турганын <b>Тургузуп чор.</b></i> (Кыргыз, 2015: 54, 55).	Словно дятел нарядной будь, дочка! <...> Уходящих-приходящих [гостей] <b>Уважай всегда,</b> Упавших, пытающихся встать <b>Поднимай всегда.</b>	(Кыргыз, 2015: 54, 55).
--	---	-------------------------

В алгышах апеллятивная функция осуществляется глаголами повелительного наклонения с семантикой просьбы (1), требования (2), со значением призыва к совместным действиям (3), «мы»-формами (4):

(1)	<i>Дазылдыг мыйыстыгдан <b>өриээп көр.</b> Дазагар эмиглигден <b>өриээп көр.</b></i> (Кенин-Лопсан, 1995: 486).	<b>Прошу</b> предложить мне марала, у которого рога подобны корням. <b>Прошу</b> предложить мне маралуху, у которой вымя круглое.	(Кенин-Лопсан, 2017: 174).
(2)	<i>Кызыл хүнү ажа берди, Кыскыл оюң <b>эзертевит.</b></i> (Кенин-Лопсан, 1995: 488).	Взошла луна, так ярко осветив простор вокруг, Уже <b>пора тебе оседлать</b> гнедого коня-скакуна.	(Кенин-Лопсан, 2017: 176).
(3)	<i>Аарыг-хинчек човулаңныг Амытанга <b>дуза кадаал.</b></i> (Кенин-Лопсан, 1995: 441).	Давайте <b>окажем помощь</b> людям нашего племени.	(Кенин-Лопсан, 2017: 135).
(4)	<i>Калгып орам хам-на даайым Хайгыыл <b>кылып чоруптаалы</b> Эстедип ор, хам-на даайым Эргий көргөш, <b>кешилиңер.</b></i> (Кенин-Лопсан, 1995: 448).	<b>Вместе отправимся,</b> шаман дядя. В содружестве будем искать причину болезни всюду. Улетим, мой дядя. Вместе подыдемся, дядя шаман. Посетим выбранные места вместе и <b>возвратимся домой.</b>	(Кенин-Лопсан, 2017: 141).

Наш материал показывает, что апеллятивная функция является основной в текстах обрядовой поэзии, что обусловлено прагматикой жанра.



Фатическая функция направлена на установление и дальнейшее регулирование контакта, то есть поддержание речевого контакта и «проявляется через актуализацию в тексте “знаков адресата”, с помощью которых текст устанавливает канал связи с читателем для оказания на него эмоционального и интеллектуального воздействия»<sup>1</sup>. Маркерами фатической функции в монологическом тексте выступают различные синтаксические средства, в частности вопросительные предложения, которые объединяются своим назначением — продолжение высказывания и его завершение<sup>2</sup>. Особенность фатической функции в анализируемых жанрах состоит в том, что она рассматривается в монологическом тексте, поэтому и обращение, и контактоустанавливающие вопросы не рассчитаны на словесную реакцию адресата. Установление контакта выполняется в первую очередь посредством обращения, к которым относятся личные местоимения (1), имена собственные (2), слова, обозначающие родственные и иные отношения (3), эмоционально оценочные слова (4), междометия (5):

(1)	Улуг бодунар, Уруг-дарыыңар, Аал-аймааңар, Ажы-төлүңер, Алышкы, өөрүңер, Алган эжиңер, Аът-малыңар-биле Амыр-менди тур силер бе? (Кыргыз, 2015: 103).	Вы, старший, [И] дети ваши, [И] ваше родовое стойбище, Потомство, Братья и друзья [И] та, что в жены взяли, А также скот ваш, Благополучны ли? (Кыргыз, 2015: 103).
(2)	Хам-Оолак даайым ирем! Өризэп көргер. (Кенин-Лопсан, 1995: 315).	Вы — мой дядя-шаман <b>Хам-Оолак!</b> Прошу вашего прощения. (Кенин-Лопсан, 1995: 44).
(3)	Чаяан дөстүг даай ирем! (Кенин-Лопсан, 1995: 308).	Мой <b>даай ирем</b> <sup>3</sup> , прославивший конем-творцом. (Кенин-Лопсан, 2017: 22).
(4)	Алдын аржааным! (Кыргыз, 2015: 95)	<b>Золотой</b> мой аржаан! (Кыргыз, 2015: 95).
(5)	Эй! Октаргайга хонарым бе, Дээрлерим магаданчыын. (Кыргыз, 2015: 119).	<b>Эй!</b> Во вселенной ли мне ночевать, прекрасны мои небеса. (Кыргыз, 2015: 119).

В ходе исследования были выделены перформативные глаголы, выступающие средством реализации адресованности, а следовательно, диалогичности текста. В первую очередь это касается текстов алгышей, в которых они представлены с большой степенью частотности в силу прагматической направленности этого жанра. Интерпретируя обращение, выраженное перформативными глаголами *просить, звать, обращаться, призывать, приглашать*, как элемент диалога со значением призыва, просьбы, совета, мы считаем, что оно таким образом выполняет фатическую функцию:

(1)	Көгеримнеп ажаалыңар Көк-ле тейлеп хараалыңар (Кенин-Лопсан, 1995: 439).	<b>Призываю</b> вас переходить через Когерим, <b>Призываю</b> вас наблюдать с вершины с синей горы.
-----	--	--

<sup>1</sup> Михайлов Н. Н. Теория художественного текста: учеб. пособ. для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. С. 188.

<sup>2</sup> Кульнева Е. А. Специфика маркеров фатической функции письменного монологического текста // Грамота. 2015. № 11 (53): в 3-х ч. Ч. III. С. 123.

<sup>3</sup> Даай ирем — мой дядя-предок.



(2)	<i>Куюттаңар, хавырлыңар.</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 481).	<b>Призываю вас</b> крутиться и собираться вместе. (Кенин-Лопсан, 2017: 170).
-----	---	--

Диалогической чертой являются контактоустанавливающие вопросы, выполняющие важную функцию поддержания разговора:

<i>Калдар куяң кастап алган</i> <b>Кайда челзип чор сен, эжим?</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 429).	Обуздав духа в кольчуге, <b>Где ты рысью бежишь, мой друг?</b>
---	---

Функция, обозначающая статус адресанта, является специфической для алгышей, поскольку в большинстве песен происходит самопрезентация говорящего, в которой адресант не только называет себя и свои возможности (1), (2), но дает им оценочное суждение (3):

(1)	<i>Алызындан хам-на уктуг</i> <b>Алды хамның аныя мен.</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 310).	<b>Я самый молодой</b> из шести коронованных моих, С давности мой род имеет шаманскую родословную. (Кенин-Лопсан, 2017: 23).
(2)	<i>Азар дээрден төрүттүнген</i> <b>Арыг сөөктүг амытан мен.</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 305).	<b>Я тот шаман</b> , кто рожден небом по имени Азар. <b>Я тот шаман</b> , у кого все кости самые чистые. (Кенин-Лопсан, 2017: 20)
(3)	<i>Хам-на адам хамы дүшкен</i> <b>Караң көрнүр оглу боор мен.</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 309).	<b>Я вижу то, чего не видят простые смертные</b> , Потому на мою долю выпал жребий отца-шамана. (Кенин-Лопсан, 2017: 23).

Функция, обозначающая статус адресата, эксплицируется посредством обращений адресанта, в которых указывается родственный или социальный статус, подчеркивается положение того, к кому обращаются:

(1)	<i>Чинчи, шуру даштыг хемнер ээлери!</i> <i>Читкеннерим дилээлиңер, сураалыңар!</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 318).	Вы, <b>хозяйки рек</b> , где самоцветные камни для бусин и шариков, Вместе будем искать моих потерянных и моих пропавших. (Кенин-Лопсан, 2017: 28).
(2)	<b>Черниң чексээ! Сугнуң суксаа!</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 482).	<b>Вы, духи земные! Вы, духи водные!</b> (Кенин-Лопсан, 2017: 170).
(3)	<i>Алганганы акка чедер</i> <b>Казырыкпай кырган-авай!</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 308).	<b>Шаманка-бабушка</b> Казырыкпай, твои алгыши доходили до благородства ак.
(4)	<b>Аксы ханныг ары бөрү!</b> <i>Арбын малга халдаваңар</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 332).	Прошу вас, кровавые волки, не истреблять много скота.

Для алгышей характерно определение говорящим статуса адресата в виде пространного описания его внешности (1), возможностей (2), заслуг (3):



(1)	<i>Алдын-сарыг албыстарым</i> <i>адыр дылдыг чүвелерим.</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 364).	Милые мои, <b>янтарно-желтые албысы</b> мои. (Кенин-Лопсан, 2017: 65).
(2)	<i>Кыжырадыр диңмирешкен, оой-оой,</i> <i>Кызыл октуг чассыгбайым, оой-оой</i> <b>Кажыр дошкун сыры чылан</b> <i>сырыладыр кымчыланган, оой-оой.</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 300).	Молния, как ты <b>грозно скачешь быстро,</b> Звенящим <b>кнутом</b> служи <b>т тебе сыры чылан,</b> оой-оой. (Кенин-Лопсан, 2017: 17).
(3)	<i>Улуг Таңдым!</i> <b>Оран байы силерде-дир.</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 510).	Моя великая гора Танды! <b>Богатство принадлежит только тебе.</b>

Функция, обозначающая взаимоотношения субъектов адресации, определяет характер взаимоотношений, которые могут быть иерархическими (неравноправными) и симметричными (равноправными) (Прохватилова, 1999). В текстах благопожеланий и алгышей наблюдаются оба типа отношений между субъектами коммуникации. Неравноправные отношения маркируются императивом со значением категоричности (1), лексемами с семантикой подчинения (2), (3):

(1)	<i>Аалыңарга, өөңерге</i> <b>Алгыш-кырыш болдурбаңар</b> (Кенин-Лопсан, 1995: 483).	Где вы ни будете, в юрте своей или в чужом аале, <b>Никогда не ссорьтесь,</b> не входите в драку куличную (Кенин-Лопсан, 2017: 172).
(2)	<i>Авам болган артымы Буурам!</i> <i>Ием болгаиш иштии Буурам!</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 490).	<b>Северная буура, моя вершина,</b> ты стала моей матерью. <b>Южная Буура, моя вершина,</b> ты стала моей матерью (Кенин-Лопсан, 2017: 177).
(3)	<i>Бай Таңдым, хайыракан.</i> <i>Буурул Таңдым, хайыракан</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 484).	<b>Ты, моя богатая Танды,</b> хайыракан. <b>Ты моя седая гора Танды,</b> хайыракан (Кенин-Лопсан, 2017: 173).

Симметричные взаимоотношения, демонстрирующие равноправные отношения адресанта и адресата, выражаются «мы»-формами и вопросительными предложениями, призывающими к совместным действиям, эпитетом в обращении к адресату, «ты»-формой обращение:

(1)	<i>Мендивисти солчуп алыыл,</i> <i>Меңгивисти санажыылы</i> (Кенин-Лопсан, 1995: 318).	Сначала <b>мы</b> дружно <b>поздравуемся</b> рукопожатием, Затем <b>мы</b> поведем счет и проверим у каждого менги (там же: 47).
-----	--	--

Наблюдения показывают, что в алгышах преобладает иерархический тип взаимоотношений между субъектами коммуникации — адресантом и адресатами. Внутри иерархических отношениях также существуют субординационные отношения, согласно которым они разделяются на вышестоящие и нижестоящие. Такие разграничения наблюдаются и на языковом уровне в алгышах, но этот вопрос выходит за рамки настоящей работы и может быть предметом дальнейшего исследования.





### Заключение

Исследование показало, что в благопожеланиях и алгышах, представляющих собой монологические тексты, тем не менее категория диалогичности является сущностной чертой. Объективация диалогичности достигается использованием различных языковых средств: морфологическими — местоимениями и глаголами, синтаксическими — вопросительными и побудительными предложениями, вопросно-ответным комплексом, обращением, конструкциями устной диалогической речи. Согласно нашим наблюдениям, состав языковых средств, реализующих диалогичность, разный в текстах благопожеланий и алгышах. В благопожеланиях присутствуют формы императива, в алгышах релевантными оказываются повелительное наклонение различной семантики, «мы»-формы, вопросно-ответные единства. Специфическим средством актуализации рассматриваемой категории в текстах алгышей выявлены перформативные глаголы, что обусловлено прагматикой этого жанра.

Благопожелания и алгыши обладают адресованностью в лице субъектов диалогичности — адресанта и адресата. В благопожеланиях адресантом выступает лицо, облеченное почетом и уважением, в алгышах — шаман. Адресат в благопожеланиях в большинстве случаев представлен имплицитно, в алгышах адресатами выступают люди, различные артропоморфные и анималистические существа, природные объекты, атрибуты ритуала.

Анализ функционирования категории диалогичности позволил сделать вывод о неравномерном распределении функций в рассматриваемых жанрах. Прагматическая, апеллятивная и фатическая функции реализуются в обоих жанрах, но разным составом языковых средств. Функция, обозначающая статус адресанта, эксплицируется самопрезентацией и характерна только для алгышей. Не свойственны благопожеланиям и такие функции, как обозначение статуса адресата и взаимоотношения субъектов диалогичности. Эти функции реализуются в жанре алгышей различными языковыми средствами.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о наличии диалогичности в текстах обрядовой поэзии и широком спектре языковых средств ее реализации, особенностях функционирования категории диалогичности в благопожеланиях и алгышах.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин, М. М. (1986) Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. 444 с.
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 114–127. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.
- Вайнштейн, С. И. (1964) Тувинское шаманство. М. : Наука. 12 с.
- Донгак, У. А. (2006) Тувинское стихосложение. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 149 с.
- Дускаева, Л. Р. (2004) Диалогическая природа газетных текстов 1980–1990 гг. Пермь : Изд-во Пермского ун-та. 276 с.
- Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. № 2 (24). С. 88–91.
- Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
- Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>



Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 172 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1995) Тыва хамнарнын алгыштары [Алгышы тувинских шаманов]. Кызыл : Новости Тувы. 530 с. (На тув. яз.).

Кенин-Лопсан, М. Б. (2009) Тувинские шаманы. М. : ООО «ИПЦ «Маска». 328 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2017) Алгыши тувинских шаманов: пер. авт. с тув. Якутск : Бичик. 206 с.

Комлева, Е. В. (2008) Апеллятивность в языке и речи (на материале современного немецкого языка) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 5 (19). С. 152–164.

Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Ламажаа, Ч. К. (2021) Проблема перевода концептов культуры на другой язык: на примере тувинских концептов культуры // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18, № 4. С. 405–420. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Кыргыз, З. К. (2015) Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Новосибирск: Сибирская горница. 429 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб. : Нестор-История. 237 с.

Маслов, Ю. М. (1998) Введение в языкознание. М. : Высшая школа. 272 с.

Новик, Е. С. (2004) Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М. : Восточная литература. 304 с.

Ооржак, Б. Ч. (2017) Императив в обрядовой поэзии тувинцев // Филология и культура. № 4(50). С. 51–57.

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / под ред. О. В. Ломакиной. М. : Ленанд. 304 с.

Прохватилова, О. А. (1999) Православная проповедь и молитва как феномен звучащей речи. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 362 с.

Самдан, З. Б. (1986) Художественное осмысление взаимоотношений человека и природы в тувинском фольклоре // Исследования по тувинской филологии : сб. ст. / отв. ред. Д. А. Монгуш и др. Кызыл : ТНИИЯЛИ. 156 с. С. 118–128.

Самдан, З. Б. (2019) Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана // Новые исследования Тувы. № 3. С. 158–171. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>

Селиверстова, Е. И. (2009) Опыт выявления пословичного биннома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. № 1(17). С. 182–200.

Селиверстова, Е. И. (2020) Явление деформации пословиц сквозь призму законов паремиологического пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. № 17 (3). С. 457–473. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.307>

Семененко, Н. Н. (2020) Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 213–232. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Тувинско-русский словарь (1968) : 22 000 слов / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Советская энциклопедия. 648 с.

Якобсон, Р. (1987) Работы по поэтике. М. : Прогресс. 462 с.

Якубинский, Л. П. (1986) О диалогической речи // Язык и его функционирование: Избр. работы / отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука. 205 с. С. 17–58.

Korolkova, A. V. (2020) Language as a Concept of Russian Aphoristics // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 3. С. 434–447. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-434-447>

Дата поступления: 12.12.2021 г.



## REFERENCES

- Bakhtin, M. M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal art]*. Moscow, Iskusstvo. 424 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Parems in contemporary linguistics: Approaches to studying, text-forming and linguocultural capabilities]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [The proverb in contemporary linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisaniie tuvinskiikh posloviits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguocul-turological commentary as compared to European parems]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Weinstein, S. I. (1964) *Tuvinskoe shamanstvo [Tuvan shamanism]*. Moscow, Nauka. 12 p. (In Russ.).
- Dongak, U. A. (2006) *Tuvinskoe stikhoslozhenie [Tuvan versification]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 149 p. (In Russ.).
- Duskaeva, L. R. (2004) *Dialogicheskaiia priroda gazetnykh tekstov 1980–1990 gg. [Dialogical nature of newspaper texts, 1980–1990]*. Perm', Izd-vo Permskogo un-ta. 276 p. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2009) Kriterii sistematizatsii aforisticheskogo materiala kak ob"ekta leksikograficheskogo opisaniia [Criteria for systematizing of aphoristic material as an object of lexicographic description]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 88–91. (In Russ.).
- Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorisms]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>
- Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in modern Russian language]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>
- Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob"ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [The aphorism as an object of linguistics: main properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>
- Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskiikh posloviits: modeli, obrazy, poniatiia (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background)]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvinian shamanism. Late XIX — early XX century]*. Novosibirsk, Nauka. 165 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (1995) *Tuva khamnaryn algyshtary [Algyshts of Tuvan shamans]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 530 p. (In Tuv.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2009) *Tuvinskie shamany [Tuvan shamans]*. Moscow, Maska. 325 p. (In Russ.).
- Kenin-Lopsan, M. B. (2017) *Algyshti tuvinskiikh shamanov [Algyshts of Tuvan shamans]*: trans. by author. Yakutsk, Bichik. 206 p. (In Russ.).
- Komleva, E. V. (2008) Apelliativnost' v iazyke i rechi (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka) [Appeal in language and speech (based on the material of the modern German language)]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, no. 5 (19), pp. 152–164. (In Russ.).
- Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D. and Lamazhaa, Ch. K. (2021) Problema perevoda kontseptov kul'tury na drugoi iazyk: na primere tuvinskiikh kontseptov kul'tury [The Problems Of Translating Cultural Concepts into Another Language: On The Example Of Tuvan Cultural Concepts]. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 4, pp. 405–420. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-4-405-420>
- Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klore (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora) [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]*. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).
- Kyrgys, Z. K. (2015) *Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya [Tuvan folk songs and ritual poetry]*. Novosibirsk, Sibirskaya gornica Publ. 432 p. (In Russ.).



Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [National character of Tuvans]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.)

Maslov, Yu. M. (1998) *Vvedenie v iazykoznanie [Introduction to Linguistics]*. Moscow, Vysshiaia shkola. 272 p. (In Russ.)

Novik, E. S. (2004) *Obriad i fol'klor v sibirskom shamanizme. Opyt sopostavleniia struktur [Ritual and folklore in Siberian shamanis: an attempt at structural comparison]*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Vostochnaia literatura. 304 p. (In Russ.)

Oorzhak, B. Ch. (2017) Imperativ v obriadovoi poezii tuvintsev [Imperative in the ritual poetry of Tuvans]. *Filologiya i kul'tura*, no. 4(50), pp. 51–57. (In Russ.)

*Paremiologiya bez granits [Paremiology without borders] (2020)* / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.)

*Paremiologiya v diskurse [Paremiology in Discourse] (2015)* / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.)

Prokhvatilova, O. A. (1999) *Pravoslavnaia propoved' i molitva kak fenomen zvuchashchei rechi [Orthodox sermon and prayer as a phenomenon of speech]*. Volgograd, Izd-vo VolGU. 362 p. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (1986) Khudozhestvennoe osmyslenie vzaimootnoshenii cheloveka i prirody v tuvinskom fol'klоре [Artistic understanding of the relationship between man and nature in Tuvan folklore]. In: *Issledovaniya po tuvinskoj filologii [Studies in Tuvan philology]* / ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, TNIYALI. 156 p. Pp. 118–128. (In Russ.)

Samdan, Z. B. (2019) Modifikatsiya arkhетipicheskogo obraza tuvinskogo shamana v tvorchestve M. B. Kenin-Lopsana [Modifications of the archetypal image of the Tuvan shaman in the works of M. B. Kenin-Lopsan]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 158–171. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>

Seliverstova, E. I. (2009) Opyt vyivleniia poslovichnogo binoma i problema variantnosti [Identifying the proverbial binomial and the problem of variation]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, no. 1(17), pp. 182–200. (In Russ.)

Seliverstova, E. I. (2020) Iavlennie deformatsii poslovits skvoz' prizmu zakonov paremiologicheskogo prostranstva [The phenomenon of deformation of proverbs through the prism of the paremiological space and its laws]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, no. 17 (3), pp. 457–473. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.307>

Semenenko, N. N. (2020) Aksiologiya paremii v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniia semantiki russkikh poslovits [Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of semantics of Russian proverbs]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 213–232. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

*Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968)*: c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.)

Yakobson, R. (1987) *Raboty po poetike [Works on poetics]*. Moscow, Progress. 462 p. (In Russ.)

Yakubinskii, L. P. (1986) O dialogicheskoi rechi [About dialogical speech]. In: *Iazyk i ego funktsionirovanie [Language and its functioning: Selected works]* / ed. by A. A. Leont'ev. Moscow, Nauka. 205 p. Pp. 17–58. (In Russ.)

Korolkova, A. V. (2020) Language as a Concept of Russian Aphoristics. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 3, pp. 434–447. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-3-434-447>

Submission date: 12.12.2021.





DOI: 10.25178/nit.2022.1.6

Статья

## Градуальная семантика русских и тувинских пословиц

**Светлана М. Колесникова**

Московский педагогический государственный университет,  
Российская Федерация



Цель статьи заключается в соотнесении паремийных парадигм русского и тувинского языков. В семантической структуре рассматриваемых единиц выделяются градосемы (семь степеней проявления признака и качественно-количественного описания), определяется семантическая специфика русских и тувинских пословиц. Наличие одинаковых объектов сравнения даёт возможность выявить схожие в плане выражения, но различные в плане содержания паремии русского и тувинского языков и провести их сопоставительный анализ.

Основу градуальной парадигмы пословиц составляют антонимичные лексемы-доминанты (умный — глупый и под.) с инвариативным значением качественного признака, не сохраняющим экспрессию. Другим единицам свойствен градуационный характер, устанавливающийся в соответствии с доминирующими компонентами, и ярко выраженная эмоциональность. Качественные имена прилагательные в пословицах или в их толковании указывают на полярные значения и соответствуют параметрам предмета (большой — маленький, высокий — низкий и т. п.). Чтобы определить меру качества в пословицах с градуальной семантикой, необходимо иметь средства определения степени отклонения от нее.

Сравнения в пословицах реализуют градуальную и стилистическую функции. Например, зоонимы и орнитонимы выступают в качестве символов, посредством которых градуируется выражаемый ими признак. Так подчеркивается некий недостаток человека. В русских пословицах: волк, змея — символы жестокости; лиса — хитрости; в тувинских: корова (инек) — символ упрямства, верблюд (теве) — неповоротливости и т. д. Универсальным образом выступает сорока (сааскан) — болтливость и др.). Наличие подобной градуально-оценочной семантики и ценностной классификации позволяет выделить единицы с обще- и частнооценочными значениями (психологическое, сенсорно-вкусовое, этическое и др.).

**Ключевые слова:** пословица; градуальная семантика; градосема; градуальная оценка; тувинцы; тувинский фольклор; тувинская пословица



**Для цитирования:**

Колесникова С. М. Градуальная семантика русских и тувинских пословиц // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 90-103. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

**Колесникова Светлана Михайловна** — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, ауд. 314. Тел.: +7 (903) 144-36-01. Эл. адрес: [sm.kolesnikova@mpgu.su](mailto:sm.kolesnikova@mpgu.su)

**KOLESNIKOVA, Svetlana Mikhailovna**, Doctor of Philology, Professor and Head, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University. Postal address: 1 Bldg.1, Room 314, Malaya Pirogovskaya St., 117198 Moscow, Russia. Tel.: +7 (903) 144-36-01. Email: [sm.kolesnikova@mpgu.su](mailto:sm.kolesnikova@mpgu.su)

ORCID ID: 0000-0002-8640-0974



## Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs

**Svetlana M. Kolesnikova**

Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

The article's objective is to correlate the paremiac paradigms of Russian and Tuvan languages. Within the semantic structure of units we consider here, of special importance are the gradasemes (i.e. semes that indicate the degree or grade of how strongly the quality is expressed, and of its qualitative and quantitative description). We examine the semantic specifics of Russian and Tuvan proverbs. The presence of identical objects for comparison in both languages allows us to trace such paremies which are similar in form, but different in content and do a comparative study of these.

The gradable paradigm in paremies rests upon the antonymic dominant lexemes ('clever'—'stupid', etc.) They possess an invariant meaning of a qualitative feature without preserving expression. Other units are of gradable character, which takes shape in accordance with dominating components, and are markedly emotional. Qualitative adjectives in proverbs (or in their explanations) indicate polarity in meaning and match the object's characteristics ('big' vs. 'small', 'high' vs. 'low', etc.) To measure the degree of the quality's expression in proverbs with gradable semantics, we have to possess a tool which may show the degree of deviation from it.

In proverbs, comparisons perform the functions of style and gradability. Zoonyms and ormitonyms, for instance, act as symbols which add a certain degree to the quality they express, in order to emphasize a certain (most commonly, negative) personal feature. In Russian proverbs, the wolf or the snake stand for cruelty, and the fox, for cunning, while in Tuvan, the cow (inek) is a symbol of persistence, the camel (teve), of clumsiness, etc. Some animals have common association in both languages, such as the 'garrulous' jackdaw (saaskan). The presence of such gradable and evaluative semantics, coupled with a value-based classification, in a language allows us to distinguish between units which have the meaning of general assessment or private tastes — such as psychological, sensoric, or ethical ones.

**Keywords:** proverbs; gradable semantics; gradaseme; gradable evaluation; Tuvans; Tuvan folklore; Tuvan proverb



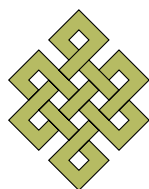
### For citation:

Kolesnikova S. M. Gradual'naiia semantika russkikh i tuvinskikh poslovits [Gradable semantics in Russian and Tuvan proverbs]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 90-103. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.6>

### Введение

С 2000-х годов работы по исследованию пословиц как особых языковых единиц приобретают большую теоретическую и практическую значимость (Благова, 2000; Зимин, 2015; Паремииология в дискурсе ... , 2015; Паремииология без границ ... , 2020; и мн. др.<sup>1</sup>), так как связаны с реализацией категориальных смыслов и функционированием в тексте. Пословицы, являясь одним из сложных видов преобразований языка, преобладают в количественном соотношении по сравнению со словосочетаниями непредикативного характера, поэтому традиционно изучаются в рамках фразеологии и одного из её разделов — паремииологии. Такой подход к описанию паремий объясняется двумя основными причинами: а) совпадением отдельных семантических характеристик пословиц и фразеологизмов; б) связью с фольклором.

<sup>1</sup> См. также: Фелицына В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1988. 256 с.; Глухих В. М. Приемы лаконичности в пословицах и поговорках // Русский язык в школе. 1996. № 3. С. 76-80; Савенкова Л. Б. Русская паремииология: семантические и лингвокультурные аспекты. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2002. 240 с.



В лингвистике выделяют ряд признаков, отличающих пословицу от фразеологизма: а) различие в лексическом оформлении; б) различие в специфике их речевого функционирования; в) различие в синтаксической организации (пословица оформляется в виде предложения).

Сложность семантики пословиц обусловлена не только тем, что они выражают морально-нравственную оценку явлений, событий, качеств и имеют назидательный характер, но и тем, что градуальная семантика (значение меры и степени) в них реализуется через смежные явления (оценку, квантитативность, интенсивность, эмоциональность и экспрессивность, см.: Шейгал, 1990; Вольф, 2002; Колесникова, 1998; Арутюнова, 1988; и др.<sup>1</sup>). Исследование градуальной семантики пословиц способствует расширению представления о выражаемых ими смыслах, качественных характеристиках описываемых признаков, явлений, предметов, процессов или действий.

Выявление качественной семантической специфики русских и тувинских пословиц способствует более полному и глубокому проникновению в мыслительную и эмоциональную сферу носителей языка (Доржу, 2012; Этническое и религиозное ... , 2017; и др.<sup>2</sup>), дополняет наши знания о выражаемых категориальных смыслах и средствах их репрезентации. В области фразеологии и паремиологии известны труды В. В. Виноградова (Виноградов, 1972), В. Н. Телии (Телия, 1996), Н. Ф. Алефиренко (Алефиренко, 1999), В. М. Мокиенко (Мокиенко, 2010) по теории и практике устойчивых выражений; структуры и семантики паремий М. А. Бредиса, М. С. Димогло, О. В. Ломакиной (Бредис, Димогло, Ломакина, 2020) и др.<sup>3</sup>; в последние годы появились исследования молодых ученых, направленные на выявление градуальной семантики фразеологических единиц и паремий<sup>4</sup> и т. д.

Основная цель настоящей статьи заключается реализации нового подхода к анализу паремий русского и тувинского языков — выявление градуальной семантики тувинских пословиц в сопоставлении с исследованной градуальной семантикой русских пословиц. Данная цель достигается путем последовательного решения конкретных задач: а) представить основные теоретические положения в области паремиологии и градуальности (понятие «норма», шкала градаций, градусема); б) рассмотреть структуру и семантику русских и тувинских паремий с качественно-характеризующим значением; в) выделить градусему в семантической структуре исследуемых пословиц и (или) градуальный компонент в структуре паремии; г) установить слова-символы градуирования в русских и тувинских пословицах; д) описать градуально-оценочное значение рассматриваемых единиц.

В качестве материала исследования использованы пословицы, извлечённые приёмом сплошной выборки из нескольких паремиографических сборников тувинского и русского языков<sup>5</sup>. Тувинские пословицы так же, как и паремии, бытующие в речи тюркских народов Южной Сибири, слабо изучены современными паремиологами. Состояние языковой среды, изменение значимости русского языка

<sup>1</sup> См. также: Прокопович Н. Н. Сочетание наречий с именем прилагательным в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1962. 76 с.; Ломтев Т. П. Квантитативы современного русского языка // Памяти В. В. Виноградова: сб. статей МГУ. М.: Наука, 1971. С. 106–116; Убин И. И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 233 с.; Карцевский С. О. Сравнение // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 107–112; Сепир Э. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Т. 16. С. 43–78.

<sup>2</sup> См. также: Коляшкин А. М., Чадамба Ш. С. Лингвокультурологический аспект тувинских паремий в текстах русских художественных переводов // Мир науки, культуры, образования. 2017, № 6 (67). С. 616–618.

<sup>3</sup> Также: Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Казань, 2003. 50 с.; Селиверстова Е. И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. СПб., 2010. 47 с.

<sup>4</sup> Горшкова Н. Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке: автореф. ... к. ф. н. М., 2004. 24 с.; Прекина Н. В. Градуальная семантика русских пословиц: автореф. ... к. ф. н. М., 2005. 24 с.; Чжао Нань. Градационные отношения и смежные явления в русских паремиях: автореф. ... к. ф. н. М., 2020. 18 с.

<sup>5</sup> Пословицы отобраны методом сплошной выборки из сборников и словарей: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Высшая школа, 1991. 534 с.; Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с.; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с.; Тарланов З. К. Русские пословицы: Синтаксис и поэтика. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2002. 448 с.



в межкультурной коммуникации и низкий уровень описания фольклорной и языковой культуры коренных этносов позволяют говорить об актуальности проводимого исследования в градуальном аспекте.

### Основные теоретические положения

Градуальная семантика пословиц любого языка, как и других языковых единиц, выражается в их способности передавать качественно-характеризующие значения (значения меры и степени), транслировать представление о *норме* (нейтральной точке, нулевой ступени измерения) на шкале градаций, на которой градуальный стереотип «опирается на соотношение субъективного и объективного, в которых учитывается некоторая “умеренность”, нормативное представление градуирующего субъекта с его описательными... признаками и их количественно-качественными характеристиками» (Колесникова, 2011: 108)<sup>1</sup>. Пословица выступает в качестве градонима, средства выражения категории градуальности и ее категориальной семантики, имеющей сложную комплексную структуру (субъект градуирования, объект градуирования и основание градуирования) (Колесникова, 2018: 59). Паремии, являясь малым жанром фольклора, являются компонентами градуального фрагмента любой языковой картины мира, поскольку отражают представление о **норме** и возможных вариантах её нарушения. Данные представления не являются абсолютными показателями для точного определения меры качества в пословицах с градуальной семантикой. В этом процессе важное значение имеют средства определения отклонения от неё. Например, параметрические данные, характеризующие физические свойства объекта, присутствуют в качественных именах прилагательных (*большой — маленький, высокий — низкий* и др.), содержащихся в пословицах или в их толковании и указывают на полярные значения, соответствующие параметрам предмета. В качественно-оценочных признаках, представленных антонимами, наблюдается выражение пропорционального нарастания или убывания того или иного признака без условного соотнесения с нормой (Колесникова, 1999: 80). В этой группе выделяются имена прилагательные с общеоценочным значением (ср., *хороший — плохой*), где само понятие «норма» совпадает с позитивной частью шкалы градаций, ее «положительным полюсом».

Наличие градусемы (семы меры и степени — «очень», «сильно», «совсем», «чрезвычайно», «крайне», «в высшей степени» и под.) в семантической структуре паремий способствует их объединению в одну семантическую парадигму и позволяет при помощи языковых средств выявить соотнесённость в паремиях описательного и эмоционального, а импликация даёт возможность проследить антонимические отношения внутри единицы. Отличительным семантическим признаком представленных пословиц является наличие в них дифференциальной градусемы «очень». Ср.: «смирный» — «кроткий, спокойный, тихий, покорный»; *Его разве что ленивый не бьет* — «тихий, чересчур смирный»: компонент «смирный» в семантической структуре пословицы выступает собственно оценочным элементом и наделяет её большей экспрессивностью, создающей пословичной единице необходимую выразительность (см.: *Градуальная семантика ...*, 2012).

Градуальные и частнооценочные семы, входящие в семантический состав пословичной конструкции, называются интегральными. Субъективные и объективные факторы путём взаимодействия формируют градуальную оценку, выражающуюся в пословицах.

Оценка градуируется по разным основаниям и степени проявления универсальных аксиологических признаков: трудность — легкость / трудно — легко, важность — неважность / важно — неважно, истинность — ложность / истинно — ложно, добро — зло и т. п. Синтез эксплицитных и доминирующих имплицитных содержательных гранд-элементов и совокупность категориальных единиц со значением

<sup>1</sup> В 1990-е годы нами были рассмотрены градационные отношения в современном русском языке: проанализировано категориальное значение градуальности, описаны равноуровневые средства ее выражения в функционально-семантическом поле (языковой системе и мыслительно-речевой деятельности), рассмотрены системные связи между другими категориями, а также обоснована и введена в научный обиход специальная терминологическая микросистема (градуатор, градотатив, градусема) и представлена «новая трактовка сущности и понятия градационной лексики, реализующей градационную функцию (субъективное мерительное отношение к объекту мыслительно-речевой деятельности), проанализированы градуированные языковые единицы в тексте художественной литературы (см.: Колесникова С. М. Градационные отношения в современном русском языке: дисс... к. ф. н. М., 1993. 253 с.; Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке: дисс... д. ф. н. М., 1999. 425 с.).





предиката, объекта, субъекта, основания потенциальности, отрицания и оценки, способствующие выработке ценностных отношений, в частнооценочных пословицах способствует созданию так называемой градуальной семантики противоположности. Пословицы, включающие подобные элементы, характеризуют явления действительности, результаты познания в виде противопоставлений, например: *добро — зло, богатство — бедность, трудно — легко* и пр.

Нарастание или убывание значения признака (в самом широком смысле слова) — основополагающий принцип, раскрывающий градуальный характер пословиц (Колесникова, 2015: 55). Слова-спецификаторы, придающие дополнительные оттенки словам, с которыми они употребляются, относятся к *эксплицитным* средствам и в градуальном или градуированном высказывании выполняют функцию *градуатора* (в первом значении), например: наречия меры и степени *еще, очень* и т. д.

С точки зрения градуальной семантики выделяются следующие типы пословиц: 1) с позитивной семантикой (положительным общеоценочным признаком); 2) с негативной семантикой (отрицательным общеоценочным признаком); 3) с семантикой противопоставления.

В пословицах с частнооценочным значением можно наблюдать соотнесённость оценочной семы и градусемы, которая влияет на конечное восприятие пословичной семантики. В семантической структуре анализируемых русских паремий выделяются наиболее частотные лексемы-показатели градуальности: *очень / не очень* (*Молоденький умок, что осенний ледок* — «не очень крепкий»; *Как на лес взглянет, так и лес вянет* — «очень злой» и т. п.); *абсолютно* (*Тут и комар носу не подточит* — «абсолютно чисто» и т. п.); *предельно, крайне* (*Сожму в кулак сучок, так пойдет из него сочок* — «крайне сильный» и т. п.); *слишком* (*Он и мертвый из петли вывернется* — «слишком изворотливый» и т. п.) и др.

Таким образом, исследование паремиологического материала в градуальном аспекте может быть использовано в практике анализа фольклора не только русского, но и тувинского народов, что позволит установить градуальный характер противопоставленных языковых единиц, уточнить их семантическую классификацию и дополнить тематические группы языковых единиц.

### Сравнения в градуальной семантике русских и тувинских пословиц

Сама по себе лексическая градуальная парадигма характеризует признак по принципу его нарастания или убывания благодаря лексемам, которые передают параметрические и общеоценочные качественные признаки (Колесникова, 2018: 84). См.: *Нашла коса на камень* // о двух «крайне упрямых людях» — частнооценочный психологический признак; *Недосол на столе, а пересол на спине* // о «малом количестве соли или слишком большом количестве соли» в приготовленном блюде — частнооценочный сенсорно-вкусовой признак; *Много будешь знать, скоро состаришься* // о «проявлении излишнего любопытства» — частнооценочный психологический признак. Ср. тувинскую пословицу: *Чаңгыс инектиң мыйызын кагарга // Муң инектиң мыйызы аарыыр* «Когда бьют по рогам одну корову, Рога ноют у тысячи коров».<sup>1</sup>

Сравнения играют большую роль в структурной и смысловой организации пословиц, поскольку они способствуют передаче качественно-характеризующих (градуальных или градуированных) признаков и отражают суть мерительных отношений: «*Инек*»-ле дээр, «*бызаа*»-ла дээр, «*Халак*»-ла дээр, «*тилек*»-ле дээр. «*Аалдар*»-ла дээр, «*өглер*»-ле дээр, «*экис*»-ле дээр, «*төкүс*»-ле дээр. «Корова, телёнок», — скажешь. Ругань услышишь. Скажешь "В гости к соседям", — Радость и гам»<sup>2</sup>. Объектом сравнения в пословицах выступают образы животных, предметы быта и природа, субъектом сравнения — человек, хотя в отдельных случаях субъект сравнения может быть формально не выражен и восстанавливаться из контекста:

- *Өшкү чудаанын үзер* «Козел бодает слабого»<sup>3</sup>, рус. аналог: *Чужая душа — потёмки (тёмный лес); Счастье на крылах (крыльях), несчастье на костылях;*

<sup>1</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 142-143.

<sup>2</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 101.

<sup>3</sup> Там же. С. 46.



• *Эштиң эргизи эки, Эттиң чаазы эки* ‘Одежда хороша новая, А друг — старый’<sup>1</sup>; рус. аналог: *Старый друг лучше новых двух*;

• *Шивегейни шоодайлава.* ‘Не таи иголку в мешке’<sup>2</sup>; рус. аналог: *Шила в мешке не утаишь*;

• *Бодунуң бажында теве көрбес, Эжиниң бажында тевене көөр.* ‘На своей голове верблюда не разглядел, У товарища на голове иголку заметил’<sup>3</sup>; рус. аналог: *В чужом глазу соломинку видеть, в своём — бревна не заметить* и т. д.

Возможно образование синонимических рядов:

• *Олутта олча чок, Чыдында чыргал чок.* ‘Сидишь — добычи нет, Лежишь — пользы нет’; *От-тулбаска хайынмас, Олурарга бүтпес.* ‘Не затопишь — не вскипит, просидишь — не сделается’<sup>4</sup>; рус. аналог: *Под лежащий камень вода не течёт, Работай до поту — поешь хлеба в охоту, Любишь кататься — люби и саночки возить, Не потопашь — не полопашь* (с конца XX в. — груб.-прост.).

В ряде случаев русский аналог не определяется:

• *Чаваа-даа бол, аьды херек, Чалчай-даа бол, эзери херек.* ‘Конь худой, зато свой, Седло плохое, да не чужое’<sup>5</sup>;

• *Чаражынга шай Хайындырар эвес, Чажынга аът өртээр эвес.* ‘Не чай варить на красоте, не коня привязывать к косе’<sup>6</sup>;

• *Хуурактар көвүдээрге, ядараарының демдээ, Кулун, чаваа көвүдээрге, байырының демдээ.* ‘Хураков больше — бедность ближе, Жеребят больше — богатство ближе’<sup>7</sup>;

• *Аарыг кижги экириир, Арган мал семириир.* ‘Тощий конь пожиреет, Больной человек поправится’<sup>8</sup>;

• *Чаразын чылгааш ыт тотпас, Яла алгааш ноян пөкпес.* ‘Собака слюной не насытится, Нойон — поборами’<sup>9</sup> и под.

Основу градуальной парадигмы пословиц составляют антонимичные общеоценочные лексемы, нейтрально выражающие противоположные качественно-характеризующие значения: *Өттүнчек өөренир, Өжеш өөндөлөвөс* ‘Подражая — научится. Упрямясь — не поумнее’<sup>10</sup>. Подобные единицы выступают в качестве доминант лексических парадигм, не обладающих экспрессивно-стилистической окраской и способных передавать общее инвариантное значение паремии.

Характер других членов лексической парадигмы, отражающих как убывание, так и нарастание степени признака по отношению к доминантам, проявляется в более высокой способности к проявлению признака и яркой эмоционально-экспрессивной окраске. Важным сравнительным средством с богатейшими возможностями выступает такая часть речи как имя прилагательное (*Колесникова, 1998: 69*). Например: *легкий и невесомый; плохой и дрянной; слабый и бессильный; сильный, могучий и мощный; веселый и ликующий; счастливый и блаженный; хороший, прекрасный и великопленный; беспоконный и смятенный; печальный и скорбный* и т. д.

На расположение градуальных членов парадигмы влияет заключённая в них степень градуальности инвариантного признака, или ступень градуирования. *Нейтральная* ступень измерения выступает точкой отсчета для выявления соразмерных членов градуальной парадигмы, носящих название симметричных противоположностей: компоненты лексической парадигмы, которые одинаково удалены от центра шкалы. Синонимические ряды, как правило, состоят из языковых единиц, входящих

<sup>1</sup> Тувинские народные пословицы и поговорки / сост. И. Плоткина, А. Колган; ред. О. Толгар-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1955. С. 24–25.

<sup>2</sup> Там же. С. 52–54.

<sup>3</sup> Там же. С. 32–33.

<sup>4</sup> Там же. С. 26–27.

<sup>5</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 63.

<sup>6</sup> Тувинские народные пословицы и поговорки / сост. И. Плоткина, А. Колган; ред. О. Толгар-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1955. С. 52–53.

<sup>7</sup> Там же. С. 20–21.

<sup>8</sup> Там же. 45–46.

<sup>9</sup> Там же. 18–19.

<sup>10</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 46.



в состав одной градуально-оценочной зоны или плоскости шкалы градаций. Их лексические компоненты наделены положительным/позитивным или отрицательным/негативным смыслом, что позволяет вступать друг с другом в антонимические отношения, см., *Үрени чаңгыс дивес, Олчаны эвээш дивес* 'Одинок — не сетуй, будут дети'<sup>1</sup>, *Хат улуг-даа болза, хаяны угбас, Хаан бай-даа болза, эдингге пөкпес* 'Ветер хоть сильный, калу не поднимет, Хан хоть богатый, золотом не пресытится' и под.<sup>2</sup>

Нейтральные доминанты и градуальные члены признаков парадигм, оказываясь в противительных отношениях, играют большую роль в понимании значения языковых единиц с градуальной семантикой и форм компаратива. Качество связи пословиц на парадигматической оси определяет и характер их взаимодействия на уровне синтагматическом. См.: *Бай кижиниң пажы улуг, Бардам кижиниң өө улуг* 'У богатого человека котел большой, у чванливого юрта огромная'<sup>3</sup>; *Бак кижиниң караа дөрде, Экикижиниң караа эжикте* 'Дурной смотрит где бы взять, скромный — где бы что не сломать'<sup>4</sup>; *Бакты көрбейн, Экини үнелээри берге* 'Не увидев плохое, трудно оценить хорошее'<sup>5</sup> и мн. др.

Мера степени и качества в русских и тувинских пословицах с градуальной семантикой определяется отклонением от нормы и комплексом средств выражения степени величины признака. Основу градуальной парадигмы русских и тувинских пословиц составляют антонимичные оценочные лексемы-доминанты с инвариативным качественно-характеризующим значением, не сохраняющим экспрессию. Градационный характер рассматриваемых единиц устанавливается в соответствии с эмоциональными доминирующими компонентами.

### Структура и семантика

Схожесть структуры противопоставления различных по смыслу пословиц в русском и тувинском языках объясняется наличием в них одинаковых объектов сравнения — мир природы и живых существ (см.: рус.: *Блудлив, как кошка, труслив, как заяц — Хитер, как лиса, труслив, как заяц*; тув.: *Кортуу ховаган дег, Дезии дээлдиген дег, Чалчыраажы сааскан дег, Сарыыл чогу мезил дег* 'Словно бабочка, труслив, Словно коршун, пуглив, Как сорока, болтлив, а уж глуп, как налим!'<sup>6</sup>). Прослеживается и обратная закономерность, согласно которой, схожие компоненты паремиологической конструкции вступают в антонимичные отношения в приметах неродственных языков. Степень проявления признака, находящая различное воплощение в словах, обеспечивает в текстах паремий возможность семантического варьирования в результате сравнения.

Условное отклонение от нормы рассматривается в качестве «необычного», которое на парадигматическом уровне отличается от исходной качественной характеристики мерой проявления или степенью признака, т. е. значение определяется как градуальное (или градуированное): *красивый* («отличающийся красотой») — *прекрасный* («очень красивый, обладающий необыкновенной красотой») — *распрекрасный* («очень красивый») — *восхитительный* («очаровательный, замечательный») — *пригожий* («миловидный») — *хороший* («весьма красивый») — *страшный* («вызывающий страх») — *ужасный* («очень плохой», «некрасивый») — *жуткий* («очень плохой», «ужасный») — *чудовищный* («необычайный по своим отрицательным качествам») и др.<sup>7</sup>

Следует отметить ограниченность подобных пословиц в тувинском языке — с компонентом *красивый*: *Арга-ыяш аразындан шиви чарааш, / Арат чон аразындан төлү чарааш*. 'В горном лесу нет красивее елки, среди людей — своего дитя'<sup>8</sup>; *Дашты чарааш, Ишти ирик*. 'Внешность красивая, а нутро гнилое'<sup>9</sup>.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 53.

<sup>2</sup> Там же. С. 57.

<sup>3</sup> Там же. С. 89.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 90.

<sup>6</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / авт.-сост. О. К. Саган-оол, М. А. Хадаханэ. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1976. С. 36.

<sup>7</sup> Здесь и далее значения русских слов даются по лексикографическим источникам: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель», 2000.

<sup>8</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 86.

<sup>9</sup> Там же. С. 94.



Для сравнительного анализа текстов двух языков представляем следующую таблицу с градуальными противопоставлениями:

Русские пословицы	Тувинские пословицы
<i>В добром житье кудри вьются, а в плохом секутся;</i>	<i>Шевер кижы мактадыр, Чевен кижы бактадыр</i> ‘Хорошего мастера хвалят, плохого — хаят’ <sup>1</sup> ;
<i>Легко найти счастье, а потерять и того легче;</i>	<i>Бээри берге, алыры амыр</i> ‘Взять легко, отдавать трудно’ <sup>2</sup> ;
<i>Лихо жить в нужде, а горе и того хуже;</i>	<i>Чарары белен. Чазаары берге</i> ‘Легко сломать, трудно наладить’;
<i>Хороши блинцы, хоть и остынут, а еще лучше, как к вечеру покинуть;</i>	<i>Авыралдыг чүве — ава, Аянныг эди — сава</i> ‘Самый благодетельный человек — мать, хорошая вещь — пиала’ <sup>3</sup> ;
<i>В добром житье кудри вьются, а в плохом секутся;</i>	<i>Бакты көрбейн, Экини үнелээри берге</i> ‘Не увидев плохое, трудно оценить хорошее’ <sup>4</sup> .
<i>Лицом хороши, да душою непригож.</i>	

Отметим условность распределения пословиц на шкале градаций: одним из градуированных значений можно считать оппозицию *ниже — норма — выше*. На количество делений шкалы градаций влияют языковые компетенции и речевой опыт участников коммуникативного акта, а благодаря градуированию качества по квантификации и интенсивности становится возможным провести детализацию (ср.: Шейгал, 1990; Шмелёва, 2005; Репаша, Секей 2010; и мн. др.<sup>5</sup>). Ср., синонимический ряд продуктивных русских пословиц о «количестве ума», градуированных в результате квантификации: *У него чердак без верха, одного стропильца нет* — «недостаточно большое количество ума»; *Молодец, что орел, а ума что у тетерева* — «значительно небольшое количество ума»; *Голова с лукошко, а мозгу ни крошки* — «абсолютное отсутствие ума»; *Мозговина с короб, а ума с орех* — «крайне малое количество ума»; *Велик баклан, да есть изъян* — «далеко не большое количество ума»; *Голова, что чан, а ума на капустаный кочан* — «мизерное количества ума» и др. В тувинском языке пословиц о незначительном количестве ума мало, см.: *Тенек баш бут човадыр* ‘Дурная голова ногам покоя не дает’<sup>6</sup>.

Основными языковыми имплицитными средствами, определяющими градуальную шкалу русских пословиц, являются синонимические ряды. Широкий диапазон их семантического поля позволяет определить степень нарастания признака по шкале в результате любых, смежных с градуальностью, явлений: квантификацией, интенсификацией, оценкой<sup>7</sup>. Например, для русских пословиц бинарное выражение качественно-степенных значений является весьма продуктивным: а) в сторону высокой степени — *Кто на борзом коне жениться поскачет, тот скоро поплачет* // *борзый* — «быстрый, резвый»; *У лихого жеребца косяк цел* // *лихой* — «молодецкий, удалой»; *Резвого жеребца и волк не берет* // *резвый* — «быстрый, проворный»; *На горячей кляче жениться не ездят* // *горячий* — «полный силы» — лексемы *борзой, лихой, резвый, горячий*; б) в сторону низкой степени: *У него чердак без верха, одного стропильца нет*; *Мозговина с короб, а ума с орех*; *Велик баклан, да есть изъян*; *У него на вышке обстоит неблагоприятно*; *Голова с лукошко, а мозгу ни крошки*. Образному градуированию подвергается синонимический ряд *голова — мозговина — чердак — баклан — вышка*. Степень интенсификации зависит от нарастания при-

<sup>1</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 118-119.

<sup>2</sup> Там же. С. 18-19.

<sup>3</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 81.

<sup>4</sup> Там же. С. 90.

<sup>5</sup> Убин И. И. Лексические средства выражения категории интенсивности (на материале русского и английского языков): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1974. 233 с.; Ховалкина А. А. Лексическое выражение категорий величины признака в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 1996. 402 с.

<sup>6</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 51.

<sup>7</sup> Чжао Нань. Градационные отношения и смежные явления в русских паремиях: автореф... к. ф. н. М., 2020. 18 с.





нака (ср.: Маркелова, 1993: 62). На нарастание признаков указывает восходящая градация, которую отражает синонимический ряд слов-интенсификаторов: имен существительных и качественных имен прилагательных (см.: Колесникова, 2018; и др.<sup>1</sup>).

Эксплицитно градуирование признака могут выражать градуаторы типа *очень, совсем*. Ср.: *очень* — «в сильной степени» — *очень красивый; очень умный; очень сильный, высокий и т. д.*; *совсем* — «совершенно, вполне» — *совсем бестолковый; совсем безмозглый; совсем глупый*. Градуатор *очень* употребляется со словами для обозначения различной степени восприятия признака, от самой высокой до самой низкой: *очень талантливый — очень умный — очень глупый*. А наречие *совсем*, как правило, используется с именами прилагательными и указывает на самую низкую степень признака: *совсем глупый; совсем безмозглый* и т. д. Признаки со значением как низкой, так и высокой степени имеют свои пределы, или «пики». Градуаторы (слова-интенсификаторы-квантификаторы) можно редко встретить внутри самих пословиц, в которых чаще используются непрямые и производные общеоценочные слова с различными аффиксами (например, *пре-, архи-, -оват-, -овит-*), содержащими градусеми «очень», «весьма»: *высокомудрый — премудрый — мудрый — башковитый — заумный — неглупый — мыслящий — вдумчивый, сообразительный — толковый — умный — среднего ума — глупый — неразумный — глуповатый — бестолковый — пустоголовый — дурной — скудоумный — тупой — тупоголовый — глупейший — архиглупый*. В русском языке очень продуктивны пословицы об уме и способностях человека, см.: *на человеческую глупость есть божья премудрость // премудрость* — «очень мудрёное» и др. Данную парадигму образует градационный ряд *архиглупый... глуповатый — неразумный — глупый — 0 — умный... башковитый — мудрый — премудрый*.

В предложенном градационном ряду «нуль» — (0) обозначает точку отсчёта, так называемый **средний член** парадигмы, который не всегда имеет специализированное выражение и может лишь подразумевать наличие среднего компонента (*средняя сила, средний вес, ум* и т. д.).

Для тувинского языка подобная характеристика является не такой продуктивной: *Капты көрүп кажараар*. 'Больше увидишь — умнее станешь'<sup>2</sup>; *Авыралдыг чүве — ава, Аянныг эди — сава* 'Самый благодетельный человек — мать, Самая хорошая вещь — пиала'<sup>3</sup> и др. Более продуктивны пословицы о плохом, скупом, ленивом — бедном — богатом, сильном человеке (людях) через противопоставления и т. д.: *Төрөл багы — аал чуду, Төл багы — өг чуду*. 'С плохой родней — аалу позор, С плохим дитем — юрте позор'<sup>4</sup>; *Харам кижээ эжи ырак, Чоржаң аътка чер ырак* 'Скупому человеку — товарища нет, Ленивому коню — путь далек'<sup>5</sup>; *Пар ыяш хөөлүг, Бак кижги балалыг* 'От обгоревшего дерева одна сажа, От плохого человека вред'<sup>6</sup> и т. п.

Таким образом выявляется качественная и количественная специфика выражения градуальной семантики рассматриваемых русских и тувинских паремий, которая проявляется в их схожей структуре противопоставления: 1) для русских пословиц синонимические ряды являются одними из основных языковых средств выражения степени нарастания/убывания признака по шкале градаций, в том числе и в результате смежных с градуальностью явлений; 2) количество тувинских пословиц, имеющих имплицитное (синонимическое), эксплицитное представление качественно-степенного значения и специализированное выражение среднего компонента, имеют заметные ограничения.

### Символы градуирования и градуальная оценка

В результате сравнения в пословицах реализуется градуальная и стилистическая функции (функция усиления и эмоциональной выразительности); в исследуемых пословицах зоонимы и орнитонимы выступают в качестве символов, посредством которых градуируется выражаемый ими признак —

<sup>1</sup> См. также: Кирьян А. Д. Градация как способ организации лексико-грамматической группы: Качественные прилагательные со значением характеристики человека в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 204 с.; Нгуен Мань Хай. Градационные отношения в синонимических рядах качественных имён прилагательных современного русского языка: автореф... канд. филол. наук. М., 2020. 21 с.

<sup>2</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 31.

<sup>3</sup> Там же. С. 81.

<sup>4</sup> Там же. С. 52.

<sup>5</sup> Там же. С. 57.

<sup>6</sup> Там же. С. 47.



подчеркивается некий недостаток человека (в русских пословицах: *волк, змея* — символы «жестокости»; *лиса* — символ «хитрости и лукавства»; в тувинских: *корова* — символ «упрямства», *конь* — символ «медлительности», *верблюд* — символ «неповоротливости» и т. д.; универсальные символы: *сорока* — «болтливый человек») — *Аът* — *кижиниң буду*, *Ыт* — *кижиниң кулаа* 'Лошадь — нога человека. Собака — уши'<sup>1</sup>. Может создаваться градационный смысловой ряд интенциональных признаков в конструкциях сравнения с *как, что, словно* и под. См. доп., в тувинском языке: *Чаңгыс инектиң мыйызын кагарга // Муң инектиң мыйызы аарыыр* 'Когда бьют по рогам одну корову, рога ноют у тысячи коров'<sup>2</sup> и др. Сравнения в тувинских пословицах весьма продуктивны: *Хоп хорандан хоралыг* 'Сплетня хуже, чем яд'<sup>3</sup>, *Хопчу кадын — сааскан, Хоптак хаан — каарган* 'Болтливая ханша как сорока, Жадный хан как ворон'<sup>4</sup>, *Чаг иштинде бүүрек дег, Чанчык иштинде таакпы дег* 'Живет как почка в сале, как табак в киссете'<sup>5</sup>.

Операция сравнения (конструкции с *словно, (как) будто, как, подобен* и др. и компаративные формы) имеет два результата — *равенства* и *неравенства*, где *равенство* определяется как «некий» признак двух (чаще всего) и более объектов сравнения, имплицитно представленный в одинаковой/равной степени (ср.: *Нет худа без добра, Не было бы счастья, да несчастье помогло*; ср.: *Где горе, там и радость, Беда приходит пудами, а уходит золотниками* и т. д.); *неравенство* — это констатация превосходства (а) и констатация более низкой степени (б). На основе предварительного анализа семантического поля компонентов пословичной сравнительной конструкции можно предположить, что в русском языке пословиц со значением условного *равенства* больше, чем в тувинском.

Сравнение в пословицах реализуется по-разному: не указывая на объективную степень проявления признака, оно может выражать релятивную (относительную) семантику в чистом виде либо передавать высокую степень проявления признака. Особенности сравнения зависят от характера значения<sup>6</sup> и типов отношений внутри паремии, например: *Ада сөзү — дашка баскан таңма ышкаш*. 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне'<sup>7</sup>; *Кижини сеткили даштан кадыг, хорандан чымчак*. 'Душа человека может быть тверже камня, мягче пуха'<sup>8</sup>; *Кижини сеткили хардан ак хөөден кара* 'Душа человека может быть белее снега, темнее сажи'<sup>9</sup>.

Важную роль выполняет место признакового слова и характера обозначаемого признака в лексической парадигме. Самыми распространёнными лексемами, обладающими градуальной семантикой и передающими общеоценочное значение, являются слова *хороший (хорошо) / плохой (плохо)*, входящие в состав структуры пословицы или в её толкование (см.: *Не то хорошо, что хорошо, а то, что к чему идет; Хорошее худо не бывает. — Овце с волком плохо жить; Что худо, то и плохо; Промеж худого и хорошему плохо* (русские пословицы очень употребительны); *Экиде эджержир, Бакта кагжыр*. 'Хорошо — дружит, Плохо — бросает'<sup>10</sup> (тув.).

Основная цель частотнооценочных признаков — давать градуальную оценку объекту с любой из рассматриваемых сторон (эстетической или этической, сенсорно-вкусовой или психологической и т. п.) (ср.: *Арутюнова, 1988: 61–92; Вольф, 2002: 20–28*), например: *За вкус не берусь, а горяченько да мокренько будет* — «когда предлагают съесть что-то **сильно горячее** и жидкое» (градуируется частотнооценочный сенсорно-вкусовой признак).

Другой компонент, который подвергается градуированию в пословицах — общая оценка. Она может подтверждаться как показателями общей оценки (*плохо, плохой, хорошо, хороший*), так и наличием градосем «очень», «слишком», «совсем», «слегка» и т. д.: *Речи как мед, а дела как полынь* — см., говорящий оценивает *речь и дела*: «очень сладкие, красивые, очень хорошие / очень горькие, очень плохие» — градосема **«очень»**, хорошие / плохие — общеоценочные семы; пословица выражает дополнительные

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 87.

<sup>2</sup> Там же. С. 142-143.

<sup>3</sup> Там же. С. 59.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 63.

<sup>6</sup> Карцевский С. О. Сравнение // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 107–112.

<sup>7</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа ... С. 82.

<sup>8</sup> Там же. С. 107.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> Тувинские народные пословицы и поговорки / сост. И. Плоткина, А. Колган; ред. О. Толгар-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1955. С. 26–27.



градуальные смыслы через оценочное образное сравнение. Или, ср., предикативное градуально-оценочное образное выражение: *Каас-тодуг чуртталга, карак кызыл ажылда* 'Зажиточная жизнь — в упорном труде'<sup>1</sup>; *Турлаг тыппаан элик ышкаш, Дунчу тыппаан балык ышкаш*. 'Как косуля без лежбища, как рыба без заводи'<sup>2</sup>; *Кызып кылаяр апаар* 'Надо очень постараться'<sup>3</sup> и т. д.

Таким образом, в русских и тувинских пословицах реализуются градуальная и стилистическая функции. Продуктивными в исследуемых языках являются пословицы с зоонимами и орнитонимами, выступающих в качестве символов, посредством которых градуируется выражаемый ими признак (недостаток человека: *волк, змея* — символы жестокости; *лиса* — символ хитрости (русс. посл.); *корова* — символ упрямства, *конь* — символ медлительности, *верблюд* — символ неповоротливости (тув. посл.) и т. д.; универсальные символы: *сорока* — символ болтливости и др.). Характер отношений пословиц на парадигматической оси определяется и их взаимодействием на синтагматическом уровне.

### Градуально-оценочное значение пословиц

Градуальная семантика языковых единиц лексического уровня соотносится с частнооценочным значением паремий, что способствует установлению специфики их качественно-характеризующего признака. Подобные лексические единицы условно делятся на две основные группы с градуально-оценочным значением: 1) единицы с интегральным оценочным значением (см.: *С ним натошак не сговоришься, И хорош молодец, да есть норовец* = «упрямый»; *Его разве что ленивый не бьет* = «смирный») и под.; 2) единицы с собственно оценочным значением, имеющие градусеми в семантической структуре (ср., например: *Он очень (слишком) жадный человек — И сыта свинья, а все жрет, и богат мужик, все копит // очень (слишком) жадный* соотносится со значением части пословицы — *богат мужик, все копит*) и др.

Доминанты пословиц, употреблённые в форме сравнительной степени, способствуют выражению относительной градуальной семантики в языке. В таких параметрических парадигмах качественно-характеризующий признак, заложенный в позитивном слове, видоизменяется, практически полностью отрываясь от значения абсолютной степени: *Арга-ыяш аразындан шиви чараи, Арат чон аразындан төлү чараи*. 'В горном лесу нет красивее елки, Среди людей — своего дитя'<sup>4</sup>; *Ат өлүрүнүң орнунга Сөөк сынганы дээрэ* — 'Лучше кость сломать, чем имя потерять'<sup>5</sup> и др.

С различной степенью приближения к подобной модели строится градуальный ряд с использованием качественных имён прилагательных *умный — глупый*. В паремиях с данными антонимичными компонентами шкала градаций имеет чёткое разделение, а ось симметрии всегда определена (*Арутюнова, 1988*). См.: *Баштай ушкан эжин каттырбас* 'Над упавшим не смейся'<sup>6</sup>; русс. аналог: *Умный плачет, а глупый скачет*.

Компаративы, входящие в состав пословиц, могут представлять собой слова, связанные с общеоценочной лексикой и иметь разнообразные семантические возможности, которые зависят от ценностных ориентиров (положительных или отрицательных) признака, заложенного в позитивном слове. Сам компаратив сохраняет значение объективно высокой степени проявления признака, которое изначально содержит слово, лежащее в его основе. Градуированные формы компонентов в сравнительной степени одновременно проявляются и у объекта, и у субъекта сравнения. Компаративы, являющиеся составным компонентом признаковых парадигм и оказывающие влияние на восприятие градуальной шкалы, могут совмещать компаративное значение с абсолютно высокой степенью признака. Такие компаративные формы называются абсолютно «необратимыми», поскольку, высту-

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 29.

<sup>2</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 146-147.

<sup>3</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. С. 110.

<sup>4</sup> Там же. С. 86.

<sup>5</sup> Там же. С. 87.

<sup>6</sup> Тувинские народные пословицы и поговорки / сост. И. Плоткина, А. Колган; ред. О. Толгар-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1955. С. 24-25.



пая смыслообразующими компонентами градационных синонимических рядов, не вступают в отношения «конверсии» и во «взаимообратимое» взаимодействия с доминантой антонимичного ряда.

Образующиеся вследствие наличия контрарных противоположностей компаративы могут проходить несколько этапов нарастания или убывания признака: *мизернее* не означает *менее огромный*; *огромнее* не означает *менее мизерный*.

Следовательно, в значении пословицы с признаковым словом/компонентом чаще передается ироническое отношение. Наличие подобной градуально-оценочной семантики и ценностной классификации позволяет выделить единицы с обще- и частнооценочным значениями. Компаративные формы доминант пословиц в параметрических парадигмах реализуют релятивную семантику.

### Заключение

Специфика пословиц изучаемых неродственных языков определяется тем, что русские и тувинские поговорки обнаруживают при схожей структуре различную смысловую наполненность, при этом эталонными могут являться как разные объекты сравнения, так и одинаковые. Градуальную семантику пословицы моделирует шкала градаций с качественно-количественной характеристикой и *имплицитном* или *эксплицитном* ее представлении.

Основу градуальной парадигмы пословиц составляют антонимичные лексемы-**доминанты**, способные передать неизменное значение качественного признака и отличающиеся нейтральной стилистической окраской. Функцию нарастания или убывания признака реализуют компоненты, имеющие яркую эмоционально-экспрессивную окраску. Компаративные формы доминант пословиц в параметрических парадигмах реализуют релятивную семантику. В результате **сравнения** в пословицах реализуются градуальная и стилистическая функции (функция *усиления* и функция *эмоциональной выразительности*); в исследуемых пословицах зоонимы и орнитонимы выступают в качестве **символов**, посредством которых градуируется выражаемый ими признак — подчеркивается некий недостаток человека. Качество связи пословиц на парадигматической оси определяет и характер их взаимодействия на уровне синтагматическом.

Пословицы с градуальной семантикой делятся на единицы с общеоценочным и частнооценочным значениями, что отражается в пословичной семантике. Очевидно, что градуальная семантика тувинских пословиц, предварительно рассмотренная в данной статье, нуждается в самостоятельном научном исследовании.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко, Н. Ф. (1999) Спорные проблемы семантики. Волгоград : Перемена. 273 с.
- Арутюнова, Н. Д. (1988) Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука. 388 с.
- Благова, Л. Ф. (2000) Пословица и жизнь: личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М. : Вост. лит. РАН. 224 с.
- Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Виноградов, В. В. (1972) Русский язык: грамматическое учение о слове. М. : Высшая школа. 613 с.
- Вольф, Е. М. (2002) Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М. : Едиториал УРСС. 280 с.
- Градуальная семантика языковых единиц (2012) / под общ. ред. Е. Н. Морозовой. Саранск : Мордовский гос. пед. ин-т. 323 с.
- Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках. порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. Серия Филологические науки. № 1. С. 94–97.
- Зимин, В. И. (2015) Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений XXI века. М. : АСТ-Пресс. 736 с.
- Колесникова, С. М. (1998) Степени сравнения прилагательных и выражаемая ими степень признака // Русский язык в школе. № 5. С. 69–74.
- Колесникова, С. М. (1999) Средства выражения степени величины признака: синонимы и антонимы // Русский язык в школе. № 1. С. 78–82.





- Колесникова, С. М. (2011) Градуальность: лингвистическое описание (на материале русского языка) // *Studia Slavica*. Т. 56. № 1. С. 107–123. DOI: <https://doi.org/10.1556/SSLAV.56.2011.1.6>
- Колесникова, С. М. (2015) Градуирование и квантификация в современном русском языке // *Studia Slavica*. Т. 60. № 1. С. 55–64. DOI: <https://doi.org/10.1556/060.2015.60.1.6>
- Колесникова, С. М. (2018) Градуальность в системе русского языка. М. : Флинта. 232 с.
- Маркелова, Т. В. (1993) Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. М. : МПГУ. 125 с.
- Мокиенко, В. М. (2010) Современная паремиология (лингвистические аспекты) // *Мир русского слова*. № 3. С. 6–20.
- Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 242 с.
- Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные вопросы паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира (2015) / под ред. О. В. Ломакиной. М. : Ленанд. 304с.
- Репаша, Д., Секей Г. (2010) О градуальности в сопоставительном аспекте // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»*. № 5. С. 110–117.
- Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры». 288 с.
- Шейгал, Е. И. (1990) Градация в лексической семантике. Куйбышев : Куйб. гос. пед. ин-т. 96 с.
- Шмелева, Е. Я. (2005) Квантификация как основа русского анекдота // *Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик. 672 с. С. 560–569.
- Этническое и религиозное многообразие России (2017) / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН. 551 с.

Дата поступления: 02.09.2021 г.

#### REFERENCES

- Alefirenko, N. F. (1999) *Spornye problemy semantiki [Controversial problems of semantics]*. Volgograd, Peremena. 273 p. (In Russ.).
- Arutiunova, N. D. (1988) *Tipy iazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt [Types of linguistic meanings: assessment, event, fact]*. Moscow, Nauka. 388 p. (In Russ.).
- Blagova, L. F. (2000) *Poslovitsa i zhizn': lichnyi fond russkikh poslovits v istoriko-fol'kloristicheskoi retrospektive [The proverb and life: a personal corpus of Russian proverbs in historical and folklore retrospective]*. Moscow, Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences. 224 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Pareмии v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in contemporary linguistics: approaches to studying, text-forming and linguocultural capability]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>
- Vinogradov, V. V. (1972) *Russkii iazyk: grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language: the grammatical teaching on the word]*. Moscow, Vysshiaia shkola. 613 p. (In Russ.).
- Vol'f, E. M. (2002) *Funktsional'naiia semantika otsenki [Functional semantics of evaluation]*. 2<sup>nd</sup> ed. Moscow, Editorial URSS. 280 p. (In Russ.).
- Gradual'naiia semantika iazykovykh edinits [Gradable semantics of language units]* (2012) / ed. by E. N. Morozova. Saransk, Mordovskii gos.ped.in-t. 323 p. (In Russ.).
- Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparisons in Russian and Tuvan proverbs which condemn negative personal qualities]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.).
- Zimin, V. I. (2015) *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii XXI veka [A dictionary and thesaurus of Russian proverbs, sayings and popular phrases of the 21<sup>st</sup> century]*. Moscow, AST-Press. 736 p. (In Russ.).
- Kolesnikova, S. M. (1998) Stepeni sravneniia prilagatel'nykh i vyrazhaemaia imi stepen' priznaka [Degrees of comparison in adjectives and their power of expression]. *Russkii iazyk v shkole*, no. 5, pp. 69–74. (In Russ.).
- Kolesnikova, S. M. (1999) Sredstva vyrazheniia stepeni velichiny priznaka: sinonimy i antonimy [Means of expressing the degree of magnitude: synonyms and antonyms]. *Russkii iazyk v shkole*, no. 1, pp. 78–82. (In Russ.).
- Kolesnikova, S. M. (2011) Gradual'nost': lingvisticheskoe opisanie (na materiale russkogo iazyka) [Gradability: a linguistic description of the case of Russian language]. *Studia Slavica*, vol. 56, no. 1, pp. 107–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1556/SSLAV.56.2011.1.6>



Kolesnikova, S. M. (2015) Graduivovanie i kvantifikatsiia v sovremennom russkom iazyke [Grading and quantification in contemporary Russian]. *Studia Slavica*, vol. 60, no. 1, pp. 55–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.1556/060.2015.60.1.6>

Kolesnikova, S. M. (2018) *Gradual'nost' v sisteme russkogo iazyka [Gradability in the Russian language system]*. Moscow, Flinta. 232 p. (In Russ.).

Markelova, T. V. (1993) *Semantika otsenki i sredstva ee vyrazheniia v russkom iazyke [Semantics of evaluation and means of its expression in the Russian language]*. Moscow, MPGU. 125 p. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2010) Sovremennaia paremiologiia (lingvisticheskie aspekty) [Modern paremiology: Linguistic aspects]. *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.).

*Paremiologiia bez granits [Paremiology without borders]* (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

*Paremiologiia v diskurse [Paremiology in Discourse]* (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).

Repashi, D. and Sekei G. (2010) O gradual'nosti v sopostavitel'nom aspekte [On gradability in the comparative aspect]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia «Russkaia filologiia»*, no. 5, pp. 110–117. (In Russ.).

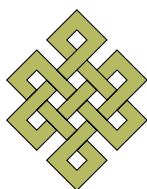
Teliia, V. N. (1996) *Russkaia frazeologiia: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turnyi aspekty [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow, Shkola «Iazyki russkoi kul'tury». 288 p. (In Russ.).

Sheigal, E. I. (1990) *Gradatsiia v leksicheskoi semantike [Gradation in lexical semantics]*. Kuibyshev, Kuib. gos. ped. in-t. 96 p. (In Russ.).

Shmeleva, E. Ya. (2005) Kvantifikatsiia kak osnova russkogo anekdota [Quantification as the basis of a Russian anecdote (joke)]. In: *Logicheskii analiz iazyka. Kvantifikativnyi aspekt iazyka [Logical analysis of the language. Quantifying aspect of language]* / ed. by N. D. Arutiunova. Moscow, Indrik. 672 p. Pp. 560–569. (In Russ.).

*Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnic and religious diversity of Russia]* (2017) / ed. by V. A. Tishkov and V. V. Stepanov. Moscow, IEA RAN. 551 p. (In Russ.).

Submission date: 02.09.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.7

Статья

## Этнолингвомаркёры в переводных текстах тувинских народных сказок: лингвокультурологический комментарий

**Галина Н. Воронцова, Маммадали М. Гасанов**

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация



В статье представляются основные положения лингвокультурологического комментирования этнолингвомаркёров в переводных текстах тувинских народных сказок. Источниками для исследования послужили 68 текстов тувинских народных сказок из пяти переводных изданий.

Выявляются и формулируются особенности лексем-этнолингвомаркёров. Выделяются две их группы — имена собственные и нарицательные, каждая имеет соответствующие подгруппы. В переводных текстах они представляются в различных вариантах: семантизация, пропуск, замена.

Этнолингвомаркёры — имена собственные — антропонимы и топонимы. Наричательные подразделяются на следующие подгруппы: названия артефактов материальной культуры; лексем, обозначающие растения и животных; этнолингвомаркёры, связанные с описанием общественного устройства; названия духов и чудовищ; этнолингвомаркёры, связанные с шаманизмом и буддизмом; лексем, имеющие в словарях помету «фольклорное». К непереуведенным лексемам-этнолингвомаркёрам приуыкают и тувинские междоуетные выражения, сохраняемые в текстах сказок на русском языке.

Помимо лингвокультурологического комментария к этнолингвомаркёрам, для понимания важен также культурологический комментарий, связанный с описанием обычаев и мифологического устройства мира.

**Ключевые слова:** лингвокультурологический комментарий; народная сказка; Тува; тувинская сказка; перевод; этнолингвомаркёр; тувинский фольклор

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.



### Для цитирования:

Воронцова Г. Н., Гасанов М. М. Этнолингвомаркёры в переводных текстах тувинских народных сказок: лингвокультурологический комментарий // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 104-114. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.7>



**Воронцова Галина Николаевна** — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, Миклухо-Маклая, д. 6. Тел./факс: +7 (495) 434-20-12. Эл. адрес: galin-voroncova@yandex.ru

**Гасанов Маммадали Магсад оглы** — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, Миклухо-Маклая, д. 6. Тел. +7 (925) 036-57-56. Эл. адрес: mamedali.hasan.96@gmail.com



**VORONTSOVA, Galina Nikolaevna**, Postgraduate student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Tel./fax: +7 (495) 434-20-12. Email: galin-voroncova@yandex.ru **ORCID ID: 0000-0002-6652-5112**

**GASANOV, Mamedali Magsad ogly**, Postgraduate student, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Tel.: +7 (925) 036-57-56. Email: mamedali.hasan.96@gmail.com **ORCID ID: 0000-0002-8417-8599**



Article

## Ethnolinguistic markers in translated texts of Tuvan folk-tales: a linguocultural commentary

**Galina N. Vorontsova, Mammadali M. Gasanov**  
RUDN University, Russian Federation

*The article presents the main principles of linguocultural commenting on the ethnolinguomarkers appearing in translated texts of Tuvan folk tales – all in all, 68 texts from five translated editions.*

*The specific features of ethnically marked lexemes appear in both groups we have studied — proper and common nouns, each with respective sub-groups of their own. In translated texts these units can be dealt with by means of semantization, a lexical gap or finding a replacement.*

*Ethnolinguomarkers which are proper nouns come as anthroponyms or place-names. Those which are common nouns can be further subdivided into those describing artefacts of material culture; plants and animals; words dealing with social structure; names of spirits and monsters; those dealing with Shamanist and Buddhists practices; and those marked “folklore word” in the dictionaries. Tuvan interjections preserved in Russian translations of folk tales belong to the class of untranslated ethnolinguomarkers.*

*Besides this linguoculturological commentary that ethnically marked lexemes receive in the article, a purely cultural commentary is also important for understanding them. This kind of commentary provides information on folk customs, traditions and the mythological structure of the world.*

**Keywords:** linguoculturological commentary; folk tale; Tuva; Tuvan folk tales; translation; ethnolinguomarker; Tuvan folklore

---

*The article was supported by the Program of Strategic Academic Development, RUDN University.*

---



**For citation:**

Vorontsova G. N. and Gasanov M. M. Etnolingvovmarkery v perevodnykh tekstakh tuvinskikh narodnykh skazok: lingvokul'turologicheskii kommentarii [Ethnolinguistic markers in translated texts of Tuvan folk-tales: a linguocultural commentary]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 104-114. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.7>

---

### **Введение**

Специалистами признано, что лингвокультурологический анализ языковых единиц «опирается на данные об этносе, его традициях, обычаях и мироустройстве» (Паремиология без границ, 2020: 211). Применяя лингвокультурологический подход, мы стремимся, вслед за М. Л. Ковшовой, к культурной интерпретации, «понимаемой как референция к предметной области культуры, в исследовании этого процесса и описании содержания, которое создаётся в его результате — культурной коннотации» (Ковшова, 2012: 148).

Термин *этнолингвомаркёр*, введённый в современный филологический обиход О. В. Ломакиной, означает такие компоненты паремии или фразеологизма, которые «отражают национальное своеобразие и могут не иметь прямых аналогов в другом языке» (Ломакина, 2010: 217). Исследователь выделяет следующие группы номинаций-этнолингвомаркёров в паремиях: имена собственные, названия артефактов материальной культуры и этнонимы. Мы считаем особенно важным изучение подобных лексем, так как в них наиболее ярко проявляются этнокультурные элементы когнитивной системы. Исследование этнолингвомаркёров как репрезентантов этнической картины мира по-





могает реконструировать её и глубже постичь этнокультурную специфику текстов. Составление лингвокультурологического комментария к этнолингвомаркёрам важно для осуществления успешной лингвокультурной коммуникации, так как в иноязычной, инокультурной аудитории эти слова вызывают затруднения в понимании, заключая в себе при этом этническое своеобразие.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей лексем-этнолингвомаркёров, имеющих лингвокультурологический комментарий и требующих комментирования при переводе фольклорных текстов. Материалом исследования выступают тексты тувинских народных сказок, изданных в пяти книгах, переведённых на русский язык<sup>1</sup>. Выбор жанра сказки детерминирован тем, что это древний фольклорный жанр, имеющий этническое своеобразие и формирующий систему ценностей этноса. Для этого жанра актуален лингвокультурологический анализ, и, даже при наличии имеющихся переводных изданий, необходим комментарий.

### ***Из истории исследования тувинских народных сказок***

Д. С. Куулар в предисловии к сборнику тувинских народных сказок отмечает<sup>2</sup>, что первым собирателем тувинского фольклора в 1861 г. стал академик В. В. Радлов, записавший во время своей поездки в Туву две сказки и опубликовавший<sup>3</sup> их несколькими годами позже в Петербурге. Впоследствии записью и публикацией тувинских народных сказок занимались исследователь Сибири Г. Н. Потанин<sup>4</sup> и известный тюрколог Н. Ф. Катанов<sup>5</sup>, собравший почти полторы тысячи фольклорных произведений разных жанров, среди которых было двенадцать сказок. Затем, в самом начале XX века, ученый-этнограф и польский революционер Ф. Я. Кон, участвовавший в экспедиции Русского географического общества в Туву, записал двенадцать тувинских сказок, восемь из которых позже были опубликованы на русском языке<sup>6</sup>.

Регулярно собирать и публиковать тувинский фольклор после многолетнего перерыва начали в 1930 г., после создания тувинской письменности на основе кириллицы. Так, в 1938 г. под названием «Тоолдар» в свет выходит первый сборник тувинских народных сказок. Затем, с 1947 г. начинается лучшая пора публикации и изучения тувинской сказки, когда Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории постепенно печатает девять выпусков сказок на тувинском языке и четыре выпуска — на русском<sup>7</sup>.

Принято считать, что научное изучение тувинской сказки началось именно с предисловия к сборнику 1947 г., написанного поэтом и переводчиком С. А. Сарыг-оолом (Самдан, 1994: 14). В предисловии ставится вопрос о задачах изучения текстов тувинских народных сказок. В 1955 г. была защищена диссертационная работа И. А. Вчерашней «Тувинские народные сказки»<sup>8</sup>. В ней рассматриваются сюжеты и образы тувинских сказок, их поэтика.

<sup>1</sup> Использовались следующие сборники: Самдан З. Б. Песни тайги. Тувинские народные сказки. М.: Марджани, 2017. 96 с.; Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. 96 с.; Тувинские народные сказки / сост. М. Г. Ватагин. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 208 с.; Тувинские народные сказки / сост. М. А. Хадаханэ. М.: Детская литература, 2019. 80 с.; Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск: Наука, 1994. 460 с.

<sup>2</sup> Тувинские народные сказки / сост. М. Г. Ватагин. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 5.

<sup>3</sup> Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1866. 494 с.

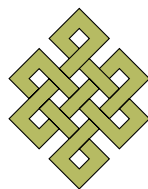
<sup>4</sup> Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполн. в 1876-1877 г. по поруч. Имп. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. Вып. 1-4. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1883. 1026 с.

<sup>5</sup> Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. 9. Перевод / тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1907. 658 с.

<sup>6</sup> Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. М.: Изд-во Всес. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 319 с.

<sup>7</sup> Куулар Д. С. Предисловие // Тувинские народные сказки / сост. М. Г. Ватагин. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 6-7.

<sup>8</sup> Вчерашняя И. А. Тувинские народные сказки: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1955. 16 с.



Значительный вклад в изучение тувинских народных сказок внесли Э. Таубе, переводившая тувинские сказки на немецкий язык<sup>1</sup>, и Д. С. Куулар, давший сказкам жанровую классификацию<sup>2</sup>. На сегодняшний день одним из ведущих исследователей тувинских сказок считается З. Б. Самдан, которая издала ряд трудов<sup>3</sup> по тувинскому фольклору, а также дала подробную характеристику тувинских сказок в предисловии к одному из самых известных академических изданий (Самдан, 1994). Отметим, что в этом предисловии З. Б. Самдан рассматривает некоторые специфические тувинские лексемы и даёт научный комментарий к ним.

Однако подчеркнем такой факт: когда тувинские сказки изучаются исследователями, владеющими тувинским языком, тема этнолингвомаркёров не рассматривается. Причина, возможно, в том, что для тувиноязычного читателя и исследователя нет необходимости рассматривать тувинские сказки как тексты, в которых есть специфические тувинские лексемы, хотя при этом в текстах традиционно выделяются тувинские имена и топонимы. Поэтому, по нашему мнению, введение термина «этнолингвомаркёр» необходимо в первую очередь для нетувиноязычного читателя и исследователя.

### **Имена собственные как этнолингвомаркёры**

Исследователи считают, что имена собственные представляют собой «особый пласт лексики, в котором воплощаются не только структурная специфика того или иного языка, но также менталитет, культура, традиции народа — носителя языка» (Опарина, 2020: 152). Представим анализ обширной группы лексем-этнолингвомаркёров, которые являются **именами собственными**. Среди них можно выделить две большие подгруппы: антропонимы/зоонимы и топонимы.

Рассмотрим примеры имеющихся в изданиях комментариев к этнолингвомаркёрам-**антропонимам** и этнолингвомаркёрам-**зоонимам**.

Так, в сказке «Хан-Хулюк и его конь Хан-Шилги» без комментария от нетувиноязычного читателя и исследователя были бы скрыты смысловая нагрузка и ассоциативный фон имён собственных *Хулюк* 'удалой', *Улуг-Билек* 'большое запястье', *Биче-Билек* 'маленькое запястье' и *Хан-Шилги* 'горячая кровь', *Сай-Куу* 'молодая лебёдушка', *Алдын-Оюу* 'золото и бирюза':

*<...> Жил на свете богатырь Хан-Хулюк. <...> И были у него два стеклянных дворца, упирившихся в небеса, и три могучих коня: Улуг-Билек, Биче-Билек и Хан-Шилги. <...> Жену богатыря звали Сай-Куу. Была у него также младшая сестра по имени Алдын-Оюу <...><sup>4</sup> (здесь и далее в цитатах выделено жирным курсивом нами. — Г. В., М. Г.).*

В сказке «Хан — ослиные уши» встречаем имя собственное *Элчиген-кулак-хаан* 'хан — ослиные уши'. Несмотря на то, что оно семантизировано в заглавии сказки, в самом тексте перевода сказки имя собственное встречается 17 раз в непереверённом виде:

*— Будь ты проклят, Элчиген-кулак-хан!*

*И вдруг слышит — шепчут листья тополя: «Элчиген-кулак-хан». А им вторит налетевший ветерок: «Элчиген-кулак-хан». Шумят волны озера: «Элчиген-кулак-хан».<sup>5</sup>*

При представлении и публикации тувинских народных сказок на русском языке в отношении лексем-этнолингвомаркёров, являющихся именами собственными, используются различные стратегии. Эти стратегии удобно проиллюстрировать на примере сравнения текстов сказки из сборника второй половины XX века<sup>6</sup> и современного сборника, в котором текст представлен на тувинском и русском языках<sup>7</sup>. В современном сборнике активно используется **семантизация**, раскрывается значение лексем, в то время как в сборнике 1971 г. в этих предложениях семантизация отсутствует.

<sup>1</sup> Список работ Э. Таубе на немецком языке см.: Сказки и предания алтайских тувинцев / собраны Э. Таубе. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 382 с. С. 51–52.

<sup>2</sup> Куулар Д. С. История и современность. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2002. 144 с.

<sup>3</sup> Самдан З. Б. От фольклора к литературе. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1987. 78 с.; Самдан З. Б. Лики тувинской словесности. Ч. 1. За фольклорным жемчугом. Кызыл: Республиканская типография, 2001. 115 с.

<sup>4</sup> Самдан З. Б. Песни тайги. Тувинские народные сказки. М.: Марджани, 2017. С. 42.

<sup>5</sup> Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 57.

<sup>6</sup> Тувинские народные сказки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 208 с.

<sup>7</sup> Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. 96 с.



Приведём примеры:

<p><i>Улуг-Билек, Биче-Билек, Хан-Шилги үш аъттыг, аалының артын кадагалаан Алдын-ала эзирлиг, аалының баарын кадагалаан Начын-бора хартыгалыг, алды айда аңнап үнер алды баштыг тайгалыг, Сай-Куу кадынныг, Алдын-Оюу дуңмалыг эрниц эреси Хан-Хүлүк дээрзи чораан чүвең иргин.<sup>1</sup></i></p>	<p><i>Звали его Хан-Кулюг, что значит <b>Алый Герой</b>. Было у него три выносливых коня, и среди них — неумомимый Хан-Шилги, <b>красно-рыжий</b> конь.<sup>2</sup></i></p>	<p><i>Раньше раннего, древнее древнего жил добрый богатырь Хан-Хулюк. &lt;...&gt;. Было у него два стеклянных дворца, упершихся в небо, и три выносливых коня: &lt;Улуг-Билек, Биче-Билек&gt; и Хан-Шилги.<sup>3</sup></i></p>
--	---	--

На примере приведённых выше отрывков на русском языке можно рассмотреть и другую популярную стратегию в отношении лексем-этнолингвомаркёров. Она заключается в том, что имена собственные-этнолингвомаркёры часто опускаются в тексте при переводе на русский. Так, в рассматриваемом выше примере из современного сборника мы не находим зоонимов *Улуг-Билек* ‘большое запястье’ и *Биче-Билек* ‘маленькое запястье’, несмотря на то, что они присутствуют в тексте на тувинском языке того же издания<sup>4</sup>, представленном выше.

В примерах, представленных ниже, применяется ещё одна стратегия — стратегия замены зоонимов-этнолингвомаркёров на переводные эпитеты, при этом важно заметить, что в тексте сказки на тувинском языке того же издания зоонимы-этнолингвомаркёры фигурируют в качестве имён собственных:

<p><i>&lt;Улуг-Билек, Биче-Билек, Хан-Шилги үш аъттыг&gt;, аалының артын кадагалаан Алдын-ала эзирлиг, аалының баарын кадагалаан <b>Начын-бора</b> хартыгалыг, алды айда аңнап үнер алды баштыг тайгалыг, Сай-Куу кадынныг, Алдын-Оюу дуңмалыг эрниц эреси Хан-Хүлүк дээрзи чораан чүвең иргин.<sup>5</sup></i></p>	<p><i>Были у него могучий <b>пестрый</b> орел, который сторожил его аал с северной стороны, и <b>стремительный серый</b> сокол, который охранял его аал с южной стороны.<sup>6</sup></i></p>	<p><i>Был у него <b>Алдын-Ала-орел</b>, который сторожил его аал с этой стороны, и был <b>Начин-Бора-ястреб</b>, который охранял его аал с той стороны.<sup>7</sup></i></p>
---	--	---

*Алдын-Ала* означает буквально ‘пестро-золотой’, что трансформируется в нарицательное *пестрый* в тексте на русском языке. *Начин-Бора* значит ‘сильный серый’, отсюда эпитеты *стремительный серый*.

Возможность и естественность такой замены при переходе с одного языка на другой определяется разницей в морфологическом строе двух языков: русский язык типологически флективный<sup>8</sup>, а тувинский — агглютинативный<sup>9</sup>, и для агглютинации весьма характерно добавление понятий.

<sup>1</sup>Тыва улустуң тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 3.

<sup>2</sup>Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 3.

<sup>3</sup>Тувинские народные сказки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 42.

<sup>4</sup>Тыва улустуң тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 3.

<sup>5</sup>Там же.

<sup>6</sup>Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 3.

<sup>7</sup>Тувинские народные сказки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 42.

<sup>8</sup>Флективными называют языки, для которых характерны «полифункциональность грамматических морфем, наличие фузии, фонетически не обусловленных изменений корня, большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения», см.: Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 682 с. С. 511.

<sup>9</sup>Агглютинативными называют языки, для которых характерны «развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации, отсутствие фонетически не обусловленного алломорфизма, единый тип склонения и спряжения, грамматическая однозначность аффиксов, отсутствие значимых чередований», см.: Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 682 с. С. 511.



Кроме этнолингвомаркёров-антропонимов и зоонимов, в проанализированных текстах переводов тувинских народных сказок есть большое количество непереведённых тувинских лексем-этнолингвомаркёров, которые представляют собой имена собственные-**ТОПОНИМЫ**. Топонимы имеют важное культурологическое значение, так как они «являются обозначением уникальных географических объектов, имеющих свою историю и символизирующих для носителей языка те или иные характерные черты» (*Паремнология без границ*, 2020: 211). В изучение топонимов Тувы значительный вклад внесла Б. К. Ондар, являющаяся главным специалистом в этой области и составителем топонимических словарей Тувы (*Сувандии*, 2018: 4). Среди топонимов в сказках встречаются гидронимы, то есть тувинские обозначения различных водных объектов (*Каксин*, 2018). Так, в сказке «Хан-Хулюк и его конь Хан-Шилги» встречаем название озера Хиндиктиг ‘с пуповиной’. Так тувинцы обозначают озеро с островом посередине. В основу номинации положена метафора по сходству:

*Однажды, когда так я болела, твой добрый отец вылечил меня семью чёрными пенами с гребней семи волн, бегущих одна за другой по озеру Хиндиктиг*<sup>1</sup>.

В сказке «Оскюс-оол и Дилгижек»<sup>2</sup> определение хронотопа включает в себя название озера Сут-Холь ‘молочное озеро’ и мифического хребта Сюмбер-Ула, который часто встречается в тувинском фольклоре и «указывает на давность времени» (*Ондар, Кошкендей, Хомушку*, 2018: 56). Озеро Сут-Холь легко найти на карте Тувы, оно находится недалеко от города Чадан, его округа является местом летнего пастбища и популярна у животноводов. По поверьям буддистов, именно у озера Сут-Холь располагается вход в мистическое царство Шамбалы. При этом в рассматриваемой сказке перед нами хронотоп, сочетающий реальный географический объект (озеро Сут-Холь) и вымышленный топоним (хребет Сюмбер-Ула):

*Было это давным-давно, когда озеро Сут-Холь было ещё маленькой лужей, а хребет Сюмбер-Ула — маленькой сопкой*.<sup>3</sup>

Отдельный интерес представляет слово *тайга*, которым в тувинском языке, как и во многих других тюркских языках, обозначается не хвойный лес, а горный хребет или гора, частично покрытая лесом. Это пример межязыковых омонимов, или ложных друзей переводчика, при этом лексема *тайга* довольно частотна в текстах тувинских народных сказок. В сказке «Хан-Хулюк и его конь Хан-Шилги» определения *шестивершинная* и *семивершинная* становятся читателю более понятны, если учитывать тувинское значение слова:

*А ещё были у Хан-Хулюка шестивершинная тайга, где он добывал зверя шесть месяцев, и семивершинная тайга, где охотился семь месяцев*.<sup>4</sup>

В сказке «Оскюс-оол, который пел песни тайги»<sup>5</sup> встречается название сказочного топонима — фольклорной горы *Каргыра-Карангыты тайга*. По преданиям, склоны этой горы покрыты темным и дремучим лесом:

*В давние времена в Каргыра-Карангыты-тайге, на лесистом склоне, жил был старик Челедей со своею женой*.<sup>6</sup>

Стратегия, часто применяемая по отношению к этнолингвомаркёрам-топонимам, заключается в том, что эти лексеммы опускаются в тексте на русском языке. Так, в рассматриваемом ниже примере из современного сборника тувинских народных сказок мы не находим географических названий *Овюр* и *Каргы*, несмотря на то, что они представлены в тексте на тувинском языке того же издания<sup>7</sup>. Сказочное сравнение величины табуна с величиной географических объектов здесь заменяется определением *лучший*. В том же предложении другой сборник сказок<sup>8</sup> применяет иную стратегию, сохраняя топонимы в тексте сказки:

<sup>1</sup> Самдан З. Б. Песни тайги. Тувинские народные сказки. М.: Марджани, 2017. С. 61.

<sup>2</sup> Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 19–24.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Самдан З. Б. Песни тайги. Тувинские народные сказки. М.: Марджани, 2017. С. 42.

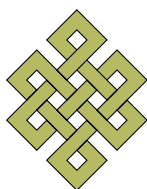
<sup>5</sup> Там же. С. 81–84.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 6.

<sup>8</sup> Тувинские народные сказки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. 208 с.





<p>Өвүрүмге деңнэн өле бараан чылгым хавырып, Каргымга деңнэн кара бараан чылгым хавырып чоруур сен, дуңмам — дээш, аалынче чандырыпкаш, боду алды баштыг тайгазынче аңын аңнап үне берген<sup>1</sup>.</p>	<p>Будешь ухаживать за моим <b>лучшим</b> табуном. Иди в мой аал<sup>2</sup>.</p>	<p>Будешь ухаживать за моим серым табуном величиной с <b>Овюр</b> и за моим черным табуном величиной с <b>Каргы</b>. Иди в мой аал<sup>3</sup>.</p>
---	---	---

Итак, среди этнолингвомаркёров, представленных именами собственными, выделено две большие подгруппы: антропонимы/зоонимы и топонимы. Выявлено, что при представлении текстов тувинских народных сказок на русском языке в отношении лексем-этнолингвомаркёров обеих подгрупп применяются различные стратегии: семантизация, пропуск, замена.

### Этнолингвомаркёры — имена нарицательные

Наряду с уже рассмотренной нами группой лексем-этнолингвомаркёров, представленных различными именами собственными, выявлена и обширная разнородная группа этнолингвомаркёров, выраженных именами нарицательными. В ней мы выделили следующие подгруппы:

- 1) названия артефактов материальной культуры;
- 2) лексемы, обозначающие растения и животных;
- 3) этнолингвомаркёры — «социальные термины»;
- 4) названия дүхов и чудовищ;
- 5) этнолингвомаркёры, связанные с шаманизмом и буддизмом;
- 6) лексемы, имеющие в словарях помету «фольклорное».

Самой представительной является подгруппа этнолингвомаркёров, обозначающих **артефакты** материальной культуры тувинского народа. Внутри неё можно выделить отдельные множества: названия еды и напитков (*борзак* (*боорзак*) — мучное блюдо, *тара* (*тараа*) — просо, *божа-хойтпак* — блюдо из молока, *хевек* — шелуха просяная, *бора-быда* (*быдаа*) — суп крупяной, *арака* (*арага*) — водка из молока, *итпек* — смесь из молока), предметов одежды и обуви (*содак* — традиционный борцовский костюм, *тон* — халат, *идыки* (*идик*) — сапоги, *хевенек* — войлочная куртка) и быта (*олбук* — коврик для сидения, *домбуу* — кувшин, *когержик* (*көгээржик*) — фляга для араки, *ширэ* (*ширээ*) — столик).

Так, в сказке «Ак-Сагыш и Кара-Сагыш»<sup>4</sup> один из героев, оказавшись в чужом чуме, сделал следующее: *Залез он под **орун** и стал ожидать — кто же придет?*<sup>5</sup> *Орун* — это кровать или сиденье.

Лексема, указывающая на другой предмет быта — *аптара* ‘сундук’, упоминается в сказке «Кодуроол и Биче-кыс»<sup>6</sup>: *Пол юрты был покрыт узорными коврами, вдоль стен стояли **аптара**, украшенные чеканкой и наполненные доверху дорогими мехами и драгоценностями*<sup>7</sup>.

В сказке «Оскюс-оол и Золотая царевна»<sup>8</sup> встречаем лексему *олбук*. Это традиционная подстилка из войлока, в рассматриваемой сказке коврик из войлока описывается как девятислойный: *Усадил он Оскюс-оола на белый девятирядный **олбук** и стал угощать крепким чаем, сладостями и лепёшками*<sup>9</sup>.

В той же сказке находим и упоминание *араки*, или традиционной молочной водки, алкогольного напитка, изготовляемого из кислого молока. Изначально употребление араки было сугубо ритуальным и дозволялось только взрослым мужчинам перед лицом старейшин: *Остался Оскюс-оол в юрте Караты-хана, стали ему прислуживать ханские слуги — еду подносить, **араку** наливать*<sup>10</sup>.

<sup>1</sup>Тыва улустун тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 6.

<sup>2</sup>Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 6.

<sup>3</sup>Тувинские народные сказки. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. С. 44.

<sup>4</sup>Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 20.

<sup>5</sup>Там же.

<sup>6</sup>Там же. С. 7–19.

<sup>7</sup>Там же. С. 10.

<sup>8</sup>Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 3–18.

<sup>9</sup>Там же. С. 9.

<sup>10</sup>Там же. С. 15.



В сказке «Балан-Сенги»<sup>1</sup> заглавный герой, желая обхитрить чертей и упоминая в числе прочего блюда тувинской национальной кухни *чокпек* и *курут*, так отвечает на вопрос о том, чего боится: *Улуг-улуг ужа, төш, улуг хырын чөкпек, улуг-улуг теве тараа куруттардан коргар мен, а дадайым!*<sup>2</sup> *Большущих курдюков, грудины, чокпека в брюшине, курута со ступню верблюда.*<sup>3</sup> Подстрочный перевод тувинского фрагмента выглядел бы следующим образом: «Больших бараньих курдюков, грудники, больших внутренностей, курута (кусков сыра), похожих на большие верблюжьих зерна, я боюсь, ой, боюсь». *Чөкпек* — это блюдо, приготовляемое из гущи, которая остается после топления масла, а *курут* — один из видов сушеного творога.

В другой сказке — «Оскюс-оол и Дилгижек»<sup>4</sup> — герой примеряет *идыки* (*идик*). Это тувинская национальная обувь, представляющая из себя кожаные сапоги на толстой подошве с загнутыми носками:

*Побежал Дилгижек проворно к Оскюс-оолу, нарядил его в чёрную соболью шапку, синий шёлковый халат, в чёрные идыки*<sup>5</sup>.

**Также есть отдельная подгруппа лексем-этнолингвомаркёров, служащих для обозначения растений и животных.** Например, в сказке «Почему птицы не говорят»<sup>6</sup> остается непереуведенной лексема *тарбаган* 'сурок'. *Тарбаган* — это особый монгольский сурок, который обитает в степях Забайкалья, Тувы и Монголии:

*Жил на горе Дарбайты орёл. Однажды сидел он голодный на вершине горы и высматривал, не покажется ли из норки тарбаган*<sup>7</sup>.

В сказке «Хеверик»<sup>8</sup> читателю необходимо представлено в издании пояснение, что *сарана* — это растение, а его стебли и корни традиционно употребляют в пищу: *Не на чем мне ехать в дальние земли. Пойду я мальков ловить да сарану собирать*<sup>9</sup>.

Читая сказку «Балан-Сенги»<sup>10</sup> важно знать, что *карагана* — это колючий кустарник, иначе сложно понять, почему *Черти обходят караганник, стонут, ахают и охают*.<sup>11</sup> *Азалар оон корткаш, оюп-кыйып, ондап-остап бар чыдырда, күжүр Балаң-Сеңги хааржаан, чүктевишаан кызыл хараган аразынче кире халаан иргинем*.<sup>12</sup> Приведём подстрочный перевод этой фразы: «Черти, испугавшись, охая, ахая и стеноая, бедного Балан-Сенги в коробке взвалив, между красных хараганов юркнули».

Следует выделить в отдельную подгруппу лексем-этнолингвомаркёры, которые можно назвать «социальными терминами» (*аал*, *дужумет* (*дүжүмет*) 'чиновник', *хурал* 'совет', *чангы*, *хюндю* (*хүндү*) — чиновничьи звания). Среди этих лексем-терминов наиболее частотной является лексема *аал*, обозначающая временное поселение, группу юрт, кочующих вместе, и употребляющаяся в значении 'небольшой стан из нескольких юрт (двух, трех и более)' в сказке «Хитрый и богатый»<sup>13</sup>:

*Собрал Аргалыг пепел в мешок и отправился к Караты-хану. Идёт по аалу и мешок к груди прижимает, будто сокровище. Увидели это ханские дочери и окружили его — просят показать, что у него в мешке*<sup>14</sup>.

В сказке «Волк и жеребенок»<sup>15</sup> волк неожиданно вспоминает, что он не чиновник, при этом без лингвокультурологического комментария читателю непонятно, что имеется в виду. Волк спал, утомленный после езды верхом. Когда он просыпается, то упоминает должности *чангы* и *хюндю*, поскольку эти чиновники перемещаются верхом, торжественно, быстро и с целой свитой:

<sup>1</sup> Тыва улустуң тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 36–48.

<sup>2</sup> Там же. С. 39.

<sup>3</sup> Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 28.

<sup>4</sup> Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 19–24.

<sup>5</sup> Там же. С. 22.

<sup>6</sup> Там же. С. 64–66.

<sup>7</sup> Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 64.

<sup>8</sup> Там же. С. 39–52.

<sup>9</sup> Там же. С. 47.

<sup>10</sup> Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 25–31.

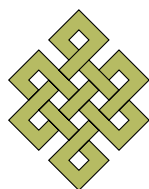
<sup>11</sup> Там же. С. 28.

<sup>12</sup> Тыва улустуң тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 39.

<sup>13</sup> Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 25–30.

<sup>14</sup> Там же. С. 26.

<sup>15</sup> Самдан З. Б. Песни тайги. Тувинские народные сказки. М.: Марджани, 2017. С. 76–78.



*Спал-спал волк в степи, проснулся: опять он один, а жеребёнка и след простыл. “Какой же я бестолковый! Разве я **чангы** или **хюндю**, чтобы ездить на коне мелкой и крупной иноходью, да ещё рысью скакать?”<sup>1</sup>*

Среди лексем-этнолингвомаркёров можно отметить названия **дүхов** и чудовищ, чаще злых (эрлик ‘древнее божество смерти’, шулбус, маңгыс ‘чудовище’, албыс ‘злой дух, ведьма’). Так, например, лексема шулбус ‘злой одноглазый дух, демон’ требует лингвокультурного комментария. В изученных нами 68 текстах тувинских народных сказок эта лексема встречается 24 раза. Например:

«Хан-Хулюк и его конь Хан-Шилги»: *Это не простые мальчики, это страшные **шулбусы**, которые с расстояния дня езды чуют запах человеческих подмышек, с расстояния полудня езды чуют запах плесени*<sup>2</sup>;

«Боралдай»: *Однажды невеста откуда налетел **злой** дух — одноглазый **Шулбус** и стал пожирать скот*<sup>3</sup>.

Примечательно, что во втором примере значение слова шулбус семантизировано.

Встречаются в текстах тувинских народных сказок этнолингвомаркёры, связанные с шаманизмом и буддизмом. Необходимо подчеркнуть, что их не всегда можно отнести к исключительно тувинским этнолингвомаркёрам. Таковыми они могут считаться, если содержат тувинскую версию буддийского термина. Если же термин не имеет тувинской версии, не изменен и является общим для тибетцев, монголов и пр., то это этнолингвомаркёр не только тувинской традиции, тувинской культуры, но и более широкого ареала — буддийской культуры тибетской традиции.

Так, например, в тексте сказки «Балан-Сенги»<sup>4</sup> упоминается священная молитвенная книга буддизма судур (тувинская версия буддийского термина «сутра»):

*Шьяанам, төрел-дөргүл, ада-ие, алган кадай-даа чок, акы-дуңмазы, азыраан малы, адаанга мунар ады-даа чок, эт-херекселинден холунга тудар кызыл сыптыг кымчылыг, хойлап чоруур сарыг сыптыг кестиктиг, кара чаңгыс хопчу кара судурлуг Балаң-Сеңги чурттап чораан чүвези иргинем*<sup>5</sup>.  
*<...> Имел он при себе плет с красной ручкой, ножичек с желтой рукояткой и **судур** за пазухой*<sup>6</sup>.

Отметим, что в переводном издании фраза значительно сокращена. Подстрочный перевод тувинского фрагмента: «Не имеющий родных, родителей, жены, братьев, сестер, скота, коня, имеющий плет с красной ручкой, пасущий овец, имеющий только ножик с желтой ручкой и только черный судур, жил-был Балан-Сенги».

Религиозный синкретизм шаманизма и буддизма (Хомушку, 2005: 46), укоренившийся в тувинской культуре, находит свое отражение и в тувинских народных сказках. Так, в сказке «Мальчик с пальчик»<sup>7</sup> хан для охраны одновременно прибегает к помощи лам, то есть монахов, служителей буддийского храма, и шаманов, людей с особыми способностями, общающихся с духами:

*Вернулся Караты-хан в свой аал и начал готовиться. В три кольца окружило войско аал хана. Около привязи хан поставил двух злых верблюдов. У входа в юрту посадил двух злых собак. В юрте двое **лам** сели по одну сторону, двое **шаманов** — по другую. На юрту забрались два человека с ковшами масла, чтобы подливать его в огонь. Сам хан лёг посередине юрты и думает: “Охрана у меня надёжная. Поймает воришку”<sup>8</sup>.*

В отдельную подгруппу можно выделить часто повторяющиеся в текстах тувинских народных сказок непереуслеленные лексем-этнолингвомаркёры, имеющие в словарях помету «**фольклорное**». К ним относятся лексемы аржаан ‘целебная, живая вода’, хевенек ‘войлочная куртка’, шивишкин ‘ханская приживалка, доносчица’.

Рассмотрим пример из сказки «Хан-Хулюк и его конь Хан-Шилги»<sup>9</sup>:

*На следующий день красавица Алдын-Хува и её мать-шивишкин проводили Хан-Хулюка в далёкий путь*<sup>10</sup>.

<sup>1</sup> Самдан З. Б. Песни тайги. Тувинские народные сказки. М.: Марджани, 2017. С. 76.

<sup>2</sup> Там же. С. 55.

<sup>3</sup> Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 36.

<sup>4</sup> Тыва улустун тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 36–48.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 25.

<sup>7</sup> Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 31–34.

<sup>8</sup> Там же. С. 32.

<sup>9</sup> Самдан З. Б. Песни тайги. Тувинские народные сказки. М.: Марджани, 2017. С. 42–69.

<sup>10</sup> Там же. С. 51.



К непереуведенным лексемам-этнолингвомаркёрам примыкают и междоветные выражения, сохраняющие в тексте сказок тувинский колорит. Представленное в примерах ниже междоветие *ии дадай* означает 'ой, как страшно! ой, какой ужас!', а междоветное выражение *авыра-азара* значит 'боже мой! боже сохрани':

*Ий дадай, та чүү деп чүвези чүве!*<sup>1</sup> *Ии дадай, это неведомое, непонятное существо!*<sup>2</sup>

*Авыра-авыра, мени эдертин, эрлик оранынга чедирип көрүңер, мен болза өлүп калган кижин мен, акыларым — деп алгырып үндүрүп-түр эвеспе аан.*<sup>3</sup> *Авыра-азара, постоите же братья!*<sup>4</sup> Подстрочный перевод тувинского текста: «Боже мой! Возьмите меня с собой, отведите к месту, где живет Эрлик, я ведь умер, братья мои!» Так кричал он».

*Ий дадай, дадай! — джип, дэвидеп чораан.*<sup>5</sup> *Ии дадай! — спохватились черти.*<sup>6</sup> Подстрочный перевод тувинского текста: «Ии, как страшно! Так говоря, трепетали».

Кроме имеющегося в изданиях лингвокультурологического комментария к непереуведенным лексемам-этнолингвомаркёрам, интерес также вызывает культурологический комментарий, связанный с описанием обычаев и мифологического устройства мира.

Так, в комментариях к сказке «Хеверик»<sup>7</sup> поясняется, что небо, в представлении древних тувинцев, многоярусное и состоит из многих ступеней: *Что это вы сегодня невесёлые, дорогие братья? Ведь это я, ваш брат, на седьмую ступеньку неба заскочил.*<sup>8</sup>

Из культурологического комментария к сказке «Боралдай»<sup>9</sup> читатель узнает, что признак крайней бедности для тувинцев — пить чай без молока: *Налила старуха ему чаю без молока и спросила: — Откуда идёшь, куда путь держишь?*<sup>10</sup>

Итак, помимо лингвокультурологического комментария к этнолингвомаркёрам, для понимания важен также культурологический комментарий, связанный с описанием обычаев и мифологического устройства мира. Мы считаем, что комментарий должен быть расширенным, так как в противном случае в иноязычной, инокультурной аудитории эти слова и концепты вызывают затруднения в понимании, а знание этнокультурной специфики позволяет полнее раскрыть глубинный, символический смысл сказок.

## Заключение

Таким образом, в рассмотренных переводных текстах тувинских народных сказок встречается много специфических лексем, в которых находит отражение кочевая культура и тип хозяйства народа, поэтому для их понимания необходим расширенный лингвокультурологический комментарий, учитывающий экстралингвистические факторы. В исследованных нами тувинских народных сказках этнолингвомаркёрами выступают имена собственные, названия еды, животных, растений, предметов быта и одежды, названия злых дүхов и лексеммы, относящиеся к буддизму, описанию реалий общественного устройства и мифологического устройства мира. Наиболее обширными являются группы лексем-этнолингвомаркёров, представленные именами собственными — антропонимами и топонимами. Через исследование этнолингвомаркёров мы можем точнее средствами русской лингвокультуры реконструировать картину мира тувинского народа и глубже осознать специфику текстов тувинских народных сказок.

<sup>1</sup> Тыва улустун тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 38.

<sup>2</sup> Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 25.

<sup>3</sup> Тыва улустун тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 38.

<sup>4</sup> Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 26.

<sup>5</sup> Тыва улустун тоолдары. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 39.

<sup>6</sup> Тувинские народные сказки. Кызыл: Радуга Тувы, 2019. С. 28.

<sup>7</sup> Тувинские народные сказки. М.: Детская литература, 2019. С. 39–52.

<sup>8</sup> Там же. С. 42.

<sup>9</sup> Там же. С. 35–38.

<sup>10</sup> Там же. С. 36.





При этом полагаем, что необходимость разработки лингвокультурологического комментария не требует обязательного переиздания рассмотренных нами текстов. Достаточным представляется в перспективе издание отдельного труда, в котором этот комментарий может быть развернут и обобщен с учетом нескольких корпусов текстов.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каксин, А. Д. (2018) Гидронимы Тувы: тюркские, монгольские, самодийские // Новые исследования Тувы. № 3. С. 69–82. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.5>
- Ковшова, М. Л. (2012) Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М. : ЛИБРОКОМ. 456 с.
- Ломакина, О. В. (2010) Паремии в текстах Л. Н. Толстого: лингвокультурологический комментарий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. № 6. С. 217–221.
- Ондар, М. В., Кошкендей, И. М., Хомушку, Ч. О. (2018) Топонимы в фольклоре тувинцев (на материале героического эпоса и народных песен) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 53–68. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.4>
- Опарина, Е. О. (2020) Имена собственные: языковые характеристики, функции и методы изучения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. № 3. С. 152–157.
- Паремииология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.
- Самдан, З. Б. (1994) Мир тувинской сказки // Тувинские народные сказки / сост. З. Б. Самдан. Новосибирск : Наука, Сибирская издательская фирма. 460 с. С. 10–34.
- Сувандии, Н. Д. (2018) Вклад Бичен Кыргысовны Ондар в развитие топонимики Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–17. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.1>
- Хомушку, О. М. (2005) Религия в культуре народов Саяно-Алтая. М. : Издательство РАГС. 225 с.

Дата поступления: 14.12.2021 г.

## REFERENCES

- Kaksin, A. D. (2018) *Gidronimy Tuvy: tiurkskie, mongol'skie, samodiiskie* [Water-names of Tuva: Turkic, Mongolian, Samoyed]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 69–82. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.5>
- Kovshova, M. L. (2012) *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Linguoculturological method in phraseology: cultural codes]. Moscow, LIBROKOM. 456 p. (In Russ.).
- Lomakina, O. V. (2010) *Premii v tekstakh L. N. Tolstogo: lingvokul'turologicheskii kommentarii* [Paremiology in the texts by Leo Tolstoy: a linguoculturological commentary]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye humanitarnye issledovaniia*, no. 6, pp. 217–221. (In Russ.).
- Ondar, M. V., Koshkendei, I. M. and Khomushku, Ch. O. (2018) *Toponimy v fol'klоре tuvintsev (na materiale geroicheskogo eposa i narodnykh pesen)* [Place names in Tuvan folklore: the case of heroic epics and folk songs]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 53–68. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.4>
- Oparina, E. O. (2020) *Imena sobstvennyye: iazykovye kharakteristiki, funktsii i metody izucheniiia* [Proper names: language characteristics, functions and methods of study]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 6: Iazykoznanie*, no. 3, pp. 152–157. (In Russ.).
- Paremiologiiia bez granits* [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).
- Samdan, Z. B. (1994) *Mir tuvinskoi skazki* [The world of the Tuvan fairy tale]. In: *Tuvinskie narodnye skazki* [Tuvan folk tales] / comp. by Z. B. Samdan. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaiia izdatel'skaia firma. 460 p. Pp. 10–34. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2018) *Vklad Bichen Kyrgyzovny Ondar v razvitie toponimiki Tuvy* [Bichen Kyrgyzovna Ondar and her contribution to the study of the toponymy of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.1>
- Khomushku, O. M. (2005) *Religiia v kul'ture narodov Saiano-Altaiia* [Religion in the culture of the Sayano-Altai peoples]. Moscow, RAGS. 225 p. (In Russ.).

Submission date: 14.12.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.8

Статья

## Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира

**Елена И. Селиверстова**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация



Биномы — устойчивые пары компонентов, неоднократно встречающиеся в паремиологическом пространстве и осмысляемые именно в паре, — являются важными составляющими тувинских пословиц. Они выражают ценные для культуры установки и наблюдения, фиксируют связи и зависимости — труда и вознаграждения, объема приложенных усилий и полученного результата, поспешности и ее последствий, источника и добываемого из него продукта и т. д. Бинарные структуры участвуют в оценке говорящими временных представлений — интервалов, сезонов, времен года и т. п., в отражении результатов наблюдений за миром природы, закономерности которого проецируются на мир человека.

Исследование основано на анализе паремий, извлеченных методом сплошной выборки из сборников «Тувинские народные пословицы и поговорки» (авт.-сост. И. Плоткина, А. Калзан), «Пословицы и поговорки тувинского народа» (авт.-сост. Б. К. Будун), в отдельных случаях соотносимых с аналогичными единицами русского языка из «Большого словаря русских пословиц» под ред. В. М. Мокиенко.

Проделанный анализ позволяет выделить этнокультурный компонент в семантике народных изречений. Он отражает своеобразие культуры, особенности семейных связей и отношений, ценность дружбы, социально значимые для тувинцев качества человека.

**Ключевые слова:** тувинский язык; языковая картина мира; паремия; пословичный бином; этномаркированное своеобразие; типология; ценностные представления



**Для цитирования:**

Селиверстова Е. И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 115-130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

**Селиверстова Елена Ивановна** — доктор филологических наук, профессор, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. Тел.: +7 (812) 328-08-42. Эл. адрес: [e.seliverstova@spbu.ru](mailto:e.seliverstova@spbu.ru)

**SELIVERSTOVA Elena Ivanovna**, Doctor of Philology, Professor, Acting Head, Department of Russian for the Humanities and Sciences, St. Petersburg State University. Postal address: 7/9 University Embankment, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (812) 328-08-42. Email: [e.seliverstova@spbu.ru](mailto:e.seliverstova@spbu.ru)

ORCID ID: 0000-0003-2020-0061



## Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world

*Elena I. Seliverstova*

*St. Petersburg State University, Russian Federation*

Stable pairs of components called binomials or binary structures are frequently encountered in the paremiological space and are always examined as a pair. For Tuvan proverbs, they are crucial as well, since they can represent culturally valuable observations and landmarks. They also record the connections and dependencies existing in the world around them – such as the ones between labor and reward, the amount of effort and the result obtained, haste and its consequences, the raw material and the end product, etc. Binary structures are involved in the speakers' assessment of temporal representations – intervals, seasons, natural cycles, etc., they are part of the observations of the world of nature, the laws of which are projected onto the human world.

Our study is based on an analysis of the paremies extracted by continuous sampling from the collections "Tuvan folk proverbs and sayings" (comp. by I. Plotkina and A. Kalzan), "Proverbs and sayings of the Tuvan people" (comp. by B. K. Budup), in some cases correlated with similar units in the Russian language as they appear in the "Grand dictionary of Russian proverbs", ed. by V. M. Mokienko.

The analysis of binary structures has allowed us to outline ethnocultural terminology within the semantics of popular wisdom of proverbs. They stand for the uniqueness of culture, emphasize the importance of family ties and relationships, the value of friendship, and personal qualities socially significant for Tuvans.

**Keywords:** Tuvan language; linguistic world picture; paremia; proverbial binomial; ethno-marked originality; typology; value representations



**For citation:**

Seliverstova E. I. Binarnye struktury v tuvinskikh poslovitsakh kak proiavlenie natsional'no-markirovannogo videniia mira [Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 115-130. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

### **Введение**

Лингвокультурологическое направление в изучении паремий, связанное с извлечением содержащейся в них информации культурного свойства, — сейчас, пожалуй, одно из наиболее востребованных: пословицы представляют собой проявление «социальной памяти», они содержат различные представления, существующие в этническом сознании говорящих и так или иначе «соотносимые с тем или иным культурным кодом» (Радбиль, 2019: 24).

Неслучайным поэтому является активное внимание, проявляемое к пословицам тувинского языка как объекту исследования. Они являют собой уникальный материал для определения яркого своеобразия художественно оформленных изречений, запечатлевших народные наблюдения за окружающим миром и человеком, для выявления в семантике языковых единиц «культурных наслоений» (Семеновко, Шипицына, 2005: 44).

В тувинских пословицах представлены как паремиологические единицы (ПЕ), перекликающиеся с изречениями, выражающими интернациональные идеи — например, паремия *Тенек баш бут чова-*



дыр о дурной голове человека, от которой страдают его ноги<sup>1</sup>, обнаруживающая многочисленные полные и частичные эквиваленты в других языках (см.: Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 225), так и порождаемые в результате сопряженности систем культуры и языка национально-маркированные ПЕ, отражающие панорамное видение мира и систему нравственных ценностей тувинцев. Ср., к примеру, яркое тувинское изречение *Ава кижиге «төлүм» дээр, ажы-төлү «шөлүм» дээр*<sup>2</sup> букв. 'Думы матерей — дети (о детях), а мысли детей — степь (о степи)'.

Интерес к сбору, систематизации, изучению и теоретическому осмыслению паремиологического фонда тувинского языка становится в последние годы все более активным. При этом, однако, нельзя не заметить, что, обращаясь к проблеме национальной самобытности паремий — теме, безусловно, интересной и актуальной, — исследователи нечасто уделяют внимание особенностям структурно-логической организации ПЕ, понятийно-лексическому каркасу, лежащему в ее основе. Между тем, этномаркированность паремий проявляется и в их лексическом составе, и в характере связей между компонентами изречения.

Поэтому в фокусе нашего внимания в данной статье находятся тувинские пословицы, содержащие бинарные комбинации компонентов во всем их разнообразии, а целью является выявление в их составе основных типов биномов и тематической принадлежности составляющих их компонентов, свидетельствующих об актуальности номинируемых ими жизненных сфер — все это направлено на показ степени участия биномов в реализации образной и семантической структуры ПЕ, в формировании этномаркированного своеобразия паремии.

**Паремийные биномы** понимаются нами как сочетания (комбинации) двух компонентов в составе ПЕ, называющих предметы и явления окружающего мира, которые, будучи знакомыми и понятными говорящему, позволяют устанавливать связи и зависимости между ними, из которых в конечном итоге выводится смысл всего изречения. На них базируется концептуальное содержание пословицы. Повторяющиеся от ПЕ к ПЕ устойчивые комбинации элементов, связанные определенными семантическими отношениями (например, «хищник — жертва»: тув. *Кокайга хой кадартпа, хончуга сөс дыңнатпа* 'Волку овец не давай пасти, сплетнику не позволяй подслушивать'<sup>3</sup> (Здесь и далее в цитатах выделено жирным шрифтом нами. — Е. С.)), свидетельствуют об ассоциативном восприятии окружающего мира носителями языка.

На уровне пословичных биномов проявляется их многовекторное осмысление в паремиологическом пространстве, символизация артефактов в фольклорной среде, вербализуются признаки отдельных концептов.

При анализе материала тувинского языка мы опираемся в данной статье на сведения, почерпнутые из нескольких сборников пословиц. Это и более ранние собрания паремий «Тувинские народные пословицы и поговорки»<sup>4</sup>, «Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки»<sup>5</sup>, и материалы тувинско-русского словаря под ред. Э. Р. Тенишева (Тувинско-русский ... , 1968), и наиболее представительный, вышедший сравнительно недавно, словарь «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020), вобравший в себя почти 800 паремий.

### **Тувинская паремика сквозь призму современной науки**

Анализ паремии тувинского языка сквозь призму лингвокультурологии имеет под собой прочную теоретическую базу. Во-первых, подход к пословицам как единицам, хранящим и транслирующим культурную информацию, сегодня уже достаточно традиционен и реализуется многими исследовате-

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 52.

<sup>2</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

<sup>3</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 34. О вербализации отношений между компонентами, составляющими пословичный бином со значением «хищник — жертва», см. подробнее: Селиверстова, 2009.

<sup>4</sup> Тувинские народные пословицы и поговорки. 2-е изд. / авт.-сост. И. Плоткина, А. Калзан. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1955. 55 с.

<sup>5</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол; пер. с тув. С. В. Козловой. Кызыл, 1994. 78 с. (На тув. и рус. яз.).





лями — возглавившей лингвокультурологическое направление в изучении фразеологических единиц В. Н. Телия, связавшей использование пословиц и поговорок с «межпоколенческой трансляцией эталонов и стереотипов национальной культуры» (Телия, 1996: 9), М. Л. Ковшовой, считающей, что «образы в паремиях и идиомах являются ключами для прочтения исходных смыслов этнокультуры» (Ковшова, 2019: 388–389), отражающих народное мировоззрение, Н. Н. Семененко, объясняющей природу репрезентации в семантике ПЕ стереотипных элементов этноязыкового сознания существенными свойствами паремий и, в частности, — их функцией «репрезентации стереотипа в процессе коммуникации» (Семененко, 2014: 62), и др.

Лингвокультурологического направления в лингвистике придерживаются и исследователи тувинской паремии. Еще в 1994 г. в Предисловии к сборнику тувинских паремий «Мудрость народа» (Кызыл, 1994)<sup>1</sup>, включающему 392 пословицы, авторы отмечают, что подобные единицы, отражая историческое прошлое и житейский опыт, особенности жизненного уклада и мировоззрения, поэтическую одаренность и коллективную мудрость тувинцев, служат «бесценным источником для этнографов, историков, философов и лингвистов»<sup>2</sup>. Составители выделяют также художественные достоинства паремий, отмечают особенности их построения — противопоставления, аллитерации, простой, но выразительный язык, активное использование синтаксического параллелизма, позволяющего отразить специфику ассоциативного мышления тувинца.

Тувинские паремии отражают систему нравственных ценностей. По мнению А. М. Соян, в атмосфере определенных установок, вербализованных пословицами и служащих своеобразным «путеводителем по жизни», осуществляется формирование мировоззрения этноса<sup>3</sup>.

Изучение направленности гендерных стереотипных представлений, проявляющейся в тувинских ПЕ, позволяет исследователям увидеть различия в спектре интенций, стоящих за изречениями о мужчинах и женщинах и отражающих «традиционные семейно-родовые отношения, основанные на патриархальных установках» (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020), проявление скрытого сексизма в отношении к женщинам и т. д.

Исследователи обращаются к комплексному описанию паремий как языкового явления и особенностей их функционирования. Так, Ш. С. Чадамба представила содержательный анализ способов передачи тувинских пословиц, использованных при переводе на русский язык художественных произведений тувинских авторов, — как тех единиц, что находят аналоговые соответствия в языке перевода, так и безэквивалентных единиц. Автором достаточно подробно показаны синтаксические особенности тувинских пословиц, характер их вариативности, способы введения в контекст и используемые стилистические приемы<sup>4</sup>.

Изучение особенностей тувинского фольклора позволяет исследователям отметить то общее, что связывает большие и малые фольклорные жанры и, в частности, особый сатирический пафос, проявляющийся в тувинских сказках и мифах о животных, в пословицах и поговорках. Анималистический культурный код — один из наиболее часто используемых элементов сатиры, он охватывает широкий пласт ПЕ в зоосемических компонентах. В тувинских сказках и в современной литературе очевидно проявление традиции: с одной стороны, сюжеты произведений строятся вокруг осмеиваемых образов животного мира<sup>5</sup>, а с другой — в тексты своих рассказов, например, писатель Т. Кызыл-оол (1970)<sup>6</sup> включает фольклорные единицы — пословицы морально-нравственного

<sup>1</sup> Период активного внимания к теории фольклорных жанров и их особенностям отражен в обобщающей работе, посвященной устному народному творчеству тувинцев, где пословицам и поговоркам, утверждающим нравственные нормы — трудолюбие, патриотизм, взаимовыручку, дружбу, смелость, честность, отведен особый раздел, написанный З. Б. Самдан (*История тувинской ...*, 2013: 11–51).

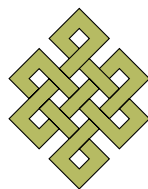
<sup>2</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол; пер. с тув. С. В. Козловой. Кызыл, 1994. С. 3.

<sup>3</sup> Соян А. М. Нравственные ценности в пословицах и поговорках цаган-нурских и усинских тувинцев // Мир науки, культуры, образования. № 6 (61). 2016. С. 373–375.

<sup>4</sup> Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 151 с.

<sup>5</sup> Кужугет Ш. Ю. Фольклорные истоки сатиры в тувинской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Тамбов: Грамота. № 7(85). Ч. 1. С. 1–6. DOI: <https://www.doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9>

<sup>6</sup> Кызыл-оол Т. Т. Сергеге шелдирипкен [Берегись козла]. Кызыл, 1970. 107 с. (На тув. яз.)



содержания: *Кижы болуру чажындан, аът болуру кулунундан* ‘Человеком становятся с детства (в детстве), лошадью — с возраста жеребенка’<sup>1</sup>; *Өрелиг кижы өөделевес*<sup>2</sup> ‘У человека, имеющего долги, жизнь не улучшится’ и др. В сатирических рассказах о человеческих пороках используются и другие ПЕ, подчёркивающие актуальные для автора смыслы, например: *Баштай энир чээп алган үш рублиңни төлөп бергеш, ам чегдинип көрөм*<sup>3</sup> ‘Сначала верни недавно занятые 3 рубля, потом проси денег’ и др.

Итак, ученые обращаются к пословицам как единицам, участвующим в отражении своеобразия языковой картины мира тувинцев.

### **Перспективность изучения тувинских пословиц на фоне иных языков**

В поисках национально-маркированной специфики тувинской паремии исследователи принимают попытки сопоставления тувинских пословиц с афористическими единицами других языков — в направлении идентификации их яркого и несомненного национального своеобразия (Болат-оол, Пелевина, 2017; Егорова, Чочкина, Сарбашева, 2019; и др.).

Этот подход, используемый учеными при изучении родственных языков, позволяет обнаружить зафиксированные устойчивыми единицами этномаркированные сведения о носителях определенного языка и культуры<sup>4</sup>. Это убедительно доказывает Н. Р. Байжанова, обращаясь к метафорическим особенностям алтайских и тувинских пословиц и отмечая сходство в видах переноса и в спектре используемых образов — в частности, образов животных. Исследователь приходит к выводу о существенных различиях в направлениях их осмысления: по ее мнению, наблюдения за внешним обликом, повадками и поведением животных «по-своему преломляются в сознании носителей различных языков» (Байжанова, 2004: 62). Представление о хитрости связано в ПЕ обоих народов с образом лисы, а коварство — с образом змеи, однако установки, реализуемые с помощью этих образов, в двух культурах различаются (там же: 67). Отмечается также большая характерность для тувинских ПЕ, чем для алтайских, явления параллелизма в структуре изречений.

С другой стороны, лингвокультурная специфика, проявляющаяся в пословицах, становится особенно очевидной при сопоставлении паремийного материала отнюдь не родственных языков<sup>5</sup>. Так, например, ощутимые различия в закрепившихся в сознании носителей английского и тувинского языков культурных представлениях выявляет А. М. Салчак, обратившись к паремиям с зоонимом *волк / wolf*<sup>6</sup>.

Тувинская паремия становится сейчас объектом изучения на широком фоне европейских языков, что позволяет продемонстрировать наличие у тувинцев, во-первых, универсальных, вненациональных, представлений, совпадающих у носителей разных культур и языков, во-вторых — национальных вариантов общих для нескольких языков пословиц, свидетельствующих о типологическом сходстве ПЕ, и, в-третьих, — изречений, лакунарных для паремийфондов других языков (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021). Прикладную задачу типологического сопоставления исследователи видят в лексикографическом описании межъязыковых сходства и различий тувинских и европейских пословиц на уровне структурно-семантических моделей, ключевых понятий, пословичных образов (Бредис и др., 2021).

<sup>1</sup> Использованное писателем Т. Т. Кызыл-оол тувинское изречение и его перевод приведены в работе: Кужугет Ш. Ю. Фольклорные истоки сатиры в тувинской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. Тамбов: Грамота. № 7(85). Ч. 1. С. 1–6. DOI: <https://www.doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.9>

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Исследователи украинского и русского, белорусского и русского языков приходят к выводу о важности выявления особенностей содержания устойчивых единиц языка на фоне материала родственных языков (Колоіз, Малюга, Шарманова, 2014: 54), поскольку возможность увидеть национально-культурное своеобразие паремий, их структурную и семантическую специфику не зависит от степени близости родственных языков (Иваноў, 2011). Этому же принципа придерживаются и иные авторы работ, рассматривавшие ПЕ родственных языков и убедительно показавшие их национально-маркированное своеобразие (Ломакина, Мокиенко, 2016, 2018; Николаева, 2010; Селиверстова, 2019; Lomakina, 2021; и др.).

<sup>5</sup> См., в частности, работы: Бредис, 2019; Зиновьева, Пи Цзянькунь, 2016; Нелюбова, 2019; Нелюбова, Хильт-бруннер, Ершов, 2019; Нелюбова, Сёмина, Казлаускене, 2020; Селиверстова, Чэнь, 2019; У Вэй, 2012; и др.

<sup>6</sup> Салчак, А. М. Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки: международный научный журнал. 2019. С. 25–26.



Если вопрос о статусе ПЕ как языковой единицы и ее особенностях можно считать в настоящее время решенным<sup>1</sup>, то освещение лингвокультурологического потенциала паремий, их способности к фиксации весьма разнородных сведений о мире, окружающем носителей определенных языка и культуры, — по-прежнему весьма востребованный аспект изучения устойчивых единиц языка. Приведенные нами векторы научного подхода к изучению пословиц могут служить иллюстрацией их актуальности — особенно как материала, позволяющего выявить ментальные установки и стереотипы, «выражаемые в типовых контекстах ПЕ смыслы и когнитемы, формирующие смысловую модель паремии» (Семененко, 2014: 62).

Тем не менее, в области изучения паремии тувинского языка недостаточно, как нам представляется, работ обзорного характера, в которых — в результате анализа обширного материала — делались бы выводы не частного, а обобщающего характера и очерчивался спектр наиболее важных для носителей культуры жизненных сфер, расставляемых акцентов, особенностей логических структур в рамках паремии и лингвистических способов вербализации выражаемых смыслов.

Важной составляющей лингвокультурологического исследования является выявление вербализованной пословицей установки — операциональной единицы, позволяющей выявлять своеобразие в осмыслении носителями определенной культуры вещей и отношений в окружающем мире. Так, идея нелюбви к невестке является интернациональной — с разной степенью детализации она представлена в ПЕ многих языков<sup>2</sup>, и, следовательно, неудивительно, что она обнаруживается в тувинском языке. Однако специфика наблюдения, сделанного в отношении невестки тувинцами — ср. *Кежиглиг хемни үер үрээр, кежээ келинни хоп үрээр* 'Половодье даже крепкие берега размывает, наговоры и трудолюбивую невестку портят'<sup>3</sup>, — состоит как в указании на нередкие неоправданные обвинения невестки, сулящие испорченные отношения, так и в самом оформлении изречения, где образно-метафорическая часть служит дополнительным аргументом в пользу высказанного суждения.

Выражение уверенности в надежности жизненного опыта, вербализуемое обобщающей фразой «Опытный не подведет» — 'О человеке, чей возраст не мешает ему качественно исполнять привычное действие', также обнаруживается во многих языках — в русском (*Старый ворон не каркнет мимо*), английском (*An old dog barks not in vain*), тувинском (*Бөрү кырыза-даа, джи чидиг* 'Даже если волк старый, зуб — острый'<sup>4</sup>) и др. — и может реализоваться в разных культурах с использованием близких образов; ср. общность в вербализации идеи русскими и тувинцами: *Старый конь борозды не испортит; Кыргызан аът орук часпас* 'Старый конь не собьется с пути' (Тувинско-русский ... , 1968: 278), хотя здесь нельзя не заметить, что образ пахоты как привычной для коня работы в ПЕ тувинского языка отсутствует, что оправдано привычным для тувинцев кочевым образом жизни.

Общность с другими языками и культурами или же национально-маркированные отличия лингвокультурных установок, в которых проявляется народная мудрость тувинцев, может быть выявлена не только на уровне изречений как целостных единиц, но и на уровне их фрагментов — комбинаций пословичных компонентов, составляющих образную и содержательную основу посло-

<sup>1</sup> Общепризнанными являются такие черты ПЕ, как синтаксическая структура законченного высказывания, оформленной единицы мысли (Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 2000. 544 с. С. 11), обобщенность и способность служить знаком типизированных ситуаций и моделей поведения (Пермяков, 1988: 14; Селиверстова, 2002), назидательность, опирающаяся на накопленный этносом опыт наблюдения за окружающим миром (Чернышева, 1997: 78), хотя и не всеми она признается в качестве определяющего свойства ПЕ (Баранов, Добровольский, 2001: 81–82), принадлежность ПЕ к ключевым текстам фольклора, содержащим основные мотивы устного народного творчества, и тесно связанная с этим специфическая художественная форма и тропо-лексическое оформление (Крикманн, 1978: 88, 92), эмоционально-дискурсивное использование (Паремнология без ... , 2020: 39). В последнее время лингвистическая квалификация ПЕ все чаще приобретает ярко выраженный комплексный характер (Бредис, Ломакина, Мокленко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020).

<sup>2</sup> Ср. русскую ПЕ *Свекровь кошку бьет, а невестке наветки дает* и китайские изречения *婆婆打媳天下有*. (букв. 'Свекровь бьет невестку — это обычное явление'), *一個媳婦十個婆婆*. (букв. 'За одну невестку можно отдать десять свекровей'). О реализации этой идеи в ПЕ других языков см. подробнее в: *Seliverstova, 2020*.

<sup>3</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 31.

<sup>4</sup> Там же. С. 93.



вицы. В лингвокультурологическом плане важны и такие особенности ПЕ, свидетельствующие об их специфичности, как средства и способы вербализации пословичной идеи и представления повторяющихся жизненных ситуаций — к этому нас подводят наблюдения за явлением денотативной манифестации элементов содержания, из которой в итоге вытекает смысл паремии как целого.<sup>1</sup>

Реализуя логико-структурный подход к изучению пословиц, Г. Л. Пермяков (Пермяков, 1988) ввел понятие «обобщенных сущностей», «вещей», способных — при общем семантическом звене — быть материально представленными разнообразными наборами лексических компонентов, номинирующих разные артефакты. Так, представление о необходимом ремесленнику-умельцу инструменте может у русских вербализоваться с участием таких компонентов, как *шило, топор, клещи, молоток, долото* и др. В ПЕ, отражающих характер привычных занятий тувинца, подобных наименований не так много — и это объясняется экстралингвистическими причинами — кочевым образом жизни этноса. Чаще фигурирует, в частности, нож (*Бижектиң чидии херек, сөстүң чигези херек* 'Нож нужен острый, а слово — меткое'<sup>2</sup> и др.), а тувинская женщина «вооружена» не прялкой, а иглой и ножницами (*Кыс уруг ине-чүскүк дээр, оол уруг оттук-бижек дээр* 'Дочь просит иголку с напёрстком, сын — нож с огнивом'<sup>3</sup>; *Инези чидигде — шевер, хачызы чидигде — каас* 'В остроте иголки — наряд, в остроте ножниц — мастерство'<sup>4</sup>). Нельзя не заметить, что важное качество инструмента — его острота — рассматривается как залог успешной работы в ПЕ обоих языков (ср. рус. *Острый топор и дуб рубит*; тув. *Доңгурактан даңгырак чидиг, тоолайдан таалай чүгүрүк* 'Клятва ножа острее, зайца молва быстрее'<sup>5</sup>), и, следовательно, аналогична устанавливаемая носителями разных языков и культур связь между предметом (инструментом), его качеством и потенциальной результативностью занятия<sup>6</sup>. Наименования «обобщенных сущностей», составляющие денотативную основу ПЕ, могут участвовать в выражении весьма разных смыслов, поэтому нельзя однозначно прогнозировать, даже при известном количестве повторений этих составляющих, конечный смысл ПЕ, «его приложимость к единственно возможной ситуации» (Крикманн, 1978: 86). Как показывает спектр современных научных направлений, осуществляемых с привлечением материала тувинской паремии, лингвокультурная составляющая этих единиц весьма перспективна как объект изучения. Не следует при этом упускать из виду, что своеобразием отличаются не только выражаемые паремиями прескрипции, но и показанные в них ситуации и, безусловно, способы и средства выражения заключенной в пословице мысли.

### Антонимические отношения между частями биномов

Итак, обратимся к выявлению и анализу основных разрядов биномов<sup>7</sup> в составе тувинских пословиц, их тематической принадлежности и некоторых особенностей их лексической вербализации.

В тувинских пословицах широко представлены различные типы биномов, заметное место среди которых занимают пары компонентов, связанных **антонимическими отношениями**<sup>8</sup> — эта связь является одной из наиболее частотных в паремике: прием показа положительно маркированного предмета или явления окружающего мира на фоне отрицательного позволяет сделать очевидной расстановку акцентов в системе ценностей носителей языка. Тувинские ПЕ демонстрируют большое разнообразие противопоставлений, связанных с различными семантическими сферами.

<sup>1</sup> Например, в ПЕ с выраженной в обобщенном виде универсальной установкой «Плохое малое (маленькое) может испортить большое хорошее» (ср. рус. *Ложка дегтя портит бочку меда*) очевидно противопоставление двух пар компонентов, представляющих, во-первых, сопоставляемые объекты с их коннотативно-оценочными характеристиками (*деготь — мед*) и, во-вторых, объемы (размеры) этих объектов (*ложка — бочка*). Будучи единицами формального уровня, эти пары компонентов, между тем, представляют собой «пики аллегории» в метафорической структуре ПЕ (Крикманн, 1978: 92).

<sup>2</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 21.

<sup>3</sup> Там же. С. 38.

<sup>4</sup> Там же. С. 28.

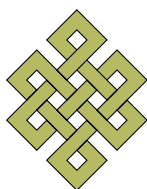
<sup>5</sup> Там же. С. 26.

<sup>6</sup> Логико-структурные особенности и универсальные, вненациональные, типы пословиц рассматриваются и в работах М. Кууси (см., в частности: Кууси, 1978).

<sup>7</sup> На материале русского языка типология биномов была представлена в монографии Е. И. Селиверстовой (Селиверстова, 2017).

<sup>8</sup> Серьезное внимание уделено контрасту как одному из наиболее ярких явлений в паремике и стилистическим функциям семантически контрастных компонентов пословиц в работе Т. Г. Бочинной (Бочина, 2002).





Это, например, временные понятия: *Эртем чокта, эртен база дүн* — букв. 'Без знаний (Отсутствие знаний) **утро** — **ночь**'<sup>1</sup>; *Кышты хыраазындан билир, чайны шалыңындан билир* 'Зиму опознают по инею (наледи), **лето** — по росе'<sup>2</sup>; *Кышты чайындан билир, чайны кыжындан билир* 'Зиму определяют по лету, **лето** — по зиме'<sup>3</sup>;

понятия, связанные с пространством и дистанцией: *Чоокка чованчыг, ыракка ыянчыг* 'Близкое (ближнее) неловко, **дальнее** (далекое) стыдно'<sup>4</sup>; *Ийи дагның бажы чоок-даа болза, дээшпес, ийи кижиниң аразы ырак-даа болза, көржүр* 'Две горные вершины **близко** будут — не сойдутся, два человека **далеко** будут — увидятся'<sup>5</sup>.

Достаточно разнообразны в паремиях вербализации контрарных размерных понятий: это не только частотные прямые номинации с помощью пары компонентов *большой* — *маленький* (ср.: *Күзээр болза, хүлбүс-даа бичелей бээр, күзээр болза, хүлчүк-даа улгады бээр* 'Захочешь — косуля **маленькой** станет, захочешь — мошкара **большой** будет (увеличится)<sup>6</sup>; *Биче чалгаа улуг чалгаага чедер* 'Маленькая лень до **большой** дорастёт» (Тувинско-русский ..., 1968: 513) и др., но и метафорические реализации представлений о большом и малом. Ср.: *Бодунуң бажында теве көрбейн, эжиниң бажында тевене көрген* 'На своей голове **верблюда** не увидел, у товарища на голове **иголку** заметил' (там же: 409); *Даг дег караны довук дег ак базар* — букв. «Белизна с **коленную чашечку** подавит **черноту**, подобную **горе**»; *перен.* 'Маленькая правда победит большую ложь' (там же: 166).

В паремии *Кижити сеткили даштан кадыг, хөвөңден чымчак* 'Человеческая душа — **твердый** камень, **мягкая вата**'<sup>7</sup>, построенной на ярком сравнении, используются две пары контрарных компонентов: в прямом смысле противопоставляются физические свойства предмета (твердость / мягкость), а в переносном — черты характера человека, его душевные качества — иногда противоречивые.

Прием лексического контраста используется в тувинских изречениях для противопоставления ключевых в любой ментальности представлений:

— о добре и зле, о хорошем и плохом; эта аксиологическая антиномия — одна из важнейших в паремике. Помимо отвлеченных суждений о категориях плохого и хорошего — ср. ПЕ *Бак келзе, туттунма, эки келзе, салдынма* 'За **плохое** не держись, **хорошее** не отпускай'<sup>8</sup>; *Бакты көрбейн, экини үнелээри берге* 'Не увидев **плохого**, трудно оценить **хорошее**'<sup>9</sup>; «*Бар*» дээн — *багай*, «*кел*» дээн — *эки* 'Говорят "уходи" — **плохо**, говорят "приходи" — **хорошо**'<sup>10</sup> и др., тувинское паремииологическое пространство располагает единицами, рисующими модели достойных и недостойных поступков, моделей поведения, черт характера: *Экиниң чуртунга ыяш чыдар, бактың чуртунга баг чыдар* 'От **хорошего** хозяина у юрты дрова остаются, от **плохого** — обрывки аркана лежат (валяются)<sup>11</sup>; *Мал алазы чараш, кижити алазы багай* 'Скот пёстрый — **хорошо**, человек двуличный — **плохо**'<sup>12</sup>; *Кижити экизи — хүн, кижити багы — чылан* 'Добрый (гуманный) человек — **солнце**, скверный человек — **змея**'<sup>13</sup>; *Чарары белен, чазаары берге* 'Разбить **легко**, поправить (соединить) **трудно**'<sup>14</sup>;

— о жизни и смерти: *Кижити өлүр, алдар өлбөс* 'Человек **смертен**, слава **бессмертна**'<sup>15</sup>;

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 77.

<sup>2</sup> Там же. С. 111.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 68.

<sup>5</sup> Там же. С. 28.

<sup>6</sup> Там же. С. 110.

<sup>7</sup> Там же. С. 107.

<sup>8</sup> Там же. С. 19.

<sup>9</sup> Там же. С. 90.

<sup>10</sup> Там же. С. 20.

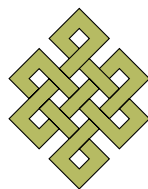
<sup>11</sup> Там же. С. 76.

<sup>12</sup> Там же. С. 39.

<sup>13</sup> Там же. С. 34.

<sup>14</sup> Там же. С. 6.

<sup>15</sup> Там же. С. 33.



— о труде и лени: *Кежээниң мурнунда — хүндү, чалгааның мурнунда — кочу 'Передовику (Трудолюбивому) — почёт, ленивому — насмешка'*<sup>1</sup>; *Кежээ кижги «ма» дээр, чалгаа кижги «кай» дээр 'Трудолюбивый говорит "на", лентяй — "дай"'*<sup>2</sup>;

— об удаче и невезении: *Мурнаанның мөрүзү, соңнаанның шорuzu 'Опередившему повезло (сопутствует удача), опоздавшему — не повезло (невезенье)'*<sup>3</sup>; *Барзыңза мөрүң, бабрабыңза шоруң 'Пойдешь — (будет тебе) удача, не пойдешь — (будешь) сам виноват' (Тувинско-русский ..., 1968: 302) и о многом другом;*

— о богатстве и бедности: *Бай мен дээш бардамнава, яды мен дээш муңгарава 'Богатством не кичись, бедности не стыдись'*<sup>4</sup>; *Хуурактар көвүдээрге — ядараарының демдээ, кулун-чаваа көвүдээрге — байырының демдээ 'Хуураков<sup>5</sup> больше — бедность ближе, жеребят больше — богатство ближе'*<sup>6</sup>; *Ядыны бай кээргевес, байны яды кээргевес 'Богатый бедного не жалеет, бедный — богатого'*<sup>7</sup>) и т. д.

С отражением религиозно-мифологической картины мира тувинцев связаны ПЕ *Танывазы бургандан танывазы аза дээр* 'Неизвестный бог хуже незнакомого чёрта'<sup>8</sup>; *Азага кыскаш-даа эвес, бурганга чула-даа эвес 'Ни чёрту щипцы, ни богу лампада'*<sup>9</sup> (ср. рус. аналог *Ни Богу свечка, ни черту кочерга*) и о многом другом.

В пословицах представлены противопоставления и иных параметров и характеристик предметов и явлений: *Эштиң эргизи эки, эттиң чаазы херек 'Друг старший хорош, одежда новая нужна'*<sup>10</sup>; *Улугну хүндүлээр, уругну азыраар 'Старшего уважай, малого (ребенка) воспитай'*<sup>11</sup>; *Хөй сөсте олча чок, чаңгыс сөсте хор чок 'Много слов — прибыль нет, мало слов — убыток нет'*<sup>12</sup> и др.

Вербализуются тувинцами и актуальные для паремии любого языка отношения «Свое — чужое» (*Чаваа-даа бол, ады херек, чалчай-даа бол, эзери херек 'Хоть стригун, но надо иметь своего коня, хоть седло плохое, да не чужое'*<sup>13</sup> и «Родное — чужое» (*Өскен чери — төрээн ие, өскелерни — соңгу ие 'Родная земля — мать, чужбина — мачеха'*<sup>14</sup>), в которых приоритетным является, безусловно, свое собственное, пусть даже худшее по качеству; противопоставление черного и белого цвета, традиционно осмысляемое как в прямом, так и в переносном значении — для акцента на ценностных представлениях носителей культуры: *Кара черни хар агартыр 'Чёрную землю снег забелит'*<sup>15</sup>; *Кижги сеткили хардан ак, хөөден кара 'Душа человека снежной белизны, сажи темнее (сажа черная)'*<sup>16</sup> — интересно, что противопоставление черного (негативного) белому (светлому) осуществляется на счет удвоения семантики позитивного: глагол и прилагательное дополнительно акцентируют ставшую символической белизну снега.

Мы видим, что в антонимические отношения могут вступать в составе ПЕ как принадлежащие к разным частям речи словарные антонимы (*богатство — бедность, свой — чужой* и др.), так и компоненты, в строгом смысле слова антонимами не являющиеся (*утро — ночь, бог — черт*). Однако активность противопоставления как способа выражения паремийных смыслов несомненна. Это оправдано и самой природой паремии, нередко выражающей прескрипцию методом отрицания негодного, неодобряемого.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа/ авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 164.

<sup>2</sup> Там же. С. 105.

<sup>3</sup> Там же. С. 40.

<sup>4</sup> Там же. С. 19.

<sup>5</sup> Хуурак — ученик-послушник при ламе.

<sup>6</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа/ авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 60.

<sup>7</sup> Там же. С. 79.

<sup>8</sup> Там же. С. 51.

<sup>9</sup> Там же. С. 14.

<sup>10</sup> Там же. С. 78.

<sup>11</sup> Там же. С. 53.

<sup>12</sup> Там же. С. 59.

<sup>13</sup> Там же. С. 63.

<sup>14</sup> Там же. С. 45.

<sup>15</sup> Там же. С. 105.

<sup>16</sup> Там же. С. 107.



Хотя среди лексических комбинаций компонентов в составе ПЕ контрастные пары занимают видное место, только лишь ими характерные паремийные биномы не исчерпываются.

### Синонимические отношения в рамках бинома

Отношения синонимии между частями бинома представлены в тувинских ПЕ весьма своеобразно. Языковых синонимов здесь немного: *Кижини дыштыг, аът туруштуг* ‘Человек должен **отдохнуть**, лошадь — **передохнуть**<sup>1</sup>; *Эки дарган эргээн какпас, уран кыс удазынга ораашпас* ‘**Хороший** кузнец по пальцу не ударит, **искусная** швея нитки не запутает’ (Тувинско-русский ..., 1968: 609).

Чаще в качестве синонимичных выступают компоненты, которые представлены в разных частях синтаксически сложного целого и, участвуя в реализации семантико-синтаксического параллелизма, выражают близкий смысл. Контекстуально сближаются по значению — во многом за счет синтаксического параллелизма — составляющие бинома в ПЕ *Дазылдыг-даа болза, турлур, дагалыг-даа болза, таяр* ‘Хоть и крепкое дерево — **пошатнётся**, подкованный конь — **поскользнется**<sup>2</sup>. Общим семантическим звеном для компонентов *турлур* (‘шататься’) и *таяр* (‘поскользнуться’) становится представление о возможной ненадежности того, что кажется прочным. В паремии *Сураанып тып алыр, күзээнин чедип алыр* ‘Будешь искать — **найдешь**, захочешь — **добьешься** (желанное **появится**)’ (там же: 269) семантика достижения результата, к которому кто-либо стремится, выражается глаголами, намеренно сближаемыми в рамках изречения.

Примеры показывают, что формированию биномов с синонимическими отношениями между компонентами во многом способствует особая логико-синтаксическая структура ПЕ, состоящая из двух параллельных частей, реализующих отношения аналогии.

### Отношения тематической общности между частями бинома

Весьма представительна группа ПЕ, основанных на биномах, образуемых тематические близкими компонентами<sup>3</sup>; ср., например, использование пары компонентов, входящих в группы:

— наименования животных (*Сааның чок-даа болза, саваң белетке, ағдың чок-даа болза, аргамчың белетке* ‘Хотя **коровы** нет — ведро припаси, хотя **коня** нет — аркан приготовить<sup>4</sup> и др.);

— наименования продуктов питания и блюд (*Дартагы чагдан бөгүнгү өкпе дээр* ‘Лучше сегодня — **ливер**, чем завтра — **сало**<sup>5</sup>; *Хөй сөстен быдаа болбас — көже биле эът херек* ‘Из болтовни **супа** не сварить — нужны **крупы** и **мясо**<sup>6</sup> и др.);

— наименования родственников, причем это касается и некровной родни: *Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс* ‘Без **отца** — полусирота, без **матери** — круглый сирота<sup>7</sup>; *Кижиниң малы саарында таңмалыг, кулаанда имниг, кижиниң кижизи салаазында билзектиг, кулаанда сыргалыг* ‘Скот у хозяина имеет тамга (тавро) на боку, отметину на ушах, **жена** у **мужа**<sup>8</sup> имеет кольцо на пальце, серьги в ушах<sup>9</sup>; *Катының эргинин артап, кат-иезин арнын көрүп таныжар* ‘Знакомятся, переступив порог **тестя**, увидев лицо **тёщи**<sup>10</sup> и т. д.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 106.

<sup>2</sup> Там же. С. 24.

<sup>3</sup> Различным подвидам этих биномов в русских ПЕ отведена отдельная глава в монографии Е. И. Селиверстовой (Селиверстова, 2017).

<sup>4</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 48.

<sup>5</sup> Там же. С. 23.

<sup>6</sup> Там же. С. 60.

<sup>7</sup> Там же. С. 12.

<sup>8</sup> В данном случае нельзя не отметить своеобразия ПЕ: бинарность в ней ощущается скорее на понятийном уровне, поскольку семантика ‘жена’ вербально представлена компонентами *кижиниң кижизи* (букв. ‘человек (у) человека’); ср. рус. *мужнина жена, жена у мужа*.

<sup>9</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 107.

<sup>10</sup> Там же. 105.



Особой частотностью отмечен бином «родитель (отец, мать) — ребенок (дети, сын, дочь)», что позволяет говорить о важности межпоколенческих связей в тувинской семье: *Ада кижжи оглун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр* 'Отец гордится сыном, а павлин — хвостом'<sup>1</sup>; *Адазынга кызы чассыг, авазынга анай чассыг*<sup>2</sup> 'Дочка к отцу ластится, козлёнок (т. е. 'дитя') — к матери (тянется)' и др.

Широко представлены в тувинских ПЕ биномы, демонстрирующие проявление телесного кода в осмыслении окружающего мира: *Баш киргенде, хөрек эрте бээр* 'Где голова пролезла, грудь и подавно пройдет'<sup>3</sup>; *Хырны тотса-даа, караа тотпас* 'Живот сыт, а глаза голодны'<sup>4</sup>; *Бодуңну бодуң бил, мойнуңну бажың билзин* 'Что делать с собой, сам знай, пусть голова твоя управляет шеей'<sup>5</sup>; *Карактыгда көрүп каар, кажыктыгда кылаштай бээр* 'На то и глаза, чтобы увидели, а ноги, чтобы дошли'<sup>6</sup> (букв. 'Имеющий глаза смотрит (зрячий), имеющий ноги ходит'); *Караан хаптап албаан, кулаан кумнап (элезиннеп, дуглап) албаан* 'Глаза не закрыты мешком, уши не забиты песком'<sup>7</sup> и др.

Биномы часто фиксируют связь вещей, «соседствующих» в жизненном пространстве, используемых в повседневной жизни, функционально связанных. Так, наблюдения за хорошо знакомой человеку собакой послужили основанием для появления в ПЕ таких биномов, как «собака — палка», «собака — кость», «собака — двор» и др. *Ыт коданынга ынак* 'Даже собака привязана (к своему) двору'<sup>8</sup>; *Ийи ыт аразында сөөк кагба, ийи кижжи аразында сөс сөглөвө* 'Меж двух собак кости не бросай, меж двух людей ссоры не затевай'<sup>9</sup>; *Ыт мойнунда хендир чыдывас* 'Ошейник на шее собаки никогда не сгниёт'<sup>10</sup> и т. д.

Образ коня не только поэтизирован в тувинском фольклоре (это, в частности, обязательный «ат-рибут» сказочного богатыря), но и рассматривается в паремиологическом пространстве сквозь призму прагматики; в этом проявляются черты бытовой жизни тувинцев<sup>11</sup>: *Эртежи кижжи эзерлиг азтка таваржыр* 'Кто рано утром встает, коня с седлом (осёдланного) повстречает'<sup>12</sup>. Для человека, привычного к верховой езде, важным является все, что связано с конем: *Азм өлүр — баглаажы артар, ада өлүр — оглу артар* 'Конь падет — конювляз останется, отец умрет — сын останется'<sup>13</sup>; *Кыдыг мал мал боор, кыдыг кижжи кижжи боор* 'И последний жеребенок конём станет, и бедный — человеком станет (в люди выйдет)<sup>14</sup>; *Эки эзер азтка чарааш, эскит чок тиг хепке чарааш* 'Хорошее седло украшает лошадь, искусный узор — одежду'<sup>15</sup>; *Белекке бергенде, бе-даа, азм-даа дөмей* 'Когда дарят, не смотрят — конь или кобыла'<sup>16</sup> и др. Седло — залог успеха многих действий и поступков тувинца — следует рассматривать как культурное наслоение в семантике многих ПЕ. Кочевой образ жизни — а дорога, по Г. Гачеву, есть «путь жизни» кочевника, его «главный символ»<sup>17</sup> — во многом объясняет и отсутствие в лексическом инвентаре тувинских ПЕ названий предметов кухонной утвари, дворовых построек, инструментов для

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 91.

<sup>4</sup> Там же. С. 61.

<sup>5</sup> Там же. С. 93.

<sup>6</sup> Там же. С. 104.

<sup>7</sup> Там же. С. 30.

<sup>8</sup> Там же. С. 73.

<sup>9</sup> Там же. С. 28.

<sup>10</sup> Там же. С. 73.

<sup>11</sup> С конем у тувинца связаны не только разные стороны жизни, о чем свидетельствуют этнографические материалы, но и фольклорное, сакрально-мифологическое осмысление его образа. См. подробнее: Даржа, 2003.

<sup>12</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 77.

<sup>13</sup> Там же. С. 17.

<sup>14</sup> Там же. С. 37.

<sup>15</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 76. Интересно, что способ езды на лошадях в русской культуре отразился в активности иного паремийного бинома «лошадь/конь — хомут»; ср.: *Красив конь упряжью, да в хомуте; Не конь, так и не лезь в хомут! Счастье — не конь: хомута не наденешь; Усталому коню хомут не хомут* и др.

<sup>16</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / авт-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. С. 91.

<sup>17</sup> Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с. С. 210, 225.





сельскохозяйственных работ и проч. — все это плохо сочеталось с необходимостью перевозить свое имущество с места на место.

Биномы с отношениями тематической близости между компонентами фиксируют разнообразие связей между понятными и близкими для носителей культуры реалиями (зависимость одной от другой, их «соседство» в пространстве, сходство выполняемой функции и т. д.) и составляют арсенал средств, обретающий некоторое постоянство в паремиологическом пространстве и обеспечивающий доступность выражаемых пословицами мыслей.

### Заключение

Проведенный анализ показывает, что важная составляющая ПЕ – представленная двумя компонентами структура, между частями которой обнаруживаются разнообразные связи и отношения, служит в тувинских паремиях,

во-первых, задаче выражения основных идей — философских, являющихся результатом размышлений над происходящим вокруг, или прагматических, предписывающих правильные модели поведения в социуме — например, проявление предусмотрительности, рачительности, трудолюбия и т. д.;

во-вторых, помимо участия в реализации функции передачи от поколения к поколению народной мудрости в виде лингвокультурных установок и ценностных приоритетов, бинарные структуры — как фактом своей частотности в паремиологическом пространстве языка, так и разнообразием смысловых связей, возникающих между частями бинома, — показывают важность затронутых в паремике концептов — таких, как *аът* ‘конь’, *иш* ‘работа’, *ава* ‘мать’, *өг* ‘юрта’, *чем* ‘пища, еда’, *эш* ‘товарищ, друг’ и др., различные их стороны и признаки, важные для носителей языка и культуры.

Бинарные структуры демонстрируют запечатленный в художественной форме образный этно-маркированный «репертуар» тувинцев (образ *даг* ‘гора’ — знак чего-л. большого, значимого; символически представленное препятствие, затруднение; «ладность, ухоженность» коня (*аът*) — свидетельство рачительности хозяина; *аргамчы* ‘аркан’ — необходимый атрибут; *дүн* ‘ночь’ — символ темного, нежелательного, опасного и т. д.) и типичный лексический инвентарь, в том числе — названия национально-окрашенных реалий (*аал*, *лаң*, *өг*, *кидис* и др.).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Байжанова, Н. Р. (2004) Метафорические образы, характеризующие человека, в алтайских пословицах (в сопоставлении с тувинскими) // Языки коренных народов Сибири / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва, Н. Н. Широбокова, А. Р. Тазранова. Вып. 14. Новосибирск : НГУ. 236 с. С. 60–72.

Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2001) Речевые формулы в Тезаурусе русской идиоматики // *Frazeografia słowiańska* / red. naukowa M. Balowski i W. Chlebda. Opole : Uniwersytet Opolski. 582 с. С. 79–92.

Болат-оол, Р. В., Пелевина, Н. Н. (2017) Формирование образа женщины в тувинских и немецких пословицах // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 21. С. 29–32.

Бочина, Т. Г. (2002) Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 196 с.

Бредис, М. А. (2019) Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб. : Петербургское Востоковедение. 296 с.

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Даржа, В. К. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / отв. ред. Г. Н. Курбатский. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 154 с.



Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>

Егорова, А. И., Чочкина, М. П., Сарбашева, С. Б. (2019) Психолингвистический анализ гендерных стереотипов в алтайских и якутских пословицах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2. С. 51–63. DOI: <https://www.doi.org/10.23951/2307-6119-2019-2-51-63>

Зиновьева, Е. И., Пи Цзянькунь (2016) Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. № 1 (7). С. 18–24.

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

История тувинской литературы (2013) : в 3-х т. / науч. ред. А. Л. Кошелева. Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения Российской акад. наук. Т. 1. 266 с.

Ковшова, М. Л. (2019) Идиомы и паремии с «колокольной» семантикой: образы и смыслы // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М. : Гнозис. 856 с. С. 387–404.

Крикманн, А. А. (1978) Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) / сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М. : Наука. 320 с. С. 82–104.

Кууси, М. (1978) К вопросу о международной системе пословичных типов (Опыт классификации количественных пословиц) // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) / сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М. : Наука. 320 с. С. 53–81.

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2016) Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. № 3 (45). С. 119–128. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9>

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4 (54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Нелюбова, Н. Ю. (2019) Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 50–59.

Нелюбова, Н. Ю., Семина, П. С., Казлаускене, В. (2020) Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. Т. 24. № 4. С. 969–990. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>

Нелюбова, Н. Ю., Хильтбруннер, В. И., Ершов, В. И. (2019) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Николаева, Е. К. (2010) О межславянском языковом взаимодействии (на материале пословиц) // Русская речь в современных парадигмах лингвистики: Матер. Междунар. науч. конф. (Псков, 22–24 апреля 2010 г.) : в 2-х т. / под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук, Т. Г. Никитиной, Л. М. Попковой. Псков : ПГПУ. Т. II. 278 с. С. 206–211.

Паремиология без границ (2020) / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М. : РУДН. 244 с.

Пермяков, Г. Л. (1988) Основы структурной паремиологии. М. : Главная редакция восточной литературы. 236 с.

Радбиль, Т. Б. (2019) Вера как основа мировосприятия и миропонимания в русской языковой картине мира // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М. : Гнозис. 856 с. С. 23–35.

Селиверстова, Е. И. (2002) Контекстуальное варьирование пословиц — «эталонов» поведения // Слово. Фраза. Текст / гл. ред. В. М. Мокиенко. М. : Азбуковник. 592 с. С. 310–317.

Селиверстова, Е. И. (2009) Опыт выявления пословичного бинорма и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении. № 1. С. 182–200.

Селиверстова, Е. И. (2017) Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. 2-е изд., испр. и доп. М. : Флинта ; Наука. 294 с.

Селиверстова, Е. И. (2019) *Свой глаз — алмаз, а чужой — стекло*: доверие и недоверие у русских и чехов (на примере паремии) // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М. : Гнозис. 856 с. С. 281–292.

Селиверстова, Е. И., Чэнь Вэйцзя (2019) Этномаркированные представления о пользе и вреде лжи в русских и китайских пословицах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 3 (103). С. 167–174. DOI: <https://www.doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.022>

Семененко, Н. Н. (2014) Отражение ключевых символов русского этноязыкового сознания в паремиографической практике // Проблемы истории, филологии, культуры. № 3 (45). С. 61–63.



Семененко, Н. Н., Шипицина, Г. М. (2005) Русская пословица: функции, семантика, системность. Белгород : БелГУ. 172 с.

Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки славянской культуры». 288 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Сов. энциклопедия. 648 с.

У Вэй (2012) Зима в русском паремнологическом пространстве (на фоне китайского языка) // Мир русского слова. № 3. С. 50–52.

Чернышева, И. И. (1997) Старые проблемы в новой лингвистической парадигме // Филологические науки. № 2. С. 76–82.

Иваноў, Я. Я. (2011) Парэміялагічныя сістэмы беларускай і рускай моў: падабенствы і разыходжанні [Паремнологические системы белорусского и русского языков: сходства и расхождения] // Філолагічны студіі. Вип. 6. Ч. 2. С. 53–63. (На белорус. яз.)

Колоіз, Ж. В., Малюга, Н. М., Шарманова, Н. М. (2014) Українська пареміологія / за ред. Ж. В. Колоіз. Кривий Ріг : Криворізький національний університет. 349 с. (На укр. яз.)

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology. Vol. 17. № 2. P. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 02.12.2021 г.

#### REFERENCES

Bayzhanova, N. R. (2004) Metaforicheskiye obrazy, kharakterizuyushchiye cheloveka, v altayskikh poslovitsakh (v sopostavlenii s tuvinskimi) [Metaphors characterizing a person in Altai proverbs in comparison with Tuvan ones]. In: *Iazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of the indigenous peoples of Siberia]* / ed. by N. B. Koshkareva, N. N. Shirobokova, A. R. Tazranova. Vol. 14. Novosibirsk, NSU. 236 p. Pp. 60–72. (In Russ.).

Baranov, A. N. and Dobrovolskiy, D. O. (2001) Rechevye formuly v Tezauruse russkoy idiomatiki [Speech formulas in the Thesaurus of Russian idioms]. In: *Frazeografia słowiańska* / Ed. by M. Balowski and W. Chlebda. Opole, University of Opole. 582 p. Pp. 79–92. (In Russ.).

Bolat-ool, R. V. and Pelevina, N. N. (2017) Formirovanie obraza zhenshchiny v tuvinskikh i nemetskikh poslovitsakh [The idea of a woman in Tuvan and German proverbs]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no. 21, pp. 29–32. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2002) *Stilistika kontrasta: Ocherki po yazyku russkikh poslovits [Stylistics of contrast: Essays on the language of Russian proverbs]*. Kazan, Kazan University. 196 p. (In Russ.).

Bredis, M. A. (2019) *Chelovek i den'gi: Ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko [Man and money: Essays on Russian proverbs, and more]*. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies. 296 p. (In Russ.).

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremii v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Parems in contemporary linguistics: approaches to studying, text-forming and linguocultural capability]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European parems]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funktsionirovanie [The proverb in contemporary linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Darzha, V. Ch. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov [The horse in the traditional practice of the Tuvan nomads]* / ed. by G. N. Kurbatskii. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 184 p. (In Russ.).

Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernyye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorkakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2> (In Russ.).



Egorova, A. I., Chochkina, M. P. and Sarbasheva, S. B. (2019) Psikholingvisticheskiy analiz gendernykh stereotipov v altaiskikh i iakutskikh poslovitsakh [Psycholinguistic analysis of gender stereotypes in Altai and Yakut proverbs]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 2, pp. 51–63. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6119-2019-2-51-63

Zhukov, V. P. (2000) *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [A dictionary of Russian proverbs and sayings]. 7th ed., stereotype. Moscow, Russian language. 544 p. (In Russ.).

Zinovieva, E. I., Pi Jiangkun (2016) Parametry lingvokul'turologicheskogo analiza paremiy odnogo yazyka na fone drugogo (na materiale russkikh i kitayskikh yedinit) [Parameters of linguoculturological analysis of the paremies in one language against the background of another: the case of Russian and Chinese units]. *Communicative Research*, no. 1 (7), pp. 18–24. (In Russ.).

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskiy analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, ponyatiya (na yevropeyskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, images, and concepts against a European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

*Istoriya tuvinskoy literatury* [History of Tuvan Literature] (2013). In 3 vols. / ed. by Dongak A. S., Dongak U. A., Kuzhuget M. A. etc., ed. by Kosheleva A. L. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Acad. Sciences. Vol. 1. 266 p. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2019) Idiomy i paremii s «kolokol'noy» semantikoy: obrazy i smysly [Idioms and paremies with "bell" semantics: images and meanings]. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia. Logicheskii analiz iazyka. Poniatie very v raznykh iazykakh i kul'turakh* [Linguoculturological studies. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures] / ed. by N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. M., Gnosis. 856 p. Pp. 387–404. (In Russ.).

Krickmann, A. A. (1978) Nekotoryye aspekty semanticheskoy neopredelennosti poslovitsy [Some aspects of the semantic ambiguity of the proverb]. In: *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura. Smysl. Tekst)* [A Paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure. Meaning. Text)] / ed. by G. L. Permyakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 82–104. (In Russ.).

Kuusi, M. (1978) K voprosu o mezhdunarodnoy sisteme poslovichnykh tipov (Opyt klassifikatsii kolichestvennykh poslovits) [On the international system of proverbial types: An attempt at classification of quantitative proverbs]. In: *Paremiologicheskii sbornik. Poslovitsa. Zagadka (Struktura. Smysl. Tekst)* [A paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure. Meaning. Text)] / ed. by G. L. Permyakov. Moscow, Nauka. 320 p. Pp. 53–81. (In Russ.).

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2016) Poznavatel'nyy potentsial rusinskikh paremiy na fone russkogo i ukrainskogo yazykov [Cognitive potential of Rusyn paremias against the background of the Russian and Ukrainian languages]. *Rusin*, no. 3 (45), pp. 119–128. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/45/9>

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018) Tsennostnyye konstanty rusinskoy paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov) [Value constants of Rusyn paremiology against the background of Ukrainian and Russian languages]. *Rusin*, no. 4, (54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Neliubova, N. Yu. (2019) Sem'ia kak obshchechelovecheskaia tsennost' vo frantsuzskoi i russkoi poslovichnoi kartine mira [The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world]. *Philological Sciences. Scientific Essays Of Higher Education*, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu., Semina, P. S. and Kazlauskene, V. (2020) Gurmanstvo v ierarkhii tsennosti frantsuzov i bel'giitsev (na materiale poslovits i pogovorok) [Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 969–990. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>

Neliubova, N. Yu., Khil'tbrunner, V. I. and Ershov, V. I. (2019) Otrazhenie ierarkhii tsennosti v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov [The reflection of the hierarchy of values in the proverbial corpus of the Russian and French languages]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Nikolaeva, E. K. (2010) O mezhslyavianskom yazykovom vzaimodeystvii (na materiale poslovits) [On the inter-Slavic language interaction: the case of proverbs]. In: *Russkaia rech' v sovremennykh paradigmakh lingvistiki* [Russian speech in the paradigms of contemporary linguistics]: in 2 vols. / ed. by N. V. Bolshakova, L. Ya. Kostyuchuk, T. G. Nikitina, etc. Pskov, PGPU. Vol. 2. 278 p. Pp. 206–211. (In Russ.).

*Paremiologiya bez granits* [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

Permyakov, G. L. (1988) *Osnovy strukturnoy paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology]. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. 236 p. (In Russ.).

Radbil, T. B. (2019) Vera kak osnova mirovospriyatiya i miroponimaniya v russkoy yazykovoy kartine mira [Faith as the basis of worldview in the Russian language picture of the world]. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia. Logicheskii*





analiz iazyka. *Poniatie very v raznykh iazykakh i kul'turakh [Linguoculturological studies. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures]* / ed. N. D. Arutyunova and M. L. Kovshova. Moscow, Gnosis. 856 p. Pp. 23–35. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2002) Kontekstual'noye var'irovaniye poslovits — “etalonov” povedeniya [Contextual variation of proverbs — “standards” of behavior]. In: *Slovo. Fraza. Tekst [Word. Phrase. Text]* / ed. by V. M. Mokienco. Moscow, Azbukovnik. 592 p. Pp. 310–317. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2009) Opyt vyyavleniya poslovichnogo binoma i problema variantnosti [Experience in identifying the proverbial binomial and the problem of variance]. *Russian language in scientific coverage*, no. 1, pp. 182–200. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2017) *Prostranstvo russkoy posloivitsy: postoyanstvo i izmenchivost' [The space of the Russian proverb: constancy and variability]*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Flinta, Nauka. 294 p. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. (2019) Svoy glaz –almaz, a chuzhoy –steklo: doveriye i nedoveriye u russkikh i chekhov (na primere paremiki) [One's own eye is a diamond, and another's is glass: trust and distrust among Russians and Czechs (paremic implementation)]. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniia. Logicheskii analiz iazyka. Poniatie very v raznykh iazykakh i kul'turakh [Linguoculturological studies. Logical analysis of the language. The concept of faith in different languages and cultures]* / ed. by N. D. Arutyunova, M. L. Kovshova. Moscow, Gnosis. 856 p. Pp. 281–292. (In Russ.).

Seliverstova, E. I. and Chen Weijia (2019) Etnomarkirovannyye predstavleniya o pol'ze i vrede lzhi v russkikh i kitayskikh posloivitsakh [Ethno-marked ideas about the benefits and harms of lying in Russian and Chinese proverbs]. *Bulletin of Chuvash State Pedagogical University I. Ya. Yakovleva*, no. 3(103), pp. 167–174. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.26293/chgpu.2019.103.3.022>

Semenenko, N. N. (2014) Otrazheniye klyuchevykh simvolov russkogo etnoyazykovogo soznaniya v paremiograficheskoy praktike [Reflection of key symbols of Russian ethno-linguistic consciousness in paremiographic practice]. *Problems of history, philology, culture*, no. 3 (45), pp. 61–63. (In Russ.).

Semenenko, N. N. and Shipitsina, G. M. (2005) *Russkaya posloivitsa: funktsii, semantika, sistemnost' [The Russian proverb: functions, semantics, consistency]*. Belgorod, BelSU. 172 p. (In Russ.).

Telia, V. N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow, School “Languages of Slavic Culture”. 288 p. (In Russ.).

*Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary]* (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Wu Wei (2012) Zima v russkom paremiologicheskom prostranstve (na fone kitayskogo yazyka) [Winter in the Russian paremiological space against the background of the Chinese language]. *World of the Russian word*, no. 3, pp. 50–52. (In Russ.).

Chernysheva I. I. (1997) Staryye problemy v novoy lingvisticheskoy paradigme [Old problems in the new linguistic paradigm]. *Philological sciences*, no. 2, pp. 76–82. (In Russ.).

Ivanov, Ya. Ya. (2011) Paremiialagichnyia sistemy belaruskai i ruskai moy: padabensvty i razykhodzhanni [The paremiological systems of the Belarusian and Russian languages: similarities and differences]. *Filologichni studii*, vol. 6, part 2, pp. 53–63. (In Belarus.)

Koloiz, Zh. V., Malyuga, N. M. and Sharmanova, N. M. (2014) *Українська пареміологія [Ukrainian paremiology]*. Ed. by Zh. V. Kolois. Kriviy Rig, National University. 349 p. (In Ukrainian)

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, № 2, pp. 125–135.

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 02.12.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.9

Статья

## Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков

**Елена И. Зиновьева**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,

**Алексей С. Алёшин**

Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Российская Федерация



В статье рассматриваются пословицы и поговорки компаративной структуры о членах семьи, родственниках в тувинском, шведском и русском языках. В каждой лингвокультуре существуют национально-маркированные образы сравнения, обусловленные историей, хозяйственно-бытовым укладом, системой ценностей народа. Различается и структура паремий, вербализующих идеи традиционной культуры в каждом из трёх рассматриваемых языков.

Источники исследования: сборник Б. К. Будупа «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020), словарь В. И. Даля «Пословицы русского народа» (1984), словари шведских паремий П. Хольма (1984) и Ф. Стрема (1929).

Выявляются типичные модели пословиц, отражающие способ мышления народов-носителей соответствующих языков, специфика при сопоставлении субъекта и объекта сравнения, используемые слова-реалии, зоонимы и другие образы сравнения. Для тувинского языка типичными являются паремии четырёхчастной структуры, описывающие преимущественно распределение функций матери и отца в семье. Сопоставление-уподобление членов семьи осуществляется с помощью образов традиционных для тувинцев животных, образов орудий труда и атрибутов хозяйственной жизни. Для паремий русского языка в большей степени характерно сравнение через противопоставление. В шведском языке обращают на себя внимание пословицы с рядоположенностью нескольких субъектов сравнения. Шведские компаративные паремии более категоричны за счет преобладающего эксплицитно выраженного сравнения. Тувинские паремии в отличие от русских преимущественно характеризуют кровных родственников.

Общие когнитивные о ценности детей в семье и роли родителей совпадают в паремике трёх языков. Частными этноспецифичными когнитивными являются «особая взаимосвязь отца и сына» в тувинских паремиях, «дочь — чужое сокровище» в русских и «воспитание детей в строгости, для того чтобы родителям не пришлось стыдиться в будущем» в шведских единицах.

**Ключевые слова:** паремия; компаративная структура; тувинская паремия; русская паремия; шведская паремия; тувинцы; русские; шведы; тувинский фольклор



### Для цитирования:

Зиновьева Е. И., Алёшин А. С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 131-145. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>



**Зиновьева Елена Иннокентьевна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11. Тел.: +7 (921) 995-46-40. Эл. адрес: e.i.zinovieva@spbu.ru

**Алёшин Алексей Сергеевич** — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков факультета социальных цифровых технологий Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Адрес: 193232, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Большевиков, д. 22, к. 1. Тел.: +7 (911) 220-13-45. Эл. адрес: alexis001@mail.ru



**ZINOVIEVA, Elena Innokentievna**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University. Postal address: 11 Universitetskaya naberezhnaya, 199034 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (921) 995-46-40. Email: e.i.zinovieva@spbu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6253-9739

**ALYOSHIN, Alexey Sergeevich**, Candidate of Philology. Assistant Professor and Head, Department of foreign languages, Faculty of Social Digital Sciences, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications. Postal address: 22 Prospect Bolshevikov, 193232 St. Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (921) 995-46-40. Email: alexis001@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6058-8844



Article

## The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages

**Elena I. Zinovieva**

*Saint Petersburg State University, Russian Federation,*

**Alexey S. Alyoshin**

*The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Russian Federation*

The article deals with proverbs and sayings of a comparative structure about family members and kinfolk in Tuvan, Swedish and Russian. Comparison is a universal method of cognition; however, in every linguistic culture nationally-marked images of comparison do exist. They are conditioned by history, economic life, and the system of values. The structure of the paremias that verbalize the ideas of traditional culture in each of the three considered languages is also different.

For sources of our study, we have chosen B.K. Budup's collection "Proverbs and sayings of the Tuvan people" (2020), V. I. Dahl's "Proverbs of the Russian people" (1984), and Swedish paremiological dictionaries by P. Holm (1984) and F. Strom (1929).

The article examines the typical models of proverbs, reflecting the way of thinking of native speakers of each of the languages, the roles of the subject and object of comparison, words referring to the objects of life, zoonyms and other images of comparison. For Tuvan language, typical are paremies of a four-part structure, which mainly reflect the distribution of maternal and paternal functions in the family. Comparison and imitation of family members is carried out through words referring to animals common for Tuvan culture — the horse, the camel; tools and attributes of economic life — the knife, the flint, the needle. In Swedish language, proverbs typically feature several subjects aligned together, while comparison through opposition is more characteristic of the paremias of the Russian language. Swedish comparative paremias sound more categorical due to the prevailing explicit comparison. Tuvan paremias, in contrast to Russian ones, mainly characterize kinfolk (blood relatives).

The general cognithemes concerning the value of children in the family and the role of parents coincide in the paremies of all the three languages. Among private, ethnospecific cognithemes are "the special bond between father and son" in Tuvan paremies, "a daughter is someone else's treasure" in Russian paremiological units, and "raising children in strictness so that parents do not have to be ashamed in the future" in Swedish ones.

**Keywords:** paremies; comparative structure; Tuvan paremies; Russian paremies; Swedish paremies; Tuvans; Russians; Swedes; Tuvan folklore



### For citation:

Zinovieva E. I. and Alyoshin A. S. Sem'ia v komparativnykh paremiiakh tuvinskogo, shvedskogo i russkogo iazykov [The family in comparative paremies of Tuvan, Swedish and Russian languages]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 131-145. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.9>

### Введение

Паремии каждого национального языка закрепляют ментальные процессы когниции народа-носителя языка. В когнитивной лингвистике в последние два десятилетия проводится анализ паремий как формы представления знаний народа в языке (Серегина, 2016); паремии изучаются с точки зрения зафиксированных в них «образных когнитивных формул» (Зевахина, 2002), с позиций когнитивной лингвистики исследуются пословицы с определенным компонентом (Галимуллина, Шаймарданова, 2018); исследователей также интересует лингвокогнитивный аспект проблемы выражения этноязыкового сознания в семантике паремий (Семененко, 2010).

Изучение картин мира различных народов (тувинской, русской и шведской) в аспекте когнитивной лингвокультурологии, предпринимаемое в данном исследовании, представляется актуальным и наиболее перспективным, поскольку позволяет выявить общие и этноспецифические черты паремиеологических текстов. В рамках данного направления выполнен анализ тувинских паремий различных тематических групп на европейском паремиеологическом фоне (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021). Устойчивые выражения компаративной структуры исследовались на материале русского и шведского языков (Алёшин, Зиновьева, 2020).



Концепт «семья» является универсальным для всех национальных языковых картин мира, он широко отражен в пословицах и поговорках различных народов. Но наряду с общими когнитивными, вербализованными во многих национальных паремнологических картинах мира, выделяются частные когнитивные, присущие конкретному этноязыковому сознанию, обусловленные традиционным укладом быта, историей народа-носителя языка, природными особенностями проживания народа. Понимание родства, родственников, их иерархия, связанная со складывавшимися веками социальными отношениями, различны у разных этносов, что находит отражение и в паремиях. Образы родственников исследовались в пословичных картинах мира русского и якутского языков (Борисова, 2017), на материале паремий английского, турецкого и татарского языков анализировались концепты «семья» и «родня» (Биктагирова, 2006, 2007), а пропозициональный фреймовый анализ семантики пословиц был проведен на материале фрейма «отец-сын» в русской и китайской паремике (Лихун, Абдуллаева, 2020). Концепт «родственник» в языковой картине мира тувинцев являлся объектом анализа на материале словарей и художественных произведений (Кужугет и др., 2019).

Компаративные паремии или паремии компаративной структуры — это пословицы и поговорки, эксплицитно или имплицитно содержащие сравнение. Компарация как когнитивная операция универсальна, но в силу особенностей менталитета народа-носителя языка она может быть выражена различными способами. Новизна исследования заключается в том, что лингвокультурологическое исследование тувинских компаративных паремий о членах семьи в сопоставлении со шведскими и русскими единицами проводится впервые.

Целью данной статьи является выявление этноспецифичных черт в компаративных паремиях тувинского, русского и шведского языков с последующими выводами об общих и своеобразных характеристиках. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить типичные структурные паремийные модели, отражающие ментальные когнитивные процессы этнического языкового сознания; определить наиболее характерные когнитивные, вербализуемые паремиями всех языков; выделить часто используемые образы и их мотивированность. В статье используются методы лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа.

Источниками исследования послужили: сборники «Пословицы и поговорки тувинского народа»<sup>1</sup> и «Пословицы русского народа»<sup>2</sup>, словари шведских паремий П. Хольма<sup>3</sup> и Ф. Стрёма<sup>4</sup>.

### **Тувинские компаративные паремии о членах семьи**

Методом сплошной выборки из сборника Б. К. Будупа «Пословицы и поговорки тувинского народа» нами была отобрана 51 паремия о членах семьи и родственных отношениях.

Структурную классификацию отобранных единиц можно представить следующим образом.

1. С точки зрения логико-семантической организации, в компаративных тувинских паремиях о семье явно доминирует эксплицитно или (намного реже) имплицитно выраженное уподобление. Уподобление основано на образном параллелизме.

1.1. Сравнение через уподобление в четырехчастной структуре.

В паремиях о семье этот тип уподобления является самым частотным (32 единицы): *Авага ажы-төлү артык, аңчыга алды-киш артык*<sup>5</sup> 'Матери дети дороги, охотнику — соболю'; *Аң түрээнде, турлаам*

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-составитель Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. В связи с тем, что как писали М. А. Бредис и др., данный сборник содержит множество неточных переводов тувинских пословиц на русский язык (Бредис и др., 2021: 145), в ряде случаев переводы уточнены или даны из сборника: Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976.

<sup>2</sup> Пословицы русского народа. Сборник В. И. Даля в двух томах. М.: Художественная литература, 1989.

<sup>3</sup> Holm P. «3530 ordspråk och talesätt. Stockholm: Bonnier fakta. 1984.

<sup>4</sup> Ström F. Svenska ordspråk. Stockholm: Bokförlaget Prisma. 1929.

<sup>5</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-составитель Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 11.





дээр, кижиг түрээндө, төрөлим дээр ‘Зверь в беде к тайге стремится, человек в беде к родне тянется’<sup>1</sup>; *Аът өлүр*, — *баглаажы артар, ада өлүр — оглу артар* ‘Конь падёт, коновязь останется, отец умрет, сын останется’<sup>2</sup>; *Кежиглиг хемни үер үрээр, кежээ келинни хоп үрээр*<sup>3</sup> ‘Половодье размывает переправу реки, сплетня портит невестку и др.

Данные тувинские паремии представляют собой сложные предложения с бессоюзной связью. Уподобление с противопоставлением можно наблюдать в следующих паремиях: *Иезин «инээм» дээр, адазын «аъдым» дээр* ‘Мать сравнивают с коровой, а отца — с конем’<sup>4</sup>; *Даг көргенде, бөрү омак, даай көргенде, чээн омак* ‘Радуется волк, в родную чащу глядя, а племянник рад, на дядю глядя’<sup>5</sup>. В данном случае в переводе на русский язык используется противительный союз «а», акцентирующий противопоставление отца и матери, волка и племянника.

Эксплицитность уподобления может усиливаться благодаря использованию соотносительных местоименных наречий, в русском переводе это передается конструкцией «где... там, куда... там»: *Даш каган черинге чыдар, кыс берген черинге олулар*<sup>6</sup> ‘Куда камень бросил — там он и лежит, куда ты отдал дочь — там век ей жить’<sup>7</sup>.

Уподобление логически может быть выражено условием: *Ада турда — чон таныыр, аът турда — чер көөр*<sup>8</sup> ‘Отец с тобой — людей верней узнаешь, есть конь лихой — простор степей познаешь’<sup>9</sup>; *Авазы хүн болза, ачазы ай болур* ‘Если солнце — мать, отец — луна’<sup>10</sup>.

Наблюдается также использование отрицания при уподоблении — логические конструкции «без кого-либо — кто-либо» и «без кого-либо как без кого-либо — без кого-либо как без чего-либо»: *Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс* ‘Без отца — полусирота, без матери — круглый сирота’<sup>11</sup>; *Ада чокта — эш чок, аъды чокта — бут чок дег* ‘Без отца как без друга, без коня как без ног’<sup>12</sup>.

### 1.2. Сравнение через уподобление в двухчастной структуре.

*Буура кырыыр, бодаган өзер* ‘Верблюд состарится, верблюжонок вырастет’<sup>13</sup>. В данном случае имплицитно уподобляются родители (отец) и верблюд, дети (сын) и верблюжонок.

### 2. Сравнение через противопоставление.

*Адазын дөзээр, иезин уктаар* ‘Отца наследуют, матери подражают’<sup>14</sup>; *Ада кижиг оглун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр*<sup>15</sup> ‘Павлин хвостом не накручивается, отец сыном налюбуется’<sup>16</sup>; *Кижиг төлүнге ынак, ыт коданынга ынак* ‘Человек любит своих детей, а собака — свой двор’<sup>17</sup>; *Оолдуг кижиг оя сөглээр, кыстыг кижиг кыя сөглээр*<sup>18</sup> ‘Имеет сыновей — всю правду сразу скажет, имеет дочерей — намеками привяжет’<sup>19</sup>.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 16.

<sup>2</sup> Там же. С. 17.

<sup>3</sup> Там же. С. 31.

<sup>4</sup> Там же. С. 101.

<sup>5</sup> Там же. С. 23.

<sup>6</sup> Там же. С. 25.

<sup>7</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 48.

<sup>8</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

<sup>9</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 47.

<sup>10</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 80.

<sup>11</sup> Там же. С. 12.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Там же. С. 22.

<sup>14</sup> Там же. С. 81.

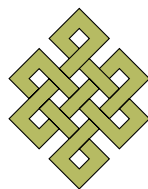
<sup>15</sup> Там же. С. 11.

<sup>16</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 53.

<sup>17</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 33.

<sup>18</sup> Там же. С. 42.

<sup>19</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки ... С. 48.



3. Сравнение, выраженное сравнительной степенью прилагательного.

*Алышкылар ынаа хая-даштан артык* 'Любовь братьев крепче скалы'<sup>1</sup>. В данном случае для абстрактного субъекта сравнения объектом сопоставления служит реалия неживой природы, отличающаяся твердостью и крепостью.

При двухчастном сравнении-уподоблении объект и субъект сравнения выделяются с помощью сравнительной степени прилагательного на приводимом фоне в каждой части паремии (для лучей солнца фоном служат облака, для глаз матери — глаза других людей; старший и младший в семье выделяются на общем фоне других членов семьи): *Булут аразындан хүн караа чылыг, улус аразындан ава караа чымчак* 'Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери милее'<sup>2</sup>.

При четырехчастном сравнении-уподоблении можно наблюдать употребление превосходной степени прилагательного: *Авыралдыг чүве — ава, аянныг эди — сава* 'Самый благодетельный человек — мать, самая хорошая вещь — пиала'<sup>3</sup>.

4. Эксплицитно выраженное сравнение при помощи сравнительного союза встречается в тувинских пословицах о семье редко: *Ада орнун оол салгаар, аът орнун кулун салгаар* 'Место отца наследует сын, как жеребенок — коня'<sup>4</sup>; *Ада сөзү — дашка баскан таңма ышкаш* 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне'<sup>5</sup>.

В анализируемых паремиях тувинского языка можно выделить основные установки этнокультурного языкового сознания — общие и частные когнитивы.

Выделяются паремии о родственниках в целом — *төрөл* 'родня'. Эти единицы вербализуют такие когнитивы, как ожидание помощи от родственников в случае беды: *Аң түрээнде, турлаам дээр, кижиги түрээнде төрөлим дээр* 'Зверь в беде к тайге стремится, человек в беде к родне тянется'<sup>6</sup>; проявление истинного «лица» родни при пребывании в их доме родственников: *Аът багын мунуп билир, төрөл багын кирип билир* 'Хочешь узнать, хорош ли конь — объезжай, хочешь узнать, какова родня — заезжай'<sup>7</sup>. Образный параллелизм проявляется при соотнесении пословичных биномов «зверь — тайга» и «человек — родня»; «конь — объезжать» и «родня — заезжать» в четырехчастных по структуре паремиях. Поселение тувинцев-кочевников *аал* населяли многочисленные родственники, отдельные семьи жили в юртах, что нашло отражение в паремии *Төрөл багы — аал чуду, төл багы — өг чуду* 'С плохой родней — аалу позор, с плохим дитем — юрте позор'<sup>8</sup>.

Особое место в тувинских паремиях отводится важной роли родителей в семье. Родители метафорически сравниваются с опорой, такой же, как выращенный скот, называемый иным термином — тоже опорой, но в хозяйстве: *Ада-ие — даянгыш, азыраан малы — чөлөнгиши* 'Родители — опора, выращенный скот — опора'<sup>9</sup>.

Роль матери в жизни ребенка очень важна: *Ада чокта — чартык өскүс, ава чокта — бүдүн өскүс* 'Без отца — полусирота, без матери — полный сирота'<sup>10</sup>. Но ребенку равным образом необходимы и мать, и отец, метафорически мать сравнивается с солнцем, отец — с луной, значимость отца оценивается с помощью метафоры «золото», а матери — «серебро». Отец дает жизнь, мать воспитывает ребенка трудолюбивым: *Ада сөзү — «амыдырал», ие сөзү — «ажыл-иш»*<sup>11</sup> 'Слово отца — жизнь, матери — труд'.

Образами, которым уподобляются родители в паремиях, являются зоонимы *конь* и *корова*. Об этом прямо заявляется в паремии: *Иезин «инээм» дээр, адазын «агдым» дээр* 'Мать сравнивают с коровой, а

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 15.

<sup>2</sup> Там же. С. 22.

<sup>3</sup> Там же. С. 81.

<sup>4</sup> Там же. С. 82.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. С. 16.

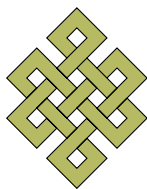
<sup>7</sup> Там же. С. 17.

<sup>8</sup> Там же. С. 52.

<sup>9</sup> Там же. С. 81.

<sup>10</sup> Там же. С. 12.

<sup>11</sup> Там же. С. 82.



отца — с конем<sup>1</sup>. Сфера хозяйственной деятельности матери — дом, двор, а отца — то, что находится за пределами двора: *Инээм өдээ — ием чурту, аьдым өдээ — адам чурту*<sup>2</sup> 'Навоз коровы — родина матери, навоз коня — родина отца' (Бредис и др., 2021: 154). Образный параллелизм *отец — конь* частотен для тувинских пословиц о семье, без отца в семье и без коня в хозяйстве жить трудно: *Ада чокта — эш чок, аьды чокта — бут чок дег* 'Без отца как без друга, без коня как без ног'<sup>3</sup>. Отец — тот человек, который вводит ребенка в мир взаимоотношений с людьми, конь позволяет передвигаться, познавать внешний мир за пределами дома: *Ада турда — чон таныыр, аьт турда — чер көөр*<sup>4</sup> 'Отец с тобой — людей верней узнаешь, есть конь лихой — простор степей познаешь'<sup>5</sup>.

Ребенок тянется к отцу как козленок к сосцу матери: *Адазынга кызы чассыг, авазынга анай чассыг* 'Ребенок к отцу ластится, козленок к сосцу тянется'<sup>6</sup>. Отец наполняет ребенка гордостью, как хлеб сытостью: *Тараалыг кижиг тодуг, адаалыг кижиг чоргаар*. 'Человек с хлебом сыт, с отцом — горд'<sup>7</sup>. Отцовское слово столь же крепко и неизменно, как отпечаток на камне: *Ада сөзү — дашка баскан таңма ыкаш*. 'Отцовское слово, что отпечаток на твердом камне'<sup>8</sup>. Отец — глава семьи, после смерти остаются его заветы: *Адазы өлүрге, оттуун алыр, адыг өлүргеиш, өдүн алыр* 'Умирает отец — остается огниво, убивают медведя — берут желчь'<sup>9</sup>.

Мать сравнивается с пиалой — традиционной хозяйственно-бытовой реалией тувинского быта — чашей для питья: *Авыралдыг чүве — ава, аянный эди — сава*<sup>10</sup> 'Самый благодетельный человек — мать, самая хорошая вещь — пиала'. Глаза матери сопоставляются с лучами солнца: *Булут аразындан хүн караа чылыг, Улус аразындан ава караа чымчак* 'Среди облаков лучи солнца теплее, среди людей глаза матери милее'<sup>11</sup>. Дети столь же дороги для матери, как ценны черные соболя для охотника: *Авага ажы — төлү артык, аңчыга алды-киши артык* 'Матери дети дороги, охотнику черные соболя дороги'<sup>12</sup>. Мать постоянно тревожится за детей, в то время как дети думают о внешнем мире, символом которого является степь: *Ава кижиг «төлүм» дээр, ажы — төлү «шөлүм» дээр* 'Думы матери о детях, мысли детей о степи'<sup>13</sup>.

Мать оказывает сильное влияние на воспитание дочери, а отец — сына: *Иелиг кыс шевер, Адалыг оол томаанныг* 'С матерью дочь — умелая, с отцом сын — послушный'<sup>14</sup>.

Патриархальный уклад традиционного тувинского быта обусловил тот факт, что связка «отец — сын» особым образом выделяется в тувинских пословицах: *Аьт өлүр, — баглаажы артар, Ада өлүр — оглу артар* 'Конь падёт, коновязь останется, отец умрет, сын останется'<sup>15</sup>; *Буура кырыыр, бодаган өзер* 'Верблюд состарится, верблюжонок вырастет'<sup>16</sup>; *Ада орнун оол салгаар, аьт орнун кулун салгаар* 'Место отца наследует сын, как жеребенок — коня'<sup>17</sup>; *Ада кижиг оглун сактыр, алдын-доос кудуруун сактыр*<sup>18</sup> 'Павлин хвостом не покрасуется, отец сыном налюбуется'<sup>19</sup>.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 101.

<sup>2</sup> Там же. С. 102.

<sup>3</sup> Там же. С. 12.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 47.

<sup>6</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 11.

<sup>7</sup> Там же. С. 51.

<sup>8</sup> Там же. С. 82.

<sup>9</sup> Там же. С. 81.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Там же. С. 22.

<sup>12</sup> Там же. С. 11.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Там же. С. 28.

<sup>15</sup> Там же. С. 17.

<sup>16</sup> Там же. С. 22.

<sup>17</sup> Там же. С. 82.

<sup>18</sup> Там же. С. 11.

<sup>19</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 53.



А. И. Егорова, А. П. Кондакова и М. А. Кужугет справедливо отмечают, что «в тувинских паремиях отражена тенденция к андрократии (патриархату), связанная с доминированием мужчин и подчинением женщин» (Егорова, Кондакова, Кужугет, 2020: 23).

Дети (*ажы-төл*) в тувинской семье — это «продолжатели рода, мерило семейного богатства, благополучия, залог счастливой старости для человека» (Ламажаа, 2015: 51). Отношения родителей и детей описываются тувинскими паремиями следующим образом: родителям всегда дороги дети: *Кижиги төлүнге ынак, ыт коданынга ынак* 'Человек любит своих детей, а собака — свой двор'<sup>1</sup>; *Куш уязынга ынак, кулун иезинге ынак* 'Птица гнездо бережет, человек — детей'<sup>2</sup>. Положительная оценка дается и старшему, и младшему в семье, критерии такой оценки различны: *Улустуң улуу чагыглыг, уругнуң хеймери чассыг* 'Старший в семье всех мудрее, младший в семье всех милее'<sup>3</sup>. Детей нужно воспитывать правильно, излишняя похвала ни к чему хорошему не приведет: *Тоткан эник ээзин ээрер, доруккан оол иезин чаңчаар* 'Перекормлен щенок — на хозяина лает, перехвален сынок — он и мать обругает'<sup>4</sup>. Когда дети вырастают, и пора подумать об их вступлении в брак, наступает такая же хлопотная пора, как и при выращивании жеребят: *Кулун тудар — доозуннуг, куда дүжер — дүвүренчиг* 'Растить жеребят — забот много, женить ребят — хлопот много'<sup>5</sup>. При этом есть разница между родителями, у которых сыновья, и родителями, имеющими дочерей: *Оолдуг кижиги оя сөглээр, кыстыг кижиги кыя сөглээр* 'Имеющий сыновей прямо говорит, имеющий дочерей — намеками'<sup>6</sup>. Необходимо внимательно относиться к выбору будущей семьи для дочери, выходящей замуж: *Даш каган черинге чыдар, кыс берген черинге олуар*<sup>7</sup> 'Куда камень бросил — там он и лежит, куда ты отдал дочь — там век ей жить'<sup>8</sup>.

Дочь и сын сравниваются по их функции в хозяйстве семьи: *Кыс уруг ине-чүскүк дээр, оол уруг от-тук-бижек дээр* 'Дочь просит иголку с наперстком, сын — нож с огнивом'.

Лошади являются символом свободы передвижения, помогают раздвинуть пределы «своего» пространства, бык — символ своего хозяйства и одновременно агрессии, что отражено в паремии *Аскырылыг аалдың уруглары сонуургак болур, бугалыг аалдың уруглары кортук болур* 'Дочки аала, где есть жеребец — любопытны, где есть бык — трусливы'<sup>9</sup>.

Особо выделяется в тувинских паремиях ценность наличия братьев у ребенка: *Алышкылар адаарганчыг — арга-сүме чугаалажыр, акызы чок кээргенчиг — аткаар сояр, ишкээр сояр* 'Завидно на братьев смотреть: они соревнуются о путях-дорогах жизни, на одинокого жалко смотреть: то назад смотрит, то вперед'<sup>10</sup>. Данная паремия представляет собой текст с основным суждением — «завидно смотреть на братьев» и его аргументацией в виде образного осмысления целой ситуации, по терминологии Т. С. Зевахиной, с противопоставлением образа жизни и мыслей единственного ребенка в семье и братьев. В паремиях отмечается сила братской любви: *Алышкылар ынаа хая-даштан артык* 'Любовь братьев крепче скалы'<sup>11</sup>.

Что касается сестёр, то им в сборнике «Пословицы и поговорки тувинского народа» посвящена только одна тувинская паремия, сопоставляющая старшую и младшую сестру: *Дуңмалыг кижиги дыш, угбалыг кижиги ус* 'У младшей сестры понежишься, у старшей сестры научишься'<sup>12</sup>.

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 33.

<sup>2</sup> Там же. С. 36.

<sup>3</sup> Там же. С. 54.

<sup>4</sup> Там же. С. 52.

<sup>5</sup> Там же. С. 35.

<sup>6</sup> Там же. С. 42.

<sup>7</sup> Там же. С. 25.

<sup>8</sup> Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. С. 48.

<sup>9</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 87.

<sup>10</sup> Там же. С. 84.

<sup>11</sup> Там же. С. 15.

<sup>12</sup> Там же. С. 27.





Из кровных родственников в рассматриваемом сборнике тувинских паремий 2020 г. один раз фигурируют также дядя и племянник, между которыми существуют теплые чувства: *Даг көргенде, бөрү омак, даай көргенде, чээн омак* 'Радуется волк, в родную чашу глядя, а племянник рад, на дядю глядя'<sup>1</sup>. Реализуются парные пословичные биномы «волк — чаша» и «племянник — дядя».

Из родственников по брачным связям выделяется зять, помогающий в хозяйственной жизни семьи, ему в анализируемом сборнике посвящены три паремии: *Кыштаг турда, мал белен, Кыстыг турда, күдээ белен* 'Был бы зимник — скот найдется, была бы дочь — зять сыщется'<sup>2</sup>; *Хүн херелдиг, күдээ дузалыг* 'Солнце тепло дает, зять — подмогу'<sup>3</sup>; *Хүрең-дайның маңын көөр, күдээзиниң күжүн көөр* 'У лошади надо ход узнать, зятя надо на силу испытывать'<sup>4</sup>. Парно реализуемые пословичные биномы, создающие образность, следующие: «зимник — скот», «дочь — зять»; «лошадь — ход», «зять — сила»; «солнце — тепло», «зять — подмога».

Невестка является компонентом только одной компаративной паремии, предостерегающей от наговоров на нее: *Кежиглиг хемни үер үрээр, кежээ келинни хоп үрээр*<sup>5</sup> 'Половодье размывает переправу реки, сплетня портит невестку'. Образно уподобляются половодье и противостоящие ему крепкие берега и наговоры, и терпеливая невестка. Один раз также фигурирует в паремиях свояк: *Бажа бажазынга ынак, өшкү хаязынга ынак* 'Сваяк любит свояка, козел любит скалу'<sup>6</sup>.

Отметим, что муж не фигурирует в компаративных тувинских паремиях рассматриваемого сборника, и только одна паремия сравнивает-уподобляет жену и скот, столь важную составляющую традиционного тувинского быта: *Кижиниң малы саарында таңмалыг кулаанда имниг, кижиниң кижизи салаазында билзектиг, кулаанда сыргалыг* 'Скот у хозяина имеет тамгу на боку, отметину на ушах, жена у мужа имеет кольцо на пальце, серьги на ушах'<sup>7</sup>. Основание уподобления эксплицитно не выражено, паремия предполагает наличие пресуппозиции<sup>8</sup> у носителей языка, общей когнитивной базы. В языковом сознании тувинцев закреплено представление о том, что тамгу (клеймо, тавро) выжигали крупным животным, например, лошадям, а козам и овцам делали разной формы надрезы на ушах, чтобы пометить своих животных (Ондар, Бырыннай, Тюлюш, 2021). Кольцо на пальце — символ брака, обета, данного мужу, серьги в ушах — подарок мужа жене.

Таким образом, в результате проведенного анализа данного корпуса тувинских компаративных паремий о семье можно сделать следующие выводы. Компарация в рассмотренных паремиях, главным образом, базируется на когнитивной операции уподобления, основывающейся, в свою очередь, на образном параллелизме частотных для тувинских пословиц и поговорок четырехчастных моделей. Одной из важных областей-источников метафоричности ситуационных образов являются слова-реалии живой и неживой природы, окружающей носителей тувинского языка с детства и до глубокой старости: *хүн* 'солнце', *ай* 'луна', *шөл* 'степь', *тайга* 'тайга', *шыргай* 'чаша', *даш* 'камень', *хая* 'скала', *үер* 'половодье', *эрик* 'берег'. В тематической группе «природа» особо следует выделить зоонимы — наименования «своего», близкого человеку мира домашних животных, незаменимых в хозяйстве — *аът* 'конь', *инек* 'корова', *буга* 'бык', *хуна* 'козел', *теве* 'верблюд', *ыт* 'собака' и наименования диких животных, с которыми человек чаще всего сталкивался за пределами «своего» пространства (во время охоты, например) — *адыг* 'медведь', *киш* 'соболь', *куш* 'птица'. Особая значимость лошадей в тувинском традиционном быту обусловила частое использование в паремиях образов коня, лошади, жеребца, жеребенка. Одна из самых продуктивных метафорических моделей переноса «животное — человек» задействована при паремиологической характеристике отца и матери (отец — конь, мать — корова), а также родителей и детей в тувинских компаративных паремиях (конь — жеребенок, козел — козленок, собака — щенок, верблюд — верблюжонок). Акцентирование образов скота в компаративных паремиях обусловлено тем, что скот — это главный источник существования и основа традиционного хозяй-

<sup>1</sup> Пословицы и поговорки тувинского народа / автор-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство имени Ю. Ш. Кюнзегеша; Радуга Тувы, 2020. С. 23.

<sup>2</sup> Там же. С. 38.

<sup>3</sup> Там же. С. 61.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 31.

<sup>6</sup> Там же. С. 89.

<sup>7</sup> Там же. С. 107.

<sup>8</sup> Пресуппозиция — предпосылка, уже существующее знание о предмете в сознании человека.



ства тувинцев. Другой, не менее важной сферой-источником метафор, являются хозяйственно-бытовые реалии: *аал* 'селение', *өг* 'юрта', *демдек* 'тамга', *оттук* 'огниво', *бижек* 'нож', *ине* 'иголка', *чүскүк* 'наперсток', *баглааш* 'коновязь', *шаажаң аяк* 'пиала'. Рассмотренные тувинские компаративные паремии о семье в большей степени описывают кровных родственников, особо выделяются родители (равным образом отец и мать) и отношение родителей к детям как к главной ценности.

### **Русские компаративные паремии о членах семьи**

Из словаря В. И. Даля (1984) было отобрано 55 единиц компаративной структуры о родственниках, исключая мужа и жену<sup>1</sup>.

С точки зрения моделей паремий, можно предложить следующую классификацию отобранных компаративных русских единиц. Самый объемный разряд составляют паремии, выражающие сравнение через противопоставление (24 единицы).

Чаще всего сравнение-противопоставление формально выражается сложным предложением с противительным союзом «а» или «да»: *Сватьев — не оберешься, свояков — не огребешься, а женского кумовства — до Москвы не перевешаешь; Чирий и в боку сидит, да не родня; У тороватого<sup>2</sup> дяди денег нет, а богатый скуп; Свекор — гроза, а свекровь выест глаза; В лесу медведь, а в доме мачеха и др.*

Противопоставление может выражаться логически в сложном бессоюзном предложении: *У тетки баловень племянник, у дяди племянница; Два брата на медведя, два свата — кисель; Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку; Умный сын — отцу замена, глупый — не помощь; Сына корми — себе пригодится; дочь корми — людям снадобится; Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут.*

2. Эксплицитно выраженные сравнения являются вторым по объему разрядом русских компаративных паремий (21 единица).

В числе подобных паремий выделяются единицы со сравнительными союзами «как» и «что»: *Деревенская родня, как зубная боль (докучает); Зашел к куме да и засел, как в тюрьме; Свекровь на печи, что собака на цепи; Деверья впереди, что борзые кобели; Свекровь на печи, что сука на цепи; Тепло, да не как лето; добра, да не как мать; Нет такого дружка, как родная матушка; Житье сиротам, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет; Плодятся и множатся, что голуби; Ребята, что мокрицы, от сырости разводятся (о бедняках); У ребят, что у зайчат: по два зуба; Родился сын, как белый сыр.*

Отдельную группу в рассматриваемом разряде составляют паремии со сравнительной степенью прилагательного или наречия: *Больше баб в семье, больше греха; Духовное родство пуце плотского; Брат на брата — пуце супостата* (т. е. если враждуют); *Дочернины дети милее своих; Чем терять, так лучше б не (так не дай, Бог) рожать; Свой дурак дороже чужого умника; Всякому свое дитя милее. При этом вся паремия может быть построена на противопоставлении: Сыр калача белее, а мать мачехи милее; Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери; Хоть по-старому, хоть по-новому, а все отец старше сына.*

3. В отдельный разряд выделяются русские паремии, в которых родственники описываются при помощи метафор (10 единиц): *Сноха свекрови — битая полоса; Сынок — свой горбок; зятек — покупной щеголек; теща хлопочет, тесть кропочет; Мать праведна — ограда камня; Первые детки — соколятки, последние — воронятки; Блудный сын — ранняя могила отцу; Сын да дочь — домашние гости; Сын да дочь — день да ночь (и сутки полны); Сын да дочь — ясно солнце, светел месяц; Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдет; Дочь — чужое сокровище.*

4. Сравнение-уподобление (2 единицы). В отличие от тувинских паремий этот тип сравнения в русских паремиях встречается редко: *При солнце тепло, а при матери добро.* Как и в тувинском языке наблюдается также использование отрицания при уподоблении — логическая конструкция «без кого-либо — кто-либо», являющаяся полным эквивалентом тувинской пословицы: *Без отца — полсироты, а*

<sup>1</sup> Паремии о муже и жене не были включены в данную статью в силу их многочисленности в русском языке, что требует отдельного исследования.

<sup>2</sup> Тороватый — щедрый.



без матери и вся сирота. Можно отметить противопоставление-уподобление с отрицанием: *Чирий и в боку сидит, да не родня*.

Русские паремии говорят о родстве в целом, о родственных отношениях, о родственниках. Отмечается, что родство духа важнее и сильнее кровного родства: *Духовное родство пуце плотского*. Именно поэтому не так важна близость родства: *Чирий и в боку сидит, да не родня*. В последней паремии эта идея вербализуется через уподобление-сравнение родни и нарыва на теле. Родственники, проживающие в деревне, часто доставляют много хлопот своими просьбами и визитами в гости: *Деревенская родня, как зубная боль* (докучает).

Женщина в русских паремиях о семье считается носителем греха — чем больше женщин, тем больше греха: *Больше баб в семье, больше греха*.

Среди установок русского этнокультурного сознания, вербализованных в русских компаративных паремиях о семье, доминируют когнитивные, связанные с детьми. Дети даются Богом: *Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог дает*. Самое страшное несчастье — потеря ребенка: *Чем терять, так лучше б не (так не дай, Бог) рожать*. Дети часто умирали в младенчестве, философское отношение крестьян-носителей русского языка к этому выразилось в паремии: *Хороши ягоды с проторцем, а дети с проморцем*. Как ягоды требуют прорезживания, так и дети умирают не все, а некоторые из многих. Традиционные крестьянские русские семьи были многодетными: *Плодятся и множатся, что голуби*. Ср. ироничную паремию о бедняках: *Ребята, что мокрицы, от сырости разводятся*. Свои дети — самые лучшие и любимые: *Всякому свое дитя милее; Свой дурак дороже чужого умника*. Воспитание детей — дело не легкое: *Детушек воспитать — не курочек пересчитать (переципать)*. Паремии сравнивают отношение к старшим и младшим детям в семье: *Первые детки — соколятки, последние — воронятки*. Сопоставлению подвергаются трудности, связанные с маленькими и подростками детьми: *Маленькие детки — маленькие бедки, а вырастут велики — большие будут; Малые дети съест, а большие износить не дадут; Малые соткать, а большие износить не дадут; Малые дети не дают спать, большие не дают дышать; С малыми детками горе, с большими вдвое*. Паремии фиксируют внешность маленьких детей: *У ребят, что у зайчат: по два зуба*. Внуки вызывают больше любви, чем дети: *Дочернины дети милее своих*.

Как и в тувинских паремиях, в русских единицах особо выделяется сын. Свой сын, особенно первенец, всегда красавец для родителей: *Родился сын, как белый сыр*. Ср. образное имплицитное сравнение: *У всякого первенец родится: во лбу светлый месяц, за ушами ясны звезды*. Сын противопоставляется зятю, как родственник по крови: *Сынок — свой горбок; зятек — покупной щеголек*. Семья должна быть многодетна: *Один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын*. Сыновья бывают разные: *Блудный сын — ранняя могила отцу; Умный сын — отцу замена, глупый — не помощь*. Сын и дочь составляют счастье родителей, для их описания используются природные образы: *Сын да дочь — ясно солнце, светел месяц*. Они дополняют друг друга, делают семью полной: *Сын да дочь — день да ночь (и сутки полны)*. Хотя оба ребенка дороги родителям, растут в одной семье: *Сын да дочь — домашние гости, между ними есть разница: сын останется с родителями, а дочь выйдет замуж и уйдет жить в другую семью: Сын — домашний гость, а дочь в люди пойдет; Сына корми — себе пригодится; дочь корми — людям снадобится; Дочерьми красуются, сыновьями в почете живут; Дочь — чужое сокровище*.

Что касается родителей, то в компаративных паремиях русского языка выделяется мать. Как и в тувинских паремиях, отмечается, что без матери жить труднее, чем без отца: *Без отца — полсироты, а без матери и вся сирота*. Доброта матери уподобляется теплу солнца, мать — это друг, защита — ограда каменная, только мать печалится о своем ребенке до конца своих дней: *При солнце тепло, а при матери добро; Нет такого дружка, как родная матушка; Мать праведна — ограда камена; Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку*. Мать — самый близкий человек в семье: *Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матери*. Родная мать сравнивается с мачехой и противопоставляется ей: *Сыр калача белее, а мать мачехи милее; Тепло, да не как лето; добра, да не как мать; В лесу медведь, а в дому мачеха; Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь; Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет*. Сирота сравнивается с горохом, горох каждый может сорвать, сироту каждый может обидеть: *Житье сиротам, что гороху при дороге: кто мимо идет, тот и урвет*.

Из кровных родственников в русских компаративных пословицах, как и в тувинских, выделяются братья. Братья сильны, когда действуют заодно, вместе преодолевают трудности. При этом братья противопоставляются сватам. Если братья вместе могут решить сложную проблему, то сваты только могут разделить трапезу: *Два брата на медведя, два свата — кисель*. Отдельная паремия фиксирует





неприемлемую для русского языкового сознания ситуацию вражды братьев, в таком случае братья становятся хуже врагов: *Брат на брата — пуще супостата*.

Как и в тувинских поговорках, в русских компаративных пословицах и поговорках фигурируют дядя, тетя, племянник и племянница. Племянник ближе к тете, племянница — к дяде: *У тетки баловень племянник, у дяди племянница*. Противопоставляются-сравниваются щедрый, но бедный дядя и богатый, но скупой: *У торватого дяди денег нет, а богатый скуп*.

Из родственников по брачным связям выделяются свекровь, кума и деверь. Свекровь оценивается исключительно отрицательно, сравнивается с собакой на цепи, она третирует сноху: *Свекровь на печи, что собака на цепи; Сноха свекрови — битая полоса*. Свекровь более жестока в своем обращении с невесткой, нежели свёкор: *Свекор — гроза, а свекровь выест глаза*. Свекровь ставится в один ряд с деверями: *Деверья впереди, что борзые кобели; свекровь на печи, что сука на цепи*. В данных поговорках выражена женская точка зрения, а именно взгляд невестки.

Кума в русских поговорках выступает как символ общительности, женской болтливости, особо выделяется кумовство как очень распространенное массовое явление, выделяющееся на фоне даже так же распространенного общения сватъев и свояков: *Зашел к куме да и засел, как в тюрьме; Сватъев — не оберешься, свояков — не огребешься, а женского кумовства — до Москвы не перевешаешь*. Паремии о куме и кумовстве вербализуют мужскую точку зрения.

Таким образом, в рассмотренных русских компаративных паремиях особо маркируются дети как самое большое богатство и ценность, выделяется также роль матери в противопоставлении мачехе, сын, который сравнивается с дочерью, как «чужим сокровищем», братья, которые сильны своим единством. Маркированной оказывается также свекровь, наделяемая отрицательной оценкой, как символ чрезмерной общительности выделяется кума. Для создания образности при характеристике детей и матери используются природные реалии — *солнце, месяц, звезды, день, ночь, зоонимы рыба, утка, голуби, мокрицы, курочки, соколятки, воронятки, зайчата, медведь, сука, кобель*. Фитонимы используются в меньшей степени — *горох, ягоды*. Из хозяйственно-бытовых реалий можно назвать *печь, каменную ограду, наименования продуктов питания — белый сыр, кисель*. Для отрицательной характеристики докучливой родни и родственников, не отличающихся теплым отношением, используются наименования болезней и болезненных проявлений — *зубная боль, чирый*.

### Шведские компаративные паремии

К анализу было привлечено 22 шведских компаративных паремии о семье и родственниках из собраний Ф. Стрёма<sup>1</sup> и П. Хольма<sup>2</sup>.

С точки зрения структурной организации, наиболее объемный разряд компаративных паремий шведского языка о семье составляют единицы, в которых сравнение выражено эксплицитно. На втором месте по количеству находятся паремии, вербализующие сравнение через противопоставление, на третьем — паремии, выражающие рядоположенность субъектов сравнения, и только одна паремия построена на уподоблении.

#### 1. Эксплицитно выраженное сравнение (12 единиц).

1.1. Паремии со сравнительным союзом *som* 'как': *Så höjes barn av börd som hjort av horn*. 'Дети возносятся от своего происхождения как олень от рогов'; *Mors och fars bannor äro som andras kakor*. 'Брань от родителей — как пирожные от других'; *Stuvmor är ofta mot barn som salt i surt öga*. 'Мачеха для детей часто как соль в раздражённом глазу'; *Få äro som far, ingen som mor*. 'Немногие как отец, никто как мать'; *En flicka utan moder är som en skuta utan roder*. 'Девушка без матери — как шхуна без руля'.

1.2. Паремии, построенные по модели «лучше..., чем...»: *Det är bättre att vara enda barnet än enda hästen*. 'Лучше быть единственным ребёнком, чем единственной лошастью'; *Bättre barnet gråter, än fadern*. 'Лучше пусть плачет ребёнок, чем отец'; *Bättre att barn gråter än modern suckar*. 'Лучше пусть ребёнок плачет, чем мать вздыхает'; *Bättre att barnet jämrar sig över föräldrar än föräldrar över barnet*. 'Лучше пусть ребёнок жалуется на родителей, чем родители на ребёнка'; *Bättre att barnet gråter än fadern tages*. 'Лучше

<sup>1</sup> Ström F. Svenska ordspråk. Stockholm: Bokförlaget Prisma. 1929.

<sup>2</sup> Holm P. 3530 ordspråk och talesätt. Stockholm: Bonnier fakta. 1984.





пусть ребёнок плачет, чем отца арестуют'; *Bättre ett barn än en kalv*. 'Лучше ребёнок, чем телёнок'; *Det är bättre att barnen sitta på föräldrarnas bänk än föräldrarna på barnens*. 'Лучше детям сидеть на родительской скамье, чем родителям на скамье у детей'.

2. Сравнение через противопоставление (5 единиц): *Små barn trampa modern på knät, stora barn trampa henne på hjärtat*. 'Маленькие дети наступают матери на колени, а большие — на сердце'; *Man skall icke kasta ut barnet med batvatten och icke hustrun med julgranen*. 'Нельзя выбрасывать ребёнка с водой, а жену с рождественской ёлкой'; *Kärt barn har många namn, men kungens har fler*. 'У любимого ребёнка много имён, но у королевского больше'; *Vis son är sin fars fröjd, elak son sin mors sorg*. 'Мудрый сын это радость для отца, злой сын — горе для матери'; *Klok son sparar om sommaren, skamlös son sover om hösten*. 'Умный сын экономит летом, бессовестный сын спит осенью'.

3. Сравнение через рядоположенность (4 единицы). Паремии с рядоположенностью — это такие компаративные единицы, в которых к нескольким субъектам (которые говорящий считает возможным сопоставлять), в том числе к наименованию родственника, члена семьи, прилагается один предикат: *Barn och hundar stänga aldrig dörrarna*. 'Дети и собаки никогда не закрывают двери'; *Vrångt barn och osande spis är fan så svårt att stå ut med*. 'Непослушного ребёнка и чадающую плиту ужасно тяжело вынести'; *Av barn och dårar får man höra sanningen*. 'От детей и сумасшедших можно услышать правду'; *Små barn och fulla karlar aktar vår Herre från stötar (de faller mjukt)*. 'Маленьких детей и пьяных мужиков наш Господь бережёт от ударов (они падают мягко)'.

4. Уподобление (1 единица): *Ger man grisen, när den grymtar, och barnet, när det gråter, får man fager gris och fult barn*. 'Если давать свинье, когда она хрюкает, и ребёнку, когда он плачет, то получится хорошая свинья и плохой ребёнок'.

В шведском языковом сознании, как в тувинском и русском, дети — главная ценность в семье. Большинство шведских компаративных паремий посвящено детям. Как и в русских паремиях, противопоставляются маленькие и подростки: *Små barn trampa modern på knät, stora barn trampa henne på hjärtat*. 'Маленькие дети наступают матери на колени, а большие — на сердце'. Потакать детским капризам нельзя: *Ger man grisen, när den grymtar, och barnet, när det gråter, får man fager gris och fult barn*. 'Если давать свинье (что она захочет. — Е. З., А. А.), когда она хрюкает, и ребёнку, когда он плачет, то получится хорошая свинья и плохой ребёнок'. В данной четырехчастной паремии присутствует образный ситуационный параллелизм. Но в отличие от тувинских паремий в первой части шведской единицы содержится одинаковый посыл, одно и то же условие (давать то, что хочет субъект — ребенок и свинья), следствия из этого условия во второй части паремиологической единицы получаются разными для двух сравниваемых субъектов (хорошая свинья и плохой ребенок). Рядоположенность, как один из типичных принципов построения шведских паремий, вытекающий из многолетних наблюдений носителей языка за окружающей действительностью, позволяет находить общие черты в, казалось бы, совершенно разных субъектах сравнения — детях и собаках: *Barn och hundar stänga aldrig dörrarna*. 'Дети и собаки никогда не закрывают двери'; ребенку и чадающей плите: *Vrångt barn och osande spis är fan så svårt att stå ut med*. 'Непослушного ребёнка и чадающую плиту ужасно тяжело вынести'; детей и сумасшедших: *Av barn och dårar får man höra sanningen*. 'От детей и сумасшедших можно услышать правду'; маленьких детей и пьяных мужиков: *Små barn och fulla karlar aktar vår Herre från stötar (de faller mjukt)*. 'Маленьких детей и пьяных мужиков наш Господь бережёт от ударов (они падают мягко)'.

Многие шведские паремии ироничны: *Det är bättre att vara enda barnet än enda hästen*. 'Лучше быть единственным ребёнком, чем единственной лошастью'; *Kärt barn har många namn, men kungens har fler*. 'У любимого ребёнка много имён, но у королевского больше'; *Bättre ett barn än en kalv*. 'Лучше ребёнок, чем телёнок'.

Как и в рассмотренных тувинских и русских паремиях, важная роль в шведских компаративных паремиологических единицах отводится родителям. Родители противопоставляются другим людям: *Mors och fars bannor äro som andras kakor*. 'Брань от родителей — как пирожные от других'. В шведских паремиях подчеркивается важность отца и незаменимая роль матери в семье: *Få äro som far, ingen som mor*. 'Немногие как отец, никто как мать'; *En flicka utan moder är som en skuta utan roder*. 'Девушка без матери — как шхуна без руля'. Мать имплицитно противопоставляется мачехе: *Stuvmor är ofta mot barn som salt i surt öga*. 'Мачеха для детей часто как соль в раздражённом глазу'.

Важной когнитивной<sup>1</sup> шведских паремий является воспитание детей в строгости, для того чтобы

<sup>1</sup> Когнитивная — пропозициональная единица знания, меньшая, чем пословица.



родителям не пришлось стыдиться в будущем: *Bättre barnet gråter, än fadern*. 'Лучше пусть плачет ребёнок, чем отец'; *Bättre att barn gråter än modern suckar*. 'Лучше пусть ребёнок плачет, чем мать вздыхает'; *Bättre att barnet jämrar sig över föräldrar än föräldrarna över barnet*. 'Лучше пусть ребёнок жалуется на родителей, чем родители на ребёнка'; *Bättre att barnet gråter än fadern tages*. 'Лучше пусть ребёнок плачет, чем отца арестуют'.

Народная мудрость говорит о том, что гораздо лучше то время, когда дети маленькие и растут в родительском доме, чем когда старые родители живут в доме взрослых детей: *Det är bättre att barnen sitta på föräldrarnas bänk än föräldrarna på barnens*. 'Лучше детям сидеть на родительской скамье, чем родителям на скамье у детей'.

Как и в проанализированных паремиях тувинского и русского языков, в рассматриваемых шведских паремиологических единицах выделяется сын. При этом, как и в русском языке, в шведских компаративных паремиях противопоставляются разные сыновья — мудрый (умный) сын и злой, бесовестный: *Vis son är sin fars fröjd, elak son sin mors sorg*. 'Мудрый сын — это радость для отца, злой сын — горе для матери'; *Klok son sparar om sommaren, skamlös son sover om hösten*. 'Умный сын экономит летом, бесовестный сын спит осенью'.

Исходя из результатов анализа шведских компаративных паремий о семье, представленных в рассматриваемых корпусах, можно сделать вывод о том, что они в целом более категоричны, чем тувинские и русские. В шведских единицах преобладает эксплицитно выраженное сравнение, категоричности шведских паремий во многом способствует частотная конструкция «лучше..., чем...». В структуре суждения обращает на себя внимание большое количество глаголов: *att gråta* 'плакать', *att jämra sig* 'жаловаться', *att trampa* 'наступать', *att sitta* 'сидеть', *att taga* 'арестовать', *att sucka* 'вздыхать' и др., что создает динамичность ситуации. Для создания образов привлекаются зоонимы: *en hjort* 'олень', *en hund* 'собака', *en kalv* 'теленоч', *en häst* 'лошадь', *ett svin* 'свинья'; хозяйственно-бытовые реалии: *en bänk* 'скамья', *en osande spis* 'чадящая плита, соль', появление образа шхуны обусловлено тем, что Швеция — морская страна. Для формирования образа через противопоставление и рядоположение используются наименования лиц: *dårar* 'сумасшедшие', *fulla karlar* 'пьяные мужики', *små barn* 'маленькие дети', а также наименования свойств личности: *vis* 'мудрый', *klok* 'умный', *skamlös* 'бесовестный', *arg* 'злой'. Это создает более реалистичную образность шведских компаративных паремий.

## Заключение

В результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы. В тувинских компаративных паремиях о родственниках из собрания Б. К. Будупа (2020) преобладает сравнение-уподобление, проявляющееся в наиболее частотных и типичных для тувинских паремий четырехчастных структурах, отличающихся образным параллелизмом. Для русских компаративных паремий о членах семьи из собрания В. И. Даля (1984) более характерно сравнение-противопоставление, а для шведских — эксплицитно выраженное сравнение с помощью сравнительных союзов и степеней сравнения прилагательных и наречий. При этом в шведских паремиях, присутствующих в словарях Ф. Стрёма (1929) и П. Хольма (1984) выделяется такая специфическая модель, как сравнение через рядоположенность субъектов сравнения.

Общими когнитивными всеми проанализированных паремий трех лингвокультур являются следующие: «дети — главная ценность семьи», «родители — основа семьи», «братское единство очень важно». Частными этноспецифическими когнитивными являются такие, как «особая взаимосвязь отца и сына» в тувинских паремиях, «дочь — чужое сокровище» в русских и «воспитание детей в строгости, для того чтобы родителям не пришлось стыдиться в будущем» в шведских единицах. В тувинских паремиях описываются главным образом кровные родственники в отличие от русских паремий. Шведские паремии отличаются наибольшей категоричностью. Области-источники метафоричности ситуационных образов паремий всех трех языков в целом совпадают: слова-реалии природы, хозяйственно-бытовые реалии. Однако в тувинских паремиях особо выделяются конь, лошадь, скот в целом, очень важные для традиционного тувинского быта, национально-специфическими являются такие реалии, как аал, юрта, пиала. Особенности географического положения Тувы обусловлены образы тайги и степи в паремиях, Швеции — образ шхуны.



Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что гипотеза о наличии частных когнитивных, присущих конкретному этноязыковому сознанию, нашла подтверждение при анализе паремиологического материала трёх рассмотренных языков. Перспективы дальнейшего исследования компаративных паремий видятся в рассмотрении других тематических групп пословиц и поговорок тувинского языка на иноязычном фоне (дом, трудовая деятельность, черты характера человека и др.). Это даст возможность уточнить выводы, сделанные в данной статье, а также составить целостное представление об общих закономерностях и этноязыковых различиях данного паремиологического разряда. Материал исследования может быть также расширен за счёт привлечения большего числа лексикографических источников паремиологического материала тувинского, русского и шведского языков.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алёшин, А. С., Зиновьева, Е. И. (2020) Устойчивые выражения компаративной структуры: лингвокогнитивный аспект (на материале русского и шведского языков) // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 1. С. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21> 06
- Биктагирова, З. А. (2006) Лингвокультурологические особенности паремий о семье (на материале английско-го, турецкого и татарского языков) // Вестник Чувашского университета. № 5. С. 107–112.
- Биктагирова, З. А. (2007) Концепт «родня» в английской, турецкой и татарской паремиологии // Ученые записки Российской международной академии туризма (казанский филиал): в 2 т. Казань : Изд-во «Юнивероун». Т. 3. 259 с. С. 170–181.
- Борисова, З. И. (2017) Образ родственников в пословичной картине мира (на примере русского, якутского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. № 2. С. 11–13.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Галимуллина, Р. И., Шаймарданова, М. Р. (2018) Лингво-когнитивное изучение паремиологических единиц с компонентом-зоонимом в татарском, русском и английском языках // Современные исследования социальных проблем. Т. 10. № 4. С. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-62-73>
- Егорова, А. И., Кондакова, А. П., Кужугет, М. А. (2020) Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. № 1. С. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Зевахина, Т. С. (2002) Паремиологические единицы в дунганском и китайском языках: параметризация, эксперимент, базы данных // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс. Вып. 21. 296 с. С. 90–105.
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Ламажаа, Ч. К. (2015) Ребёнок и детство в тувинской культуре: традиции и современность // Человек. № 4. С. 51–58.
- Лихун, Г., Абдуллаева Ф. Э. (2020) Пропозиционально-фреймовый анализ семантики пословиц в русском и китайском языках (на материале фрейма отец — сын) // Вестник Кемеровского государственного университета. № 22 (4). С. 1061–1068. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068>
- Ондар, Ч. Г., Бырыннай, С. Л., Тюлюш, А. Ч. (2021) Тамгопользование в культуре тувинцев: древность, традиционность и современность // Новые исследования Тувы. № 1. С. 107–130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.6>
- Семененко, Н. Н. (2010) Лингвокогнитивный аспект проблемы выражения этноязыкового сознания в семантике паремий // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. № 24 (95). Вып. 8. С. 58–67.
- Серегина, М. А. (2016) Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. С. 19–25. DOI: [10.20916/1812-3228-2016-1-19-25](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2016-1-19-25)

Дата поступления: 06.08.2021 г.



## REFERENCES

- Aleshin, A. S. and Zinov'eva, E. I. (2020) Ustoichivye vyrazheniia komparativnoi struktury: lingvokognitivnyi aspekt (na materiale russkogo i shvedskogo iazykov) [Set phrases of comparative structure: linguo-cognitive aspect in the Russian and Swedish languages]. *Bulletin of RUDN. Language theory. Semiotics. Semantics*, vol. 11, no. 1, pp. 7–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-1-7-21>
- Biktagirova, Z. A. (2006) Lingvokul'turologicheskie osobennosti paremii o sem'e (na materiale angliiskogo, turetskogo i tatarskogo iazykov) [Linguistic and cultural features of family-related paremias: the cases of English, Turkish and Tatar languages]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 5, pp. 107–112. (In Russ.).
- Biktagirova, Z. A. (2007) Kontsept «rodniia» v angliiskoi, turetskoi i tatarskoi paremiologii [The concept of 'family relations' in English, Turkish and Tatar paremiology]. In: *Uchenye zapiski Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma (kazanskii filial)*: in 2 vols. Kazan', Yuniveroun. Vol. 3. 259 p. Pp. 170–181. (In Russ.).
- Borisova, Z. I. (2017) Obraz rodstvennikov v poslovichnoi kartine mira (na primere russkogo, iakutskogo iazykov) [The imagery of 'family relations' in the proverbial picture of the world: the case of Russian and Yakut languages]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filologiya. Zhurnalistika*, no. 2, pp. 11–13. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Nelyubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguo-culturological commentary as compared to European paremias]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Galimullina, R. I. and Shaimardanova, M. R. (2018) Lingvo-kognitivnoe izuchenie paremiologicheskikh edinits s komponentom-zoonimom v tatarskom, russkom i angliiskom iazykakh [Lingvo-cognitive study of the paremiological units with a zoonym component in the Tatar, Russian and English languages]. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 10, no. 4, pp. 62–73. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-4-62-73>
- Egorova, A. I., Kondakova, A. P. and Kuzhuget, M. A. (2020) Gendernye stereotipy v tuvinskikh poslovitsakh i pogovorokakh [Gender stereotypes in Tuvan proverbs and sayings]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 18–31. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.1.2>
- Zevakhina, T. S. (2002) Paremiologicheskie edinitsy v dunganskom i kitaiskom iazykakh: parametrizatsiia, eksperiment, bazy dannykh [Paremiological units in the Dungan and Chinese languages: parametrization, experiment, and databases]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiia [Language, consciousness, communication]* : a collection of articles / ed. by V. V. Krasnykh and A. I. Izotov. Moscow, MAKS Press. Issue 21. 296 p. Pp. 90–105. (In Russ.).
- Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- Kuzhuget, Sh. Iu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept törel 'rodstvennik' v iazykovo-kartine mira tuvintsev [The concept of törel ('relative') in the Tuvan linguistic world picture.]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Lamazhaa, Ch. K. (2015) Rebenok i detstvo v tuvinskoi kul'ture: traditsii i sovremennost' [The child and childhood in the Tuvan culture: traditions and modernity]. *Chelovek*, no. 4, pp. 51–58. (In Russ.).
- Likhun, G. and Abdullaeva F. E. (2020) Propozitsional'no-freimovyi analiz semantiki poslovits v russkom i kitaiskom iazykakh (na materiale freima otets — syn) [Propositional frame-based analysis of the semantics of proverbs of the Russian and Chinese languages: the Father—Son frame]. *Bulletin of Kemerovo State University*, vol. 22, no. 4, pp. 1061–1068. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-1061-1068>
- Ondar, Ch. G., Byrynnai, S. L. and Tyulyush, A. Ch. (2021) Tamgopol'zovanie v kul'ture tuvintsev: drevnost', traditsionnost' i sovremennost' [The uses of tamga in Tuvan culture: Antiquity, traditionalism and modernity]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 107–130. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.1.6>
- Semenenko, N. N. (2010) Lingvokognitivnyi aspekt problemy vyrazheniia etnoiazikovogo soznaniia v semantike paremii [Linguocognitive aspect of expressing ethno-linguistic consciousness in the semantics of paremias]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriiia Gumanitarnye nauki*, no. 24 (95), issue 8, pp. 58–67. (In Russ.).
- Seregina, M. A. (2016) Paremiia kak forma predstavleniia znaniia naroda v iazyke: kognitivno-strukturnyi aspekt [Paremiias as a form of representing people' knowledge by means of language: the cognitive-structural aspect]. *Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1, pp. 19–25. (In Russ.).

Submission date: 06.08.2021.





DOI: 10.25178/nit.2022.1.10

Статья

## Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур

**Наталья Ю. Нелюбова**

*Российский университет дружбы народов, Российская Федерация*



В статье на материале паремиологических единиц тувинской лингвокультуры анализируется иерархия аксиологических доминант этнической культуры. Полученные данные сопоставляются с авторскими данными о русских и французских паремиях. Фактическим материалом исследования послужили издания тувинских пословиц и поговорок, а также наиболее авторитетные паремиологические словари русского и французского языков.

Методологическим основанием исследования является положение о том, что номинация и наполнение предметно-тематических рубрик паремиографических источников отражают основные качественные и количественные характеристики концептосферы и соответствующей подсистемы духовных ценностей в этнокультурной картине мира.

Установлено, что типологически значимыми для тувинской, русской и французской этнокультур являются такие аксиологические доминанты, как «семья», «труд», «дружба», «вера», которые манифестируют универсальный характер, однако занимают разное место в иерархии духовных ценностей в рамках каждой этнокультуры. Отсутствие в тувинской и атомарная представленность в русской паремиологии аксиологической доминанты «человек» на фоне её доминирования в предметно-тематической сфере французских паремий позволяет дифференцировать типы этнокультур на индивидуалистский (французская) и коллективистский (тувинская и русская). Специфическим для тувинской этнокультуры является доминантный бинот «народ» – «родина», который демонстрирует исключительную значимость данных ценностей в традиционной картине мира тувинского народа.

**Ключевые слова:** этнокультура; аксиология; иерархия ценностей; аксиологическая доминанта; паремиология; тувинский язык; тувинская культура; тувинский фольклор; русский язык; французский язык

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.



**Для цитирования:**

Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 146-163. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

**Нелюбова Наталья Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент; доцент, ведущий научный сотрудник кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (926) 532-15-77. Эл. адрес: [nat.nelubova@mail.ru](mailto:nat.nelubova@mail.ru)

**NELIUBOVA Natalia Yurievna**, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (926) 532-15-77. Email: [nat.nelubova@mail.ru](mailto:nat.nelubova@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0002-6538-8267



## Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures

*Natalia Yu. Neliubova*

*RUDN University, Russian Federation*

*Making use of paremiological units in Tuvan linguistic culture, the article aims to examine the general hierarchy of axiological dominants of an ethnic culture. The outcomes of this examination are then compared with those previously obtained by the author through the analysis of Russian and French paremies. For its source materials, the study relies on published collections of Tuvan proverbs and sayings, as well as on the most authoritative paremiological dictionaries of Russian and French languages.*

*In the methodological sense, the study is based upon the idea that the names and contents of thematic classes that objects within paremiological sources fall into correctly reflects the major qualitative and quantitative characteristics of the conceptual sphere and the subsystem of moral values within the ethnonational world picture that it corresponds to.*

*The article proves that for all of the three ethnic cultures, there are common axiological dominants of typological importance, such as 'family', 'work', 'friendship' or 'faith'. Being universal in character, they, however, occupy different places in the hierarchy of moral values within each ethnic culture. 'Man' as an axiological dominant, for instance, is barely present in Tuvan culture, and only occasionally appears in Russian, while in French it has a dominant presence within thematic classes of paremies. This leads to a conclusion that ethnic cultures may have an individualist (e.g., French) or a collectivist (e.g., Tuvan or Russian) character. Another set feature of Tuvan ethnic culture is the dominant binomiality of 'people' and 'Motherland', thus revealing the highest importance these values occupy within the traditional worldview of Tuvans.*

**Keywords:** ethnic culture; axiology; hierarchy of values; axiological dominant; paremiology; Tuvan language; Tuvan culture; Tuvan folklore; Russian language; French language

---

*The article was supported by the Program of Strategic Academic Leadership, RUDN University.*

---



**For citation:**

*Neliubova N. Yu. Aksiologicheskie dominanty paremii kak tipologicheskie markery tuvinskoj, russkoj i frantsuzskoj etnokul'tur [Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures]. *New Research of Tuva*, 2022, no.1, pp. 146-163 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>*

---

### **Введение**

Проблематика сопоставительных исследований азиатских и европейских лингвокультур в аксиологическом ракурсе представляется актуальной в силу антропоцентрического вектора в современном языкознании, а также стремления отдельных этносов, особенно на фоне глобализационных процессов в мире, к сохранению этнических языков и культур в их самобытности. Язык представляет собой один из важнейших структурных элементов идентичности, этнической и культурной. Интерпретация различий в этнокультурных ориентациях позволяет говорить об их очевидной встроенности в саму структуру рассматриваемых языков (лексико-фразеологическую, морфосинтаксическую, стилистическую и т. д.) (Larina, Ozyumenko, Kurteš, 2017). Репрезентативным языковым материалом, представляющим специфику традиционной культуры этноса, является паремиологический фонд. Определение места и роли человека как индивидуальности в паремиях, то есть выявление определяющего вектора (коллективистской или индивидуалистской направленности) способствует благоприятному развитию диалога культур между различными этносами.

Тува рассматривается как часть «территории Внутренней (или Центральной) Азии, на которой развивалась много веков социокультурная общность кочевников, шаманистов, буддистов. Тем не менее, она также является и частью российской цивилизации, будучи вовлеченной в нее уже почти



два века назад. Тем самым Тува выступает как одна из особых пограничных территорий» (Ламажаа, 2021: 179–180), на которой русские поселенцы выступили «посредниками в освоении тувинцами европейской культуры» (Курбатский, 2001: 32). Мы можем считать, что тувинские пословицы «входят в евразийский паремиологический континуум, в котором коррелируют как с азиатскими, так и европейскими пословичными фондами» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 243). В связи с этим интересно проследить репрезентацию аксиологических доминант тувинцев в пословицах и провести сопоставительный анализ с полученными нами ранее результатами исследования русского и французского паремиографического материала с точки зрения принадлежности трех этнокультур к определенному типу. В частности, ряд авторов выделяет индивидуалистский или коллективистский типы культур<sup>1</sup>. Так, французские пословицы представляют маркеры ярко выраженной типично европейской индивидуалистской культуры. Русский материал был выбран в связи с отнесенностью русской культуры к коллективистскому типу, а также с указанной выше функцией связующего звена между тувинской и европейской культурами. Согласно нашей гипотезе, тувинский паремиографический материал позволяет выявить иерархическую структуру аксиологических доминант, в которой четко прослеживается принадлежность преимущественно азиатской тувинской культуры к коллективистскому типу. Данная принадлежность является более ярко выраженной, чем в русском материале.

Цель исследования — установить на материале паремиологических единиц иерархию аксиологических доминант, выступающих типологическими маркерами тувинской этнокультуры, и провести сопоставительный анализ с полученными ранее данными о русских и французских паремиях в ракурсе принадлежности изучаемых этнокультур преимущественно к коллективистскому (тувинская и русская) и индивидуалистскому типу (французская).

Фактическим материалом для исследования послужили сборники тувинских<sup>2</sup>, русских<sup>3</sup> и французских<sup>4</sup> пословиц.

Для получения более объективной картины нами было проведено сопоставление данных словарей тувинских пословиц и поговорок 1966 и 2020 г. Практически все единицы, представленные в словаре 1966 г., нашли отражение и в паремиографическом источнике 2020 г. В процессе интерпретации результатов были также использованы данные, приведенные в трудах Г. Н. Курбатского (Курбатский, 2001), а также культурологические работы Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2018, 2021) и др. На заключительном этапе исследования был проведен сопоставительный анализ данных, полученных в результате изучения тувинских пословиц, и представленного нами ранее аналогичного русского и французского паремиографического материала (Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов, 2019; Нелюбова, 2019, 2020; Nelyubova, Dugalich, Ershov, 2021; и др.)

Методологической базой для исследования послужило современное понимание паремиологии как языковедческой дисциплины (Паремиология в дискурсе, 2015; Паремеиология без ..., 2020; Паремеиология на ..., 2021), а также основные положения теории пословицы как явления языка (Бредис, Ломакина, Мокиенко, 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020) и как афористической единицы (Иванов, 2019ab; Иванов, 2020), исторического и синхронического описания пословичного фонда языка (Ivanov, 2002;

<sup>1</sup> Об индивидуалистском и коллективистском типах (я- и мы-культурах) и отнесенности к данным типам различных культур упоминается в ракурсе их связи с идентичностью представителей различных этносов и языками (см., напр.: Larina, Ozyumenko, Kurteš, 2017; и др.). Противопоставляются, в частности, я-ориентированные англоязычные культуры и мы-ориентированные славянские (на примере русской и сербской). Обращается внимание также на роль пословиц, являющихся индикаторами специфики ментальности той культуры, которую они представляют (там же: 116). Данная проблематика была рассмотрена на материале русских и французских пословиц (Нелюбова, 2021: Электр. ресурс).

<sup>2</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. (На рус. и тув. яз.). Помимо этого, при анализе учитывались материалы изданий: Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное издательство; Радуга Тувы, 2020. 112 с. Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки / сост. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1976. 78, 78 с. (На тув. и рус. яз.).

<sup>3</sup> Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость: русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 416 с. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 736 с.

<sup>4</sup> Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006. 759 p.



Ivanov, Petrushevskaya, 2015), сопоставительного и типологического изучения пословиц (Seliverstova, 2020; Бредис, Иванов, 2021), аксиологического описания пословичных фондов (Бредис, 2014; Ломакина, Мокиенко, 2018; Семенов, 2020), лингвокультурологического изучения пословиц (Мокиенко, 2020; Lomakina, 2021; Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Петрушэўская, 2021), лексикографической разработки пословичных фондов (Иванов, 2009; Петрушэўская, 2020; Бредис и др., 2021).

Для достижения поставленной цели был применен комплекс научных методов и приемов: интерпретационный, описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный, сплошная выборка, количественный подсчет, семный анализ. Комплексная методика, апробированная нами ранее на материале французского и русского языков и представленная в предыдущих работах, как и описание этапов исследования (Паремиология без ..., 2020: 107; Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов, 2019; Нелюбова, 2020, 2021; и др.), была применена к тувинскому материалу: исследована тематическая классификация, представленная в словаре паремий 1966 г.<sup>1</sup>, дана количественная характеристика единиц в каждой рубрике, на основании чего выявлена иерархическая структура системы ценностей тувинцев и выделены аксиологические доминанты с точки зрения коллективистской или индивидуалистской ориентированности рассматриваемых культур.

Важно отметить, что названия рубрик паремиографических источников отражают основные жизненные концептосферы и соответствующие им ценности, а количество единиц в каждой тематической рубрике свидетельствует о степени их важности в сознании этноса. Учитывая зависимость всякой классификации от задач, которые ставит перед собой ее автор (Zouogbo, 2008) и, таким образом, соглашаясь с фактом относительности любой классификации паремий и ее субъективности<sup>2</sup>, отметим все же целесообразность использования тематических объединений паремиографических источников как основы изучения ценностных ориентаций различных этносов. Подобные исследования были детально и глубоко представлены на материале различных языков (Савенкова, 2002; Ничипорчик, 2015). Для нас представляется важным, что авторами тематических классификаций в паремиологических словарях являются носители исследуемых лингвокультур, следовательно, такие классификации являются «одной из предосылок исследования паремической картины мира»<sup>3</sup> именно данной лингвокультуры. Важно и то, что возможность отнесенности одной единицы к различным тематическим группам не влияет на результаты нашего анализа, поскольку подобные паремии могут быть количественно учтены в каждом отдельном случае как представляющие разные ценности. Более того, исследование подобных пересечений помогают выявить сопредельные ценности, место той или иной ценности внутри аксиологической подсистемы данного паремиологического фонда.

### Аксиологические доминанты тувинской паремиологии

Номинации и наполнение предметно-тематических рубрик тувинских паремиографических источников позволяет выявить и описать иерархию традиционных ценностей и на этой основе установить аксиологические доминанты тувинской национальной картины мира. Так, количественный анализ состава рубрик словаря тувинских пословиц и поговорок 1966 г. позволил выстроить иерархию тем, названия большинства из которых содержат понятия, непосредственно связанные с ценностями. Результаты представлены в таблице. Рубрика *Аар-саар чүвөлөр дугайында* 'Разные' (97 паремий) не была включена в данную таблицу, поскольку ее название не обладает информативным потенциалом. Названия рубрик и примеры даны с переводами, приведенными в словаре 1966 г.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. 172 с. (На рус. и тув. яз.)

<sup>2</sup> Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 149 с. С. 56.

<sup>3</sup> Там же. С. 56.

<sup>4</sup> Считаем важным еще раз обратить внимание на то, что нами учитывается фактор субъективности, присутствующий при составлении словарей и обозначении рубрик паремиографических источников в зависимости от поставленных целей (см. Введение к статье). В частности, не все анализируемые тувинские источники равноценны с точки зрения отображения традиционной тувинской культуры. Так, рубрики словаря 1966 г. составлялись не по тому, какие ценности в целом присутствовали в тувинских пословицах. Это издание советских фольклористов, которые в том числе в пословичном фонде выделяли общечеловеческие ценности (что можно сказать и о сборниках пословиц других языков), производили отбор пословиц, которые отвечали идеологическим задачам. В данном случае указанный фактор не оказывает существенного влияния на





Таблица. Количественная иерархия рубрик словаря тувинских пословиц  
Table. Quantitative hierarchy of the sections of the dictionary of Tuvan proverbs.

№	Название рубрики	Количество паремий
1.	<i>Ие, өг-бүле, төрөл, уруглар дугайында</i> 'Мать, семья, родня, дети'	53
2.	<i>Ажыл, мергежил дугайында</i> 'Труд, мастерство'	32
3.	<i>Чулчуруушкун, хоозун чугаа дугайында</i> 'Болтливость, пустословие'	27
4.	<i>Өске четпестер дугайында</i> 'Другие пороки'	27
5.	<i>Найырал, дуза дугайында</i> 'Дружба, помощь'	26
6.	<i>Хайгаарал, чагыг дугайында</i> 'Наблюдение, наставление'	26
7.	<i>Шажын, чүдүлге, бурганга чүдүвезиниң дугайында</i> 'Бог, вера, неверие'	20
8.	<i>Амыдырал, өлүм, назы, үе дугайында</i> 'Жизнь, смерть, возраст, время'	20
9.	<i>Улус, төрөөн чурт, тайбың, дайын дугайында</i> 'Народ, родина, мир, война'	17
10.	<i>Харам кижги дугайында</i> 'Скупость, жадность'	16
11.	<i>Мактаныышкын дугайында</i> 'Хвастовство'	16
12.	<i>Дарлакчыларга удур</i> 'Против угнетателей'	15
13.	<i>Дыл, сөс, чугаа, билиг дугайында</i> 'Язык, слово, речь, знания'	13
14.	<i>Чалгаа, ажыл кылбазының дугайында</i> 'Лень, безделье'	13
15.	<i>Улустуң күзелениң дугайында</i> 'Народные идеалы'	6

Проведенный анализ продемонстрировал следующую иерархию тем, а соответственно, понятий, имеющих непосредственное отношение к общечеловеческим ценностным ориентациям: **семья, труд, дружба, вера, жизнь, свобода, язык, слово, родина, мир**. Кроме того, в названиях тем представлены наиболее порицаемые пороки, в оппозиции которым подразумеваются особенно важные человеческие добродетели, к которым относятся сдержанность, скромность, щедрость, трудолюбие и др. Отметим наличие достаточно объемной рубрики *өске четпестер дугайында* 'Другие пороки'. Таким образом, тематика названий рубрик в первую очередь привлекает внимание к **духовным аспектам** жизни, хотя в целом человек «представлен в тувинских паремиях как обладатель множества свойств и признаков, как единство внешнего и внутреннего, биологического и социального, физического и духовного, интеллектуального и эмоционального»<sup>1</sup>.

Самой многочисленной является рубрика *Ие, өг-бүле, төрөл, уруглар дугайында* 'Мать, семья, родня, дети'. Подробный комментарий к ней будет дан ниже в ключе сопоставительного анализа с русскими и французскими паремиями. Вторая по количественной представленности рубрика *Ажыл, мергежил дугайында* 'Труд, мастерство', а также рубрика *Чалгаа, ажыл кылбазының дугайында* 'Лень, безделье' свидетельствуют о бесспорной ценности труда и трудолюбия в языковом сознании тувинцев и осуждении лени и безделья. Многочисленной является также тематическая рубрика *Найырал, дуза дугайында* 'Дружба, помощь'.

Отметим важность рубрики *Шажын, чүдүлге, бурганга чүдүвезиниң дугайында* 'Бог, вера, неверие', которая размещена в самом конце словаря (в силу указанной выше специфики словаря 1966 г.) после рубрики *Аар-саар чүвелер дугайында* 'Разные'. Как пишет Т. Б. Радбиль, «весьма существенным является фактор принятия тем или иным народом новой религии или столкновений разных религий в одной этнической среде, фактор воздействия тех или иных идеологических систем, занявших по разным причинам позиции приоритетной ценностной значимости в общественном сознании» (Радбиль, 2013: 81). И это утверждение соотносимо со спецификой исторического развития тувинского этноса.

проводимый анализ, поскольку нами учитывались не только названия рубрик в опубликованных изданиях, но и фактор специфики последних, а также количественная представленность паремиологических единиц и их содержание, что в совокупности позволяет выявить специфику функционирования общечеловеческих аксиологических доминант в системе ценностей определенной этнокультуры, что обеспечивает достаточную степень репрезентативности материала при составлении иерархии аксиологических доминант в ракурсе отнесенности тувинской культуры к коллективистскому типу.

<sup>1</sup> Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка : дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 149 с. С. 62.



В настоящее время исследования, проводимые в различных ракурсах, в том числе относительно связи антропоники с религией свидетельствуют о возросшей религиозности в регионе (Сувандии, 2021: 49–50).

Необходимо прокомментировать пласт пословиц указанной рубрики, в которых имеются ключевые лексемы, связанные с буддизмом и шаманизмом и которые также содержат ярко отрицательную оценку образов, имеющих отношение к вере и религии:

- *Булуттан кортпа, бурганга тейлеве* 'Трозы не бойся, Богу не молись'<sup>1</sup>;
- *Чут болурга, ыт семишир, аарыг болурга, лама байыыр* 'От джута собака жиреет, от болезней лама богатеет'<sup>2</sup>;
- *Донгүр лама төлге каржы, төрээн өшкү ытка каржы* 'Лама не любит детей, коза не терпит собак'<sup>3</sup>;
- *Бурган чокта, лама калчаараар* 'Когда бурганов нет, лама чувствует себя богом'<sup>4</sup>;
- *Эртемге чок кижги бургандан ырак* 'Кто близок к науке, тот далёк от бога'<sup>5</sup>;
- *Ядамыкты бурган көрбес* 'Бедных бог не видит'<sup>6</sup>;
- *Бурган чокта, орук ажык* 'Без бога открыта дорога'<sup>7</sup>;
- *Чаараанда саяктаар, чадараанда хамнаар* 'От боли иноходью идёт, от бедности шаманом станет'<sup>8</sup>;
- *Танывазы бургандан танывазы аза дээрэ* 'Лучше незнакомый чёрт, чем неизвестный бог'<sup>9</sup>.

Иронично-негативное отношение к служителям культа и религии, представленное в данных единицах, может объясняться уже неоднократно упомянутым фактом: тем, что словарь был издан в 1966 г. — в эпоху советского строя, когда совершенно очевидно было резко негативное отношение к религии в целом.

Наличие рубрики *Дарлакчыларга удур* 'Против угнетателей' объясняется рядом исторических фактов и стремлением тувинцев к самоопределению. Данная идея присутствовала, в частности, в среде тувинской политической элиты начала XX в. «Нойоны продолжали лавировать в поисках варианта самосохранения тувинцев в тисках между цивилизациями» (Ламажаа, 2021: 181). В пословицах данной тематической группы подчеркивается и стремление к свободе каждого человека:

- *Кижги өөделээр, кинчи үстүр* 'Оковы разорвутся, человек освободится'<sup>10</sup>, а также отрицательное отношение к разным чиновникам:
- *Ыт чараазын чылгааш, тотпас, дүжүмет үндүт алгааш, тотпас* 'Собака слюной не насытится, чиновник — поборами'<sup>11</sup>;
- *Чаашкын келирге, тон өдөр, чаңгы келирге, чаргы үнер* 'Дождь пойдёт — халат намокнет, чиновник придёт — тяжбу заведёт'<sup>12</sup>, где *дүжүмет* — ист. чиновник (Тувинско-русский ... , 1968: 186), и *чаңгы* — ист. *цангы*, начальник уртёля (перегона) (там же: 516).

Стремление к самосохранению тувинцев отражено в наличии специальной рубрики и в ее в названии: *Улус, төрээн чурт, тайбың, дайын дугаиында* 'Народ, родина, мир, война'. Пословицы данной рубрики, включающие соответствующие понятия, подчеркивают ценность родины:

- *Өскен чери — төрээн ие, өскелерни — соңгу ие* 'Родная земля — мать, чужая земля — мачеха'<sup>13</sup>;

<sup>1</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 162, 163.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 164, 165.

<sup>4</sup> Там же. С. 166, 167.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же.

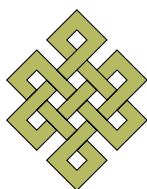
<sup>9</sup> Там же. С. 168, 169.

<sup>10</sup> Там же. С. 26, 27.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Там же. С. 22, 23.



- *Куш уялыг, киж чурттуг* ‘У птицы — гнездо, у человека — Родина’<sup>1</sup>.

Ценность мира обозначается через осуждение войны и ссор, выраженное посредством аксиологического маркера *плохой*, употребление которого в превосходной степени максимально усиливает отрицательную оценку:

- *Чорук багы — чаа, сөс багы — чаргы* ‘Самое худое слово — ссора, самое плохое на земле — война’<sup>2</sup>;
- *Чаңнык дүшкенде — өрт, чаа болганда — өлүм* ‘Гроза пожар приносит, война жизни уносит’<sup>3</sup>;
- *Шогжаң бажы хаттыг, шош бажы ханныг* ‘В горах ветер дует, в драке — кровь льётся’<sup>4</sup>.

В последней пословице природный образ ветра как стихии, которую невозможно остановить, усиливают отрицательную оценку войны, выраженную через образы драки и кровопролития. В данных пословицах прослеживается и сопредельная аксиологическая диада «жизнь — смерть»: смерть может стать последствием стычки, драки и в широком смысле войны. Возможно, лингвокультурный акцент на эти понятия, получивший отражение в названии рубрики, связан не только со спецификой исторического развития тувинского этноса в целом, но и с тем, что словарь, послуживший основным источником материала, был издан в 1966 г. и отражает в наименовании данной рубрики особенности идеологии советского периода. Однако все пословицы рубрики были перенесены и в словарь 2020 г.

В пословице о слове *ссора* прослеживается важность и ценность слова, красноречия, которая отражена также и в названии, и в единицах рубрики *Дыл, сөс, чугаа, билиг дугайында* ‘Язык, слово, речь, знания’:

- *Чечен менде, чечек черде* ‘Цветы на земле, красноречие во мне’<sup>5</sup>, где красноречие (*чечен*) уподобляется природному образу цветка (*чечек*);
- *Бижектиң чидии херек, сөстүң чигези херек* ‘Нож нужен острый, а слово — меткое’<sup>6</sup>, где острота слова сравнивается с остротой ножа;
- *Сөглээн сөс — керткен ыяш* ‘Сказанное слово — зарубка на дереве’<sup>7</sup>.

Данные примеры подчеркивают силу слова, постулируя бережное отношение к нему, ведь слово не только может быть прекрасным, но может и ранить. Интересно в этой связи отметить наличие в тувинском языке пословиц о пословице:

- *Үлегер сөсте нүгүл чок, үер сугда балык чок* ‘В половодье нет рыбы, в пословице нет лжи’<sup>8</sup>;
- *Чепти эжип өөренир, чеченни сактып өөренир* ‘Верёвку надо уметь вить, пословицу — понимать’<sup>9</sup>.

Данные факты объясняют наличие отдельной рубрики о болтливости и пустословии (*Чулчуруушкун, хоозун чугаа дугайында*), занимающей третье место в количественной иерархии тем.

Проведенное исследование материала словаря тувинских пословиц и поговорок позволило установить, что в качестве названий рубрик используются понятия, связанные с ведущими универсальными ценностями (семья, труд, дружба, вера, жизнь, свобода, язык, слово, родина, мир). Подробное изучение количественного состава рубрик и изучение семантики паремий позволило выстроить иерархию аксиологических доминант, отражающую особенности их функционирования в языковом сознании тувинского этноса. Несмотря на представление в пословицах традиционного уклада жизни и деталей быта, названия рубрик и их содержание в значительной степени привлекают внимание к духовным аспектам жизни человека и его основным качествам. В процессе изучения материала нами учитывался фактор субъективности подхода авторов и специфики паремиографических источников.

<sup>1</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 24, 25.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 14, 15.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 16, 17.

<sup>8</sup> Там же. С. 14, 15.

<sup>9</sup> Там же. С. 16, 17.



### **Общее и специфическое в иерархии аксиологических доминант тувинских, русских и французских паремий**

Проведенный ранее с использованием аналогичной методики анализ русских и французских паремий (Нелюбова, 2020)<sup>1</sup> позволил выявить следующую шкалу ценностей в порядке убывания количественного показателя в русском материале<sup>2</sup>: **труд, семья и брак, время, ум, богатство, счастье, жизнь, мир, дружба, власть, гостеприимство, здоровье, любовь**. В ключе данного исследования важно подчеркнуть наличие в словаре В. И. Зимина многочисленной рубрики *Человек* и отсутствие данной рубрики в сборнике пословиц В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной. В русском паремиологическом материале человек чаще всего «предстает как участник отношений или член того или иного сообщества, основным из которых является семья, которая выступает как одна из основных ценностных доминант представителей русской лингвокультуры» (там же: 85). Во французском пословичном материале<sup>3</sup> иерархия выглядит следующим образом: **человек, богатство, вера (в Бога, судьбу, сверхъестественные силы), труд, семья, дружба, правосудие, счастье, любовь**. Таким образом «французский материал подтверждает четко выраженную антропоцентричность пословиц» (там же: 83).

Указанная выше шкала ценностных понятий, полученная в результате анализа рубрик тувинских пословиц и поговорок, указывает на сходные универсальные ценностные ориентации: **семья, труд, дружба, вера**, занимающие во всех трех лингвокультурах ведущие, но не всегда одинаковые позиции на ценностной шкале. Понятия **жизнь, свобода, язык, слово, родина, мир**, выступающие в качестве названий рубрик только в тувинском словаре, тесно связаны между собой и отражают специфику исторического развития тувинцев. В словаре тувинских пословиц отдельная рубрика *Человек* не выделяется, однако, как уже было отмечено выше, значительное количество рубрик обозначает человеческие пороки, то есть так или иначе большая часть «пословиц и поговорок имеет непосредственное отношение к человеку»<sup>4</sup>. Подробное представление о пороках и достоинствах в названиях многочисленных подрубок в рубрике *Человек* находим в русском материале<sup>5</sup>: «О недостатках людей», «Среди плохих и хорошему плохо», «Нескладеха», «Хвастун», «Зазнайка», «Чванливый», «Тороватый», «Добрый», «Смирный», «Злой», «Сварливый», «Завистник», «Бережливый», «Расточитель» и мн. др. Причем, как и в тувинском словаре, преобладают подрубки, обозначающие отрицательные качества человека (82% от числа всех подрубок рубрики *Человек*, имеющих отношение к достоинствам и недостаткам). Данный факт, возможно, связан с тем, что коллективное сознание воспринимает как норму положительное, специально маркируя лишь отрицательные качества (Радбиль, 2013: 70). В данном случае названия подрубок выступают в качестве аксиологических «координат» (по Е. В. Ничипорчик), «выражающих напрямую одобрительное либо неодобрительное отношение к объектам оценивания» (Ничипорчик, 2015: 238), то есть тем или иным человеческим качествам. В сборнике русских пословиц «Народная мудрость», как уже было отмечено выше, рубрика *Человек* отсутствует. Выделяется рубрика *Добродетели и пороки* (745 единиц), занимающая 6 место в количественной иерархии тематики пословиц в данном словаре. Некоторые обозначения добродетелей и пороков присутствует в названиях рубрик: *Ум и глупость* (736 единиц) — 4 место в иерархии, *Знание и невежество* (239 единиц) — 13 позиция.

Отдельно следует отметить важность ценности вера/религия (5 место в иерархии тем словаря В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной — рубрика *Вера и религия* — 776 пословиц; 6 место в словаре Ф. Монрено, А. Пьерон, Ф. Сюзони — рубрика *La religion* 'Религия' — 111 пословиц)<sup>6</sup>, демонстрирующей, с одной стороны, генетическое сходство религиозно-духовного компонента русской и француз-

<sup>1</sup> Количественная иерархия рубрик двух русских и двух французских словарей была приведена и подробно описана нами в статье: Нелюбова, 2020: 81–85.

<sup>2</sup> Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость: русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 416 с.; Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 736 с.

<sup>3</sup> Montreynaud, F., Pierron, A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006. 759 p.

<sup>4</sup> Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 1.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006. 759 p.





ской этнокультур, восходящего к одному источнику — Библии<sup>1</sup>, а с другой стороны, значимость концепта «вера» в системе ценностей традиционной картины мира различных этносов (Lomakina, 2021).

В словаре французских пословиц и поговорок<sup>2</sup> рубрика *L'homme: le corps, les actes, la vie* 'Человек: тело, поступки, жизнь' занимает вторую позицию по количеству пословиц в иерархии рубрик (214 единиц). Важно отметить названия подрубок, самая многочисленная из которых — *Le corps* 'тело', включающая 89 пословиц с компонентами соматизмами, отсылающими к внутреннему миру человека, интеллектуальной, моральной и эмоциональной сторонам его жизни, его индивидуального опыта: *la bouche* 'рот' как источник правды или лжи, *les yeux* 'глаза' — отражение ума. Здесь находим такие подрубки, имеющие следующие названия: красота, лицо, глаза, очки как признак возраста, волосы, борода, рот, зубы, плечи, руки, пальцы, живот, желудок, сердце, грудь, ноги<sup>3</sup>. Авторы словаря отмечают многочисленность данной группы в пословичном фонде французского языка: их по меньшей мере 4718<sup>4</sup>. Многочисленная представленность соматизмов в пословицах объясняется их антропоцентричностью и, соответственно, важностью соматического культурного кода. Пословицы подрубки «*Activités physiologiques*» 'физиологические реакции' отражают способность человека смеяться (*rire*), плакать (*pleurer*), зевать (*bâiller*) и др. В единицах подрубки «*Les infirmités*» 'Немощи' упоминаются люди, имеющие различные несовершенства: *les bossus* 'горбуны', *les boiteux* 'хромые', *les aveugles et les borgnes* 'слепые и одноглазые', *les sourds* 'глухие'. Помимо того, что люди с подобными физическими недостатками в эпоху создания пословиц встречались чаще, за данными образами скрываются суеверия об их недобрых помыслах.

Рассмотренную рубрику в количественном отношении превосходит рубрика *Les animaux domestiques* 'Домашние животные' (237 единиц), передающая с помощью метафорических образов различные особенности характера, основных качеств и внешности человека, а также его социальные отношения. Названиями подрубок служат анималистические образы: *l'âne* 'осел', *le cheval* 'лошадь', *le bœuf* 'бык', *la vache* 'корова', *le veau* 'теленок', *le mouton* 'баран', *la brebis* 'овца', *la chèvre* 'коза', *le cochon* 'свинья', *le chat* 'кошка', *le chien* 'собака'.

Подобные качества и отношения метафорически представлены в многочисленной рубрике *Le bestiaire* 'Животный мир' (151 единица), наименования подрубок которой также представлены анималистическими образами, однако упоминание представителей диких животных имеют целью отражение другой, дикой части человеческой природы. Дикое животное олицетворяют отдаленность и опасность. В подрубрике «*Animaux sauvages*» 'Дикие животные' упоминаются: *le lion* 'лев', *le crapaud* и *la grenouille* 'жаба и лягушка', *le hérisson* 'еж', *le rat* 'крыса', *le serpent* 'змея', *le lézard* 'ящерица', *le singe* 'обезьяна' и *la souris* 'мышь'. *Le loup et le renard* 'волк и лиса' символизируют жестокость и хитрость. Пословицы подрубки «*Les oiseaux*» 'Птицы' разнообразны по значению, в зависимости от их разновидности, повадок, пения, а иногда и гастрономической ценности. В единицах с компонентом-орнитонимом упоминаются *l'aigle* 'орел', *la colombe* 'голубка', *l'alouette* 'жаворонок', *le corbeau et la corneille* 'ворон и ворона', *l'hirondelle* 'ласточка' и др.

Таким образом, в наименованиях рубрик и подрубок прямые обозначения человеческих качеств не используются, в отличие от словарей тувинских и русских пословиц. В целом во французских пословицах человеческие достоинства, пороки, особенности поведения и выстраивания социальных отношений значительно чаще, чем в русских, представлены не напрямую, а косвенно — через разнообразные метафоры, самыми частотными из которых являются зоометафоры и отмеченные выше соматизмы.

Необходимо подчеркнуть высокую частотность употребления анималистических и соматических образов и в тувинских пословицах, которые, бесспорно, относятся к этнокультурно маркированным пословичным образам, репрезентирующим «разные этнокультурные паремнологические коды» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 242). Данные образы употребляются в тувинских пословицах как самостоятельно, так и часто наряду с основными, обозначающими те или явления или людей напрямую, проводя параллель с другими культурными кодами:

<sup>1</sup> Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / З. К. Адамия и др. Могилёв: МГУ, 2019.

<sup>2</sup> Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006. 759 p.

<sup>3</sup> Там же. С. 59.

<sup>4</sup> Там же.



- *Кижиг төлүнге ынак, ыт коданынга ынак* 'Человек любит своих детей, а собака — свой двор'<sup>1</sup>;
- *Уялыг куш чаныган, уруглуг кижиг кээргээчел* 'Птица гнездо бережёт, человек — детей'<sup>2</sup>;
- *Ада чокта — эш чок, ады чокта — бут чок дег* 'Без отца — как без друга, без коня — как без ног'<sup>3</sup>;
- *Дагыр эргек тала тыртар* 'Большой палец к ладони жмётся'<sup>4</sup>.

Данные примеры демонстрируют привязанность тувинцев к семье. Как было отмечено в предыдущем разделе, рубрика о семье и родственных отношениях является самой многочисленной в словаре тувинских пословиц.

Ч. К. Ламажаа отмечает значимость обширных родственных связей у тувинцев. «Большая семья была не просто предметом гордости, но и имела большой практический хозяйственный смысл, так как обеспечивала коллективные усилия по добыче пропитания, поддержанию хозяйства, была гарантом взаимопомощи», пишет автор (Ламажаа, 2018: 30). 53 пословицы рубрики *Ие, өг-бүле, төрөл, уруглар дугайында* 'Мать, семья, родня, дети' содержат следующие ключевые лексемы, связанные с обозначением семьи и терминами родства: *өг-бүле* 'семья'; *төрөл* 'родня'; *ие, ава* 'мать'; *ада* 'отец'; *оол* 'сын'; *кыс* 'дочь'; *чащ, уруг* 'дитя, ребенок'; *күдээ* 'зять'; *даай* 'дядя (брат матери)'; *чээн* 'племянник, племянница' и др.:

- *Авага ажы-төлү артык, Аңчыга алды-киши артык* 'Матери дитё дорого, охотнику — чёрный соболь'<sup>5</sup>;
- *Тараалыг кижиг тодуг, адалыг кижиг чоргаар* 'Человек с хлебом — богат, с отцом — горд'<sup>6</sup>;
- *Даш каган черинге чыдар, кыс берген черинге олулар* 'Где камень бросил, там и лежит, куда дочь отдал, там и живет'<sup>7</sup>;
- *Иелиг кыс шевер, Адалыг оол томаанныг* 'С матерью дочь умелая, с отцом сын послушный'<sup>8</sup>;
- *Дуңмалыг кижиг дыш, угбалыг кижиг ус* 'С младшим братом — отдых будет, со старшей сестрой — умелой будет'<sup>9</sup>;
- *Хүрең-дайның маңын көөр, күдээзиниң күжүн көөр* 'У лошади надо ход узнать, у зятя надо характер проверить'<sup>10</sup>;
- *Чеңнээш чокта, хол соок, чеңге чокта, чем соок* 'Без рукавиц — руки холодные, без невестки — еда холодная'<sup>11</sup>.

В тувинских пословицах постулируется почтительное отношение к старшим, что выражается в оппозиции старший — младший, где младших защищают, а старших уважают:

- *Ада сөзүн ажырып болбас, ие сөзүн ижип болбас* 'Наказ отца запоминай, слова матери уважай'<sup>12</sup>;
- *Улугну хүндүлээр, уругну азыраар* 'Старого уважай, малого воспитай'<sup>13</sup>;
- *Улустуң улуу чагыглыг, уругнуң хеймери чассыг* 'В семье мудр старший, а ласков младший'<sup>14</sup>;
- *Улуун улчутпас, аныяан алгыртпас* 'Старому скитаться не позволяй, малому плакать не давай'<sup>15</sup>.

<sup>1</sup>Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1966. С. 40, 41.

<sup>2</sup>Там же. С. 42, 43.

<sup>3</sup>Там же. С. 44, 45.

<sup>4</sup>Там же. С. 42, 43.

<sup>5</sup>Там же. С. 40, 41.

<sup>6</sup>Там же. С. 44, 45.

<sup>7</sup>Там же. С. 48, 49.

<sup>8</sup>Там же. С. 46, 47.

<sup>9</sup>Там же.

<sup>10</sup>Там же. С. 48, 49.

<sup>11</sup>Там же. С. 50, 51.

<sup>12</sup>Там же. С. 44, 45.

<sup>13</sup>Там же. С. 52, 53.

<sup>14</sup>Там же.

<sup>15</sup>Там же.



Исследование названий, количественного состава рубрик, семантический анализ тувинских паремий, а также сопоставление полученной иерархии с иерархией тем и аксиологических доминант, выстроенной на основе аналогичного русского и французского материала, позволяют прийти к следующим выводам. Наименования рубрик и подрубрик во всех исследованных паремиографических источниках прямо или косвенно отражают универсальные понятия и связанные с ними ценности, из которых **семья**, **труд** и **дружба** нашли отражение в иерархии ценностей трех изучаемых лингвокультур. **Семья** и **труд** занимают две ведущие позиции в тувинском и русском материале, четвертую и пятую — во французском. **Дружба** занимает в тувинском материале третью позицию, в русском — девяную, во французском — шестую. Остальные универсальные доминанты в той или иной степени выделяются в материалах словарей трех языков. Они могут быть не обозначены в качестве названий рубрик, но представлены в названиях подрубрик или непосредственно в семантике паремий. Это **вера** (в Бога или сверхъестественные силы), **жизнь**, **достаток**, **язык и слово**, **мир** и др. Необходимо отметить относительность указанных позиций в иерархии, которые могут меняться при включении в анализ данных других словарей. Важным для нашего исследования было определение ведущих тенденций функционирования ценностей каждого этноса внутри их системы, связанных с некоторыми типологическими особенностями лингвокультур. В частности, обращает на себя внимание большая ориентированность тувинских и русских паремий на духовную, а французских — на прагматическую составляющую. Кроме того, указанное выше расположение доминант на шкале позволяют проследить ярко выраженную принадлежность тувинской и русской культур к коллективистскому типу, ориентированному не на отдельного человека как личность, а на группу людей, а французской — к индивидуалистскому, в которой ведущее место занимает человек как индивидуальность.

### **Аксиологические доминанты паремиологии и типы этнокультур тувинского, русского и французского народов**

Если рассмотреть вышеприведенный материал в ракурсе отнесенности тувинцев к культуре коллективистского типа, то показательным фактом является ведущая в иерархии роль пословиц о семье. Аналогичные результаты были получены на основе анализа русских паремий той же тематики (см. подробнее: [Нелюбова, 2019](#)). По данным двух словарей<sup>1</sup>, тематические группы, связанные с семьей, количественно превосходят остальные, занимая приблизительно одинаковую позицию с пословицами о труде ([Нелюбова, 2020](#)). Отметим, что рубрика о труде занимает в тувинском словаре пословиц вторую позицию после семьи (см. *таблицу*). Некоторые термины родства выступают в качестве названий объемных по составу подрубрик рубрики *Брак и семья* в словаре русских пословиц<sup>2</sup>: «Муж — жена» (346 единиц); «Родители — дети» (432); «Брат — сестра» (33); «Другие родственники» (190). В пословицах последней подрубрики упоминаются многочисленные степени родства:

- *Бедному зятю и тестю не рад*<sup>3</sup>;
- *Блудливая свекровь и невестке не верит*<sup>4</sup>;
- *Золовка хитра на уловки*<sup>5</sup>;
- *Кум — большой ум*<sup>6</sup>;
- *У тещи карманы тощи*<sup>7</sup>;
- *Шурин по зяте не наследник*<sup>8</sup>.

В русской лингвокультуре, несмотря на традиционно ироничное отношение ко многим родственникам, возникающее в результате тесных контактов между родственниками и семейных конфликтов:

<sup>1</sup> Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость: русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011; Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.

<sup>2</sup> Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость: русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.

<sup>3</sup> Там же. С. 87.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же. С. 88.

<sup>6</sup> Там же. С. 89.

<sup>7</sup> Там же. С. 94.

<sup>8</sup> Там же.



- *Хороша родня, когда она далеко живет*<sup>1</sup>,  
все же отношение к большой семье сходно с тувинским:

- *Что больше родни, то больше пользы*<sup>2</sup>.

От семьи тувинцы ждут помощи и поддержки в трудной ситуации:

- *Аң түрээнде, турлаам дээр, кижиги түрээнде, төрелим дээр* 'Зверь в беде к тайге мчится, человек в беде к родне тянется'<sup>3</sup>.

Коллективистская направленность менталитета тувинцев подтверждается отсутствием в словаре пословиц рубрики *Человек*, отсутствует она и в сборнике русских пословиц «Народная мудрость» (2011). Данную рубрику находим в словаре В. И. Зимина<sup>4</sup>, что является подтверждением роли фактора субъективности в формировании словарных рубрик и формулировках их названий. В целом, «в русских пословицах речь идет о человеке не как личности, а как части сообществ, основным из которых оказывается семья» (Нелюбова, 2020: 86), что еще раз свидетельствует об отнесенности русской культуры к коллективистскому типу.

В материале французского словаря, где наблюдается ярко выраженная ориентированность на человека, рубрика, связанная с семьей и семейными отношениями, не имеет одноименного названия, а обозначена как *La vie domestique* 'Домашняя жизнь' и также является достаточно многочисленной, занимая 5 позицию в количественной иерархии (116 единиц). К данной тематике можно также частично отнести единицы рубрики *Les objets usuels* 'Предметы быта' (всего 83 единицы), обозначения которых являются одновременно и названиями подрубрик: *l'écuelle* 'миска', *le chaudron* 'котел', *le plat* 'блюдо', *la marmite* 'котелок, кастрюля', *le couvercle* 'крышка', *le verre* 'стакан, бокал', *les ciseaux* 'ножницы', *le couteau* 'нож', *le torchon* 'тряпка', *le mortier* 'ступа' и др. Некоторые из данных лексем служат метафорическими обозначениями родственников (Nelyubova, Dugalich, Ershov, 2021: 1060). Если сопоставить количественную представленность рубрик о человеке и о семье, то пословицы первой группы составляют приблизительно 28% от всех пословиц, а второй, даже если отнести к ней рубрику о предметах быта — всего 9%. Такое количественное соотношение рубрик демонстрирует традиционно индивидуалистскую направленность французской культуры, которая остается одной из ведущих тенденцией и в современном французском обществе, что подтверждают социологические исследования (Bréchon, Gonthier, Astor, 2019).

Названия рубрик французского словаря пословиц свидетельствуют в большей степени о практическом, бытовом восприятии семьи и меньшей ориентированности на семейные отношения, чем в русской и тувинской культурах. Однако в обозначении подрубрик присутствуют понятия и образы, традиционно связанные с семьей: *le mariage* 'брак', *le ménage* 'пара', *l'épouse* 'супруга', *la femme* 'жена', *les enfants, les relations de famille* 'дети и семейные отношения'. В последней подрубрике выделяются темы отношений между отцом и сыном, а также отцом и дочерью (*relations père-fils et père-fille*), упоминаются *le gendre* 'зять' и *les frères* 'братья'. Упоминание терминов родства встречается и в самих франкоязычных пословицах, но оно касается в основном близких родственников (подробнее см.: Нелюбова, 2019), более того, речь идет об индивидуализации в семье (Bréchon, 2016). Частотность употребления ключевых лексем в пословицах выглядит следующим образом (в порядке убывания): *femme* 'жена, женщина' (13,2% пословиц), *maison* 'дом' (6,1%), *enfant(s)* 'ребенок, дети' (6,1%), *filles* 'девочка, дочь' (5,3%), *homme* 'мужчина, человек' (5,3%), *père* 'отец' (3,5%), *mère, maman* 'мать, мама' (2,6%), *fils* 'сын' (1,8%), *famille* 'семья' (1,8%), *frère* 'брат' (0,9%), *gendre* 'зять' (0,9%), *belle-mère* 'теща' (0,9%) (Nelyubova, Dugalich, Ershov, 2021: 1056).

Показательным является и тот факт, что в названиях рубрик словаря тувинских пословиц, как и в самих пословицах упоминается народ и народные идеалы (см. таблицу):

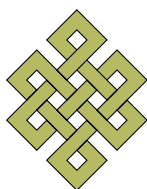
<sup>1</sup> Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость: русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп. 2011. С. 94.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. С. 44, 45.

<sup>4</sup> Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.





- *Хем келдейбес, чон чолдайбас* ‘Река не иссякнет, народ не оскудеет’<sup>1</sup>;
- *Хөй мегелетпес, хөлеге туттурбас* ‘Тень не поймашь, народ не обманешь’<sup>2</sup>;
- *Чоннуң көөрү — шолбан караа* ‘Ум народа ясен, как утренняя звезда’<sup>3</sup>;
- *Чон оруу чоон* ‘Путь народа широк’<sup>4</sup>;
- *Шын сөске чон ынак, шык черге үнүш ынак* ‘Народ любит правду, растение любит влагу’<sup>5</sup>.

В пословицах рубрики *Улустуң күзелениң дугайында* ‘Народные идеалы’ представлена аксиологическая диада «добро — зло» или ее отдельный элемент «добро»:

- *Эвилең кижээ чон ынак* ‘Доброго народ любит’<sup>6</sup>;
- *Кижжи экизи — хүн, кижжи багы — чылан* ‘Добрый человек, как солнце, злой человек, как змея’<sup>7</sup>.

Единицы, лежащие в основе сравнения, представляют в данном случае природный и анималистический компоненты. В частности, образ змеи ассоциируется со злом (см. также: [Доржу, 2012: 97](#)), а солнца — с теплом и добром.

Аксиологическая доминанта «народ» в сочетании с аксиологической доминантой «родина» образует в системе духовных ценностей тувинского пословичного фонда биномную структуру, которая не встречается в пословичных фондах русского и французского народов, что характеризует её как специфическую, отражающую особую значимость соответствующих концептов в традиционной картине мира тувинцев.

Исследование аксиологических доминант тувинской культуры сквозь призму изучения названий рубрик паремиографического источника, их количественного соотношения и семантики паремий позволяет прийти к выводу о социоцентричной ориентации тувинской и русской культур и персонцентричного вектора французской, что подтвердило имеющиеся в гуманитарных науках данные по этому вопросу и сделанные нами ранее выводы. Показательным в данном ракурсе является, в первую очередь, наличие рубрики *Человек*, которая имеет место во французских (иногда обозначение происходит с помощью сочетания с прилагательным *humain* человеческий) и в одном из словарей русских паремий, и отсутствует в словаре тувинских пословиц и поговорок. Репрезентативны обозначения и пословицы различных вариаций рубрики *Семья*. Тувинские и русские паремии о семье отражают в большей степени аспект многочисленных родственных связей и отношений, а французские — бытовую сторону. Рубрики, содержащие в названиях понятия родины и народа были выявлены только в тувинском источнике, что может быть объяснено не только годом выпуска словаря и его ориентированностью на советскую действительность. Идея сплоченности тувинцев отражается и во многих других паремиях.

### Заключение

Сопоставительный анализ предметно-тематического распределения паремий в тувинских паремиографических источниках, а также аналогичной дифференциации пословиц в русской и французской паремиографии выявил ряд сходных номинаций предметно-тематических рубрик. Они содержат наиболее типологически значимые аксиологические доминанты для трех рассматриваемых лингвокультур: **семья, труд, дружба, вера**. Во всех лингвокультурах они занимают ведущие, но не всегда одинаковые позиции на ценностной шкале, которые могут лишь незначительно колебаться в результате верификации данными других паремиологических словарей, поскольку связаны с основными универсальными ценностями.

Проведенное исследование позволило проследить зависимость номинации и наполнения предметно-тематических рубрик в паремиографических источниках от принадлежности этноса к коллек-

<sup>1</sup> Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл : Тувкнигоиздат, 1966. С. 20, 21.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. С. 22, 23.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. С. 58, 59.

<sup>7</sup> Там же.



тивистскому или индивидуалистскому типу культур. Специфика изучаемых лингвокультур, в частности их положение на шкале Я- и МЫ-культур, находит отражение в наличии в паремиографических сборниках тематических объединений под названиями «Человек, народ», а также обозначениями различных социальных объединений людей, в первую очередь, «Семьи». Аксиологический анализ ключевых лексем и семантики пословиц данных предметно-тематических групп позволяет подтвердить имеющиеся в гуманитарных науках данные о коллективистской или индивидуалистской ориентированности определенного этноса.

В большей степени ориентированность на коллектив проявляется в тувинском паремиологическом материале, в частности, при изучении наименований, состава и семантики паремий показательных предметно-тематических рубрик. Ориентированность на коллективное начало прослеживается и в русских пословицах. Анализ французских пословиц позволяет констатировать ярко выраженную индивидуалистскую ориентацию. Отсутствие в тувинской и атомарная представленность в русской паремиологии доминанты «Человек» на фоне её доминирования в предметно-тематической сфере французских паремий позволяет дифференцировать типы этнокультур на индивидуалистский (французская) и коллективистский (тувинская и русская). В последнем проявляется, во-первых, важное противопоставление в пословицах «европейского» и «азиатского» этнокультурных континуумов персонцентричной и социоцентричной ориентации, а во-вторых, не менее значимое утверждение социоцентричного начала в системе духовных ценностей традиционных культур русского и тувинского народов.

### **Благодарности**

Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за важные вопросы и замечания; доктору филологических наук О. В. Ломакиной и доктору филологических наук Е. Е. Иванову за помощь в обсуждении концепции исследования.

### **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ**

Бредис, М. А. (2014) Отражение ценностных ориентиров в паремиологии (на материале пословиц русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков о дружбе и деньгах) // Вестник Новгородского государственного университета. № 77. С. 102–104.

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис М. А., Иванов Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://www.doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-61>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Доржу, К. Б. (2012) Сравнения в русских и тувинских поговорках, порицающих отрицательные качества человека // Вестник Тувинского государственного университета. 2012. № 1. С. 94–98.

Иванов, Е. Е. (2009) Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания // Journal of Historical, Philological and Cultural Studies. № 2 (24). С. 88–91.

Иванов, Е. Е. (2019a) Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 10. № 2. С. 381–401. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Иванов, Е. Е. (2019b) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>



Иванов, Е. Е. (2020) Афоризм как объект лингвистики: основные признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 4. С. 659–706. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17](https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17)

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032>

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2018) Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. № 4(54). С. 303–317. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Мокиенко, В. М. (2020) Лингвокультурологическая паремиология в европейской ретроспективе // Перспективные направления современной лингвистики / под ред. В. В. Воробьева, Д. С. Скнарёва, М. Л. Новиковой. М. : РУДН. 410 с. С. 42–53.

Нелюбова, Н. Ю. (2019) Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословичной картине мира // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 6. С. 50–59. DOI: <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>

Нелюбова, Н. Ю. (2020) Особенности ценностных ориентиров носителей французского и русского языков и их представление в пословицах (на материале словарей) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 5. С. 79–88. DOI: <https://www.doi.org/10.37482/2227-6564-V051>

Нелюбова, Н. Ю. (2021) Характеристика человека в русских и французских пословицах сквозь призму индивидуального и коллективного [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. № 2. С. 137–148. URL: [http://tverlingua.ru/archive/064/10\\_64.pdf](http://tverlingua.ru/archive/064/10_64.pdf) (дата обращения: 12.11.2021).

Нелюбова, Н. Ю., Хильтбруннер, В. И., Ершов, В. И. (2019) Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Ничипорчик, Е. В. (2015) Отражение ценностных ориентаций в паремиях. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины. 358 с.

Паремиология без границ (2020) / ред. М. А. Бредис, О. В. Ломакина. М. : Изд-во РУДН. 244 с.

Паремиология в дискурсе (2015) / ред. О. В. Ломакина. М. : URSS ; Ленанд. 294 с.

Паремиология на перекрёстках языков и культур (2021) / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М. : Изд-во РУДН. 246 с.

Петрушэўская, Ю. А. (2020) Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік: больш за 950 беларускіх, каля 8600 іншамоўных прыказак [Універсальный и интернациональный компоненты в паремиологическом фонде белорусского языка: белорусско-иноязычный словарь: более 950 белорусских, около 8600 иноязычных пословиц]. Магілёў: МДУ. 312 с. (На белорус. языке).

Петрушэўская, Ю. А. (2021) Моўная спецыфічнасць і нацыянальная адметнасць прыказак беларускай мовы [Языковая специфичность и национальное своеобразие пословиц белорусского языка]. Магілёў : МДУ. 220 с. (На белорус. языке).

Радбиль, Т. Б. (2013) Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта ; Наука. 328 с.

Савенкова, Л. Б. (2002) Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону : Изд-во Ростов. ун-та. 240 с.

Семененко, Н. Н. (2020) Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 213–232. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>



Сувандии, Н. Д. (2021) Антропонимы тувинского языка, связанные с буддийской религией // Новые исследования Тувы. № 2. С. 44–51. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.4>

Тувинско-русский словарь (1968) / под. ред. Э. П. Тенишева. М. : Советская энциклопедия. 465 с.

Bréchon, P. (2016) Quelles sont les valeurs des Français? // Sciences Humaines. Grands Dossiers. № 44. Septembre – octobre – novembre. P. 34.

Bréchon, P, Gonthier, F., Astor, S. (dir.) (2019) La France des valeurs. Quarante ans d'évolutions. Presses universitaires de Grenoble. 381 p.

Ivanov, E. (2002) Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). Prague : RSS. 136 p.

Ivanov, E., Petrushevskaya, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Vol. 8. № 5. P. 864–872. DOI: <https://www.doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-5-864-872>

Larina, T. V., Ozyumenko, V. I., Kurteš, S. (2017) I-identity vs we-identity in language and discourse // Anglo-Slavonic perspectives Lodz Papers in Pragmatics. № 13 (1). P. 195–215. DOI: <https://www.doi.org/10.1515/lpp-2017-0006>

Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory // European Journal of Science and Theology, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Nelyubova, N. Yu., Dugalich, N. M., Ershov, V. I. (2021) Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 1051–1074. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. No. 11(2). P. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Zouogbo J.-P. C. (2008) Le proverbe entre langues et cultures: Une étude de linguistique confrontative allemand/français/bété. Berne : Lang. 361 p.

Дата поступления: 12.12.2021 г.

#### REFERENCES

Bredis, M. A. (2014) Otrazhenie tsennostnykh orientirov v paremiologii (na materiale poslovits russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemetskogo i angliiskogo iazykov o družbe i den'gakh) [Reflection of value orientations in paremiology: the case of proverbs about friendship and money in Russian, Latvian, Lithuanian, German and English]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 77, pp. 102–104. (In Russ.).

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremi v sovremennoi lingvistike: podkhody k izucheniiu, tekstoobrazuiushchii i lingvokul'turologicheskii potentsial [Paremiology in contemporary linguistics: approaches to studying, text-forming and linguocultural capability]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Tipologiya poslovits pribaltiiskogo i finskikh narodov Rossii o bogatstve i bednosti (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Typology of proverbs about wealth and poverty in the Baltic-Finnish peoples of Russia against the background of European paremiological material]. *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.).

Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremiology]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) Poslovitsa v sovremennoi lingvistike: opredelenie, status, funkcionirovanie [The proverb in modern linguistics: definition, status, and functioning]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, issue 19: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Dorzhu, K. B. (2012) Sravneniia v russkikh i tuvinskikh pogovorkakh, poritsaiushchikh otritsatel'nye kachestva cheloveka [Comparisons in Russian and Tuvan proverbs which condemn negative personal qualities]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 94–98. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2009) Kriterii sistematizatsii aforisticheskogo materiala kak ob'ekta leksikograficheskogo opisaniia [Criteria for systematizing aphoristic material as an object of lexicographic description]. *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, no. 2 (24), pp. 88–91. (In Russ.).





Ivanov, E. E. (2019a) Aspekty empiricheskogo ponimaniia aforizma [Aspects of empirical understanding of aphorism]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 10, no. 2, pp. 381–401. (In Russ.) DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-381-401>

Ivanov, E. E. (2019b) O rekurrentnosti aforisticheskikh edinit v sovremennom russkom iazyke [Aphoristic units and their recurrence in contemporary Russian]. *Russian Language Studies*, vol. 17, no. 2, pp. 157–170. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170>

Ivanov, E. E. (2020) Aforizm kak ob'ekt lingvistiki: osnovnye priznaki [The aphorism as an object of linguistics: the main properties]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 4, pp. 659–706. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-659-706>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatii (na evropeiskom paremiologicheskome fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, Yu. A. (2021) Natsional'naya spetsifichnost' poslovichnogo fonda (osnovnye poniatii i metodika vyivleniia) [The ethnic specificity of the proverbial corpus: basic concepts and procedure for identification]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 993–1032. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvinty v svoem fol'klore (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvans in their folklore: Historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore]. Kyzyl, Tuva book publishing house. 464 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Tuva kak limitrofnaya zona: iazyk, religii i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2018b) Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo iazykov) [Value constants of the Rusin paremiology as compared with the Ukrainian and Russian languages]. *Rusin*, no. 4(54), pp. 303–317. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18572685/54/18>

Mokienko, V. M. (2020) Lingvokulturologicheskaya paremiologiya v evropeiskoi retrospektive [Linguoculturological paremiology in a European retrospective]. In: *Perspektivnye napravleniia sovremennoi lingvistiki* [Promising areas of modern linguistics] / ed. by V. V. Vorob'eva, D. S. Sknareva and M. L. Novikovoi. Moscow, RUDN. 410 p. Pp. 42–53. (In Russ.).

Neliubova, N. Yu. (2019) Sem'ia kak obshchechelovecheskaya tsennost' vo frantsuzskoi i russkoi poslovichnoi kartine mira [The family as a universal value in the French and Russian proverbial picture of the world]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 6, pp. 50–59. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.20339/PhS.6-19.050>

Neliubova, N. Yu. (2020) Osobennosti tsennostnykh orientirov nositelei frantsuzskogo i russkogo iazykov i ikh predstavlenie v poslovitsakh (na materiale slovarei) [Features of the value orientations of native speakers of French and Russian and their representation in proverbs (based on dictionaries)]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 5, pp. 79–88. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.37482/2227-6564-V051>

Neliubova, N. Yu. (2021) Kharakteristika cheloveka v russkikh i frantsuzskikh poslovitsakh skvoz' prizmu individual'nogo i kollektivnogo [Characteristics of a person in Russian and French proverbs through the lens of the individual and collective]. *World of Linguistics and Communication*, no. 2, pp. 137–148 [online] Available at: [http://tverlingua.ru/archive/064/10\\_64.pdf](http://tverlingua.ru/archive/064/10_64.pdf) (access date: 12.11.2021).

Neliubova, N. Yu., Khil'tbrunner, V. I. and Ershov, V. I. (2019) Otrazhenie ierarkhii tsennostei v poslovichnom fonde russkogo i frantsuzskogo iazykov [The reflection of the hierarchy of values in the proverbial corpus of the Russian and French languages]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 1, pp. 223–243. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243>

Nichiporchik, E. V. (2015) *Otrazhenie tsennostnykh orientatsii v paremiakh* [Reflection of value orientations in proverbs]. Gomel', GGU im. F. Skoriny. 358 p. (In Russ.).

*Paremiologiya bez granits* [Paremiology without borders] (2020) / ed. by M. A. Bredis and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 244 p. (In Russ.).

*Paremiologiya v diskurse* [Paremiology in Discourse] (2015) / ed. by O. V. Lomakina. Moscow, URSS; Lenand. 294 p. (In Russ.).



*Paremiologiya na perekrestkakh iazykov i kul'tur [Paremiology at the crossroads of languages and cultures] (2021) / ed. by E. E. Ivanov and O. V. Lomakina. Moscow, RUDN Publ. 246 p. (In Russ.).*

Petrusheŭskaia, Iu. A. (2020) Universal'ny i internatsyional'ny kampanenty ŷ paremiialagichnym skladze belaruskai movy: belarуска-inshamoŷny sloŷnik: bol'sh za 950 belaruskikh, kalia 8600 inshamoŷnykh prykazak [Universal and international components in paremiological structure of Belarusian language: a Belarusian-foreign dictionary]. Magileŷ, MDU. 312 p. (In Belarusian)).

Petrusheŭskaia, Iu. A. (2021) *Moŷnaia spetsyfičnasts' i natsyional'naia admetnasts' prykazak belaruskai movy [Linguistic peculiarity and ethnic specificity in Belarusian proverbs]*. Magileŷ, MDU imia A. A. Kuliashova. 220 p. (In Belarusian)

Radbil', T. B. (2013) *Osnovy izucheniia iazykovogo mentaliteta [Basics of studying linguistic mentality]*. Moscow, Flinta; Nauka. 328 p. (In Russ.).

Savenkova, L. B. (2002) Russkaia paremiologiya: semanticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty [Russian paremiology: semantic and linguoculturological aspects]. Rostov n/Donu, Izd-vo Rostov. un-ta. 240 p. (In Russ.).

Seenenko, N. N. (2020) Aksiologiya paremii v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniia semantiki russkikh poslovits [Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of semantics of Russian proverbs]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 213–232. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232>

Suvandii, N. D. (2021) Antroponimy tuvinskogo iazyka, svyazannye s buddiiskoi religiei [Buddhism-related Tuvan personal names]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 44–51. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.4>

Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

Bréchon, P. (2016) Quelles sont les valeurs des Français? *Sciences Humaines. Grands Dossiers*, no. 44, Septembre – Octobre – Novembre, p. 34.

Bréchon, P, Gonthier, F., Astor, S. (dir.) (2019) *La France des valeurs. Quarante ans d'évolutions*. Presses universitaires de Grenoble. 381 p.

Ivanov, E. (2002) *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague, RSS. 136 p.

Ivanov, E. and Petrushevskaia, Ju. (2015) Etymology of English Proverbs. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, vol. 8, no. 5, pp. 864–872. DOI: <https://www.doi.org/10.17516/1997-1370-2015-8-5-864-872>

Larina, T. V., Ozyumenko, V. I., Kurteš, S. (2017) I-identity vs we-identity in language and discourse. *Anglo-Slavonic perspectives Lodz Papers in Pragmatics*, no. 13 (1), pp. 195–215. DOI: <https://www.doi.org/10.1515/lpp-2017-0006>

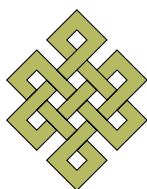
Lomakina, O. V. (2021) Concepts of god and faith in Uzbek and Tajik proverbs in terms of culture and language transfer theory. *European Journal of Science and Theology*, vol. 17, no. 2, pp. 125–135.

Nelyubova, N. Yu., Dugalich, N. M. and Ershov, V. I. (2021) Semantic Condensations in French and Russian Proverbs Based on the Thematic Group Family. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 1051–1074. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-1051-1074>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11(2), pp. 198–212. DOI: <https://www.doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Zouogbo J.-P. C. (2008) *Le proverbe entre langues et cultures: Une étude de linguistique confrontative allemand/français/bété*. Berne, Lang. 361 p.

Submission date: 12.12.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.11

Статья

## Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев

Светлана А. Москвичева, Оксана И. Александрова, Юлия Н. Эбзеева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация



В статье представлены результаты исследования роли и места фольклора в системе культурных ценностей современного тувинского общества. Авторы исходили из понимания культуры как кода, как инструмента и как воображаемого пространства. С последним связано понятие культурных репрезентаций, которые присутствуют в обыденном, не отрефлексированном сознании носителей культуры и отражают их точку зрения на саму культуру.

В отличие от деклараций о культуре, репрезентации носят социальный характер, непосредственно не даны в наблюдении, но могут быть получены в результате анализа экикультурных дискурсов. Культурные репрезентации выполняют тройную роль в социуме: придают смысл фрагменту реальности, интегрируют новые смыслы в привычные системы знания и обеспечивают обмен смыслами в обществе, поддерживая его единство (С. Москвичи). Репрезентации имеют статичный характер и, согласно проведенным исследованиям, образуют структуру по типу поля. В теоретическом плане работа опирается на разграничение двух измерений — индивидуального, а именно памяти и культурного воображаемого, и социального, к которому относится история и культурные идеологии.

Эмпирическая часть исследования состояла из серии исследовательских мини-интервью с представителями молодого поколения тувинцев (17–27 лет), чья социализация и инкультурация прошла в Туве, и анкетирования, в котором приняли участие 190 чел. в возрасте от 17 до 77 лет. Инструментарием исследования стала анкета, разработанная по методике Б. Морера и позволяющая выявить структуру социальных репрезентации тувинской культуры и места в ней фольклора. Репрезентации культуры оценивались по трем индексам: оценки, консенсуса и дисперсии, совмещение которых позволило выявить центральные и периферийные зоны культуры, определить прототипические культуремы, выявить уровень согласия общества по значимости культуремы, а также прогнозировать социокультурную динамику общества. Исследование показало, что центр и периферия поля культуры не находятся в отношениях иерархии, поскольку центральные культуремы задают нормативные отношения, а периферийные обеспечивают пластичность системы.

**Ключевые слова:** тувинцы; Тува; фольклор; тувинский фольклор; тувинская культура; репрезентация культуры; структура репрезентаций культуры

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.



### Для цитирования:

Москвичева С. А., Александрова О. И., Эбзеева Ю. Н. Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 164–182. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>



**Москвичева Светлана Алексеевна** — кандидат филологических наук, доцент, директор Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграции, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (916) 919-01-30. Эл. адрес: [moskvitcheva@mail.ru](mailto:moskvitcheva@mail.ru)

**Александрова Оксана Ивановна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (903) 544-50-77. Эл. адрес: [alexandrova-oi@rudn.ru](mailto:alexandrova-oi@rudn.ru)

**Эбзеева Юлия Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент, первый проректор — проректор по образовательной деятельности, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (495) 787-38-03. Эл. адрес: [ebzееva-yun@pfur.ru](mailto:ebzееva-yun@pfur.ru)



## Folklore culturemes in the structure of cultural representations of Tuvan people

**Svetlana A. Moskvitcheva, Oksana I. Aleksandrova, Yulia N. Ebzeeva**

*RUDN University, Russian Federation*

*This article discusses the role and place of folklore in the system of cultural values of contemporary Tuvan society. The authors proceeded from the understanding of culture as a code, as a tool and as an imaginary space. The latter is associated with the concept of cultural representations that are present in the everyday, unreflected consciousness of culture bearers and represent their points of view on the culture itself.*

*Unlike cultural declarations, representations are social in nature, not directly observable, but can be reached through analyzing epicultural discourses. Cultural representations play a threefold role in society: they provide meaning to a fragment of reality, integrate new meanings into already familiar knowledge systems, and make possible an exchange of meanings in society by maintaining its unity (S. Moscovici). While representations are static in nature and, according to our research, form a field-type structure, the dynamic components of social reality are attitudes associated with the activities and actions of members of a cultural society. In theoretical terms, our work is based on the distinction between two dimensions - the individual, i.e. memory and the cultural imaginary, and the social, to which history and cultural ideologies belong.*

*The empirical part of the study includes a series of 30 research mini-interviews with young people from Tuva aged 17 to 27. Another part of it was a questionnaire filled in by 190 people aged 17 to 77. The questionnaire was compiled in line with the methodology of B. Morer and aimed to shed light on the structure of social representations of Tuvan culture and the place occupied by folklore in it. Representations of culture were evaluated by three indexed parameters – assessment, consensus and dispersion. Matching all of the three together allowed us to draft the central and the peripheral zones of culture, to pinpoint the prototypical culturemes, to assess the social consensus about the relative importance of any of the culturemes, and to forecast the sociocultural dynamics of the society. Our study has shown that the relationship between the “centre” and the “periphery” of culture is not hierarchical, since the normativity is determined by the centre, while the peripheral culturemes make the system more plastic.*

**Keywords:** *Tuvans; Tuva; folklore; Tuvan folklore; Tuvan culture; representation of culture; structure of cultural representation*

*This paper was supported by the Program of Strategic Academic Leadership, RUDN University.*



### For citation:

Moskvitcheva S. A., Aleksandrova, O. I. and Ebzeeva Yu. N. Fol'klornye kul'turemy i struktura kul'turnykh reprezentatsii tuvintsev [Folklore culturemes in the structure of cultural representations of Tuvan people]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 164-182. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.11>

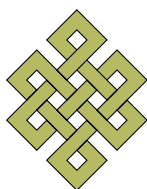


**MOSKVITCHEVA, Svetlana Alekseevna**, Candidate of Philology, Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 919-01-30. E-mail: [moskvitcheva@mail.ru](mailto:moskvitcheva@mail.ru) **ORCID ID: 0000-0002-8047-7030**

**ALEKSANDROVA, Oksana Ivanovna**, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (903) 544-50-77. E-mail: [alexandrova-oi@rudn.ru](mailto:alexandrova-oi@rudn.ru) **ORCID ID: 0000-0002-7246-4109**

**EBZEEVA, Yulia Nikolaevna**, Candidate of Philology, Associate Professor, First Vice-Rector – Vice-Rector for Educational Activities, Head, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 787-38-03. E-mail: [ebzeeva-yun@rudn.ru](mailto:ebzeeva-yun@rudn.ru); [ebzeeva\\_yun@pfur.ru](mailto:ebzeeva_yun@pfur.ru) **ORCID ID: 0000-0002-0043-7590**





## Введение

На фоне большого научного интереса к автохтонным культурам и относящимся к ним различным фольклорным формам исследования репрезентаций культур в обыденном сознании их представителей с использованием эмпирико-индуктивных методов остаются немногочисленными. В данной работе предпринимается попытка определения места фольклора в структуре социальных репрезентаций тувинской культуры жителей Республики Тыва молодого и среднего поколения<sup>1</sup>. Исследование сосредоточено на анализе структуры репрезентаций в обыденном сознании, а не в научной или иных отрефлексируемых картинах мира. Представленную структуру репрезентаций и первичные результаты следует рассматривать как начало работы по анализу, разработке и апробации методологического аппарата для выявления структурных репрезентаций в поле культуры в современном тувинском обществе. Особое внимание к отношению представителей тувинской культуры к традиционным и новым формам материальных и духовных культурных ценностей обусловлено наблюдающимися процессами «фольклоризации» автохтонных миноритарных языков и культур, не всегда имеющих положительное значение для их витальности.

Основными единицами исследования выбраны репрезентации культуры в обыденном сознании, для обозначения которых в работе синонимично используется термин «культурема»<sup>2</sup>. Он понимается нами в духе культурологической школы, связанной с теорией информации А. Моля (Moles, 1967), А. Моля и Зельтмана (Moles, Zeltmann, 1971) и в духе идей А. Вежбицкой (Вежбицкая, 1999). Вслед за А. Модем культурема рассматривается как «атом культуры», а сама культура — как агрегация атомов, как мозаичный феномен, фрагментарный характер которого усиливается в процессе восприятия культуры ее носителями. Подход А. Вежбицкой позволяет установить связи между собственно когнитивной и языковыми картинами мира. Понимание структуры репрезентаций культуры как поля с центром и периферией опирается на работы Ж.-К. Абрика в русле развития теории социальных представлений (Abric, 1987, 1989, 1994, 2003), основные положения которых на русском языке переведены и резюмированы в статье И. Б. Бовиной (Бовина, 2010). Согласно концепции Ж.-К. Абрика структура представлений включает ядро и периферию, где «ядро является стабильной и устойчивой частью представления, связанной с коллективной памятью, с историей группы, с ее ценностями и нормами. Ядро отражает консенсус группы, играет нормативную роль, выражающуюся непосредственно в суждениях и действиях, в суждениях в отношении действий» (там же: 15). Зоны периферии, в свою очередь «конкретизируют значение ядра представлений» (там же), обеспечивают адаптативность представления как к меняющимся контекстам, так и к различным индивидам.

Помимо теоретических взглядов на культуру в рамках интегрированного подхода А. Моля, теории социальных представлений С. Московичи и ее развития в структурном аспекте в трудах Ж.-К. Абрика в исследовании использован собственный, в том числе полевой, опыт анализа репрезентаций языка в различных миноритарных языковых ситуациях.

Для автохтонных российских культур, совмещающих пласты онтологической, эпистемологической и дискурсивной природы, значимыми остаются формы традиционной культуры, связанной, как правило, с сельским укладом жизни, аграрными или животноводческими практиками, историческим прошлым и памятью народа. Часто именно эти традиционные формы выполняют роль культурных маркеров в социальном пространстве, на них возложены задачи этнической интеграции и мобилизации общества, и именно они становятся ключевыми факторами при формировании этнического, языкового и культурного компонентов идентичности. Эта группа культурем актуализируется в дискурсах об онтологической сущности национальной (этнической) культуры, субъектами которых являются как

<sup>1</sup> Респонденты отбирались по следующим критериям: место рождения — Республика Тыва, проживание как минимум до окончания средней школы в Республике Тыва, социализация и инкультурация в Республике Тыва. Вопрос об этнической принадлежности не задавался, поскольку в фокусе исследования были жители Тувы в целом.

<sup>2</sup> Поскольку в данном исследовании анализируется структура, представленная вербальными формами, мы сознательно отказались от принятого в русскоязычных работах термина социальной психологии «социальные представления», продолжая тем не менее опираться на теорию С. Московичи (Moscovici, 1973, 1989, 1992) и используя вместо русского переводного термина «представление» более близкий к французскому оригиналу *représentation*. Тем более, что термин «репрезентации» в настоящее время широко используется в социолингвистике и психолингвистике.



власти и представители национальных элит, так и рядовые носители культуры. Проблемы, посвященные специфике и актуализации культурем традиционного типа, освещались в целом ряде новых работ о тувинской культуре (Кужугет и др., 2019; Ламажаа, Сузукей, 2019; Ламажаа, 2018, 2021ab; Майны, 2021; Персидская, 2019).

Вместе с тем необходимо признать, что нельзя считать современные культуры народов России культурами исключительно традиционными, поскольку они обладают выраженными чертами культуры современного типа. При общей ориентации культур на новации и прогресс сохраняется высокая значимость общественного дискурса, связанного с традиционными ценностными установками и практиками. В такой ситуации, перед исследователями стоит сложная задача выявления особенностей взаимоотношений культур традиционного и современного типов. При этом важно рассматривать их как в динамической парадигме модернизации и связанными с ней процессами индустриализации, урбанизации, секуляризации, социальной и территориальной мобильности, так и в парадигме пост-модернизма, в рамках которого «акценты сместились с количественных к качественным, с процессов — к отношениям, с конкретного — к абстрактному» (Дэвид-Фокс, 2016: Электр. ресурс).

Соотнесенность параметров традиционного и современного, статичного и динамичного в структуре репрезентаций культуры может быть обнаружена благодаря определению места фольклора в структуре культурных репрезентаций, если понимать под фольклором коллективное творческое начало, которое может служить инструментом формирования и трансформации культуры изнутри. В этой связи в данной работе фольклор будет пониматься в широком смысле как «художественная творческая деятельность народа; создаваемые народом и бытующие в народных массах поэзия, музыка, театр, танец, архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство»<sup>1</sup>.

### **Методология проведения исследования**

Исследование проводилось в июле и августе 2021 г. в Республике Тыва с использованием эмпирико-индуктивного подхода, совмещающего качественные и количественные методы анализа. Качественные методы анализа позволили работать с аутентичными текстами, выделить и проанализировать когнитивно значимые единицы культуры, а применение количественных статистических методов обеспечило выявление основных параметров их структуры. В основу методологии анализа были положены принципы «Метода комбинированного анализа» Б. Морера, математический аппарат которой предложен математиком П.-А. Деруссо (Maurer, Desrousseaux, 2013).

#### *Методы и принципы сбора материала*

Остановимся подробнее на методах и принципах сбора материала и на создании инструментария анализа структуры социальных репрезентаций тувинской культуры.

#### *Подготовка анкеты*

Первый этап эмпирической части исследования состоял из серии (30) исследовательских мини-интервью с представителями молодого поколения тувинцев в возрасте от 17 до 27 лет, удовлетворяющих следующим критериям: место рождения — Республика Тыва, проживание вплоть до окончания обучения в средней школе в Туве. Поиск респондентов осуществлялся через личные контакты. Респондентам было предложено написать в свободной форме эссе на тему «Что такое для меня тувинская культура» (тема была сформулирована на русском языке, ограничений по выбору языка эссе не было, но все респонденты написали эссе по-русски). Никаких ограничений, связанных со структурой, объемом или временем написания сочинения не было. Таким образом, респондентам была дана свобода самовыражения в выборе наиболее значимых для них культурем. Нас интересовало не только место фольклора в структуре социальных репрезентаций, но и направления возможной динамики ценностей культуры, поэтому было принято решение, что базовой, референтивной возрастной когортой для исследования станут представители молодого поколения тувинцев в возрасте от 18 до 30 лет. Именно их точка зрения и их высказывания составили стартовый эмпирический материал. Нами было получено 30 небольших сочинений на русском языке на тему «Что такое для меня тувинская культура».

<sup>1</sup> Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 271.



На втором этапе эмпирической части исследования основным методом было анкетирование. В основу анкеты, разработанной авторами, были положены 20 культурем, отобранных из 30 мини-сочинений по принципу частотности. Вместе с абстрактными, категориальными понятиями в анкету были включены предложенные респондентами названия конкретных проявлений форм культуры. В анкете, насколько это было возможно<sup>1</sup>, сохранены оригинальные вербальные формулировки культурем, поскольку попытки дать более точные или научные дефиниции привели бы к искажению всего замысла исследования. Это не только повлекло бы утрату коннотативного содержания единиц, но и поставило бы под сомнение анализ именно обыденных представлений и когнитивных структур тувинцев, выраженных в вербальной форме.

В таблице 1 представлены культуремы, вошедшие в окончательный вариант анкеты, выделенные с целью определения структуры репрезентаций тувинской культуры.

Таблица 1. Форма анкеты, содержащая перечень культурем, полученных из сочинений для последующего ранжирования респондентами

Table 1. The questionnaire listing the culturemes selected from the essays to be further ranged by respondents.

№	Культурема	Оценка
1	«Почет и уважение к старшему поколению»	
2	«Тувинские песни, например, <i>теректер</i> , <i>ынакшыл-дыр оол</i> »	
3	«Родной тувинский язык»	
4	«Национальный вид спорта <i>хуреш</i> »	
5	«Тува – центр Азии»	
6	«Обряд <i>хылбык дой</i> »	
7	«Гостеприимство и забота о близких»	
8	«Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное к ней отношение»	
9	«Конкурс красоты и мужества “Тажы биле Даңгына”»	
10	«Традиционные конные скачки»	
11	«Религия тувинского народа (буддизм, ламаизм)»	
12	«Национальные костюмы, где все продумано до мелочей»	
13	«Горловое пение»	
14	«Национальные блюда»	
15	«Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)»	
16	«Национальная игра <i>тевек</i> »	
17	«Национальные праздники (Шагаа, Наадым)»	
18	«Кочевой образ жизни и скотоводство»	
19	«Фестиваль “Устуу-Хурээ”»	
20	«Традиции, передающиеся из поколения к поколению»	

Согласно методике Б. Морера, число вопросов в анкете может любым, но кратным 5. Оптимальным числом является 20, что согласуется и с нашим опытом проведения социолингвистических исследований с применением метода анкетирования (Moskvitcheva, Viaut, 2021; Moskvitcheva, Safina, 2021) и обусловлено необходимостью краткости анкеты для получения нужного количества ответов.

Анкетирование проводилось с помощью ресурса Google Formes. Использование данного инструмента имело как положительные, так и отрицательные стороны: несомненным плюсом является его доступность и возможность широкого охвата аудитории, недостатком стала невозможность создания макета анкеты строго советующей «Методике комбинированного анализа» Б. Морера, в связи с чем ее классический вид был модифицирован. Для чистоты эксперимента анкета распространялась среди тувинцев, не принимавших участие в первом этапе исследования.

*Инструкция для респондентов*

Респондентам было предложено посмотреть в течение нескольких минут на культуремы и последовательно выбрать по четыре, которые в наибольшей / наименьшей / достаточно хорошо или недостаточно хорошо соответствуют представлениям респондентов о тувинской культуре, отметив

<sup>1</sup> Близкие по содержанию понятия назывались по наиболее развернутому и культурно маркированному варианту.



каждый из выбранных вариантов коэффициентами +2, -2, +1, -1. В форме анкеты, размещенной на ресурсе Google.Forms, культураны были представлены в составе утверждений, например, «Тувинская культура — это почет и уважение к старшему поколению». Респонденты получили следующую инструкцию.

«Сначала прочитайте все эти утверждения. Затем выберите 4 утверждения (не более и не менее четырех), которые в наибольшей степени соответствуют вашему представлению о тувинской культуре (отметьте их цифрой +2); 4 утверждения (не более и не менее четырех), которые в наименьшей степени соответствуют вашему представлению о тувинской культуре (отметьте их цифрой -2); 4 утверждения (не более и не менее четырех), которые с вашей точки зрения достаточно хорошо характеризуют тувинскую культуру (выберите цифру +1); 4 утверждения (не более и не менее четырех), которые с вашей точки зрения недостаточно хорошо характеризуют тувинскую культуру (выберите цифру -1). Оставшиеся 4 утверждения отметьте цифрой 0».

При правильном заполнении анкеты формируются четыре группы с оценкой респондентов, и пятая группа из четырех культурем, которая не получила никакой оценки.

В качестве респондентов в анкетировании приняли участие 208 жителей Тувы, местом рождения, социализации и инкультурации которых была Республика Тыва. Корректно заполненных анкет оказалось 190, их материал составил базу для дальнейшего анализа. Полученные анкеты были распределены по трем возрастным когортам: 72 анкеты — младшая (первая) когорта (17–30 лет), 85 анкет — средняя (вторая) когорта (31–50 лет), 33 анкеты — старшая когорта (51+ лет). Поскольку число респондентов в третьей возрастной когорте оказалось значительно меньше, чем в двух первых, в настоящем исследовании учитывались и сравнивались данные только по первой и второй возрастным когортам. Результаты предварительного анализа анкет представителей старшего поколения интересны, однако нуждаются в проверке на релевантность, что требует проведения дополнительного исследования.

### **Индексы консенсуса, оценки и дисперсии оценки**

Предлагаемый нами инструментарий выявления характера отношений культурем в структуре социальных репрезентаций включает три параметра: индекс консенсуса, индекс оценки, индекс дисперсии оценки. Любая культура оценивалась строго по всем трем индексам, так как оценка по отдельным индексам не достаточна и может дать искаженное представление о значимости как отдельной культуры, так и о структуре в целом.

#### *Индекс консенсуса*

Выделенный нами индекс консенсуса показывает, насколько данная культура значима для социума. Он рассчитывается как процент респондентов, выбравших и оценивших культуру. Напомним, что анкета составлена таким образом, что 20% культурем оказываются вне выбора респондента. Максимально возможный показатель данного индекса равен 100% (все респонденты так или иначе оценили данную культуру), минимально возможный 0% (никто ни разу не оценил данную культуру).

#### *Индекс оценки*

Данный индекс представляет собой среднее арифметическое оценки репрезентации и варьируется в диапазоне от +2 до -2. В общем случае он рассчитывается по формуле:

$$x_j = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N x_{i,j}$$

где N — количество респондентов,  
i — любой респондент,  
j — любая репрезентация культуры.

В целом, чем выше показатель данного индекса, тем большее значение имеет данная культура в обществе. Однако представим ситуацию, что в исследовании принимают участие 4 респондента, которым предлагается оценить три репрезентации, и их ответы распределились так, как представлено в таблице 2:





Таблица 2. Возможные различия репрезентаций при тождестве индекса оценки  
Table 2. The potential variability of representations when evaluation indices are equal

	Репрезентация 1	Репрезентация 2	Репрезентация 3
Респондент 1	+2	0	+1
Респондент 2	+2	0	+1
Респондент 3	-2	0	-1
Респондент 4	-2	0	-1
Итого:	0	0	0

Во всех случаях получен один и тот же показатель индекса оценки культураны, однако, понятно, что значимость данной культураны в социуме совершенна различна. В первом случае обнаруживается поляризация общества по полюсам приятия/неприятия данной ценности, во втором случае культураны вообще не значима, в третьем случае присутствует поляризация, но культураны не оценивается как прототипическая, то есть как лучший, центральный представитель для данной культураны (Rosch, 1978). Вариантом выхода из данной ситуации может быть показатель среднего квадратического отклонения по каждой культураны, который, в частности, используется в методике Морера и Деруссо (Maurer, Desrousseaux, 2013: 106), однако в данной работе мы предлагаем введение иного параметра — индекса дисперсии оценки.

#### Индекс дисперсии оценки

Данный индекс показывает уровень согласия общества по значимости данной репрезентации как центральной или периферийной. Он выводится на основании разницы в ответах респондентов, выбравших оценку в +/-2 и +/-1. Если предположить, что оценка в 2 балла (знак плюс или минус в данном случае не важен) маркирует «сильные» культураны, прототипических представителей культураны (оценка +2) или прототипических не-представителей культураны (оценка -2), а оценка в +/-1 балл — «слабые» культураны, то чем больше оценок «+/-2» получает культураны, тем она важнее и тем центральнее ее место в пространстве социальных репрезентаций тувинской культураны. Иными словами, респонденты в первую очередь реагируют на эти культураны и оценивают их в качестве «лучших» (оценка +2) или «худших» (оценка -2) представителей культураны.

Данный индекс является векторной величиной и рассчитывается как процент, показывающий разницу ответов с выбором «+/-1» и «+/-2». Условимся, что большее количество ответов в пользу «+/-2» будем маркировать как «P», а большее количество ответов в пользу «+/-1» будем обозначать знаком «W». Максимальное значение индекса равно P1 или W1. Индекс P1 означает, что все респонденты выбрали «+/-2», то есть оценили данную культураны как сильную. Индекс W1 означает, что все респонденты выбрали оценку культураны в +/-1, что соответствует ее оценке как более слабой. Минимальное значение индекса равно 0. Это значит, что ответы респондентов распределились поровну между оценкой культураны как сильной или слабой. Например, индекс дисперсии оценки культураны «Родной тувинский язык» в молодом поколении равен P0,47. Это значит, что оценок «2» на 47% больше, чем оценок «1». Индекс поляризации культураны «национальный вид спорта хуреш» равен W0,48, что означает преимущественный выбор оценки «1» для данной культураны. Индекс дисперсии репрезентации «религия тувинского народа» во второй когорте равен 0. Это значит, что выбор ответов в пользу +/-2 и +/-1 распределился строго поровну.

Чем выше показатель индекса дисперсии оценки, тем больше согласие общества в сторону оценки культураны как «сильной», прототипической или как «слабой». Чем ниже индекс оценки, тем выше поляризация общества в оценке данной культураны по степени ее прототипичности для данной культураны. Подчеркнем, что индекс оценивает не саму культураны, а отношение к ней социума. Данный показатель не указывает, насколько высоко/низко оценивается репрезентация. Он должен рассматриваться вместе с двумя другими параметрами и важен для выявления культураны, которые могут выступать как мобилизационный ресурс, например, при проведении политики ревитализации и сохранения культураны. Кроме того, данный показатель позволяет определить культураны, которые могут быть причиной эскалации конфликтов в обществе.



*Совмещение трех индексов*

На основании совмещения трех индексов мы предлагаем структурировать тувинские культуремы по принципу поля с центром и периферией. Поле репрезентаций культуры состоит из шести зон: ядро (А), центральная зона (Б), ближняя периферия (В), дальняя периферия (Г), зона неопределенности (Д), зона низкой лояльности (Е).

Распределение репрезентаций по зонам происходит следующим образом.

Этап 1. Распределение культурем по индексу консенсуса: все культуремы с индексом консенсуса выше 70% попадают в зоны А, Б, В, Г; культуремы с индексом консенсуса менее 70% попадают в зону неопределенности Д, поскольку чем ниже частота выбора данных культурем респондентами, тем выше вероятность неустойчивости их положения в когнитивном пространстве социальных репрезентаций.

Этап 2. Распределение по зонам А, Б, В, Г и Е на основе коэффициента оценки: в ядерную зону А попадают репрезентации с коэффициентом оценки выше +1; в центральную зону Б — с коэффициентом оценки от +0,5 до +1; в зону ближней периферии В — репрезентации с коэффициентом от 0 до +0,5; в зону дальней периферии Г — от 0 до -1. Особой зоной является зона низкой лояльности Е: в ней оказываются культуремы с высшими показателями консенсуса и, как правило, с высокими показателями индекса дисперсии оценки, но с индексом оценки ниже -1. Репрезентации такого типа формируют как бы «антиядро» структуры, и в этом качестве они тоже могут задавать нормативные отношения в структуре представлений. Их анализ представляет теоретический интерес и практическую ценность, поскольку они, как и репрезентации ядерной зоны, могут быть ресурсом и потенциалом культурной или этнической мобилизации.

Этап 3. Учет коэффициента дисперсии оценки внутри каждой зоны. Условно стабильными считаются репрезентации с коэффициентом выше 0,3, то есть с поляризацией в сторону «+/-1» или «+/-2» по ответам. Условно подвижными признаются репрезентации с коэффициентом гомогенности ниже 0,3, поскольку относительно равномерное распределение оценок по данным репрезентациям говорит о неопределённости общества в оценке данных культурем как более протопических или более периферийных для данной культуры, что создает напряжение в структуре и указывает пути ее возможной динамики.

Таким образом, с учетом принципа центра и периферии и всех трех индексов выстраивается структура поля репрезентации культуры, которая схематично отражена на рисунке 1.

Ядро поля представляет собой наиболее устойчивую часть поля репрезентаций, оно является организующим нормативным ценностным центром репрезентаций культуры в обществе и определяет значимость единиц всего поля. В ядро, как правило, входят наиболее значимые ценности экзистенциальной природы (Фромм, 2004). Периферия поля ориентирована на контекстуальную и ситуативную актуализацию репрезентаций культуры, будучи гибкой составляющей, она обеспечивает возможность адаптации индивидом различных культурных форм, позволяет интегрироваться в культуру, а также предохраняет ядро от трансформаций.

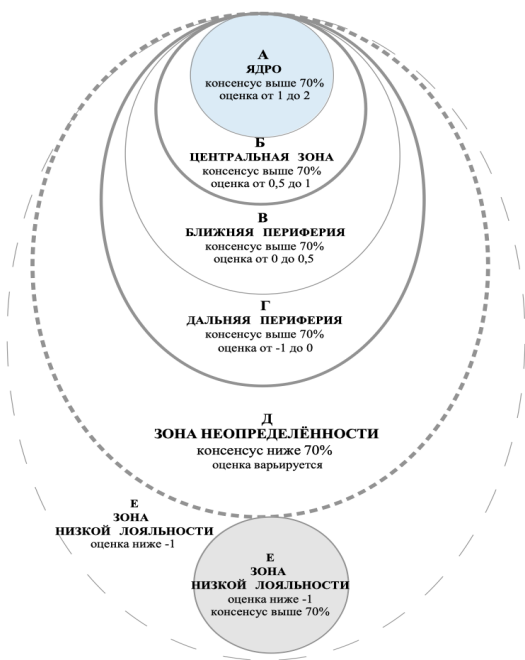
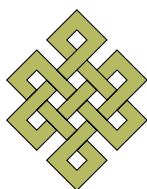


Рис. 1. Структура репрезентации поля культуры.  
Fig. 1. Representative structure of the field of culture

**Структура репрезентаций культуры тувинского общества**

Перед обсуждением результатов анализа данных анкет по первой (72 респондента) и второй (85 респондентов) возрастным когортам напомним, что референтной группой выбраны представители первой когорты, чьи ценностные ориентиры положены в основу анкеты, но исследование строится на



синхронном сопоставлении структур репрезентаций указанных возрастных групп, а не на выявлении причинно-следственных связей в диахронии.

#### *Культуремы фольклора в исследуемом материале*

Так как данное исследование строилось исключительно на эмпирическом материале репрезентаций тувинской культуры, но было нацелено на выявление места фольклора в структуре этих репрезентаций, необходимо уточнить, какие из вербализованных респондентами и далее предложенных для оценки культуремы были отнесены к фольклору.

Концентрируясь на понимании фольклора как обобщении разнообразных форм народного творчества, отражающего эстетические ценности этноса, мы отнесли к культуремам фольклора следующие репрезентации культуры: «Традиции, передающие из поколения в поколение», «Национальные праздники», «Фестиваль “Устуу-Хурээ”», «Горловое пение», «Национальный костюм», «Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)». Две категориальные (понятийные) культуремы «Традиции, передающиеся из поколения в поколение» и «Национальные праздники» являются сложными когнитивными единицами по типу сценария, поэтому они неизбежно включают культуремы фольклора. Репрезентации «Горловое пение», «Национальные костюмы, где все продумано до мелочей» и «Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)» могут быть отнесены к конкретным культуремам поля фольклора, так как являются формами народного искусства. Культурема «Фестиваль “Устуу-Хурээ”» также может отнесена к фольклору, поскольку как традиции и праздники имеет концептуальную структуру по типу сценария, хотя и является конкретным мероприятием, организуемым в рамках модернизации традиционной культуры в русле неотрадиционализма, подразумевающего как воспроизводство традиции, так и ее адаптацию к современным условиям. «В результате осуществляется не просто следование “образцу”, а развитие традиции за счет инкорпорации новаций. Сохраняются и восстанавливаются те традиции, в которых существует потребность и которые имеют адаптативный потенциал» (Попков, Мадюкова, 2010: 30).

Особое внимание следует уделить репрезентации «Родной тувинский язык», частично поглощающей и пересекающейся с полем фольклора, поскольку с языком непосредственно связаны устные формы народного творчества. В текстах сочинений, послуживших источником отбора культурем, не было упоминаний конкретных форм устного народного творчества, но в параллельном исследовании, проводимом авторами в марте 2021 г. и посвященном анализу репрезентаций тувинского языка среди тувинской молодежи, корреляция родного тувинского языка и форм устного народного творчества прослеживалась. Так, например, в ответах на вопрос «Напишите, пожалуйста, несколько ассоциаций, приходящих Вам на ум при упоминании о тувинском языке» 19% респондентов назвали поговорки и сказки, а при ответе на вопрос «Что Вы чаще всего читаете на тувинском языке?» 31% респондентов упомянули сказки (среди других ответов фигурировали посты в Инстаграм — 19%, сообщения от родителей — 19%, книги, рассказы — 19%, новости, газеты — 12%). Анализ данных этого и других блоков исследования указывает на восприятие носителями тувинской культуры устных форм фольклора как «включенной» категории, неотъемлемой, но не всегда вычлняемой составляющей тувинского языка.

Репрезентации «Религия тувинского народа (буддизм, ламаизм)», «Национальные блюда», а также культуремы, соотносящиеся с играми («Национальная игра *тевек*», «Национальный вид спорта *хуреш*», «Традиционные конные скачки») и обрядами («Обряд *хылбык дой*») могут рассматриваться как примыкающие к фольклору, но, на наш взгляд, они в меньшей степени связаны с творческим началом и формами народного искусства и поэтому не включены нами в зону фольклор культурного поля.

#### *Распределение репрезентаций тувинской культуры по индексу консенсуса*

Анализ данных анкетирования позволил распределить выделенные культуремы по индексу консенсуса, показывающему процент респондентов, выбравших и оценивших каждую репрезентацию. Данные представлены на *рисунке 2*.

Как видно на графике, кривые индекса консенсуса первой и второй когорт имеют близкие значения. Из интересных наблюдений отметим, что в младшей когорте только пять культурем не набрали 70% по индексу консенсуса, тогда как в старшей возрастной когорте количество таких культурем насчитывает восемь. Это может объясняться тем, что культуремы были выбраны из представлений именно молодого поколения тувинцев. Серия исследовательских интервью была бы очень полезна для уточнения оценки полученных данных, но в рамках этого исследования мы можем опираться только на количественные данные. Не менее интересным является факт более высоких показателей в млад-

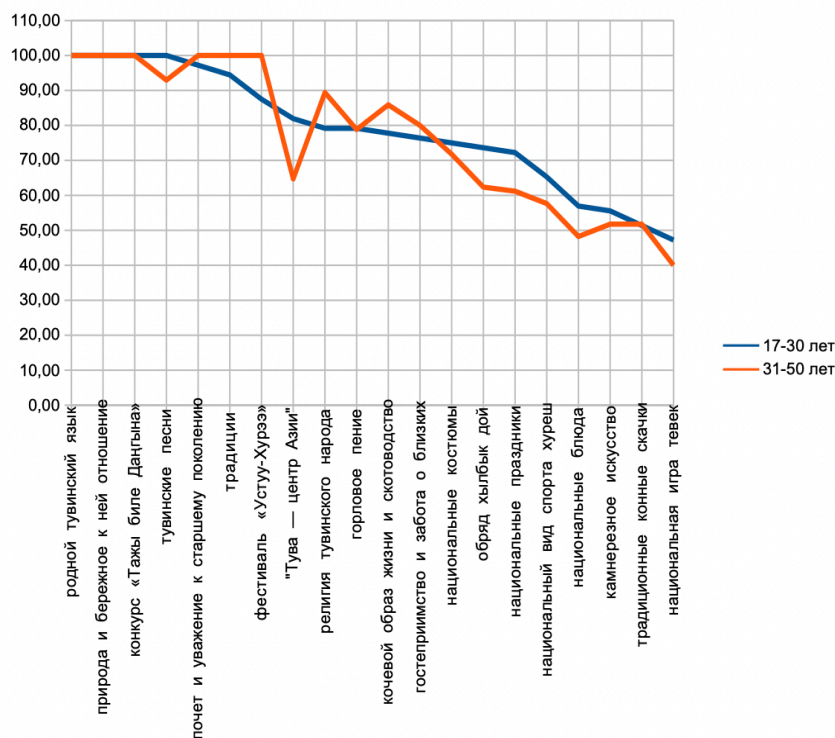


Рис. 2. Распределение репрезентаций тувинской культуры по индексу консенсуса в обществе.

Fig. 2. The distribution of representations of Tuvan culture by index of social consensus.

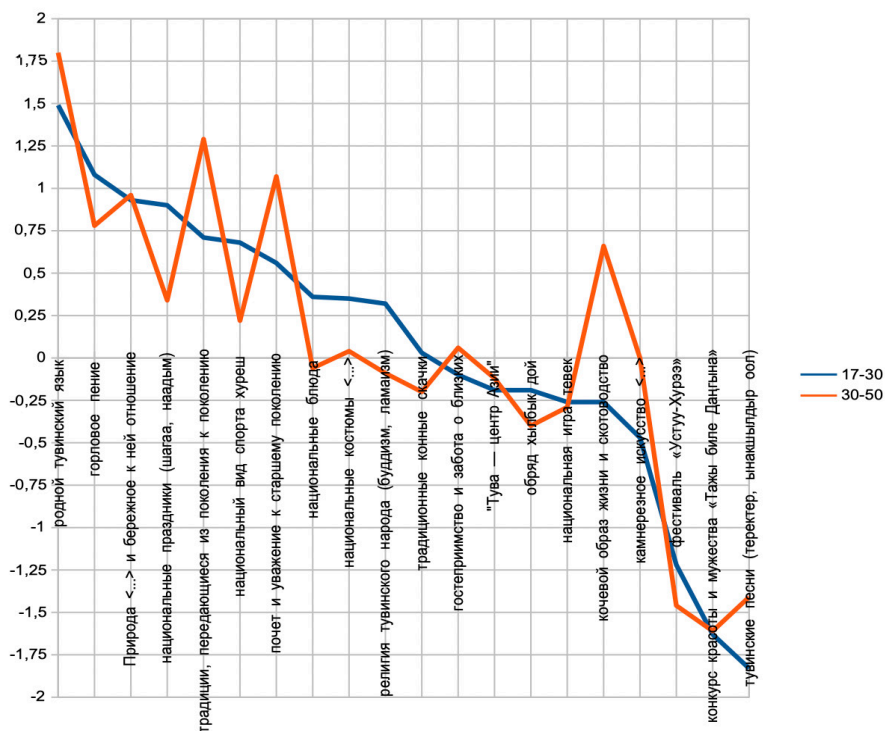


Рис. 3. Распределение репрезентаций тувинской культуры по индексу оценки.

Fig. 3. The distribution of representations of Tuvan culture by evaluation index.





шей когорте по культуре «Тува — центр Азии», восходящей не к традиционным типам дискурса и картине мира, а в большей степени к научно-популярным. Это может указывать на динамику представлений о культуре под влиянием различных дискурсов (СМИ, образование, политика, экономика и др.).

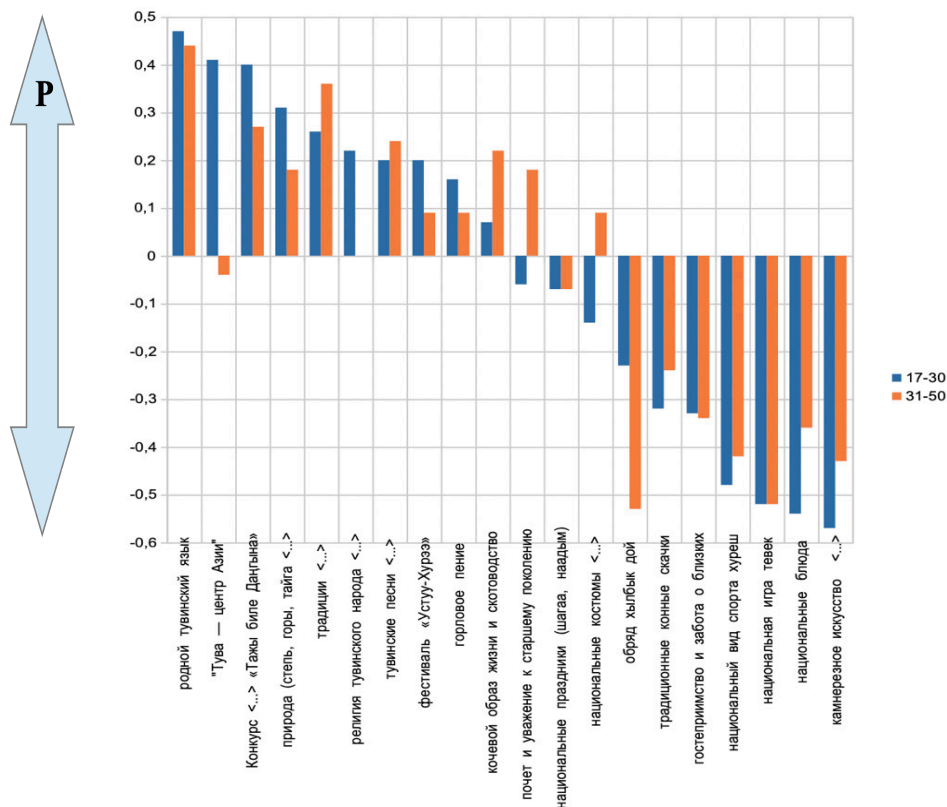
*Распределение репрезентаций тувинской культуры по индексу оценки.*

Просчитанный индекс средней оценки репрезентаций тувинской культуры в двух возрастных когортах и оценочное распределение культурем показаны на *рисунке 3*.

По оси ординат отложены показатели оценки от максимум плюс 2 до минимум –2. Как видим, максимально высоко в обеих когортах оценен «родной тувинский язык». Минимальную оценку получили «Фестиваль “Устуу-Хурээ”», «Конкурс красоты и мужества “Тажы биле Даңгына”» и «Тувинские песни, например, *Теректер*, *Ынакшылдыр оол*». Возможным объяснением низкой оценки данных культурем и отказа считать их рейтинговыми ценностями тувинской культуры является, на наш взгляд, особенность их природы: данные феномены представляют собой попытки модернизации и адаптации традиционных форм культуры. Со стороны общества это может рассматриваться как фольклоризация культуры или же как появление новых форм культуры, не имеющих отношения к традиционным, при том, что «настоящая» тувинская культура может быть только традиционной. Таким образом, низкая оценка культурем может относиться как к самим культурам и указывать на их неприятие обществом, так и к месту данных культурем, которое находится вне «традиционной культуры». В иной системе координат и при ином понимании феномена «культура» данные репрезентации, возможно, получили бы высокую оценку. Вместе с тем, напомним, что культуремы, включенные в анкету, были взяты из сочинений респондентов, сам факт их появления в текстах сочинений указывает на их значимость для носителей тувинской культуры.

*Распределение репрезентаций культуры по индексу дисперсии оценки*

На *рисунке 4* приведен график распределения культурем по индексу дисперсии оценки по двум возрастным группам.



*Рис. 4. Распределение репрезентаций культуры по индексу дисперсии оценки.*  
 Fig. 4. The distribution of representations of culture by index of evaluation ispersion.



В верхней части графика представлена зона Р, в которой расположены культураны, оцененные преимущественно в +/-2. В нижней части, в зоне W, расположены культураны, оцененные преимущественно в +/-1. Пороговым значением, при котором мы считаем, что культура попадает в зону стабильности оценки условимся считать коэффициент  $P > 0,3$  или  $W > 0,3$ . Оценка культуры в +/-2 балла свидетельствует о более высокой значимости данной культуры в когнитивном пространстве социальных представлений и относительном согласии общества считать их таковыми. Преимущественная оценка в +/-1 балл указывает, на наш взгляд, на периферийность когнемы как составляющей культурного поля.

Данный коэффициент уточняет значения индекса оценки культуры и должен рассматриваться вместе с ним. Индекс дисперсии оценки позволяет сопоставлять данные по месту в структуре как различных репрезентаций тувинской культуры в рамках одной возрастной когорты, так и одной и той же репрезентации в различных когортах. Индекс говорит о направлении динамики репрезентации в сторону представлений о ней как о сильной или как о слабой культуре.

Покажем на нескольких примерах возможности и роль данного индекса при оценке структуры представлений о тувинской культуре тувинцами. В таблице 3 приведены показатели по трем индексам для культуры «Родной тувинский язык» и «Горловое пение» в младшей возрастной когорте.

Таблица 3. Показатели по индексам консенсуса, оценки и дисперсии оценки по репрезентациям «Родной тувинский язык» и «Горловое пение» в младшей возрастной когорте.  
Table 3. Figures for the indices of consensus, evaluation and evaluation dispersion for representations of «First language (Tuvan)» and «Throat singing» in the younger age cohort

Культура	Индекс консенсуса	Индекс оценки	Индекс дисперсии оценки	Число ответов +2	Число ответов -2	Всего +/-2	Число ответов +1	Число ответов -1	Всего +/-1
Родной тувинский язык	100%	1,49	P0,47	45	2	47	23	2	25
Горловое пение	79%	1,08	P0,16	29	2	31	25	1	26

Обе культуры имеют высокий положительный индекс оценки: 1,49 «Родной тувинский язык», 1,08 «Горловое пение» из возможной 2. Однако «Родной тувинский язык» был оценен преимущественно в +2 балла: общее количество респондентов, оценивших «Родной язык» в +/-2 балла, составляет 47 ответов, с оценкой в +/-1 балл – 25, то есть на 47% больше (индекс P0,47). Это говорит не просто о высокой оценке данной культуры носителями тувинской культуры, но и о ее высокой значимости и прототипичности для данной культуры. По горловому пению индекс дисперсии оценки равен P0,16, что говорит о более равномерном распределении ответов между оценкой преимущественно в +2 (31 ответ) и +1 (26 ответов). И в этом случае оценка остается высокой, но место культуры «Горловое пение» в структуре репрезентаций более периферийно, ее позиции менее стабильны.

Сходный тип отношений объединяет пару «Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное к ней отношение» (индекс оценки 0,93, индекс дисперсии P0,32) и «Национальные праздники (Шагаа, Наадым)» (индекс оценки 0,90, индекс дисперсии W0,07). При близких высоких положительных значениях оценки культуры индекс дисперсии показывает преимущественный выбор оценки «2» для культуры «Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное к ней отношение» и «1» для культуры «Национальные праздники (Шагаа, Наадым)», следовательно, в структуре репрезентаций «Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное к ней отношение» является более «сильной» прототипической культурой и может быть мобилизационным ресурсом этнической идентичности.

На основании данного индекса можно сделать ряд выводов о возможной динамике в структуре репрезентаций. Сравним для примера показатели культуры «Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное к ней отношение» в младшей и старшей возрастных когортах (см. табл. 4).



Таблица 4. Показатели по индексам консенсуса, оценки и дисперсии оценки по репрезентациям «Природа (степь, горы, тайга, река Енисей) и бережное отношение к ней» в младшей и старшей возрастных когортах.

Table 4. Data for the indices of consensus, evaluation and evaluation dispersion for representing the «Nature (steppe, mountains, taiga, the river Yenisei) and taking care of the environment»

Когорты	Индекс консенсуса	Индекс оценки	Индекс дисперсии оценки
Младшая (72 респондента)	100%	0,93	P0,31
Старшая (85 респондентов)	100%	0,93	P0,18

Повышение индекса дисперсии оценки в репрезентациях молодого поколения при сохранении показателей индекса оценки может свидетельствовать о восприятии культуемы «Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное к ней отношение» как более значимой, прототипической категории в структуре репрезентаций.

### Структура репрезентаций тувинской культуры у молодого и старшего поколений: результаты совмещения индексов

Совмещение всех трех параметров, представленных в таблице 5, позволило установить структуру репрезентаций культуры тувинцев.

Таблица 5 Совмещение трех индексов репрезентаций тувинской культуры

Table 5. A superimposition of the three indices of representing Tuvan culture

Культурема	Молодое поколение			Старшее поколение		
	консенсус	оценка	дисперсия	консенсус	оценка	дисперсия
Родной тувинский язык	100	1,49	P0,47	100	1,8	P0,44
Горловое пение	79	1,08	P0,16	78	0,78	P0,09
Природа (степь, горы, тайга, река Енисей, озёра) и бережное к ней отношение	100	0,93	P0,31	100	0,96	P0,18
Национальные праздники (Шагаа, Наадым)	72	0,9	W0,07	61	0,34	W0,07
Традиции, передающиеся из поколения к поколению	94	0,71	P0,26	100	1,29	P0,36
Национальный вид спорта хуреш	65	0,68	W0,26	57	0,22	W0,42
Почет и уважение к старшему поколению	97	0,56	W0,06	100	1,07	P0,18
Национальные блюда	56	0,36	W0,54	48	-0,06	W0,36
Национальные костюмы, где все продумано до мелочей	75	0,35	W0,14	72	0,04	P0,09
Религия тувинского народа (буддизм, ламаизм)	79	0,32	P0,22	89	-0,09	0
Традиционные конные скачки	51	0,03	W0,32	52	-0,2	W0,24
Гостеприимство и забота о близких	76	-0,1	W0,33	80	0,06	W0,34
«Тува — Центр Азии»	81	-0,19	P0,41	65	-1,12	P0,04
Обряд хылбык дой	73	-0,19	W0,23	62	-0,4	W0,53
Кочевой образ жизни и скотоводство	77	-0,26	P0,07	86	-0,66	P0,22
Национальная игра тевек	47	-0,26	W0,52	40	-0,29	W0,52
Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)	55	-0,47	W0,57	52	0	W0,43
Фестиваль «Устуу-хурээ»	87	-1,22	P0,2	100	-1,46	P0,09



Конкурс красоты и мужества “Тажы биле Даңгына”	100	-1,63	P0,4	100	-1,61	P0,27
Тувинские песни, например, <i>теректер</i> , <i>ынакшылдыр оол</i>	100	-1,83	P0,2	93	-1,41	P0,24

Используя схематическое изображение структуры поля культуры, описанное в предыдущем разделе рассмотрим две структуры репрезентаций тувинской культуры у представителей младшей и старшей возрастных когорт, изображенные на рис. 5, где зоны, обозначенные буквами совмещают индекс консенсуса (А, Б, В, Г – выше 70% и Д – ниже 70%) и индекс оценки (А ≥ 1 ядро поля, Б ≥ 0,5 до ≤ 1 центральная зона, В (≥ 0 до ≤ 0,5), ближняя периферия и Г ≥ -1 и Д ≤ 0 дальняя периферия, в зоне Е находятся репрезентации с коэффициентом оценки меньше -1). Индекс дисперсии оценки маркирован цветом: красный цвет соответствует коэффициенту полярного распределения P > 0,3 (преобладание оценок +/- 2 более, чем на 30%), зеленый цвет – коэффициенту полярного распределения W > 0,3 (преобладание оценок +/- 1 более, чем на 30%), синим цветом обозначены зоны дисперсного распределения (между оценками 1 и 2). Культуремы фольклора обозначены прописными буквами.

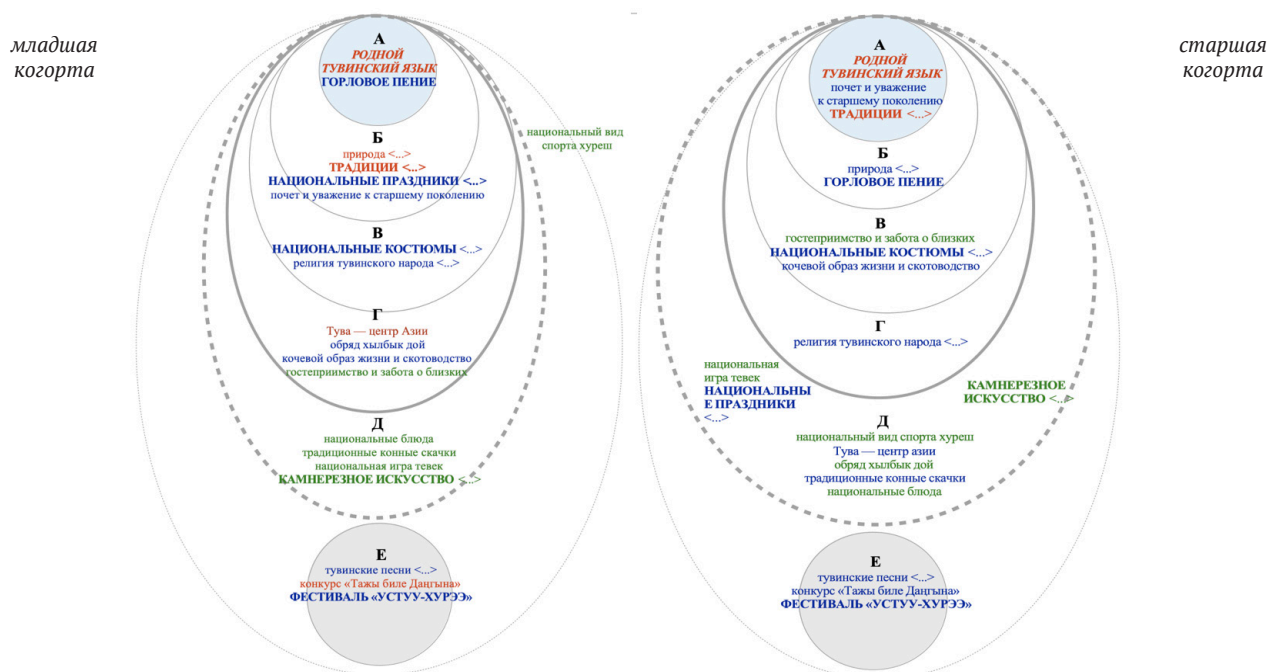


Рис. 5. Структуры репрезентаций тувинской культуры у представителей молодого и старшего поколения, установленные на основе данных проведенного опроса.

Fig. 5. Structures of representing Tuvan culture in younger and older generations projected from the outcomes of the survey.

Зона А является ядром структуры репрезентаций тувинской культуры с наиболее высокими показателями по всем индексам. В репрезентациях младшего поколения в нее входят культуремы «Родной тувинский язык» и «Горловое пение». По индексу дисперсии «Родной тувинский язык» относится к числу прототипических, наиболее сильных репрезентаций, поэтому его можно определить как высшую ценность с абсолютно центральным положением. Такое же место данная культурема занимает и в репрезентациях культуры у старшего поколения. Во второй старшей когорте в зону А входят категориальные (понятийные) культуремы, связанные со стереотипными формами поведения «Почет и уважение к старшему поколению» и «Традиции тувинского народа, передающиеся из поколения в поколение». Все репрезентации зоны А являются положительным полюсом притяжения структуры, данные культуремы являются определяющими в структуре этнической идентичности тувинцев.

В нашем исследовании полностью подтверждается место и роль родного языка как основного и центрального элемента культуры.





Зона Е представляет собой второй полюс структуры, ее «антиядро». В ней оказались культурымы с наибольшими показателями по трем индексам, но с высокими отрицательными значениями по индексу оценки. В первой и второй возрастных когортах в эту зону попадают культурымы «Тувинские песни, например, *теректер, ынакшылдыр оол*», «Фестиваль “Устуу-Хурээ”» и «Конкурс красоты и мужества “Тажы биле Даңгына”». Такое единодушие в отрицании ценности данных культурем двумя поколениями, как уже предполагалось выше, может объясняться искусственной природой культурем, интуитивно или сознательно воспринимаемых как фольклоризация культуры, или же преимущественным восприятием тувинцами только традиционных форм культуры как «настоящих». В таком случае у респондентов нет отторжения данных культурем как таковых, события, во время которых они актуализируются, могут нравиться и высоко оцениваться (косвенно это подтверждается анализом интернет-источников, например, сайта Тувинской государственной филармонии<sup>1</sup> или группы «Устуу-Хурээ» в социальной сети «ВКонтакте»<sup>2</sup>), но есть отказ считать их «настоящей» тувинской культурой. Ответы на этот и подобные вопросы требуют отдельного детального исследования феномена с привлечением дополнительных методов.

Интересно также то, что ответы по индексу дисперсии в данной зоне почти для всех культурем распределяются относительно равномерно между  $-2$  (плохо представляют культуру) и  $-1$  (не очень хорошо представляют культуру), то есть попадают в синюю зону относительно равномерного распределения. Как представляется, данная зона — это зона потенциальной динамики репрезентаций. В структуре поля репрезентаций антиядро нельзя рассматривать как маргинальную периферию, это вариант центральной зоны, которая также определяет два полюса лояльности в структуре аттитудов вообще и лояльностей в частности.

Из любопытных наблюдений отметим тот факт, что индекс дисперсии  $W > 0,3$  (зеленая зона), маркирующий «слабые» культурымы, преимущественно коррелирует с зоной неопределенности Д, где индекс консенсуса (внимания к культуре) ниже 70%. В младшей возрастной когорте корреляция стопроцентная, что, возможно, является следствием определения культурем и их вербальных номинаций именно представителями молодого поколения тувинцев.

Из конкретных «осязаемых» проявлений тувинской культуры в центральной зоне оказываются только культурымы фольклора — «Горловое пение» и «Национальные костюмы, где все продумано до мелочей». Остальные культурымы, находящиеся в пограничной с фольклором зоне и связанные с народными промыслами национальной кухни, играми, как правило, оказываются в периферийной зоне неопределенности Д. В центральные зоны структуры попадают более абстрактные репрезентации культуры, связанные с традиционными стереотипами поведения «Почет и уважение к старшему поколению», «Традиции, передающиеся из поколения в поколение» и «Гостеприимство и забота о близких».

Учитывая представленные в исследовании данные, необходимо сказать несколько слов о динамике репрезентаций культуры у представителей двух возрастных когорт. Подчеркнем, что речь в рамках данной статьи идет о сопоставлении двух структур в контрастивном, а не причинно-целевом аспекте. В обеих когортах в центральных зонах структуры оказываются такие репрезентации, как «Родной тувинский язык» и «Национальные костюмы». В зоне неопределенности совпадают репрезентации «Национальные блюда», «Камнерезное искусство (фигурки из агальматолита)», «Национальная игра *тевек*». Формально в соответствии с заданными параметрами сохраняют позиции в зоне Д и культурама «Национальный вид спорта *хуреш*», у которой, однако, в структуре представлений тувинцев молодого поколения существенно повышается индекс ее оценки. Сохраняют также позиции все культурымы зоны низкой лояльности Е. Культурымы «Горловое пение», «Религия тувинского народа (буддизм, ламаизм)» и «Национальные праздники (Шагаа, Наадым)» в представлениях молодого поколения занимают более центральное положение в структуре; аналогичным образом по индексу консенсуса из зоны Д в зону Г перемещены представления «Тува — центр Азии» и «Обряд *хылбык дой*». Наоборот, культурымы стереотипов поведения, «Традиции, передающиеся из поколения к поколению», «Гостеприимство

<sup>1</sup> Фестиваль «Устуу-Хурээ»: 20 лет вместе [Электронный ресурс] // TVGF. URL: <http://tvgf.ru/index.php/2011-06-14-08-12-31/2011-06-14-08-14-22> (дата обращения: 12.12.2021).

<sup>2</sup> Фестиваль «Устуу-Хурээ» [Электронный ресурс] // ВКонтакте. Страница «Фестиваль “Устуу-Хурээ”». URL: <https://vk.com/ustuhure> (дата обращения: 12.12.2021).



и забота о близких» и «Почет и уважение к старшему поколению», оставаясь в центральных зонах структуры, оказываются иерархически ниже.

Общий анализ единиц и структуры репрезентаций тувинской культуры, проведенный в данном исследовании, говорит о представлении жителей Республики Тыва о ней как преимущественно традиционной. Закономерно, что культураны, связанные с полем народного творчества — фольклором, являются важнейшими элементами структуры репрезентаций тувинской культуры. Безусловным ядром поля является культуран «Родной тувинский язык», перекрывающая фольклорные формы устного народного творчества. Культуран «Горловое пение» входит в центральную зону, значимой культураной является «Национальные костюмы, где все продумано до мелочей», а в первой когорте и «Национальные праздники (Шагаа, Наадым)».

Важно подчеркнуть, что в силу методологической особенности исследования, а именно совмещения количественных и качественных методов, как центральные, так и периферические репрезентации полученной структуры связаны с реальными культурными ценностями, востребованными разными слоями современного тувинского общества. Центр и периферия поля не противопоставляют «живые» и «мертвые», «важные» и «неважные» культураны. Здесь уместно еще раз вернуться к идеям Ж.-К. Абрика о роли центра и периферии поля и сказать, что центр поля задает норму репрезентаций культуры, твердую основу, обеспечивающую сохранность культуры в социуме, а периферия обеспечивает гибкость и возможность для каждого индивида включиться в процесс присвоения культуры в той форме и области, который ему ближе. Рассматривать отношения центральных и периферических культуран в качестве иерархических можно только с очень большими оговорками.

Три предложенных в данной работе индекса позволяют выявить отношения в структуре репрезентаций и место в ней той или иной культураны, каждая из которых, и это нужно подчеркнуть, значима. Например, «Национальная игра *тевек*» расположена в зоне неопределенности Д поля тувинской культуры. Вместе с тем она известна тувинцам, есть целые сообщества любителей этой игры, на различных ресурсах можно найти массу информации как о самой игре, так и игроках. Игра *тевек*, безусловно, является значимым элементом культуры, но едва ли данная культурана может стать центральным элементом этнической или культурной идентичности или действенным мобилизационным ресурсом при проведении кампаний по сохранению и ревитализации тувинской культуры и языка. Культураны же ядра и частично центральной зоны эти функции выполнять могут.

### **Заключение**

Исследование структуры репрезентаций тувинской культуры эмпирико-индуктивного типа с использованием количественных и качественных методов анализа может оказаться полезным для уточнения целого ряда проблем актуальных для всех миноритарных автохтонных культур Российской Федерации.

Во-первых, такое исследование затрагивает вопросы, связанные с природой и формами бикультурализма эндогенного типа, а именно вопросы о месте и оценке в структуре репрезентаций культуран, связанных с традиционными формами хозяйства, и современных культуран, в меньшей степени являющихся частью культурного пространства.

Во-вторых, исследования такого типа вносят вклад в разработку проблемы границ между культурами, которые в современном обществе носят не физический, а в большей степени символический характер, проходят не между индивидами или физическими территориями, а внутри личности, формируя феномен множественной идентичности.

В-третьих, в исследовании затрагивается проблема фольклоризации культуры, а именно сведение этнических культур к символическому набору традиционных практик, воспроизводимых в определенных статусных общественных мероприятиях. Динамика культурной и языковой ситуаций в векторе искусственной фольклоризации является, с нашей точки зрения, одним из наименее желательных сценариев поддержки и сохранения родных языков и культур Российской Федерации. Альтернативой ему может быть модернизация культуры на основе понимания процессов культурной динамики, выявления жизнеспособных культуран и культуран, ставших фиктивными ценностями, а также анализа отношения современного общества к тем или иным ценностям.

В-четвертых, изучение культурных репрезентаций населения Республики Тыва — это ключ к пониманию обыденных структур знания в социуме, что представляет интерес не только в дескриптивном



или теоретическом аспектах, но и в операциональном измерении ситуации, под которым понимаются действия в рамках культурной и языковой политик, направленные на ревитализацию, сохранение и развития этнических культур. Выявленные ядерные культуремы могут служить мобилизационным ресурсом в вопросах культурного строительства, а периферийные категории придают гибкость и устойчивую систему культуры.

### Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность Еланде Ховалыг, студентке бакалавриата филологического факультета Российского университета дружбы народов, за большую помощь в проведении эмпирической части исследования, в частности, за распространение анкеты среди населения Тувы.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бовина, И. Б. (2010) Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. № 3. С. 5–20.
- Вежбицкая, А. (1999) Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры. 790 с.
- Дэвид-Фокс, М. (2016) Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение № 4 (140). URL: [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe\\_literaturnoe\\_obozrenie/140\\_nlo\\_4\\_2016/article/12048/](https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/) (дата обращения 21.01.2022).
- Кужугет, Ш. Ю., Сувандии, Н. Д., Дамбаа, Ш. В., Ламажаа, Ч. К. (2019) Концепт *төрөл* 'родственник' в языковой картине мира тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 149–157. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>
- Ламажаа, Ч. К., Сузукей, В. Ю. (2019) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–83. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб: Нестор-история. 240 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История. 192 с.
- Майны, Ш. Б. (2021) Семейный обряд *хылбык дой* городских тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 76–88. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>
- Персидская, О. А. (2019) Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 3. С. 41–51. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.4>
- Попков, Ю. В., Мадюкова, С. А. (2010) Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. № 2. С. 25–39.
- Фромм, Э. (2004) Анатомия человеческой деструктивности : пер. с нем. М. : АСТ. 319 с.
- Abric, J.-C. (1987) *Coopération, compétition et représentations sociales*. Cousset : Del Val. 229 p.
- Abric, J.-C. (1989) *L'étude expérimental des représentations sociales* // Jodelet, D. (dir.) *Les représentations sociales*. Paris : P.U.F. 454 p. P. 205–224.
- Abric, J.-C. (1994) *L'organisation interne des pratiques sociales: systèmes central et système périphérique* // Guimelli, C. (dir.) *Structure et transformation des représentations sociales*. Paris : Delachaux et Niestlé. 251 p. P. 73–84
- Abric, J.-C. (2003) *La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales* // Abric, J.-C. (dir.) *Méthodes d'étude des représentation sociales*. Ramonville Saint-Agne : Erès. 296 p. P. 59–80.
- Maurer, B., Desrousseaux, P.-A. (2013) *Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête*. Paris: Édition des archives contemporaines. 124 p.
- Moles, A. (1967) *Sociodynamique de la culture*. Paris ; La Haye: Mouton et Gie. 344 p.
- Moles, A., Zeltmann, Cl. (1971) *La communication*. Paris : CEPL, Dictionnaire Marabout Université. 482 p.
- Moscovici, S. (1973) *Introduction à la psychologie sociale*. Paris : Larousse université. 363 p.
- Moscovici, S. (1989) *Des représentations collectives aux représentations sociales* // Jodelet D. (ed.), *Les représentations sociales*. Paris : PUF. 456 p. P. 79–104.
- Moscovici, S. (1992) *La nouvelle pensée magique. Représentation* // *Bulletin de psychologie*. Vol. XLV (405). Pp. 137-143.
- Moskvitcheva, S., Safina, L. (2021) Motivations and Expectations of the Adult Learners of Tatar Language in Moscow [Электронный ресурс] // Gomez, Ch., L., Lopez M., A. Candel T. I. (eds.). EDULEARN 2021 Proceeding. IATED Academy [online] Available at: <https://library.iated.org/view/MOSKVITCHEVA2021MOT> (дата обращения 21.01.2022).



Moskvitcheva, S., Viaut, A. (2021) The Need for Minority Languages in Borderland Conditions: Field Research Methodology // Agranat, T., Dodykhudoeva, L. (eds). *Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Cham : Springer. 247 p. P. 52–68.

Rosch, H. E. (1978) *Principles of Categorization* // Rosch E., Lloyd B. B. (eds), *Cognition and Categorization*. Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 328 p. P. 28–49.

Дата поступления: 05.10.2021 г.

#### REFERENCES

Bovina, I. B. (2010) Teoriia sotsial'nykh predstavlenii: istoriia i sovremennoe razvitie [The theory of social representations: history and contemporary development]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 5–20. (In Russ.).

Wierzbicka, A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisaniie iazykov [Semantic universals and language descriptions]*. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. 790 p. (In Russ.).

David-Fox, M. (2016) Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletennaia? [Russian-Soviet modernity: none, shared, alternative or entangled?]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4 (140) [online] Available at: [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe\\_literaturnoe\\_obozrenie/140\\_nlo\\_4\\_2016/article/12048/](https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12048/) (access date: 21.01.2022). (In Russ.).

Kuzhuget, Sh. Yu., Suvandii, N. D., Dambaa, Sh. V. and Lamazhaa, Ch. K. (2019) Kontsept *törel* 'rodstvennik' v iazykovoi kartine mira tuvintsev The concept of *törel* ('relative') in the Tuvan linguistic world picture]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 149–157. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.12>

Lamazhaa, Ch. K. and Suzukei, V. Yu. (2019) Tuvinskoe gorlovoe penie kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie i kak kul'turnyi brend Tuvy [Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [National character of Tuvans]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.)

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religii i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. (2021) Semeinyi obriad khylybyk doi gorodskikh tuvintsev [Family rite of khylybyk doy in urban Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 76–88. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.6>

Persidskaia, O. A. (2019) Rol' tsennostnykh orientatsii molodykh tuvintsev v prostranstvennom razvitii Respubliki Tyva [The role of value orientations of young Tuvans in the spatial development of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 41–51. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.4>

Popkov, Yu. V. and Madiukova, S. A. (2010) Sotsiokul'turnyi neotraditsionalizm: vosproizvedenie traditsii i vosproizvodstvo etnichnosti [Sociocultural neotraditionalism: rehabilitation of traditions and reproduction of ethnicity]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 25–39. (In Russ.).

Fromm, E. (2004) *Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti [The anatomy of human destructiveness]*: transl. from Germ. Moscow, AST. 319 p. (In Russ.).

Abrie, J.-C. (1987) *Coopération, compétition et représentations sociales*. Cousset, Del Val. 229 p. (In French)

Abrie, J.-C. (1989) L'étude expérimental des représentations sociales. In: Jodelet, D. (dir.) *Les représentations sociales*. Paris, P.U.F. 454 p. Pp. 205–224. (In French)

Abrie, J.-C. (1994) L'organisation interne des pratiques sociales: systèmes central et système périphérique. In: Guimelli, C. (dir.) *Structure et transformation des représentations sociales*. Paris, Delachaux et Niestlé. 251 p. Pp. 73–84. (In French)

Abrie, J.-C. (2003) La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. In: Abrie, J.-C. (dir.) *Méthodes d'étude des représentation sociales*. Ramonville Saint-Agne, Erès. 296 p. Pp. 59–80. (In French)

Maurer, B. and Desrousseaux, P.-A. (2013) *Représentations sociales des langues en situation multilingue. La méthode d'analyse combinée, nouvel outil d'enquête*. Paris, Édition des archives contemporaines. 124 p. (In French)

Moles, A. (1967) *Sociodynamique de la culture*. Paris; La Haye, Mouton et Gie. 344 p. (In French)

Moles, A. and Zeltmann, Cl. (1971) *La communication*. Paris, CEPL, Dictionnaire Marabout Université. 482 p. (In French)

Moscovici, S. (1973) *Introduction à la psychologie sociale*. Paris, Larousse université. 363 p. (In French)

Moscovici, S. (1989) Des représentations collectives aux représentations sociales. In: Jodelet D. (ed.) *Les représentations sociales*. Paris, PUF. 456 p. Pp. 79–104. (In French)





Moscovici, S. (1992) La nouvelle pensée magique. Représentation. *Bulletin de psychologie*, vol. XLV (405), pp. 137–143. (In French)

Moskvitcheva, S. and Safina, L. (2021). Motivations and Expectations of the Adult Learners of Tatar Language in Moscow. Gomez, Ch., L., Lopez M. and A. Candel Torres I. (eds.). *EDULEARN 2021 Proceeding. IATED Academy* [online] Available at: <https://library.iated.org/view/MOSKVITCHEVA2021MOT> (access date 21.01.2022).

Moskvitcheva, S. and Viaut, A. (2021) The Need for Minority Languages in Borderland Conditions: Field Research Methodology. In: Agranat, T. and Dodykhudoeva, L. (eds) *Strategies for Knowledge Elicitation. The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Cham, Springer. 247 p. Pp. 52–68.

Rosch, H. E. (1978) Principles of Categorization. In: Rosch, E. and Lloyd, B. B. (eds) *Cognition and Categorization*. Hillsdale NJ, Lawrence Erlbaum Associates. 328 p. Pp. 28–49.

*Submission date: 05.10.2021.*



DOI: 10.25178/nit.2022.1.12

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Статья

## Образы традиционной и современной Тувы в российском этнографическом кино (на примере фильма С. Родниной и А. Меньшова «Планета Тыва»)

Владислав Е. Анисимов, Анна С. Борисова, Екатерина Д. Калининкова

Российский университет дружбы народов,  
Российская Федерация



В статье анализируются особенности аудиовизуальной репрезентации традиционного и современного образов Тувы в этнографическом кино. Объектом исследования выступает кинофильм «Планета Тыва» 2019 г. (режиссеры С. Роднина и А. Меньшова), снятый по заказу Русского географического общества.

Визуальные и аудиальные средства репрезентации элементов тувинской этнокультуры рассматриваются с точки зрения структуризации фильма как кинотекста. Выявлено, что и визуальные, и аудиальные единицы кинотекста дифференцируются как репрезентанты образа Тувы на вербальные и невербальные.

Визуальный невербальный ряд представлен панорамными пейзажами, а также образами персонажей в процессе религиозной практики или трудовой деятельности. Визуальный вербальный ряд включает, прежде всего, субтитры-цитаты из книги С. Р. Минцлова «Секретное поручение: Путешествие в Урянхай» (1928), маршрут которого воссоздают авторы фильма. Эти отсылки создают канву киноповествования и служат для сопоставления образов современной Тувы и исчезнувшей «Тувы Минцлова».

Аудиальный ряд кинофильма представлен двумя категориями звуков: диегетическими (речь персонажей, пение, музыкальные мотивы, естественные звуки) и экстрадиегетическими (закадровая музыка, озвучивание цитат из книги С. Р. Минцлова). Наибольшей репрезентативностью среди аудиальных вербальных средств характеризуется речь персонажей (в естественных коммуникативных ситуациях), среди аудиальных невербальных средств — национальная музыка и звуковые фоны природы и бытовых действий.

Весь комплекс единиц кинотекста направлен на построение в массовом сознании зрителя гармоничного образа сегодняшней Тувы.



**Ключевые слова:** Тува; тувинцы; этнографическое кино; кинотекст; визуальное средство; аудиальное средство; этническая культура; тувинская культура



Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.



### Для цитирования:

Анисимов В. Е., Борисова А. С., Калининкова Е. Д. Образы традиционной и современной Тувы в российском этнографическом кино (на примере фильма С. Родниной и А. Меньшова «Планета Тыва») // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 183-197. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.12>

**Анисимов Владислав Евгеньевич** — кандидат филологических наук, аспирант, ассистент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (985) 915-33-56. Эл. адрес: [anisimov\\_ve@rudn.ru](mailto:anisimov_ve@rudn.ru)



**Борисова Анна Степановна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (926) 163-25-91. Эл. адрес: [borisova\\_as@rudn.ru](mailto:borisova_as@rudn.ru)

**Калининкова Екатерина Дмитриевна** — аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел.: +7 (915) 377-75-45. Эл. адрес: [kalinnikova\\_ed@rudn.ru](mailto:kalinnikova_ed@rudn.ru)



## TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Article

**Images of Traditional and Modern Tuva in Ethnographic Cinema  
(based on the film of S. Rodnina and A. Menshov "Tyva Planet")****Vladislav E. Anisimov, Anna S. Borisova, Ekatherina D. Kalinnikova**  
RUDN University, Russia

The article examines the audiovisual representation of the traditional and contemporary images of Tuva in ethnographic cinema, such as the film "Planet Tyva" (2019), directed by S. Rodnina and A. Men'shov at the request of the Russian Geographical Society.

Visual and auditory means of representing elements of Tuvan ethnoculture are considered in the article as if the film was primarily a cinematographic text. Representing the image of Tuva, both visual and auditory units of this text are differentiated here into verbal and non-verbal ones.

The visual non-verbal range takes the form of panoramic landscapes, as well as images of characters involved in religious practices or work. The visual verbal range mostly includes subtitled quotations from S. R. Mintslov's "The Secret Mission: A Journey to Uryankhai" (1928), a book which forms the background of the film as its authors try to follow Mintslov's route through Tuva. The book creates a canvas for the film narration and serve as a foil to compare the contemporary region and the long-gone "Mintslov's Tuva".

The audiovisual range of the film is represented by two categories of sounds: the diegetic (human speech, singing, musical motives, or sounds of nature) and extradiegetic (offscreen music, or spoken quotations from Mintslov's book) ones. Characters' speeches in natural communicative situations are seen as the most representative among the auditory verbal tools, while the auditory non-verbal ones are vividly represented by ethnic music and sonic backgrounds of sounds of nature and everyday activities.

The entirety of the cinematographic text aims to project a harmonious image of today's Tuva to the minds of mass audience of the film.

**Keywords:** Tuva; Tuvans; ethnographic cinema; cinematographic text; visual means; auditory means; ethnoculture; Tuvan culture

---

The article was supported by the Program of Strategic Academic Leadership, RUDN University.

---

**For citation:**

Anisimov V. E., Borisova A. S. and Kalinnikova E. D. Obrazy traditsionnoi i sovremennoi Tuvy v rossiiskom etnograficheskom kino (na primere fil'ma S. Rodninoi i A. Men'shova «Planeta Tyva») [Images of Traditional and Modern Tuva in Ethnographic Cinema (based on the film of S. Rodnina and A. Menshov "Tyva Planet")]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 183-197. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.2>



---

**ANISIMOV, Vladislav Evgen'evich**, Candidate of Philology, Postgraduate Student, Assistant Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (985) 915-33-56. Email: [anisimov\\_ve@rudn.ru](mailto:anisimov_ve@rudn.ru) *ORCID ID: 0000-0002-6006-3965*



**BORISOVA, Anna Stepanovna**, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Tel.: +7 (926) 163-25-91. Email: [borisova\\_as@rudn.ru](mailto:borisova_as@rudn.ru) *ORCID ID: 0000-0002-7395-7028*

**KALINNIKOVA, Ekatherina Dmitrievna**, Postgraduate student, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Tel.: +7 (915) 377-75-45. Email: [kalinnikova\\_ed@rudn.ru](mailto:kalinnikova_ed@rudn.ru) *ORCID ID: 0000-0002-9854-3921*



## Введение

В последние десятилетия в современной российской киноиндустрии наблюдается тенденция к возрождению и развитию документально-этнографического кино. Этнографический «кинобум» обусловлен развитием технологий, которые делают процесс кинопроизводства более доступным. К этнографическому кино проявляют все больший интерес и представители различных гуманитарных направлений, поскольку кино презентует этнокультурную информацию в разных формах, рассматривается как «специализированное направление в рамках документального кинематографа, фильмы которого основаны на этнографическом содержании» (Головнев, 2020: 12).

В том числе это этнографическое кино позволяет привлечь интерес не только представителей элитарного культурного и научного сообщества, но и массовой зрительской аудитории к такому своеобразному региону, как Тува. Для носителя иной культуры знакомство с тувинскими традициями, их изучение и осмысление может стать эффективным способом познания ранее неизвестных ему «силуэтов науки, культуры и идеологии своего времени» (Головнев, 2019: 87). Как известно, лишь зеркало другой культуры позволяет лучше понять свою собственную.

В этой связи представляется актуальным исследование репрезентации традиционной тувинской культуры в современном российском этнографическом кино на примере документально-этнографического фильма «Планета Тыва: по следам экспедиции 1914 г. императорского разведчика Сергея Минцлова», снятого российскими режиссерами Светланой Родниной и Александром Меньшовым в 2019 г. по заказу Русского географического общества. Выбор данной картины в качестве источника исследования в контексте существующих современных этнографических киноработ о данном регионе<sup>1</sup> обусловлен тем, что, с одной стороны, она представляет собой информативный этнографический источник (в работе присутствуют видеофрагменты с подробным описанием явлений материальной и нематериальной культуры тувинцев); с другой — имеет ярко выраженную просветительскую и идеологическую нагрузку.

Цель исследования заключается в анализе особенностей представления современного образа тувинской культуры, традиционного и современного образов Тувы в российском этнографическом кино на примере выбранного фильма. Объектом исследования выступает кинофильм «Планета Тыва», предметом — аудиовизуальная репрезентация в нем элементов этнической культуры и сегодняшней жизни тувинцев. Исследование выполнено в русле визуальной антропологии, когда кинотекст рассматривается как разновидность полимодального текста с привлечением приёмов анализа аудиовизуального ряда кинофильма и его структурно-семиотического анализа.

Теоретической и методологической базой исследования являются работы по визуальной антропологии (Аванесов, 2013; Александров, 2003; Круткин, 2007; Рокитянский, 2001); киноантропологии (Белгородская, 2019; Головнев А., 2007, 2011; Головнев И., 2019, 2020, 2021ab; Магидов, 2005; Флаеэрти, 1980; Golovnev, 2016; Grimshaw, 1999); анализу аудиовизуальных текстов (Слышкин, Ефремова, 2004; Сонин, 2005; Лотман, 2000; Kot et al., 2021); лингвокультурной сопоставительной аксиологии тувинского фольклора (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Бредис и др., 2021); тувиноведению (Кужугет, 2006; История Тувы, 2007; Ламажаа, 2010, 2013, 2018, 2021a; Санчай, Кухта, 2019; Юша, 2017, 2018; и др.<sup>2</sup>).

## Кинокартина «Планета Тыва»: контекст создания, сюжетная основа, композиция

Фильм «Планета Тыва» снят в 2019 г. в жанре документально-этнографического кино медиахолдингом «Европейская медиагруппа» по заказу Русского географического общества (далее — РГО) (рис. 1). Как известно, помимо участия в проекте «Год кино» (2016), РГО поддерживает множество проектов, посвященных культурному и природному наследию Российской Федерации. В этих рамках

<sup>1</sup> Среди наиболее известных современных документальных фильмов с этнографическим содержанием, посвященных тувинской культуре, отметим следующие: «Тува. Свободные люди», реж. М. Барынин (2013); «Тува. Вековое братство», реж. П. Сергацгов (2015); «Мен-Тыва мен. Я — тувинец», реж. С. Садовский (2015).

<sup>2</sup> А также: Донгак С. Ч. О традиционном хозяйстве тувинцев и отношении к домашнему скоту // Башкы (журнал). 1994. № 4 (10). С. 90–96.



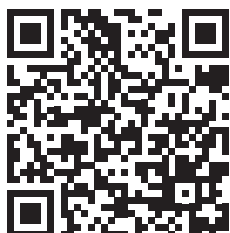


Рис 1. QR-код для просмотра фильма на официальном канале РГО на Youtube.com  
Fig. 1 QR-code for watching the film at Russian Geographic Society's official channel on YouTube.com

был снят в том числе и рассматриваемый нами кинофильм. Съёмками руководили режиссеры-документалисты Александр Меньшов и Светлана Родина.

Премьера кинокартины состоялась в кинотеатре «Зарядье» в рамках ежегодного урбанистического фестиваля Moscow Urban Fest 2 июля 2019 г. Впоследствии картина демонстрировалась различными федеральными каналами и видеохостингами. Весьма показательно, что данный прецедент является одной из немногочисленных попыток кинематографистов познакомить широкую зрительскую аудиторию с современным этнографическим и документальным кино, а также привлечь внимание жителей России к такому интересному и самобытному региону как Тува. Кинофильм «Планета Тыва» является одним из наиболее известных кинофильмов из серии проектов, посвященных малоизвестным массовому зрителю регионам России.

Фильм имеет подзаголовок «По следам экспедиции 1914 года императорского разведчика Сергея Минцлова», который отражает не только историческую основу киносюжета, но и важнейший авторский посыл зрителю в осмыслении прошлого и настоящего Тувы. Как и советское этнографическое кино, современные документально-этнографические киноленты часто используют прием сопоставления современных и исторических образов регионов для наглядной демонстрации изменений (Головнев, 2021a: 121, Головнев, 2021b). Слова С. Р. Минцлова о тувинской культуре и быте, приведенные в виде цитат из его книги «Секретное поручение: путешествие в Урянхай» (1928)<sup>1</sup> путем аудио- и текстового формата, и интонационно подчеркнутые диктором в фильме, представляют собой «канву» для сопоставления демонстрируемого на экране образа современной Тувы и образа «Тувы Минцлова». Подобное сопоставление кажется возможным в нескольких аспектах: экспедиция 1914 г. является первой экспедицией, организованной по поручению царского правительства Российской империи и направленной на изучение данного региона под эгидой РГО. Кинофильм «Планета Тыва» также снят под эгидой РГО спустя 105 лет после упомянутой экспедиции. Для Русского географического общества представляет интерес сравнение наблюдений участников экспедиции 1914 г. и новых путешественников в этот край, до сих пор считающийся для остальной России загадочным (Ламажаа, 2021b).

Более того, в современных российских СМИ Тува часто позиционируется как один из самых бедных и криминальных субъектов Российской Федерации, в котором происходят конфликты между представителями различных национальностей. В частности, время от времени появляется информация о притеснениях русскоязычного и православного населения, проживающего в регионе. Очевидно, что подобные сообщения формируют негативный образ Тувы и тувинцев в сознании рядового обывателя, находящегося за пределами республики и незнакомого с реальным положением вещей (Ламажаа, 2018: 118).

Как отмечается в пресс-релизе телеканала «Моя планета», кинопроект «Планета Тыва», прежде всего, направлен на то, чтобы «разрушить первичные стереотипы и показать не различия, а единство нашего народа, увидеть мир другого человека и себя новыми глазами»<sup>2</sup>. Об этом же говорит один из режиссеров картины Светлана Родина в интервью телеканалу «Москва 24»: «Я захотела сделать фильм — не только про Тыву<sup>3</sup>, но про столкновение разных культур, цивилизаций и про то, как снобизм, страх и стереотипы зачастую мешают нам вступать в диалог и искажают наше представление о многом. Это путешествие стало для меня не просто фильмом, но одним из самых важных жизненных опытов»<sup>4</sup>.

Визуальные образы и авторские нарративы, используемые в фильме, — это впечатления носителей иных культур о различных составляющих тувинской жизни. При этом авторы и герои фильма не являют-

<sup>1</sup> Минцлов С. Р. Секретное поручение (Путешествие в Урянхай). Рига: Сибирское книгоиздательство, 1914. 315 с.

<sup>2</sup> Премьерный показ фильма «Планета Тыва» в Москве [Электронный ресурс] // Моя планета. 2019, 27 июня. URL: [https://moya-planet.ru/news/view/premernyj\\_pokaz\\_filma\\_planeta\\_tyva\\_v\\_moskve\\_47047](https://moya-planet.ru/news/view/premernyj_pokaz_filma_planeta_tyva_v_moskve_47047) (дата обращения: 12.12.2021).

<sup>3</sup> Правильно склонять "Тыву". — ред.

<sup>4</sup> В Москве пройдет премьера фильма «Планета Тыва» [Электронный ресурс] // Москва24. 2019, 26 июня. URL: [https://www.m24.ru/news/kultura/26062019/80944?utm\\_source=yxnews&utm\\_medium=desktop](https://www.m24.ru/news/kultura/26062019/80944?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop) (дата обращения: 12.12.2021).



ся исследователями, они просто наблюдатели, которые пытаются через непосредственное восприятие окружающей действительности, прямое взаимодействие с культурой народа и ее представителями, расшифровать глубинные смыслы различных явлений и феноменов современного тувинского бытия.

Композиционно картина состоит из четырех частей: знакомство с участниками экспедиции; знакомство с книгой С. Р. Минцлова «Секретное поручение. Путешествие в Урянхай»; путешествие по следам экспедиции Минцлова (стоянка чабанов, стоянка оленеводов, стоянка коневодов, деревня старообрядцев); возвращение на озеро Чагытай, символическое закрытие книги и подведение итогов экспедиции.

Фильм «Планета Тыва» имеет циклическую композицию. Действие заканчивается там, где оно и началось — на озере Чагытай. Участники экспедиции символично закрывают книгу С. Р. Минцлова и подводят итог своего путешествия:

«Хочется как-то уравновесить все... Я просто немножко боялся того, что когда они помогали нам строить оваа, они все делали специально для нас, но оказалось, что это все им страшно нужно. Они сказали: это все наши родовые угодья, мы тут живем, наш дед тут жил. Это для нас, а не для вас».

*Закадровый текст:*

«Ну Минцлов... на самом деле... он вечен. Минцлов сидит в каждом из нас. Первый порыв — это конечно осуждать, когда ты оказываешься в непонятном месте. Но с этим стремлением каждому из нас надо бороться, надо преодолевать в себе Минцлова. Если рассматривать Минцлова как промышленного разведчика и шпиона, то он сильно ошибся, сильно просчитался и обманул царское правительство. Царского правительства уже нет, а тувинцы еще живы, и также кочуют как и 100 лет тому назад. Живут в тех же юртах, с тем же укладом. Разве что возле юрт помимо лошадей теперь стоят автомобили».

Визуальные изображения в картине сопровождаются субтитрами (цитаты Минцлова) и закадровыми комментариями участников современной экспедиции, что позволяет интерпретировать фильм «Планета Тыва» в качестве кинотекста, а его, в свою очередь, руководствуясь классификацией А. Г. Сониной, рассматривать как полимодальный текст (Сонин, 2005: 22), в состав которого входят аудиальная и визуальная составляющие.

Разграничение компонентов кинотекста было впервые проведено отечественными лингвистами Г. Г. Слышкиным и М. А. Ефремовой, которые разделили звуковые и визуальные единицы (знаки) кинотекста на вербальные и невербальные — «лингвистические и неллингвистические» (Слышкин, Ефремова, 2004: 22). Опираясь на предложенную исследователями классификацию, рассмотрим аудиальную и визуальную составляющие кинофильма «Планета Тыва» с точки зрения репрезентации в них элементов этнокультуры тувинцев.

Важно подчеркнуть, что в фильме «Планета Тыва» представлен несистемный авторский взгляд на культуру Республики Тува, в связи с чем в кинотексте репрезентируются лишь отдельные элементы культуры, совокупность которых воссоздаёт фрагментарный образ традиционной и современной Тувы в глазах массового зрителя, не знакомого с тувинской культурой.

### ***Визуальная репрезентация элементов тувинской этнокультуры в кинофильме «Планета Тыва»***

*Визуальные вербальные единицы*

Визуальные вербальные единицы в кинофильме «Планета Тыва» представлены субтитрами в формате как информативно-поясняющего, так и цитатного характера. Субтитры-цитаты играют роль канвы повествования и позволяют сопоставлять сюжет этнографического кинофильма «Планета Тыва» с записями из книги С. Р. Минцлова «Секретное поручение: путешествие в Урянхай», а также воссоздать образ «Тувы Минцлова», который противопоставляется образу современной Тувы, представленному в фильме.

Например, обратим внимание на цитаты и их соотношение с видеорядом кинофильма.

Видеоряд. Пейзажная видеосъемка с дрона. Дзун-Хемчинский кожуун, стоянка чабанов. Съемка традиционной юрты. Документальная съемка быта чабанов, пейзажная съемка.



Субтитры:

«Несколько человекоподобных существ копошилось в юрте: грязные, растрепанные, полуголые, они производили отвратительное и жалкое впечатление» (С. Р. Минцлов).

Цитата из книги С. Р. Минцлова задаёт сюжетную канву для последующей документальной видеосъёмки быта тувинских чабанов. При этом можно отметить, что демонстрируемый видеоряд находится в отношениях оппозиции с текстом цитаты: юрта представляется удобным и оснащённым рядом современных приборов жилищем, освещённым и обогреваемым, чабаны ходят в опрятной одежде, а на стоянке оборудована санитарно-гигиеническая зона, которая помогает поддерживать чистоту в условиях кочевого быта и ухода за большими отарами овец.

Видеоряд. Тоджинский кожуун, стоянка коневодов. Пейзажная видеосъёмка, съёмка с дрона. Соревнования коневодов в традиционной одежде. Документальная видеосъёмка быта коневодов, заездки лошадей. Беседа с коневодами про родственные связи и традиции современных тувинцев.

Субтитры:

«В чем сойоты великие мастера — это верховая езда. По головоломным кручам, по узеньким тропкам над пропастями, сойот, горланя песню, дует себе во весь конский дух и сидит на коне, как приросший» (С. Р. Минцлов).

В данном видеофрагменте цитата из книги С. Р. Минцлова также позволяет соотносить реалии, актуальные для 1914 г., с современностью Тувы. Тувинцы смогли пронести сквозь века свои традиции коневодства и мастерства верховой езды, которые поражали как участников экспедиции столетней давности, так и членов съёмочной группы. При этом стоит отметить, что заездка лошадей занимает важное место в тувинской культуре, что во многом связано с кочевыми традициями народа.

Видеоряд. Окрестности озера Чатыгай. Возведение *оваа*. Документальная видеосъёмка обряда. Обряд освящения *оваа* шаманом. Ритуальное сжигание подношения духам. Повязание *хадак* (шелкового ритуального шарфа).

Субтитры:

«Шаман — первый человек среди сойотов, шаман знает прошлое и будущее, он беседует с духами, и добро, и зло в его руках» (С. Р. Минцлов).

Данный фрагмент кинофильма является весьма показательным: цитата С. Р. Минцлова верно определяет значимость шамана для традиционной культуры тувинцев, но не описывает его роль и функции в их повседневной жизни. Роль шамана раскрывается в фильме на примере обряда освящения *оваа*. Шаман в традиционной религиозной культуре рассматривается как посредник между миром духов и миром людей, что выражает в том числе идеи единения человека и природы. В современной Туве роль шамана также остаётся значительной.



Фото 1. Кадр из фильма «Планета Тува» А. Меньшова и С. Родиной (2019): : Тоджинский район, стоянка коневодов.  
Photo 1. A frame from the film «Planet Tuva» by A. Men'shov & S. Rodina (2019): Tozhu district, horse breeders' camp.



### Визуальные невербальные единицы

Визуальные невербальные составляющие картины «Планета Тыва» представлены в формате пейзажных съемок, образов персонажей (в их одежде, предметах обихода, движениях в кадре и т. п.) и показа их в повседневной деятельности (трудовой и религиозной). Наиболее яркую визуализацию в фильме приобретают ритуально-обрядовые практики тувинцев, тогда как интерьерные съемки в фильме практически отсутствуют.

Пейзажная съемка в данном кинофильме призвана не только играть роль «лирического отступления» для смены локации видеосъемки, но и демонстрировать разнообразие природы тувинского региона. Так, в кадре можно увидеть и хвойные леса, представляющие начало тундрового пояса России, и зоны полупустынь, кажущиеся бескрайними степные просторы. Основным мотивом для пейзажной съемки выступает горный массив Саян, который опоясывает тувинскую долину. Также в кадре можно увидеть реку Каа-Хем, термальные озера и лиственные леса. Ещё одним видом пейзажной съемки, имеющим значение для этнографического кино, является высотная топографическая съемка с дрона, что позволяет зрителю или исследователю внимательно рассмотреть особенности организации поселений и их расположения относительно друг друга. Высотная съемка позволяет зафиксировать местоположение строений на стоянках, в монастырях, а также в действующих поселениях, что даёт наглядное представление об условиях жизни тувинцев.

Важнейшую роль в изображении персонажей в кинокартине приобретает цвет, выступающий своего рода маркером этнической культуры (Никифорова, 2020: 154). Так, цвета национальной тувинской одежды — халата (*тон*), головного убора (*бөрт*) и различных безрукавок (*кандаазы*, *шегедек*, *хөрек-тээш*) в основном представлены синим и зеленым, иногда красным, с вышитыми узелковыми узорами желтого, золотого или серебристого цвета.



Фото 2. Кадр из фильма «Планета Тыва» А. Меньшова и С. Родиной (2019): Тоджинский район, заездка лошадей.  
Photo 2. A frame from the film «Planet Tuva» by A. Men'shov & S. Rodina (2019): Tozhu district, horse training.

В фильме можно увидеть мужчин и женщин, одетых в традиционную одежду: халат *тон* однотонный с узором, пояс-кур более яркого цвета, конический головной убор *бөрт* того же цвета, что и халат; у некоторых мужчин также брюки *чүгүр* и сапоги *идиктер*. В кадрах фильма, фиксирующих повседневную жизнь кочевников-скотоводов, тоже можно увидеть элементы национальной одежды, чаще всего это различного вида безрукавки. Цветовая гамма одежды — в основном приглушенные синий и зеленый цвета — указывает на то, что такую одежду носят взрослые мужчины. Мальчики и юноши носят национальную одежду более ярких цветов, что символизирует полноту жизненных сил, здоровье, процветание. Синий является традиционным цветом, демонстрирующим благополучие и удачу. Узоры на одежде чаще всего выполнены золотой или желтой нитью, что должно символизировать религиозное почтение, а также богатство (Сиянбиль, Сиянбиль, 2000).



Большое значение в фильме приобретают жесты и мимика персонажей. В кинокартине запечатлен ряд религиозно-обрядовых практик, проходящих в домашних условиях или в религиозных зданиях. Так, обряд благопожелания в дорогу проводится в домике травницы в тишине. Участники обряда не говорят друг с другом, а в качестве звукового сопровождения используется буддистский колокольчик, звук которого должен отпугивать злых духов. В конце обряда травница шепотом произносит заговор-благопожелание, после чего участники обряда также молча покидают дом. Обряд поклонения огню пуджу или ритуал простирааний, проходит в буддистском храме, так как требует специального места проведения. Каждое действие обряда имеет высокий смысловый потенциал: после совершения пуджу принято отходить, не отворачиваясь, спиной вперед, держа перед собой сложенные лодочками ладони.



Фото 3. Кадр из фильма «Планета Тува» А. Меньшова и С. Родиной (2019): ритуал простираания у храма Устуу-Хурээ.

Photo 3. A frame from the film «Planet Tuva» by A. Men'shov & S. Rodina (2019):  
prostration ritual at buddhist temple Ustuu-Khuree.

Ритуал простираания также содержит определенную последовательность действий: подход к месту для простирааний, поднятие головы и сложение ладоней в моленной жесте, опущение на колени, опущение головы, опущение на локти с поднятыми выше головы согнутыми руками в моленном жесте, полное простираание — опущение туловища в горизонтальное положение, когда только руки, сложенные в моленной лодочке, остаются над головой, затем обратная последовательность действий и при необходимости повторение (Тензин, 2018). Как правило, все обрядные телодвижения, жесты и мимика сопряжены с почитанием высшей божественной силы: человек обращаясь к божествам выступает в роли «пассивного просителя» (Юша, 2018: 11; 2017).

Труд является неотъемлемым элементом повседневной жизни тувинцев, поэтому в кинофильме репрезентуется ряд традиционных тувинских занятий: оленеводство, коневодство, овцеводство и охота. Ими обыкновенно занимаются мужчины и мальчики, женщины и девочки — бытом и детьми. Общины образованы семьями и связаны родственными узами: родительская пара с детьми, взрослые дети со своими семьями. Разведением скота и уходом за ним занимаются преимущественно мужчины и мальчики разных возрастов: они стригут овец, пасут отару и занимаются разделкой туш. В стрижке овец, уходом за лошадьми и маралами принимают участие один старший мужчина и несколько мальчиков разного возраста, которые помогают ему.

В фильме звучат короткие и информативные разговоры членов скотоводческих общин. Для вовлечения используется традиционное пение. При этом мужчины часто выполняют действия в одиночку или небольшими группами, тогда как женщины и дети чаще вовлечены в деятельность большими группами (3–7 человек, в зависимости от размера семьи).



Фото 4. Кадр из фильма «Планета Тува» А. Меньшова и С. Родиной (2019):  
Дзун-Хемчикский район, стоянка чабанов, сезонная стрижка овец.  
Photo 4. A frame from the film «Planet Tuva» by A. Men'shov & S. Rodina (2019):  
Dzun-Khemchig district, shepherds' camp, seasonal sheep shearing.

Согласно исследованиям и наглядным материалам кинофильма, мальчики остаются под опекой женщин недолго: в возрасте приблизительно 5 лет мальчики уже принимают участие в мужской деятельности и помогают старшим.

Специфика движений всех мужчин в кадре одинакова: движения скупые, но свободные по амплитуде, чёткие и акцентированные. Особое внимание операторы уделяют языку тела героев кинофильма: положение в пространстве, наклон головы, мимика и жестика, которые так соответствуют описанию движений (скупые, акцентированные, чёткие). Младшие — мальчики — подчиняются старшим мужчинам: не заговаривают без разрешения, стоят чуть позади или сбоку, в совместной деятельности выполняют ведомую роль.

Большой интерес для зрителя, как и для участников экспедиции, представляют сцены шаманских обрядно-ритуальных практик. В фильме запечатлены два обряда: благопожелание в дорогу и обряд освящения *оваа*.

Обряд благопожелания в дорогу состоит из трех связанных частей: окуривание человека, отправляющегося в дальний путь, зажженной веточкой можжевельника *артыш*, бросание вокруг фигуры человека цветных камней на удачу и чтение заговора-приговора. Во время окуривания человек стоит прямо, расставив руки в стороны от тела параллельно земле. Окуривание начинается с головы и опускается вниз. Дым окутывает всего человека, включая стопы, а затем возвращается к лицу. На заключительном этапе обряда артыш разгорается, и его тушат его так, чтобы дым окурил лицо путника. Проводящий обряд собирает в ладони маленькие цветные камни, проводя действия похожие на моление с дарами (круговые движения ладонями-лодочками по часовой стрелке), а затем кидает камни на специальную шелковую бумагу, после чего отправляющийся в путь забирает себе один камень, это должно определить его будущее путешествие. В кинофильме рассматриваемый обряд сопровождается быстрой напевной женской речью на тувинском языке (внутрикадровый текст).

*Оваа* в фильме показан как строение из жердей, имитирующий шалаш, вход в который обращен в сторону восходящего солнца, важный для тувинской культуры: он ассоциируется с добротой человека. Как пишет М. Б. Кенин-Лопсан, древние тувинцы говорили, что солнце — это мать (Кенин-Лопсан, 2002: 7).

В сооружении *оваа*, показанном в фильме, принимают участие местные жители, которые проживают и ведут промыслы на данной территории.

В первой части обряда (подготовительной) женщины готовят еду, которую позже принесут в жертву духам путем сжигания. Мужчины готовят место для *оваа*: вырывают ямы под колья, складывают камни, обтесывают бревна. Обычно место не меняется в течение долгого времени, новый *оваа* строят



Фото 5. Кадр из фильма «Планета Тува» А. Меньшова и С. Родиной (2019):  
камлание шамана на обряде освящения оваа.

Photo 5. A frame from the film «Planet Tuva» by A. Men`shov & S. Rodina (2019):  
prayer of the shaman during the rite of consecration of ovaа.

на месте предыдущего, так как считается, что духи привязываются к месту и быстрее отзываются на призыв там, где к ним обращались ранее (Сундуй, 2014).

Вторая часть обряда происходит на закате. Возле *оваа* собираются местные жители и приглашенный шаман. Он начинает *камлание* и речитации *хамнаар*, пока его помощник окропляет землю и сам *оваа* тувинской водкой из молока *арага*. Окропление происходит при помощи *тос-карак* 'девятigliазки'. Слушатели в это время сидят на коленях, сложив ладони лодочкой в молитвенном жесте, не нарушая обряд лишними звуками. Во время камлания сжигается и приготовленная для духов пища.

Третья часть обряда подразумевает активное участие жителей: мужчины обходят вокруг *оваа* несколько раз вслед за шаманом, продолжающим камлание, выстраиваясь в цепочку по возрасту или положению в местном обществе. Женщины в это время также обходят вокруг специально натянутых на столбы веревок недалеко от *оваа* и повязывают *хадак* на веревки. Затем совершают вокруг них еще несколько обходов, сложив руки в молитвенном жесте.

Так, визуальные вербальные единицы кинотекста служат для сравнения фрагментов исторических записей и повседневного быта сегодняшних тувинцев в тех же аспектах, которые рассматривались С. Р. Минцловым. Такое сопоставление показывается, в первую очередь, как взгляд внешнего наблюдателя, нетувинца, на этнокультуру и повседневный быт жителей Республики Тыва. При этом подчеркивается, что сохранение традиций в современной Тыве не является признаком невежества (как отмечал в своей книге С. Минцлов), а представляет собой, главным образом, сохранение богатого этнокультурного наследия региона. В свою очередь, визуальные невербальные единицы кинотекста служат для репрезентации образа современной Тывы через представление её природы в пейзажных изображениях, образах персонажей, а также в повседневном быте тувинцев.

### **Аудиальная репрезентация элементов этнической культуры тувинцев в кинофильме «Планета Тыва»**

Акустический ряд рассматриваемого кинофильма представлен диегетическими (внутрикадровая речь персонажей, пение и музыка, естественные звуки) и экстрадиегетическими (закадровая музыка, озвучка цитат из книги С. Р. Минцлова) звуками.





### Аудиальные вербальные единицы

В качестве аудиальной вербальной составляющей кинотекста выступают речь участников съемок (закадровой и внутрикадровой) и музыкальные мотивы: тексты заговоров, речитаций и молитв, имеющих ритмическую структуру, народные песни в формате горлового пения (*хөөмей*). Отметим, что в анализируемой картине, как и в любом другом этнографическом кино, важность приобретают «не титры, не лексические значения слов; внимание приковано не к словесным формулам, <...> а к интонированию» (Никифорова, 2020: 154).

Речь участников съемочного процесса в кинофильме «Планета Тыва» имеет не постановочный, а ситуативный характер: в картине реализуется формат записи речи участников как естественного и самостоятельного процесса, без применения технологий интервьюирования и постановочных съемок. Внутрикадровая речь участников съемки представлена на русском и тувинском языках, характеризуя коммуникацию между участниками съемочного процесса.

В фильме наглядно представлены особенности речевого поведения тувинцев. Так, женщины говорят тихо и мало, в основном с детьми, девочками и другими женщинами. Женщины из семей чабанов и оленеводов говорят на тувинском. Дети обращаются к старшим (в т. ч. братьям и сестрам) с помощью слов *акый, угбай, дуңма*. Общение с родителями происходит на «Вы» с обозначением степени родства (мама, отец, брат, сестра, тетя, дядя и т. д.). Частотным является обращение с указанием степени родства без упоминания имени. Общение ведется на тувинском языке и сопровождается переводом на русский язык. Речь мужчин и мальчиков более экспрессивная, напористая, акцентированная. Взрослые мужчины общаются между собой, женщин вовлекают в разговор редко.

Музыкальный мотив представлен в кинофильме следующим образом: это напевы-заговоры, реализуемые, например, при обряде благопожелания в дорогу, речитации шамана при обряде освящения *оваа*, а также традиционное тувинское горловое пение *хөөмей*, которому в фильме уделяется особое внимание.

Отметим, что *хөөмей* — это не просто уникальное песенное искусство тувинцев, призванное воспевать красоту и богатство природы родного края, ценность человеческой жизни. Это своего рода «ключ» к душе тувинского народа, символ его духовности: «С древних времен хоомей помогал не сломаться, не терять достоинства и сохранять человеческий облик» (Кыргыз, 2013: 7). Так, в кинофильме *хөөмей* исполняют либо взрослые мужчины, либо дети-мальчики, в то время как женщины и девочки также поют песни на тувинском языке, но не демонстрируют владение техниками горлового пения.

### Аудиальные невербальные единицы

К аудиальным невербальным составляющим кинофильма относятся естественные звуки и внутрикадровая музыка (вне поля нашего анализа остаются технические аудиальные моменты, сопровождающие съемку, а именно звуковые шумы и эффекты).

Естественные звуки представлены звуками природы (дождь, ветер, шум реки), звуками животных (маралы, овцы, лошади, собаки), а также бытовыми шумами (например, звук вращения молельного барабана в монастыре Устуу-Хурээ, звук работы самогонного аппарата для производства араги). Комплекс акцентированных естественных звуков способствует созданию в фильме эффекта «живого мира», в котором существуют тувинцы, и в атмосферу которого переносятся зрители.

Закадровая музыка представлена в кинофильме традиционной тувинской музыкой, исполняемой этнографическим ансамблем «Тыва», а также композициями знаменитой группы «Хун-хурту».

Аудиальные невербальные единицы в рассматриваемом кинотексте являются важной частью сюжета. Они «активируются» при демонстрации определенных событий, создают целостный визуально-звуковой образ, помогают зрителю ориентироваться в происходящем на экране (звук способен создавать иллюзию единого времени и пространства), выявляют скрытые коннотации.

Можно заключить, что аудиальные вербальные и аудиально невербальные единицы кинотекста сочетаются и взаимодействуют друг с другом. Значение одного из элементов способно определять или дополнять значение другого, расширяя, таким образом, общий смысл аудиовизуального сообщения и более объемно моделируя окружающую действительность.





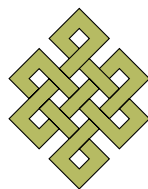
### Заключение

Документально-этнографическая кинокартина «Планета Тыва» не только визуализирует элементы национальной культуры тувинцев, но и решает перед зрительской аудиторией серьезную задачу — помогает формировать своё отношение к настоящему и прошлому Тувы. По замыслу авторов фильма, зритель активно включается в рефлексивную деятельность посредством восприятия и постижения его информативных, символических и визуальных смыслов. В этой связи кинокартина не только является источником этнокультурной информации (благодаря видеофиксации уникальных культурных феноменов и явлений, значимых для тувинцев), но и имеет ярко выраженную просветительскую нагрузку. Она помогает массовому зрителю стремиться познавать и адекватно воспринимать иную («чужую») культуру.

В кинофильме «Планета Тыва» зрителю предлагается новый взгляд на современный образ Тувы, как региона России, в котором гармонично сочетаются следование вековым традициям и веяния современности. «Новая Тува» показана в противопоставлении с образом «Тувы Минцлова» — «темной», «необразованной» и «некультурной». Демонстрируемые зрителю современные реалии освещают важные для тувинцев вопросы: сохранение традиций в новых социокультурных реалиях, развитие региона и образ жизни коренного населения в современном динамичном мире. Зрителю показывается регион с ярко выраженной культурной инаковостью, однако тем не менее тоже российский.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов, С. С. (2013) Визуальная антропология: образ, субъект, коммуникация // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 9 (137). С. 229–235.
- Александров, Е. В. (2003) Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М. : Ленанд. 226 с.
- Белгородская, Л. В. (2019) Смыслы и скрытые подтексты визуальных исторических источников. Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета. 168 с.
- Бредис, М. А., Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю., Кужугет, Ш. Ю. (2021) Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 143–160. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Головнев, А. В. (2007) О киноантропологии // Антропологический форум. № 7. С. 21–32.
- Головнев, А. В. (2011) Антропология плюс кино // Культура и искусство. № 1. С. 83–91.
- Головнев, И. А. (2019) Традиционные этнокультурные сообщества в этнографическом кино: «Алтай-кижи» Владимира Степанова // Традиционная культура. Т. 20. № 4. С. 148–158. DOI: <https://www.doi.org/10.26158/TK.2019.20.4.012>
- Головнев, И. А. (2020) Традиционные этнокультурные сообщества в этнографическом кино. «Нанук с Севера» Роберта Флаэрти // Вестник Томского государственного университета. № 451. С. 113–123. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/15617793/451/15>
- Головнев, И. А. (2021a) Образы Тувы в советском кинематографе 1930-х гг. (на примере творчества Бориса Небылицкого) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 119–130. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.9>
- Головнев, И. А. (2021b) Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920-1930-х годов). СПб. : Изд-во МАЭ РАН. 441 с.
- Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>
- История Тувы (2007) / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2002) Мифы тувинских шаманов. Кызыл : Новости Тувы. 544 с.
- Круткин, В. Л. (2007) Джей Руби о визуальной антропологии // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов : Научная книга. 412 с. С. 398–412.
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: Структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ. 234 с.
- Кыргыз, З. К. (2013) Тайна тувинского горлового пения. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 128 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2010) Тувиноведение: область знания и социальная миссия // Новые исследования Тувы. № 4. С. 17–33.



- Ламажаа, Ч. К. (2012) Тезаурусный подход в тувиноведение // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 38–45.
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Национальный характер тюркоязычных народов Центральной Азии // Новые исследования Тувы. № 3. С. 69–83.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. : Нестор-История. 240 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021а) Очерки современной тувинской культуры. СПб. : Нестор-История. 192 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021б) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Лотман, Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб. : Искусство. 704 с.
- Магидов, В. М. (2005) Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М. : Российский государственный гуманитарный университет. 394 с.
- Никифорова, С. В. (2020) Этнографическое кино: к проблеме границ жанра // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 3 (29). С. 151–160. DOI: <https://www.doi.org/10.23951/2307-6119-2020-3-151-160>
- Рокитянский, В. Р. (2001) Визуальная антропология: частное расследование. М. : МГУ. 90 с.
- Санчай, Ч. Х., Кухта, М. С. (2019) Семантика структурных элементов тувинского танца // Новые исследования Тувы. № 1. С. 176–189. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.1.13>
- Сиянбиль, М. О., Сиянбиль, А. А. (2000) Традиционный тувинский костюм. Кызыл : Перс. 162 с.
- Слышкин, Г. Г., Ефремова, М. А. (2004) Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М. : Водолей Publishers. 153 с.
- Сонин, А. Г. (2005) Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Ин-т языкознания РАН. 219 с.
- Сундуй, Д. М. (2014) Тувинский шаманизм и его особенности // Культура. Духовность. Общество. № 13. С. 82–93.
- Тензин, Ч. М.-Х. (2018) Буддизм в духовной жизни тувинского общества // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. Т. 1. №. 3. С. 87–93. DOI: <https://www.doi.org/10.18101/1994-0866-2018-1-3-87-93>
- Флаэрти, Р. (1980) Статьи. Свидетельства. Интервью. М. : Искусство. 187 с.
- Юша, Ж. М. (2017) Обрядовый фольклор тувинцев Китая в сравнительном освещении: жанровые признаки // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 19–28. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/60/2>
- Юша, Ж. М. (2018) Культурные коды в ритуальной традиции тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал. №. 3. С. 9–16. DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/64/1>
- Golovnev, I. A. (2016) EthnoFilm: cinema-school and ethno-laboratory // Ethnoantropologia. № 4. P. 99–117.
- Grimshaw, A. (1999) The Eye in the Door; Anthropology, Film and the Exploration of Interior Space // Rethinking Visual Anthropology / Banks M., Morphy H. (eds.). New Haven; London: Yale University Press. 304 p.
- Kot, H. M., Lenchenko O. G., Kravchenko, T. V., Musiienko O. S., Hrubykh K. V. (2021) Problems of Intertextuality in Audio Visual Arts // Rupkatha Journal of Interdisciplinary in Humanities. № 13 (1). P. 1–11. DOI: <https://www.doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.03>

Дата поступления: 15.12.2021 г.

#### REFERENCES

- Avanesov, S. S. (2013) Vizual'naia antropologiya: obraz, sub'ekt, kommunikatsiya [Visual anthropology: the image, the subject and communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 9 (137), pp. 229–235. (In Russ.).
- Aleksandrov, E. V. (2003) *Opyt rassmotreniya teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizual'noy antropologii [A study of theoretical and methodological problems of visual anthropology]*. Moscow, Lenand. 226 p. (In Russ.).
- Belgorodskaya, L. V. (2019) *Smysly i skrytye podteksty vizual'nykh istoricheskikh istochnikov [Meanings and hidden subtexts in visual historical sources]*. Krasnoyarsk, Publishing House of the Siberian Federal University. 168 p. (In Russ.).
- Bredis, M. A., Ivanov, E. E., Lomakina, O. V., Neliubova, N. Yu. and Kuzhuget, Sh. Yu. (2021) Leksikograficheskoe opisanie tuvinskikh poslovits: printsipy, struktura, etnolingvokul'turologicheskii kommentarii (na evropeiskom paremiologicheskoy fone) [A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguocultural commentary as compared to European proverbs]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 143–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.11>
- Golovnev, A. V. (2007) O kinoantropologii [On the anthropology of cinema]. *Antropologicheskii forum*, no. 7, pp. 21–32. (In Russ.).



Golovnev, A. V. (2011) Antropologiya plus kino [Anthropology plus cinema]. *Kul'tura i iskusstvo*, no. 1, pp. 83–91. (In Russ.).

Golovnev, I. A. (2019) Traditsionnye etnokul'turnye soobshchestva v etnograficheskom kino: «Altai-kizhi» Vladimira Stepanova [Traditional ethnocultural communities in ethnographic cinematography: “Altai-Kiji” by Vladimir Stepanov]. *Traditional culture*, vol. 20, no. 4, pp. 148–158. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.26158/TK.2019.20.4.012>

Golovnev, I. A. (2020) Traditsionnye etnokul'turnye soobshchestva v etnograficheskom kino. «Nanuk s Severa» Roberta Flaerti [Traditional ethnocultural communities in ethnographic films: “Nanook of the North” by Robert Flaherty]. *Tomsk State University Journal*, no. 451, pp. 113–123. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/15617793/451/15>

Golovnev, I. A. (2021a) Obrazy Tuvy v sovetskom kinematografe 1930-kh gg. (na primere tvorchestva Borisa Nebylitskogo) [Images of Tuva in Soviet cinema of the 1930s”: Boris Nebylitsky’s work]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 119–130. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.9>

Golovnev, I. A. (2021b) Vizualizatsiya etnichnosti v sovetskom kino (opyty uchenykh i kinematografistov 1920–1930-kh godov) [Visualization of ethnicity in Soviet cinema: experiments by scientists and cinematographers in the 1920s-1930s]. St. Petersburg, MAE RAN Publ. 441 p. (In Russ.).

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Nelyubova, N. Yu. (2021) Semanticheskii analiz tuvinskikh poslovits: modeli, obrazy, poniatiia (na evropeiskom paremiologicheskom fone) [Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, and concepts against the European paremiological background]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

*Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2002) *Mify tuvinskikh shamanov [Myths of Tuvan shamans]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 544 p. (In Russ.).

Krutkin, V. L. (2007) Dzheř Rubi o vizual'noi antropologii [Jay Ruby on visual anthropology]. In: *Vizual'naiia antropologiya: novye vzgliady na sotsial'nuiu real'nost' [Visual anthropology: New views on social reality]* / ed. by E. R. Iarskaia-Smirnova, P. V. Romanov and V. L. Krutkin. Saratov, Nauchnaia kniga. 412 p. Pp. 398–412. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. Kemerovo, KemGUKI. 319 p. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (2013) *Taina tuvinskogo gorlovogo peniia [The mystery of Tuvan throat singing]*. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 128 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2010) Tuvinovedenie: oblast' znaniia i sotsial'naia missiia [Tuvan studies as a field of knowledge and as a social mission]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 17–33. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2012) Tezaurusnyi podkhod v tuvinovedenie [The thesaurus approach to Tuvan studies]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 38–45. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) Natsional'nyi kharakter tiurkoiazychnykh narodov Tsentral'noi Azii [National temper of Turkic people in Central Asia]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 69–83. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [National character of Tuvans]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people’s identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lotman, Yu. M. (2000) *Semiosfera [Semiosphere]*. St. Petersburg, Iskusstvo. 704 p. (In Russ.).

Magidov, V. M. (2005) *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniia [Video- and photographic documents in the context of historical knowledge]*. Moscow, Russian State University for the Humanities. 394 p. (In Russ.).

Nikiforova, S. V. (2020) Etnograficheskoe kino: k probleme granits zhanra [Ethnographic cinema: on the problem of boundaries between genre]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 3 (29), pp. 151–160. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.23951/2307-6119-2020-3-151-160>

Rokitianskiĭ, V. R. (2001) *Vizual'naiia antropologiya: chastnoe rassledovanie [Visual anthropology: a private investigation]*. Moscow, MGU. 90 p. (In Russ.).

Sanchaĭ, Ch. Kh. and Kukhta, M. S. (2019) Semantika strukturnykh elementov tuvinskogo tantsa [The semantics of the structural elements in Tuvan dance]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 176–189. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.1.13>

Sianbil', M. O. and Sianbil', A. A. (2000) *Traditsionnyi tuvinskii kostium [Traditional Tuvan costume]*. Kyzyl, Pers. 162 p. (In Russ.).



Slyshkin, G. G. and Efremova, M. A. (2004) *Kinotekst: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza [Cinema text: a linguistic and cultural study]*. Moscow, Vodolei Publishers. 153 p. (In Russ.).

Sonin, A. G. (2005) *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyi aspekt [Understanding polycode texts: the cognitive aspect]*. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 219 p. (In Russ.).

Sundui, D. M. (2014) Tuvinskii shamanizm i ego osobennosti [Tuvan Shamanism and its features]. *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*, no. 13, pp. 82–93. (In Russ.).

Tenzin, Ch. M.-Kh. (2018) Buddizm v dukhovnoi zhizni tuvinskogo obshchestva [Buddhism in the spiritual life of Tuvan society]. *BSU bulletin. Philosophy*, vol. 1, no. 3, pp. 87–93. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.18101/1994-0866-2018-1-3-87-93>

Flaherty, R. (1980) *Stat'i. Svidetel'stva. Interv'iu [Articles. Evidence. Interviews]*. Moscow, Iskusstvo. 187 p. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2017) Obriadovyi fol'klor tuvintsev Kitaia v sravnitel'nom osveshchenii: zhanrovye priznaki [Ritual folklore of the Tuvans of China in a comparative perspective: genre signs]. *Siberian Journal of Philology*, no. 3, pp. 19–28. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/60/2>

Yusha, Zh. M. (2018) Kul'turnye kody v ritual'noi traditsii tuvintsev Kitaia [Cultural codes in the ritual tradition of the Tuvans of China]. *Siberian Journal of Philology*, no. 3, pp. 9–16. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.17223/18137083/64/1>

Golovnev, I. A. (2016) EthnoFilm: cinema-school and ethno-laboratory. *Ethnoantropologia*, no. 4, pp. 99–117.

Grimshaw, A. (1999) The Eye in the Door; Anthropology, Film and the Exploration of Interior Space. In: *Rethinking Visual Anthropology* / Banks M., Morphy H. (eds.). New Haven; London: Yale University Press. 304 p.

Kot, H. M., Lenchenko O. G., Kravchenko, T. V., Musiienko O. S. and Hrubykh K. V. (2021) Problems of Intertextuality in Audio Visual Arts. *Rupkatha Journal of Interdisciplinary in Humanities*, no. 13 (1), pp. 1–11. DOI: <https://www.doi.org/10.21659/rupkatha.v13n1.03>

Submission date: 15.12.2021.





DOI: 10.25178/nit.2022.1.13

Статья

## Традиции тувинского рода ремесленных (искусных) Сааялар

**Валерий О. Ооржак**

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация



В статье представлено исследование состава отдельно взятой родственной группы тувинцев, а также традиционных видов деятельности, занятий и навыков — шевер Сааялар аал-аймаа (рода ремесленных (искусных) Саая). Сам автор — член этой родственной группы. Источниковой базой исследования являются авторские наблюдения, полевые материалы, рассказы-воспоминания представителей старшего поколения.

Шевер Сааялар относится больше к Аксы-Барлыкским Сааялар Барун-Хемчикского района Тувы. Помимо Аксы-Барлыка, они проживали в близлежащих местечках Ажыг-Кара-Суг, Чайлаг-Оюм, Ак-суг, Кыштаг-Оюм, Көжээлиг, Көөп-Сөөк Бай-Тайгинского района. В последнее время семьи стали жить в пос. Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района, в городах Ак-Довурак, Кызыл, в других районах республики. Имеются представители аймака, живущие в других регионах России. Самым известным старейшим представителем шевер Сааялар был Когел Мижитейевич Саая (1931–2021), член Союза художников СССР.

Представлена информация о составе рода, восходящего к предку в седьмом колене Саая Кара-Дарган (прим. 1805–1855). Дана справка о том, почему род называется шевер. Приведены истории из жизни Дарган-Хелина (прим. 1830–1905). Он был искусным кузнецом (дарган), много лет учился в Тибете, имел буддийскую степень хелиң. По возвращению на родину он, наряду с богослужением, занимался изготовлением божественных фигур, украшений для буддийских храмов, ювелирных изделий. Он научил всему и своих детей, внуков.

Ремесло, совместная деятельность связывали поколения, родственников, спланивали людей, стимулировали к постижению новых знаний. Основной костяк рода сумел сохраниться. Его представители продолжают заниматься разными видами ремесленничества и искусства.

**Ключевые слова:** тувинцы; Тува; родословная; родственная группа; саая; Когел Мижитейевич Саая

Статья подготовлена в рамках государственного задания ТувИКОПР СО РАН: проект № 0307-2021-0005.



### Для цитирования:

Ооржак В. О. Традиции тувинского рода ремесленных (искусных) Сааялар // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 198–210. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.13>

**Ооржак Валерий Окпан-оолович** — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117а. Тел.: +7 (394-22) 6-62-77, доп. 13. Эл. адрес: v.oorgak@yandex.ru

**ООРЖАК, Valeriy Okpan-oolovich**, Candidate of Economics, Leader Researcher, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117a Internatsionalnaya St., 667007 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 6-62-77, extension number 13. E-mail: v.oorgak@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2985-0722



## Traditions of the Tuvan artisan Saayalar kinship group

**Valeriy O. Oorzhak**

*Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

*This article is a study of a composition of a separate kinship group of Tuvans following traditional pursuits and skills — shever Saayalar aal-aimaa (the family of the skilful (artisans) Saaya). The author belongs to the group as well. For our sources, we have used personal observations, field materials, memories and talks of the older generation.*

*The Shever Saayalar stand closer to the Aksy-Barlyk Saayalar of the Barun-Khemchig rayon. Besides Aksy-Barlyk, they have lived in such settlements as Azhyg-Kara-Sug, Chaylag-Oyum, Ak-Sug, Kyshtag-Oyum, Kozheelig, and Kоор-Sоок of the Bay-Taygin rayon. Recently, some of the families moved to Kyzyl-Mazhalyk (Barun-Khemchig rayon), or to such towns and cities as Ak-Dovurak and Kyzyl, and to other rayons of the republic. Some members of the aimag live in other regions of Russia. The oldest and most widely known representative of the Shever Saayalar was Kogel Mizhiteyevich Saaya (1931–2021), member of the Union of Artists of the USSR.*

*We provide information on the kinship group up to the seventh-generation ancestor Saaya Kara-Dargan (c. 1805–1855), as well as explain why the group is called Shever. Of special interest for us is the life of Dargan-Khelin (c. 1830–1905), a skilled blacksmith (dargan), who was a student in Tibet for many years and was awarded the Buddhist degree of kheliң. Upon returning to his homeland, Dargan-Khelin made religious figurines, decoration for Buddhist temples, and jewellery, in addition to holding divine services. He passed on his skills to his children and grandchildren.*

*Artisanship and common pursuits in life linked generations together, made kinfolk feel close to each other and stimulated them to strive for new forms of knowledge. The backbone of the group was preserved, and its members are taking on the artisanship and art they inherited from their ancestors to a new level.*

**Keywords:** Tuvans; Tuva; genealogy; kinship group; Saaya; Kogel Mizhiteyevich Saaya

*The article was prepared as part of the state assignment for Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Project No. 0307-2021-0005.*



**For citation:**

Oorzhak V. O. Traditsii tuvinskogo roda remeslennykh (iskusnykh) Saaialar [Traditions of the Tuvan artisan Saayalar kinship group]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 198-210. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.13>

### Введение

Как пишет Ч. К. Ламажаа, для тувиноведения тема родства, родственных отношений тувинцев — одна из самых важных, поскольку род традиционно был основой социальной организации этноса, как и для других народов Саяно-Алтая. Однако, сегодня проблематика снова приобрела особое значение, учитывая то, что значение родства для российских тувинцев не просто не снизилось, а получило «второе дыхание» (Ламажаа, 2021: 7).

Поэтому в статье представлено актуальное исследование состава отдельно взятой родственной группы тувинцев, а также традиционных видов деятельности, занятий и навыков — *шевер Сааялар аал-аймаа*<sup>1</sup> (родаремесленных (искусных) Саая). Значение исследования для автора подкрепляется также тем фактом, что он является представителем этого рода.

<sup>1</sup> От слова *аймак* — род, родовое деление; племя (Тувинско-русский ..., 1968: 48).



Источниковой базой исследования являются авторские наблюдения, полевые материалы, собранные во время учебы, работы, выездов в районы республики (с 1961 г. по настоящее время). Также источниками стали записанные автором ранее рассказы-воспоминания представителей старшего поколения, знавших историю данного аал-аймака, ее известных представителей: Мижитей Т. Саая (1900–1965), Мыйдок Т. Саая (1906–1995), С. Б. Кужугет (Сотпа-лама) (1903–1999), М.-Д. С. Хертек (1913–1974), Х. К. Тойбухаа (1917–1981), К. М. Саая (1931–2021), Шымыл-өгбе (годы жизни неизвестны) и др.

### Из истории рода

Как утверждают старейшие представители рода *шевер Сааялар* ‘ремесленных Саая’ (так их называли в народе), род относится к этническому подразделению групп Саая (*сааялар*). Они называют себя *бистиң төрөл аймак* ‘племя наших родственников’. Он состоит не только из семей с фамилией Саая, но и из семей, носящих другие фамилии: Хертек, Ооржак, Хомушку, Сарыглар, Куулар, Ондар, Маады и т. д. — семей представителей рода *шевер Сааялар* с представителями других родственных групп тувинцев.

Традиционно аалы рода *шевер Сааялар*, как и другие группы тувинцев, вели кочевой образ жизни. Считалось, что необходимо перекочевать на новые пастбища не менее четырех раз в год, чтобы обеспечить хорошую упитанность домашних живодных. А в иные, особенно в засушливые годы, бывало и до шести-восьми или более раз аалы переезжали на новые места. Но даже самые максимальные траектории их кочевий, так же, как и других родов и племён не выходили за пределы определённых территорий — родных мест *төрээн чери*, *чурттан чораан чери*, к которым люди были очень привязаны и трепетно к ним относились.

На мои вопросы о том, где проживал род *шевер Сааялар*, старейшие жители и представители аймака, в том числе и К. М. Саая (1931–2021), и старейшины М.-Д. С. Хертек (1913–1974) из Көөп-Сөөк сумона Бай-Тайгинского района, С. М. Кужугет (Сотпа-лама) (1903–1999) из сумона Кара-Хөл Бай-Тайгинского района, обычно отвечали примерно так:

“Чогум шупту Сааяларны көөр болза, олар база хөй, аңгы-айгы аймак-төрелдер, аңгы-айгы сумуларда, кожууннарда чурттан чоруур...” — “Если рассмотреть всех Саая, то их тоже много, и разные их представители — роды, родственные группы жили и живут в разных сумонах и кожуунах...”».

Некоторые из аймаков называются по месту кочевков, например: *Эрги-Барлык Сааялары*, *Мөңгүн-Тайга Сааялары* и т. д. А вот наши *шевер Сааялар* относятся больше к Аксы-Барлыкским *Сааялар* из Барун-Хемчикского района. Жили они помимо Аскы-Барлыка, в основном в близлежащих местечках



Фото 1. Слева направо: Орлан Владимирович Саая, Аян Сандрович Саая, дедушка Көгел Мижитейевич Саая (в центре), Мерген Чечен-оолович Саая, Артыш Хүлер-оолович Саая. Фото Д. К. Саая, 2021 г.

Photo 1. From left to right: Orlan Vladimirovich Saaya, Ayan Sandrovich Saaya, grandfather Kogel Mizhiteyevich Saaya (in the center), Mergen Chechen-oolovich Saaya, Artyskh Khuler-oolovich Saaya. Photo by D. K. Saaya, 2021.





Ажыг-Кара-Суг, Чайлаг-Оюм, Ак-суг, Кыштаг-Оюм, Көжээлиг, Көөп-Сөөк Бай-Тайгинского района. Впоследствии, в связи с замужеством, женитьбой, увеличением количества семей-юрт (*өг-бүлө*), аалов, и по разным другим жизненным обстоятельства (*ажыл-амыдыралының айы-биле*) некоторые родственники переехали в Аксы-Барлыкке, Эрги Барлыкке и в другие места Барун-Хемчикского района. Иногда перекочёвывали из-за хороших пастбищ и в Хөнделең, Тура, Ак, Алаш и в другие места района. В последнее время многие молодые семьи в поисках работы и по другим обстоятельствам оказались уже в пос. Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района, в городах Ак-Довурак, Кызыл, в других районах республики. Имеются представители аймака, живущие в других регионах России.

В настоящее время самым известным представителем *шевер Сааялар* является, на мой взгляд, Когел Мижитейевич Саая (1931–2021), член Союза художников СССР, лауреат Госпремии Р.Ф. им. Репина, Кавалер ордена Республики Тыва и многих других наград и почетных званий (*фото 1*).

Я — родной племянник К. М. Саая, так как его старшая сестра, моя мама Чылбак Мижитейевна Саая (1930–2015) в 1949 г. вышла замуж за моего отца Ооржака Окпан-оола Начын-Бораевича (1930–1979). Наша семья жила в составе данного рода. Поэтому я считаю себя представителем данной родственной группы, ровно также и группы родственников по линии отца. Она имеет название *Бай Начын-Бора аймак*, которое восходит к имени моего прадедушки Ооржак Начын-Бора (в народе его звали Бай Начын-Бора или *орденниг Начын-Бора*).

В 1991 г., посоветовавшись с моим дядей К. М. Саая, и по его инициативе, мы пригласили старейшего жителя из с. Даспы-Аксы Бай-Тайгинского района Сотпа Баалыкпай-оглу Күжүгет (Сотпа-лама) (1903–1999), на отдых и лечение в целебный источник «Бел-Аржааны» в сумоне Көөп-Сөөк Бай-Тайгинского района. Он не является нашим родственником, но хорошо знает историю, в том числе историю нашего аал-аймака, дедушку дяди Көгела — Телик-Даргана и прадедушку — Дарган-Хелиңа, так как оба они были буддийскими ламами.

Уважаемый Сотпа-лама с удовольствием рассказывал о многом, что знал и видел за свою жизнь. В частности, он рассказывал, что его родители, современники Дарган-Хелиңа (нашего предка — прадеда Көгела Мижитейевича) говорили, что его отца звали Кара-Дарган и у него было ещё четверо детей. Они хорошо знали только Тырдык-Кара (Дарган-Хелина). Об остальных детях Кара-Даргана были известны только их имена: Байыскылаң, Хондураш, Бижээчи, Чанзан. (Но никто из них, в том числе и К. М. Саая, не были уверены в точности данных имён, годов жизни, поэтому я не осмелился внести эти имена в схему родословной).

Подобные собеседования проводились и с другими людьми (только за последний 2021 год опрошены более 50-ти информаторов). Так, нам удалось выяснить имена наших предков по линии *шевер Сааялар*, их детей внуков, правнуков и т. д.

Имя нашего предка в седьмом колене (поколении по линии моей матери) *Саая Кара-Дарган*. Жил примерно в 1805–1855 годы. Был простым аратом-кузнецом, вел традиционный кочевой образ жизни. Занимался помимо традиционного животноводства и земледелия ещё ремесленничеством и кузнечным делом. У него было пятеро детей: Дыртык-Кара, Байыскылаң, Хондураш, Бижээчи, Чанзан.

Из них — из детей Саая Кара-Даргана — нашим предком является Дыртык-Кара, впоследствии получивший буддийское высшее образование в Тибете и имя *Дарган-Хелиң*. Жил примерно в 1830–1905 гг. У него было тоже пятеро детей: Аракчаа, Бурунмаа, Телик, Араамыт, Каттаан.

К. М. Саая подтвердил, что из детей Дарган-Хелиңа нашим предком является Телик, впоследствии получивший прозвище *Телик-Дарган* (~1865–1935). У него было пятеро детей: одна девочка Мыйдок (1906–1995), остальные мальчики — Хирлиг-оол (годы жизни не известны), Быдаакай (1905–1975), Мижитей (1900–1966), Тактаң (годы жизни не известны).

Из них нашим прямым предком, то есть прапрадедушкой современного молодого поколения *шевер Сааялар төрөл-аймак* является Мижитей, или *Мижитей-Дарган*. По традиции нашего *төрөл-аймак*, подрастающее поколение должно знать своих предков как минимум до четвёртого колена (поколения). Это необходимо для поддержки родственных связей, а также и для того, чтобы молодые люди из-за не знания своих родственников не создавали с ними семьи.

<sup>1</sup> В ряде случаев выяснить годы рождения или годы жизни не удалось, поэтому они не указаны. В некоторых случаях удалось установить только приблизительно.





### Состав рода

Для моего исследования отправной точкой отсчета являются дети нашего предка Мижитей-Даргана. Его женой была **Санчыңмаа Сегбеевна** (1900–1966) из рода Хертеков Көөп-Сөөк сумона Бай-Тайгинского района. У них было семеро детей; Долгар (1925–1987), Чигжит (~1923–~1979)<sup>1</sup>, Чылбак (1930–2015), Көгел (1931–2021), Чылай (~1934–1995), Өшкү-Саар (1936–2017), Борбак-оол (1938–2001).

По рассказам старейших представителей нашего аал-аймака — К. М. Саая, Чылбак Мижитейевны Ооржак, Ошкү-Саар Мижитейевны Хомушку и др. — судьба каждого из них сложилась по-разному.

Старшая дочь **Саая Долгар Мижитейовна** (1925–1987) была выдана замуж за Кужугета Очура Шыыраповича (Улуг-Кара) (1918–1992), из Алашских кужугетов Барун-Хемчикского района. Поэтому она изменила фамилию на Кужугет, всю жизнь прожила в аал-аймаке кужугетов, но не теряла связи со своими родственниками. Она и ее муж работали животноводами в Барун-Хемчикском районе, считались передовиками, неоднократно избирались депутатами райсовета и Верховного Совета Туvinской АССР; имели государственные награды и почётные звания «Заслуженные животноводы Туvinской АССР». У них было пятеро детей: Серенмаа (1943–2020), Кызыл-оол (1948 г.р.), Алдын-оол (1950–1979), Ирина (1953 г.р.), Борис (1954 г.р.). Серенмаа работала учительницей, директором школы с. Хөнделең Барун-Хемчикского района, стала Заслуженным учителем Республики Тыва. Кызыл-оол работал трактористом-механизатором в дорожно-ремонтном участке в пос. Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района. Ирина трудилась в отраслях сельского хозяйства Барун-Хемчикского района, затем в Бай-Тайгинском районе. Борис окончил педагогический институт, работал учителем в г. Чадане, затем в ГТРК «Тыва» в г. Кызыле и в администрации Правительства Республики Тыва; живёт в г. Кызыле. Их сложно отнести к аал-аймакам *шевер сааялар*. Но они все остаются нашими родственниками, живущими в других аал-аймаках, поддерживают связь с нашим аал аймаком. От 4 детей появилось 12 внуков, 4 правнуков.

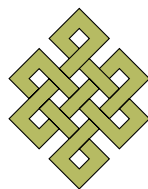
Удалось установить, что второй ребёнок семьи Мижитей-Даргана и Санчыңмаа Сегбеевны — старший сын **Чигжит** — был усыновлён дальними родственниками из другого района, конечно с соблюдением всех традиционных обычаев и обрядов. Самой главной просьбой приемных родителей было не говорить ему (Чигжиту) о родных родителях и не устанавливать с ним связи. Поэтому более ничего о его дальнейшей судьбе не известно. Мне удалось узнать о нём только от моей мамы Чылбак, средней дочери Мижитей-Даргана. И только то, что ей рассказала её мама под большим секретом. То есть они, пока Чигжит был жив, соблюдали просьбу своих дальних бездетных родственников-усыновителей Чигжита. К. М. Саая говорил, ему удалось узнать, что в 1970-е годы Чигжит жил в селе Бай-Тал, Бай-Тайгинского района, работал в доме культуры. У него была другая фамилия, двое или трое детей. И их фамилии были уже другими. Тем не менее, они остаются нашими родственниками, мы их считаем таковыми и надеемся на установление связей с ними.

Семья средней дочери **Чылбак Мижитейовны** и ее мужа Ооржак Окпан-оола Начын-Бораевича (1930–1979) всю жизнь прожила в составе аал-аймака *шевер Сааялар*, в Бай-Тайгинском районе. И они сами, и их дети — я и мои братья-сестры — были и остаемся участниками всех совместно организуемых (коллективных) работ, событий и мероприятий, проводимых в данном *аал-аймаке*, несмотря на то, что фамилии у всех по отцу Ооржак. У них 8 детей; Серенмаа (1950–2016), Виктор (1952 г.р.), Валерий (1954 г.р.), т. е. я, Кирилл (1959–1977) Севилбаа (1961–2005), Олег (1967 г. р.), Дарыймаа (1972 г.р.) Хеймер-оол (1974 г.р.).

Перечислю состав их детей.

Семья **Серенмы**: муж Делгер Ильич Хертекович и их 6 детей: Сайлык (1968 г.р.) (муж Шавар-оол (1973 г.р.) и их дети: Сылдыс, Шенне-Чечек, Аяна); Артыш-оол (1972–2017); Борбаана (1974–2004) (её сын Ай-Херел (1996 г.р.)); Шончалай (1976 г.р.); Оюмаа (1978 г.р.) (муж Семен (1976 г.р.) и их дети: Тайгана, Дан-Хаая (муж Аганак и сын Энерел — внук Оюмаа, правнук Серенмы)); Аржаан-оол (1980–2019).

Семья **Виктора**: жена (Киивил) Кара-Кыс Монгушовна (1949–2017) и их дети: Рада (1972 г.р.) (муж Төре-Мөңге Шолбан-оол Хертекович (1971–2012) и их дети: Шаанак (1995 г.р.), (жена Акыя Анчы-кыс Альбертовна (1996 г.р.) и их дети Долума (2016 г.р.), Нурзат (2020 г.р.)); Хулер (2002 г.р.), Дая (2003 г.р.)); Радик (1974 г.р.) (жена Саида (1979 г.р.) и их дети: Артыш (1998 г.р.), Ай-Демир (2008), Милан (2009)); Сылдыс (1976 г.р.) (муж Салчак Олег Хавакчапович (1967 г.р.) и их дети: Начын (1998 г.р.), Найыр



(2003 г.р.), Алдын-Херел (2010 г.р.); Анай-Хаак (1979 г.р.) (муж Кужугет Аннар-оол Аракчаевич (1978 г.р.) и их дети: Сандан (2004 г.р.), Норбу (2013 г.р.)).

Моя — **Валерия** — семья: жена Раиса Шончалайовна (1955 г.р.) и наши дети: Орлан (жена Марина Вячеславовна и их дети Валерия и Дамир); Долаана (муж Сарыглар Омак Романович и их дети Начын, Айлаана и Амелия); Тамила (муж Ондар Буян Валерьевич и их дети: Альберт, Дмитрий и Диана); Омар (жена Алдынай Хулер-ооловна и их дети Очур, Амина и Аймир).

Мой брат **Кирилл** (1959–1977).

Семья **Севи́лбаа**: муж Хирес-оол Евгений и их дети: Чодураа (муж Ооржак Шолбан Александрович и их дети Херел, Аюр и Субедей); Кирилл; Николай (жена Лириана и их дети Айливана, Айбыран и Алия); Чадаган (жена Ирина и их сын Кулдегин); Чинчи (муж Чылгычы и их дочь Арьятына).

Семья **Оле́га**: жена Ооржак Долаана и 3 детей: Эрес (жена Надежда их дети Виктория и Валерия); Эртине (1991–2009); Буян-Билег.

Семья **Дары́ймаа**: муж Ооржак Алексей и их дети: Ай-Суу (1992 г.р.) (дети: Долума (2012), Алевтина (2017), Делгира (2020)); Амыр-Санаа (1995 г.р.); Алина (2004 г.р.).

Семья **Хеймер-оола**: жена Чодураа и их дети Белек-кыс и Байырмаа.

Тем самым, у наших родителей на сегодняшний день от семерых детей насчитывается 27 внука, 43 правнуков, 5 праправнуков.

Представлю состав семейного древа от среднего сына Мижитей-Даргана, моего дяди **Когела Мижитеевича**. Его жену зовут Саая (Канчыыр) Александра Хомушкуевна, у них семь детей: Валентина (1952 г.р.), Хулер-оол (1955 г.р.), Владимир (1960 г.р.), Чечен-оол (1962 г.р.), Чечен-кыс (1962 г.р.), Алдын-кыс (1964 г.р.), Сандр (Семен) (1967 г.р.).

Семья **Валенти́ны**: муж Аракчаа Сергей Васильевич (1950 г.р.) и их дети: Сандан (жена Аяна и их дети Сай, Сайлаана, Найыр, Александра); Владимир (1980–2012) (жена Асоль и их дети Чойган и Чимис); Эрес (жена Куулар Алена Романовна (1985 г.р.) и их дети Лопсан-Дажы и Кан-Демир); Саян (жена Анжела и сын Норбу); Дензин.

Семья **Хулер-оола**: жена Саая Екатерина Борашовна (1958) и их дети: Аржаана (1983 г.р.) (муж Ондар Анчы Костантинович (1984 г.р.) и их дети Самдан (2007), Бадьма (2013), Ария (2014), Артемита (2021); Раджана (1984 г.р.) (муж Куулар Артыш Валерьевич (1984 г.р.) и их дети Санчаа-Дажы (2005 г.р.) и Амита (2012 г.р.)); Артыш (1988 г.р.) (жена Аржаана Анатольевна (1988) и их дети Удум-Бора (2007 г.р.), Ариана (2013 г.р.) и Начын (2021 г.р.)).

Семья **Владими́ра**: жена Тамара Алдын-ооловна и их дети: Орлан (1984 г.р.) (жена Чайяна и их дети Алтын и Алтея); Шораан (1986 г.р.) (жена Азияна и их дети Александр (2008 г.р.) и Алексей); Хорагай (1991 г.р.) (муж Монгуш Аңчы Адар-оолович (1991 г.р.) и их дети Айлана, Алдар и Каң-кыс); Чойган (1993 г.р.).

Семья **Чечен-оола**: жена Салчак Светлана Стай-ооловна, их дети: Мерген (1985 г.р.) (жена Алдынсай Мергеновна (1988 г.р.) и их дети: Сайын-Белек (2003 г.р.) и Сандан (2016 г.р.)); Чочагай (1987 г.р.) (и её сын Күзел (2019 г.р.)).

Семья **Чечен-кыс**: муж Олег и их дети Ай-Эжи и Дарыма.

Семья **Алдын-кыс**: муж Кужугет Владимир Хойлааракович (1961 г.р.), их дети: Айдын (1989), (жена Шеңне и их дети Долума, Доржэ, Дарина и Анастасия); Амыр-Санаа; Артыш (жена Чойган и их дети Алиса и Долума).

Семья **Сандр (Семен)**: жена Салчак Долчанмаа Аржыновна и их дети Аян (жена Алена и их сын Эрес) и Хорагай.

Таким образом, от семи детей К. М. Саая насчитывается теперь 23 внука и 35 правнуков.

Младшая дочь Мижитей-Даргана — моя тетья **Өшкү-Саар Мижитейевна** вышла замуж за Хомушку Бичен-оол. Их дети: Алексей (1957 г.р.), Хурен-оол (1959 г.р.), Кара-оол (1963 г.р.), Доруг-оол (1965–2011), Шалбачы (1967 г.р.), Аяс (1970 г.р.), Аяна (1973 г.р.), Аянмаа (1975 г.р.). Дам информацию о составе их семей.

Семья **Алексе́я**: жена Розалия Куржаповна и их дети: Орлан (жена Виктория и их сын Дэнгис); Мирослав (жена Таира и их сын Тамерлан); Ганна.

Семья **Хуре́н-оола**: жена Доржу Урана Данзы-Белековна и их дочь Надежда (муж Эртине Серин-оолович и их дети Айдын, Дамырак, Аэмена).



Семья **Кара-оол**: жена Оюмаа Буяновна и их сын Владимир (жена Аяна их дети Чингиз, Эртине и Урана).

Семья **Доруг-оола** (1965–2012): жена Лиана Чылбаковна (1967 г.р.) и их сын Айслан (1996 г.р.).

Семья **Шалбачы**: жена Оюмаа Сааяевна и их дети: Намзырай, Угулза, Аян и Уганза.

Семья **Аяса**: жена Сайлык Чечен-ооловна и их дети: Шенне, Чочагай, Оргаадай и Таймир.

Семья **Аяны**: муж Монгуш Шолбан Матприевич (1975 г.р.) и их дети: Сергек (1993 г.р.), Сулдем (1995 г.р.), Амир (2006 г.р.) и Андрей (2014 г.р.).

Семья **Аянмы**: дети Айыран (2006 г.р.) и Айраана (2011 г.р.).

Тем самым, потомки Ө-С. М. Хомушку (Саая) насчитывают: 21 внук и 16 правнуков от 8 детей.

Представлю семью еще одного моего дяди **Борбак-оола Мижитейевича Саая**. Вместе с женой Саая (Севээн) Белек Иргитовной (1939–1966) они родили: Александра (1964–2005), Отчугаш (1965 г.р.), Розу (1968 г.р.), Раду (1970 г.р.), Чодураа (1972 г.р.), Сылдыс (1974–2001), Сайбека (1978 г.р.), Роллю (1969 г.р.). Также у них были приемные дети: Хертек Галина (1959–2018), Владимир (1964–2018). Белек Иргитовна тем самым была признана матерью-героиней, т. к. родила и воспитала 10 детей.

Семья **Владимира**: жена Алдын-кыс Делгеровна и их дети Меңги и Шораан.

Семья **Александра**: жена Рада Сайын-Маадыровна и их дети Артыш, Айдын, Аяс и Айгуля.

Семья **Отчугаша**: жена Айланмаа Донмасовна и их 9 детей — Айдана, Кежик, Айза, Айла, Айна и Хорба, а также приёмные дети — Аяс, Найыр и Аюжана.

Семья **Розы**: муж Монгуш Алаш-оол Серенович и их дочь Азиана (муж Чолдак Аян Орланович и сын Бады-Сагаан).

Семья **Рады**: сын Айбес (жена Монгуш Сай-Суу Викторовна).

Семья **Чодураа**: дети Айдыс, Чинчиваа, Сылдыс, Ангелина.

Сын **Сылдыс** (1974–2001).

Семья **Сайбек**: его дочь Чодураа.

Семья **Галины**: дети Уренчаа, Кажыккай, Чодураа.

Семья **Ролли**: дети Майя, Чодураа, Чинмит.

От 10 детей Б. М. Саая насчитывается 28 внуков, 10 правнуков.

В итоге подсчетов всех детей, внуков и правнуков Мижитей-Даргана (одного из пяти сыновей Телик-Даргана, который сам является одним из пятерых детей Дарган-Хелина) нам удалось установить 251 человек — потомков Мижитей-Даргана, в том числе 41 внук, 127 правнуков, 85 праправнуков. Потомки его пятерых родных братьев и сестры тоже являются нашими кровными родственниками, так как они все из 4-го поколения.

Эта информация легла в основу схемы генеалогического древа нашего рода. По итогам обсуждения вопроса о форме составления этого древа, наш уважаемый старейшина — нынешний глава рода *шевер Сааялар* Көгел Мижитейевич Саая предложил начать несколько схем, ведя их от самых молодых потомков, то есть по восходящей. Согласившись с его предложением и выполняя просьбу ныне ушедшего из жизни предка, автор статьи нарисовал свою схему, начиная отсчет от Саая Удум-Бора Артышевича (2007 г.р.) — одного из многочисленных прямых наследников по линии отца — до его предка в 7-м колене Саая Кара-Даргана (*рис. 1*). Удум-Бора мне приходится внучатым племянником.

Как видно из схемы, мы установили, что каждая семья из пятерых детей Телик-Даргана имела от трех до семи детей. Например, у нашего предка Мижитей-Даргана было семеро детей, которые в свою очередь имели от 3-х до 10-ти детей (внуков или внучат Мижитей-Даргана) в каждой семье. В частности: в семье старшей дочери Долгар — пятеро детей; у сыновей, например, у Чигжита — 3, у Когела — 7, у Чылайы — 2, у Борбак-оола — 10, у дочерей — у Чылбак и Ошкү-Саар по 8 детей. В итоге мы насчитали 43 правнуков и правнучат Телик-Даргана только по линии одного из пятерых его детей — по линии Мижитей Даргана. В семьях правнуков и правнучат родились тоже от 2-х до 5-ти человек. И в семьях праправнуков и праправнучат так же уже имеются семьи с детьми от 2-х до 5-ти человек, и продолжают рождаться дети. Род живет и пополняется (*фото 2*).





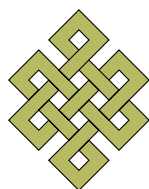


Фото 2. Молодые потомки рода Шевер Сааялар во время обряда Бай-Тайганың Чаа-Оваа дагылгазы. Стоят слева направо: Саая Шораан Владимирович, Саая Мерген Чечен-оолович, Саая Орлан Владимирович, Саая Аян Сандрович, Аракчаа Эрес Сергеевич; сидит на переднем плане Саая Чойган Владимирович. Фото А. А. Монгуша, 21 мая 2021 г.

Photo 2. Young descendants of the Shever Saayalar family during the rite of Bay-Tayganуң Chaa Ovaa dagylgazy. Standing, left to right: Shoraan Vladimirovich Saaya, Mergen Chechen-oolovich Saaya, Orlan Vladimirovich Saaya., Ayan Sandrovich Saaya, Eres Sergejevich Arakchaa. At the front, seated: Choigan Vladimirovich Saaya. Photo by A.A. Mongush, 21 May 2021.

“Эки кылган ажыл, элп читпес алдар” (“Хорошо проделанная работа — не исчезающая слава”), — любил повторять наш дедушка Саая Мижитей Телик-оглу, когда заканчивал мастерить свое очередное ювелирное, кузнечное, плотническое или другое изделие. Он показывал и рассказывал нам, своим внукам и внучкам, как всё это делается. Говорил, что его предки-родственники умели делать почти всё, что было нужно в хозяйстве, и он тоже научился. Изготавливали юрты разных размеров со всеми (летними и зимними) покрытиями (Ооржак, 2020) и утварью, седлы, телеги, сани конные и верблюжие, мебель для юрт, посуды, ножи, вилы, луки со стрелами, одежду, обувь,украшения, ювелирные изделия, шорные изделия и др.

Он рассказывал нам про своего дедушку, нашего предка, Дарган-Хелиң — Хелиң-Кузнеца, который жил примерно в 1830–1905 гг. Его имя было Тырдык-Кара, но прозвали его в народе Дарган-Хелиң, потому что он был искусным кузнецом (дарган), много лет учился в Тибете, имел буддийскую степень хелиң. Учиться в Тибет он с друзьями ходил пешком, в те времена считалось, что знания будут полнее, если их достигнешь через трудности. На дорогу уходили месяцы, а то и годы, так как по пути они останавливались ещё в монгольских храмах, изучали монгольский язык и грамоту. Изучал там и ремесленные дела. По возвращению на родину, наряду с богослужением, занимался изготовлением божественных фигур буддийских богов из серебра, латуни, бронзы, украшений для буддийских храмов, ювелирных изделий.

Сотпа-лама рассказывал нам, что его родители отмечали прочность изготовленных Дарган-Хелином телег и саней. Они также отличались универсальностью, в них одинаково удобно было запрягать как лошадей и волов, так и верблюдов. Также славилась сделанные им луки и стрелы, из которых можно было насквозь простреливать бегущего марала.



Дарган-Хелин научил всему и своих детей, внуков. В том числе, говорил дедушка, и моего отца Телик-Даргана, который в последствии стал одним из продолжателей ремесленных традиций *шевер Саая аал-аймак*.

Со слов дедушки Мижитей, его отец Телик-Дарган тоже был очень инициативным мастером, создал много нового, и всегда совершенствовал своё мастерство. Инициировал, сделал и соорудил (построил) первую в кожууне установку для ручного продольного пиления брёвен *улуг-аскыр*, своеобразную “пилораму” и водяную мельницу в устье незамерзающих родниковых речек в местечке Буък сумона Көөп-Сөөк Бай-Тайгинского района. На такие крупные работы он созывал своих родственников, которые с удовольствием участвовали, помогали всем аалом. А на сооружение водонапорной дамбы (мельничной плотины) было организовано ещё и всё население Көөп-Сөөк сумона Бай-Тайгинского района под руководством тогдашнего главы Салчак *чагырыкчы*.

А задумал мастер построить все это по образцу тех устройств, которые увидел во время традиционной осенне-зимней промысловой охоты для добычи пушнины (в том числе для оплаты налогов) в районе рек Он<sup>1</sup> у вновь появившейся там базы Матпый-оруса (русского Матвея)<sup>2</sup>. Раньше там находилась охотничья стоянка тувинцев Сайда-Чадыр, поэтому эти места люди называли ещё *Сайда-Чадыр чоогу* ‘районы Сайда-Чадыра’ или *Чадырлыг-Хем чоогу* ‘близы реки Чадырлыг-Хем’. Потом Телик-Дарган с родственниками специально ездил туда, где работала водяная мельница, изучал как все построено и как работает, снимал все размеры всех узлов и деталей мельницы с помощью заранее заготовленных деревянных палочек.

Говорили, что Телик-Дарган сумел изготовить все конструкции и детали, в том числе и узлов передачи усилий мельницы. Даже *шахжалар* ‘шестерёнки’ умудрился изготовить из закалённых корней берёзы. Мельница работала долго и исправно до революционных преобразований и коллективизации...

Много лет спустя, в трудные 1990-е годы жители села Кызыл-Даг Көөп-Сөөк сумона Бай-Тайгинского района вспомнили про старую мельницу и попросили мастеров её восстановить. Однако, оказалось, от мельницы мало что осталось и восстановить её было невозможно. Поэтому родственники с Саая Көгел Мижитейевич во главе, с правнуком Телик-Даргана по линии внучки Чылбак, Ооржаком Виктором Окпан-ооловичем (1952 г.р.) приняли решение сделать новую, уже модернизированную мельницу с электродвигателем прямо в самом посёлке Кызыл-Даг. И в память о предках было решено использовать оставшие от той мельницы каменные жёрнова.

Телик-Дарган также организовал первое производство продольного пиления бревен в местечке Уш-Терек Көөп-Сөөк сумона Бай-Тайгинского района. Здесь же из полученных брусьев и досок за одно лето было построено более 60 амбаров для хранения на зиму зерновых, муки, дикороссов и другой заготовленной летом продукции. Впоследствии там возник первый в кожууне посёлок, который назвали Дөң-Терезин.

Телик-Дарган был не только умелым, но и щедрым. Он всегда готов был делиться опытом, учить молодых. Рассказывают о том, что однажды он осмелился даже предложить большому чиновнику сумона Салчак Чагырыкчы, чтобы тот посмотрел, как мастер делает каменные жёрнова для строящейся мельницы и попробовал научиться, тем самым показал бы пример для молодёжи....

В роду Саая всегда поддерживали традицию взаимопомощи, взаимовыручки между родственниками. Например, К. М. Саая рассказывал следующую историю.

В 1940-е годы, когда Правительство Тувинской Народной Республики обязало всех семей выращивать и сдавать зерновые (пшеницу, рожь, просо) для нужд фронта, к ним обратился родственник, живший в то время в районе реки Алаш Барун-Хемчикского района, с просьбой помочь найти поливной земельный участок для него. Родственники согласились помочь и обратились с этим к главному распорядителю поливных участков своего Көөп-Сөөк сумона *буга даргазы* (старосте оросительных канав) Буянды. Однако, *дарга* заявил, что все поливные участки распределены и новый участок может предложить только на целинной земле, которая находилась за большой ложбиной. Но туда невозможно было подвести оросительную канаву — *арык* — из-за глубокого оврага, растянувшего через всю степь.

<sup>1</sup> Он-хем, он адырлыг хем — река, имеющая десять ручейков.

<sup>2</sup> Старожилы говорят, что эти территории раньше относились к Бай-Тайгинскому и Барун-Хемчикскому районам, а теперь — к Республике Хакасия.



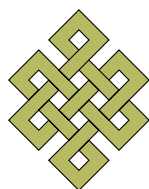


Фото 3. Во время восстановительных работ на Көөр-Сөөк хүрээзи. Слева направо: на заднем плане Валентина Көгеловна Аракчаа (Саая), Чечен-оол Көгелович Саая, Көгел Мижитейович Саая, на переднем плане Валерий Окпан-оолович Ооржак (автор статьи), Борис Очурович Күжүгет, Владимир Хойлааракович Күжүгет. Фото С. Ш. Санчат, 2014 г.

Photo 3. During the restoration work on Көөр-Сөөк khureezi. From left to right: in the background Valentina Kygelovna Arakcha (Saaya), Chechen-ool Kugelovich Saaya, Kygel Midzhteovitch Saaya, in the foreground Valery Okpan-aidylovich Tugzhak (author of the article), Boris Ochurovich Kuzhuget, Vladimir Khoylarakovich Kuzhuget. Photo by S. S. Sanchat, 2014.

А время весенне-полевых работ уже подходило...

Выход нашёл опять же Телик-Дарган. Используя вместо уровня заполненную водой большую неглубокую медную чашу *чалгый-паш*, он определил глубину оврага и уровни земли на берегах ложбины, а также место, где нужно построить вал-стену, по верху которой можно сделать канаву и запустить оросительную воду на другой берег ложбины. В строительстве этого оросительного сооружения участвовали и родственники из других сумонов, и представители других аал-аймаков кожууна, заодно учась как это делается.

В последствии там были построены ещё несколько подобных оросительных сооружений, над которыми спустя годы выросли тальники. Их стали называть “лесами Телик-Даргана”.

### **Ремесло и род**

Мастера нашего аал-аймака учились и учили не только в кругу своих родственников, аалов. Они также делились знаниями и с мастерами, умельцами других аал аймаков, взаимообогащая свои знания и навыки.

Сотпа-лама рассказывал такую историю.

В районе рек Алаш, Делег-Хол Бай-Тайгинского района, примерно в 1890-е гг. жил молодой, но уже состоявшийся кузнец Хылдай-Дарган из аала Хертек-аймаков. Услышав про мастерство кузнецов аала *шевер Сааялар*, он договорился с Телик-Дарганом и перекочевал к ним, в их стоянку, чтобы обменяться знаниями и навыками. Года три они жили соседями, совместно трудились. Видимо, такая совместная работа пошла на пользу им обоим.



После знаменитый умелец Телик-Дарган прославился ещё одним изобретением. Используя разные виды и сорта металлов в том числе, заранее изготовленные им, разные тонкие пластины из латуни и меди разных светов (закалки) и разных размеров, он смастерил поющую металлическую кукушку, и посадил её наверх *баглааш* — столба для привязи коней. При появлении даже слабого ветерка кукушка начинала кукукать, поворачиваясь в сторону ветерка.

Своё изобретение он отправил кузнецу-партнёру Хылдай-Даргану. А Хылдай-Дарган приделал кукушке подковы-когти, с помощью которых она смогла сцепляться за любую ветку дерева, даже за конец *урука* — длинной жерди приспособленной для ловли лошадей. Тем самым кукушку можно было посадить на *урук*, и крутить, не дожидаясь появления ветерка. И она кукукала.

А Хылдай-Дарган, уже вернувшись в Алашский Делег-Хол, изготовил для сундуков и амбаров Амбын-нояна Тувы “говорящие” замки. Эти замки умели говорить человеческим голосом такие слова: при закрытии — “*Амбын-ноян айбылаан*” (“Амбын-ноян поручил”); а при открытии — “*Хылдай-Дарган кылган*” (“Хылдай-Дарган сделал (смастерил, изготовил)”).

Камнерез Хертек Мижит-Доржу Сегбеевич рассказывал мне в 1971 г. следующее.

Когда моя старшая сестра Сантыкмаа в 1925 году вышла замуж за Мижитей-честей, мы часто встречались и общались с ними и с их родственникам. Много чему можно было у них научиться, в том числе и резьбе по камню тоже я начал заниматься по их примеру. Сперва научили делать из чонар-даша разные формы. Отливали пули разных размеров из свинца. Затем готовили настольные приборы по заказам. Делали формы для заливки шахматных фигур из меди и латуни. Переходили уже на резьбу фигур животных и людей из камня.

Начиная с 1940-х годов стали участвовать в разных мероприятиях, выставках. Тогда они проводились просто, обычно, как бы в порядке обмена опытом. Сперва “внутри” юрты, потом — аала, затем — аймака, в виде показа между родственниками в непринуждённой обстановке.

Подобные мероприятия проводились традиционно и по другим видам изделий (кузнечных, шоорных, швейных, стрел, луков, охотничьего оружия и т. д.) и искусства (народных художественных промыслов, ювелирных, литья и металлов, камнерезных, включая орнаментацию и резьбу для мебели и юрт, худ оформления храмов и образов буддийских богов и т. д.).

### **Заключение**

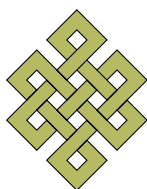
Ремесло, совместная деятельность связывали поколения, родственников, сплачивали людей, стимулировали к постижению новых знаний. Несмотря на исторические события и то, как они повлияли на жизнь рода, основной костяк рода *шевер Сааялар* сумел сохраниться. Его представители продолжают заниматься разными видами ремесленничества и искусства. Известны своими ремесленниками представителей семей Көгела, Чылайа, Борбак-оола, дочери Чылбака, Өшкү-Саара и некоторых других. В Туве известен род Саая Быдаакай Теликовича, родного брата Мижитей-Даргана, мастера по изготовлению юрт (Ооржак, 2020). Известен Хертек Мижит-Доржу Сегбеевич, народный мастер-камнерез, члена Союза художников СССР, лауреата Госпремии им. Репина (Ооржак, 2018) и др.

Полагаю, что традиционные ценности совместного труда, взаимопомощи чрезвычайно важны для тувинского народа, для идентичности людей, для сохранения и развития родственных связей. Поэтому их необходимо изучать и популяризировать полученные знания.

### **Благодарности**

Автор благодарит за помощь в уточнении данных жену Р. Ш. Ооржак, родственников: К. М. Саая, Б. В. Ондар, Т. В. Ондар, Д. В. Сарыглар, Д. К. Саая, Х. К. Саая, В. К. Саая, С. С. Саая, В. О. Ооржак, А.-Х. В. Ооржак, Р. К. Хомушку, Д. О. Ооржак, К. О. Кужугет, А. С. Бичелдей, М. Т. Саая, Б. Т. Саая, С. Б. Кужугет (Согпа-лама), М.-Д. С. Хертек, Х. К. Дойбухаа, Шымыл-өгбе и других.





## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ламажаа, Ч. К. (2021) Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. № 4. С. 6–21. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Ооржак, В. О. (2018) Добыча чонар-даша: традиционная технология и элемент экологической культуры тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 210–234. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.4.12>

Ооржак, В. О. (2020) Тувинские традиционные методы точных расчетов при изготовлении каркаса юрт // Новые исследования Тувы. № 4. С. 64–79. DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.5](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.5)

Тувинско-русский словарь (1968) : около 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия. 324 с.

*Дата поступления: 15.12.2021 г.*

## REFERENCES

Lamazhaa, Ch. K. (2021) Osnovnye problemy issledovaniia rodstva i rodstvennykh grupp sovremennykh tuvintsev: pasportizatsiia, terminologiia i podderzhanie rodstva [The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: passportization, terminology and maintenance of kinship]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 6–21. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.1>

Oorzhak, V. O. (2018) Dobycha chonar-dasha: traditsionnaia tekhnologiia i element ekologicheskoi kul'tury tuvintsev [The extraction of the Chonar-Dash: traditional technology and a part of Tuvan environmental culture]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 210–234. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.12>

Oorzhak, V. O. (2020) Tuvinskie traditsionnye metody tochnykh raschetov pri izgotovlenii karkasa iurt [Tuvan traditional methods of precise computation in the making of the yurt frame]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 64–79. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.5](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.5)

*Tuvinsko-russkii slovar'* [A Tuvan-Russian Dictionary] (1968): с. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

*Submission date: 15.12.2021.*



## Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний

**Марианна Т. Сатанар**

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Российская Федерация



В статье анализируются коды как средства выражения единиц пространства и времени в эпических текстах. Материалами исследования послужили лучшие образцы эпических сказаний: тувинских — «Хунан-Кара» и «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей», — включенных в серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (1997), «Тон-Аралчын хаан» из серии «Памятники устного народного творчества» (1990), а также якутских — «Нюргун Боотур Стремительный» и «Строптивый Кулун Кулустуур» — из «Образцов народной литературы якутов» Э. К. Пекарского (1907) и В. Н. Васильева (1916). Цель исследования — экспликация «маршрутов» появления кодов в качестве проводников древнего мышления и дефиниция сходств и различий в категориях кодирования содержания эпических текстов тувинцев и якутов. В решении поставленной цели используются структурно-семиотический и герменевтический анализы, методы сравнения и обзора.

Поэтапное декодирование пространственно-временных единиц текстов эпосов (мотив первотворения, мотив описания родной страны, мотив описания другого пространства) позволяет увидеть подбор квалифицирующих противопоставлений.

В них проступают наиболее четкие специфические отличия семиотических систем эпосов, отображающих отдельные стороны природного ландшафта, этнографических реалий, жизнедеятельности тувинцев и якутов. Установлено, что в количественном отношении употребление многообразий кодовых конфигураций в обеих традициях фиксируется одинаково. Сравнительный анализ кодирований как категорий мифологического мышления приводит к выявлению инвариантных применений цветового, металлического, пространственного, временного, геометрического, числового, природно-климатического кодов, а также скрытого кода бессознательного. Вместе с тем фиксируются и отличительные приемы применений кодовых конфигураций в тувинских эпосах: реализация парного сочетания металлического и фитонимического кодов, и применение звукового кода, имплицитного природно-климатического код. Определены общие для обеих традиций объекты семиотических кодирований.

**Ключевые слова:** тувинский эпос; якутское олонхо; тувинский фольклор; якутский фольклор; код; бинарная оппозиция; мифопоэтическое сознание; моделирование пространства; семантическая поляризация; мифологема; импликация

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-сравнительный аспекты».



### Для цитирования:

Сатанар М. Т. Коды в миромоделировании тувинского и якутского эпических сказаний // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 211-224. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

**Сатанар, Марианна Тимофеевна** — кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института исследований Олонхо Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Адрес: 677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42, каб. 101а. Тел.: +7 (4112) 49-68-83; +7(914) 273-17-90. Эл. адрес: [satanar68@mail.ru](mailto:satanar68@mail.ru)

**SATANAR, Marianna Timofeevna**, Candidate of Philology, Research Fellow, Sector for Olonkho Studies, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Postal address: 42 Kulakovskiy St., 677000 Yakutsk, Russian Federation. Tel.: +7 (4112) 49-68-83; +7(914) 273-17-90. E-mail: [satanar68@mail.ru](mailto:satanar68@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0002-3546-7343



## DIALOGUE OF CULTURES

Article

## Codes in modeling the world of Tuvan and Yakut epic tales

Marianna T. Satanar

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov,  
Russian Federation

The article examines codes as means of expressing units of space and time in epic texts, focusing on the best epic tales: “Khunan Kara” and “Boktu-Kirish, Bora-Sheelei” (Tuvan; published in the “Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East” series (1997)), “Ton Aralchyn Khan” (Tuvan; published in the “Monuments of folklore” series (1990)); “Nyurgun Bootur the Impetuous” and “Kulun Kullustuur the Obstinate” (Yakut; appeared in E.K. Pekarsky’s “Samples of Yakut folk literature” (1907) and in V.N. Vasiliev (1916)). The study aims to trace how the codes lead in old types of thinking and to pinpoint the similarities and differences of how the content of Tuvan and Yakut epic tales is coded. The study makes use of the methodologies of structural semiotics and hermeneutics, as well as those of review and historical comparison.

Stage-by-stage decoding of units of space and time in epic texts, such as the motifs of first creation, description of the home country, or a different space plane, leads us to the prevailing set of qualifying oppositions. They reveal the sharpest contrast between the epic tales’ semiotic systems, which, in turn, reflect the specific features of landscape in the home countries, ethnography and life of the Tuvans and Yakuts respectively. The study proves that quantitatively, code configurations are numerous in both traditions. A comparative study of coding as a category of mythological thinking narrows it down to invariant uses of colour codes, as well as that of metals, space, time, geometry, numbers, climate and nature, and of the course, the hidden code of the unconscious. At the same time, code configurations in the Tuvan epic have some distinct uses of their own: the coupling of the codes of metals and phytonyms, and the sound code imitating that of climate and nature. For both traditions, we have determined common objects of semantic coding.

**Keywords:** Tuvan epic; Yakut olonkho; Tuvan folklore; Yakut folklore; code; binary opposition; mythopoetical consciousness; modeling space; semantic polarization; mythologeme; implication

---

This research has been conducted as part of the research project funded by NEFU «Epic monument of the Yakut intangible culture: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects».

---

**For citation:**

Satanar M. T. Kody v miromodelirovaniituvinskogo i iakutskogo epicheskikh skazanii [Codes in modeling the world of Tuvan and Yakut epic tales]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 211-224. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.14>

---

**Введение**

Общеизвестна фундаментальная значимость космологической мифологии как главной моделирующей системы знаков в культуре каждого народа (Мелетинский, 2000; Элиаде, 2010; Неклюдов, 2010; Габышева, 2009; Мижит, 2010; и др.). «Культуроносны» во времени сущностные характеристики такой системы, хранящиеся и передающиеся через механизмы памяти. Важно то, что в мифопоэтическом сознании упорядочение мира происходит путем перекодировок объектов (явлений) действительности (Топоров, 2010: 412) на язык знаков. И имплицитное функционирование древнего мифологического «ядра» в сюжетах и мотивах становится явным при «... расчленении на коды, поддерживающей и преодолевающей избыточность мифологической информации» (Мелетинский, 2000: 235). Коды задаются «бинарными противопоставлениями» и, как правило, близкие по значению образы и понятия передаются в мифе посредством различных кодов, которые соответствуют данным пяти органов чувств (Леви-Стросс, 2007: 324). Эпические произведения богаты всевозможными сочетаниями кодов, их типы классифицируются в трудах У. Эко (Эко, 2006), Р. Барта (Барт, 1989), Ю. М. Лотмана (Лотман,



1996) и др. В фокусе настоящего исследования — многообразие кодов космологической мифологии, создающей классификационную сетку знаковых систем эпосов. Исследование направлено на «вскрытие» типа древнего мышления посредством «обнажения» кодовых конфигураций, функционирующих в мифологической канве эпических сказаний якутов и тувинцев с целью установления общего и особенного в применении многообразий кодов.

Семиотический и герменевтический анализы позволяют осмыслить хронотоп (М. М. Бахтин) — акт эпического миромоделирования, в качестве знаковой системы. Категории пространства и времени как в отдельности, так и во взаимосвязи рассматривались в трудах Л. Л. Габышевой (Габышева, 2009), Л. Н. Семеновой (Семенова, 2006), А. Б. Хертек (Хертек, 2015), В. С. Ондар (Ондар, 2016), М. В. Ондар (Ондар, 2017), Л. К. Хертек (Хертек, 2018), Э. Б. Самдан (Самдан, 2018) и др. Материалами исследования выбраны лучшие образцы эпических сказаний тувинцев и якутов, вошедшие в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Тувинские героические ... , 1997), «Памятники устного народного творчества» (Тувинские героические ... , 1990) и «Образцы народной литературы якутов» Э. К. Пекарского (Пекарский, 1907) и В. Н. Васильева (Васильев, 1916). Главным критерием выборки материалов послужило наличие русскоязычных переводов. Мы сознательно пренебрегаем изменениями жанровых, композиционных, хронологических и пр. показателей исходя из «настрой-ки оптики исследования» (Неклюдов, 2008: 15) в пользу «мифологических структурирований на уровне знаков», как их называет Е. М. Мелетинский (Мелетинский, 2000: 233).

### Коды, оформляющие время первотворения

Зачины эпических повествований и якутов, и тувинцев начинаются со статического описания времени. Цель этих сведений заключается в представлении наличия давнего времени (Неклюдов, 2010: 137), а их роль — в целенаправленном ориентировании слушателей в эпическое время, а далее и в пространство (Орус-оол, 2001: 11). Приведем пример из якутского олонхо:

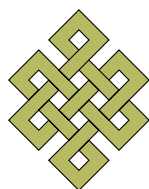
Былыргы дьыл быдан мындаатыгар, Урукку дьыл кулан уорҕатыгар, Түөрт саха төрүү илигинэ, Үс саха үөскүү илигинэ, Икки саха иитиллэ илигинэ (Строптивый Кулун ... , 1985: 8)	На далекой вершине давних лет, На отдаленном хребте минувших лет, Когда четыре якута еще не родились, Три якута еще не появились на свет, Два якута еще не были вскормлены (там же: 286)
---	---

Такое устоявшееся начало зачинов олонхо в различных вариациях принято считать клишированным. В фрагменте прослеживается сцепление трех кодов. Это временной, антропоморфный и числовой коды, механизм развертывания которых детально представлен в предыдущей работе автора статьи (Сатанар, 2020: 304–305). Рассмотрим репрезентацию «раннего времени» в начале зачина тувинского эпоса:

Эртенгиниң эртезинде, Бурунгунуң мурнунда, Сүт-Хөл кара шалбаа, Сүмбер-Уула сүүр тей турар шагда, Калбак чуве хадып, Борбак чуве чуглуп (Тувинские героические ... , 1997: 22).	Раньше раннего, Древнее древнего [времени], Когда озеро Сют-Холь было черной лужицей, [Гора] Сумбер-Уула была остроконечным холмиком, Когда плоское несло по ветру, А круглые предметы катились (там же: 22).
---	---

«Динамической составляющей» описания «раннего времени» предстает фрагмент указания на «космические эмбрионы» основных компонентов мира — озера и горы, носящих процессуальный характер. По классификации С. Ю. Неклюдова, здесь представлена архаическая модель «расширения вселенной» (Неклюдов, 2010: 143). Речь идет об эпохе хаоса, подлежащей постепенному упо-





рядочению, в результате которого появляется космос. Формула оформляется кодом передачи (У. Эко), транслирующим сокращенное сведение о начальном времени творения. Разделительная линия ставится между мифологическим (сакральным) и историческим (профанным) временами, вступающими в отношение друг с другом. Именно к этой временной точке сводится семантика «начала» — упорядоченного отсчета другого времени. Процесс указывает на вырастание из «эмбриональной» формы (черная лужица, остроконечный холмик) в «завершенную» форму (озеро, гора) элементов мироздания, которые оформляются при помощи цветового и геометрического кодов. Семантика такого изменения задается отношениями оппозиций «лужица / озеро», «холмик / гора», в первооснове восходящих к доминантным оппозициям покоя и движения, точки и увеличения, иначе, — хаоса и космоса.

Семантически насыщен цветовой код, привязанный к ключевой лексеме «лужица». Имя *кара* 'черный' представляет собой диахронический текст, заключающий в себе двоичную классификацию «белый / черный», соответствующий отношениям противопоставлений неба и земли, дня и ночи (Габышева, 2009: 8). Утверждается, что в данном имени отражается космологическая структура традиционных представлений тюрков (там же; Муратова, 2020: 58–64). С точки зрения космогенеза, в семантике имени *кара* 'черный' как «концепта мировидения древних людей» (Белов, 1988: 50), интересны две позиции.

Во-первых, символизация данным цветом именно северной стороны света, соотношенной с Нижним миром (Габышева, 2009: 29–30). Параллелизм севера и Нижнего мира наличествует в фрагментах описания космогенеза и в якутском олонхо: «Нижний мир, задрожав, как берестяная посуда с водой, пылая в огне, подобным горящей сере, со стоном перевернулся верхом вниз и образовал страну северного полюса — преисподнюю» (Ойунский, 2016: 12). Дополним, что в пространственной ориентации соотношение севера с «низом», а юга с «верхом» относится к устоявшимся традиционным представлениям и тувинцев (Сузукей, 2009: 253).

Во-вторых, в научной литературе отмечается, что имя *кара* 'черный' в сочетании с одним из элементов первостихий — водой, транслирует значение «связанное не с цветообозначением, а с землей» (Сравнительно-историческая ... , 2001: 594). Существенно то, что в тувинском языке союз имени *кара* с водой «означает “родник”, т. е. воду, выходящую из земли» (там же). В обоих случаях можно провести единый знаменатель — цветовой код «черной лужицы» указывает на переходной этап космогенеза, где имеет место быть импликация оппозиций «вода / земля», «северный полюс / южный полюс», «Нижний мир / Верхний мир». Подробная детализация этих отношений, согласно анализу Э. Б. Мижит, представлена в источниках по мифологии индуизма (Мижит, 2010: 153). Показательно, что в исследовании ученого актуализируется «сбивание богами-творцами вод с использованием горы в качестве мутовки» (там же).

В таком ракурсе становится очевидным семантическая близость «черной лужицы» с «остроконечным холмиком» (см. текст выше), где последний предстает геометрическим кодом. На наш взгляд, в данном словосочетании позиционируется «зарождающаяся» модель эпического мироздания, якутский вариант которой был исследован автором статьи<sup>1</sup>. Об универсальности образа горы с выраженной символикой центра во многих эпических традициях пишет В. Н. Топоров (Топоров, 2010: 307). В частности, и в тувинском эпосе считается, что гора Сумбер-Уула — космическая ось мира, семантический аналог Мирового древа (Мижит, 2009: 180). Важно отметить, что радикальное значение для космогонического процесса имеет именно характер этого движения — вращение. Тексты олонхо свидетельствуют о наличии в космогенезе участка со все более возрастающей степенью упорядоченной организации пространства в виде «сгущения», локализуемого вдоль вертикальной оси, и что очень важно, — детерминированного вращением (Сатанар, 2021: 1139). В этом отношении факт фиксации формы объекта, которая в двумерной проекции предстает в виде остроконечного треугольника, весьма показательна с точки зрения логики «формирующейся» космической модели, как ценный фрагмент «детства Вселенной» (Гаццак, 1989: 9). Геометрический код задается оппозициями «верх / низ», где четко очерчивается верх в виде единственной точки, и низ, расширяющийся к основанию. В связи неразрывной трехчастной конструкцией мироздания как единой системы, заметим, что в олонхо о

<sup>1</sup> Сатанар М. Т. Эпическая модель мира в якутском олонхо: структура и семантика : автореф. дисс. ... к-та фил. н. Майкоп, 2021. 20 с.



форме Нижнего мира повествуется как: «... верх его суживающийся, середина, расширяющаяся книзу, низ более широкий» (Кулаковский, 1979: 8). С этих позиций интерес привлекает мировая гора Сумбер-Уула как модель Вселенной, изучение ее статики и динамики через призму геометрии форм, которая является темой будущих исследований.

Примечательно, что в тувинском эпосе динамика качественных изменений дополняется прямым указанием на характер линейных и вращательных движений, сводимых к глаголам «неслось» и «катились» (см. текст выше). В мифопоэтическом сознании древних людей имплицитно кодирован космологический код, предполагающий последовательное возникновение горизонтальной и вертикальной систем координат мироздания. Код задается оппозициями «плоское / круглое», «верх / низ», «небо / земля», «воздух / земля» и т. д. Так постепенно начинает разворачиваться картина мира тувинского эпоса.

В зачинах эпосов содержатся важные сведения об акте творения, свидетельствующие также о наличии скрытого кода бессознательного (отсылающего к присутствию творца), имеющего глубокую мотивацию в архаическом сознании древних людей (У. Эко). Так, в олонхо говорится:

<p>Онуоха Одун Биис оҗонньор, Дьылҗа тойон эттэ: Бу орто борон туруу дьаьыл дойдуга айбыт киһибит-сүөһүбүт түөрэккэй төлкөлөннө (Нюргун Боотур ..., 1947: 72)</p>	<p>Вышний старец Одун Биис Дьылга тойон сказал: Все люди и скот, сотворенные нами в среднем серопятнистом мире, обречены на шаткую судьбу (там же: 73)</p>
---	--

Согласно Э. Б. Мижит, в исходном начальном времени появления мира, в тувинских эпосах также обозначается присутствие Творца: «Когда творилось время-вселенная / Когда бог Шагжыы-Тумей творил книгой», или «... и узнал он, что весь этот народ — / Это люди, которых с Верхнего мира / Спустил ему Курбусту-Хаан» (Мижит, 2010: 154). В этих случаях реализуемый код бессознательного оформляется противопоставлениями «небытие / бытие», «вечность / конечность», «пустота / материя», «творец / творение», «бог / люди». В завершающей фазе зачина при представлении богатыря внимание привлекает манифестация в текстах факта «быстротекучести времени»:

<p>Дьахтар биир хонон баран Биир ыйдаах буолбут, Икки хонон баран Икки ыйдаах буолбут (Строптивый Кулун ..., 1985: 171).</p>	<p>У женщины уже через сутки Была месячная беременность, Через двое суток — Двухмесячная (там же: 437).</p>
--	---

А вот как растет родившийся богатырь в тувинском эпосе:

<p>Бир хонгаш, “Бир харлыг мен” — деп, Ижи хонгаш, “Ижи харлыг мен” — деп (Тувинские героические ..., 1997: 70).</p>	<p>Одни сутки прошли: “Год мне!” — говорит. Двое суток прошло: “Два года мне!” — говорит (там же: 71).</p>
--	--

В приведенных примерах временной код, задаваемый оппозициями «одни сутки / один год», «двое суток / два года», передает сведения о существовании иного времени в сравнении с обычным временным потоком, обуславливаемого отличительными качествами героев эпосов. А это значит, что в мифопоэтическом сознании древних речь идет о существовании другого пространства космоса в мировых просторах, на основании концепции неразрывности времени и пространства, образующих хронотоп (Бахтин, 1975: 234).



**Коды, используемые в организации вертикальной структуры мироздания**

Общеизвестно, что локальные особенности трех эпических миров реализуют вертикальную систему координат в эпическом мироздании, свойственную обеим традициям. Вертикальная организация пространства в олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур» представлена коновязью:

<p>Тэлгэһэтин хабыллан турар хаба ортотугар          Үс томторѳолоох тойон сэргэлээх;          Бастын сэргэтэ мохсоѳолунан моойноммут,          Өксөкүнэн өрүөллэммит          Хахайынан харыанчахаламмыт,          Бар кыьлынан бастаммыт;          Ортоку сэргэтэ суорунан сурааһыннаммыт,          Кэлин сэргэтэ кэѳэнэн кэрдиистэммит эбит          (Строптивный Кулун ..., 1985: 13).</p>	<p>На самой середине надворья стоят          Три главных столба-коновязи...          Передний столб кончается ястребом, увенчан орлом-          ёксёкю,          Окрашен львиной кровью,          На макушке имеет бар-зверя,          На среднем столбе ворон нарисован,          На заднем столбе кукушка изображена          (там же: 291).</p>
--	--

Приведенный фрагмент мотива описания страны богатыря изобилует символикой птиц, оформляющих зооморфные коды. Наличествует числовой код и доминирующий — пространственный код. Описание родной земли предельно насыщено детализирующими элементами «вписанных» в крупный локус (страна) мелких локусов (надворье, коновязь, жилище, очаг), моделирующих мифологический космос и по горизонтальной версии пространства. Так маркируется сакральный центр. Число три является космологической константой во всех тюркских эпосах, семантика которой в виде идеальной модели в организации и временного, и пространственного рядов подробно анализирована В. Н. Топоровым (Топоров, 2010: 137–138). Внимания заслуживает импликация пространственного кода, «заключающего в себе» сразу две версии координат. В представленной иерархической структуре трех столбов очевидно соотнесение символик ястреба, орла, льва и бар-зверя с Верхним миром, символа кукушки с хтоническим Нижним миром. Символика ворона как «неперелетной птицы, наблюдаемой и зимой, и летом» (Габышева, 2009: 92) служит медиатором, осуществляющим нейтрализацию между Верхним и Нижним мирами, светом и тьмой, жизнью и смертью. В разворачивании горизонтальной версии посредством семантической цепи «передняя, средняя, задняя» ярко демонстрируется изоморфизм горизонтальной и вертикальной структур в пространственной ориентировке, свойственный многим тюркским народам.

Моделирующая функция образа коновязи наблюдается и в тувинском эпосе:

<p>Хунан Кара биле          Узун-Назын даңгына-даа          Оюн эгези чугаазын чугаалажып          Олурган иргинийин.          Кадыг кара селемезин          “Дээрге деңнешкен          Демир терек баглааш бол” —          Дээш, шашкаштың          (Тувинские героические ..., 1997: 192).</p>	<p>Хунан Кара...          Могучую-крепкую саблю свою          У двери того дома с окнами          [В землю] воткнул, сказал:          “Стань железной-тополиной коновязью,          Достигающей неба!”          (там же: 193).</p>
--	--

Внимание привлекает замена образа коновязи (занимающего пространственный центр) его эквивалентом — саблей. Идея могучести-крепкости обеспечивает надежность, устойчивость, неподвижность вертикали мироздания. К пространственному коду примыкает металлический код. В тувинских эпосах коновязи часто обозначаются девятигранными (Мижит, 2010: 170). Без сомнений, в описаниях с применением числовых и металлических кодов манифестируется идея космологической



реминисценции древних представлений. Следует отметить, что символика числа девять как сакрального числа достаточно полно анализируется в статье Э. Б. Мижит (там же: 168–171). Интересным представляется парное сочетание эпитетов «железный» и «тополиный», где наблюдается сцепление металлического и фитонимического кодов. Здесь, с точки зрения аксиологизации, железо в сочетании с коновязью приобретает свое положительное коннотативное значение на основании положения «мифологические “предметы”, “существа” оказываются своеобразными пучками различительных признаков, так что по одним признакам они отождествляются, а по другим противопоставляются» (Мелетинский, 2000: 233). В архаическом сознании отношение тождества между эпитетом «железный» и образом коновязи устанавливается на основании ключевого признака — «твердости и крепости железа» (Габышева, 2012: 118). Примыкание эпитета «тополиный» актуализирует связь с концепцией мирового древа. Согласно архаическому мышлению, восприятие древних людей воплощается в образах земных представлений посредством фиксирований аналогий из окружающего ландшафта. В этом смысле заметим, что доминирующий в природном ландшафте Тувы тополь, действительно пользуется почтительным отношением народа, отражающимся в культуре и традициях тувинцев (Монгуш, 2014: 22–24).

### **Коды, используемые в организации горизонтальной структуры мироздания**

В якутском олонхо разворачивание горизонтальной структуры пространства реализуется посредством постепенного описания четырех направлений света с предельной детализацией элементов, организующих это пространство. Обратимся к примеру:

<p>Туналытта толоонун ортотун уу дьулайыгар Бэйэтэ туругуран үөскээбит эбит. Оол улаҕатыгар — ... Улаан дьабыл үрэх субуллаан түспүт. Бу үрэх ортотунан... Тонмот муора сүрүннэнэн киирбит эбит. Оол илин өттүнэн... — Кылбаарытта кытыла диэн Кытыллаах буолбут. Бу илин өттүнэн... — Үс үңкүү көмүс дьүөдэй булгуньахтаах эбит... Дойдутун-сирин созуруу энээрин Туруорута көрөн таһаардахха — ... Ол арҕаа өттүнэн Батыһыннара көрөн түһэрдэххэ — ... Алаан-дьалаан алаастар.... (Строптивый Кулун ..., 1985: 11–12).</p>	<p>Оказывается, вырос он В самой середине сверкающей долины. Если... взглянуть дальше этой долины, [Откроется]... пасть с широкой рекой. Эта река, ... проложила себе русло В незамерзающем море с девятью заливами. Если посмотреть на восток от моря, Увидим высокий берег, Именуемый... Кылбаарытта-берегом. Если еще раз посмотреть Дальше на восток от него — Стоят... три ликующих серебряных холма. Если посмотреть снизу ввысь, На южную сторону этой земли-страны — Стоят громады каменных утесов... Если сверху вниз посмотреть На западную ее сторону — Безмерно широкие елани раскинулись... (там же: 289).</p>
--	---

Л. Н. Семеновой установлено, что таким способом воспроизводится «движение солнца по небесному своду» (Семенова, 2006: 41) и, что важно — с акцентом темы вращения. Отметим, что фрагмент богат сравнениями и метафорами, принадлежащими собственно области поэзии, а не мифологии. Без сомнений, в свою очередь эти метафорические аналогии связаны с эстетическим кодом поэтического миромоделирования (что прослеживается и в примерах, приведенных ниже), которому свойственно оперировать именно абстрагированными понятиями и категориями из сферы экзистенциально-чувственного опыта человека. Пространственная лексика не снабжается символами. Тем не менее, семантические поляризации «восток / запад» и «юг / север» описываются при помощи топографических кодов, оформляемых противопоставлениями серебряных холмов с широкими еланиями, каменных





утесов с незамерзающим морем. Заметим, что на более низком уровне наличествует и металлический код, имплицитный соотнесенность с благоприятной стороной света — востоком. А на более высоком уровне реализуется базовый код — акциональный, по Р. Барту, обозначающий код действия (Барт, 1989: 456), поскольку сама траектория движения по кругу уже наделяет действие символической семантикой (Толстая, 2010: 14). Таким образом, в анализируемом фрагменте текста обнаруживается трехуровневая иерархия кодов. Примечательно, что оппозиция юга и запада, которая дополняется формулами «если посмотреть снизу ввысь», «если сверху вниз посмотреть» в данном фрагменте понимается как версия оппозиции верха и низа (Семенова, 2006: 45), соответствующей вертикали мироздания (изоморфизм структур).

В моделировании горизонтального пространства тувинского эпоса направления сторон света вводятся отдельными деталями:

<p>Шил-Даг, Шилен-Дагны чурттап турар                  Далай-Байбың хаан деп                  Хаан турган иргин ийин...                  Өвүрзүнде чиңнеп хавыраар                  Өле-булагыг-даа,                  Арызында чиңнеп хавыраар                  Арбын-түмен алалыг-даа                  Чүмези иргин ийин                  (Тувинские героические ..., 1997: 54).</p>	<p>В краю, где [горы] Шил-Даг, Шилен-Даг,                  Жил хан...                  Были у него                  [Кони] разных мастей,                  Выпасаемые на южном склоне,                  И многие тысячи пегих [коней],                  Выпасаемых на северном склоне                  (там же: 55).</p>
---	--

Как видно, к реализуемому в зачине геометрическому коду (форма горы) присоединяются элементы южного и северного сторон света, которые согласно трехмерной системе координат геометрической формы уже имплицитно содержат намеки на присутствие остальных направлений света. Пространственный код оформляется посредством отношений юга и севера, где юг априори позиционируется тюркскими народами солнечной стороной (Габышева, 2009: 38). Хотя в описании прослеживается выпадание сегментов «юг — запад», «запад — север», тем не менее не нарушаемое «последовательное перечисление сторон по направлению движения солнца» (Семенова, 2006: 41) восполняет обозначение западной стороны эпического пространства.

Упомянутые в тексте масти коней также являются частью классификационной схемы семиотического пространства. Формула, описывающая разномастность коней (вписанных в разные зоны пространства), на поверхностном смысловом уровне отражает тождественность описываемых объектов. Так, если на южном склоне прямо указывается наличие разных мастей, то относительно северного склона горы актуализируется цветовой эпитет «пегий». Масть отличается «наличием пятен, распределенных по всему телу на основном окрасе» (Куулар, 2017: 442), при которых основной окрас может варьироваться в достаточно широком диапазоне (Даржа, 2014) — от светлого до темного.

Существенным предстает и то, что в тувинском языке *ала-була* переводится как разномастный, разноцветный (Тувинско-русский ..., 1968: 24). На глубинном уровне друг против друга фиксируются свет и тьма, день и ночь, образы коней разных мастей, воплощающих жизнь Среднего мира, и образы пегих коней, семантически связанных с Нижним миром. Согласно Л. Л. Габышевой, «в тюркских языках концепт “жизнь” устойчиво обозначается словом *күн* (солнце)» (Габышева, 2009: 41), следовательно, можно допустить наличие семантической структуры «юг — свет — день — жизнь — кони разных мастей». Соответствие же образов пегих коней с Нижним миром может быть воспроизведено с помощью выписок из этнографических исследований по проблеме исторических связей народов Саяно-Алтая с якутами: в Нижний мир шаман спускается по северной стороне, при этом он представляет свой бубен как ездовой пегий конь (Потапов, 1978: 87–88). В целом считается, что такое почитание пегих мастей являлось одним из древних представлений тюрков, уйгур и др. (там же: 88). Таким образом, на основе обозначенного параллелизма севера, Нижнего мира и пегих коней можно резюмировать, что в анализируемом фрагменте используется и цветовой код.



**Коды, используемые в формулах, описывающих концепт «другое пространство»**

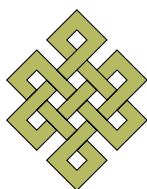
<p>Атыыр оџус хабарџатын быһа баттаабыт курдук Тимир дьулуу аартык таннары түспүтүн устун баран истэ. Онтон барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө дойду устун баран истэ, буспут мунду минин курдук борук-сорук дойду устун баран истэ. Кэлтэгэй ыйдаах-күннээх дойду эбит... Кырынаас дьаарын курдук ыы-дьаар сыттаах хара төлөн өрө оргуйа турар сирин устун баран истэ (Нюргун Боотур ..., 1947: 120).</p>	<p>Он спустился вниз по Тимир Дьулуу аартык, железному, крутому и страшному, зияющему словно перерезанному горлу быка-пороза. Дальше проезжал он по стране мрачносерой, похожей на недоваренную рыбу уху; по сумеречной стране, подобной ухе мелкой рыбки-мундушки. В этой стране солнце и луна шербаты. Потом он поехал по такой стране, где смрад с запахом горностая курился черным пламенем (там же: 121).</p>
---	--

В данном фрагменте якутского олонхо сочетаются семь кодов: животно-телесный, металлический, природно-климатический, пищевой, обонятельный, цветовой. Локус, маркирующий вход в чужой Нижний мир традиционно называется *аартык* ‘теснина, перевал, проход’ (Пекарский, 1959: 152). Отождествление входа «перерезанному горлу быка-пороза» инициируется использованием животно-телесного кода, при котором образ быка предстает антропоморфной маркировкой Нижнего мира. Код оформляется посредством противопоставления «лошадь / бык», соответствующему отношениям оппозиций «верх / низ», «Верхний мир / Нижний мир» и т. д. «Металлический» код устойчиво используется во многих тюркских эпосах (Габышева, 2012), и эпитет «железный» в якутской традиции служит типичной деталью ландшафта Нижнего мира. Как правило, в мифопоэтической картине мира семантическую поляризацию с эпитетом «железный» составляет эпитет «серебряный». Реализация природно-климатического кода оформляется с помощью оппозиций «сверкающая, солнечная страна / мрачно-серая, сумеречная страна», «Верхний мир / Нижний мир». Показательно, что в описании Верхнего мира используется благоприятная «серебряная» символика:

<p>[Бу туран] оол-бу диэки Төрөөбүтүнэн оџо курдук Алаар-малаар көрө турда. Күн уота көмүс измэх аалыытын курдук Күлүмнүү тохто турар дойдута эбит (Строптивый Кулун ..., 1985: 47).</p>	<p>Словно новорожденный ребенок, Стоял он так, Бессмысленно озираясь по сторонам. Оказывается, попал он в страну, Где солнечные лучи сыплются, сверкая, Как опилки с серебряных сережек (там же: 322).</p>
--	--

Природно-климатический код переплетается с пищевым кодом. Традиционным считается то, что «недоваренная уха» служит семантическим знаком преисподней (Семенова, 2006: 82). И наконец, к ним примыкают обонятельный и цветовой коды, с помощью которых визуальный образ Нижнего мира дополняется «внутренней речью восприятия» (Бразговская, 2018: 87) мерзкого запаха, усиливаемого отрицательной семантикой черного цвета. Далее, рассмотрим описание «иного пространства» в тувинском эпосе:

<p>Оџу-даа, суу-даа оо-хораан, Дуюглог чувенин дуюу дурлуп каар, Чуглуг куштун чуу савалып каар Кончуг берге чер чуве (Тувинские героические ..., 1990: 149–150).</p>	<p>Растительность и вода отравленные, Копытное животное не дойдет, У летевшей птицы крылья рассыплются, Такое тяжелое место, оказывается (Хертек, 2018: 405).</p>
---	---



Или:

<p>Шулбустайнын оран черинде Куйт дээр кускун-даа чок, Сайт дээр сааскан-даа чок, Мындыг оран болган (Тувинские героические ..., 1990: 152)</p>	<p>В стране Шулбустая нет ворона, Который бы куйт прокричал, Нет даже сороки, Которая бы сайт прокричала, Такая вот страна (Хертек, 2018: 405)</p>
---	--

Как видно, в тувинской традиции образ Нижнего мира классифицируется по главному признаку безжизненности. Эксплицитно наличествует ландшафтный код, задаваемый ключевым лексическим обозначением «отравленные», которое кратко и исчерпывающе дает характеристику этому пространству. В приведенных фрагментах имплицитно природно-климатический код посредством использования символик птиц и животных. При этом именно их действия передают сообщения о страшном месте, где отсутствуют нормальные условия для функционирования жизни вообще. Во втором примере акцентируется звуковой код, также «работающий» на главную особенность этого враждебного пространства — безмолвия и смерти. Построения кодовых конфигураций основываются на противопоставлениях с образцом описаний земного бытия — бьющие из недр земли родниковые воды и мертвая стоячая вода, цветущая зелень и отравленное растение, звуки природы и безмолвие, движение и покой, жизнь и смерть, восходящих к базовой оппозиции «свой / чужой». Принято считать, что одним из классифицирующих признаков Нижнего мира служит эпический локус *оран* (мир, местность). Согласно Л. К. Хертек, при употреблении слова *оран* в контексте эпической картины мира «в его семантической структуре возникает негативный коннотативный компонент» (Хертек, 2018: 405).

### Заключение

Анализ категорий кодирования якутского и тувинского фольклора как важного структурообразующего компонента мифа позволил реконструировать «маршруты мышления в мифологическом поле, упорядоченных по одной оси» (Леви-Стросс, 1999: 12). Так, «обнажение» переплетений кодов приводит к экспликации в глубинных мифологических пластах эпосов докодовых структур — архетипов сознания как способов мышления: целостность мировосприятия (закрепленный в семантике образа творца), мифологема вращения (циклическая концепция), мифологема разделения (отделение верха от низа), единое устройство мира (трехчастность и четырехчастность структур), бинаризм идеи оценочности, антропоцентричность мировосприятия, мифологема сравнения. Ценным предстает фиксация в зачине тувинского эпоса «зарождающейся» модели мироздания в ракурсе геометрии форм, находящий соответствия с пирамидальной моделью мира якутского олонхо. Тенденция функционирования этой формы и в других знаковых системах (структура общества, ДНК (носителя генетической информации), экономических отношений и т. д.) устойчивая (Сатанар, 2021), и есть основания предположить, что зафиксированная в зачине тувинского эпоса геометрическая модель является одним из базовых архетипов человеческого сознания.

В процессе декодирования элементов мифа, а именно словесно оформленных единиц модусов эпического пространства и времени (мотив, концепты) вскрывается подбор квалифицирующих противопоставлений, где проступают наиболее четкие специфические отличия семиотических систем эпосов, отображающих отдельные стороны природного ландшафта, этнографических реалий, жизнедеятельности тувинцев и якутов. В целом, в количественном отношении, использование многообразий кодовых конфигураций в обеих традициях фиксируется одинаково. Обнаруживаются инвариантные применения цветового, металлического, пространственного, временного, геометрического, числового, природно-климатического кодов, а также скрытого кода бессознательного. Общими объектами семиотических кодирований предстают концепты: геометрическая пространственная форма мира, родная страна, коновязь, Нижний мир. Свообразными можно отметить символизацию оси мира саблей и реализацию парного сочетания металлического и фитонимического кодов в оформлении формулы, описывающей сакральную вертикаль, а также



эффектное применение звукового кода, имплицитующего природно-климатический код в тувинском варианте, не встречающегося в текстах якутского олонхо.

Полученные выводы обозначают перспективы дальнейших декодирований и интерпретаций знаковых единиц семиотических систем эпосов в ракурсе динамик их пространственно-временных континуумов.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Р. (1989) Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс. 616 с. С. 424–461.
- Бахтин, М. М. (1975) Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М. : Художественная литература. 504 с. С. 234–407.
- Белов, А. И. (1988) Цветовые этноэидемы как объект психолингвистики // Этнопсихолингвистика : сб. статей / отв. ред. и авт. предисл. Ю. А. Сорокин. М. : Наука. 192 с. С. 49–58.
- Бразговская, Е. (2018) В лабиринтах семиотики: очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 224 с.
- Васильев, В. Н. (1916) Образцы народной литературы якутов. Сказка. Вып. 1. Петроград : Типография Императорской Академии наук. 210 с.
- Габышева, Л. Л. (2009) Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск : Наука. 143 с.
- Габышева Л. Л. (2012) Символическое значение номинаций металлов в эпосе якутов и других тюркских народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. № 3. С. 115–120.
- Гацак, В. М. (1989) Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики / отв. ред. А. В. Кудияров. М. : Наука. 254 с.
- Даржа, В. (2014) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 184 с.
- Кулаковский, А. Е. (1979) Научные труды. Якутск : Книжное издательство. 484 с.
- Куулар, Е. М. (2017) Лексемы, обозначающие масти лошадей в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. № 6 (67). С. 441–443.
- Леви-Стросс, К. (1999) Мифологии : в 4-х т. / пер. с фр. Н. Б. Маньковской. М. ; СПб. : Университетская книга. Т. 1. Сырое и приготовленное. 406 с.
- Леви-Стросс, К. (2007) Мифологии. Человек голый / пер. с фр. К. З. Акопян. М. : ИД «Флюид». 784 с.
- Лотман, Ю. М. (1996) Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / гл. ред. Т. Д. Кузовкина. М. : Языки русской культуры. 464 с.
- Мелетинский, Е. М. (2000) Поэтика мифа. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 407 с.
- Мижит, Э. Б. (2010) Тувинская традиционная космология в героическом эпосе // Новые исследования Тувы. № 1. С. 149–172.
- Мижит, Л. С. (2009) Тройственные образы в мифологии и фольклоре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 173–188.
- Монгуш, О. С. (2014) Отношение тувинского народа к тополю как одно из проявлений общей культуры и традиций // Мир науки, культуры, образования. № 6 (49). С. 22–24.
- Муратова, Р. Т. (2020) Цветообозначение кара 'черный' в башкирском языке: лексико-семантический анализ денотативных и коннотативных значений // Проблемы востоковедения. № 1 (87). С. 58–64. DOI: <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2020-10109>
- Неклюдов, С. Ю. (2008) Поле гуманитарного знания и стратегии исследования народной культуры // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 10. С. 11–24.
- Неклюдов, С. Ю. (2010) Морфология и семантика эпического зачина в фольклоре монгольских народов // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература: к 75-летию акад. Б. Л. Рифтина / отв. ред. И. С. Смирнов. М. : РГГУ. 609 с. С. 137–149.
- Нюргун Боотур Стремительный: богатырский эпос якутов (1947) / текст К. Г. Оросина; ред., пер., комм. Г. У. Эргис. Якутск : Госиздат ЯАССР. 410 с.
- Ойунский, П. А. (2016) Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание / отв. ред. В. Н. Иванов. Якутск : Сайдам. 120 с.





Ондар, В. С. (2016) Отражение категории пространства в тувинском языке (на материале героического эпоса «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (56) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 129-134.

Ондар, М. В. (2017) Стандарты, отражающие время, в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (67) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 157-163.

Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания. Текстология, поэтика, стиль / отв. ред. В. М. Гацак. М. : Макс Пресс. 422 с.

Пекарский, Э. К. (1907) Образцы народной литературы якутов. Вып. 1. СПб. : Типография Императорской Академии наук. 42 с.

Пекарский, Э. К. (1959) Словарь якутского языка : в 3-х т. Л. : Изд-во АН СССР. Т. I. 1280 стб.

Потапов, Л. П. (1978) Исторические связи алтае-сааянских народов с якутами // Советская этнография. № 5. С. 85-95.

Самдан, З. Б. (2018) Символика времени и пространства в тувинской мифологии // Мир науки, культуры, образования. № 6 (73). С. 501-504.

Сатанар, М. Т. (2020) Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) // Научный диалог. № 6. С. 302-319. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-302-319>

Сатанар, М. Т. (2021) К семиотической интерпретации мифологического образа древа Аал Луук мас в эпосе олонхо // Oriental Studies. Т. 13. № 4. С. 1135-1154. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154>

Семенова, Л. Н. (2006) Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетики / ред. Т. Г. Бугакова. СПб. : Петербургское востоковедение. 232 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика (2001) / отв. ред Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 822 с.

Строптивный Кулун Куллустуур: якутское олонхо (1985) / текст И. Г. Тимофеева-Теплоухова; гл. ред. А. А. Петросян. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 608 с.

Сузукей, В. Ю. (2009) Пространство и время в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. №№ 1-2. С. 250-267.

Толстая, С. М. (2010) Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. М. : Книжный дом «Либроком». 368 с.

Топоров, В. Н. (2010) Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы : в 2 т. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. II. 496 с.

Тувинско-русский словарь (1968) / ред. Э. Р. Тенишев. М. : Изд-во «Советская энциклопедия». 465 с.

Тувинские героические сказания (1990) / Памятники устного народного творчества / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. Т. 1. 272 с.

Тувинские героические сказания (1997) / Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. / отв. ред. тома В. М. Гацак. Новосибирск : Наука. 584 с.

Хертек, А. Б. (2015) Категория пространства в тувинских фольклорных текстах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №3 (1). С. 326-329.

Хертек, Л. К. (2018) Концепт «пространство» в эпической картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 6 (84). Ч. 2. С. 402-407. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Эко, У. (2006) Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум. 544 с.

Элиаде, М. (2010) Аспекты мифа / пер. с фр. В. П. Большакова. М. : Академический проект. 256 с.

Дата поступления: 25.05.2021 г.

#### REFERENCES

Bart, R. (1989) Tekstovoi analiz odnoi novelly Edgara Po [Text analysis of a novel by Edgar Poe]. In: Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: Semiotics: Poetics]* / comp. and ed. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress. 616 p. Pp. 424-461. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975) Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In: Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniia raznykh let [Questions of literature and aesthetics: studies of different years]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 504 p. Pp. 234-407. (In Russ.).



Belov, A. I. (1988) Tsvetovye etnoideimy kak ob'ekt psikholingvistiki [Color ethnoideoms as an object of psycholinguistics]. In: *Etnopsikholingvistika [Ethnopsycholinguistics]* : a collection of articles / ed. by Yu. A. Sorokin. Moscow, Nauka. 192 p. Pp. 49–58. (In Russ.).

Brazgovskaia, E. (2018) *V labirintakh semiotiki: ocherki i etyudy po obshchei semiotike i semiotike iskusstva [In the labyrinths of semiotics: essays and studies on general semiotics and semiotics of art]*. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi. 224 p. (In Russ.).

Vasil'ev, V. N. (1916) *Obraztsy narodnoi literatury iakutov. Skazka [Samples of Yakut folk literature: The fairy tale]*. Vol. 1. Petrograd, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. 210 p. (In Russ.).

Gabysheva, L. L. (2009) *Fol'klornyi tekst: semioticheskie mekhanizmy ustnoi pamiati [Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]*. Novosibirsk, Nauka. 143 p. (In Russ.).

Gabysheva L. L. (2012) Simvolicheskoe znachenie nominatsii metallov v epose iakutov i drugikh tiurkskikh narodov [The symbolic significance of nominations of metals in the epic of Yakut and other Turkic people]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, no. 3, pp. 115–120. (In Russ.).

Gatsak, V. M. (1989) *Ustnaia epicheskaia traditsiia vo vremeni: istoricheskoe issledovanie poetiki [Oral epic tradition in time: A historical study of poetics]* / ed. by A. V. Kudiiarov. Moscow, Nauka. 254 p. (In Russ.).

Darzha, V. Ch. (2003) *Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov [The horse in the traditional practice of the Tuvan nomads]* / ed. by G. N. Kurbatskii. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 184 p. (In Russ.).

Kulakovskii, A. E. (1979) *Nauchnye Trudy [Research works]*. Yakutsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 484 p. (In Russ.).

Kuular, E. M. (2017) Leksemy, oboznachaiushchie masti loshadei v tuvinskom iazyke [Lexemes denoting the color of a horse in the Tuvan language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), pp. 441–443. (In Russ.).

Lévi-Strauss, K. (1999) *Mifologiki [Mythologiques]* : in 4 vols. / transl. from Fr. by N. B. Man'kovskaia. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaia kniga. Vol. 1. Syroe i prigotovlennoe [The raw and the cooked]. 406 p. (In Russ.).

Lévi-Strauss, K. (2007) *Mythologiques. Chelovek golyi [Mythologiques. The naked man]* / transl. from Fr. by K. Z. Akopian. Moscow, ID «Fluid». 784 p. (In Russ.).

Lotman, Yu. M. (1996) *Vnutri mysliazhchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriia [Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history]* / ed. by T. D. Kuzovkin. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 464 p. (In Russ.).

Meletinskii, E. M. (2000) *Poetika mifa [The poetics of myth]*. Moscow, Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN. 407 p. (In Russ.).

Mizhit, E. B. (2010) Tuvinskaia traditsionnaia kosmologiya v geroicheskom epose [Tuvan traditional cosmology in the heroic epic]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 149–172. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2009) Troistvennye obrazy v mifologii i fol'klоре tuvintsev [Triple images in the mythology and folklore of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 173–188. (In Russ.).

Mongush, O. S. (2014) Otnoshenie tuvinskogo naroda k topoliu kak odno iz proiavlennii obshchei kul'tury i traditsii [The attitude of the Tuvan people to the poplar as one of manifestations of their general culture and traditions]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (49), pp. 22–24. (In Russ.).

Muratova, R. T. (2020) Tsvetooboznachenie kara 'chernyi' v bashkirskom iazyke: leksiko-semanticheskii analiz denotativnykh i konnotativnykh znachenii [The colour term qara 'black' in the Bashkir language: lexico-semantic analysis of denotative and connotative meanings]. *Problemy vostokovedeniia*, no. 1 (87), pp. 58–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24411/2223-0564-2020-10109>

Nekliudov, S. Yu. (2008) Pole gumanitarnogo znaniia i strategii issledovaniia narodnoi kul'tury [The field of the humanities and strategies for the study of folk culture]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, no. 10, pp. 11–24. (In Russ.).

Nekliudov, S. Yu. (2010) Morfologiya i semantika epicheskogo zachina v fol'klоре mongol'skikh narodov [Morphology and semantics of the epic origin in the folklore of the Mongolian peoples]. In: *Kitai i okrestnosti: mifologiya, fol'klor, literatura: k 75-letiiu akad. B. L. Riftina [China and its surroundings: mythology, folklore, literature: for the 75th anniversary of B. L. Riftin, Fellow of RAN]* / ed. by I. S. Smirnov. Moscow, RGGU. 609 p. Pp. 137–149. (In Russ.).

*Niurgun Bootur Stremitel'nyi: bogatyrskii epos iakutov [Nyurgun Bootur the Impetuous: the heroic epic of the Yakuts]* (1947) / text by K. G. Orosina; ed. and comp. by G. U. Ergis. Yakutsk, Gosizdat IaASSR. 410 p. (In Russ.).

Oiunskii, P. A. (2016) *Yakutskaa skazka (olonkho), ee siuzhet i soderzhanie [Yakut tales (olonkho), their plot and content]* / ed. by V. N. Ivanov. Yakutsk, Saidam. 120 p. (In Russ.).

Ondar, V. S. (2016) Otrazhenie kategorii prostranstva v tuvinskom iazyke (na materiale geroicheskogo eposa «Boktu-Kirish, Bora-Sheelee») [Reflection of the category of space in the Tuvan language: the case of the “Boktu-Kirish, Bora-Sheelee” heroic epic]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (56) : in 2 parts. Part 2, pp. 129–134. (In Russ.).



Ondar, M. V. (2017) Standarty, otrazhaiushchie vremia, v tuvinskiikh geroicheskikh skazaniiaxh [Time-reflecting standards in the texts of the Tuvan heroic epic]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (67) : in 2 parts. Part 2, pp. 157–163. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (1997) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic legends]*. Novosibirsk, Nauka. 479 p. (In Russ.).

Pekarskii, E. K. (1907) *Obraztsy narodnoi literatury iakutov [Samples of Yakut folk literature]*. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. 42 p. (In Russ.).

Pekarskii, E. K. (1959) *Slovar' iakutskogo iazyka [A Dictionary of the Yakut language]*: in 3 vol. Leningrad, AN SSSR Publ. Vol. I. 1280 stb. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1978) Istoricheskie sviazi altae-saianskikh narodov s iakutami [Historical ties between the Altai-Sayan peoples and the Yakuts]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 5, pp. 85–95. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2018) Simvolika vremeni i prostranstva v tuvinskoii mifologii [Symbolism of time and space in tuvin mythology]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 6 (73), pp. 501–504. (In Russ.).

Satanar, M. T. (2020) Eksplikatsiia nekotorykh kodov mifologicheskoi sistemy iakutskogo eposa olonkho (k postanovke voprosa o fol'klornom vremeni i prostranstve) [Some codes in the mythological system of the Olonkho Yakut epic: On time and space in folklore]. *Nauchnyi dialog*, no. 6, pp. 302–319. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-302-319>

Satanar, M. T. (2021) K semioticheskoi interpretatsii mifologicheskogo obraza dreva Aal Luuk mas v epose olonkho [The tree of Aal Luuk Mas: Semiotic interpretation of the mythological image in the Olonkho epic revisited]. *Oriental Studies*, vol. 13, no. 4, pp. 1135–1154. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2020-50-4-1135-1154>

Semenova, L. N. (2006) *Epicheskii mir olonkho: prostranstvennaia organizatsiia i siuzhetika [The epic world of Olonkho: spatial organization and plot]* / ed. by T. G. Bugakova. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie. 232 p. (In Russ.).

*Sravnitel'no-istoricheskaia grammatika tiurkskikh iazykov. Leksika [A comparative historical grammar of Turkic languages: Vocabulary]* (2001) / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka Publ. 800 p. (In Russ.).

*Stroptivyi Kulun Kullustuur: iakutskoe olonkho [Kulun Kullustuur the Obstinate: a Yakut olonkho]* (1985) / text by I. G. Timofeeva-Teploukhova; ed. by A. A. Petrosian. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka». 608 p. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2009) Prostranstvo i vremia v traditsionnoi kul'ture tuvintsev [Space and time in traditional Tuvan culture]. *New Research of Tuva*, no. 1–2, pp. 250–267. (In Russ.).

Tolstaia, S. M. (2010) *Semanticheskie kategorii iazyka kul'tury: Ocherki po slavianskoi etnolingvistike [Semantic categories of the language of culture: Essays on Slavic ethnolinguistics]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 368 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010) *Mirovoe derevo: universal'nye znakovye komplekсы [The World Tree: universal sign complexes]*: in 2 vols. In: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi [Manuscript monuments of Old Rus]. Vol. II. Moscow, 496 p. (In Russ.).

*Tuvinsko-russkii slovar' [A Tuvan-Russian Dictionary]* (1968): c. 22000 words / ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 465 p. (In Russ. and Tuv.).

*Tuvinskie geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic tales]* (1990) In: Pamiatniki ustnogo narodnogo tvorchestva [Monuments of folklore]. Vol. 1. / comp. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 272 p. (In Russ.).

*Tuvinskie geroicheskie skazaniia [Tuvan heroic tales]* (1997) / comp. by S. M. Orus-ool. Novosibirsk, Nauka. 584 p. (In Russ.).

Khertek, A. B. (2015) Kategorii prostranstva v tuvinskiikh fol'klornykh tekstakh [Category of space in Tuvan folklore texts]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 3 (1), pp. 326–329. (In Russ.).

Khertek, L. K. (2018) Kontsept «prostranstvo» v epicheskoi kartine mira [The concept of “space” in the epic world view]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 6 (84), part 2, pp. 402–407. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-2.46>

Eco, U. (2006) *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu [The absent structure. An introduction to semiology]* / transl. from Italy by V. G. Reznik and A. G. Pogoniailo. St. Petersburg, Simpozium. 544 p. (In Russ.).

Eliade, M. (2010) *Aspekty mifa [Aspects of the myth]* / transl. from Fr. by V. P. Bol'shakov. Moscow, Akademicheskii proekt. 256 p. (In Russ.).

Submission date: 25.05.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.15

Статья

## «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства

**Юрий В. Попков***Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук;  
Новосибирский государственный технический университет, Российская Федерация,***Евгений А. Тюгашев***Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Российская Федерация*

*В статье осуществлен анализ тувинской культуры на основе использования центр-периферийной теоретической модели, а также субъектно-ориентированного подхода в анализе диалога культур. Объектом исследования является тувинская культура в многоаспектном измерении, предметом — особенности ее представления в горизонте центр-периферийной интерпретации.*

*Своеобразие тувинской культуры во многом определяется особым внутриматериальным местоположением Тувы. На протяжении длительного времени являясь периферией разных держав (империй), она одновременно выступает центром Азии, располагаясь на территории труднодоступной и географически изолированной естественными преградами. Культурная опосредованность действия географического фактора определяет формирование инверсивных эффектов центрации тувинской культуры, а также динамичность соотношения в ней статусов центра и периферии в процессе исторического развития.*

*Делается вывод об амбивалентности тувинской культуры в горизонте центр-периферийной теоретической рефлексии. Для ее характеристики авторы предлагают использовать метафору культурного палимпсеста как своеобразного наложения элементов разнообразных культурных комплексов.*

**Ключевые слова:** Тува; тувинская культура; центр; периферия; Центр Азии; архизация; социокультурный подход

**Для цитирования:**

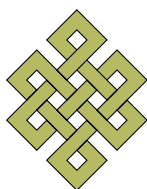
Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 225-236. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>



**Попков Юрий Владимирович** — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: [yuripopkov54@mail.ru](mailto:yuripopkov54@mail.ru)

**Тюгашев Евгений Александрович** — доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 1. Тел.: +7 (383) 363-42-54. Эл. адрес: [filosof10@yandex.ru](mailto:filosof10@yandex.ru)





Article

## “The lost world”: Tuvan culture in the center-periphery model of the geocultural and sociocultural space

**Yuri V. Popkov**

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences;  
Novosibirsk State Technical University, Russian Federation,*

**Evgeny A. Tyugashev**

*Novosibirsk National Research State University, Russian Federation*

*The article looks at the Tuvan culture on the basis of the centre/periphery model in theoretical thought, also making use of the subject-oriented approach in analyzing the dialogue of culture. Focusing on Tuvan culture as a multi-aspect entity, the article studies its representations within the centre/periphery view.*

*The uniqueness of Tuvan culture is largely due to a special geographical location it occupies on the Asian continent. For a relatively long period, it was at the same time a periphery for many powerful states and empires, and lay at the very heart of Asia. Tuva was hard to reach and geographically isolated by natural barriers. The cultural mediation of this geographical factor gives way to an inversive effect of building the “centre” of Tuvan culture, as well as the dynamic balance between the “centre” and “periphery” statuses in the course of history.*

*The article concludes that in the space of theoretical model of the “centre” vs. “periphery” Tuvan culture acts ambivalently. It can be best described through the metaphor of the cultural palimpsest as a kind of a buildup of elements originating from a variety of cultural complexes.*

**Keywords:** Tuva; Tuvan culture; centre; periphery; Centre of Asia; archaization; sociocultural approach



### For citation:

Popkov Yu. V. and Tyugashev E. A. «Zateriannyi mir»: tuvinskaia kul'tura v tsentr-periferiinoi interpretatsii geokul'turnogo i sotsiokul'turnogo prostranstva [“The lost world”: Tuvan culture in the center-periphery model of the geocultural and sociocultural space]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 225-236. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

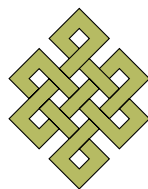


**POPKOV, Yuri Vladimirovich**, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Research Fellow, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of international relations and regional studies, Novosibirsk State Technical University. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: [yuripopkov54@mail.ru](mailto:yuripopkov54@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0002-1036-9253

**TYUGASHEV, Evgeny Alexandrovich**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Law, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University. Postal address: 1 Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 269-42-54. E-mail: [filosof10@yandex.ru](mailto:filosof10@yandex.ru)

ORCID ID: 0000-0001-6217-0601



## Введение

Известно, что изучение культуры является не менее многоаспектным, чем многообразие существующих определений самого феномена культуры. В современных условиях, характеризующихся интенсификацией межкультурных контактов, проблематика диалога культур выдвинулась в число наиболее значимых направлений социокультурных исследований. Текущая пандемия COVID-19 значительно снизила масштаб реальных контактов, но вовсе не отменила их, а придала им новое измерение и новые формы. Поэтому проблема диалога культур не потеряла своей актуальности.

Данная тема является весьма значимой применительно к исследованиям Тувы и тувинской культуры. Мы уже ставили проблему исследования диалога культур в горизонте компаративистского анализа, обосновав, в частности, эвристические возможности субъектно-ориентированного подхода в интерпретации феномена диалога культур (Попков, Тюгашев, 2020). Эти возможности, характеризующие, в частности, активное начало культур в процессе диалога, предполагается использовать и в данной работе.

В статье основной акцент сделан на диалоге между центром и периферией, центральными и периферийными культурами как одним из значимых контуров диалога культур<sup>1</sup>. Этот диалог исходно асимметричен, и его стороны обладают переменной активностью. В силу действия закона исторической динамики соотношения центра и периферии общество, которое в некоторых отношениях рассматривалось как периферия, может оказаться центром в других отношениях (Multidimensional Social Science ... , 2009: 163). Поэтому можно говорить об инверсионном характере статусов и взаимоотношений центра и периферии.

Важно также обратить внимание на то, что данная проблема тесно связана с феноменом удаленности и его интерпретациями. В специальной статье, посвященной модификациям значимости удаленности в современной России, К. Хамфри убедительно показывает изменение как исторической значимости определенных мест, так и представлений об их символических значениях (Хамфри, 2014). Она, в частности, справедливо подчеркивает: «Значение удаленности существенно изменилось как для людей, воспринимающих удаленные места издали, так и для самих жителей данных мест» (там же: 8).

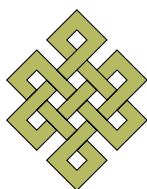
С учетом данной перспективы в статье ставится цель проведения анализа участия тувинской культуры в диалоге культур разных народов, прежде всего, вступающих в непосредственное взаимодействие, при условии ее одновременно центрального (в рамках материка) и периферийного (в рамках государства) территориально-пространственного позиционирования. Основные задачи исследования: а) оценка удаленности и «обособленности» Тувы (как территории, в пространстве которой происходит формирование тувинской культуры и где расселяется основной массив ее носителей в настоящее время) как значимого фактора формирования своеобразия тувинской культуры; б) аргументация «центрального» статуса тувинской культуры в локальном межкультурном диалоге в разные исторические периоды; в) выявление инверсивных эффектов центрации тувинской культуры; г) обозначение цикличности и позитивных составляющих архаизации тувинской культуры в современных условиях.

Решение поставленных задач будет осуществляться на основе использования междисциплинарного подхода к исследованию геокультурного и социокультурного пространства, отмеченного выше субъектно-ориентированного подхода в анализе диалога культур, а также центр-периферийной теоретической модели, предполагающей учет особенностей и характера взаимодействия центральных и периферийных регионов в динамике развития. Основы данной модели в свое время разработаны Дж. Фридманом на примере Венесуэлы (Friedmann, 1966).

## Многоаспектность интерпретации тувинской культуры

Достаточно распространенной является точка зрения, что Тува, будучи территорией расселения основной массы носителей тувинской культуры, находится в географическом центре Азии. В то же время на протяжении практически всей своей истории была периферией разных могущественных держав. Не случайно Тува в разных своих проявлениях рассматривается как лимитрофная зона

<sup>1</sup> Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? : сб. науч. ст. по итогам Всерос. научно-практич. семинара (Владивосток, 18–19 апреля 2019 г.) / отв. ред.: И. Г. Кузина, А. В. Винокурова. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2019. 228 с.



(Ламажаа, 2021b). Тем самым представление о Туве является неоднозначным, поскольку ее статус воспринимается двойственно. Акцент на ее центральном или периферийном положении дифференцирован в зависимости от избранного дисциплинарного подхода — географического, исторического, геополитического, социокультурного.

В рамках каждого из подходов открываются конкретные перспективы, обуславливающие разные образы тувинской культуры. В географической перспективе, на наш взгляд, можно говорить о тувинской культуре как геокультуре, то есть культуре, которая формируется в рамках конкретного месторазвития — Тувинской котловины и смежных с ней горно-таежных районов. В историко-этнографической перспективе тувинская культура обычно понимается как этнокультура тюркских племен, осевших в Засаянье в VI–VIII вв. н. э. (Маннай-оол, 2004). В результате возникает междисциплинарный конфликт в отношении приоритета «почвы» или «крови» при идентификации тувинской культуры. В этой связи закономерен вопрос о том, что называть тувинской культурой: культуру (культуры) населения (представляющего разные народы) Тувы или культуру тувинцев? В исследовательской практике важно всякий раз четко фиксировать избранный ракурс рассмотрения проблемы. Заметим, что чаще всего данная проблема решается таким образом, что когда авторы пишут «тувинская культура», то подразумевают тувинскую этническую культуру, а если пишут «культура Тувы», то имеют в виду культуру всего населения данного региона. Далее мы будем придерживаться этой позиции. В центре внимания у нас тувинская культура (культура тувинского этноса), для которого Тува выступает «регион-пространством» (Ламажаа, 2021a: 125).

Применительно, собственно, к культуре тувинцев вопрос о значении «почвы» и «крови» в динамике ее развития может иметь разные аспекты рассмотрения и разные интерпретации. Признавая неоднозначность влияния отмеченного процесса на внутренние родовые (родственные) связи тувинцев, отметим существование других интерпретаций соотношения «почвы» и «крови». С учетом решаемых в нашем исследовании задач вполне убедительный, на наш взгляд, вариант разрешения зафиксированного выше междисциплинарного конфликта предложил В. Шубарт, полагавший, что «силы почвы фундаментальнее и прочнее сил крови» (Шубарт, 2000: 16). Он апеллировал к сложившейся практике предоставления национального гражданства и заключал, что народы в целом формируются духом ландшафта. Такой вывод можно признать правомерным и для тувинской культуры, в отношении которой имеет смысл говорить о ландшафтно детерминированной тувинской «модели» культуры (Савинов, 2002: 7). При этом надо иметь в виду наличие в развитии тувинцев сложных переплетений «почвы» и «крови» в разное время. Так, применительно к советскому периоду Ч. К. Ламажаа пишет:

«Расселение тувинцев в стационарных жилищах, формирование совхозов, образование, работа в определенных отраслях экономики в соответствии с новыми профессиями — всё это привело к тому, что прежние родовые группы распались. Их члены разъехались и пространство социальной культуры локальных групп в виде конкретной местности (место-пространство) потеряло свою прежнюю значимость. Там остались жить лишь отдельные семьи животноводов. Родственные группы, помня об общем месте исхода, месте-пространстве, которое их единило, все же сохранили и, возможно, даже укрепили связи. Пространство социальной культуры “растянулось” в географическом смысле, став регион-пространством» (Ламажаа, 2021a: 125).

Известно, что тувинская культура, как и многие другие этнические культуры, внутренне неоднородная. Это обусловлено наличием в регионе традиционного расселения тувинцев различающихся ландшафтов — степной, таежной, тундровой природно-климатических зон, что определяет формирование различающихся хозяйственных специализаций и соответствующих субкультурных образований. В то же время кочевой образ жизни тувинцев способствовал смешению и интеграции относительно изолированных, даже «осколочных» этнических локальных групп и их субкультур. Наряду с этим именно сменяемость зачастую конфликтующих внешних влияний позволяла местному населению сохранить самобытность, собственную геокультуру. Но при этом очевидно, что в процессе разнообразных этнокультурных взаимодействий тувинцы в разные времена осваивали элементы и ценности других, в том числе доминантных, культур, с носителями которых они контактировали. Для характеристики сложного переплетения разнообразных элементов в тувинской культуре мы предлагаем использовать метафору культурного палимпсеста<sup>1</sup>, понимаемого как многослойность, как напластование элементов разных культурных влияний.

<sup>1</sup> Палимпсест (от греческого *palin* ‘опять’ и *pistos* ‘соскобленный’) — древняя рукопись на пергаменте, написанная по счищенному, еще более древнему письму.



Внешне детерминированный культурный прогресс далеко не всегда был устойчивым. Зачастую тувинские племена возвращались практически в архаическое состояние. И сегодня отдельные элементы тувинской культуры в их архаической определенности воспринимаются как первозданные. Благодаря этому своему облику они вызывают интерес со стороны глобального сообщества, часто оказываясь в центре его внимания. В этой связи достаточно сказать о феномене уникальной народной тувинской музыки (прежде всего, горлового пения), которая пользуется высоким спросом в разных уголках мира в силу свойственной традиционной культуре исконной способности удовлетворять родовые потребности людей (в коллективизме, гармонии с природой, долгосрочной жизненной перспективе) (Ламажаа, Сузукей, 2019; Долженкова, 2019).

### **Феномен удаленности и «обособленности» Тувы и его интерпретации**

Нетрудно показать, что Тува воспринимается и местными жителями, и приезжими, внешними наблюдателями в качестве особой территории.

Тува характеризуется как находящаяся в центре Азии страна, труднодоступная как в силу удаленности, так и географической изолированности естественными рубежами. Например, описав окружающие ее хребты, Д. Каррутерс заключает:

«Перечисленные горы представляют из себя как бы крепостную ограду, которая предохранила бассейн от иноземного нашествия, сохранила скрытые долины в ненарушимой целостности и обеспечила безопасное убежище для племен, оценивших по достоинству её защитные свойства и хорошо использовавших её естественные твердыни» (Каррутерс, 1914: 108).

Аналогичные описания и оценки в свое время давал известный географ В. А. Обручев. При этом он фиксировал существенные отличия Урянхайского края (прежнего названия Тувы) от Джунгарии, заключая:

«В отношении своего географического положения Урянхайский край резко отличается от Джунгарии; последняя, открытая и на запад, и на восток, являлась проходным двором для народов Азии, из которого волны пришельцев легко могли вытеснить прежнее население» (Обручев, 2007: 164).

В заповедный мир, «спрятанный» и «затерянный» внутри Саян, ведут немногие трудные и опасные дороги. Поэтому эта далекая страна притягательная, неведомая, загадочная и таинственная.

«Признаюсь, в ее малодоступности и есть самое главное притяжение. Для большинства европейцев и американцев она загадочна и далека, — писал Р. Лейтон. — Признаюсь, и для меня в семидесятые-восьмидесятые годы самым сильным мотивом в стремлении попасть в Туву была ее закрытость, недоступность информации о ней»<sup>1</sup>.

Но край манит и своими богатствами. Так, в описании С. Р. Минцлова занимающий центр Азии и прежде неведомый европейцам урянхайский край, «ухороненный от всего мира снежными цепями гор», в начале XX века стал привлекать взоры правительств всего мира изобилием полезных ископаемых и биоресурсов при малочисленном населении<sup>2</sup>.

Горное окружение территории республики даже при наличии автомобильных дорог и в XXI веке производит порой мистическое впечатление. Так, Н. Рузановой Тува напоминает, по ее словам, «волшебную страну из сказки про Элли и ее друзей: от остального мира ее отделяли непроходимые горы, которые герои преодолевали разными способами»<sup>3</sup>.

Ландшафтная изолированность Тувы усугублялась приграничным статусом и жесткими административными ограничениями в маньчжурском Китае и Советском Союзе на посещение ее территории. Известны случаи, например, с всемирно известным Р. Фейнманом, когда любознательному иностранцу не хватало целой жизни для того, чтобы попасть в Туву (Leighton, 1991; Адырбай, 2012).

<sup>1</sup> Оюн Д. Ральф Лейтон: «Танну-Тува? Это слишком красиво, чтобы быть правдой!» // Центр Азии. 2005, 18 июля. URL: <http://www.centerasia.ru/issue/2005/7/5216-leighton.html> (дата обращения: 25.12.2021).

<sup>2</sup> Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Пг. : Рассвет, 1915. С. 2.

<sup>3</sup> Рузанова Н. Неизвестная Тува. Здесь живут по принципу: «Нас мало, и мы все — родственники» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2019, 17 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/17/reg-sibfo/v-tuve-zhivut-po-principu-nas-malo-i-my-vse-rodstvenniki.html> (дата обращения: 25.12.2021).





По наблюдениям иностранного исследователя начала XX века, урянхайцы «не часто беспокоят вне их района расположенный мир» (Каррутерс, 1914: 213), а «пределом всех желаний урянхайцев служит желание, чтобы их не трогали, не нарушали их уединение» (там же: 227). Такое мировосприятие в определенной степени сохраняется и сейчас: внешняя мобильность коренного населения остается достаточно низкой<sup>1</sup>.

Важно обратить внимание на то, что, как отмечает Ю. М. Лотман, действие географического фактора многопланово, поскольку культурно опосредованно:

«Такие особенности, как материковое расположение (в центре, на побережье) данной культурной ойкумены, место на военно-политической карте эпохи или же в религиозном пространстве греха и святости, задают как бы “географическую судьбу” культуры, некие константные мифы и столь же постоянную борьбу в ней между “мифологической” географией и географией “реальной”» (Лотман, 2002: 744).

С учетом данного наблюдения Ю. М. Лотмана, значимым представляется влияние географического пространства на пространство социокультурное. С этой точки зрения интересно рассмотреть и тувинскую культуру.

Принципиально важно, что не только субъективно, в геокультурном брендинге и саморепрезентации, но и объективно-географически Тува является центром Азии. Известно, что в традиционных культурах разных народов понятие центра наполнено особым ценностным смыслом, особым символизмом. Так, его признаки выделил и квалифицированно описал М. Элиаде (Eliade, 1959: 12–17). Это местообитание богов, труднодоступная закрытая область, хранящая вечные ценности. Здесь *архе* — первоначало творения, которое продолжается и поддерживается в ритуале. Совершающийся в центре ритуал гармонизирует миропорядок, преобразует хаос в космос. Вместе с тем центр амбивалентен, поскольку в нем соединяются верхний и нижний миры, противоборствующие друг с другом.

Это архаический, первоначальный мир, сохраняющий чистоту и порядок. В пределе центр в мифологическом представлении — это фиксированная, недвижимая точка, вокруг которого вращается мир, порой хаотический и враждебный (Guenon, 1983: 9).

В то же время можно сказать, что неподвижность символического центра относительна. Движение в нем происходит неспешно, замедленно и размеренно, циклически воспроизводя через определенные фазы одно и то же состояние. В ритуальном повторении сохраняются исконные порядки и обычаи. События происходят на периферии, а в центре все статично. В этом архаическом мире, расположенном вдали от мирской суеты, время ориентировано на вечность и течет по своим законам. Периферия не только отделяет ограниченную сакральную территорию от чужого и бескрайнего мира, но и соединяет с ней, обеспечивает взаимосвязь и взаимопереход космоса и хаоса. Поэтому периферия также амбивалентна. Она далека от упорядочивающего центра, пронизана импульсами хаоса, доходящими до враждебных. Эпизодические возмущения и бунты периферии могут достигать символического центра, модифицируя его. Так под крайними воздействиями формируется многослойность центра, для характеристики которой применимо ранее упомянутое понятие культурного палимпсеста.

Обособленность Тувы внешними наблюдателями иногда оценивается отрицательно, прежде всего, с точки зрения перспектив ее горнопромышленного освоения (Матков, Кротов, 2015). Но для самих тувинцев выгоды такого экономического развития сомнительны. Например, в отношении золотодобычи еще применительно к началу XX века отмечалось, что она «в действительности совершенно не обогащает урянхайцев» (Каррутерс, 1914: 234). В современных условиях возможный долговременный ущерб экологии и традиционному хозяйству региона от горнопромышленных предприятий рассматривается местным населением как весьма значительный. Н. Рузанова констатирует, что тувинцы опасаются экономического развития, которое может привести к утрате самобытности и ущерб природе: «Может быть, и наша Тува не случайно прячется от нашествия чужаков за Саянами?»<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Хотя следует отметить, что в последние годы в миграционной динамике произошли определенные изменения (см.: Бадмаева, Натсак, 2021).

<sup>2</sup> Рузанова Н. Неизвестная Тува. Здесь живут по принципу: «Нас мало, и мы все — родственники» [Электронный ресурс] // Российская газета. 2019, 17 марта. URL: <https://rg.ru/2019/03/17/reg-sibfo/v-tuve-zhivut-po-principu-nas-malo-i-my-vse-rodstvenniki.html> (дата обращения: 25.12.2021).



### ***Инверсивные эффекты центрации тувинской культуры***

По свидетельствам путешественников, Засаянье (то, что находится во внешнем для Тувы мире, прежде всего с западной стороны) (Ламажаа, 2012) воспринималось поселившимися в Туве старообрядцами как особый, чужой и опасный мир, от которого защищают горы и тайга<sup>1</sup>. Подобное восприятие в известной мере сохраняется вплоть до настоящего времени. Наиболее ярко это проявляется в неоднозначном отношении к проекту строительства железной дороги «Кызыл — Курагино», что, в частности, обуславливает периодически оценку Москвы как источника «зла».

В мировосприятии тувинцев преобладает центристская модель, согласно которой мир положительных ценностей окружен миром агрессивного зла и тяготеет к изоляционизму и замкнутости (Лотман, 2002: 745). Это преобладание отмечается многими современными исследователями. Высказывается мнение, что большая часть внутренних этнокультурных (точнее, субэтнокультурных) ландшафтов Тувы характеризуется традиционным культурным сопротивлением и низкой восприимчивостью местных сообществ к культурной диффузии (Dirin, Fryer, 2020: 35). На взгляд Е. К. Карелиной, «для этнической культуры постсоветского этапа истории Тувы характерна замкнутость в ценностном отношении на себе самой» (Karelina, 2018: 226).

Разумеется, такая центрация никогда не была абсолютной из-за статуса Тувы как исторической окраины соседствующих держав. В частности, проявлениями модели культурного «эксцентризма» (Лотман, 2002: 745) были монголофильство и русофильство как отражение симпатии тувинцев соответственно к монголам и русским (см., например: Отрощенко, 2020).

Ю. М. Лотман указывал на возможность культурной инверсии и формирования антимодели, то есть восприятие центра как мира отрицательных ценностей — как враждебного «центра греховности, культурного разложения или опасного, агрессивного центра», подлежащего «взятию» и «гармонизации» (там же: 745). На эту же возможность обращал внимание В. Н. Топоров, предлагавший учитывать динамичность пространственного соотношения центра и периферии, вследствие которой в определенные моменты времени «поединок с хаотическим началом ведется уже не на периферии пространства, а в самом сакральном центре, который при этих условиях становится и центром хаотических, враждебных человеку сил» (Топоров, 2010: 31). Данная перспектива для тувинской культуры не исключена как в силу амбивалентности символического центра, так и по причине высоких показателей бедности, заболеваемости, преступности.

Может возникнуть вопрос о том, насколько правомерно представлять Туву и тувинцев в качестве некоторого социокультурного центра с точки зрения критерия творчества. Центр обычно креативен и экспансивен, генерирует и распространяет инновации, упорядочивает и модернизирует периферию. А Тува с ее населением воспринимается иногда как вечная историческая окраина, неспособная к творчеству: по оценке В. Родевича, урянхайцы «лишь заимствуют от соседей, а не вырабатывают самостоятельно культурные формы» (Родевич, 1912: 136).

По-видимому, все же и в рассматриваемом контексте следует учесть указанную В. Н. Топоровым динамичность соотношения центра и периферии. В 1927 г. Н. И. Леонов отметил, правда, в отношении всего населения региона, как очевидный факт, что когда-то, в древности, «страна голубой реки» (так он называет Туву) с ее оросительными сооружениями была «одним из очагов центрально-азиатской цивилизации, но потом пришла в упадок»<sup>2</sup>. С выделением памятников уюкской культуры — захоронений скифских царей в долине реки Уюк, датируемых IX веком до нашей эры (Маннай-оол, 1970), стало возможным говорить о Туве как наиболее раннем и развитом очаге скифо-евразийского мира, простиравшегося от Балтии и Причерноморья на западе, до Месопотамии и Индостана на юге, на севере — до Прибайкалья, а на востоке — до современной Внутренней Монголии.

С точки зрения Н. И. Леонова, если в далеком прошлом Тува была бесспорным центром, то в парадигме цикличности этот ее статус может периодически возобновляться и утверждаться. Так, он в своей книге, которая, напомним, издана в 1927 г., говорит о начале нового периода: «...и только в наши дни начинается какая-то новая пора содружества цивилизации и кочевого быта на берегах Улу-

<sup>1</sup> Крылов П. Путевые заметки по Урянхайской земле. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1903. С. 14; Минцлова К. Д. Далекий край. Путешествие по Урянхайской земле. Пг.: Рассвет, 1915. С. 33.

<sup>2</sup> Леонов Н. Танну-Тува. Страна голубой реки. М.: Изд-во Об-ва политкаторжан, 1927. С. 36.



Хема»<sup>1</sup>. Если исследователи конца XIX – начала XX века единодушно писали об угасании и вырождении урянхайцев, то в период становления и развития национальной государственности тувинское население увеличилось более чем в 6 раз, превысив по темпам прироста бурят, монголов и многих других народов Азии. А центр как раз и есть место плодоносящее, рождающее. Таким образом, Тува с доминированием в ней тувинского населения может рассматриваться как своеобразный, циклически повторяющийся социокультурный центр, роль которого она играла в разные исторические времена.

### **Цикличность и современность архаизации**

Рядом исследователей отмечался циклизм в развитии тувинской культуры. Для историков внешне он выглядит как чередование периодов самостоятельного существования и пребывания в составе соседних держав. Б. А. Мышлявцев описывает ситуационно-циклическое применение тувинцами традиционной и девиантной моделей поведения<sup>2</sup>. Первая модель основана на взаимном уважении, вторая проявляется в асоциальности и повышенной конфликтности, усиливающихся при ослаблении внешнего давления. Данную цикличность предлагалось интерпретировать как периодическое преобладание базового, по классификации П. А. Сорокина, псевдоидеационального менталитета и идеалистического менталитета, функционирующего при стабильной вертикали власти (Тюгашев, Попков, 2017: 14).

Представляется возможным циклическое представление истории тувинской культуры как чередования периодов традиционного общества и полной архаизации, наступающей после распада империй (Ламажаа, 2013: 108). По мнению В. Родевича, в XVIII столетии урянхи оставались практически в первобытном состоянии (Родевич, 1912: 148). По впечатлениям Д. Каррутерса, Тува — это безмятежный уголок на Земле, нетронутый цивилизацией и сохранивший всю прелесть первобытной простоты (Каррутерс, 1914: 132).

Определенная архаичность институтов тувинского общества нашла, на наш взгляд, проявление в его пятичленной организации — в первоначальном делении на пять главнейших племен (там же: 213). В XX столетии эта организация несколько упростилась, но обособленность родоплеменных групп сохранилась. Во внутривополитических процессах Тувы имеет место постоянное колебание и смещение ее «политического центра»: Хайдып, Буян-Бадыргы и Ш. Д. Ооржак (как ее высшие руководители) представляли Даа хошун или хемчиков (западных тувинцев), С. К. Тока происходил из тоджинцев (восточных), его преемник Г. Ч. Ширшин был эрзинцем (южных), Ш. В. Кара-оол — из Улуг-Хемского района (центральных), нынешний Глава Республики Тыва В. Т. Ховалыг — из Бай-Тайги (западных). Кругооборот власти между родоплеменными группами, представляющими территории, дифференцированные по разным сторонам света — юг, север, запад, восток, является закономерностью архаического общества. Данный кругооборот федеральному центру, возможно, следует поддерживать в Туве, стимулируя ротацию очередной правящей группы.

Идея циклической архаизации может быть привлекательной с учетом реалий, существующих в современности в виде неоархаики, то есть архаики, обновленной в контексте актуальной действительности. Отдельные исходные элементы культуры, сформированные в виде констант (или универсалий) на стадии этногенеза под влиянием конкретных ландшафтных условий, могут сохранять свою устойчивость, а также прагматическую и символическую значимость на протяжении длительного времени, поскольку доказали свою «разумность» и оправданность на практике. Соответственно, воспроизводство отдельных элементов архаизации регионального сообщества в Туве можно в определенных отношениях оценивать позитивно — как возвращение к основной, доказавшей свою эффективность в историческом времени, программе существования. Разумеется, эта программа может реализовываться в современных условиях, только если она реально служит удовлетворению насущных потребностей населения республики.

В то же время надо иметь в виду и другой значимый аспект рассматриваемой проблемы. Нельзя забывать, что Тува является, хоть и удаленной от столицы, но неотъемлемой частью современного российского общества. Поэтому «то, как общество воспринимает удаленность и обращается с ней,

<sup>1</sup> Леонов Н. Танну-Тува. Страна голубой реки. М.: Изд-во Об-ва политкаторжан, 1927. С. 36.

<sup>2</sup> Мышлявцев Б. А. Нормативная культура тувинцев (конец XX — начало XXI в.) [Электронный ресурс] // Samlib.ru. 2009. URL: [http://samlib.ru/tn/myshljawcew\\_boris\\_aleksandrowich/tuva-l.shtml](http://samlib.ru/tn/myshljawcew_boris_aleksandrowich/tuva-l.shtml) (дата обращения: 05.04.2021).



важно и для самого этого общества, а не только для людей, затерянных в удаленности» (Хамфри, 2014: 21). Осознание данного факта является важным условием выстраивания оптимальных, взаимовыгодных отношений в центр-периферийной перспективе.

### Заключение

В рамках отстаиваемого нами субъектно-ориентированного подхода в интерпретации феномена диалога культур (Попков, Тюгашев, 2020), который мы использовали в настоящем исследовании, тувинская культура рассматривается как имеющая активное, творческое начало. Именно благодаря этому Тува, длительное время находившаяся на периферии разных имперских систем и испытывавшая на себе серьезные внешние политические, социально-экономические и социокультурные влияния, вплоть до настоящего времени сохранила свое своеобразие, свою субъектность. Рассмотренные нами разные проявления центрации тувинской культуры являются отражением особенностей ее месторазвития и подтверждают идею социокультурной опосредованности географического фактора, что находит отражение во взаимосвязи и взаимопереходах, в амбивалентности статусов центра и периферии в исторической динамике.

Феномен географического центра порождает в общественном сознании разнообразные проявления своего рода сакральности, что отражается в устойчивости архетипических оснований развития тувинской культуры. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что несмотря на зафиксированный эффект палимпсеста как своеобразного напластования элементов разных культурных влияний, тувинская культура продолжает сохранять свое духовно-ценностное ядро. Даже те его элементы, которые были в свое время, казалось бы, навсегда утрачены в результате мощных внешних воздействий, в настоящий момент начинают себя активно проявлять. В этой связи достаточно привести яркий пример возрождения *дагылга* — обрядов освящения группами родственников тувинцев значимых природных объектов (Дагылга ... , 2021). Он стал возможным благодаря активности представителей разных тувинских родов.

Описанный в отмеченной книге обряд дагылга свидетельствует о цикличности традиционной культуры, реализующейся, с одной стороны, в сохранении ее значимых элементов, с другой стороны, в их актуальном обновлении. В этой связи важно отметить, что современное тувинское общество оправдывает свой статус принадлежности географическому (а возможно и сакральному) Центру Азии, подтверждая это наличием в нем активного творческого начала — характерного свойства любого центра. Здесь существует множество социальных инициатив, начиная от принятия многочисленных кодексов корпоративной этики и должностного поведения работников разных профессиональных групп, кодексов чести мужчин, молодой семьи, свода заповедей матерей и т. п., заканчивая, можно сказать, конкурсным движением во многих областях общественной жизни.

Аналогичные инициативы свойственны и представителям органов власти. Так, 8 января 2022 г. Глава-Председатель Правительства Республики Тыва В. Т. Ховалыг провел онлайн-встречу с общественностью, главным образом, с жителями, выехавшими в настоящий момент из Тувы по разным причинам (на ней присутствовало более 100 человек, а также несколько региональных министров; один из авторов статьи был также участником этой встречи). Главный смысл разговора — о благополучном будущем Тувы, для обеспечения которого ставится задача по возможности вернуть в республику покинувших ее сограждан, создав для этого необходимые условия. Хотелось бы надеяться, что данное мероприятие — не разовая акция, а начало рассчитанной на перспективу осмысленной программы, направленной на достойное обустройство уникального тувинского мира.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгбай, Ч. О. (2012) Диалог тувинской и западной культур (на примере жизни ученого Ондара Дарыма) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 86–94.

Бадмаева, Н. В., Натсак, О. Д. (2021) Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. № 4. С. 186–205. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке (2021) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл. 188 с.





- Долженкова, О. В. (2019) Этническая культура на глобальной орбите: феномен пространственного развития тувинской народной музыки // Новые исследования Тувы. № 3. С. 52–65. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.5>
- Каррутерс, Д. (1914) Неведомая Монголия. Т. I: Урянхайский край. Петроград: Издание Переселенческого Управления Гл. Управ. Землеустройства и Земледелия. 342 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2012) Концепты «За Саянами» и «тувинское время» в общественном дискурсе Тувы // Пограничье культур — культуры пограничья / научный редактор Зоя Морохоева / *Debaty Artes Liberales*. Т. VI. Warszawa : Uniwersytet Warszawski. 321 с. С. 279–293.
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 272 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021a) Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. № 2. С. 115–129. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>
- Ламажаа, Ч. К. (2021b) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Ламажаа, Ч. К., Сузукей, В. Ю. (2019) Тувинское горловое пение как нематериальное культурное наследие и как культурный бренд Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 72–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>
- Лотман, Ю. М. (2002) История и типология русской культуры. СПб. : Искусство–СПБ. 768 с.
- Маннай-оол, М. Х. (1970) Тува в скифское время (Уюкская культура). М. : Наука. 117 с.
- Маннай-оол, М. Х. (2004) Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск : Наука. 164 с.
- Матков, Д. О., Кротов, А. В. (2015) Этническая и культурная обособленность Тывы. Проблемы и пути их решения // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. № 3–2. С. 42–46.
- Обручев, В. А. (2007) Естественные богатства Танну-Тувинской республики и степень изученности последней // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Тове, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы : в 7 т. / составитель С. К. Шойгу. М. : Слово/ Slovo. Т. 6. Танну-Тувинская Народная Республика (1921–1944). 584 с. С. 164–179.
- Отрошенко, И. В. (2020) «Монголофильство» политической элиты Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. No 3. С. 35–48. DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3)
- Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020) Тува в диалоге культур: компаративистский контекст // Новые исследования Тувы. № 4. С. 217–229. DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.15](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.15)
- Родевич, В. (1912) Урянхайский край и его обитатели // Известия Русского географического общества. Т. 48. С. 129–188.
- Савинов, Д. Г. (2002) Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб. : СПбГУ. 204 с.
- Топоров, В. Н. (2010) Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы : в 2 т. М. : Рукописные памятники Древней Руси. Т. I. 448 с.
- Тюгашев, Е. А., Попков, Ю. В. (2017) Менталитет тувинцев в горизонте социокультурной феноменологии Питирима Сорокина // Новые исследования Тувы. № 3. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.1>
- Хамфри К. (2014) Изменение значимости удаленности в современной России // Этнографическое обозрение. № 3. С. 8–24.
- Шубарт, В. (2000) Европа и душа Востока. М. : Альманах «Русская идея». 448 с.
- Dirin, D. A., Fryer, P. (2020) The Sayan Borderlands: Tuva's Ethnocultural Landscapes In Changing Natural And Sociocultural Environments // *Geography, Environment, Sustainability*. Vol. 13. № 1. P. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-76>
- Eliade, M. (1959) *Cosmos and History*. New York : Harper. 176 p.
- Guenon, R. (1983) *Lord of the World*. Moorcote : Coombe Springs Press Ltd. 70 p.
- Karelina, E. K. (2018) The Problematic Aspects of Cultural Policy in Modern Tuva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. № 11. P. 218–226.
- Multidimensional Social Science. An inclusive approach to social position and inequality (2009) / C. G. van der Veer (ed.) et al. Amsterdam : Rozenberg. 166 p.
- Friedmann, J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press. 279 p.
- Leighton, R. (1991) *Tuva or Bust or Richard Feynman's Last Journey*. New York : W. W. Norton. 254 p.

*Дата поступления: 03.12.2021 г.*



## REFERENCES

Adygbai, Ch. O. (2012) Dialog tuvinskoi i zapadnoi kul'tur (na primere zhizni uchenogo Ondara Daryma) [Dialogue of Tuvan and Western cultures as exemplified by the scientist Ondar Daryma's life]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 86–94. (In Russ.).

Badmaeva, N. V. and Natsak, O. D. (2021) Sovremennaiia trudovaia migratsiia iz Kalmykii i Tuvy: ekonomicheskie, sotsiokul'turnye i gendernye aspekty [Contemporary labor migration from Kalmykia and Tuva: economic, socio-cultural and gender aspects]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 186–205 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.14>

*Dagylga: tuvinskie obriady osviascheniia v XXI veke [Dagylga: Tuvan rites of consecration in the 21st century]* (2021) / ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 188 p. (In Russ.).

Dolzhenkova, O. V. (2019) Etnicheskaia kul'tura na global'noi orbite: fenomen prostranstvennogo razvitiia tuvinskoi narodnoi muzyki [Ethnic culture in the global orbit: the phenomenon of spatial development of Tuvan folk music]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 52–65. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.5>

Carruthers, A. D. (1914) *Nevedomaia Mongoliia [Unknown Mongolia]. Vol. 1. Uriankhai Territory*. Petrograd, publishing house of the Migration Department of the Main Department of land management and agriculture. 341 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2012) Kontsepty «Za Saianami» i «tuvinskoe vremia» v obshchestvennom diskurse Tuvy [The concepts of “Beyond the Sayans” and “Tuvan time” in the public discourse of Tuva]. In: *Pogranich'e kul'tur — kul'tury pogranich'ia [Borderlands between cultures — cultures of the borderlands]*. Ed. by Z. Morokhoeva / Debaty Artes Liberales. T. VI. Warszawa, Uniwersytet Warszawski. 321 p. Pp. 279–293. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021a) Sotsial'naia kul'tura tuvintsev i onlain-prostranstvo [Social culture of Tuvans and online space]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 115–129. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.10>

Lamazhaa, Ch. K. (2021b) Tuva kak limitrofnaia zona: iazyk, religiia i identifikatsiia naseleniia [Tuva as a limitrophe zone: language, religion and people's identity]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Lamazhaa, Ch. K. and Suzukei, V. Yu. (2019) Tuvinskoe gorlovoe penie kak nematerial'noe kul'turnoe nasledie i kak kul'turnyi brend Tuvy [Tuvan throat singing as intangible cultural heritage and as Tuva's cultural brand]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 72–83. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.6>

Lotman, Yu. M. (2002) *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury [History and typology of Russian culture]*. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. 768 p. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (1970) *Tuva v skifskoe vremia (Ujukskaja kul'tura) [Tuva in Scythian time: the Ujuk culture]*. Moscow, Nauka. 117 p. (In Russ.).

Mannai-ool M. Kh. (2004) *Tuvinty: proiskhozhdenie i formirovanie tuvinskogo etnosa [Tuvans: the origin and formation of the Tuvan ethnicity]*. Novosibirsk, Nauka. 166 p. (In Russ.).

Matkov, D. O. and Krotov, A. V. (2015) Etnicheskaia i kul'turnaia obosoblennost' Tyvy. Problemy i puti ikh resheniia [Ethnic and cultural isolation of Tyva. Problems and solutions]. *Sotsial'naia integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve*, no. 3–2, pp. 42–46. (In Russ.).

Obruchev, V. A. (2007) Estestvennye bogatstva Tannu-Tuvinskoi respubliki i stepen' izuchennosti poslednei [Natural resources of the Tannu-Tuva Republic and the degree of study of the latter]. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai. Tuvan notebook]* / comp. by S. K. Shoigu : in 7 vols. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 6. 584 p. Pp. 164–179. (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2020) «Mongolofil'stvo» politicheskoi elity Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [“Mongolophilia” of the political elite in the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 35–48. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3](https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3)

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2020) Tuva v dialoge kul'tur: komparativistskii kontekst [Tuva in the cultural dialogue: the comparative context]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 217–229. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.15](https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.15)

Rodevich, V. M. (1912) *Uriankhaiskii krai i ego obitateli [Uriankhai Territory and its inhabitants]* / Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. St. Petersburg, Tipografiia M. M. Stasiulevicha. 60 p. (In Russ.).

Savinov, D. G. (2002) *Rannie kochevniki Verkhnego Eniseia. Arkheologicheskie kul'tury i kul'turogenез [Early nomads of the Upper Yenisei. Archaeological cultures and cultural genesis]*. St. Petersburg, SPbGU. 204 p. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2010) *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы [The World Tree: Universal sign complexes]*: in 2 vols. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi. Vol. I. 448 p. (In Russ.).



Tiugashev, E. A. and Popkov, Yu. V. (2017) Mentalitet tuvintsev v gorizonte sotsiokul'turnoi fenomenologii Pitirima Sorokina [The mindset of the Tuvans in terms of Pitirim Sorokin's cultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.3.1>

Humphrey, C. (2014) Izmenenie znachimosti udalennosti v sovremennoi Rossii [The changing significance of remoteness in contemporary Russia]. *Ethnographic Review*, no. 3, pp. 8–24. (In Russ).

Schubart, W. (2000) *Evropa i dusha Vostoka [Europe and the Eastern soul]*. Moscow, Al'manakh «Russkaia ideia». 448 p. (In Russ).

Dirin, D. A. and Fryer, P. (2020) The Sayan Borderlands: Tuva's Ethnocultural Landscapes In Changing Natural And Sociocultural Environments. *Geography, Environment, Sustainability*, vol. 13, no. 1, pp. 29–36. DOI: <https://doi.org/10.24057/2071-9388-2019-76>

Eliade, M. (1959) *Cosmos and History*. New York, Harper. 176 p.

Guenon, R. (1983) *Lord of the World*. Moorcote, Coombe Springs Press Ltd. 70 p.

Karelina, E. K. (2018) The Problematic Aspects of Cultural Policy in Modern Tuva. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, no. 11, pp. 218–226.

*Multidimensional Social Science. An inclusive approach to social position and inequality (2009)* / C. G. van der Veer (ed.) et al. Amsterdam, Rozenberg. 166 p.

Friedmann, J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. MIT Press. 279 p.

Leighton, R. (1991) *Tuva or Bust or Richard Feynman's Last Journey*. New York, W. W. Norton. 254 p.

Submission date: 03.12.2021.



DOI: 10.25178/nit.2022.1.16

Статья

## Сравнение морфофункциональной адаптации студенческой молодежи г. Кызыла и г. Москвы (в разных этнико-экологических условиях)

**Екатерина Ю. Пермякова, Валерий А. Бацевич**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация,

**Вера А. Красильникова**

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

**Софья Н. Зимина, Айнура А. Хафизова,**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация,

**Анастасия М. Юдина**

Институт археологии РАН, Российская Федерация,

**Оксана В. Ясина, Антон А. Клинюшин, Ирина М. Синева**

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация

Работа посвящена сравнительному изучению направлений биологических адаптационных изменений в различных региональных группах — у молодежи Москвы (русских) и жителей г. Кызыла, столицы Республики Тыва (тувинцев). Сбор антропологических данных студентов 17–25 лет был проведен в 2015–2019 гг. в г. Кызыле, а также в 2019–2021 гг. в г. Москве по унифицированной методике. Общая численность обследованных составила 779 человек. В анализ вошли морфофункциональные характеристики и ряд рассчитанных на их основании индексов, позволяющих оценить адаптационный потенциал организма.

Проблематика биологических изменений этнических групп на территории их проживания позволяет обсуждать вопросы этнической экологии, с учетом климатогеографических особенностей и социально-экономической ситуации, в частности г. Москвы и г. Кызыла.

Полученные морфологические отличия (длина и масса тела тувинской молодежи оказывается существенно ниже, чем у жителей столицы, при этом ИМТ демонстрирует близкие средние значения) обусловлены принадлежностью обследованного контингента к разным этническим группам. Что касается показателей состава тела, то жители г. Кызыла ввиду тех же особенностей телосложения отличаются более высокими величинами жирового компонента с его преимущественной локализацией в центральной области.

Биологический адаптационный потенциал в обследованных группах не отличается в региональном аспекте, при этом для юношей обоих городов демонстрирует более высокие значения, соответствующие напряжению механизмов адаптации. Оценка функциональных показателей позволяет говорить о лучшей вегетативной регуляции организма в случае тувинского студенчества, что определяется автохтонным статусом этой группы. Жители столицы, находясь под влиянием широкого спектра факторов жизни в мегаполисе, ожидаемо уступают по величине рассматриваемых характеристик своим ровесникам.

**Ключевые слова:** антропоэкология; адаптация; студенты; мегаполис; Москва; Кызыл; тувинцы; русские

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 19-78-10013.



### Для цитирования:

Пермякова Е. Ю., Бацевич В. А., Красильникова В. А., Зимина С. Н., Хафизова А. А., Юдина А. М., Ясина О. В., Клинюшин А. А., Синева И. М. Сравнение морфофункциональной адаптации студенческой молодежи г. Кызыла и г. Москвы (в разных этнико-экологических условиях) // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С. 237-252. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>



**Пермякова Екатерина Юрьевна** — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории ауксологии НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. Тел.: +7 (495) 629-40-70, +7 (906) 736-31-20. Эл. адрес: [ekaterinapermyakova@gmail.com](mailto:ekaterinapermyakova@gmail.com)

**Бацевич Валерий Анатольевич** — кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории антропоэкологии НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. Тел.: +7 (495) 629-41-68, +7 (977) 494-36-32. Эл. адрес: [batsevich53@mail.ru](mailto:batsevich53@mail.ru)

**Красильникова Вера Александровна** — кандидат биологических наук, доцент кафедры анатомии, физиологии и БЖД Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Тел.: +7 (923) 381-59-91. Эл. адрес: [verakras@gmail.com](mailto:verakras@gmail.com)

**Зимина Софья Николаевна** — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 12. Тел.: +7 (495) 939-42-46, +7 (909) 964-37-82. Эл. адрес: [sonishat@yandex.ru](mailto:sonishat@yandex.ru)

**Хафизова Айнура Асхадовна** — младший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 12. Тел.: +7 (495) 939-42-46, +7 (915) 290-25-57. Эл. адрес: [aya.khafizova@gmail.com](mailto:aya.khafizova@gmail.com)

**Юдина Анастасия Михайловна** — младший научный сотрудник лаборатории контекстуальной антропологии Института археологии РАН. Адрес: 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Тел.: +7 (926) 313-73-56. Эл. адрес: [nastasia2455@yandex.ru](mailto:nastasia2455@yandex.ru)

**Ясина Оксана Валерьевна** — эколог лаборатории антропоэкологии НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. Тел.: +7 (495) 629-41-68, +7 (903) 688-16-02. Эл. адрес: [okyasina@yandex.ru](mailto:okyasina@yandex.ru)

**Клинюшин Антон Андреевич** — эколог I категории Отдела фондов и экспозиций НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. Тел.: +7 (495) 629-41-68, +7 (999) 982-11-56. Эл. адрес: [klinant021@gmail.com](mailto:klinant021@gmail.com)

**Синева Ирина Михайловна** — кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: 119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 12. Тел.: +7 (495) 939-43-17, +7 (916) 569-80-71. Эл. адрес: [i-sineva@yandex.ru](mailto:i-sineva@yandex.ru)





## A comparison of morphofunctional adaptation of student youth in Kyzyl and Moscow (under different ethical and environmental conditions)

**Ekaterina Yu. Permiakova, Valery A. Batsevich**

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation,

**Vera A. Krasil'nikova**

Tuvan State University, Russian Federation

**Sofya N. Zimina, Aynur A. Khafizov,**

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation,

**Anastasia M. Yudina**

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation,

**Oksana V. Yasina, Anton A. Klinyushin, Irina M. Sineva**

Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

The article is devoted to a comparative study of the directions of adaptation changes in various regional groups — among the youth of Moscow (Russians) and Tuvan residents of Kyzyl, the capital of the Republic of Tuva. The anthropological data of students aged 17–25 were collected in 2015–2019 in Kyzyl, and then in 2019–2021 in Moscow by making use of a standardized methodology. The total number of the young people surveyed was 779. The analysis included morphofunctional characteristics and a number of indices calculated on their basis, which ultimately allowed the authors to assess the adaptive capabilities of the human body.

The problems of biological changes of ethnic groups in the territory of their residence allows to the issue of ethnoecology, taking into account the climatic and geographic situation, as well as the socioeconomic differences in the status of Moscow and Kyzyl.

The morphological data obtained show that the body height and weight of the Tuvan youth turns out to be significantly smaller than that of the residents of the capital, while the BMI shows close to average values. This is due to differences between ethnic groups. As for body composition indicators, the residents of Kyzyl, due to the same physique, have higher values of the fat component predominantly localized in the central region of the body.

The adaptive capabilities the surveyed groups does not seem to have any regional variation: for young men in both cities it shows higher values corresponding to the stress in the adaptation mechanisms. An assessment of functional indicators indicates that Tuvan students have better vegetative regulation of the body, which must be due to their autochthonous status. Residents of Moscow, subjected to the influence of a wide range of factors of life in the metropolis, understandably come second after the peers.

**Keywords:** anthropoecology; adaptation; students; megapolis; Moscow; Kyzyl; Tuvans; Russians

The work was supported by the grant of the Russian National Science Foundation No. 19-78-10013.

### For citation:

Permiakova E. Yu., Batsevich V. A., Krasil'nikova V. A., Zimina S. N., Khafizova A. A., Yudina A. M., Yasina O. V., Klinyushin A. A. and Sineva I. M. Sravnenie morfofunktsional'noi adaptatsii studencheskoi molodezhi g. Kyzyla i g. Moskvy (v raznykh etniko-ekologicheskikh usloviakh) [A comparison of morphofunctional adaptation of student youth in Kyzyl and Moscow (under different ethical and environmental conditions)]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 237–252. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.16>



**PERMIAKOVA, Ekaterina Yurievna**, Candidate of Biology, Senior Research Fellow, Laboratory of Auxology, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (906) 736-31-20. E-mail: [ekaterinapermyakova@gmail.com](mailto:ekaterinapermyakova@gmail.com) **ORCID ID:** 0000-0002-6490-4004

**BATSEVICH, Valery Anatol'evich**, Candidate of Biology, Leading Research Fellow, Laboratory of Anthropeology, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (977) 494-36-32. E-mail: [batsevich53@mail.ru](mailto:batsevich53@mail.ru) **ORCID ID:** 0000-0003-3833-1588

**KRASIL'NIKOVA, Vera Aleksandrovna**, Candidate of Biology, Associate Professor, Department of Anatomy, Physiology, Health and Wellness, Tuvan State University. Postal address: 36 Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (999) 982-11-56. E-mail: [verakras@gmail.com](mailto:verakras@gmail.com) **ORCID ID:** 0000-0002-8382-2733

**ZIMINA, Sofya Nikolaevna**, Candidate of Biology, Senior Research Fellow, Department of Anthropology, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 1 Bldg. 12, Leninskie Gory, 119234 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (909) 964-37-82. E-mail: [sonishat@yandex.ru](mailto:sonishat@yandex.ru) **ORCID ID:** 0000-0002-3777-1007

**KHAFIZOVA, Aynur Askhadovna**, Junior Research Fellow, Department of Anthropology, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 1 Bldg. 12, Leninskie gory 119234, Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (915) 290-25-57. E-mail: [aya.khafizova@gmail.com](mailto:aya.khafizova@gmail.com) **ORCID ID:** 0000-0003-4764-6792

**YUDINA, Anastasia Mikhailovna**, Junior Research Fellow, Laboratory of Contextual Anthropology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Postal address: 19 Dm. Ulyanov St., 117292 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (915) 290-25-57. E-mail: [nastasia2455@yandex.ru](mailto:nastasia2455@yandex.ru) **ORCID ID:** 0000-0002-2456-0948

**YASINA, Oksana Valer'evna**, Ecologist, Laboratory of Anthropeology, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 11 Mokhovaya St., 125009 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (905) 688-16-02. E-mail: [okyasina@yandex.ru](mailto:okyasina@yandex.ru) **ORCID ID:** 0000-0001-9133-0440

**KLINYUSHIN, Anton Andreevitch**, Ecologist, Department of Collections and Expositions, Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 1 Bldg. 12, Leninskie gory, 119234 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (999) 982-11-56. E-mail: [klinant021@gmail.com](mailto:klinant021@gmail.com) **ORCID ID:** 0000-0001-5130-2939

**SINEVA, Irina Mikhailovna**, Candidate of Biology, Associate Professor, Department of Anthropology, Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University. Postal address: 1 Bldg. 12, Leninskie gory, 119234 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 569-80-71. E-mail: [i-sineva@yandex.ru](mailto:i-sineva@yandex.ru) **ORCID ID:** 0000-0003-3336-898X



## Введение

Территория Республики Тыва в связи с уникальным ее расположением в центре Азии давно является предметом особого интереса отечественных антропологов (Антропозоологические исследования..., 1984: 75–114; Богданова, 1986; Антропозоология Центральной..., 2005: 35–67; Аксянова, 2009; Bunak, 1928). Исследования последних лет также не оставляют без внимания происходящие здесь процессы социо- и этногенеза (Бацевич, Бутовская, Кобылянский, 2018; Бацевич, Красильникова, Пермякова, 2020; Бацевич, Машина, Пермякова, 2020; Маурер и др., 2020; Бацевич и др., 2021; и др.).

Вектор антропологических исследований в данном регионе затрагивает не только классические аспекты морфологии детского и взрослого населения (включая межпоколенные различия в величине морфологических признаков у коренного и пришлого контингента), но и проблемы морфофизиологической адаптации, формирующейся под влиянием этнических и большого спектра социальных факторов (Будук-оол, Сарыг, Ховалыг, 2012ab; Будук-оол, 2013). Большая часть работ, посвященных исследованию данных закономерностей как в Тыве, так и в других регионах страны (прежде всего, в столичном) и мира, затрагивает комплексную оценку морфологических, физиологических, биохимических и психологических признаков (Алексеева, 1998; Федотова, 2006; Тегако и др., 2013; Kharabadze et al., 2015). Юношеский период онтогенеза выбран не случайно, поскольку характеризуется достижением дефинитивной<sup>1</sup> зрелости всех систем организма, и именно в это время молодые люди испытывают сильное давление среды вследствие нарастающей интеллектуальной и социальной нагрузки при переходе от детской зависимости к самостоятельной жизни (Негашева, Михайленко, Корнилова, 2007; Шилова, 2011).

Неуклонный рост численности городского населения как по всему миру, так и в нашей стране происходит, в первую очередь, за счет оттока сельского населения, что в итоге определяет популяционную гетерогенность, возрастающий уровень метисации (смешения) и избыточную мобильность населения. Структура городских популяций на фоне перечисленных факторов становится менее стабильной, а постоянно меняющиеся экологические, социально-демографические и экономические условия приводят к срыву биологической адаптации и необходимости сдвига адаптивной нормы (Бацевич и др., 2021). Совокупность всех этих факторов приводит к повышению стрессовой нагрузки, из-за чего адаптация протекает уже на индивидуальном уровне в течение жизни одного поколения, затрагивая морфофизиологический статус организма (за счет воздействия на механизмы регуляции систем поддержания гомеостаза — нервной, гуморальной, гемодинамической, респираторной и др.).

Цель настоящей работы заключалась в изучении направлений биологических адаптационных изменений в различных региональных группах — у молодежи столичного региона Москвы и жителей столицы Республики Тыва г. Кызыла, что подразумевает рассмотрение и природно-экологических, и социально-экономических условий данных городов, т. е. проблему влияния городской среды на биологию человека.

Материалом для работы послужили результаты комплексных антропологических обследований, проведенных в 2015–2019 гг. в г. Кызыле на базе Тувинского государственного университета (руководители — В. А. Бацевич и В. А. Красильникова), а также в 2019–2021 гг. на базе кафедры антропологии биологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (руководитель — И. М. Синева). В итоговую выборку было включено 779 индивидов в возрасте от 17 до 25 лет (табл. 1).

В нашем исследовании проводится сравнение тувинцев и русских, проживающих в столичном регионе, поэтому полученные результаты в большей степени будут связаны с «давлением» мегаполиса, определяющим повышенную стрессогенную нагрузку. Для выявления механизмов адаптации гемодинамической системы был использовано понятие адаптационного потенциала (АП).

В анализ вошли, с одной стороны, респонденты русской национальности, постоянно проживающие в г. Москве и городах ближайшего Подмосковья, с другой — обучающаяся в столице Республики Тыва молодежь, представляющая собой объединенную выборку из горожан и первичного мигрантного населения г. Кызыла. Данная стратегия оправдана, поскольку первичный межгрупповой анализ антропометрических характеристик населения Тывы указывает на отсутствие значимых статистических различий между городским и сельским населением республики, что дает нам основание их объединить

<sup>1</sup> Дефинитивный — зрелый, окончательный, конечный.



(см., напр.: Бацевич, Красильникова, Пермякова, 2020; Бацевич и др., 2021). Этнический состав учащихся был однороден и включал в себя только тувинцев (оба родителя имели ту же национальность). Следует отметить, что среди последних, не было индивидов, для которых одновременно были бы получены показатели состава тела и функциональные характеристики (антропометрическое обследование было проведено для всех из них).

Таблица 1. Характеристика обследованного контингента<sup>1</sup>

Table 1. Characteristics of the surveyed group

Программа	Девушки		Юноши	
	Кызыл	Москва	Кызыл	Москва
Антропометрия	343	163	232	41
Из них				
Состав тела	66	163	44	41
Физиология	213	163	155	41
<b>Всего</b>	<b>506</b>		<b>273</b>	

### Природно-экологические и социально-экономические условия Кызыла и Москвы

Поскольку основным объектом исследования в работе являются представители двух этносов, это позволяет обсуждать проблематику этнической экологии, которая восходит к идеям В. И. Козлова (Козлов, 1983, 1994) и продолжает сегодня развиваться на стыке дисциплин (*Этническая экология ...*, 2008; Ямсков, 2013; *Этнос и среда обитания*, 2014). С точки зрения данного направления, биологическая экология человека не может полностью рассматриваться без социально-культурной, а обе сферы не могут не отражать и особую специфику этносов как особых общностей людей. Причем, по мнению В. И. Козлова, малочисленные этносы имеют важное значение экологических таксонов, жизнь которых во многом определяется условием их местообитания. Хотя урбанизация, разумеется, уменьшила этническую специфику антропогенного ландшафта, тем не менее, если природная среда обитания этноса становится разнообразнее, то чрезвычайно важным становится изучение и разных условий проживания, и биологических изменений, которые происходят с людьми.

Города, в которых проводились исследования, характеризуются различной численностью и плотностью населения, расположены в различных природно-экологических зонах и имеют разные социально-экономические показатели, условия.

Москва — самый населенный город России (более 12,5 млн чел) и с максимальной плотностью населения — 4941,45 чел./км<sup>2</sup>. Постоянный прирост населения объясняется в основном притоком из других регионов страны, а также стран ближнего зарубежья (трудовых мигрантов, учащихся и пр.). По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. абсолютным большинством населения являлись русские (91,6%), однако, очевидно, что на сегодня показатели могут быть уже несколько иными за счет постоянно прибывающих мигрантов — представителей разных национальностей. Этот фактор вызывает у москвичей опасения, и большинство коренных жителей столицы рассматривают ситуацию как крайне напряженную или даже скорее, как напряженную, в том числе с точки зрения роста преступности (Иванова, 2010). Тем не менее, по уровню безработицы город находится в более выгодном положении: рынок труда здесь постоянно расширяется и есть постоянный спрос на работников разной квалификации, в том числе самой низкой. И опасения москвичей о том, что мигранты отбирают у них трудовые места, как показывают исследования, не имеют серьезных оснований (Флоринская, 2015).

Климат Москвы умеренно континентальный; годовая амплитуда перепада температуры имеет наибольшую величину, составляющую 28°. Как отмечается в официальном докладе о состоянии окружающей среды в Москве за 2019 г.<sup>2</sup>, данные метеорологических наблюдений свидетельствуют, что

<sup>1</sup> Среди обследованного в Республике Тыва контингента группы, для которых одновременно были оценены показатели состава тела и физиологические параметры, отсутствуют (т. е. антропометрия сочетается либо с первым, либо со вторым).

<sup>2</sup> Доклад «О состоянии окружающей среды в городе Москве в 2019 году» / под ред. А. О. Кульбачевского. М., 2020. 222 с. [Электронный ресурс] // Официальный сайт мэра Москвы. URL: [https://www.mos.ru/upload/documents/files/7452/Gosdoklad\\_last\\_edit\\_ll\\_.pdf](https://www.mos.ru/upload/documents/files/7452/Gosdoklad_last_edit_ll_.pdf) (дата обращения: 12.12.2021).



в последние десятилетия на территории Москвы и Московского региона наметился значительный рост средней годовой температуры воздуха и количества опасных природных явлений. Среди них высокий уровень загрязнения атмосферного воздуха, хотя городские службы проводят различные природоохранные мероприятия и стараются сдерживать негативную динамику.

Из комплекса экологических и социально-экономических факторов, оказывающих влияние на состояние здоровья и физическое развитие населения, наиболее существенными являются условия жизни в мегаполисе: высокая калорийность питания, относительная гиподинамия и высокий уровень психоэмоционального стресса. В 2018 г., например, статистические подсчеты потребления килокалорий в регионах России показали, что в Москве в среднем на потребителя в сутки приходится 2261 ккал.<sup>1</sup>

Кызыл — столица Республики Тыва, с общей численностью населения 120 тыс. чел. и плотностью населения 500 чел/км<sup>2</sup>. Численность населения здесь также постоянно растет — за счет притока сельских жителей республики и естественного прироста (Абылкаликов, 2021). Это также создает напряженность ситуации с рынком труда, уровень безработицы в Туве высокий, один из самых высоких в Сибирском Федеральном округе и в целом и по России. Проблемы трудоустройства прямо увязываются с уровнем образования: больше проблем у людей с начальным и средним образованием, высокообразованные специалисты более мобильны и востребованы. Более половины занятых сконцентрированы в бюджетных сферах экономики. Население также увязывает проблемы трудоустройства с этнической принадлежностью специалистов (Валиахметов и др., 2021). Это обстоятельство обостряется в связи с преобладанием в составе населения тувинцев (82% от общей численности населения региона). Вкупе с тем фактом, что Республика Тыва входит в десятку субъектов Российской Федерации с самым низким значением среднедушевых денежных доходов населения, можно констатировать, что социально-экономическая ситуация региона и его столицы имеет стрессогенный характер.

Климат Кызыла сухой, резко континентальный. Город расположен в Тувинской котловине, что зимой приводит к застаиванию воздуха, его выхолаживанием под влиянием сибирского антициклона, и последующим образованием мощной температурной инверсии. Годовая амплитуда перепада температуры в Кызыле достигает 49°C (что почти в 2 раза больше, чем в Москве). Зима здесь очень суровая, особенно если рассматривать ее с точки зрения географической широты (на одной широте с Лондоном, Курском и Оренбургом). Экологическая обстановка характеризуется как крайне напряженная из-за выбросов ТЭЦ и домов частного сектора, которые отапливаются каменным углем.

В 2018 г. статистические подсчеты потребления килокалорий в регионах России показали, что в Туве в среднем на потребителя в сутки приходится 2413,5 ккал.<sup>2</sup> Этот показатель общей калорийности больше, чем московский, хотя показатель калорийности продуктов животного происхождения здесь меньше вдвое, чем в столице России.

Мы можем видеть, что каждый из рассматриваемых городов имеет свои стрессогенные характеристики, хотя они различаются.

### **Уровни адаптации**

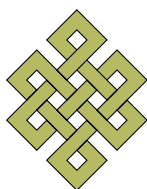
Программа обследования включала в себя измерение основных антропометрических показателей по стандартной методике (Негашева, 2017). Оценка компонентного состава тела проводилась с использованием биоимпедансного анализатора ABC-01 «Медасс», работающего с силой тока 800  $\mu$ A и частотой 50кГц, по стандартной методике на 2 отведения, т. е. лежащему на спине на непроводящей поверхности респонденту на правые кисть и стопу суммарно (по 2 на каждый сегмент) прикреплялись 4 электрода (Николаев и др., 2009).

В качестве вспомогательных характеристик были рассчитаны ИМТ — индекс массы тела (Quetlet, 1871), индекс соотношения обхватов талии и бедер (ИТБ). Дополнительным показателем для оценки топографии жирового отложения послужил индекс центрального ожирения, рассчитанный как соотношение обхвата талии к длине тела (WHtR) (Swainson et al., 2017).

<sup>1</sup> Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2018 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://www.gks.ru/bgd/regl/b19\\_101/Main.htm](https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_101/Main.htm) (дата обращения: 12.12.2021).

<sup>2</sup> Там же.





С помощью стандартных методик также был определен ряд функциональных показателей. Так, систолическое (САД) и диастолическое (ДАД) артериальное давление в мм рт. ст., а также частота сердечных сокращений были измерены стандартным способом с помощью тонометров фирмы OMRON (M2 и M3). В анализ вошли индивиды с нормальным значением показателей<sup>1</sup>.

На их основании для оценки уровня адаптации организма к конкретным условиям были рассчитаны:

1. Пульсовое давление по формуле:

ПД = САД – ДАД (Войтикова, Хурса, 2015). Данный показатель является характеристикой напряженности работы миокарда (повышенные его значения свидетельствуют о напряжении системы, пониженные — о недостаточности кровотока);

2. Среднее артериальное давление по формуле:

АД ср = ПД/3 + ДАД (Савицкий, 1974).

3. Адаптационный потенциал по формуле Р. М. Баевского (Баевский, Берсенева, 1997):

АП =  $-0,273 + 0,011 * ЧСС + 0,014 * САД + 0,008 * ДАД + 0,014 * \text{Возраст} - 0,009 * \text{Длина тела} + 0,009 * \text{Масса тела} + 0,004 * \text{Пол}$ ,

где ЧСС (уд./мин.), САД, ДАД (мм рт. ст.), возраст (годы), длина тела (см), масса тела (кг) и пол рассчитан как 1 для мужчин и 2 для женщин.

Ранжированная оценка значений данного индекса приведена в соответствующем источнике (Ямпольская, 2004: 172).

4. Для оценки состояния вегетативной нервной системы<sup>2</sup> был рассчитан индекс Кердо (индекс вегетативного равновесия):

ВИК =  $(1 - ДАД/ЧСС) * 100$  (Kérdö, 1966).

Значения индекса, соответствующие нормальному состоянию организма (нормотония), лежат в диапазоне от -10 до +10 единиц; гиперактивацию симпатической части (симпатикотония) описывают значения показателя выше 10 единиц; ниже -10 единиц лежат величины, характеризующие гиперактивацию парасимпатической части (ваготония) (там же).

Следует оговорить методический момент, связанный с тем, что формулы для оценки параметров состава тела, встроенные в программное обеспечение используемого биоимпедансного анализатора, а также границы оценки уровней АП, по Баевскому, были получены для европеоидных групп, поэтому их точность при оценке состава тела у этнических тувинцев представляет предмет дискуссий. Поскольку методических работ, посвященных разработке формул оценки состава тела методом БИА и оценки адаптационного потенциала (АП) у монголоидных групп, не существует, а также по причине повсеместного их отечественными антропологами в межпопуляционных исследованиях, авторы сочли возможным сравнивать параметры состава тела в обследованных моноэтнических группах.

Дополнительно была проведена оценка силы сжатия кисти правой руки с помощью динамометров ДК-100 и ДК-200. На основании полученных показателей был рассчитан силовой индекс:

СИ =  $(\text{Дин. пр.} / \text{Масса тела}) * 100 \%$ .

Оценка физического здоровья на основании этого индекса опирается на следующие градации (табл. 2, см. также: Апанасенко, 1988: 113).

Все материалы обследования были собраны с соблюдением правил биоэтики (подписание протоколов информированного согласия на обследование и использование деперсонифицированных индивидуальных данных). Исследование было одобрено локальным комитетом по биоэтике биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (получено положительное заключение 112-д от 13.04.2020).

<sup>1</sup> Blood pressure normative // WHO global site [online] Available at: [https://www.who.int/health-topics/hypertension/#tab=tab\\_1](https://www.who.int/health-topics/hypertension/#tab=tab_1) (дата обращения: 12.12.2021).

<sup>2</sup> Вегетативная нервная система приспосабливает уровень активности тканей и органов к выполняемым ими в текущий момент времени задачам: симпатический отдел приспосабливает организм к интенсивной деятельности в моменты стресса, парасимпатический — способствует восстановлению истраченных ресурсов организма (Фонсова, Дубынин, 2004: 155–163).



Таблица 2. Оценка физического здоровья на основании силового показателя  
Table 2. Assessment of physical health based on the strength index

Пол	Градации уровня физического здоровья				
	Низкий	Ниже среднего	Средний	Выше среднего	Высокий
Девушки	≤40	41-50	51-55	56-60	>60
Юноши	≤60	61-65	66-70	71-80	>80

Статистическая обработка результатов осуществлялась в программах STATISTICA 10.0 и программе Microsoft Excel (стандартный пакет Microsoft Office 2013) с применением методов одномерной и многомерной статистики.

### Результаты

В таблице 3 приведены основные статистические параметры рассмотренных показателей в группах московской и кызыльской молодежи, а также отмечены те признаки, для которых обнаружены достоверные отличия (для реализации этой цели были использованы t-критерий Стьюдента и непараметрический критерий Манна-Уитни).

Сравнительный анализ морфофизиологических показателей студентов двух обследованных групп выявил следующие результаты. Проживающие в столичном регионе русские девушки имеют достоверно большие величины длины и массы тела, обхвата бедер, содержания тощей, активной клеточной и скелетно-мышечной массы (а также их процентного содержания). Для этой же группы зафиксированы повышенные значения показателей гемодинамической системы: диастолического, пульсового и среднего артериального давления. Помимо прочего, московские девушки демонстрируют также более высокие значения силового индекса, которые позволяют на основании величины показателя говорить о пограничном состоянии здоровья в этой группе (переход от среднего к выше среднего). В то же самое время тувинские студентки имеют достоверно более высокие величины обхвата талии, индекса центрального ожирения, индекса соотношения обхватов талии и бедер, а также индекса Кердо. Касаемо последнего следует отметить, что по сравнению со столичными жительницами, характеризующимися нормальным состоянием вегетативной нервной системы, эта группа ранжируется как индивиды с несколько более активной симпатической частью (величина ВИК в его нормальном проявлении достигает верхней границы).

В группах обследованных юношей при сохранении тенденций, выявленных у девушек, обнаружены также различия по величине других показателей. Так, московские жители обладают достоверно большими длиной и массой тела (включая безжировую и активную клеточную составляющие), обхватом бедер, величиной систолического артериального давления. Кызыльские студенты, с другой стороны, отличаются повышенными значениями индекса центрального жираотложения, соотношения обхватов талии и бедер, более высокой относительной жировой массой. Также для этой группы подтверждены большие частота сердечных сокращений и индекс Кердо. Последний, в противоположность закономерностям, полученных для девушек, у тувинских юношей отражает нормальное функционирование вегетативной нервной системы. В то же время москвичи, обладая отрицательными его значениями, демонстрируют постепенный переход к более активной парасимпатической части, формирующей адаптационный резерв организма. Заслуживают внимания значения силового индекса: в отличие от девушек достоверно и значительно более высокими его значениями характеризуются тувинские юноши.

Уровень достоверности полученных для перечисленных признаков различий у юношей и девушек варьируется в диапазоне от  $p < 0,05$  до  $p < 0,001$ .

Таблица 3. Статистические параметры морфофункциональных параметров обследованной молодежи  
 Table 3. The main statistical parameters of the morphofunctional characteristics of the surveyed group

Признак	Девушки				Юноши			
	Кызыл		Москва		Кызыл		Москва	
	М	S	М	S	М	S	М	S
Длина тела, мм	<b>1589,3</b>	53,96	<b>1647,9</b>	55,44	<b>1716,9</b>	64,05	<b>1767,8</b>	66,52
Масса тела, кг	<b>55,0</b>	9,02	<b>58,8</b>	9,42	<b>66,2</b>	10,34	<b>70,2</b>	9,15
Обхват груди, мм	845,9	108,18	857,0	57,43	904,1	94,98	924,4	66,61
Обхват талии, мм	<b>715,4</b>	71,17	<b>693,7</b>	67,59	786,3	72,02	767,6	70,47
Обхват бедер, мм	<b>923,1</b>	49,08	<b>965,0</b>	66,66	<b>928,0</b>	57,19	<b>984,1</b>	61,55
ИМТ	21,4	4,60	21,6	4,31	22,4	3,24	22,5	2,91
Индекс центрального ожирения (WHtR)	<b>0,45</b>	0,04	<b>0,42</b>	0,04	<b>0,46</b>	0,04	<b>0,43</b>	0,04
ИТБ	<b>0,77</b>	0,05	<b>0,72</b>	0,04	<b>0,84</b>	0,04	<b>0,78</b>	0,05
Тощая масса (ТМ), кг	<b>38,9</b>	4,12	<b>41,5</b>	3,68	<b>54,4</b>	5,61	<b>56,7</b>	5,98
Жировая масса (ЖМ), кг	16,3	6,87	17,2	6,51	12,9	5,95	13,5	5,62
Активная клеточная масса (АКМ), кг	<b>21,0</b>	2,54	<b>22,8</b>	2,61	<b>32,3</b>	3,95	<b>33,7</b>	3,97
Скелетно-мышечная масса (СММ), кг	<b>18,7</b>	2,70	<b>20,3</b>	2,08	29,8	2,85	30,8	3,58
%ТМ	72,6	6,61	71,5	6,45	81,5	6,01	81,2	6,29
%ЖМ	28,1	5,48	28,4	6,41	<b>18,4</b>	5,98	<b>13,5</b>	5,62
%АКМ	<b>54,1</b>	2,12	<b>55,0</b>	3,20	59,1	2,15	59,3	2,49
%СММ	<b>47,3</b>	4,75	<b>48,8</b>	1,46	54,7	2,15	54,2	1,83
САД	111,9	10,80	109,9	8,76	120,7	9,77	123,2	9,43
ДАД	<b>71,3</b>	9,47	<b>73,4</b>	6,03	73,9	9,22	74,1	6,68
ЧСС	81,1	12,09	78,6	12,93	<b>76,9</b>	11,72	<b>72,1</b>	8,47
ПД	<b>36,3</b>	11,59	<b>40,3</b>	7,78	47,8	11,2	49,0	8,73
АДср	<b>84,7</b>	10,26	<b>85,5</b>	6,18	88,8	8,77	90,5	6,52
АП	2,10	0,31	2,05	0,24	2,17	0,27	2,15	0,23
ВИК	<b>10,29</b>	17,43	<b>4,4</b>	15,14	<b>3,58</b>	17,57	<b>-4,77</b>	12,81
Динамометрия прав., кг	<b>24,2</b>	3,91	<b>28,7</b>	4,70	42,5	6,14	41,3	6,67
Силовой индекс	<b>43,88</b>	7,91	<b>49,55</b>	8,37	<b>64,8</b>	11,36	<b>59,2</b>	9,21

Прим.: Выделены значения показателей, достоверно отличающихся в двух обследованных группах (от  $p < 0,05$  до  $p < 0,001$ ); М – среднее арифметическое, S – стандартное отклонение (мера разброса величин показателя).

Notes. Marked are statistically significant differences (from  $p < 0,05$  to  $p < 0,001$ ); M is the mean, S is the standard deviation (a measure of the spread of the values of the indicator)





На следующем шаге работы с массивом данных был проведен межгрупповой сравнительный анализ совокупности наиболее информативных морфофункциональных показателей, представленных на *рисунке 1* в виде лепестковых диаграмм, которые условно можно считать экологическими профилями. Отдельно стоит оговорить факт того, что увеличение единственного признака — величины силового индекса сопряжено с улучшением функционирования организма. Остальные показатели находятся в обратной зависимости с уровнем здоровья (чем больше значения этих показателей, тем хуже общее состояние и адаптация организма).

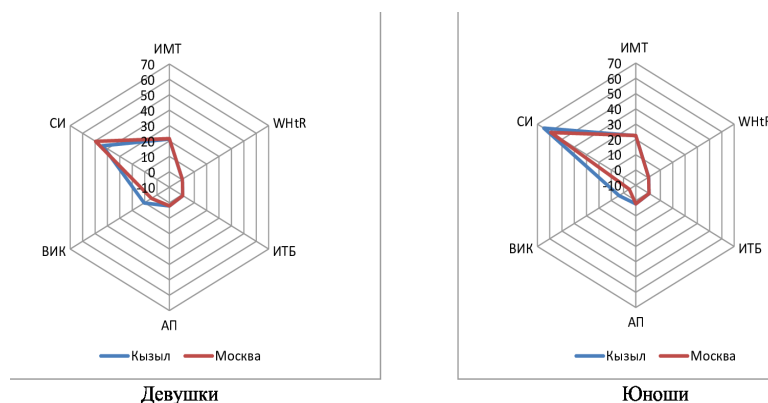


Рисунок 1. Адаптационные профили, характеризующие состояние морфофункциональных систем организма в группах кызыльской и московской молодежи.  
Figure 1. Adaptive profiles characterizing the state of body morphofunctional systems in groups of Kyzyl and Moscow youth.

### Обсуждение

Оценка антропометрических характеристик и показателей состава тела русской и тувинской молодежи подтверждает, в первую очередь, наличие общеизвестных отличий в величине и топографии жирового отложения у обследованного контингента. Показано, что азиатские группы обладают более выраженной жировой составляющей, локализуемой в основном на туловище в его центральной части (Клевцова, 1984; Дерябин, Пурунджан, 1990; Антропоэкология Центральной ... , 2005). Согласно результатам настоящего исследования, тувинские девушки демонстрируют повышенные средние значения обхвата талии, юноши — относительной жировой массы. Тувинские студенты обоего пола характеризуются высоким индексом центрального ожирения и ИТБ.

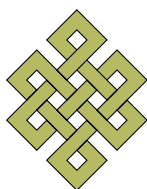
По данным Л. К. Будук-Оол и ее коллег, оценка показателей гемодинамической системы у разноэтнической молодежи (русские и тувинцы) г. Кызыла выявила большую ее напряженность у русских студентов, характеризующихся повышенным давлением (систолическим и диастолическим), а также почти в два раза большей частотой сердечных сокращений. Оценка других показателей (минутный и ударный объемы крови<sup>1</sup>), в том числе и в динамике, также свидетельствует об ухудшении сократительной функции сердца у индивидов русской национальности, более выраженное в случае юношей. Авторы данной статьи связывают полученные результаты с влиянием факторов обучения, но отмечают, что к старшим курсам эффективность регуляции системы кровообращения повышается, а негативные изменения нивелируются (Будук-оол, Сарыг, Ховалыг, 2012а).

В нашем исследовании достоверных отличий между обследованными группами по его величине обнаружено не было. Следует отметить, что и тувинская, и русская молодежь демонстрирует удовлетворительную адаптацию. Если оценивать активность работы вегетативной нервной системы, опираясь на вегетативный индекс Кердо, то можно заключить, что московские студентки сохраняют нормальный уровень ее функционирования, в то время как тувинские девушки характеризуются несколько более активной ее симпатической частью (оставаясь близкими к норме). В случае юношей ситуация несколько иная: при одинаковых величинах АП столичные жители демонстрируют переход к активации парампатической части, студенты Тувы, напротив, сохраняют стабильное состояние.

Результаты обследования молодежи г. Кызыла, проведенного в 2012 г. (Будук-оол, 2013), свидетельствуют о большем напряжении системы кровообращения в группах юношей по сравнению с девушками независимо от этнической принадлежности. При этом, однако, величина АП в группах русских студентов отличалась более высокими значениями (стабильно возрастая к старшим курсам), достигая максимально 2,3 единиц. В группах девушек напряжение адаптационных механизмов

<sup>1</sup> Минутный объем сердца — количество крови, которое сердце выбрасывает за 1 минуту. Ударный объем сердца — количество крови, выбрасываемое за одно сокращение (Свердлов, 2014).





было подтверждено только для русских студенток старших курсов (АП=2,2). Сравнение этих данных (сбор производился в 2010–2012 гг.) с полученными в настоящем исследовании (2018-2019 г.) позволяет сделать осторожный вывод о сдвиге адаптационных механизмов у тувинской молодежи от напряженной к удовлетворительной адаптации, что согласуется и может быть связано с улучшением социально-экономической ситуации (по данным Росстата, ростом ВРП (валового регионального продукта) с 108178,00 руб. до 243052,40 руб., ростом среднедушевого дохода и падением уровня безработицы). Анализ данных русских студентов, проживающих в столичном регионе и Республике Тыва, свидетельствует о большей стрессовой нагрузке в группе первых, более выраженной в случае женского пола. Значения АП у московских девушек в среднем достигают 2,40 единицы с максимумом 3,13 единицы (что соответствует срыву адаптационных механизмов), у русских г. Кызыла — не выходят за границы напряженной адаптации.

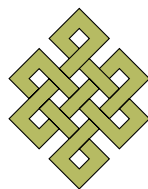
Интересным представляется сравнение обследованных нами групп с жителями г. Архангельска (Негашева и др., 2018): принадлежность обследованного населения Архангельского региона к русскому этносу, с одной стороны, позволяет сравнить его с московской молодежью. С другой — факт того, что условия проживания, как и в Республике Тыва, в этой части страны приравнены к Крайнему Северу, дает основание анализировать этнические различия в сходных условиях. Величина адаптационного потенциала у жительниц г. Архангельска (в среднем 2,28 единицы) свидетельствует о напряжении систем адаптации организмов. В то время как у обследованных нами групп вне зависимости от этнической принадлежности величина АП находится на верхней границе интервала, соответствующего напряжению адаптации. Значительных отличий между девушками разных регионов и национальностей обнаружено не было. В случае юношей полученная картина носит несколько иной характер: худшая адаптация зафиксирована у архангельских студентов (АП<sub>ср</sub>=2,59). Можно заключить, что русские юноши, длительно проживающие в экстремальных условиях (г. Архангельск), проявляют худшую адаптацию, что согласуется с результатами исследования Л. Будук-оол (Будук-оол, 2013). На контрасте с девушками подобный результат может трактоваться с позиций более выраженной в случае мужского пола реакцией на стрессовые воздействия (Xirocostas, Everingham, Moles, 2020).

Данную ситуацию можно объяснить с точки зрения историко-этнографических аспектов освоения рассматриваемых территорий: тувинское население республики является автохтонным, то есть сложилось здесь и является коренным (Богданова, 1986), поэтому, несмотря на суровые природно-экологические условия, имеет высокий уровень адаптации. Русское население Архангельска освоило этот ареал значительно позднее и не является здесь первичным (XIV–XV вв.)<sup>1</sup>, что объясняет самый низкий среди трех групп уровень адаптации. Москва же является мегаполисом с высоким уровнем урбанизации и большой скоростью и объемом миграционных потоков<sup>2</sup>, в связи с чем характеризуется неоднородностью и нестабильностью состава популяции. Условия жизни в Москве создают агрессивную среду, оказывающую постоянное давление на адаптационные механизмы человека (Урбоэкология, 1990; Гребняк, Вытрищак, 2004).

Помимо плохой экологии, негативное влияние на организм жителей городов подобного ранга оказывают социальные факторы, высокий темп жизни, большая информационная нагрузка, гиподинамия (Алексеева, 1998; Чумаков и др., 2004; Федотова, 2006; Терако и др., 2013; Sandercock, Ogunleye, Voss, 2011; Ishikawa, Kourtit, Nijkamp, 2015; Kharabadze et al., 2015; Hou et al., 2019). Стрессорные раздражители вызывают напряжение функциональных систем, направленных на поддержание гомеостаза, вследствие чего развивается общий адаптационный синдром (стресс), биологическое значение которого заключается в том, что на второй его стадии повышается резистентность организма по отношению к фактору, вызвавшему состояние стресса, а также может создаваться или повышаться неспецифическая резистентность организма к другим факторам. Отчасти эти негативные изменения могут нивелироваться постоянным притоком сюда мигрантного населения (находившегося до этого в более благоприятных экологических условиях), что уменьшает суммарный эффект урбанистического стресса, и общим улучшением социально-экономических условий: средний уровень доходов на душу населения в Москве самый высокий, услуги здравоохранения<sup>1</sup>, образования и прочие социальные организации, включая организации досуга, наиболее доступны<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Поморы. Кто сделал Север русским [Электронный ресурс] // История РФ. Главный исторический портал страны, URL: <https://histrf.ru/read/articles/pomory-kto-sdielal-sievier-russkim/> (дата обращения 11.12.2021).

<sup>2</sup> Внутророссийская миграция по территориям прибытия и выбытия [Электронный ресурс] // Российский Статистический Ежегодник 2020. URL: [https://gks.ru/bgd/regl/b20\\_13/Main.htm](https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm) (дата обращения 11.12.2021).



Представленные на *рис. 1* адаптационные профили являются визуализацией полученных отличий у молодежи двух городов. Отметим, что девушки Кызыла — тувинки — характеризуются худшими силовыми возможностями, обладая при этом более сбалансированной вегетативной регуляцией организма. В случае юношей оба эти показателя оказываются лучше у тувинцев. Остальные характеристики в обследованных группах имеют близкие значения и достоверно не отличаются.

### Заключение

Изучение направлений адаптационных изменений в различных региональных и этнических группах имеет важное значение для оценки функциональных резервов организма с учетом влиянием комплекса природно-экологических и социально-экономических факторов.

Сравнение уровня адаптации тувинского и московского русского студенчества выявляет следующие закономерности. Морфологические отличия обусловлены принадлежностью обследованного контингента к разным этническим группам: длина и масса тела тувинской молодежи оказывается существенно ниже, чем у жителей столицы, при этом ИМТ демонстрирует близкие средние значения. Что касается показателей состава тела, то жители г. Кызыла отличаются более высокими величинами жирового компонента с его преимущественной локализацией в центральной области.

Адаптационный потенциал в обследованных группах не отличается в региональном аспекте, при этом для юношей обоих городов демонстрирует более высокие значения, соответствующие напряжению механизмов адаптации. Оценка функциональных показателей позволяет говорить о лучшей вегетативной регуляции организма в случае тувинского студенчества, что определяется автохтонным статусом этой группы. Жители столицы, находясь под влиянием широкого спектра факторов жизни в мегаполисе, ожидаемо уступают по величине рассматриваемых характеристик своим ровесникам.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абылкаликов, С. И. (2021) Особенности демографического развития Тувы: вклад миграции в демографический баланс // Новые исследования Тувы. № 4. С. 131–142. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>
- Аксянова, Г. А. (2009) Основные результаты расогенетических исследований в Туве в XX столетии (обзор литературных источников) // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (40). С. 137–145.
- Алексеева, Т. И. (1998) Адаптация человека в различных экологических нишах Земли. М. : Изд-во МНЭПУ. 280 с.
- Антропоэкологические исследования в Туве (1984) / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М. : Наука. 224 с.
- Антропоэкология Центральной Азии (2005) / под ред. Т. И. Алексеевой и др. М. : Научный мир. С. 6–126. 328 с.
- Апанасенко, Г. Л. (1988) Об оценке состояния здоровья человека // Врачебное дело. № 5. С. 112–114.
- Баевский, Р. М., Берсенева, А. П. (1997) Оценка адаптационных возможностей организма и риск развития заболеваний. М. : Медицина. 236 с.
- Бацевич, В. А., Бутовская, М. Л., Кобылянский, Е. (2018) Адаптивный статус, темпы онтогенеза и динамика морфологических признаков в трех скотоводческих популяциях, сохранивших традиционный образ жизни // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 5–20. DOI: <https://www.doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.005-020>
- Бацевич, В. А., Красильникова, В. А., Пермякова, Е. Ю. (2020) Адаптационные возможности студентов из разных районов Республики Тыва // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 19–31. DOI: <https://www.doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.019-031>
- Бацевич, В. А., Машина, Д. А., Пермякова, Е. Ю. (2020) Социально-экономические преобразования на территории Тывы и изменения адаптивных биологических характеристик у коренного населения // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. №4. С. 29–31. DOI: <https://www.doi.org/10.32521/2074-8132.2020.4.029-031>
- Бацевич, В. А., Машина, Д. А., Красильникова, В. А., Ясина, О. В., Пермякова, Е. Ю. (2021) Изменения антропологических характеристик молодежи Тувы в связи с влиянием социально-экономических факторов // Новые исследования Тувы. № 3. С. 148–163. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.12>

<sup>1</sup>Здравоохранение в России. Статистический сборник. М.: Росстат, 2019. С. 90.

<sup>2</sup>Организации культурно-досугового типа [Электронный ресурс] // Российский Статистический Ежегодник 2020, URL: [https://gks.ru/bgd/regl/b20\\_13/Main.htm](https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm) (дата обращения 11.12.2021); Образование [Электронный ресурс] // Российский Статистический Ежегодник 2020. URL: [https://gks.ru/bgd/regl/b20\\_13/Main.htm](https://gks.ru/bgd/regl/b20_13/Main.htm) (дата обращения 11.12.2021).



Богданова, В. И. (1986) Антропологический состав и вопросы происхождения тувинцев // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии / отв. ред. В. П. Алексеев. Новосибирск : Наука. 191 с. С. 108–162.

Будук-оол, Л. К., Сарыг, С. К., Ховалыг, А. М. (2012a) Особенности адаптации к обучению студентов разных этнических групп // Сибирский педагогический журнал. № 9. С. 92–96.

Будук-оол, Л. К., Сарыг, С. К., Ховалыг, А. М. (2012b) Эколого-физиологическая характеристика «адаптивного портрета» студентов тувинской и русской национальности // Мир науки, культуры, образования. № 3. С. 343–349.

Будук-оол, Л. К. (2013) Особенности адаптации к обучению студентов республики Тува // Экология человека. № 5. С. 54–60.

Валиахметов, Р. М., Баймурзина, Г. Р., Туракаев, М. С., Самба, А. Д.-Б. (2021) Этносоциальные особенности занятости населения в республиках Тува и Башкортостан // Новые исследования Тувы. № 4. С. 206–222. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Войтикова, М. В., Хурса, Р. В. (2015) Линейная регрессия параметров артериального давления для определения риска развития вторичной гипотензии // Артериальная гипертензия. № 6 (44). С. 38–42.

Гребняк, Н. П., Вытрищак, С. В. (2004) Состояние здоровья детского населения мегаполиса // Гигиена и санитария. № 2. С. 50–53.

Дерябин, В. Е., Пурунджан, А. Л. (1990) Географические особенности строения тела населения СССР. М. : Изд-во МГУ. 192 с.

Иванова, Е. А. (2010) Проблемы миграции в Москве и возможные пути их решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология. № 2. С. 99–104.

Клевцова, Н. И. (1984) Основные направления межгрупповой изменчивости строения тела у тувинцев // Антропологические исследования в Туве / отв. ред. Т. И. Алексеева, М. И. Урысон. М. : Наука. 224 с. С. 125–157.

Козлов, В. И. (1983) Основные проблемы этнической экологии // Советская этнография. № 1. С. 3–16.

Козлов, В. И. (1994) Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М. : ИЭА РАН. 230 с.

Маурер, А. М., Бацевич, В. А., Пермякова, Е. Ю., Ясина, О. В. (2020) Сравнительные исследования возрастной и временной динамики кефалометрических признаков и антропологическая фотография у современных тувинских школьников при экологических изменениях в популяциях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 104–119. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.8>

Негашева, М. А. (2017) Основы антропометрии. М. : Экон-Информ. 216 с.

Негашева, М. А., Зиминова, С. Н., Синева, И. М., Юдина, А. М. (2018) Особенности морфофункциональной адаптации студенческой молодежи, проживающей в разных городах России // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. № 3. С. 41–54. DOI: <https://www.doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.041-054>

Негашева, М. А., Михайленко, В. П., Корнилова, В. М. (2007) Разработка нормативов физического развития юношей и девушек 17–18 лет // Педиатрия. Журнал им. Г.Н. Сперанского. Т. 86. № 1. С. 68–73.

Николаев, Д. В., Смирнов, А. В., Бобринская, И. Г., Руднев, С. Г. (2009) Биоимпедансный анализ состава тела человека. М. : Наука. 392 с.

Савицкий, Н. Н. (1974) Биофизические основы кровообращения и клинические методы изучения гемодинамики. М. : Медицина. 311 с.

Свердлов, Ю. С. (2014) Патология сердечно-сосудистой системы : в 3 ч. М. : Изд-во Гарнитура Таймс. Ч. 1. Важнейшие показатели кровообращения, применяемые для оценки функциональных нарушений сердечно-сосудистой системы. 28 с.

Тегако, Л. И., Марфина, О. В., Скриган, Г. В., Емельянич, О. А. (2013) Динамика адаптивной изменчивости населения Беларуси. Мн. : Белорусская наука. 303 с.

Урбозология (1990) / под ред. Т. И. Алексеевой, Л. С. Белоконь, Е. З. Годиной. М. : Наука. 240 с.

Флоринская, Ю. Ф. (2015) Влияние миграции на рынок труда в Москве: представления москвичей и реальность // Проблемы прогнозирования. № 2. С. 135–143.

Фонсова, Н. А., Дубынин, В. А. (2004) Функциональная анатомия нервной системы. М. : Издательство «Экзам-ен». 192 с.

Федотова, Т. К. (2006) Влияние экологии современного мегаполиса на ростовые процессы дошкольников // Педиатрия. Журнал им. Г. Н. Сперанского. № 6. С. 41–45.

Чумаков, Б. Н., Волков, В. М., Смирнов, В. М., Мелкадзе, О. В., Сутормина, А. М. (2004) Мегаполис, экология и соматофизиологическое состояние подростков // Экология человека. № 4. С. 8–13.

Шилова, О. Ю. (2011) Современные тенденции физического развития в юношеском периоде онтогенеза (обзор) // Экология человека. № 4. С. 29–36.



Этническая экология : народы и их культура (2008) / под общ. ред. Н. А. Дубовой, Л. Т. Соловьевой. М. : Старый сад. 377 с.

Этнос и среда обитания (2014). Сборник статей по этноэкологии. Вып. 4 / под ред. Н. И. Григулевич, Н. А. Дубовой и пр. М. : Старый сад. 352 с.

Ямпольская, Ю. А. (2004) Скрининг-оценка адаптационного потенциала растущего организма: «уровни здоровья» // Проблемы современной антропологии : сборник, посвященный 70-летию со дня рождения профессора Б. А. Никитюка / под ред. В. В. Кузина, О. В. Матыцина, Е. З. Годиной. М.: Наука. 186 с. С. 170–184.

Ямсков, А. Н. (2013) История становления и развития отечественной этноэкологии // Этнографическое обозрение. № 4. С. 49–64.

Bunak, V. V. (1928) Le Tannou-Touva // Internationales Archiv fur Ethnographie. Bd. 29. P. 1–16.

Hou, B., Nazroo, J., Banks, J., Marshall, A. (2019) Are cities good for health? A study of the impacts of planned urbanization in China // International Journal of Epidemiology. Vol. 48. № 4. P. 1083–1090. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/dyz088>

Ishikawa, N., Kourtit, K., Nijkamp, P. (2015) Urbanization and quality of life: an overview of the health impacts of urban and rural residential patterns // The rise of the city: Spatial dynamics in the urban century / eds. K. Kourtit, P. Nijkamp and R. R. Stough. Edward Elgar Publ. 392 p. P. 259–317.

Kérdö, I. (1966) Ein aus Daten der Blutzirkulation kalkulierter Index zur Beurteilung der vegetativen Tonuslage // Acta neurovegetativa. Bd. 29. № 2. S. 250–268.

Kharabadze, M., Khetsuriani, R., Betaneli, M., Kandelaki, S., Khutsishvili, L. (2015) Blood pressure patterns in urban and rural children and adolescents of the Kakheti region (East Georgia) // Georgian Medical News. Vol. 238. P. 79–83.

Quetelet, A. (1871) Anthropometrie ou mesure des différentes facultés de l'homme. Bruxelles. 496 p.

Sandercock, G. R., Ogunleye, A., Voss, C. (2011) Comparison of cardiorespiratory fitness and body mass index between rural and urban youth: findings from the East of England Healthy Hearts Study // Pediatrics International. Vol. 53. № 5. P. 718–724. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1442-200X.2011.03354.x>

Swainson, M. G., Batterham, A. M., Tsakirides, C., Rutherford, Z. H., Hind, K. (2017) Prediction of whole-body fat percentage and visceral adipose tissue mass from five anthropometric variables // PloS ONE. Vol. 12. № 5. C. e0177175. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0177175>

Xirocostas, Z. A., Everingham, S. E., Moles, A. T. (2020) The sex with the reduced sex chromosome dies earlier: a comparison across the tree of life // Biology Letters. Vol. 16. № 3. e20190867. DOI: <http://dx.doi.org/10.1098/rsbl.2019.0867>

Дата поступления: 10.12.2021 г.

#### REFERENCES

Abylkalikov, S. I. (2021) Osobennosti demograficheskogo razvitiia Tuvy: vklad migratsii v demograficheskii balans [Features of the demographic development of Tuva: The contribution of migration to the demographic balance]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 131–142. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.10>

Aksianova, G. A. (2009) Osnovnye rezul'taty rasogeneticheskikh issledovaniia v Tuve v XX stoletii (obzor literaturnykh istochnikov) [Principal findings of the 20th-century population studies in Tuva: A survey of literary sources]. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, no. 4 (40), pp. 137–145. (In Russ.).

Alekseeva, T. I. (1998) *Adaptatsiia cheloveka v razlichnykh ekologicheskikh nishakh Zemli [Human adaptation in various ecological niches of the Earth.]*. Moscow, MNEPU Publ. 280 p. (In Russ.).

*Antropoekologicheskie issledovaniia v Tuve [Anthropoecological research in Tuva]* (1984) / ed. by T. I. Alekseeva and M. I. Uryson. Moscow, Nauka. 224 p. (In Russ.).

*Antropoekologiia Tsentral'noi Azii [Anthropoecology of Central Asia]* (2005) ed. by T. I. Alekseeva, V. A. Batsevich, R. M. Munchaev, O. P. Pavlovsky, V. V. Prokhorov and V. A. Spitsyn. Moscow, Nauchnyi mir. 326 p. Pp. 6–126. (In Russ.).

Apanasenko, G. L. (1988) Ob otsenke sostoianiia zdorov'ia cheloveka [On the assessment of the state of health of the human body]. *Vrachebnoe delo*, no. 5, pp. 112–114. (In Russ.).

Baevskii, R. M. and Berseneva, A. P. (1997) *Otsenka adaptatsionnykh vozmozhnostei organizma i risk razvitiia zabolevaniia [An assessment of the adaptive capabilities of the body and the risk of developing diseases]*. Moscow, Meditsina. 236 p. (In Russ.).

Batsevich, V. A., Butovskaia, M. L. and Kobylanskii, E. (2018) Adaptivnyi status, tempy ontogeneza i dinamika morfologicheskikh priznakov v trekh skotovodcheskikh populiatsiiakh, sokhranivshikh traditsionnyi obraz zhizni [Rates of ontogenesis, dynamics of morphological changes and adaptive status in three present-day pastoral populations who retain their traditional way of living]. *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 3, pp. 5–20. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.005-020>





Batsevich, V. A., Krasil'nikova, V. A. and Permiakova, E. Yu. (2020) Adaptatsionnye vozmozhnosti studentov iz raznykh raionov Respubliki Tyva [Adaptation capabilities of students from different rayons of the Republic of Tuva]. *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 3, pp. 19–31. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.019-031>

Batsevich, V. A., Mashina, D. A. and Permiakova, E. Yu. (2020) Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniia na territorii Tyvy i izmeneniia adaptivnykh biologicheskikh kharakteristik u korennoogo naseleniia [Socio-economic transformations on the territory of Tuva and changes in adaptive biological characteristics of the indigenous population]. *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 4, pp. 29–31. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.32521/2074-8132.2020.4.020-031>

Batsevich, V. A., Mashina, D. A., Krasil'nikova, V. A., Iasina, O. V. and Permiakova, E. Yu. (2021) Izmeneniia antropologicheskikh kharakteristik molodezhi Tuvy v sviazi s vlianiem sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov [Changes in adaptive anthropological characteristics in Tuvan youth due to socio-economic factors]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 148–163. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.12>

Bogdanova, V. I. (1986) Antropologicheskii sostav i voprosy proiskhozhdeniia tuvintsev [Anthropological composition and the issue of the origin of Tuvans]. In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniia Sovetskoi Azii [Problems of anthropology of the ancient and modern population of Soviet Asia]*. Ed. by V. P. Alexeev. Novosibirsk, Nauka. 191 p. Pp. 108–162. (In Russ.).

Buduk-ool, L. K., Saryg, S. K. and Khovalyg, A. M. (2012a) Osobennosti adaptatsii k obucheniiu studentov raznykh etnicheskikh grupp [Particularities of adaptation to teaching students of different ethnical groups]. *Siberian Pedagogical Journal*, no. 9, pp. 92–96. (In Russ.).

Buduk-ool, L. K., Saryg, S. K. and Khovalyg, A. M. (2012b) Ekologo-fiziologicheskaiia kharakteristika "adaptivnogo portreta" studentov tuvinskoii i russkoi natsional'nosti [Ecological and physiological characteristics of the «adaptive portrait» of ethnic Tuvan and Russian students]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 3, pp. 343–349. (In Russ.).

Buduk-ool, L. K. (2013) Osobennosti adaptatsii k obucheniiu studentov respubliki Tuva [Adapting to tuition in students of the republic of Tuva]. *Ekologiya cheloveka*, no. 5, pp. 54–60. (In Russ.).

Valiakhmetov, R. M., Baimurzina, G. R., Turakayev, M. S. and Samba, A. D.-B. (2021) Etnosotsial'nye osobennosti zaniatosti naseleniia v respublikakh Tuva i Bashkortostan [Ethnic and social aspects of employment in the Republics of Tuva and Bashkortostan]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 206–222 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.15>

Voitikova, M. V. and Khursa, R. V. (2015) Lineinaia regressiia parametrov arterial'nogo davleniia dlia opredeleniia riska razvitiia vtorichnoi gipotenzii [The use of linear regression modeling of blood pressure data to determine the risk of acute hypotensive episodes]. *Arterial'naia gipertenziia*, no. 6 (44), pp. 38–42. (In Russ.).

Grebniak, N. P. and Vytrishchak, S. V. (2004) Sostoianie zdorov'ia detskogo naseleniia megapolisa [The health status of children in a megapolis]. *Gigiena i sanitariia*, no. 2, pp. 50–53. (In Russ.).

Deriabin, V. E. and Purundzhan, A. L. (1990) *Geograficheskie osobennosti stroeniia tela naseleniia SSSR [Geographical features of the structure of the body of the population of the USSR]*. Moscow, Izd-vo MGU. 192 p. (In Russ.).

Ivanova, E. A. (2010) Problemy migratsii v Moskve i vozmozhnye puti ikh resheniia [Migration problems in Moscow and possible solutions]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Politologiya*, no. 2, pp. 99–104. (In Russ.).

Klevtsova, N. I. (1984) Osnovnye napravleniia mezhruppovoi izmenchivosti stroeniia tela u tuvintsev [The main aspects of intergroup variability of the body structure in Tuvans] In: *Antropoekologicheskie issledovaniia v Tuve [Anthropoecological research in Tuva]* / ed. by T. I. Alekseeva and M. I. Uryson. Moscow, Nauka. 224 p. Pp. 125–157. (In Russ.).

Kozlov, V. I. (1983) Osnovnye problemy etnicheskoi ekologii [The main problems of ethnic ecology]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, pp. 3–16. (In Russ.).

Maurer, A. M., Batsevich, V. A., Permiakova, E. Yu. and Yasina, O.V. (2020) Sravnitel'nye issledovaniia vozrastnoi i vremennoi dinamiki kefalometricheskikh priznakov i antropologicheskaiia fotografiiia u sovremennykh tuvinskikh shkol'nikov pri ekologicheskikh izmeneniiaakh v populiatsiiaakh [Comparative studies of age and temporal dynamics of cephalometric characteristics and anthropological photography in modern Tuvan schoolchildren under environmental changes in populations]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 104–119. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.8>

Negasheva, M. A. (2017) *Osnovy antropometrii [The foundations of anthropometry]*. Moscow, Ekon-Inform. 216 p. (In Russ.).

Negasheva, M. A., Zimina, S. N., Sineva, I. M. and Yudina, A. M. (2018) Osobennosti morfofunktional'noi adaptatsii studencheskoi molodezhi, prozhivaiushchei v raznykh gorodakh Rossii [Morphofunctional adaptation of student youth in various cities and towns of Russia]. *Moscow University Anthropology Bulletin*, no. 3, pp. 41–54. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.32521/2074-8132.2018.3.041-054>

Negasheva, M. A., Mikhailenko, V. P. and Kornilova, V. M. (2007) Razrabotka normativov fizicheskogo razvitiia iunoshei i devushek 17–18 let [Describing standards for the physical development of young men and women aged 17–18]. *Pediatria. Journal named after G. N. Speransky*, vol. 86, no. 1, pp. 68–73. (In Russ.).



Nikolaev, D. V., Smirnov, A. V., Bobrinskaia, I. G. and Rudnev, S. G. (2009) *Bioimpedantsnyi analiz sostava tela cheloveka [Bioimpedance analysis of human body composition]*. Moscow, Nauka. 392 p. (In Russ.).

Savitskii, N. N. (1974) *Biofizicheskie osnovy krovoobrashcheniia i klinicheskie metody izucheniia gemodinamiki [Biophysical basics of blood circulation and clinical methods for studying hemodynamics]*. Moscow, Meditsina. 311 p. (In Russ.).

Sverdlov, Yu. S. (2014) *Patofiziologiia serdechno-sosudistoi sistemy. [Pathophysiology of the cardiovascular system]*. In 3 parts. Moscow, Garnitura Taims Publ. (In Russ.). Part I. *Vazhneishie pokazateli krovoobrashcheniia, primeniemye dlia otsenki funktsional'nykh narushenii serdechno-sosudistoi sistemy [Key indicators of blood circulation used in assessing functional disorders of the cardiovascular system]*. 28 p. (In Russ.).

Tegako, L. I., Marfina, O. V., Skrigan, G. V. and Emel'ianchik, O. A. (2013) *Dinamika adaptivnoi izmenchivosti naseleniia Belarusi [Dynamics of adaptive variability of the population of Belarus]*. Minsk, Belorusskaia nauka. 303 p. (In Russ.).

*Urboekologiia [Urban cology]* (1990), ed. by T. I. Alekseeva, L. S. Belokon' and E. Z. Godina. Moscow, Nauka. 240 p. (In Russ.).

Florinskaia, Yu. F. (2015) *Vliianie migratsii na rynek truda v Moskve: predstavleniia moskvichei i real'nost' [The impact of migration on the labor market in Moscow: the views of Muscovites vs. reality]*. *Problemy prognozirovaniia*, no. 2, pp. 135-143. (In Russ.).

Fonsova, N. A. and Dubynin, V. A. (2004) *Funktsional'naia anatomiia nervnoi sistemy [Functional anatomy of nervous system]*. Moscow, Ekzamen. 192 p. (In Russ.).

Fedotova, T. K. (2006) *Vliianie ekologii sovremennogo megapolisa na rostovye protsessy doshkol'nikov [The influence of the ecology of a modern metropolis on the growth processes in preschoolers]*. *Pediatrics. Journal named after G. N. Speransky*, no. 6, pp. 41-45. (In Russ.).

Chumakov, B. N., Volkov, V. M., Smirnov, V. M., Melkadze, O. V. and Sutormina, A. M. (2004) *Megapolis, ekologiia i somatofiziologicheskoe sostoianie podrostkov [Megapolis, its ecology and somatophysiological state in adolescents]*. *Ekologiia cheloveka*, no. 4, pp. 8-13. (In Russ.).

Shilova, O. Yu. (2011) *Sovremennye tendentsii fizicheskogo razvitiia v iunosheskom periode ontogeneza (obzor) [Contemporary tendencies of physical development in the ontogenesis of the youth: A review]*. *Ekologiia cheloveka*, no. 4, pp. 29-36. (In Russ.).

*Etnichskaia ekologiia : narody i ikh kul'tura [Ethnic ecology: peoples and their culture]* (2008) / ed. by N. A. Dubova and L. T. Solov'eva. Moscow, Staryi sad. 377 p. (In Russ.).

*Etnos i sreda obitaniia [Ethnicity and Habitat]* (2014). A collection of articles on ethnoecology. Issue 4 / edited by N. I. Grigulevich, N. A. Dubovoy, etc. Moscow, Staryi sad. 352 p. (In Russ.).

Yampol'skaia, Yu. A. (2004) *Skrining-otsenka adaptatsionnogo potentsiala rastushchego organizma: «urovni zdorov'ia» [Screening assessment of the adaptive capability of a growing organism: "health levels"]*. In: *Problemy sovremennoi antropologii [Issues of modern anthropology]*. A collection dedicated to the 70th anniversary of the birth of Professor B. A. Nikityuk. Ed. by V. V. Kuzin, O. V. Matytsin and E. Z. Godina. Moscow, Nauka. 186 p. Pp. 170-184. (In Russ.).

Yamskov, A. N. (2013) *Istoriia stanovleniia i razvitiia otechestvennoi etnoekologii [The history of the rise and development of Russian ethnoecology]*. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 49-64. (In Russ.).

Bunak, V. V. (1928) *Le Tannou-Touva. Internationales Archiv fur Ethnographie*, bd. 29, pp. 1-16. (In French).

Hou, B., Nazroo, J., Banks, J. and Marshall, A. (2019) *Are cities good for health? A study of the impacts of planned urbanization in China*. *International Journal of Epidemiology*, vol. 48, no. 4, pp. 1083-1090. DOI: <https://doi.org/10.1093/ije/dyz088>

Ishikawa, N., Kourtit, K. and Nijkamp, P. (2015) *Urbanization and quality of life: an overview of the health impacts of urban and rural residential patterns*. In: *The rise of the city: Spatial dynamics in the urban century* / eds. K. Kourtit, P. Nijkamp and R. R. Stough. Edward Elgar Publ. 392 p. Pp. 259-317.

Kérdö, I. (1966) *Ein aus Daten der Blutzirkulation kalkulierter Index zur Beurteilung der vegetativen Tonuslage*. *Acta neurovegetative*, bd. 29, no. 2, pp. 250-268. (In German)

Kharabadze, M., Khetsuriani, R., Betaneli, M., Kandelaki, S. and Khutsishvili, L. (2015) *Blood pressure patterns in urban and rural children and adolescents of the Kakheti region (East Georgia)*. *Georgian Medical News*, vol. 238, pp. 79-83.

Quetelet, A. (1870) *Anthropometrie ou mesure des différentes facultés de l'homme*. Bruxelles. 496 p. (In French).

Sandercock, G. R., Ogunleye, A. and Voss, C. (2011) *Comparison of cardiorespiratory fitness and body mass index between rural and urban youth: findings from the East of England Healthy Hearts Study*. *Pediatrics International*, vol. 53, no. 5, pp. 718-724. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1442-200X.2011.03354.x>

Swainson, M. G., Batterham, A. M., Tsakirides, C., Rutherford, Z. H. and Hind, K. (2017) *Prediction of whole-body fat percentage and visceral adipose tissue mass from five anthropometric variables*. *PLoS ONE*, vol. 12, no. 5, p. e0177175. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0177175>



Xirocostas, Z. A., Everingham, S. E. and Moles, A. T. (2020) The sex with the reduced sex chromosome dies earlier: a comparison across the tree of life. *Biology Letters*, vol. 16 ( 3), p. e20190867. DOI: <http://dx.doi.org/10.1098/rsbl.2019.0867>

*Submission date: 10.12.2021.*



DOI: 10.25178/nit.2022.1.17

Article

## The comparative-historical method of studying biographies: heroes of the Great Patriotic War Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly

**Rassul Zh. Kilash, Gulfira E. Otepova, Anara E. Karimova**  
Pavlodar Pedagogical University, Kazakhstan



The article makes an attempt at historical comparison of the biographies of the Heroes of the Soviet Union Tuvan Tulush Kechil-ool and Kazakh Bauyrzhan Momyshuly. The use of the comparative historical method in analyzing their biographies is based on Plutarch's principle of binarity and the unity of J. M. Cooper's notion of chronology of biographies.

Comparison allows the authors to reveal similarities and differences in the heroes' personalities. Both belonged to the Turkic peoples, took the professional path before joining the army, had a military career of an officer, were famous for their heroic deeds, personal qualities, and were awarded the distinction of the Hero of the Soviet Union. The unity of their lifepaths is explained in connection with the history of the country and people, and also with important historical events. Until now, historians have not paid enough attention to the fact that when both commanders were nominated for the title of Hero of the Soviet Union during the Great Patriotic War, they did not receive this title at that time. Tuvan historians have put forward a hypothesis that the reason for this was Kechil-ool's belonging to the repressed clan of Adyg-Tyulyushi. As for Momyshuly, Kazakhstani historians have not yet fully clarified this situation.

Both officers were outstanding representatives of their peoples, and their memory is carefully preserved, and their lives are in the focus of historians' studies. A comparative historical analysis of the biographies of two outstanding representatives of the Tuvan and Kazakh peoples showed their role in the history of their peoples, and how lives are in close connection with the historical process.

**Keywords:** comparative historical method; biography; Tulush Kechil-ool; Bauyrzhan Momyshuly; Tuvans; Kazakh people; Great Patriotic War



### For citation:

Kilash R. Zh., Otepova G. E. and Karimova A. E. The comparative-historical method of studying biographies: heroes of the Great Patriotic War Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 253-265. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.17>



**KILASH, Rassul Zhangel'dyuly**, PhD student in History, doctoral student of the "History" educational program, Pavlodar Pedagogical University. Postal address: 58 Toraygyrov St., 140002 Pavlodar, Kazakhstan. Tel.: + 7 (771) 559-99-65. E-mail: [rassulkilash@mail.ru](mailto:rassulkilash@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0002-9269-0939

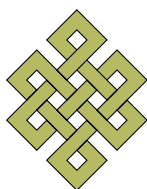
**OTEPOVA, Gulfira Elubayevna**, Doctor of History, Professor, "History" educational program, High school of the Humanities, Pavlodar Pedagogical University. Postal address: 58 Toraygyrov St., 140002 Pavlodar, Kazakhstan. Tel.: + 7 (701) 354-08-44. E-mail: [g.otepova.hist@mail.ru](mailto:g.otepova.hist@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0003-3495-4200

**KARIMOVA, Anara Erkenovna**, Candidate of History, Dean, High School of the Humanities, Professor Pavlodar Pedagogical University. Postal address: 58 Toraygyrov St., 140002 Pavlodar, Kazakhstan. Tel.: + 7 (775) 155-58-73. E-mail: [ake073@mail.ru](mailto:ake073@mail.ru)

ORCID ID: 0000-0002-3246-2272





DOI: 10.25178/nit.2022.1.17

Статья

## Сравнительно-исторический метод изучения биографий: герои Великой Отечественной войны Тулуш Кечил-оол и Бауыржан Момышулы

**Расул Ж. Килаш, Гульфира Е. Отепова, Анара Е. Каримова**

*Павлодарский педагогический университет, Казахстан*

В статье осуществлена попытка исторического сопоставления биографий Героев Советского Союза тувинца Тулуша Кечил-оола и казаха Бауыржана Момышулы. Применение сравнительно-исторического метода на материале их биографий основано на принципе бинарности Плутарха и единства хронологии биографий Дж. Купера.

Авторы при сравнении выявили похожие и различающиеся линии жизни персоналий. В сравнительной биографии Кечил-оола и Момышулы обнаружено большое сходство: это прежде всего их происхождение, принадлежность к тюркским народам, профессиональный путь до вступления в армию, военная карьера офицера, героические поступки, личностные качества, ситуация с получением звания Героя Советского Союза. Единство жизненного пути объясняется связью с историей своей страны и народа, с важными историческими событиями. До сих пор историками не изучена до конца ситуация с тем, что несмотря на представление обоих командиров к званию Героя Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, они не получили этого звания сразу. Тувинские историки выдвинули гипотезу о том, что причиной этого явилась принадлежность Кечил-оола к репрессированному роду Адыг-Тюлюшей. По поводу Момышулы казахстанские историки до сих пор не прояснили эту ситуацию до конца.

Сравниваемые персоналии являются выдающимися представителями своих народов, память о них бережно хранится, ученые-историки исследуют их жизненный путь. Сравнительно-исторический анализ биографий двух выдающихся представителей тувинского и казахского народов показал их роль в истории своих народов, тесную связь личности с историческим процессом.

**Ключевые слова:** сравнительно-исторический метод; биография; Тюлюш Кечил-оол; Бауыржан Момышулы; тувинцы; казахи; Великая Отечественная война



### Для цитирования:

Kilash R. Zh., Oteпова G. E., Karimova A. E. The comparative-historical method of studying biographies: heroes of the Great Patriotic War Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momysuly // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 254-266. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.17>



**Килаш Расул Жангелдыұлы** — соискатель ученой степени PhD, докторант образовательной программы «История» Павлодарского педагогического университета. Адрес: 140002, Казахстан, г. Павлодар, ул. Торайгырова, д. 58. Тел.: + 7 (771) 559-99-65. Эл. адрес: [rassulkilash@mail.ru](mailto:rassulkilash@mail.ru)

**Отепова Гульфира Елубаевна** — доктор исторических наук, профессор образовательной программы «История» Павлодарского педагогического университета. Адрес: 140002, Казахстан, г. Павлодар, ул. Торайгырова, д. 58. Тел.: + 7 (701) 354-08-44. Эл. адрес: [g.oteпова.hist@mail.ru](mailto:g.oteпова.hist@mail.ru)

**Каримова Анара Еркеновна** — кандидат исторических наук, декан Высшей школы гуманитарных наук Павлодарского педагогического университета. Адрес: 140002, Казахстан, г. Павлодар, ул. Торайгырова, д. 58. Тел.: + 7 (775) 155-58-73. Эл. адрес: [ake073@mail.ru](mailto:ake073@mail.ru)



## Introduction

The comparative historical method is one of the most fundamental in the study of history. It is used for comparing various historical events, state structures, political regimes, revolutionary processes and many other historical phenomena. Its importance might be emphasized as follows, “Most historians deal with individual phenomena of the past. However, it is important to identify the general patterns of development of various cultural phenomena. For this reason, historians most often use the comparative method in their research” (*Teoriia i metodologiia...*, 2014: 395). In this way, B. Badarch and M. V. Bavuu-Surun explored the history of the geographical names in a sumon of the Tsengel Bayan-Olgii aimag of Mongolia and Tuva using a comparative-historical method (*Badarch and Bavuu-Surun*, 2018). I. V. Otroshchenko compared the political processes and the struggle for power between the leaders of the Mongolian People's Republic and the Tuvan People's Republic, revealing the similarities and differences in the verticals of power (*Otroshchenko*, 2021: 17). She focuses on the role played by historical personalities, believing that the result of the political struggle largely depended on standoffs between them.

In recent years, a number of works have been devoted to the specifics and essence of the comparative historical method (*Azaryan and Petrusenko*, 2011; *Lange*, 2013). M. Lange describes the place and role of the comparative historical method as follows, “State building, nationalism, capitalist development and industrialization, technological development, warfare and revolutions, social movements, democratization, imperialism, secularization, and globalization are central processes that need to be analyzed in order to understand both the dynamics of the contemporary world and the processes that created it; and many — if not most — of the best books on these topics have used comparative-historical methods” (*Lange*, 2013: 1).

The use of the comparative historical method for contrasting the biographies of historical figures seems to be especially fruitful. One of the first authors who carried out the idea of comparing the biographies of historical figures is the ancient Greek historian Plutarch. In his famous “Parallel Lives”, the author used this method to study lives of outstanding figures from the ancient period by comparing them with each other in pairs (*Plutarch*, 2014).

Among modern historians who rely on this method, we can name D. V. Mityurin, O. E. Orekhova, E. I. Patsyorka, A. N. Koshechko, S. Skiena, C. B. Ward, J. M. Cooper Jr., K. Theakston and others.

D. V. Mityurin in his book “Civil War: White and Red” tried to objectively consider the experience of the participants in Russian Civil war in 1917–1922 (*Mityurin*, 2004). To analyse the figures from both opposing sides with the same degree of objectivity and detail, the historian used Plutarch's form of binary comparison. The author managed to bring together describing and comparing the biographies and life events of the leaders of the opposing sides, despite their different understanding of the goals of their struggle. E. Orekhova carried out a comparative analysis of the life and heroic deeds of the Scandinavian king Sigurd and the ancient German king Siegfried on the material of the 9th–12th centuries Icelandic sagas and the ancient German epic “Nibelungenlied” (*Orekhova*, 2017). E. I. Patsyorka and A. N. Koshechko conducted a comparative analysis of the pedagogical ideas of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy (*Patsyorka and Koshechko*, 2019). The authors used the comparison to identify the main dominants of the pedagogical views of historical figures, and came to the conclusion that in terms of pedagogy, those two writers have more in common than it has been recognized in the previous research.

S. S. Skiena and C. B. Ward interpreted the comparative-historical method in a peculiar way, based on the quantitative analysis (*Skiena and Ward*, 2014). After analyzing the opinions of millions of people about various historical figures (such as Napoleon, Michelangelo or Lincoln) in the book “Who's Bigger? Where Historical Figures Really Rank”, scientists have compiled a rating that determines their places in history.

American researcher J. M. Cooper Jr. has detailed the use of the comparative historical method in research practice (*Cooper*, 2004: 95). Cooper considers the genre of comparative biography to be the most important element of the biography research. He compared the biographies of the US Presidents T. Roosevelt and W. Wilson: “I followed them along the parallels of their lives. I told the story of either of them, looking at one through the eyes of the other. At the beginning of their lives, they were far from one another and literally walked in sync. But in the moment of crisis, their lifepaths crossed and never separated again” (*Ibid.*: 95).

J. M. Cooper Jr., describing the advantages of the comparative method in the study of biography, pinpointed an important underlying principle it: “For this approach to be suitable for the work of a historian-biographer, the subjects must at least be contemporaries and interact with each other” (*Ibid.*: 99). The author himself always paired together historical figures suitable for comparison: A. Lincoln and S. Douglas, D. Eisenhower and D. MacArthur, J. Kennedy and R. Nixon.



According to historian K. Theakston, who also developed a methodology for comparing biographies, comparative biography has good prospects not only for the history, but also for the political science. He carried out biographical comparative studies of nine senior officials in the British Civil Service. As a result, the author was able to show that there are different ways to achieve leadership. And the comparative method makes it possible to identify various opportunities and weaknesses in the careers of individual historical figures, due to the internal and external political situation (Theakston, 1999).

Thus, historians recognize that the comparative historical method is efficient in the study of the biographies of prominent historical figures. The use of this method with biographical material allows us to identify the similarities and differences in the biographies of the compared historical figures, which in turn helps to better understand their life and work, the connection between personal facts and the events of the era, the role and place of the individual in the historical process. K. Rukhnievich, answering the question in an interview about whether it is possible to compare such personalities as Stalin and Hitler, said that “comparative studies are aimed not at equating, but at identifying the features”<sup>1</sup>.

The aim of our work is to apply comparative historical analysis to the material of biographies of outstanding historical personalities during the Great Patriotic War: the hero of the Tuvan people Tulush Kechil-ool and the hero of the Kazakh people Bauyrzhan Momyshuly. The choice of these historical figures is due to the crucial role they played in the history of Tuvan and Kazakh peoples in the Great Patriotic War, and to their importance for the patriotic education of Tuvan and Kazakh youth.

### Methods and materials

In our article, we rely on a combination of two main methods: comparative-historical and biographical. Despite the prevalence of the biographical method in the study of history, its application, combined with the comparative historical method is a poorly studied aspect of the historical methodology. It should be noted that in the Kazakh historical studies science, comparative historical method was rarely, if ever, applied this way, while Russian historians have covered this problem in more detail (see the works mentioned above).

The comparative historical method used in the article is based on the binary principle of life writing in Plutarch’s “Lives” — the book written at the beginning of the 2<sup>nd</sup> century CE. Another methodological source are the works of J. M. Cooper Jr. with their accent on the principle of unity between the chronology of life and activities of historical figures (Cooper, 2004). The methodology of the research can be summarized in Fig. 1.

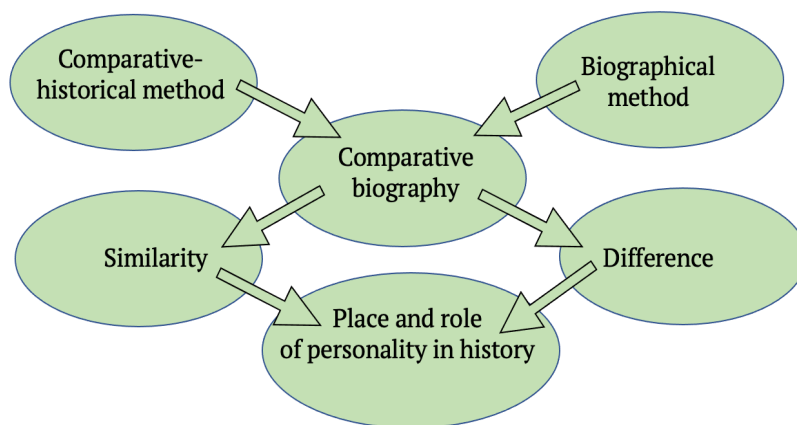


Fig. 1. The complex application of comparative historical and biographical methods.  
 Рис. 1. Комплексное применение сравнительно-исторических и биографических методов.

The main end of constructing a comparative biography by tracing the similarities and differences is to determine the place and role of the individual in the historical process.

<sup>1</sup> Ivanov A. Pol'skiy istorik o tom, možno li sravnivat' Stalina s Gitlerom. DW.com [online] Available at: <https://p.dw.com/p/3pl4Q> (access date: 25.09.2021).



For a source of information about the life and work of Tulush Baldanovich Kechil-ool, we have relied on the following materials were used : the article “Tulush Kechil-ool Baldanovich”<sup>1</sup> by N. V. Ufarkin, the list of works on life and career of T. I. Kechil-ool compiled by the National Library of Tuva<sup>2</sup>, and the bibliographic index “The names of compatriots, recognized as heroes of the Great Patriotic War”<sup>3</sup>. The sources of biographical information about Bauyrzhan Momyshuly are as follows: history and biography “Deep footprint of Tulpar. Bauyrzhan Momyshuly: personality, warrior, sage” written by F. K. Orazbekova, A. A. Shaukhanov (Orazbekova and Shaukhanova, 2006), article by Sh. Akbalayeva “The Commander Bauke”<sup>4</sup>, as well as electronic materials “Bauyrzhan Momyshuly: biography and creative heritage”<sup>5</sup>. The exploits of Kechil-ool and Momyshuly are reflected in fiction – in M. Vershinin's book “The Soldier's Ballad” and in A. Bek's novel “Volokolamskoye Highway”<sup>6</sup>.

### Results and discussion

The Great Patriotic War (1941–1945) became an ordeal for the peoples of the Soviet Union and the Tuvan People's Republic, which was on the side of the anti-Hitler coalition as an ally. For Tuvans, participation in the Great Patriotic War was voluntary. The Tuvan People's Republic announced its participation in the struggle of the Soviet people against the fascist aggressor on the first day of the war. In this war, each nation had its own heroes, such as Tuvan Tulush Kechil-ool and Kazakh Bauyrzhan Momyshuly.

The lives and military activities of these outstanding figures have been the subject of historical studies. Among others, historian O. Yu. Irgit focused his work on the life of the Hero of the Soviet Union Tulush Kechil-ool (Irgit, 2020). The scholar looked at the biography of Tulush Kechil-ool from the point of view of his belonging to the repressed Tuvan clan of Adyg-Tyulyushi. Tuvan historians also wrote about the combat path of Kechil-ool. B. Shaktar-ool (Shaktar-ool, 2018), A. A. Oidupaa (Oidupaa, 2020), documentary filmmaker V. P. Pivovarov (Pivovarov, 1990). Kazakh researchers F. K. Orazbekova, A. A. Shaukhanov conducted a historical and biographical study of the life and work of Bauyrzhan Momyshuly (Orazbekova and Shaukhanov, 2006). His role in the history of the Great Patriotic War was analyzed by A. K. Kobegenov, S. V. Postnikov (Kobegenov and Postnikov, 2016), and D. T. Khauezkhan (Khauezkhan, 2021).

Next, we will briefly outline the main points of the biographies of both war heroes, obtained from the sources mentioned above, in order to further carry out a comparative analysis of them.

<sup>1</sup>Ufarkin N. V. Tulush Kechil-ool Baldanovich. *Geroi strany* [online] Available at: [https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero\\_id=9068](https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=9068) (access date: 29.04.2021).

<sup>2</sup> Bashtaigy tulchuushkun: [Rovno operatsiiazynnga maadyrlyg choruunarny körgüskeninger deesh, polk. Popov körüchüktelip turar mönggün synnyg selemzin kap. Kechil-oolga sungan]. Daiynchy aldar. Kyzyl, 1973. Pp. 96-104; Kodur-ool O. Töreen churt deesh: Istekchining olchazy: [Kechil-ooldu eki turachy otriadtyng komandiri kyldyr tomuilaan] / Oiun Kodur-ool. Daiynchy aldar. Kyzyl, 1973. Pp. 80–88; Kongar, Ch. Maadyr dugaiynda sös: [Sovet Evilelining Maadyry T. B. Kechil-ooldu dugaiynda]. *Bashky*. 1999. № 4. P. 67; Lama B. Daiynchy ezhimning chyryk adynga: [Sovet Evilelining Maadyry, tyva eki turachylarynyng komandiri gvardiia kap. Tülüş Baldanovich Kechil-ooldu dugaiynda]. *Bashky*. 1999. № 3. Pp. 79–80; Maspyk-ool G. Maadyr chonga iöree: [Dekabr' 9 – Ada-churt maadyrlarynyng khünü: [Ada-churtung Ulug daiynnyng kirzhikchizi, Sovet Evilelining Maadyry Tülüş Baldanovich Kechil-ool]. Shyn. 2013. December 7; Eskadron bolgash oong komandiri kapitan Kechil-ool : [dörtkü eskadron polk bolgash oong komandiri kap. Tülüş Baldanovich Kechil-ooldu dugaiynda]. In: Sundui M. B. Eki turachy a"ttyg eskadron. Kyzyl, 1989. Pp. 24–30; Eskadron kommissary: [dörtkü eskadron polk bolgash oong komandiri kap. Tülüş Baldanovich Kechil-ooldu dugaiynda]. In: Sundui M. B. Eki turachy a"ttyg eskadron. Kyzyl, 1989. Pp. 31–41; Eskadron bolgash oong komandiri kapitan Kechil-ool: [dörtkü eskadron polk bolgash oong komandiri kap. Tülüş Baldanovich Kechil-ooldu dugaiynda]. In: Sundui M. B. Eki turachy a"ttyg eskadron. Kyzyl, 2005. Ar. 32–41; Filippov P. P. Kliatva tuvinskikh dobrovol'tsev. M., 2005; Dugerzhaa A. Kechil-ool Tulush Baldanovich: 90 let so dnia rozhdeniia. In: Liudi i sobytiia 2004: ukaz.–kalendar' / GBU «NB m. A. S. Pushkina RT». Kyzyl, 2004. Pp. 28–29; Kechil-ool vedet boi. In: Vershinin, M. Soldatskaia ballada. M., 1969. Pp. 59–66; Kechil-ool Tulush Baldanovich : [o Geroe Sov. Soiuzu]. In: XX chüs chylida Tyvanyng aldarlyg kizhileri = Zasluzhennye liudi Tuvy XX veka : gos. kn. Resp. Tyva. Kyzyl, 2004. P. 32; Podvig nashikh zemliakov. In: Kniga Pamiati / sost. N. M. Mollerov. Kyzyl, 1995. Pp. 10–16, et al. on the page: <https://tuva-library.ru/contents/118-kechil-ool-tulush-baldanovich.html>

<sup>3</sup>Imena zemlyakov Geroev Velikoj Otechestvennoj vojny: biobibliogr. ukaz. / sost.: L. A. Byurbyu, A. N. Babushkina, Ch. V. Saryglar. Kyzyl: GBU «Nac. b-ka im. A. S. Pushkina Resp. Tyva», inform.-bibliogr. otd.; soc.-ekon. otd., 2015. 60 p.

<sup>4</sup> Akbalayeva Sh. (2020) Polkovodec Bauke. Vecherniia Astana [online] Available at: <https://vechastana.kz/polkovodec-bauke/> (access date: 02.05.2021).

<sup>5</sup> Bauyrzhan Momyshuly: biografiya i tvorcheskoe nasledie. *Ehonline.kz* [online] Available at: <https://ehonline.kz/bauyrzhan-momyshuly-biografiya-i-tvorcheskoe-nasledie/> (access date: 02.05.2021).

<sup>6</sup> Bek A. Volokolamskoe shosse. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 250 p.





### ***Tulush Baldanovich Kechil-ool***

The biographical sources say that Kechil-ool was born on June 23, 1914, near the village of Khayyrakan, Ulug-Khem kozhuun, into the family of a cattle breeder Tulush Baldan. There is information that Kechil-ool had been helping his family since childhood, earning money as a shepherd. He was a student at a Buddhist monastery. In 1930, he mastered the Cyrillic writing and started teaching it to others (Irgit, 2020).

His military path began in the Tuvan People's Revolutionary Army. He was sent to study at the Tambov Higher Cavalry School, which he graduated in 1938. A year before that he married Olga Borisova. They had two children — son Vladimir and daughter Zoya. Returning to his homeland with his family after graduation, he was appointed a commander of a school for the training, education and upbringing of soldiers and junior commanders of the Tuvan People's Liberation Army. In 1942, Tulush Kechil-ool was again sent to study in Moscow, and in 1943 he graduated from the Red Banner Higher Officer Cavalry School of the Red Army named after S. M. Budyonny. In the same year, being promoted to the rank of Captain of the Guards, he commanded the 1st Tuvan Volunteer Cavalry Squadron of 206 people, which was sent to the front in September 1943.

In February 1944 in the battles for the city of Dubno, Rovno oblast, Ukraine, repelling fierce counterattacks by superior enemy forces, Tulush Kechil-ool raised the squadron entrusted to him to attack, threw back the enemy and provided cover for the flank of the 8th Cavalry Division of Guards. On February 2, 1944, T. B. Kechil-ool was among the first at the head of his squadron to burst into the city of Rovno, destroying a large number of enemy personnel and military equipment (Oidupaa, 2020: 103).

For the liberation of the city of Rovno, courage shown in the battles, he was awarded the Order of the Red Banner. V. P. Pivovarov, in his documentary story, wrote that the commander of the 31st Cavalry Regiment, Colonel E. A. Popov, repeatedly expressed gratitude to Kechil-ool for his courage and ability to lead fighters in the difficult moments of the battle (Pivovarov, 1990: 50). E. A. Popov also criticized him for his fervor and said that the commander should not ride ahead of everyone on a hot horse, swinging a saber, nor rush into the thick of the battle. The warlike heroic image of Kechil-ool was created by the writer M. Vershinin in the chapter "Kechil-ool is fighting" of the book "A Soldier's Ballad"<sup>1</sup>.

Soon T. B. Kechil-ool was awarded the Order of the Republic for his valor and courage. 67 fighters and squadron commanders were awarded orders and medals of the Soviet Union, and 135 volunteers were awarded orders and medals of the Tuvan People's Republic. It is also known that in February 1944 Kechil-ool was nominated for the distinction of the Hero of the Soviet Union. In the words of a historian, "The Podolsk archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation preserves documentation on the award dated February 29, 1944" (Oidupaa, 2020: 103).

After the Tuvan People's Republic acceded to the USSR in 1944, Tuvan People's Revolutionary Army was transformed into the 7th Separate Cavalry Regiment of the Red Banner Siberian Military District. Kechil-ool continued his service in this regiment. On July 10, 1945, Tulush Baldanovich tragically died. He was buried at the Old cemetery in the city of Kyzyl. By the decree of the President of the USSR of May 5, 1990 "for courage shown during the Great Patriotic War of 1941–1945", Captain of the Guards Kechil-ool Tulush Baldanovich was posthumously awarded the title of Hero of the Soviet Union. One of the main streets in the capital of the Republic of Tuva is named after the hero as well as secondary school No. 3 in the city of Kyzyl. A bust has been installed in Tulush Baldanovich's native village.



*Photo 1. Tulush Kechil-ool.*

*Photo from the National Archives of the Republic of Tuva, f. 19, op. 1, d. 21.*

*Фото 1. Түлюш Кечил-оол.*

*Фото Национального архива Республики Тува, ф. 19, оп. 1, д. 21.*

<sup>1</sup> Vershinin M. M. Kechil-ool vedet boj. In: Soldatskaya ballada. M.: DOSAAF, 1969. 125 p. Pp. 59–66.



### *Bauyrzhan Momyshuly*

He was born on December 24, 1910 in Kolbastau village, Zhambyl region, Kazakh Soviet Socialist Republic, into a poor family of nomadic herders. He lost his mother at an early age. Since he was young, Bauyrzhan lived in several boarding schools. In 1929 he graduated from 9th grade of his school. He subsequently worked as a rural teacher, which at that time was a respected profession. Bauyrzhan Momyshuly worked as secretary of the district executive committee, police chief, and financier as well.

His military career began as a private in the Workers' and Peasants' Red Army from November 1932 to 1934; and from 1936 he remained in the army for a long time. He gained combat experience in the Far East and in Bessarabia. During the Great Patriotic War, Bauyrzhan Momyshuly led, in turn, a platoon, battalion, regiment and division. He took part in the formation of the 316th Rifle division in Almaty under the command of Major General I. V. Panfilov and from September 1941 served in it as a battalion commander. This division became legendary in the defense of Moscow. During the second general offensive of the enemy on Moscow in November 1941, the battalion under the command of Bauyrzhan Momyshuly, being separated from the division, staunchly held the ground on the Volokolamskoye highway near the village of Matrenino. Thanks to the skillful leadership of the battalion commander Momyshuly, the soldiers detained the Wehrmacht troops for three whole days<sup>1</sup>.

This feat was later described in the by Alexander Bek "The Volokolamskoye Highway"<sup>2</sup>, a mix of fiction and non-fiction. The author in his book describes that for a long time he was looking for a person who could tell the story of the battle of Moscow, a person whose narration would cover the plan and meaning of the operation. The book became famous; it was translated into other languages and published abroad. It is interesting to note that Bauyrzhan Momyshuly was the idol of Ernesto Che Guevara and Fidel Castro (Kobegenov and Postnikov, 2016: 136). To the question: "Which of the heroes of the Second World War could you call your idol?", the commander replied: "This is the hero of the book by Alexander Bek "The Volokolamskoye Highway" — Kazakh Momyshuly" (Khauezkhan, 2021: 169). When the Cubans came to the USSR on a state visit, they expressed a desire to visit Bauyrzhan Momyshuly. Then Momyshuly personally visited Cuba at the invitation of its leaders, where he lectured on military tactics to Cuban soldiers.

After the war, Momyshuly continued to serve in the army. Since 1950, he taught at the Department of General Tactics and Operational Art of the V. Molotov Military Academy of Logistics and Supply of the Soviet Army. He forever entered the history of military science as the author of tactical maneuvers and strategies (Kobegenov and Postnikov, 2016: 134). Today it is believed that Bauyrzhan Momyshuly was the founder of the Kazakh military philosophy<sup>3</sup>. In 1955, he resigned and became a writer. Throughout his military service, he kept personal diaries, which were later used as a foundation for his books. The most famous works by Momyshuly are "Moscow is behind us. An Officer's Notes", "Our Family", "Psychology of War", "At General Panfilov's", "Captain Lysenko" and others. Bauyrzhan Momyshuly died on June 10, 1982.



*Photo 2. Bauyrzhan Momyshuly. While studying in Leningrad. 1934–1936. Photo from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, f. 1432, op. 2, d. 400, l. 1. Фото 2. Бауыржан Момышулы в годы учебы в Ленинграде (1934–1936). Фото из собрания Центрального Государственного Архива Республики Казахстан, ф. 1432, оп. 2, д. 400, л. 1.*

<sup>1</sup> Akbalayeva Sh. (2020) Polkovodec Bauke. *Vecherniaia Astana* [online] Available at: <https://vechastana.kz/polkovodec-bauke/> (access date: 02.05.2021).

<sup>2</sup> Beck A. Volokolamskoe shosse. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 250 p.

<sup>3</sup> 110 let Bauyrzhanu Momyshuly. Opublikovany redkie arhivnye foto komandira «Dikoj divizii». Tengri Mix [online] Available at: <https://tengrinews.kz/mixnews/110-let-bauyirjanu-momyshulyi-opublikovanyi-redkie-423566/> (access date: 02.05.2021).



For his courage and heroism in the battle near Moscow, Bauyrzhan Momyshuly was nominated for the distinction of a Hero of the Soviet Union back in 1942. However, he did not receive his award until almost a decade after his death — on December 11, 1990. Five years later, by the Decree of the First President of the country, the outstanding warrior was awarded the title “People's Hero of Kazakhstan”.

**Comparative analysis of the biographies of Tuvan Tulush Kechil-ool Baldanovich and Kazakh Bauyrzhan Momyshuly**

To carry out a comparative historical analysis of the biographies of Tulush Baldanovich Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly, we need to determine the parameters for comparing their lives, corresponding to their military role and place in the history of their country. This will help to identify some similar and different facts of their biography and draw conclusions about the relationship of their life path with the history of the country. The comparison parameters that we have identified reflect the main stages and facts of their military careers, and their heroic service to the Fatherland. The parameters are presented in the following table.

Table 1. Comparison of the biographies of Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly.

Табл. 1 Сравнение биографий Тулуша Кечил-оола и Бауыржана Момышулы.

<i>Parameters of comparison</i>	<i>Tulush Kechil-ool</i>	<i>Bauyrzhan Momyshuly</i>
Dates of birth and death	1914–1945	1910–1982
Origin	From a family of cattle breeders	From a family of nomadic herders
Education	Tambov Higher Cavalry School named after S.M. Budyonny, Red Banner Higher Officer Cavalry School of the Red Army named after S.M. Budyonny	9 classes
Work before the army	Shepherd, teacher	Rural teacher, secretary of the district executive committee, chief of police, financier
The beginning of the military career	In the Tuvan People's Revolutionary Army	November 1932 to 1934 – a private in the Workers' and Peasants' Red Army
Places of service before the battlefronts of the Second World War	Tuvan People's Republic	Far East and Bessarabia
Date of being sent to the front of the Second World War	September 1943, as the commander of the 1st Tuvan Volunteer Cavalry Squadron	September 1941, as the battalion commander of the 316th Rifle division led by General Panfilov
Battles and operations in which the commanders distinguished themselves	Rovno-Lutsk operation, January–February 1944	Defense of Moscow in November 1941, near the village of Matrenino
Rank	Captain of the Guards	Colonel
Combat skills	Courage, ability to organize and lead people, good skills in military tactics and strategy	Courage, leadership skills, good skills in military tactics and strategy
Awards	Order of the Red Banner, Order of Lenin, Order of the Tuvan People's Republic. In 1944 he was nominated for the distinction of the Hero of the Soviet Union. Received this title posthumously on May 5, 1990.	Order of the Red Banner, Order of Lenin. In 1942 he was nominated for the distinction of the Hero of the Soviet Union. Received this title posthumously on December 11, 1990. In 1995, by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan, he was awarded the distinction of People's Hero of Kazakhstan





Post-war activities	Died in 1945	Since 1950 he taught at the Department of General Tactics and Operational Art of the V. Molotov Military Academy for Logistics and Supply of the Soviet Army. Since 1955, was engaged in writing
Family	Wife Olga Borisovna, son Vladimir and daughter Zoya	First wife Mukankyzy Bibijamal, son Bakhytzhан. Second wife Baubekova Gainikamal. Korkin's illegitimate daughter Elena Bauyrzhanovna
Commemoration	Name given to a street in the capital of the Republic of Tuva, and to school No. 3 in Kyzyl. A bust installed in his native village, and a memorial plaque, on a house he lived in in the city of Kyzyl	Name given to several streets in the cities of Kazakhstan and to schools (e.g, Momyshuly St. in the capital Nur-Sultan, and school No. 22 in Pavlodar)
Works of fiction covering the hero's exploits	M. Vershinin's book "A Soldier's Ballad" (chapter "Kechil-ool is fighting")	A. Bek's novel "The Volokolamskoye Highway"

As it can be seen from the table, there are many similar facts in the biographies of Tulush Baldanovich Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly. Both were born in the families of cattle breeders. It can be noted that from an early age, both had had a thirst for knowledge and the ability to teach; both worked as teachers. Tulush Kechil-ool, after mastering writing, taught others, and upon graduation from the Tambov School named after S. M. Budyonny was appointed a commander of the school for the training, education and upbringing of soldiers and junior commanders of the Tuvan People's Liberation Army. Bauyrzhan Momyshuly also worked as a teacher before serving in the army and continued teaching after the war at the V. Molotov Military Academy for Logistics and Supply of the Soviet Army.

During the Great Patriotic War, they were both officers and unit commanders. They have proven themselves to be capable commanders and leaders of military operations. Contemporaries describe their similar personal qualities: courage, ability to organize and lead people, good skills in military tactics and strategy.

The Tuvan hero passed away early, he died tragically in June 1945 under unexplained circumstances. The Kazakh Momyshuly lived until 1982. In the post-war years, he worked as a teacher at the Military Academy, and then wrote books.

Tulush Kechil-ool had one wife, who gave birth to two children, a son and a daughter. Bauyrzhan Momyshuly married twice. He had a son from his first wife and an illegitimate daughter.

A common fact of the biography of both historical figures is also that, being true heroes and commanders during the Great Patriotic War, they were recommended for the distinction of Hero of the Soviet Union at about the same time, and for unknown reasons, both were left without a higher award, the Star of the Hero of the Soviet Union. This was awarded to them later, forty-five years after the end of the war, and again at almost the same time, in 1990.

Tuvan historian O. Yu. Irgit offers the following explanation of some ambiguous facts of Kechil-ool's life: "If you carefully study some facts from his biography, you can understand that the history of his life was rather ambiguous. First, the distinction of The Hero of the Soviet Union was awarded to him 45 years after his death. Secondly, he was not accepted into the ranks of the TNRP (Tuvan People's Revolutionary Party). Thirdly, his death occurred under unexplained circumstances. All these oddities in his biography can be explained by the fact that he belonged to the repressed clan of Adyg-Tyulyushi" (Irgit, 2020: 34–35). Indeed, the history of the clans of Tuva is closely connected with the history of the country. It also determined the life of individual people (see about this: Lamazhaa, 2007, 2008, 2010).

Some historians believe that the reason why Bauyrzhan Momyshuly was not made Hero of the Soviet Union during the war years may be his character: he often stood up for principles and behaved somewhat straightforwardly. For example, A. V. Puzyrev points out that "the reason for the refusal was precisely Bauyr-





zhan's principles: he directly told the authorities what he thought. Much later, he would publicly call Brezhnev, the General Secretary of the Politburo of the Central Committee of the CPSU, a ‘parquet marshal’” (Puzyrev, 2020: 15).

Summing up the comparison, we can conclude that the lives of Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly had a number of similarities: they had quite similar military careers of serving the Fatherland, the destiny of hero warriors who came from small peoples of Turkic origin (both of which had centuries-old military traditions of their own).

Despite these great similarities, there are a number of differences in the lives of the heroes. And one of the most important is their origin: they came from two different states. Tulush Kechil-ool was a citizen of the Tuvan People's Republic, while Bauyrzhan Momyshuly, of the Kazakh SSR, which was a part of the USSR. The TPR did not accede to the USSR until 1944. Other differences include the dates of their lives, participation in battles in different sectors of the front and in different branches of the military; there is little in common in the history of their private lives. The possible reasons for the refusal to confer the title of Hero of the Soviet Union during the war years also differ.

It is important to note that the similarity in the main details of the biographies of two historical figures is due to the personal aspect of the large historical processes of rapprochement between the two states — the TPR and the USSR.

The centuries-old trend of rapprochement between the TPR and the Soviet Union is reflected in the life of Tulush Kechil-ool from his very birth. During his lifetime, the long process of Tuva's rapprochement, first with tsarist Russia, then with the USSR, strengthened even more (*Istoriya Tuvy*, 2007: 401).

There are many parallels between the TPR and the USSR in the economy, political and social structure, which contributed to their rapprochement. Structural changes in the economy of Tuva that continued during the war years brought it closer to the Soviet economic system (Ibid.: 389). And the life of Tuvan society in many of its characteristics was close to the Soviet standards (Ibid.: 402).

The high level of proximity between the two states is clearly seen from the fact that Tuva joined the war as an ally of the USSR. The close relationship between the states is stated in the resolution of the Central Committee of the TPRP and the Council of Ministers of December 26, 1941: “Each kilogram of grain carefully saved and sold to the state will serve to further strengthen the assistance of the Red Army, which protects the freedom and independence of our peoples from the German invaders” (Ibid.: 375).

The Tuvan People's Republic, given its small population, selflessly helped the Soviet people in the Great Patriotic War. To this end, the national economy was rebuilt on a war footing, and all resources were mobilized for the frontlines (Ibid.: 379). During this period, the closeness of the two countries, the friendship of the Tuvan and Soviet peoples manifested itself in the fight against a common enemy (Ibid.: 402). All this can be clearly seen in the biographies of Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly, citizens of two separate states, natives of kindred peoples, who both became heroes of the Great Patriotic War.

The peoples of the USSR and Tuva have gone through a difficult historical path, considered in our article from the point of view of comparing the biographies of Tulush Kechil-ool and Bauyrzhan Momyshuly, and the process of rapprochement of these states ended with the natural entry of Tuva into the Soviet Union in 1944.

## **Conclusion**

We have carried out a comparative historical analysis of the life of the Heroes of the Soviet Union Tuvan Tulush Kechil-ool and Kazakh Bauyrzhan Momyshuly. Both of the men are outstanding heroic personalities in the history of their peoples during the era of the Great Patriotic War. The unity of the chronology of their lives and close connection with the history of the country and their peoples led to a great similarity of the facts of their comparative biography: origin, professional path, military career, personal qualities, awards.

The significance of the compared historical figures in the history of their peoples is confirmed, firstly, by the commemoration preserved in the names of streets, schools, monuments, secondly, by the research interest in their activities on the part of historians, and thirdly, by their depiction in the fiction and art. It is important to note the role of studying the biographies of these outstanding wartime figures for fostering patriotism of the modern generation of Tuvan and Kazakh youth.



## REFERENCES

- Badarch, B. and Bavuu-Surun, M. V. (2018) Mongolizmy v tuvinskikh toponimakh: sopostavitel'nyy analiz geograficheskikh nazvaniy sumona Tsengel Bayan-Ulegeyskogo aymaka Mongoliyi I Tuvy [Mongolisms in Tuvan toponyms: a comparative analysis of place names in Tsengel sum of Bayan-Olgii aimag, Mongolia with those of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 215–224. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.14>
- Irgit, O. Yu. (2020) Geroi Sovetskogo Soiuzu Tulush Kechil-ool kak predstavitel' repressirovannogo klana Adyg-Tiulushei [Hero of The Soviet Union Tulus Kechil-ool as a representative of a repressed Adyg-Tulush clan]. In: *Ermolaevskie chteniia [Ermolaev readings]* : Materials of the IV Scientific and practical conference, Kyzyl, June 19, 2020. Kyzyl, Publishing Department of the Pushkin National Library of the Republic of Tuva. 188 p. Pp. 33–37. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.24412/2686-9624-2020-33-37>
- Istoriya Tuvy [A History of Tuva]* (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamina. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).
- Kobegenov, A. K. and Postnikov S. V. (2016) General Bauyrzhan Momyshuly: razmyshleniia o roli v istorii Velikoi Otechestvennoi voiny. [General Bauyrzhan Momyshuly: Reflections on the Role in the History of the Great Patriotic War]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*, vol. 10, no. S4, pp. 133–137. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2007) Klanovost' v politicheskoi zhizni regionov Rossii. [Clannishness in the political life of the regions of Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. no. 3, pp. 133–147. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2008) Tsentral'naia Aziia: istoki sovremennoi klanovosti v politike [Central Asia: the origins of modern clannishness in politics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 205–211. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli [The clan politics of Russia's regions: The Leaders Of Tuva]*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).
- Mityurin, D. V. (2004) *Grazhdanskaya vojna: belyye i krasnyye [Civil War: the White and the Red]*. St. Petersburg, OOO «Izdatel'stvo "Poligon"». 282 p. (In Russ.).
- Oidupaa, A. A. (2020) Tuvinskie dobrovol'tsy iz Ulug-Khemsckogo Kozhuuna, uchastvovavshie v Velikoi Otechestvennoi vojne (1941-1945) [Tuvan volunteers from Ulugh-Khem kozhuun in the Great Patriotic War]. In: *Ermolaevskie chteniia [Ermolaev readings]* : Materials of the IV Scientific and practical conference, Kyzyl, June 19, 2020. Kyzyl, Publishing Department of the Pushkin National Library of the Republic of Tuva. 188 p. Pp. 101–107. (In Russ.). DOI: [10.24412/2686-9624-2020-101-107](https://doi.org/10.24412/2686-9624-2020-101-107)
- Orazbekova, F. K. and Shaukhanov, A. A. (2006) *Glubokiy sled Tulpara. Bauyrzhan Momyshuly: lichnost', voyn, mudrets. [Tulpar's deep trail. Bauyrzhan Momyshuly: personality, warrior, sage]*. Almaty, TarGU imeni M. Kh. Dulati. 142 p. (In Russ.).
- Orehova, O. E. (2017) Sravnitel'nyy analiz obrazov koroley Sigurda i Zigfrida v drevneislandskom i drevnegerman'skom epose [The comparative analysis of the images of Kings Sigurd and Siegfried in Old Icelandic and Old Germanic epics]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, vol. 7, no. 1A, pp. 241–251. (In Russ.).
- Otroshchenko, I. V. (2021) Politicheskiye sistemy Mongol'skoy Narodnoy Respubliki i Tuvinskoy Narodnoy Respubliki v 1930–1940-e gg.: izmeneniya sredotochiya vlasti [Political systems of Mongolian People's Republic and Tuvan People's Republic in 1930s and 1940s: changes in the focus of power]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 15–33. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.2>
- Patsyorka, E. I. and Koshechko, A. N. (2019) Dostoevskiy F. M., Tolstoy L. N. Opyt sopostavitel'nogo analiza pedagogicheskikh idey. [An attempt of a comparative study of pedagogical ideas]. *Aktual'nye problemy literaturovedeniya*, no. 6, pp. 28–37. (In Russ.).
- Pivovarov, V. P. (1990) *Dobrovol'tsy: dokumental'naiya povest' [Volunteers: A Documentary Tale]*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 200 p. (In Russ.).
- Plutarch (2014) *Sravnitel'nyye zhizneopisaniya [Parallel Lives]* : translation by V. A. Alekseev. Moscow, Al'fa-kniga. 1263 p. (In Russ.).
- Puzyrev, A. V. (2020) Pobeda i ee geroi: piramida ustanovok Bauyrzhana Momyshuly. [Victory and Its Heroes: Bauyrzhan Momyshuly's Installation Pyramid]. In: *Iazyk i myshlenie: psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty [Language and Thinking: Psychological and Linguistic aspects]*: Materials of the XX International Scientific Conference dedicated to the 75th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War, Pokrov, September 16-18, 2020 / ed. by A. V. Puzyrev. Pokrov, Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet. 152 p. Pp. 13–28. (In Russ.).
- Teoriya i metodika obucheniya istoriyi. Slovar'-spravochnik [Theory and methods of teaching history: A Reference dictionary]* (2007) / E. V. Vanina, L. K. Ermolaeva, O. N. Zhuravleva and other; ed. by V. V. Barabanova and N. N. Lazukovoy. Moscow, High School. 352 p. (In Russ.).
- Teoriya i metodologiya istorii: uchebnyy dlya vuzov [Theory and methodology of history: a textbook for universities]* (2014) / ed. by V. V. Alekseev, N. N. Kradin, A. V. Korotaev and L. E. Grinin. Volgograd, Uchitel'. 504 p. (In Russ.).
- Shaktar-ool, Ch. B. (2018) T. B. Kechil-ool — tuvinskii dobrovolets, Geroi Sovetskogo Soiuzu: v pamiati sovremennykh pokolenii [T. B. Kechil-ool — Tuvan volunteer, Hero of the Soviet Union — in the memory of modern generations]. In: *Pamiat' o proshlom — 2018 [Memory of the Past — 2018]*. VII Historical and Archival Forum dedicated to the 100th anniversary



of the State Archival Service of Russia: collection of articles, Samara, May 15-17, 2018 / comp. by O. N. Soldatova and G. S. Pashkovskaia. Samara, Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv v g. Samare. 533 p. Pp. 201–206. (In Russ.).

Khauzkhhan, D. T. (2021) Bauyrzhan Momyshuly — vydaiushchaisia lichnost' v istorii Kazakhstana [Bauyrzhan Momyshuly is an outstanding personality in the history of Kazakhstan]. In: *1941 god. Uroki i vyvody [1941. Lessons and conclusions]*: Collection of articles of the International Scientific Conference (on the 80th anniversary of the Great Patriotic War), St. Petersburg, May 26-27, 2021. Ed. by D. T. Khauzkhhan. St. Petersburg, Mikhailovskaia voennaia artillerii-skaia akademiia Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii. 246 p. Pp. 165–170. (In Russ.).

Ambrosius, L. E. (2004) *Writing biography: Historians and their craft*. University of Nebraska Press, Lincoln & London. 166 p.

Azaryan, R. and Petrusenko N. (2011) Historical Comparison Re-considered. *Asian Social Science*, no. 7, pp. 35–48.

Cooper, J. M. Jr. (2004) Conception, Conversation, and Comparison: My Experiences as a Biographer. In: Ambrosius L. E. *Writing biography: Historians and their craft*. University of Nebraska Press, Lincoln & London. 166 p. Pp. 79–102.

Lange, M. (2013) *Comparative Historical Methods*. London, Sage Publications Ltd. 184 p.

Skiena, S. S. and Ward, C. B. (2014) *Who's Bigger?: Where Historical Figures Really Rank*. Cambridge University Press. 367 p.

Theakston, K. (1999) *Leadership in Whitehall. Transforming Government*. London, Palgrave Macmillan. 266 p. DOI: [https://doi.org/10.1007/978-1-349-27226-6\\_1](https://doi.org/10.1007/978-1-349-27226-6_1)

Submission date: 10.01.2022.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадарч, Б., Бавуу-Сюрюн, М. В. (2018) Монголизмы в тувинских топонимах: сопоставительный анализ географических названий сумона Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймака Монголии и Тувы // Новые исследования Тувы. № 3. С. 215–224. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.3.14>

Иргит, О. Ю. (2020) Герой Советского Союза Тулуш Кечил-Оол как представитель репрессированного клана Адыг-Гюлюшей // Ермолаевские чтения : Материалы IV научно-практической конференции, Кызыл, 19 июня 2020 года. Кызыл : Издательский отдел Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. 188 с. С. 33–37. DOI: <https://www.doi.org/10.24412/2686-9624-2020-33-37>

История Тувы (2007) / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Кобегенов, А. К., Постников, С. В. (2016) Генерал Бауржан Момышулы: размышления о роли в истории Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Т. 10. № S4. С. 133–137.

Ламажаа, Ч. К. (2007) Клановость в политической жизни регионов России // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 133–147.

Ламажаа, Ч. К. (2008) Центральная Азия: истоки современной клановости в политике // Знание. Понимание. Умение. № 4. С. 205–211.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России: Тувинские правители. СПб. : Алетейя. 208 с.

Митюрин, Д. В. (2004) Гражданская война: белые и красные. СПб. : ООО «Издательство «Полигон»». 282 с.

Ойдупаа, А. А. (2020) Тувинские добровольцы из Улуг-Хемского Кожууна, участвовавшие в Великой Отечественной войне (1941–1945) // Ермолаевские чтения : Материалы IV научно-практической конференции, Кызыл, 19 июня 2020 года. Кызыл : Издательский отдел Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. 188 с. С. 101–107. DOI: <https://www.doi.org/10.24412/2686-9624-2020-101-107>

Оразбекова, Ф. К., Шауханов, А. А. (2006) Глубокий след Тулпара. Бауыржан Момышулы: личность, воин, мудрец. Алматы : ТарГУ имени М. Х. Дулати. 142 с.

Орехова, О. Е. (2017) Сравнительный анализ образов королей Сигурда и Зигфрида в древнеисландском и древнегерманском эпосе // Культура и цивилизация. Т. 7. № 1А. С. 241–251.

Отрошенко, И. В. (2021) Политические системы Монгольской Народной Республики и Тувинской Народной Республики в 1930–1940-е гг.: изменения средоточия власти // Новые исследования Тувы. № 3. С. 15–33. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.3.2>

Пацьорка, Е. И., Кошечко, А. Н. (2019) Достоевский Ф. М., Толстой Л. Н. Опыт сопоставительного анализа педагогических идей // Актуальные проблемы литературоведения. № 6. С. 28–37.

Пивоваров, В. П. (1990) Добровольцы: документальная повесть. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 200 с.

Плутарх (2014) Сравнительные жизнеописания / пер. В. А. Алексеева. М. : Альфа-книга. 1263 с.

Пузырев, А. В. (2020) Победа и её герои: пирамида установок Бауыржана Момышулы // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: Материалы XX Международной научной конференции, посвящен-



ной 75-летию победы в Великой Отечественной войне, Покров, 16–18 сентября 2020 года / отв. ред. А. В. Пузырев. Покров : Московский педагогический государственный университет. 152 с. С. 13–28.

Теория и методика обучения истории. Словарь-справочник (2007) / Э. В. Ванина, Л. К. Ермолаева, О. Н. Журавлева и др.; под ред. В. В. Барабанова, Н. Н. Лазуковой. М. : Высшая школа. 352 с.

Теория и методология истории: учебник для вузов (2014) / отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград : Учитель. 504 с.

Шактар-оол, Ч. Б. (2018) Т. Б. Кечил-оол — тувинский доброволец, Герой Советского Союза: в памяти современных поколений // Память о прошлом — 2018. VII историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службы России: сборник статей, Самара, 15–17 мая 2018 года / сост.: О. Н. Солдатова (отв. сост.), Г. С. Пашковская. Самара : Российский государственный архив в г. Самаре. 533 с. С. 201–206.

Хауезхан, Д. Т. (2021) Бауыржан Момышулы — выдающаяся личность в истории Казахстана // 1941 год. Уроки и выводы: Сборник статей международной научной конференции (к 80-летию Великой Отечественной войны), Санкт-Петербург, 26–27 мая 2021 года. СПб. : Михайловская военная артиллерийская академия Министерства обороны Российской Федерации. 246 с. С. 165–170.

Ambrosius, L. E. (2004) Writing biography: Historians and their craft. University of Nebraska Press : Lincoln & London. 166 p.

Azaryan, R. and Petrusenko N. (2011). Historical Comparison Re-considered // Asian Social Science. № 7. P. 35–48.

Cooper, J. M. Jr. (2004) Conception, Conversation, and Comparison: My Experiences as a Biographer // Ambrosius L. E. (ed.) Writing biography: Historians and their craft. University of Nebraska Press, Lincoln & London. 166 p. Pp. 79–102.

Lange, M. (2013) Comparative Historical Methods. London, Sage Publications Ltd. 184 p.

Skiena, S. S., Ward, C. B. (2014) Who's Bigger?: Where Historical Figures Really Rank. Cambridge University Press. 367 p.

Theakston, K. (1999) Leadership in Whitehall. Transforming Government. London, Palgrave Macmillan. 266 p. DOI: [https://doi.org/10.1007/978-1-349-27226-6\\_1](https://doi.org/10.1007/978-1-349-27226-6_1)

*Дата поступления: 10.01.2022 г.*





DOI: 10.25178/nit.2022.1.18

Рецензия

## «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе

**Чимиза К. Ламажаа**

Тувинский государственный университет, Российская Федерация,

**Улданай М. Бахтикиреева**

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация



В работе представлен анализ содержания монографии антрополога, доктора наук Константиноса Зорбаса (K. Zorbas) «Шаманские диалоги с невидимой темнотой в Туве, Сибирь. Проклятые жизни» (“Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives”), которая вышла в 2021 г. в издательстве Cambridge Scholar Publishing. В монографии исследуется особый тип практик, которые являются частью ритуалов, предлагаемых шаманами в Кызыле — по снятию проклятий. Считается, люди накладывают их друг на друга в том числе с помощью шаманов с целью причинить вред здоровью, финансовому положению и пр.

Монография, вышедшая на английском языке, раскрывает ту сторону социокультурной жизни тувинцев, которая мало обсуждается в российском тувиноведении. Авторы рецензии рассматривают три заинтересовавших их сюжета исследования. К. Зорбас утверждает, что распространение практики шаманских проклятий в Туве стало результатом социально-экономических разочарований и ненадежности 1990-х гг., атмосферы социально-групповых конфликтов, всеобщего недоверия. Авторы полагают, что эти практики стали скрытой частью архаизационных тенденций в обществе в период кризиса социальных трансформаций.

Авторы также разбирают рассуждения К. Зорбаса о ценностном кризисе и распространении в обществе стяжательства, определение шаманства своеобразным «онтологическим правительством»; наблюдения за разными клиентами шаманов и обсуждение причин принятия русскими жителями республики идей шаманизма.

Особый акцент авторы делают на том, что исследование «темных» практик шаманизма выполнено ученым-аутсайдером. Для ученых-инсайдеров эта тема относится к разряду табу-тем, поскольку им невозможно полностью отрешиться от своей этнокультурной и религиозной идентичности, а также установок в культуре, ряда религиозных запретов.

**Ключевые слова:** шаманизм; тувинский шаманизм; Тува; тувинцы; рецензия; религиозное возрождение



Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» (грант № 21-18-00246).



### Для цитирования:

Ламажаа Ч. К., Бахтикиреева У. М. «Проклятые жизни» и ценностный кризис в тувинском обществе // Новые исследования Тувы. 2022, № 1. С.266-275. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>



**Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна** — доктор философских наук, заведующая лабораторией этнологии и лингвокультурологии Тувинского государственного университета. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Монгуша Сата, д. 9, лит. В, каб. 107. Тел.: +7 (916) 413-33-85. Эл. адрес: lamazhaa@tuvu.asia

**Бахтикиреева Улданай Максумовна** — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Тел.: + 7 (495) 787-38-03 вн. 22-00. Эл. адрес: uldanai@mail.ru



## “Cursed lives” and the crisis of values in Tuvan society

**Chimiza K. Lamazhaa**

Tuvan State University, Russian Federation,

**Uldanai M. Bakhtikireeva**

RUDN University, Russian Federation

This is a review article focused on the monograph authored by the anthropologist Konstantinos Zorbas and published under the title “Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives” in 2021 by Cambridge Scholar Publishing. The book is devoted to a special type of practice offered by the shamans of Kyzyl as part of their rituals — namely, removing curses invoked (as it is believed) by others, often through the mediation of shamans, in order to harm someone’s health, welfare, etc.

Zorbas’ book, originally published in English, focuses on the part of the sociocultural life of the Tuvan society which is little-known in Russian Tuvan studies. The authors of the review article discuss three ideas which they consider most interesting. Firstly, Zorbas states that the practice of shamanic curses spread in Tuva in the wake of the social and economic turmoil of the 1990s, with its mass disappointment, group conflicts and total mistrust. The authors of the review believe that these practices lay in the lower part of archaization trends in the society undergoing a crisis of social transformation.

Secondly, the authors follow Zorbas’ analysis of the value crisis and the rise of profit-seeking in society, of Shamanism as a kind of “ontological government”, of Zorbas’ observation of shamans’ clients, and also why some Russians living in the region also share some of the Shamanist ideas.

Thirdly, it is of special importance that a study of Shamanism’s dark practices was carried out by an outsider scholar. For mainstream scholars, this topic often remains taboo, since they cannot completely discard their own ethnocultural and religious identity, as well as some cultural orientations and religious prohibitions.

**Keywords:** Shamanism; Shamanism in Tuva; Tuva; Tuvans; review article; religious revival

The article was prepared with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project “Thesaurus of Ethnic Culture in the 21st Century: Problems of Study and Preservation (The Case of Tuvan Culture)” (grant No. 21-18-00246).



### For citation:

Lamazhaa Ch. K. and Bakhtikireeva U. M. «Proklyatye zhizni» i tsennostnyi krizis v tuvinskom obshchestve [“Cursed lives” and the crisis of values in Tuvan society]. *New Research of Tuva*, 2022, no. 1, pp. 266-275. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.18>



**LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna**, Doctor of Philosophy, Head, Laboratory of Ethnology and Linguoculturology, Tuvan State University. Postal address: Office 107, Letter B, 9 Mongusha Sata St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (916) 413-33-85. E-mail: lamazhaa@tuvu.asia

ORCID ID: 0000-0003-1813-3605

**BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: Off. 283, 10a Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Tel.: + 7 (495) 787-38-03. Email: uldanai@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5088-7568

### Введение

В 2021 г. в издательстве Cambridge Scholar Publishing вышла свет монография антрополога, доктора наук Константиноса Зорбаса (K. Zorbas) «Шаманские диалоги с невидимой темнотой в Туве, Сибирь. Проклятые жизни» (Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives) (Zorbas, 2021).

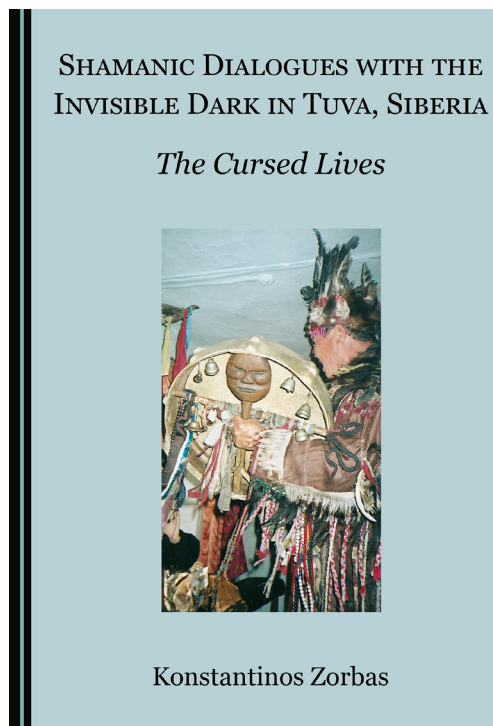


Рис. Обложка монографии З. Зорбаса

«Шаманские диалоги с невидимой темнотой в Туве, Сибирь. Проклятые жизни» (2021).

Fig. 1. The cover of K. Zorbas' book "Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives" (2021)

Основой данной монографии является диссертационное исследование «Агенты зла: обвинения шаманов в проклятиях и их методах: Возмездие в постсоветской Туве, Сибирь» («Agents of Evil: Curse Accusations and Shamanic Retaliation in Post-Soviet Tuva (Siberia)»)<sup>1</sup>, которое было написано в течение одного года — с марта 2006 до марта 2007 г. и защищено в 2007 г. Как отмечается на сайте издательства, книга уже получила положительные отклики от разных специалистов, в том числе от профессора И. Симамура (I. Shimamura) из Национального музея этнологии (г. Осака, Япония), антрополога П. Витебский (P. Vitebsky) из Кембриджского университета (Великобритания)<sup>2</sup>.

К. Зорбас в 2000 г. получил степень бакалавра истории и этнологии в Университете Фракии им. Демокрита г. Комотины (Democritus University of Thrace), Греция, в 2001 г. — степень магистра социальной антропологии в Университете Сент-Эндрюса (University of St. Andrews) в Великобритании. Антрополог начал свое исследование в октябре 2001 г., еще будучи аспирантом в школе Скотта, Институте полярных исследований Кембриджского университета. Работая над проектом, он провел год в Республике Тыва, изучая рассказы о болезнях и исцелениях в Ассоциации шаманов в Кызыле, столице Тувы, а также тувинский язык для того, чтобы понимать речь тувинцев самому, без помощи переводчиков.

С 2012 г. К. Зорбас преподает различные курсы (политическая и правовая антропология, медицинская антропология, социальная теория и история антропологии)<sup>3</sup> в Шаньдунском университете Китая, где также проводит полевые исследования в музеях провинции Цзилинь, уделяя особое внимание шаманскому наследию.

В монографии исследуется особый тип практик, которые являются частью ритуалов, предлагаемых шаманами в Кызыле — по снятию проклятий, который, как считается, люди накладывают друг на друга в том числе с помощью шаманов с целью причинить вред здоровью, финансовому положению и пр.

Эти практики, как подчеркивает автор, отличаются от других шаманских ритуалов с точки зрения мотивов, а не содержания ритуальных представлений. Показывая примеры самих шаманских практик, описывая их, тем не менее К. Зорбас в первую очередь исследует *социальное значение тувинского шаманизма как низового механизма культурной справедливости*. Он считает, что шаманы занимают центральное место в расширенной системе правосудия в Кызыле, поскольку они имеют дело со сложной синергетикой реального и оккультного насилия (Zorbas, 2015). Автор утверждает, что предполагаемое распространение проклятий является отражением социальной напряженности, которая характерна для перехода России к капитализму в 1990-х годах (Zorbas, 2021: ix).

Мы полагаем, что монография, вышедшая на английском языке, раскрывает ту сторону социокультурной жизни тувинцев, которая мало обсуждается в российском тувиноведении. А уж для исследова-

<sup>1</sup> <https://www.repository.cam.ac.uk/bitstream/handle/1810/323613/Zorbas%20-%20Thesis.pdf?sequence=1>

<sup>2</sup> Аннотация книги на сайте издательства: <https://cambridgescholars.com/news/item/book-in-focus-shamanic-dialogues-with-the-invisible-dark-in-tuva-siberia-the-cursed-lives>

<sup>3</sup> [https://www.youtube.com/channel/UCZOFsh5YLPmFmzixo\\_6dYQ](https://www.youtube.com/channel/UCZOFsh5YLPmFmzixo_6dYQ)



дователей Тувы, которые проживают в самой республике, эта проблематика и вовсе неподъемна (о чем мы и пишем далее). Поэтому рассмотрим три сюжета из книги К. Зорбаса, которые связаны прежде всего с пониманием шаманизма и его практик в контексте социокультурных процессов в Туве, а также порассуждаем над особенностями данного издания и проблемами внутреннего тувиноведения.

### **Одна из архаизационных практик**

Автор утверждает, что распространение практики шаманских проклятий в Туве стало результатом социально-экономических разочарований, атмосферы социально-групповых конфликтов, всеобщего недоверия, которые в свою очередь последовали за постсоциалистическими изменениями. Об этом он говорил с шаманами, в частности с шаманом Балганом (псевдоним, настоящее имя скрыто из этических соображений) из Ассоциации шаманов Кызыла «Дунгур», которая, по его оценке, является координационным центром по устранению подозрений и обвинений в проклятиях. Собственно, рассуждения Балгана названы первым источником исследования. Кроме того, разумеется, приводятся примеры практики, за которой шаман позволил наблюдать антропологу.

По словам Балгана, голод и нищета заставляют тувинцев из зависти проклинать своих более обеспеченных родственников и друзей. Следовательно, эти люди сталкиваются с несчастьем (например, с потерей денег) и прибегают к нему для снятия проклятий. Антрополог назвал это утверждение «теорией голода» Балгана (Zorbas, 2021: 30). Сам исследователь рассматривает ситуацию шире и в своих рассуждениях ссылается на исследования своих коллег, изучавших постсоветские изменения социокультурной жизни регионов Сибири. Безусловно, для некоторых тувинцев страх нищеты, голодной смерти — это реальность. Но эти угрозы для тувинцев не новы; вероятно, пишет автор, они были более распространены в досоветские годы, чем в наши дни, что отмечается в этнографической литературе. Поэтому сами шаманские проклятия в тувинском обществе не являются следствием социально-экономических преобразований, они были известны и раньше. Еще одно косвенное подтверждение этому содержится в соответствующей терминологии тувинского языка, наличии, например, слов *каргыш* ‘проклять’ и его производных *каргаар*, *карганыр* ‘проклинать’. Более того, практика шаманских проклятий является лишь одним из аспектов процесса возрождения шаманизма, а также традиционных культур, этнического сознания, который распространился на юге Сибири (и не только Сибири). В Туве это выразилось в возрождении религиозной жизни, появлении большого числа религиозных организаций, в том числе шаманских. Шаманы в них проводят различные ритуальные практики. Чаще всего люди обращаются для гадания и обрядов переноса души умершего в потусторонний мир. Проводится и лечение, а также устранение несчастий, причиненных проклятиями.

Анализируя распространенность практик, автор приводит такие данные: за год в Ассоциацию Балгана обратились около 1460 человек. Если предположить, что у каждого из этих клиентов семья из четырех человек (хотя обычно в семьях трое-пятеро и даже больше детей), то следует, что на жизни 5840 человек напрямую повлияли консультации и церемонии, которые проводили шаманы только одной из четырех ассоциаций в Кызыле. Статистика по всем ассоциациям увеличивает цифру охвата. В целом, по подсчетам антрополога, из 100 000 жителей Кызыла (в 2006 г.), жизни примерно одной пятой части (20000 чел.) были затронуты четырьмя ассоциациями шаманов Кызыла. Мы можем напомнить также и о деятельности шаманов в районах, которые автор не охватил. Так, можно говорить о распространенности обращений населения Тувы к шаманам, правда, антрополог не утверждает о том, что она широкая. Наоборот, исследователь подчеркивает, что шаманы играют важную роль в общественной жизни, например города Кызыла, но при этом она невидимая. Сам титул шамана не наделяет его носителя какими-то социальными привилегиями, за исключением лидеров ассоциаций.

Исследование К. Зорбаса учитывает более широкие концептуальные построения исследователей постсоветских социальных процессов в регионе, в частности работы известного английского антрополога К. Хамфри. Она одна из первых западных ученых стала исследовать еще в брежневские времена российскую «глубинку» — национальные регионы с азиатской кочевой культурой, и с тех пор опубликовала большое число работ, в том числе о социальных трансформациях в Туве в период перестройки и после нее (напр.: Humphrey, 1989; Hann, Humphrey, Verdery, 2001; Хамфри, 2010).

Мы к этому можем добавить, что в свете концепции архаизации общества в период кризиса социальных трансформаций (Ламажаа, 2013) проблематика шаманских практик проклятий также может рассматриваться как один из эпизодов актуализации архаичных культурных практик. Это проис-





ходит в ситуации отказа от прежних ценностей, в рассматриваемый момент времени — советских, и принятия новых, рыночных, которые были совершенно не понятны для основной части населения. И в этот момент ценностного кризиса, морального вакуума, люди стихийно обращаются к тому, что было действенным еще раньше, в еще более ранние времена, которые помнят старшие поколения, когда общественные устои базировались не на инородной идеологии, а на аутентичных традициях. Поэтому исследование шаманских практик как традиции, возвращенной из древности, представляется нам чрезвычайно актуальным и перспективным.

Кроме того, поддержим умозаключение автора об универсальности культурной практики. Как он пишет, образ мышления тувинцев не следует считать чем-то отличным от остальных граждан постсоветской России. Проклятья, обвинения в проклятиях — элементы культурного репертуара тувинцев-шаманистов, тем не менее, они не являются исключительно тувинскими (Zorbas, 2021: 50–51). Добавим, что подобная практика повсеместна и характерна как постсоветской территории в целом, так и за ее пределами в разных локалах планеты (см., к примеру, монографию Т. Джея (Т. Jay) «Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech» (Jay, 2000), в которой подвергаются осмыслению и описанию психологические, неврологические, культурные и лингвистические факторы, лежащие в основе этого явления).

Окультурная агрессия стала показателем политической напряженности в 1990-е годы не только в тувинском социуме, но и разных регионах России. Не занимаясь непосредственно изучением шаманских практик в настоящее время, мы не можем сказать о том, как этот процесс развивается, тем не менее нам известны и свежие подобные примеры из сообщений тувинцев, с которыми постоянно общается один из соавторов данной рецензии. Это свидетельствует о том, что практика проклятий и их снятия продолжает существовать в Туве, хотя возможно не в тех масштабах.

### **Онтологическое правительство?**

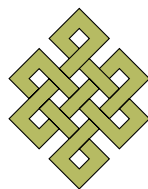
Рассмотрим рассуждения К. Зорбаса относительно онтологии анализируемых практик.

По его мнению, распространенность шаманских практик проклятий и их снятий основываются на межличностных конфликтах. Люди испытывают напряжение и разочарование, связанные с дисфункцией государства. Эти опасения формируют почву для роста «паранойи проклятий», направленной против человека, вызывающего подозрения.

Отношения, в которые вовлекаются люди в связи с конфликтами, с попытками отомстить друг другу с помощью темных сил, К. Зорбас называет проявлением новых форм социальных отношений. Они появились после того, как подорвались советские идеалы доверия и дружбы между людьми — товарищами, братьями. Кризис ярко проявился в начале 1990-х годов, когда правительство страны объявило всеобщую приватизацию предприятий, инвестируя в финансовые схемы и обещая населению доли. Но в итоге простые люди ничего не получили, сгорели и их личные сбережения. Бывшие советские граждане почувствовали себя обманутыми государством, властью. Обман и неискренность, желание заработать друг на друге, за счет друг друга — все это распространилось в обществе и обернулось стремительным переворотом ценностных установок, в которых раньше воспевались взаимопомощь, жертвенность, коллективизм, интернационализм, доверие и дружба.

Следует признать, что автор не ограничивается формальным признанием ценностей. Он спрavedливо подчеркивает, что дружба в советское время не была столь радужной. Опираясь на исследования ценностей советского общества других западных авторов, К. Зорбас подчеркивает, что в системе ценностей граждан советского государства дружба на самом деле предполагала особую интимность отношений людей, которые защищаются от политического надзора и давления. Дружба тем самым имела и прагматические аспекты, которые касались неформальной практики обмена (например, дефицитными товарами).

В постперестроечное время дружба как защита от системы, как взаимозависимость — потеряла значение, стала инструментом для получения денег, частью культуры консюмеризма, а недовольство величиной прибыли порождало недоверие и антагонизм. Рыночные правила диктуют распространение стяжательства, в котором нет места для коллективных ценностей. Автор приводит примеры, когда предприниматели не поделили деньги, заподозрили друг друга в обмане, а шаман обнаружил признаки проклятья, насланного на одного из партнеров бизнеса.



Антрополог заключил, что межличностные конфликты затрагивают всепроникающую проблему жизни в постсоветской России — деньги как необходимость. И тувинской особенностью конфликтов К. Зорбас называет восприятие действующими лицами своих неудач с точки зрения культурного элемента в репертуаре тувинского воображения — наличия проклятия недугов и обращение к сверхъестественному возмездию. Более того, автор полагает, что масштабы процесса больше, чем были в сравнении с досоветским и советским периодами из-за большей социальной нестабильности. Соответственно антрополог считает возможным назвать шаманство своеобразным «онтологическим правительством», которое выступает в качестве теневого правительства в Туве и к которому обращаются люди в поисках правосудия, наказания, управления судьбами своими и своих знакомых, партнеров и пр., минуя официальную систему правосудия. Шаманы в этой трактовке называются «министрами правосудия».

Надо сказать, что подобные определения могут расцениваться другими исследователями шаманизма, в частности — российскими, слишком вольными трактовками. Понятие правительства подразумевает некое единство управления, координацию работ, тогда как, мы знаем, тувинское шаманство было и остается разобленным явлением (см.: Харитонова, 2018b: 52–53). Кроме того, напомним, что наблюдения антрополога велись в начале 2000-х годов, то есть уже почти двадцать лет назад, в условиях самого начала затухания постсоветского кризиса во всех сферах жизни общества. Тем не менее, подчеркнем справедливость утверждения К. Зорбаса о современной роли шаманизма в социокультурной жизни Тувы — он актуализировался именно как альтернативное средство или орудие для решения жизненных проблем в условиях, когда другие возможности представляются не продуктивными. Так, что шаманизм в очередной раз доказал свою витальность (жизнеспособность). Как отмечает В. И. Харитонова, «шаманизм в психобиологическом толковании на рубеже второго и третьего тысячелетия стал своеобразным Фениксом из пепла», тем самым подтверждая вечность мифа о «последнем шамане» (Харитонова, 2006: 338). Однако, сегодня, спустя двадцать лет, не стоит забывать о том, что религиозная жизнь тувинцев обогащена и развитием мировой религии — буддизма (Ламажаа, Бичелдей, Монгуш, 2020; Дашковский и др., 2021). Для того, чтобы делать обобщения республиканского масштаба относительно роли и места религиозных деятелей в социальной жизни, следует также учитывать и деятельность лам, к которым тувинцы также обращаются в поисках решения личных и семейных проблем. Еще есть некоторое количество целителей, которые не действуют в рамках деятельности шаманских ассоциаций, не относят себя к ламам, буддистам (Харитонова, 2018a).

### **Разные клиенты шаманов**

В работе К. Зорбаса помимо всего прочего разбирается одна тема, которая практически не поднимается в тувиноведении. По наблюдениям К. Зорбаса, большинство клиентов шаманов — тувинцы, но есть и небольшой (но растущий) процент русских. Его заинтересовало: почему русские используют шаманские представления, обращаются к шаманам, пытаясь справиться с несчастьями? В первую очередь, он отметил, что русские жители республики не отрицают шаманизм.

Эта симпатия к местным духовным практикам, по мнению автора, свидетельствует о тенденциях к демократизации провинций в России, а также отражает воспоминания о репрессиях, которые испытали и россияне. Исследователь предполагает, что защита от проклятий представляет собой тенденцию прибегать к возмещению ущерба без участия официальной системы правосудия. Результатом этого является то, что к «шаманизму» могут обращаться те, кто ищет справедливости, иногда боясь судебного преследования, которое может выходить за рамки закона. Мотивом клиентов для получения шаманской защиты является поиск решений, которые соизмеримы с прагматическими средствами правоохранительных органов, по крайней мере, с точки зрения самозащиты или оправданного вреда, нанесенного врагу, но не влекущего за собой осложнений и последствий, которые могут возникнуть после обращения в официальные органы.

Другое авторское объяснение более интересно с культурологической и лингвистической точки зрения, и связано оно с темой веры русских в колдовство и магию. Подобно этническим сибирским народам, пишет антрополог, русские крестьяне приписывали болезни магии и прибегали к помощи колдунов, чтобы отогнать проклятия или изгнать вредных духов. В обеих духовных традициях, связанных с азиатскими народами и русскими, существуют представления об оккультизме.



Эти вопросы побуждают взглянуть на всю прежде всего русскоязычную литературу о культурных практиках основных групп населения Тувы — русских и тувинцев. Взглянуть и констатировать, что, к сожалению, пока в тувиноведении нет исследований диалога русской и тувинских культур на территории республики. Есть работы, констатирующие социокультурную дистанцию между двумя этносами, есть исследования отдельные — о тувинской культуре и о русской культуре, но вот взаимодействие двух культур практически не обсуждается. И этот парадоксальный факт мы бы предложили подчеркнуть, предлагая заинтересованным коллегам — представителям гуманитарных отраслей знания, взяться за данный ракурс. Учитывая факт профессионального интереса филологов к вопросам одного из древнейших устно-речевых жанров (Виноградова, Седакова, 2009: 286–296; Березович, Сурикова, 2017; Temirgazina, 2013; Jay, 2000; Blank, 1950–1951; Fensham, 1962; Виноградова, 2005; Медведева, Депутатова, 2019; Байдуллаева, Айнабекова, 2018; и др.<sup>1</sup>), полагаем, что проблемное поле весьма перспективно для сравнительно-исторических, сопоставительных, междисциплинарных исследований.

Еще одно наблюдение К. Зорбаса позволяет нам акцентировать внимание на другой, практически не разработанной проблеме. Он пишет о том, что обращение к шаманам и признание их способностей, практик относится и к образованным тувинцам, а также к тем, кто называет себя приверженцем буддизма. Мы можем подтвердить, что подобная линия поведения характерна для большинства тувинцев, в т. ч. образованных тувинцев, также обладающих научными степенями. При этом, в ряде случаев исследователи шаманизма из числа тувинцев испытывают внутреннее противоречие, полагая, что должны опираться в подходе на свой предмет исследования на научную рациональность. Тем не менее, их этнокультурная идентичность, нахождение в среде своего народа, не позволяет им полностью абстрагироваться от своего положения тувинцев как традиционных шаманистов. Изучая шаманов, шаманизм, тем не менее они их слушаются, прибегают к их услугам как клиенты. И эта двойственность их поведения и сознания, это противоречие, как однажды признавался один из наших коллег соавтору статьи Ч. К. Ламажаа, приводило его в глубокое смятение.

О чем это говорит? Полагаем, что данный аспект внутреннего тувиноведения, представляя собой локальный вариант онтологических противоречий индигенных исследований, является чрезвычайно перспективным направлением, но при этом требует особой подготовки исследователей.

### **Табу-темы для инсайдеров**

Из сказанного выше вытекает другой вопрос о разнице исследовательских подходов ученых в зависимости от их субъектности (Lamazhaa, 2018). В ряде случаев исследовательский объект ограничивает возможности исследователей. Как в данном случае — с изучением оккультных практик шаманов.

Как уже было подчеркнуто нами в начале, рецензируемая монография была написана по итогам исследования греческо-английского антрополога, который после защиты диссертации в Великобритании занялся другими проектами и ныне живет в Китае. Для него — внешнего наблюдателя — тувинский кейс стал одним из эпизодов его исследовательской биографии, после чего он сменил фокус внимания и продолжает работать в другом регионе мира. Несмотря на желание автора монографии предельно всесторонне следовать методологии своих полевых исследований (Zorbas, 2021: 9–10) для тувинского шаманизма он был и остался аутсайдером — внешним исследователем, не связанным с ним ни культурно, ни территориально. Его не касались (по крайней мере, мы полагаем, что его годовая работа в Кызыле не имела для него никаких негативных личных последствий) вопросы межличностных конфликтов, которые он наблюдал, обсуждал с Балганом и другими шаманами, персонажами историй. Мы можем предполагать, что шаман Балган мог быть с ним не искренним, недоговаривать чего-то, специально вводить в заблуждение и пр., но это уже относится к другим особенностям работы аутсайдера (недополучение объективной информации от местных информантов, в частности — в силу недостаточного владения тувинским языком, языкового барьера, помехами в передаче информации, провоцируемого «эффектом переводчика», о котором, ссылаясь на определение Г. Обейесекере, пишет сам автор (там же: 100). Тем не менее, именно такая полная отчужденность от весьма сложного объекта

<sup>1</sup> Оспан Б. Проклятие по-казахски: теріс бата — «благословение наоборот» [Электронный ресурс] // 365info.kz, 2017. URL: <https://365info.kz/2017/12/proklyatie-po-kazahski-teris-bata-blagoslovenie-naoborot> (дата обращения: 12.09.2021); Крюкова И. В. Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 21 с.



исследования, связанного с верованиями людей, практиками измененного состояния сознания, когда шаманы приобретают действительно шокирующие сверхсилы (см.: Харитоновна, 2006), и стала его преимуществом.

Нам сложно представить, чтобы подобную тему оккультных практик шаманов решил бы взять исследовать ученый-тувиновед, проживающий в самой Туве, а может даже и из другого российского региона. Не только потому, что инсайдеры предпочитают заниматься изучением старых, традиционных форм (Ламажаа, 2021: 4–7). Дело в том, что изучение историй личных трагедий, межличностных конфликтов, обсуждение проклятий и пр. — в целом малоподъемная тема для инсайдеров, которым, как уже было сказано выше, невозможно отрешиться от своей этнокультурной и религиозной идентичности. Во многом она имеет традиционные корни и не всегда связана с истинной религиозностью исследователя. Тем не менее и для тех, кто только инерциально считает себя шаманистами, буддистами, и для тех, кто истинно верует, есть определенные табу-темы. Тема проклятий определенно относится к числу таких табу-тем не только в культуре тувинцев, но и других народов. Этот факт нам подтвердили балкарские и калмыцкие коллеги.

Именно поэтому мы можем только благодарить нашего зарубежного коллегу за такое интересное и важное исследование, которое не выполняли российские тувиноведы и вряд ли бы провели.

### Заключение

Определив главной целью исследования описание мрачного и мстительного характера тувинского шаманизма, К. Зорбас характеризует свой труд как этнографический справочник для дальнейших исследований религиозного возрождения и социальных изменений на данной территории Сибири (Zorbas, 2021: ix). Солидаризируемся с автором монографии, ее востребованность этнографами не вызывает сомнений. Непосредственное полевое исследование, внимательное изучение видов и содержания шаманских практик, личных историй разных клиентов, подробное описание и в целом еще много нюансов и деталей<sup>1</sup> — все это может стать полезным для представителей разных отраслей знания (психологии, религиоведения, этнологии, филологии и пр.). Не вызывает сомнения, что содержание этого научного издания заинтересует и широкий круг читателей, владеющих английским языком. Особая практическая значимость проведенного исследования усматривается нами в потенциальной возможности использования его материалов специалистами, занимающимися лингвистической прагматикой, нацеленной на изучение широкого спектра социально-коммуникативных задач. В рамках прагмалингвистики — междисциплинарной отрасли знания, аккумулирующей достижения ряда дисциплин антропоцентрической парадигмы современной науки о языке, перспективна работа по составлению тезауруса одного из древнейших устно-речевых жанров в тувинской культуре. Внушительное количество лексем, связанных с тувинским шаманизмом, которыми оперирует автор монографии, уже сейчас предоставляет возможность выявления тезауруса личности Константина Зорбаса как системы личностных конструктов, которыми он активно пользовался с целью ориентировки в предметной и социокультурной среде и выстраивания линии поведения с шаманами и их клиентами в период полевых исследований в Туве.

Пока главный вывод, который мы можем сделать по итогам рассмотрения работы: исследование К. Зорбаса раскрывает один из скрытых аспектов архаизации современной культуры, в котором он показал сложную и противоречивую сторону социокультурной жизни жителей Тувы. Причем открыл в том числе и для самих же тувинцев, и для исследователей этого своеобразного региона.

### Благодарности

Благодарим издательство Cambridge Scholar Publishing за присланный экземпляр книги для рецензирования.

---

<sup>1</sup> В частности, внимание культурологов и лингвистов, несомненно, привлечет работа автора монографии со специальной лексикой, связанной с шаманизмом (см.: List of Illustrations. P. vii; Note of Transliteration. P. xii; 1.6. Curses, malignity, and retribution. P. 11–13; 2.2. *Khuvaanak* (divination) P. 24; 3.5. The symbolism of *süzük* : culture and personal symbol. P. 45–46; и мн. др.).





## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байдуллаева, Р. Ш., Айнабекова, Н. Б. (2018) Благопожелания и проклятия как языковая универсалия (контрастивно-прагматический анализ) // Вестник науки Южного Казахстана. № 4(4). С. 225–231.
- Березович, Е. Л., Сурикова, О. Д. (2017) К реконструкции лексического состава русских народных проклятий: общая характеристика предиката проклятия // *Jezikoslovni zapiski*. № 2(23). С. 67–81.
- Виноградова, Л. Н. (2005) Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст: Генезис и структура / редкол.: Л. Г. Невская, Т. Н. Свешникова (отв. ред.), В. Н. Топоров. М.: Индрик. 520 с. С. 425–440.
- Виноградова, Л. Н., Седакова, И. А. (2009) Проклятие // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. Т. 4. 656 с. С. 286–296.
- Дашковский, П. К., Шершнева, Е. А., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2021) Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 18–34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>
- Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества. Тувинский феномен. М.: Книжный дом «Либроком». 272 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2021) Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История. 192 с.
- Ламажаа, Ч. К., Бичелдей, У. П., Монгуш, А. В. (2020) Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. № 4. С. 135–155. DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10)
- Медведева, Д. В., Депутатова, Н. А. (2019) Речевой акт проклятия в английском языке // *Terra linguae*. Вып. 5. Казань: Издательство Казанского университета. 224 с. С. 185–189.
- Хамфри, К. (2010) Постсоветские трансформации в азиатской части России. Антропологические очерки. М.: Наталис. 382 с.
- Харитоновна, В. И. (2006) Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Наука. 372 с.
- Харитоновна, В. И. (2018а) Народная и традиционная медицина: возможности интеграции медицинских систем, практик и методов в условиях современной Тувы // Новые исследования Тувы. № 4. С. 4–29. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.1>
- Харитоновна, В. И. (2018б) Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. № 4. С. 47–76. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>
- Blank, Sh. H. (1950–1951) The Curse, Blasphemy, the Spell, and the Oath // *Hebrew Union College Annual*. Vol. 23. № 1. P. 73–95.
- Fensham, F. Ch. (1962) Salt as Curse in the Old Testament and the Ancient Near East // *The Biblical Archaeologist*. Vol. 25. № 2. P. 48–50.
- Hann, Ch., Humphrey, C., Verdery, K. (2001) Introduction // C. Hann (ed.) *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. London: Routledge. 360 p. P. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203428115>
- Humphrey, K. (1989) Perestroika and the pastoralism: The Example of Mongun-Taiga in Tuva ASSR // *Anthropology Today*. June. No. 5. P. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.2307/3032697>
- Jay, T. (2000) *Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech*. Massachusetts College of Liberal Arts, North Adams, Massachusetts. 328 p.
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) Indigenous Methodology and Research of Tuvan Culture // *Sibirica*. Vol. 17, issue 3. P. 68–82. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170307>
- Temirgazina, Z. (2013) Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations // *World Applied Sciences Journal*. № 24(6). P. 822–825.
- Zorbas, K. (2015) The Origins and Reinvention of Shamanic Retaliation in a Siberian City // *Journal of Anthropological Research*. Vol. 71, Number 3. P. 401–422. DOI: <https://doi.org/10.3998/jar.0521004.0071.304>
- Zorbas, K. (2021) *Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives*. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Дата поступления: 15.12.2021 г.

## REFERENCES

- Baidullaeva, R. Sh. and Ainabekova, N. B. (2018) Blagopozhelaniia i proklatiia kak iazykovaia universaliia (kontrastivno-pragmaticheskii analiz) [Good wishes and imprecations as a linguistic universal: the contrastive-pragmatic analysis]. *Vestnik nauki Iuzhnogo Kazakhstana*, no. 4(4), pp. 225–231. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. and Surikova, O. D. (2017) K rekonstruktsii leksicheskogo sostava russkikh narodnykh proklatii: obshchaia kharakteristika predikata proklatiia [Reconstructing the vocabulary of Russian popular imprecations: general characteristics of the imprecation predicate]. *Jezikoslovni zapiski*, no. 2(23), pp. 67–81. (In Russ.).



Vinogradova, L. N. (2005) Formuly ugroz i proklatii v slavianskikh zagovorakh [Formulas of threats and curses in Slavic charms]. In: *Zagovornyi tekst: Genesis i struktura [Texts of charms: genesis and structure]* / editorial board: L. G. Nevskaiia, T. N. Sveshnikova (ed.) and V. N. Toporov. Moscow, Indrik. 520 p. Pp. 425–440. (In Russ.).

Vinogradova, L. N. and Sedakova, I. A. (2009) Proklatie [Imprecation]. In: *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskii slovar' [Slavic antiquities: An ethnolinguistic dictionary]* : in 5 vols. / ed. by N. I. Tolstoi. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia. Vol. 4. 656 p. Pp. 286–296. (In Russ.).

Dashkovskii, P. K., Shershneva, E. A., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2021) Religioznaia situatsiia v Respublike Tyva (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniia) [Religious situation in the Republic of Tuva: based on the results of a sociological study]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 18–34 (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.2.2>

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2021) *Ocherki sovremennoi tuvinskoi kul'tury [Essays on modern Tuvan culture]*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 192 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K., Bicheldei, U. P. and Mongush, A. V. (2020) Tuvinskoe buddiiskoe palomnichestvo: ot traditsii k vere [Tuvan Buddhist pilgrimage: from tradition to faith]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 135–155. (In Russ.). DOI: [www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10](http://www.doi.org/10.25178/nit.2020.4.10)

Medvedeva, D. V. and Deputatova, N. A. (2019) Rechevoi akt proklatiia v angliiskom iazyke [The speech act of cursing in English]. In: *Terra linguae*. Vol. 5. Kazan', Kazan University Press. 224 p. Pp. 185–189. (In Russ.).

Humphrey, C. (2010) *Postsovetskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii. Antropologicheskie ocherki [Post-Soviet transformations in the Asian part of Russia. Anthropological essays]*. Transl. from Eng. Moscow, Natalis. 382 p. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2006) *Feniks iz pepla? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysyacheletii [A Phoenix from the ashes? Siberian shamanism at the turn of the millennium.]*. Moscow, Nauka. 372 p. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2018b) Tuvinskii (neo)shamanizm kak kul'tovaia i tselitel'skaia praktika v sovremennom mire [Tuvan (neo)Shamanism as a religious and healing practice in contemporary world]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 47–76. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Kharitonova, V. I. (2018a) Narodnaia i traditsionnaia meditsina: vozmozhnosti integratsii meditsinskikh sistem, praktik i metodov v usloviakh sovremennoi Tuvy [Folk and traditional medicine: On the possibility of integrating medical systems, practices and methods in contemporary Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 4–29. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.1>

Blank, Sh. H. (1950–1951) The Curse, Blasphemy, the Spell, and the Oath. *Hebrew Union College Annual*, vol. 23, no. 1, pp. 73–95.

Fensham, F. Ch. (1962) Salt as Curse in the Old Testament and the Ancient Near East. *The Biblical Archaeologist*, vol. 25, no. 2, pp. 48–50.

Hann, Ch., Humphrey, C. and Verdery, K. (2001) Introduction. C. Hann (ed.) *Postsocialism: Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia*. London, Routledge. 360 p. Pp. 1–28. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203428115>

Humphrey, K. (1989) Perestroika and the pastoralism: The Example of Mongun-Taiga in Tuva ASSR. *Anthropology Today*, June, no. 5, pp. 6–10. DOI: <https://doi.org/10.2307/3032697>

Jay, T. (2000) *Why We Curse. A neuro-psycho-social theory of speech*. Massachusetts College of Liberal Arts, North Adams, Massachusetts. 328 p.

Lamazhaa, Ch. K. (2018) Indigenous Methodology and Research of Tuvan Culture. *Sibirica*, vol. 17, issue 3, pp. 68–82. DOI: <https://doi.org/10.3167/sib.2018.170307>

Temirgazina, Z. (2013) Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal*, no 24(6), pp. 822–825.

Zorbas, K. (2015) The Origins and Reinvention of Shamanic Retaliation in a Siberian City. *Journal of Anthropological Research*, vol. 71, no. 3, pp. 401–422. DOI: <https://doi.org/10.3998/jar.0521004.0071.304>

Zorbas, K. (2021) *Shamanic Dialogues with the Invisible Dark in Tuva, Siberia. The Cursed Lives*. Cambridge Scholar Publishing. 125 p.

Submission date: 15.12.2021.

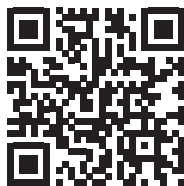
## **НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA**

*Электронный научный журнал*

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа.*  
Редактор переводов *В. С. Макаров.*

**№ 1, 2022**

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/53>



*Для иллюстрации обложки использована фотография Чимизы Ламажаа (Россия)*

Подписано к публикации 05.03.2022 г.

Объем - 34,37 п. л.

Эл. адрес: [article@tuva.asia](mailto:article@tuva.asia)

Отпечатано в типографии ИПК РУДН  
115419, Москва, Россия,  
ул. Орджоникидзе, д. 3.  
Тел.: +7 (495) 952-04-41; [publishing@rudn.ru](mailto:publishing@rudn.ru)